Анна Андреевна Зализняк, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН. Автор книг: «Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния». München: Otto Sagner Verlag, 1992; «Многозначность в языке и способы ее представления». М.: Языки славянской культуры, 2006; «Русская семантика в типологической перспективе». М.: Языки славянской культуры, 2013; в соавторстве с А. Д. Шмелевым: «Лекции по русской аспектологии». München: Otto Sagner Verlag, 1997 и «Введение в русскую аспектологию». М.: Языки русской культуры, 2000; в соавторстве с И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым: «Ключевые идеи русской языковой картины мира». М.: Языки славянской культуры, 2005 и «Константы и переменные русской языковой картины мира». М.: Языки славянской культуры, 2012; в соавторстве с И. Л. Микаэлян и А. Д. Шмелевым «Русская аспектология: в защиту видовой пары». М.: Языки славянской культуры, 2015. Руководитель проекта «Каталог семантических переходов в языках мира» (http://datsemshift.ru/).

Алексей Дмитриевич Шмелев, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, профессор кафедры русского языка МПГУ и кафедры общего языкознания ПСТГУ. Автор тринадцати книг и более 400 научных статей, посвященных актуальным проблемам современной русистики — от культуры русской речи, аспектологии и лексической семантики до прагматики, когнитивной лингвистики и концептуального анализа.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ И КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ

Анна А. Зализняк
А. Д. Шмелев

Анна А. Зализняк

А. Д. Шмелев

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ И КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. Виноградова РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ И КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2021

УДК 811.161.1
ББК 81.031
З 23

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 20-112-00276, не подлежит продаже

Рецензенты:
академик РАН В. А. Плунгян, д. ф. н. М. А. Кронгауз

Рекомендовано к печати Ученым советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
и Ученым советом Института языкознания РАН

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.

З 23 Исследования по русской и компаративной семантике. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. — 552 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907290-46-4

В книгу вошли статьи, написанные авторами совместно и по отдельности в период 1994–2019 гг.; часть из них публиковалась ранее в различных изданиях, другие публикуются впервые. Исследования посвящены различным аспектам русской семантики: анализируется значение слов и словосочетаний, приставок и словообразовательных моделей, значение дискурсивных слов и содержание дискурсивных и нарративных стратегий. При этом семантика в большинстве случаев рассматривается на фоне, в контексте или в перспективе аналогичных — в чем-то сходных, в чем-то различных — фактов основных европейских языков. Сравнение производится как на уровне этимологии или истории слов (в частности, путей заимствования или калькирования), так и с точки зрения собственно семантики и культурной прагматики; такой подход условно обозначен термином «компаративная семантика».

Книга адресована лингвистам, филологам и всем интересующимся русским языком.

УДК 811.161.1
ББК 81.031

В оформлении переплета использован этюд Анны А. Зализняк
«Куршская коса» (1974)

ISBN 978-5-907290-46-4

© Анна А. Зализняк, 2021
© А. Д. Шмелев, 2021
© Издательский Дом ЯСК, 2021

Оглавление

От авторов 7

Вместо введения

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Полисемия как фундаментальное свойство единиц языка 9

ЧАСТЬ I

1. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Время суток и виды деятельности 21
2. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. О том, чего нельзя сделать вместе 32
3. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. *Conveni, convici, convixi* 41
4. А. Д. Шмелев. «Общие» слова 58
5. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Компактность *vs.* рассеяние в метафорическом пространстве русского языка 76
6. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Homo jubilans 85
7. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт, пошлость, вранье* 96
8. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Конфликтный диалог и межкультурная коммуникация 116
9. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. *Льстить*: семантическая эволюция и актуальная полисемия 124
10. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. *Вздор*: слово и дело 132
11. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Как мы проводим дни и ночи 143
12. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Русское *разочарование* в европейском контексте 153
13. Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. О двух лингвоспецифичных единицах русского числового кода 163
14. Анна А. Зализняк. Заметки к лингвистической теории нарратива 178

ЧАСТЬ II

1. Анна А. Зализняк. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа . . . 195
2. Анна А. Зализняк. База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа . . . 207
3. А. Д. Шмелев. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» . . . 220
4. А. Д. Шмелев, Анна А. Зализняк. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов . . . 230
5. А. Д. Шмелев. Русские *авось* и *небось* revisited. . . . 241
6. Анна А. Зализняк. О семантической эволюции дискурсивных слов: русское *как раз* . . . 271
7. Анна А. Зализняк. *И все-таки она вертится* . . . 283
8. А. Д. Шмелев. Когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии . . . 290
9. Анна А. Зализняк. *Засветло* или *затемно*? К вопросу о месте энантиосемии в семантической деривации . . . 329
10. А. Д. Шмелев. Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: *тоска* . . . 346
11. А. Д. Шмелев. От (пре)мудрого до смешного, или еще раз о *хохме* и *остроумии* . . . 362
12. Анна А. Зализняк. *Разве*: от предлога к вопросительной частице. . . . 371
13. Анна А. Зализняк. *Кроме* и его производные. . . . 380
14. Анна А. Зализняк. Русское *как бы* в зеркале перевода. Памяти Н. Д. Арутюновой . . . 395

Вместо заключения

А. Д. Шмелев. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения?. . . . 429

Литература . . . 493
Указатель лексем . . . 517

От авторов

В книгу вошли тексты наших статей, написанных совместно в период 1994–2019 гг. (некоторые из них были воспроизведены в книге: *Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012), а также статей, написанных каждым из нас по отдельности после выхода этой книги или в нее не вошедшие; некоторые статьи были опубликованы в различных изданиях, другие публикуются впервые или представляют собой расширенный или переработанный вариант опубликованной ранее статьи (некоторые опубликованные ранее работы в настоящем издании воспроизводятся с небольшими изменениями). Исследования посвящены различным аспектам русской семантики: анализируется значение слов и словосочетаний, приставок и словообразовательных моделей, значение дискурсивных слов и содержание дискурсивных и нарративных стратегий. При этом семантика в большинстве случаев рассматривается на фоне, в контексте или в перспективе аналогичных фактов основных европейских языков. Сравнение производится как на уровне этимологии или истории слов (в частности, путей заимствования или калькирования), так и с точки зрения собственно семантики и культурной прагматики; такой подход мы условно обозначили термином «компаративная семантика». Исключение составляет статья «Conveni, convici, convixi», посвященная, в первую очередь, семантике латинской приставки *com-*; однако здесь нас также интересовали, прежде всего, природа полисемии данной приставки и механизмы взаимодействия ее семантики с семантикой глагольной основы — в латыни, а также в типологически близких в данном отношении языках, в том числе в русском.

Книга состоит из двух частей. Главы расположены в целом в соответствии с хронологическим порядком написания соответствующих статей, отражающим константы и переменные наших взглядов на русскую семантику и методы ее анализа на протяжении этих 25 лет. Перемены в наших методах касаются, прежде всего, использования начиная с середины 2000-х гг. электронных корпусов текстов. В первой части помещены исследования, выполненные, в основном, в период с середины 90-х до конца 2000-х гг.; значительная часть

из них была сделана в «докорпусную» эпоху. Исследования, помещенные во второй части книги, относятся к недавнему времени и в своем большинстве опираются на данные корпусов русских текстов, прежде всего — Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), в том числе — его параллельных подкорпусов, для использования которых в семантических исследованиях была разработана специальная методика. В работы, выполненные в «докорпусную» эпоху, в настоящем издании в некоторых случаях были добавлены примеры из НКРЯ, подтверждающие выдвинутые ранее тезисы.

Поскольку все рассматриваемые нами языковые единицы в той или иной степени полисемичны, в качестве введения мы поместили обобщающую статью «Полисемия как фундаментальное свойство единиц языка» (в которой были использованы материалы нашей статьи, предназначенной для энциклопедии «Brill's Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics»). В качестве заключения мы выбрали публикацию А. Д. Шмелева, написанную в форме ответа одному из наших оппонентов и посвященную ряду общих вопросов, имеющих принципиальное значение для наших исследований: вопросу о связи между языком и культурой, принципам разграничения между семантикой, лингвокультурологией, переводоведением и некоторым другим вопросам.

Публикуемые исследования в разное время поддерживались фондами РГНФ и РФФИ, в том числе: РГНФ, грант № 11-04-00105а «Эволюция русского лексикона в европейской лингвистической перспективе»; РФФИ, грант № 13-06-00403 «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка»; РФФИ, грант № 16-06-00339 «Контрастивное корпусное исследование дискурсивных слов русского языка»; РФФИ, грант № 17-29-09124 «Когнитивные механизмы семантической деривации в свете типологических данных»; РФФИ, грант № 19-012-00505 «Дискурсивные единицы русского языка: семантика и механизмы прагматикализации».

Подготовка к печати глав монографии, посвященных дискурсивным словам русского языка, осуществлялась при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00505.

Анна Зализняк, Алексей Шмелев

Вместо введения

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Полисемия как фундаментальное свойство единиц языка

Полисемия (от греч. πολύ 'много' и σῆμα 'знак, значение') — наличие у языковой единицы двух или более связанных между собой значений. Под *полисемией* обычно понимают лексическую полисемию, т. е. речь идет о многозначности лексической единицы: слова или морфемы (напр., слово *дерево* может обозначать вид растения или строительный материал, русская глагольная приставка *за-* может указывать на пространственную модификацию движения, завершение процесса, переход в состояние и др.). Возможна также грамматическая полисемия — многозначность грамматической формы: напр., творительным падежом в русском языке может обозначаться инструмент действия, субъект действия в пассивной или безличной конструкции, второй термин сравнения и др. Полисемия настолько типична для слов естественного языка, что относительно редким и нетипичным явлением можно считать моносемию — наличие у слова только одного значения. Моносемия характерна для научных терминов, некоторых имен натуральных классов, а также для слов с сильно ограниченной сочетаемостью. Так, слово *закадычный* используется только в сочетаниях с такими словами, как *друг*, *дружок*, *приятель*, *подружка*, *дружба* — как характеристика близких, неформальных дружеских отношений.

В современной лингвистике считается общепризнанным, что полисемия лексических единиц представляет собой фундаментальное свойство естественного языка, обеспечивающее осуществление его основных функций — когнитивной и коммуникативной. Исследование полисемии является центральной проблемой когнитивной лингвистики, которая занимается, в частности, вопросом о том, в какой форме хранится в нашей памяти значение многозначного слова. С другой стороны, способ представления полисемии является центральной проблемой лексикографии. (Вопрос о том, должно ли лексикографическое представление полисемии быть изоморфно системе хранения и пользования полисемией говорящим, остается открытым.)

При описании полисемии лексических единиц конкретного языка возникает две проблемы. С одной стороны, это проблема разграничения разных

значений одного слова: являются ли два различных типа его употребления разными лексическими значениями или разными реализациями одного и того же лексического значения? С другой стороны, возникает проблема разграничения полисемии и омонимии, т. е. случаев, когда разные значения принадлежат одному слову или разным (хотя и внешне тождественным) словам. Решение обеих проблем имеет принципиальное значение для лексикографии: омонимы представляют собой отдельные слова, и каждый из них имеет свой словарный вход; разные значения одного слова перечисляются в рамках одной словарной статьи. Для решения каждой из этих двух проблем разработан ряд критериев, однако результат их применения не всегда однозначен, и в сложных случаях выбор решения определяется установкой лексикографа.

1. Принципы разграничения полисемии и омонимии

Первым принципом является частеречная принадлежность: если два внешне тождественных слова принадлежат разным частям речи, то это омонимы, напр. русск. *печь* (существительное) и *печь* (глагол). Существенно, что в языках с развитой системой словоизменения (а к таким языкам относится большинство славянских языков) в таких случаях чаще всего речь идет о совпадении начальных форм слов — в других формах никакого внешнего тождества нет (ср. *печь*, *печи*, *печью*, с одной стороны, и *печь*, *пеку*, *печешь*, *пек*, *пекла* — с другой).

В том случае, когда некоторая единица плана выражения имеет разные значения, для слов одной части речи главным критерием полисемии является наличие между значениями семантической связи, которая дает основание считать эти значения принадлежащими одному слову. Эта связь может проявляться в наличии существенной общей части в толкованиях рассматриваемых значений. Так, у русского слова *блюдо* выделяются два значения: ‘предмет посуды, предназначенный для того, чтобы на него класть пищу, которая подается на стол’ и ‘определенным образом приготовленная пища’ (общая часть — ‘подаваемая на стол пища’). Однако общей части в толкованиях может и не быть; в таких случаях связь между исходным и производным значением осуществляется за счет компонента, который представляет собой коннотацию, т. е. признак, ассоциируемый с исходным значением. Так, у слова *свинья* в значении ‘животное’ имеются коннотации грубости, нечистоплотности, и эти коннотации выходят на первый план в том случае, когда слово *свинья* используется как характеристика человека.

Полисемия как свойство естественного языка обусловлена тем обстоятельством, что в определенных контекстных условиях значение языковой единицы может подвергаться тем или иным модификациям. Первоначально эти модификации не выходят за рамки окказиональных контекстно связанных употреблений, но по мере того, как они конвенционализуются, можно говорить о появлении у единицы нового значения. Так, слово *дворник* в русском языке обозначает работника при доме, обязанного поддерживать чистоту и порядок во дворе. Когда было изобретено устройство для механического вытирания смотрового стекла автомобиля, его тоже стали называть *дворник*, основываясь на сходной функции. Постепенно это наименование вошло в обиход, и тем самым у слова *дворник* (обычно — во мн. числе) появилось новое значение.

Главным критерием полисемии является этимологическое единство: полисемия возникает в ходе семантической эволюции одного слова, а омонимы — это, в первую очередь, исторически разные слова, чей фонетический облик совпал в силу произошедших исторических изменений или если заимствованное слово внешне совпало с уже имеющимся в языке. Соответственно, разность происхождения является наиболее надежным признаком омонимии. Так, например, омонимами являются болг. *чест* 'честь' (из **čьstь*) и 'частый' (из **čęstъ*), русское *брак* 'недоброкачественный продукт производства' (заимствование из средненижненемецкого через посредство польского) и *брак* 'супружество' (из праславянского **borkъ*, от *bьrati*).

Незначительную долю исключений составляют случаи вторичного схождения, т. е. случаи, когда фонетическое совпадение разных по происхождению слов влечет за собой их семантическое сближение, в результате которого на синхронном уровне они могут трактоваться как разные значения одного слова (это явление называется лексико-семантической контаминацией). Например, русское *вал* 'большое и обычно высокое сооружение из земли, песка или снега' и *вал* 'большая и обычно высокая волна' имеют разное происхождение: первое представляет собою заимствование из немецкого (*Wall*), второе восходит к общеиндоевропейскому корню — тому же, к которому с другой ступенью вокализма восходит слово *волна*. Однако большинство толковых словарей рассматривает эти значения как принадлежащие одному многозначному слову на основе внешнего сходства обозначаемых объектов.

Более сложным примером лексико-семантической контаминации может служить церковнославянское слово *смиреніе*. Для передачи смысла греческих слов ταπεινὸς 'humilis', ταπείνωσις 'humilitas' в ранних церковнославянских текстах использовались слова с корнем *мѣр-* ('мера'): ср. примеры из Киево-Печерского патерика: *дѣлати съ всякыимь съмѣрениемь* 'работать со всяким смирением'; *бѣ же съмѣренъ сьрьдцьмь* 'был он смирен сердцем'. Но вследствие

контаминации с корнем *мир-* слова, соответствующие греческим ταπεινὸς ‘humilis’ и ταπείνωσις ‘humilitas’, стали передаваться как *смиренъ* и *смиреніе*, напр. *Госпо́дь го́рдымъ проти́вится, смире́ннымъ же дае́тъ благода́ть* (в греческом оригинале: ὁ θεὸς ὑπερηφάνοις ἀντιτάσσεται ταπεινοῖς δὲ δίδωσιν χάριν). В результате в современном церковнославянском языке слово, передающее греческое ταπείνωσις ‘смирение’, совпало со словом *смиреніе*, которое иногда использовалось также для перевода греческого εἰρήνη ‘мир’, напр. в следующих евангельских отрывках в принятом в настоящее время переводе: *мо́лится о смире́ніи* (в греческом оригинале: ἐρωτᾷ τὰ πρὸς εἰρήνην, Лк. 14:32); *во смире́ніи су́ть имѣ́нія его́* (ἐν εἰρήνῃ ἐστὶν τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ, Лк. 11:21). Возникновение семантической связи между значениями ‘смирение’ и ‘мир’ обусловлено оттенком ‘примирения с действительностью’, характерным для восточнохристианского и особенно русского понимания ‘смирения’, появившимся, возможно, именно в силу звукового сходства. Тем самым слово *смиреніе* в современном церковнославянском языке следует считать многозначным, и его полисемия должна рассматриваться как результат лексико-семантической контаминации.

Этимологический критерий разграничения омонимии и полисемии не является универсальным. Во-первых, происхождение слова не всегда бывает очевидно. Во-вторых, возможен распад полисемии — когда расхождение между значениями одного слова в ходе семантической эволюции становится столь велико, что между ними не остается ничего общего; этот процесс обычно сопровождается расхождением также в грамматических свойствах. Так, в современном русском языке принято считать омонимами (исторически единые) слова *мир* ‘pax’ и *мир* ‘mundus’; между тем они оба восходят к общеславянскому *mirъ* ‘гармония, лад’. Признание их омонимами обусловлено тем, что в современном языке между ними трудно усмотреть какую-либо семантическую связь.

Процесс распада полисемии в истории языка происходит постепенно, и это в ряде случаев осложняет отграничение омонимии от полисемии. Так, некоторые словари русского языка признают *ярый* ‘яростный, страстный’ и *ярый* ‘сверкающий, светлый’ омонимами, тогда как другие словари подают соответствующие значения как значения полисемичного прилагательного. Сходные расхождения наблюдаются в русских словарях в отношении единиц *долг* ‘моральное долженствование’ и *долг* ‘взятое взаймы’.

Одним из признаков, позволяющих заключить, что мы имеем дело с полисемией, а не с омонимией, может считаться возможность «диффузного» употребления языковой единицы, т. е. некаламбурного совмещения значений, которые естественно считать различными. Канонические, типовые значения выделяются обычно на основании ясных, контрастных случаев. В текстах же мы часто сталкиваемся с употреблениями, которые даже при наличии

максимально широкого контекста не удается со всей однозначностью отнести к одному из выделенных значений. Так, у русского слова *пример* имеется два класса употреблений: образец для подражания (*следовать примеру отца, подавать кому-л. пример*) и факт, подтверждающий некоторое утверждение (*Поясню это на простом примере*), которые различаются моделью управления, сочетаемостью и синонимическими связями. Однако естественный язык устроен таким образом, что значения, противопоставленные в одних контекстах, в других могут быть выражены одновременно; так, в предложении *Меня воспитывали на разных положительных примерах* выражены одновременно оба значения. У русского слова *чай*, среди прочих, можно выделить такие значения, как 'растение', 'высушенные листья этого растения', 'напиток, приготовленный из этих листьев'. Однако в предложении *Она угощала нас чаем, выращенным на плантациях Индии* одновременно выражаются значения 'растение' и 'напиток'. Возможность некаламбурного совмещения значений составляет достаточное, но не необходимое условие того, чтобы считать, что выделенные значения принадлежат одной лексической единице, т. е. что мы имеем дело с полисемией, а не омонимией, так как для многих явно полисемичных лексических единиц трудно или невозможно подобрать примеры диффузного употребления.

Случаи возможного совмещения значений в определенных контекстах следует отличать от случаев синкретизма (vagueness) — факта последовательного неразличения данным языком двух значений, выражаемых в других словах разными словами; так, русск. *рука* соответствует в английском языке двум словам — *arm* и *hand*; русск. *плавать* — словам *to swim*, *to sail* и *to float* (обозначающим разные виды плавания); наоборот, англ. *mother-in-law* — русск. *теща* и *свекровь*; во многих языках 'старший брат' и 'младший брат' обозначаются разными словами и т. д. Явление синкретизма представляет интерес с точки зрения лексической типологии; в толковых словарях наличие такого рода совмещения обычно не считается основанием для разграничения соответствующих лексических значений.

2. Холистический и атомистический подход к описанию полисемии

Существует два в некотором смысле противоположных подхода к описанию полисемии, которые можно обозначить как «холистический» (акцентирующий единство слова, т. е. то общее, что имеется во всех его основных значениях) и «атомистический», который стремится максимально последовательно

разграничить различные типы употребления слова, представив каждое из них как отдельное значение (отдельную языковую единицу).

При **холистическом** подходе предполагается, что у слова имеется некоторое «общее», или «инвариантное» (по Якобсону), значение, которое реализуется в конкретных употреблениях в форме его «вариантов»; в российской лингвистической традиции широко используется введенный А. И. Смирницким в начале 50-х гг. XX в. термин «лексико-семантический вариант». Холистический подход предполагает обращение к ненаблюдаемой семантической сущности, находящейся на ином уровне абстракции и требующей иного метаязыка, чем тот, который используется при лексикографическом описании. Начиная с 70-х гг. прошлого века получил широкое признание подход, основанный на понятии «прототипа», введенного в работах Элеанор Рош. Основная идея прототипной теории значения (Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Д. Герартс и др.) состоит в том, что значение слова включает центр и периферию. В центре находятся употребления, включающие полный набор признаков, характеризующих «прототип» данного значения, на периферии — употребления, включающие только некоторые из них; при этом периферийные употребления не образуют отдельных значений. Так, употребления типа *приемная мать* или *суррогатная мать* не являются основанием для выделения особого значения у слова *мать*.

Несколько иная идея лежит в основе современного когнитивного подхода к исследованию полисемии, центральным понятием которого является «образ-схема», или «топологическая схема» (англ. *image schema*): картинка, позволяющая, по предположению, когнитивно адекватным образом представить значение слова и, одновременно, структуру его многозначности: разные значения «выбирают» (профилируют, выдвигают на первый план) разные части схемы в качестве центральных, оставляя прочие за пределами поля зрения или на его периферии (М. Джонсон, Л. Талми, Р. Лангакер, Л. Янда и др.). Согласно этому подходу, значения языкового выражения образуют категорию, имеющую радиальную структуру, в которой центральный элемент связан со всеми остальными посредством трансформаций образ-схемы (т. е. ментальных операций, позволяющих говорящему связать концептуально близкие конфигурации как варианты одной базовой образ-схемы).

Атомистический подход восходит к идеям А. А. Потебни и Л. В. Щербы о том, что слово в каждом из своих значений является по существу отдельным словом. В некотором смысле реализацией этой идеи является введенный основателями Московской семантической школы термин «лексема», обозначающий слово в одном из имеющихся у него значений как самостоятельную единицу лексикографического описания (см. [Апресян 1974; 2010; Meľčuk

1988]). Каждая «лексема» обладает совокупностью свойств — семантических (синонимы, антонимы, дериваты и т. д.), грамматических (отсутствие или особенность тех или иных грамматических форм: напр., у слова *долг* в значении 'нравственная необходимость' отсутствует форма мн. числа; у слова *лист* <бумаги> мн. число — *листы*, у *лист* <на дереве> преимущественно *листья*), а также комбинаторных, коммуникативно-просодических и прагматических свойств. Соответственно, два употребления данного слова считаются принадлежащими разным «лексемам», если они различаются какими-то из перечисленных свойств и при этом одно из них не может быть получено из другого с помощью простого правила. Так, русский глагол *казаться* может обозначать как не полностью уверенное мнение (*Мне кажется, ты чем-то недоволен*), так и определенно ошибочное мнение (*Тебе это кажется*); эти два значения различаются просодически: в первом случае глагол безударен, во втором — несет на себе фразовое ударение.

3. Отношения между значениями полисемичного слова

Разные значения одного слова обычно бывают связаны между собой отношениями семантической деривации. Как показали исследования последних десятилетий [Nunberg, Zaenen 1992; Pustejovski 1995; Падучева 2004; Кустова 2004], механизмы семантической деривации обладают определенной регулярностью, что обеспечивает системность лексикона.

Некоторые из них были известны еще с античности как риторические фигуры, или тропы. Главным механизмом семантической деривации является метафора (из греч. μεταφορά 'перенос'; «переносными» и сейчас еще называют именно метафорические производные значения). Метафора — это перенос по сходству, чаще всего, из области физических явлений в область абстрактных понятий, ср. *открыть дверь* и *открыть закон*, *острый нож* и *острый ум*. Многие языковые единицы с темпоральным значением представляют собой пространственную метафору (ср. *перед домом* и *перед обедом*, *короткая юбка* и *короткая встреча*). Метафора пронизывает весь лексикон — все части речи и все функциональные стили. Второй важнейший механизм семантической деривации — метонимия, т. е. перенос на основании наличия между предметами пространственной или временной смежности. Так, русск. *остановка* означает: 'временное прекращение движения транспортного средства'; 'место, на котором оно производится'; 'расстояние между двумя такими местами'. В течение XX в. подробно изучались также такие типы семантических сдвигов,

как сужение и расширение значения, приобретение оценочного компонента, гипо- и гиперонимические переносы (перенос с обозначения класса на одного из представителей класса и наоборот), перенос с параметра на его маркированное значение (ср. ‘температура’ — ‘высокая температура’ у слова *температура*), конвенционализация коннотации (ср. *свинья*, *осел*), конвенционализация импликатуры (напр., русс. *ничего* может означать ‘нормально, хорошо’: из того, что не произошло ничего, следует, что, в частности, не произошло ничего плохого), смена таксономического класса актанта и др.; наиболее полный список типов семантических сдвигов, порождающих полисемию, приводится в [Апресян и др. 2019].

Наибольшей регулярностью обладают некоторые типы метонимических переносов. Метонимический сдвиг происходит вследствие переноса фокуса внимания на объект, «смежный» с данным; так, для любого помещения или населенного пункта имеется регулярный семантический переход к значению ‘люди, находящиеся в данном помещении / жители данного населенного пункта’ (ср. *весь город вышел на митинг*). Метонимическими являются также переносы ‘животное’ → ‘мех животного’ (ср. *норка*, *песец*, *соболь*), ‘предмет одежды’ → ‘человек в такой одежде’ (ср. *желтые жилеты*), ‘действие’ → ‘занимаемый им временной промежуток’ (ср. *она всю поездку молчала*) и множество других, см. список типов регулярной многозначности в [Апресян 1974: 193–215], а также типы метонимических переносов в [Падучева 2004: 160–168]. В некоторых случаях такие сдвиги приводят к появлению нового лексического значения.

В общем случае семантическая производность обладает свойством мотивированности, но не обладает свойством выводимости. Однако здесь имеет место другой тип регулярности, обнаруживающий себя в воспроизводимости одной и той же модели семантической деривации в разных языках (см. раздел 4).

С точки зрения структуры отношений семантической производности между значениями многозначного слова различают радиальную и цепочечную полисемию. При радиальной полисемии разные производные значения образованы от одного и того же исходного; так, например, у слова *лагерь*, основное значение которого — ‘временная стоянка войск вне населенных пунктов’, имеется три производных от него значения: ‘место временной стоянки или поселения вне населенных пунктов’ (о туристах, геологах и т. п.; ср. *спортивный лагерь*, *летний лагерь*), ‘место содержания заключенных’, ‘идейная или политическая группировка’. При цепочечной полисемии производные значения образуются последовательно одно от другого, ср. для слова *вагон*: ‘часть железнодорожного состава’ → ‘содержимое вагона’ (*вагон дров*) → ‘очень много’ (*вагон проблем*). Сильномногозначные слова обычно имеют сложную структуру полисемии, совмещающую оба типа (радиально-цепочечная полисемия).

В словаре значения многозначного слова должны быть линейно упорядочены. В качестве главного (первого) значения при лексикографическом описании обычно выбирается значение, наименее синтагматически (контекстно) связанное. Так, для глагола *смотреть* наименее контекстно связанным является значение 'направлять взгляд, чтобы увидеть' (*смотреть в окно*, *смотреть на звезды*, *смотреть вдаль*); прочие значения реализуются в более жестких контекстных условиях: в сочетании с предлогом *на* и обстоятельством образа действия — значение 'квалифицировать нечто определенным образом' (*Я смотрю на это просто*), в сочетании с предлогом *за* — значение 'иметь попечение, осуществлять надзор' (*смотреть за ребенком*), а в конструкции с прямым дополнением — значение 'быть зрителем' (*смотреть фильм*).

Отношение семантической производности и порядок упоминания значений в словаре часто не совпадают, так как исторически первичное значение может выходить из употребления. Так, для прилагательного *худой* основным является значение 'тощий', исторически производное от исходного значения 'плохой', для современного языка ушедшего на периферию; от того же исходного значения 'плохой' произошло другое периферийное для современного русского языка значение — 'дырявый'. Прилагательное *красный* исходно означало 'красивый', однако основным для современного языка является производное от него значение 'красный', а значение 'красивый' сохраняется лишь в некоторых устойчивых сочетаниях и является стилистически окрашенным. При этом другие славянские языки (болг. *красен*, серб. *красан*, словен. *krásný*, слвц. *krasny*, польск. *krasny*, в.-луж. *krasny* 'красивый', н.-луж. *kšasny*) сохранили первоначальное значение 'красивый'.

4. Полисемия и семантическая эволюция; типология полисемии

В последние десятилетия получил распространение синкретичный подход к изучению полисемии, включающий когнитивный, диахронический и типологический аспекты [Sweetser 1990; Koch 2001; Traugott, Dasher 2002; Zalizniak et al. 2012; Juvonen, Koptjevskaja-Tamm (eds) 2016 и др.]. Современная семантика характеризуется преодолением господствовавшего в эпоху структурализма противопоставления синхронии и диахронии: сегодня можно считать общепринятым представление, что семантическая эволюция и синхронная полисемия — это две стороны одного и того же явления. Семантическая эволюция включает этап синхронной полисемии: у некоторого слова,

имеющего значение А, появляется контекстно обусловленное значение В, которое впоследствии освобождается от контекстной зависимости; если далее значение А исчезает, то ретроспективно эта ситуация может быть обозначена как «переход» значения А в значение В.

Как было установлено в ходе исследований в области этимологии и исторической семантики, семантическая эволюция в разных языках идет в значительной степени одними и теми же путями. Так, в самых разных языках мира глагол со значением 'видеть' приобрел значение 'знать', глагол со значением 'хватать' приобрел значение 'понимать' (напр., русск. *понять* происходит от др.-русск. *пояти* 'схватить', франц. *comprendre* 'понимать' — из лат. *comprehendere* 'схватить'); ср. также соотношения между когнатами — словами общего происхождения одного языка или близкородственных языков, напр. русск. *видеть* и *ведать*, русск. *хапать* и чешск. *chápat* 'понимать'. При этом те же соотношения обнаруживаются в рамках синхронной полисемии в форме «колексификации» (термин введен в [François 2008]), см., в частности, базу данных CLICS: https://clics.clld.org/). Так, англ. глаголы *to grasp* и *to catch*, франц. *saisir*, итал. *afferare*, русск. *схватывать* и *уловить*, польск. *pojmować*, хорв. *hvatati*, греч. καταλαμβάνω и многие другие глаголы в языках различных семей и ареалов имеют синхронно оба значения — прямое 'схватить' и переносное 'понять'.

Регулярные соотношения, обнаруживающие себя как в синхронной полисемии, так и в путях диахронической семантической деривации, могут быть объединены под названием *семантического перехода*, представляющего собой расширение понятия полисемии в диахроническом и диалектном измерении (см. [Zalizniak et al. 2012; Zalizniak 2018]; созданная на основании этого принципа база данных семантических переходов в языках мира доступна по адресу http://datsemshift.ru). Например, семантический переход 'воскресенье' → 'неделя' имеет место в диахроническом измерении в русском языке и в диалектном — между когнатами близкородственных русского и украинского языков: русское слово *неделя*, исходно обозначавшее 'воскресенье', т. е. нерабочий день (от *не* + *делать*), впоследствии, в силу действия механизма метонимического переноса, стало обозначать смежный временной промежуток — от одного воскресенья до другого, т. е. неделю. В украинском языке *неділя* — это по-прежнему 'воскресенье'.

Факт независимого воспроизведения одних и тех же семантических переходов в разных языках свидетельствует о существовании определенных когнитивных механизмов семантической деривации, обеспечивающих полисемию как фундаментальное свойство языка.

Часть 1

Глава 1

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Время суток и виды деятельности*

Обоим авторам статьи приходилось отмечать про себя некоторую неуместность приветствия «Доброе утро!», с которым многие западные слависты, даже хорошо знающие русский язык, обращаются к своему коллеге из России, встречая его на работе до полудня. Как мы постараемся показать, эта неуместность вызвана не просто различием в употреблении этикетных формул, но коренится непосредственно в значении слова *утро.*

Часто обращают внимание на то, что границы между временами суток не совпадают в представлении носителей разных языков. Так, для говорящих на английском или французском языке утро (*morning*, *matin*) — это часть суток от полуночи до полудня (ср. англ. *one in the morning*, франц. *une heure du matin*); для носителей русского языка время, непосредственно следующее за полуночью, — это ночь, а не утро, ср. *час ночи*, *два часа ночи*, но не: **час утра*, **два часа утра.* Однако такого рода поверхностными различиями специфика представлений о времени не исчерпывается. Чрезвычайно важной, на наш взгляд, является та особенность русской языковой картины мира, что в ней языковое обозначение времени суток в значительной степени определяется деятельностью, которая его наполняет. Обоснованию этого тезиса и посвящена настоящая статья.

Данные русского языка позволяют восстановить соответствующий фрагмент языковой картины мира следующим образом. День заполнен деятельностью; утро начинает дневную деятельность, а вечер кончает; ночь — это как бы «провал», перерыв в деятельности. Ночью нормально человек спит; утро для человека наступает, когда он просыпается после ночного сна. Если же человек ночью не спал, то утро наступает, когда просыпаются окружающие люди (или природа) и вокруг возобновляется жизнь.

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 1997а].

Представление об утре как о начале дня (а о вечере как о конце) отражено в метафорах, связанных со словами *утро* и *вечер.* Так, в стихотворении Пушкина «Телега жизни» выражение *с утра* отсылает к молодости (началу жизни), а *под вечер* — к старости (концу):

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!..

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

Впрочем, это представление не является специфичным для русского языка. Та же метафора использована, например, в знаменитой загадке, загаданной Сфинксом Эдипу: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех?»

Связь утра с идеей начала, а вечера — с идей конца проявляется в сочетаемости соответствующих слов русского языка. Мы говорим *рано утром*, *поздно вечером*, *поздно ночью*, но не говорим **рано днем*, **рано ночью.* По-видимому, дело в том, что параметры 'рано' и 'поздно' применяются к суткам в целом, а не к отрезкам, обозначаемым словами *утром*, *вечером*, *ночью.* Сами наречия *рано* и *поздно* имеют при этом особое значение: 'в начале' и 'в конце' — а не 'раньше нормы' и 'позже нормы', как при независимом употреблении (ср.: *Он рано начал говорить, поздно женился, рано умер*; *Он лег спать рано, а проснулся поздно* понимается как то, что он лег спать вечером раньше, чем обычно ложатся, а проснулся утром позже, чем обычно просыпаются). Итак, *рано утром* значит 'в самом начале (дня)', а *поздно вечером* и *поздно ночью* — 'в самом конце (дня или суток)'. Наоборот, сочетания *рано вечером* и *поздно утром*, использованные, например, в стихотворении Л. Мартынова «Первый снег», звучат странно и находятся на грани допустимости:

Ушел он рано вечером,
Сказал: «Не жди. Дела...»
...
Вернулся поздно утром он
В двенадцатом часу...

Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом же значении обладают более свободной сочетаемостью:

(1) Я в этот день почти не обедал и с *раннего вечера* просидел у одного инженера (Дост., БАС).

(2) *Поздним утром,* когда... над избами столбами поднимался лиловый дым, в деревню ворвались пять троек с колокольчиками (Гладк., БАС).

Прилагательные *ранний* и *поздний* имеют те же два значения, что и наречия *рано* и *поздно:* 'наступивший раньше / позже нормы' и 'начинающийся' / 'приближающийся к концу'. При этом здесь имеется определенный параллелизм в обозначении трех типов временных циклов: сутки, год и человеческая жизнь. В первом значении ('наступивший раньше / позже нормы') прилагательные *ранний* и *поздний* сочетаются с обозначением любого события, приуроченного, в нормативной картине мира, к определенному времени суток, времени года или возрасту. Так, *поздний ужин* означает ужин, происходящий позже некоторого нормального для ужина времени дня, *ранние холода* — холода, наступившие в этом году позже обычного, *ранний брак* — вступление в брак раньше того возраста, когда люди обычно женятся, и т. д. Прилагательные *ранний* и *поздний* в этом значении могут применяться также к временам года и к жизненным фазам, ср.: *ранняя старость* (старость, наступившая раньше положенного срока), *поздняя весна* и т. п. В сочетаниях типа *раннее прощанье* или *поздние слова* имеется в виду несоответствие некоторому предполагаемому или желаемому сроку (вместо нормы выступает соотношение с некоторым другим событием).

В значении 'начинающийся' / 'приближающийся к концу' прилагательное *ранний* сочетается со словами *утро*, *весна*, *детство*, *молодость*, а *поздний* — со словами *вечер*, *ночь* и *осень* (о сочетаниях *ранний вечер* и *позднее утро* см. выше; вместо *поздняя старость* по-русски говорят *глубокая старость*, а сочетания *глубокая ночь* и *глубокая осень* существуют наряду с *поздняя ночь* и *поздняя осень*). Слова *день*, *лето* и *зрелость* не сочетаются ни с тем, ни с другим прилагательным: во всех трех временных циклах этот срединный этап концептуализируется как «плато», т. е. как нечто статическое, неизменное на всем своем протяжении, неградуируемое — в отличие от «начальных» (утро, весна, молодость) и «конечных» (вечер, осень, старость) этапов.

Характерны также сочетания *с самого утра* (ср. *с самого начала*) и *до самого вечера*, *до самой ночи* (ср. *до самого конца*); *до самого утра* значит ‘до начала следующего дня’ — поскольку, как мы постараемся показать дальше, в бытовом представлении именно утром проходит граница между сутками.

Русский язык располагает средствами для весьма детализированного обозначения первой части суток — ср. выражения *утром*, *поутру*, *с утра*, *под утро*, *к утру*, *утречком*, *с утречка* (*с утреца*), выбор между которыми производится, в частности, в зависимости от того, чем человек занимался до и чем предполагает заниматься после наступления этого времени суток.

Утром является наиболее общим по смыслу выражением.

(3) Я знаю, век уж мой измерен; / Но чтоб продлилась жизнь моя, / Я *утром* должен быть уверен, / Что с вами днем увижусь я (Пушкин).

(4) Я объяснюсь с ним завтра *утром,* скажу, что люблю другого, и навсегда вернусь к тебе (Булгаков).

(5) Шел бой. Каждый день он начинался *утром* при бледном свете снега, а кончался при желтом мигании пылкой лампы «молнии» (Булгаков).

Наречие *утречком* — близкий синоним к *утром,* отличающийся от последнего стилистической окраской: употребление слова *утречком* вносит в высказывание оттенок бодрости и имеет целью передать хорошее настроение говорящего[1]. Ср. (6) и сомнительное (7):

(6) Я *утречком* хотел бы сбегать на речку искупаться.

(7) ??Завтра *утречком* я хотел бы подольше поспать.

Остальные выражения разбиваются на две группы. Наречия *наутро*, *поутру* (в большинстве употреблений), *с утра* и *с утречка* используются при локализации во времени ситуаций, только что возникших или возобновившихся после перерыва на ночь. Наоборот, выражения *под утро* и *к утру* допустимы, лишь когда речь идет о продолжении ситуации, которая занимала непосредственно предшествующий период времени, т. е. ночь. Например: *жара спала лишь под утро* (*к утру*), но не **с утра*; *Вечером пили вино, а с утра — коньяк* (был перерыв; скорее всего, ложились спать), но: *Вечером пили вино, а под*

[1] Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса по отношению к *утру* означает готовность и желание приступить к дневной деятельности, началом которой является утро; отсюда — оттенок бодрости.

утро — коньяк (пили без перерыва или, во всяком случае, не ложились спать). Ср. также: *Вещи они собрали под утро* (собирали всю ночь) и *Вещи они собрали с утра* (начали и кончили собирать утром).

С утра[2] отличается от других выражений тем, что здесь наиболее отчетливо проступает семантический компонент 'начиная день'; ср.:

(8) *С утра,* свой тусклый образ брея, глазами в зеркало уставясь, я вижу скрытного еврея и откровенную усталость (Губерман).

(9) Ты поедешь на дачу *с утра?* — Нет, мне надо еще сначала приготовить обед.

(10) Я, *с утра* угадав минуту, / Когда ты ко мне войдешь, / Ощущала в руках согнутых / Слабо колющую дрожь (Ахматова).

(11) Она приходила ко мне каждый день, а ждать я ее начинал *с утра* (Булгаков).

(12) Что за дом у нас такой! И этот *с утра* пьяный (Булгаков).

Соответственно, предложение *Он пришел с утра* не может быть понято как 'пришел домой': если человек приходит домой утром, то этим он не начинает новый день, а заканчивает предыдущий. С другой стороны, *Он пришел на работу* (*в гости*) *с утра* означает, что он начал день с того, что пришел на работу (в гости). По той же причине нельзя сказать **Он вернулся с утра.* Наоборот, *Он ушел с утра* понимается как 'ушел из дома', а не 'из гостей'.

В указанном отношении *с утра* противопоставлено выражению *под утро*, в котором заключена идея 'заканчивая предшествующий день'. Поэтому *Иван пришел под утро* нормально понимается как сообщение о возвращении домой, причем одновременно указывается, что отсутствие Ивана дома затянулось на всю ночь. Надо сказать, что *пришел под утро* уже содержит некоторую негативную оценку, так как в нормативную картину мира входит представление о том, что ночью человек находится дома (и при этом спит). О человеке, приехавшем из командировки — даже если это было в полшестого утра, — странно было бы сказать *Он вернулся под утро.*

Как уже говорилось, в отличие от остальных выражений *под утро* и *к утру* употребляются при описании ситуации, продолжающей то, что длилось

[2] Следует отличать наречное выражение *с утра* от сочетания существительного с временным предлогом *с* (ср. *с пяти часов, с понедельника*); так, предложение *Он с утра ничего не ел* имеет два понимания: 'ничего не ел утром' (понимание с наречным выражением) и 'утром поел, а с тех пор ничего не ел' (существительное с предлогом, ср. *не видел его с октября прошлого года).* Выражение *с утра до вечера* содержит сочетание существительного с предлогом.

в течение ночи. Наречное выражение *к утру*, в общем, наследует значение свободного сочетания существительного с предлогом, ср. *к пяти часам*, *к первому сентября* и т. п.

(13) *К утру* буря утихла.

(14) ...всю ночь, бедненькая, не спала и заснула только *к утру* (Писем., БАС).

(15) Мы все переломали ноги, и нас разбросало по склону. У меня, кажется, сломана только нога. *К утру* сползлись к обломкам самолета восемь человек (Аксенов).

(16) Недели через две получил «Новый мир» среди дня распоряжение из ЦК: *к утру* представить ни много ни мало — 23 экземпляра повести (Солженицын).

(17) *Под утро*, когда устанут влюбленность и грусть и зависть, // и гости опохмелятся и выпьют воды со льдом (Галич).

(18) Заснул он *под утро*, а когда проснулся и вспомнил сцену с женой, быстро привел себя в порядок и, выпив чаю, поспешил уйти от неизбежного объяснения (Горький).

(19) А у меня — слеза, // жидкая бирюза, // просыхает *под утро* (Бродский).

Между *под утро* и *к утру* имеется, кроме того, различие в фокусе внимания: употребляя выражение *под утро*, говорящий рассматривает ситуацию в ее связи с предшествующим процессом, как завершающую этот процесс; у *к утру*, наоборот, в фокусе внимания находится результирующее состояние, влияющее на ход дальнейших событий. Ср. *Буря утихла только под утро* (важно, что продолжалась всю ночь), но *К утру туман рассеялся и вдали показались горы.* Именно поэтому *к утру* может локализовать состояния и те события, результатом которых является некоторое состояние (ср.: *К утру он был совершенно трезв / знал уже все подробности этого происшествия*; см. также примеры (14), (15), но не **К утру произошло нападение*); это, однако, не может быть процесс: соответственно, предложение типа *Гости расходились к утру* имеет только узуальное прочтение. Наоборот, *под утро* может локализовать события и процессы (ср. *Гости разошлись / расходились под утро*), но не состояния (поскольку, как уже было сказано, *под утро* фиксирует внимание на предшествующем процессе): нельзя сказать **Под утро он был мрачен* (надо — *стал* или *сделался*).

Наречие *наутро* отличается от других выражений тем, что содержит отсылку к некоторой ситуации, имевшей место ранее: *наутро* означает ‘утром следующего дня (после ночного перерыва)’. Употребление слова *наутро* бывает

уместно, только если в поле зрения участников коммуникации находятся события предшествующего дня (например, упоминаются в тексте). Ср.:

(20) Как я пишу легко и мудро! Как сочен звук у строк тугих! Какая жалость, что *наутро* я перечитываю их! (Губерман).

(21) *Наутро* больному стало лучше [т. е. либо после сна, либо после перерыва в наблюдении].

(22) А *наутро* она уж улыбалась // Перед окошком своим, как всегда (песня).

(23) К ночи они достигли подножия западных склонов и здесь разбили лагерь. [...] *Наутро,* впервые после того, как они оставили Четвуд, они увидели тропу (Стругацкие).

По той же причине *наутро* нормально не употребляется для обозначения утра сегодняшнего дня; ср. (24) и (25):

(24) Как-то раз мы поздно сидели и громко разговаривали, а *наутро* соседка сделала мне реприманд.

(25) Вчера мы сидели и разговаривали, а сегодня *утром* (**сегодня наутро*) соседка сделала мне реприманд.

Однако при смене режима повествования это ограничение снимается: *Сидим мы вчера, разговариваем, а наутро встречаю я соседку*, и т. д.

Слово *поутру* имеет два класса употреблений. Чаще всего оно выступает как синоним *наутро,* т. е. значит ‘утром следующего дня’. Например:

(26) Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила. Слава богу, *поутру* явилась возможность ехать, и я оставил Тамань (Лермонтов).

(27) А *поутру,* когда всходило солнце, // В приморском кабаке в углу матрос рыдал (песня) [имеется в виду: на следующее утро после только что описанных событий].

(28) А *поутру* они проснулись: // Вокруг примятая трава (городской романс).

(29) А *поутру* пред эскадроном // Я снова буду трезв и прям, // Отсалютую эспадроном, // Как будто вовсе не был пьян (песня).

Однако для слова *поутру* возможно, особенно в поэтическом тексте, и более широкое значение ‘утром’; в этом значении *поутру* имеет разговорную или архаическую окраску. Ср.:

(30) А однажды *поутру* // Прискакала кенгуру (К. Чуковский).

(31) А гадость пьют из экономии, // Хоть *поутру*, да на свои (Высоцкий).

(32) И сам не знает *поутру*, куда поедет ввечеру (Пушкин).

В разных языках, а также в разных подсистемах внутри одного языка границы между временами суток проводятся по-разному; различным может быть также момент, который считается началом новых суток.

Так, началом новых суток может считаться:

1) заход солнца (библейское представление);
2) наступление полуночи (официально-юридическое);
3) момент пробуждения человека после ночного сна (бытовое).

Официальная граница суток используется, например, при указании времени отправления поезда; при переводе на бытовой язык эта граница естественным образом сдвигается. Так, если на билете указано время отправления поезда, например, 10 августа, ноль часов тридцать минут, то 9-го числа мы говорим: «Я уезжаю сегодня в половине первого ночи» — или, если речь идет о более отдаленном будущем: «...в ночь с девятого на десятое». Официальная граница суток используется в быту только отдельными педантами, которые настаивают, что после полуночи вместо «завтра вечером» следует говорить «сегодня вечером».

Библейское представление о границе суток (сутки начинаются с захода солнца) регулирует порядок богослужений, при этом в бытовой речи оно практически не используется. Даже священник, объявляя расписание богослужений, говорит: «В субботу вечером мы будем служить воскресную всенощную». С расхождением между бытовым и библейским представлением о границе суток связано недоразумение, случившееся с сыном одного из авторов, которого звали в гости *в субботу вечером*, что, как выяснилось впоследствии, для хозяев, ортодоксальных евреев, означало временной интервал, который бытовым языком обозначается как *вечером в пятницу*.

Обозначение времени суток в русской языковой картине мира, как уже упоминалось, зависит от того, какой деятельностью оно заполнено — в отличие от западноевропейской модели, где, скорее, наоборот, характер деятельности, которой надлежит заниматься, детерминируется временем суток. «Jetzt wird

gefrühstückt: jedes Ding hat seine Zeit»[3], — говорит героиня оперы «Кавалер Роз» в ответ на порыв страсти, охвативший утром ее юного любовника.

Соответственно, в большинстве европейских стран день структурируется «обеденным перерывом», который носит универсальный характер и расположен в интервале от 12-ти до 2-х. Время суток до этого перерыва (т. е. от полуночи до полудня) называется «утро». Часть времени после этого перерыва и приблизительно до конца рабочего дня имеет специальное название, точного эквивалента которому в русском языке нет: франц. *après-midi*, англ. *afternoon*, нем. *Nachmittag*, итал. *pomeriggio.* В некоторых контекстах это слово может быть переведено как *после полудня*, *послеполуденный*; в других наиболее близким переводным эквивалентом здесь является просто слово *день*; ср.: *Ci vediamo domani nel pomeriggio* и *Давай встретимся завтра днем,* но: *Il a dormi tout l'après-midi* не равно *Он проспал весь день. Днем* по-русски означает промежуток времени с неотчетливыми границами: не с самого утра, но до наступления вечера («утро» — это время начала человеческой дневной деятельности, а «вечер» — это время, когда дневную деятельность пора заканчивать). Иногда европейскому «послеполудню» соответствует русское *вечер*, ср. объявление в поликлинике *Хирург принимает по четным числам утром, по нечетным — вечером* (при этом «утренний» прием может продолжаться с 10-ти до 2-х, а «вечерний» — с 2-х до 6-ти); на конференции *séance du matin* соответствует *утреннему заседанию,* а *séance de l'après-midi — вечернему заседанию.*

Ночь в русской языковой картине мира — это «провал», перерыв в деятельности, время, когда люди спят (поэтому, например, выражение *провести ночь с кем-то* имеет скабрезный оттенок: о человеке, засидевшемся в гостях до утра, не говорят, что он провел ночь с хозяевами). Если по тем или иным причинам человек не ложился спать, то в некотором смысле у него не было ночи. Ночь как бы выпадает из суточного цикла, а утро наступает непосредственно после вечера. Ср. следующие примеры:

(33) По вечерам у нас были рабочие совещания, которые продолжались до пяти утра.

(34) Ей никуда не хотелось уходить, хотя и было, по ее расчетам, уже поздно. Судя по всему, время подходило к шести утра (Булгаков).

Вечер — это конец дня. При этом семантика конца, заключенная в значении слова *вечер,* нетривиальным образом взаимодействует с семантикой *начала*, присутствующей в выражении *с вечера* (параллельном выражению *с утра*).

[3] «Сейчас мы будем завтракать (*букв.* 'сейчас завтракается'): каждой вещи свое время».

С вечера означает ‘начиная накануне вечером деятельность, основная часть которой запланирована на следующий день’, ср.: *собрать вещи с вечера, приготовить обед с вечера.* Если деятельность, произведенная вечером, не имела релевантного продолжения на следующий день, выражение *с вечера* употребить нельзя, ср. **поел с вечера*, **лег спать с вечера.* Ср., однако: *Он как залег с вечера, так и проспал весь следующий день*: выражение *с вечера* здесь возможно, потому что означает ‘вечером накануне (того дня, когда происходила основная часть процесса сна)’.

Итак, возвращаясь к началу: неуместность обращения «Доброе утро!» к коллеге на работе (каковое может быть воспринято как намек на то, что человек имеет невыспавшийся вид) вызвана тем, что утро в русской языковой картине мира начинает день и дневную деятельность человека. Соответственно, приветствие «Доброе утро!» представляет собой нечто вроде поздравления с пробуждением и пожелания, чтобы то, что ждет человека после пробуждения, было приятным. С этим приветствием можно обратиться к человеку лишь сразу после того, как он проснулся и еще ничего не успел сделать: тем самым оно уместно, вообще говоря, лишь между людьми, которые проснулись в одной квартире (доме, палатке). Если же человек находится утром на работе, это означает, как минимум, что он туда пришел (или приехал), а перед этим, по-видимому, умылся, оделся и, скорее всего, позавтракал, т. е. его дневная деятельность уже давно началась. В ситуации конференции, школы, экспедиции, дома творчества и т. д. люди, живущие в разных комнатах одной гостиницы или общежития, встречаясь утром на общем завтраке, также обычно приветствуют друг друга словами «Доброе утро!», так как завтрак представляет собой начало их дневной деятельности. Соответственно, человек может в порядке своего рода возражения или отклонения этого приветствия ответить, например, что вообще-то он с шести утра сидит работает или уже совершил двухчасовую прогулку по окрестностям.

Аналогичное приветствие в западноевропейских языках (в тех, где оно есть, т. е., например, в немецком и в английском — в отличие от французского и итальянского) не содержит указанного ограничения, связанного с началом деятельности: слова «Good morning!» или «Guten Morgen!» уместны в любой момент времени с утра до обеденного перерыва. С другой стороны, если человек, по тем или иным причинам, пробудился от ночного сна лишь в два часа пополудни, по-русски приветствие «Доброе утро!» по отношению к нему будет вполне уместно (хотя и звучит несколько иронично) — что вряд ли можно сказать про английский или немецкий язык.

Тем самым, если для русской модели времени суток структурно значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, то для

западноевропейской модели — полночь и полдень (и связанный с полуднем обеденный перерыв). В некоторых языках с полуднем связано обозначение не только послеобеденного, но также и утреннего времени: напр., в немецком наряду с *Morgen* существует *Vormittag* (по аналогии с *Nachmittag*).

Своеобразная комбинация двух упомянутых моделей времени суток отражена в пьесе Б. Шоу «Другой остров Джона Буля». Персонаж, выдающий себя за ирландца, приветствует англичанина словами «Доброе утро» — хотя дело происходит после полудня — и в ответ на недоумение англичанина говорит, что для него утро продолжается, пока человек не пообедал, *букв.* 'ничего не ел после завтрака'. Как мы видим, этот подход сходен с русским тем, что выбор обозначения времени суток определяется не столько астрономическим временем, сколько деятельностью человека, а с западноевропейским — тем, что в основу кладется не время пробуждения, а время принятия пищи.

Анализ предложенного языкового материала, как кажется, подтверждает расхожее представление о том, что русские в целом более свободно обращаются со временем, чем жители Западной Европы: сами обозначения временных интервалов основаны не на астрономическом времени, а релятивизованы относительно человеческой деятельности, в них заключенной.

Глава 2

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

О том, чего нельзя сделать вместе*

Ведь они друг друга до деталей
Выучили наизусть, как роль,
Вместе бодрствовали, вместе спали
И делили вместе хлеб и соль.

Э. Кестнер. Семейные стансы
(пер. К. Богатырева)

При описании различных языковых фактов (например, значений латинской приставки *com-* или немецкой *mit-*, а также целого ряда словарных единиц и синтаксических конструкций, в частности, русского языка) оказывается существенной категория *совместного действия.* Настоящая статья посвящена описанию некоторых типов совместных действий и способов их представления в русском языке.

Что же такое совместное действие? Это не так очевидно, как кажется на первый взгляд. Совместное действие отличается от одинаковых действий двух (или более) людей — даже производимых одновременно и в одном месте — тем, что действия, производимые этими людьми, концептуализуются как части одного общего дела. Так, например, если два человека, сидя в одной комнате, пишут каждый свою статью, это не образует никакого совместного действия (разве что если речь идет о сочинении коллективной монографии членами одного сектора). Наоборот, если они пишут совместную статью (независимо от того, как распределяются при этом их роли), то, очевидным образом, они осуществляют совместное действие.

Есть, однако, и более сложные случаи. Например, когда студенты, сидя в одной аудитории, слушают лекцию, это, возможно, концептуализуется как их совместное действие (вместе слушают одну и ту же лекцию), хотя если речь

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 1999]. Статья писалась в докорпусную эпоху. В настоящем издании некоторые утверждения иллюстрированы примерами из Национального корпуса русского языка.

идет о студентах разных потоков, слушающих лекцию одного и того же преподавателя на одну и ту же тему в разное время, то концептуализация такого действия как совместного уже маловероятна.

С другой стороны, для того чтобы действия разных людей интерпретировались как составляющие одно совместное действие, не является необходимым ни единство времени или места, ни тождество совершаемых действий. Наименее обязательным является требование тождества действия. Более того, по-видимому, кроме случаев участия в спортивных или военных парадах, едва ли найдутся такие совместные действия, которые складываются из идентичных, синхронных и совершаемых в одном месте действий. Так, действие писания совместной статьи может происходить таким образом, что один из соавторов ходит и говорит, а другой — сидит и пишет, причем это распределение ролей может меняться или же быть постоянным. Сотрудники редакции, где каждый занят своей, отличной от других работой, занимаются совместной деятельностью, называемой «выпускать номер».

Требование единства времени и места является более устойчивым (оно актуально для большинства видов совместной деятельности), хотя в принципе и оно может нарушаться: писание совместной статьи, например, возможно и в той ситуации, когда соавторы живут в разных странах.

Совместные предикаты следует отличать от таких, где наличие нескольких субъектов является составной частью концепта этого действия, ср. *раскупить*, *расхватать*; *поумирать*, *перемерзнуть* (дистрибутивный способ действия). Такие действия складываются из одинаковых действий нескольких субъектов, каждое из которых, однако, нельзя назвать этим словом. Наоборот, такие выражения, как *строить дом*, *выпускать номер журнала* и т. д., предполагают совершение разными людьми разных действий, каждое из которых может быть названо этим словом.

Среди множества действий, совершаемых людьми, мы будем различать такие, которые могут производиться одним человеком[1] (например, писать статью, готовить ужин, гулять с детьми), и такие, для осуществления которых необходимо участие двух или более субъектов, исполняющих в некотором смысле одну и ту же роль (например, писать совместную статью, разговаривать, играть в шахматы и т. п.). Хотя это различие, казалось бы, относится к устройству мира, представление его в языке является вопросом концептуализации, которая в разных языках может производиться по-разному.

Действия, требующие для своего осуществления участия двух субъектов, исполняющих одну и ту же роль, мы будем называть п а р н ы м и. В языке парным действиям соответствуют так называемые симметричные предикаты,

[1] Имеется в виду, в роли субъекта; в ситуации могут быть и другие личные участники.

т. е. предикаты, имеющие две синтаксические валентности, эквивалентные в смысловом отношении (симметричные предикаты подробно рассматриваются в [Иомдин 1981]); для простоты мы ограничиваемся предикатами, у которых симметричными являются субъектные валентности.

Следует подчеркнуть, что, относя предикат к симметричным (и соответствующее действие к парным), мы имеем в виду предикатное выражение в конкретном типе речевого употребления. Так, предикат *играть в шахматы* относится к симметричным, будучи употребленным в высказывании *Петя играл в шахматы с Машей*, но не является симметричным в абсолютивном употреблении (= 'уметь играть в шахматы; заниматься шахматами')[2]. Не является симметричным и предикат *играть в шахматы с Машей* (с уже заданным заранее заполнением одной из «симметричных» валентностей).

Особым случаем парных действий являются взаимные действия (где субъект первого действия является объектом второго, аналогичного, и наоборот); соответствующие глаголы в русском языке обычно имеют постфикс *-ся* (типа *целоваться*), и в русской грамматической традиции их принято называть взаимно-возвратными (см. [Янко-Триницкая 1962; Веренк 1985]). При этом не у всех взаимно-возвратных глаголов существует однонаправленный коррелят, т. е. глагол без постфикса *-ся*, который обозначал бы соответствующее «однонаправленное» действие (ср. *ссориться*, *драться*). Возможность использования для обозначения действия взаимно-возвратного глагола не вытекает однозначно из особенностей обозначаемой ситуации. В жизни, например, игра в шахматы — столь же «взаимное» действие, как то, которое описывается глаголом *целоваться*. Обратим внимание на то, что в этом смысле предикат *играть в шахматы* сходен именно с *целоваться*, а не с *целовать*: нельзя играть в шахматы с человеком, который с тобой в шахматы не играет (а целовать человека, который тебя не целует, можно).

Интересно, что в некоторых случаях семантический признак взаимности сохраняется и в невозвратной форме, соотносительной с взаимно-возвратным глаголом. Так, если верно, что *Петя встретил в библиотеке Машу*, то верно также, что *Маша встретила Петю* (если она сама его не заметила, а он заметил ее, но прошел мимо, то тогда неверно будет, что *Маша встретила Петю* — но в этом случае неверно будет и то, что *Петя встретил Машу*, надо сказать *Петя видел Машу*).

При обозначении парных действий есть два принципиально различных способа заполнения валентностей [Иомдин 1981]. Они могут заполняться

[2] В этом случае имеет место редукция не только формы, но и содержания [Бергельсон, Кибрик 1980].

независимо друг от друга (*Петя играл в шахматы с Машей*) или же обе валентности могут заполняться в пределах одной именной группы (*Петя и Маша играли в шахматы*). При этом для большинства симметричных предикатов возможен как первый, так и второй способ заполнения валентностей. В то же время идиосинкратичным свойством ряда предикатов является запрет на совместное или, наоборот, на раздельное заполнение валентностей. Скажем, для глагола *повстречать* возможно лишь раздельное заполнение валентностей (*Петя повстречал Машу — Маша повстречала Петю*, но не **Петя и Маша повстречали*), а для фразеологического предикатного выражения *ударить по рукам*, напротив, предпочтительно совместное заполнение валентностей (*Петя и Маша ударили по рукам — Петя с Машей ударили по рукам*, но едва ли *Петя ударил по рукам с Машей*)[3]. Любопытны с этой точки зрения квазисинонимичные предикаты *жениться* и *пожениться*, рассмотренные в [Зализняк, Шмелев 1997б]. Двувидовой глагол *жениться* обнаруживает различные свойства в разных видо-временных формах. Так, в настоящем или простом будущем он допускает как раздельное (*Петя женится на Маше*), так и совместное (*Петя и Маша скоро женятся*) заполнение валентностей, а в прошедшем времени способ заполнения валентностей зависит от видового значения: в сов. виде возможно только раздельное (*Петя женился на Маше*[4], но не *?Петя и Маша женились*), а в несов. виде допустимо также совместное заполнение валентностей (*Когда Петя и Маша женились, они не представляли себе, что им предстоит пережить*)[5]. Напротив, глагол *пожениться* допускает лишь совместное, но не раздельное заполнение валентностей: *Петя и Маша поженились*, но не **Петя поженился на Маше*.

---

[3] В НКРЯ имеется единственный пример: *Его папаша чуть ли не ударил по рукам с отцом невесты, и скоро ожидается благословение образами нареченных жениха и невесты.* [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935)] (примечание 2019 г.).

[4] Тем самым оказывается, что глагол *жениться* является симметричным лишь в тех временных формах, где возможно совместное заполнение валентностей, а имено в несов. виде. При этом перемена мест актантов (*Маша женилась на Пете*) в литературном языке недопустима (поскольку русский язык сохраняет архаичное противопоставление *жениться — выйти замуж*).

[5] Приведем примеры из НКРЯ (примечание 2019 г.):

– И потом сообщалось: когда они с мужем женились, умели же жить они на пятьдесят лишь рублей [Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)].

– ...когда мы с Колей женились, он мечтал о том, как мы вместе будем ходить в вегетарианку [Евгений Петров, Илья Ильф. Двенадцать стульев (1927)].

При раздельном заполнении симметричных валентностей самым распространенным средством выражения в русском языке является комитативная конструкция (*Петя играет в шахматы с Машей*). При совместном заполнении валентностей средства выражения более разнообразны: это может быть, например, существительное, обозначающее множество (*семья, класс*); существительное во множественном числе (*друзья, супруги*); сочиненная группа (*Петя и Маша*), комитативная группа (*Петя с Машей*). При этом различие между раздельным заполнением симметричных валентностей при помощи комитативной конструкции и их совместным заполнением посредством комитативной группы внешне может отражаться лишь в форме предиката: ср. комитативную конструкцию *Петя целуется с Машей* и комитативную группу в предложении *Петя с Машей целуются.*

Есть предикаты, которые при использовании в комитативной конструкции обозначают «парное» действие, а в противном случае имеют «непарное» значение. К их числу относится, например, глагол *спать*: при использовании в комитативной конструкции он понимается в «парном» (эротическом) значении (*Петя спит с Машей*), а при использовании в конструкции с множественным субъектом глагол может пониматься только в непарном значении (*Петя и Маша спят*). Конструкция с комитативным субъектом (*Петя с Машей спят*) нормально также понимается как обозначающая непарное действие. Вопрос *Ты не знаешь, Петя с Машей спал?* (комитативная конструкция) воспринимается как несколько циничная беседа двух мужчин об успехах их общего знакомого, а фраза *Петя с Машей спали?* (конструкция с множественным субъектом, выраженным комитативной группой) более вероятна в устах родителей, обеспокоенных тем, как их дети соблюдают режим дня.

Итак, совместными могут быть парные действия, т. е. такие, для которых совместность обязательна (например, играть в шахматы или целоваться). Но это могут быть и такие действия, для которых совместность не является обязательной. Например, можно вместе с кем-то гулять по лесу, читать стихи или завтракать; все то же самое человек может делать и в одиночестве — иными словами, все перечисленные действия, будучи совместными, не являются парными. Тем самым бывает два типа совместных действий — парные и непарные[6]; это противопоставление существенно, в частности, для употребления слова *вместе*.

Дело в том, что слово *вместе*, обозначающее совместность, присоединяется только к предикатам, обозначающим непарные действия: его функция в том

[6] Точнее было бы сказать, что среди действий, которые концептуализуются как совместные, есть такие, которые концептуализуются как парные, и такие, которые концептуализуются как непарные.

и состоит, чтобы превращать непарные предикаты в совместные. Поэтому с симметричными предикатами *вместе* не сочетается. Так, можно сказать: *они вместе завтракали, ходили в школу, играли во дворе* и т. п., но нельзя: **они вместе целовались*, **они вместе встретились в библиотеке.* Если же оператор совместности *вместе* присоединяется к «парным» предикатам, то это указывает на то, что предикат употреблен в «непарном» значении. Так, высказывание *Петя и Маша играли в теннис* в наиболее естественном прочтении понимается как указывающее на то, что Петя и Маша играли в теннис друг с другом; однако высказывание *Петя и Маша вместе играли в теннис* никогда не может быть понято таким образом. Оно может пониматься как указывающее на совместные занятия теннисом (например, на совместное посещение теннисного клуба), и тогда предикат *играть в теннис* употреблен абсолютивно; или же речь идет о том, что они играли на одной стороне поля против какой-то другой пары, и тогда предикат *играть в теннис* (против кого-либо) опять-таки понимается как «непарный», превращаемый в «совместный» посредством добавления оператора *вместе.*

В отличие от парности, которая является ингерентным свойством предикатного выражения (в некотором заданном типе употребления), совместность не является словарной характеристикой предиката. Интерпретация действия как совместного — это результат концептуализации, которая определяется довольно тонкими обстоятельствами, варьирует от одного употребления к другому и, кроме того, допускает градацию (иными словами, здесь возможны промежуточные степени). Так, действия людей, которые подали одну совместную заявку на коллективный грант, в большей степени совместны, нежели действия людей, которые подали в один и тот же фонд заявку каждый на свой грант и вступили между собой в отношение конкуренции. Однако и в этом последнем случае некоторый элемент совместности присутствует[7]. Так, высказывание *Они вместе участвуют в музыкальном конкурсе* может пониматься двояким образом: то ли речь идет о совместном исполнении, то ли о конкуренции индивидуальных исполнителей.

В жизни всякая совместная деятельность может сближать ее участников. В языке именно слово *вместе*, используемое для обозначения совместной деятельности, указывает на то, что эта деятельность привела к появлению некоторой близости. Можно сказать, что слово *вместе* в рассматриваемом

[7] Здесь представляется уместным процитировать высказывание А. Е. Кибрика на праздновании защиты докторской диссертации В. А. Плунгяном 16 декабря 1998 г.: «Не секрет, что ОТиПЛ и факультет лингвистики РГГУ являются конкурентами, но ведь конкуренция — это тоже способ делать одно общее дело».

значении заключает в себе идею, которая у А. Вежбицкой обозначена как «shared experience» [Wierzbicka 1997: 75]. Высказывание *Мы написали совместную статью* является простой констатацией факта; высказывание *Мы вместе написали статью* может служить объяснением того, что послужило первым толчком к нашему сближению. Первое высказывание уместно в ответ на вопрос: «Каких успехов вы достигли за последние две недели?»; второе — в ответ на вопрос: «Как началась ваша дружба?» В случае, когда совместность действия была вынужденной и ни к какой близости не привела, слово *вместе* обычно не употребляется (ср. *Они перетаскивают мебель*; но при возникновении хотя бы минимальной близости слово *вместе* оказывается уместным: ср. *Они вместе перетаскивали мебель и теперь решили посидеть и вместе выпить*). Чаще всего слово *вместе* употребляется, когда речь идет о действиях, изначально производимых вместе для удовольствия (*вместе ходить в кино, гулять по лесу, завтракать*), а также о действиях, которые были вынужденными и сами по себе вовсе не приятными, но привели к возникновению подлинной близости между вовлеченными в них людьми: ср. *Они вместе прошли всю войну, лагеря, пережили блокаду* и т. п.

Существуют и такие употребления, как *Мы вместе работаем* (где нет ни идеи особой близости, ни идеи удовольствия). Однако и высказывания такого рода уместны в ситуации, когда обсуждается вопрос о «shared experience», например в ответ на вопрос: «Откуда вы знаете друг друга?»

Тем самым деятельность, осуществляемая вместе, приводит к сближению ее участников и дает основания полагать, что и в последующем они будут стремиться делать что-то вместе или даже «мечтать вместе и о том, как вместе будут жить» (пример из [МАС: 1, 186]).

Теперь вернемся к четверостишию из стихотворения Эриха Кестнера, взятому в качестве эпиграфа к статье. В нем идет речь о том, что супруги вместе совершали три действия: бодрствовали, спали и делили хлеб и соль. Однако интересно, что правильная интерпретация каждого из сочетаний оказывается возможной лишь в контексте двух других. Здесь *вместе спали* совсем не имеет эротического значения, хотя речь идет о супругах. Но не имеется в виду также и стесненность бытовых условий. *Спали* здесь дополняет *бодрствовали*, и выражение *вместе спали* может быть интерпретировано лишь в контексте выражения *вместе бодрствовали*. С другой стороны, что значит вместе бодрствовать? Вообще говоря, нет такого действия — «бодрствовать», и непонятно, что же они делали вместе, бодрствуя. *Вместе бодрствовали и вместе спали* означает просто, что они *всё* делали вместе: это и есть то, что может быть названо «совместной жизнью». И это значение подчеркивается выражением *делили вместе хлеб и соль*, которое в ином контексте было бы аномальным. Ведь *делить хлеб и соль* — это

парное действие, которое, как было показано выше, не сочетается со словом *вместе*. Но в рассматриваемом четверостишии сочетание *делили вместе хлеб и соль* не кажется неуместным и воспринимается как указание на то, что супруги вели общую жизнь не только в целом, но и в мельчайших деталях.

От рассматриваемого значения слова *вместе* следует отличать другое значение — присоединительное: один субъект как бы присоединяется к действию другого или к целой группе (*ушел вместе с ним, погибну вместе с тобой*); оно соответствует одному из значений немецкой приставки *mit-*. Такое присоединение может быть реальным или существовать лишь в сознании наблюдателя. Ср.: *Прошла юность, а вместе с ней и любовь*; *Ушел Петя, и Маша ушла вместе с ним* (может быть, говорящему это показалось). Слово *вместе* в присоединительном значении, как правило, может быть опущено: ср. *Прошла юность, а с ней и любовь*; *Ушел Петя, и Маша ушла с ним.* Именно это значение реализуется в оборотах типа *вставать* (*вместе*) *с петухами*[8].

От совместных действий и, в частности, действий, совершаемых вместе, следует отличать действия, совершаемые одновременно. Если слово *вместе* указывает на одно совместное действие, то слово *одновременно* предполагает, что речь идет о двух (или более) разных действиях (при этом, разумеется, каждое из таких совершаемых одновременно действий может быть совместным, парным и т. д.).

Некоторые из рассмотренных противопоставлений могут оказаться полезны при описании выражения совместности средствами приставочного словообразования в таких языках, как латинский, греческий или немецкий, — см. об этом следующую главу.

В заключение коснемся вопроса о выборе средства выражения совместного действия из множества возможностей, которые нам предоставляет язык. Соглашаясь с А. Е. Кибриком в том, что в целом «серьезные преимущества имеет описание от значения к форме» [Кибрик 1992: 123], отметим также, что в выборе средства выражения субъекта совместного действия существенную роль играет особая стратегия, которую можно назвать «синтез через анализ» (некоторая специальная разновидность «метода фильтров»). А именно, как уже говорилось, языковой механизм часто дает нам несколько способов обозначения совместного действия, и, выбирая из них, говорящий обычно

[8] Мы здесь не ставим себе целью описать слово *вместе* во всем разнообразии его значений — хотя такое описание представляет собою интересную и заслуживающую внимания задачу. Интересно также сопоставление слова *вместе* с его аналогами в других языках (например, французским *ensemble*, немецким *zusammen*, английским *together*), ср. в этой связи статью [Lasersohn 1990].

останавливается на таком способе, который позволяет избежать неоднозначности. Особенно избегаются ситуации, когда приоритетные стратегии разрешения неоднозначности заставляют выбрать паразитическое понимание, т. е. иное понимание, нежели то, которое содержится в смысловом задании. Соответствующие способы выражения бракуются. Обилие дополнительных лексических средств, указывающих на различные виды совместных действий (*друг с другом*, *вместе*, *совместно*, *сообща*, *поочередно*), в значительной мере определяется не столько потребностью в выражении разного рода смысловых нюансов, сколько необходимостью исключить паразитические прочтения, несовместимые с выбранным средством.

Глава 3

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Conveni, convici, convixi[*]

Вводные замечания

Задачей данной статьи является исследование семантики латинской приставки *com-*. Наш анализ базируется на следующих принципах. Материалом исследования служат глаголы; в отдельных случаях привлекаются также существительные с той же приставкой[1]. Если в разных лексических значениях одного слова реализуется разное значение приставки *com-*, то эти значения считаются разными единицами и соответствующим образом нумеруются. Тем самым каждому слову соответствует столько единиц описания, в скольких разных значениях может выступать приставка *com-*. При этом под одной цифрой в принципе могут объединяться разные лексические значения.

Следуя традиции, мы приводим латинские глаголы в форме 1-го л. ед. ч., но используем форму инфинитива для переводного эквивалента. Мы не принимали во внимание переносные и прочие производные значения приставочного глагола — так как этот этап семантической деривации уже не имеет отношения к значению приставки (ср., например, значение 'основательно изучить, усвоить' у глагола *combibo*, представляющее собой результат метафорического развития значения 'впитывать, вбирать в себя' с «присоединительным» значением приставки *com-*).

Среди латинских глаголов с приставкой *com-*, где степень семантической вычленимости приставки (см. [Зализняк 1995]) достаточно высока для того, чтобы имело смысл говорить о ее значении, могут быть выделены два основных класса. С одной стороны (**класс 1**), это глаголы, содержащие

---

[*] В основу данной статьи положена статья [Зализняк, Шмелев 2001]; при подготовке окончательной версии были использованы также материалы статьи [Zaliznjak, Shmelev 2007].

[1] Источником данных латинского языка являются словари [Дворецкий 1976; White, Riddle (eds) 1876; Charlton, Short 1879].

в толковании компонент ‘вместе с кем-то / с чем-то’ (*compasco* — ‘пасти сообща’, *condolesco* — ‘страдать вместе’: *animus corpori condolescit*, ср. франц. *condoléance* ‘соболезнование’), с другой (**класс 2**) — глаголы, содержащие в своем толковании компонент ‘сблизить(ся)’, ‘соединить(ся)’, ср. *committo* ‘сводить, сопоставлять, соединять’, *coeo* — ‘сходиться’. Иногда приставка *com-* присоединяется к одной и той же основе, выступая при этом в разных значениях, напр.: *concurro* ‘соревноваться’ (из ‘бежать вместе’: значение совместности) и ‘сбегаться, сходиться’ (значение сближения); *combibo* ‘пить вместе (с кем-либо)’ и ‘впитывать, вбирать в себя’.

Первый класс выделяется довольно ясно; в этом значении латинская приставка *com-* может быть сопоставлена немецкому *mit-*, ср. лат. *compassio* с нем. *Mitleid*, где это значение является основным — в отличие, например, от русского *со-*, которое в этом значении выступает преимущественно в калькированных словах. Что же касается второго семантического класса, то его границы менее отчетливы — из-за расплывчатости конституирующего его смыслового компонента. В этом значении приставка *com-* особенно легко десемантизируется: в случае, когда идея «сближения» уже содержится в значении глагольной основы, она выступает в функции показателя завершенности действия (так сказать, «перфективатора»), ср. *connecto* ‘соединять’, *commisceo* ‘смешивать’ и т. п. К классу 2 принадлежат также некоторые модификации идеи «сближения» (сжатия, охвата, покрытия и др.), которые могут комбинироваться со значением «завершенности» («предельности»). Здесь особенно большую часть составляют глаголы, где приставка десемантизирована или семантически плохо вычленима (ср. *compleo* ‘наполнять’, *commemoro* ‘вспоминать’). Такого рода глаголы будут нас интересовать в меньшей степени.

Итак, приставка *com-* имеет два основных значения: «совместности» и «сближения». Совместность состоит в том, что одна семантическая роль выполняется более чем одним участником. От того, какая именно это роль, зависит более точная характеристика семантического эффекта и синтаксические последствия присоединения приставки *com-*, т. е. изменение модели управления.

Когда при предикате имеется лишь одна семантическая роль, то присоединение к нему приставки *com-* означает, что данная семантическая роль будет выполняться более чем одним участником. Синтаксически это может проявляться одним из следующих двух способов. Либо данная синтаксическая валентность с обязательностью заполняется множественным именем[2], либо по-

[2] «Множественным именем» мы называем именную группу, обозначающую множество объектов, т. е. существительное во мн. ч., имя множества (*класс, семья, множество*), сочинительная или комитативная группа.

является дополнительная валентность (*cum* + Abl.). Так, например, глагол *cubo* означает 'лежать' и может описывать ситуацию с одним участником, а глагол *concu*(*m*)*bo* обязательно предполагает участие двоих, и синтаксически это выражается таким образом, что либо этот глагол имеет множественный субъект, либо обязательную валентность *cum aliquo*. Аналогичным образом глагол *loquor* может иметь модель управления, состоящую из единичного субъекта в качестве единственного актанта — хотя возможны также варианты с множественным субъектом и с дополнением с предлогом *cum*. При глаголе *colloquor* одно из двух становится обязательным: либо множественный субъект (и тогда часто добавляется *inter se*), либо дополнение *cum aliquo* (т. е. второй участник беседы должен быть так или иначе указан).

До сих пор речь шла о совместности в контексте одновалентных глаголов. Для глаголов, имеющих как субъектную, так и объектную валентность, совместность может выражаться более разнообразно. Так, действие может совершаться одновременно более чем над одним объектом; в этом случае в позиции объекта стоит множественное имя. С другой стороны, совместность может проявляться в субъекте, и тогда позицию субъекта занимает множественное имя. Совместность, распространяющаяся одновременно на субъект и на объект, возможна только в том случае, когда субъект одного действия является одновременно объектом другого, одноименного, и наоборот (ср. *целоваться*, *ругаться*). Такие глаголы называются взаимно-возвратными или реципрокальными. К таким глаголам (переходным) примыкают также те непереходные глаголы, о которых шла речь выше — с появлением новой валентности при присоединении приставки *com-*. Возьмем, например, глагол *concumbo*; ясно, что если X лежит с Y, то Y лежит с X. Хотя у исходного глагола *cubo* ('лежать') объекта нет, но здесь появляется второй участник, выполняющий роль, аналогичную роли объекта во взаимно-возвратных глаголах. То есть глагол со значением 'лежать вместе' отличается от глагола со значением 'ругаться' отсутствием исходного переходного глагола (ср. *ругать*). Другими словами, глагол *concumbo* отличается от *confligo* ('ударять друг друга, сталкиваться' — от *fligo* 'ударять') или, например, от *confutuo* тем, что если для глагола типа *confutuo* производящий глагол является переходным, то для *concumbo* производящий глагол непереходный. Однако появившаяся в глаголе с приставкой *com-* дополнительная валентность *cum aliquo* ведет себя так же, как и аналогичная валентность в *confutuo*. Глаголы типа *concumbo* можно назвать вторичным реципроком.

Рассмотрим теперь подробнее состав семантических классов глаголов с приставкой *com-*.

1. Класс 1: значение совместности

Как уже говорилось, первый класс составляют глаголы, где приставка указывает на совместность, см. [Зализняк, Шмелев 1999]. Они могут быть подразделены на следующие подклассы: 1) глаголы, обозначающие совместное действие двух субъектов (которые делятся на глаголы равноправного действия и глаголы сопутствующего действия); 2) действие, совершаемое одним субъектом над двумя объектами (немногочисленный класс); 3) взаимное действие.

1.1. Совместное действие

Совместное действие: 'делать что-то вместе (с другим субъектом)'. Следует отличать совместное действие от одновременного совершения одинаковых действий (см. предыдущую главу). Важное свойство латинской приставки *com-* состоит в том, что она указывает скорее на участие разных субъектов в одном совместном действии, а не на множество одинаковых действий, которые выполняются разными субъектами одновременно[3]. Заметим, что греч. ἀντι-, имеющее набор значений, частично пересекающийся с лат. *com-*, может обозначать также одинаковые действия разных субъектов (см. раздел 3.1.2 настоящей главы).

Следует отметить, что «степень совместности» действия, обозначаемого глаголом с приставкой *com-*, зависит от синтаксической конструкции. В конструкции с субъектом, выраженным сочинительной группой или именем во множ. числе, она минимальна: такая конструкция может даже обозначать просто два независимых действия (ср. одно из прочтений фразы *Петя и Катя вышли покурить* — 'каждый вышел покурить сам по себе'). Но и в том случае, когда она обозначает одно общее действие, степень его совместности будет меньше, чем при другой модели управления. Так, глагол *competo* с множественным субъектом означает 'вместе добиваться, домогаться, стремиться (к одному и тому же)' или 'сходиться, встречаться, совпадать' (*viae competunt*). В конструкции *cum* + Abl. степень совместности несколько больше: если при множественном субъекте более вероятно понимание, что каждый добивается сам, то в конструкции *cum* + Abl. — что они как-то объединили свои усилия. В конструкциях со вторым субъектом в дательном падеже возможно только

[3] Ситуации этого рода тоже возможны, хотя и реже, ср. *compugno 2* 'совместно или одновременно подавлять, уничтожать' (напр., *amaritudinem*).

значение ‘соответствовать, подходить’, ср.: *tanto Othonis animo nequaquam corpus competiit* (Svet.).

1.1.1. «Равноправное» действие. В глаголах равноправного действия (т. е. обозначающих ситуации, в которых оба субъекта участвуют «на равных») возможны две модели управления, которые реализуют, соответственно, социативное («X и Y делают нечто вместе») и комитативное («X делает нечто вместе с Y-ом») значение. Глаголы этого класса могут быть как переходными, так и непереходными, а субъект — как одушевленным, так и неодушевленным. Примеры: *coepulor* ‘вместе пировать, разделять с кем-либо трапезу’ (от *epulor* ‘есть, обедать, пировать’), *coadolesco* ‘вместе расти’ (или ‘вместе созревать’) от *adolesco* ‘расти, созревать’, *coaegresco* ‘вместе заболевать’ (*corpus animae coaegrescit*), *compasco* ‘пасти сообща’ от *pasco* ‘пасти’, *collacrimo 3* ‘вместе плакать’, ср. *Simul omnes collacrimarunt* (Pl.), *combibo 1* ‘пить вместе’, *commorior 1* ‘вместе умирать’, *compatior 1* ‘страдать вместе’, *compecco* ‘вместе с кем-либо грешить’, *competo 1* ‘вместе добиваться <чего-либо>’, *comploro 2* ‘вместе оплакивать (умершего)’, от *ploro 2* ‘оплакивать’, *concado* ‘вместе падать, опускаться’, *conclamo 1* ‘вместе кричать’, *concino 1* (от *cano*) ‘петь вместе’, *condisco 1* ‘вместе учиться’, *conspiro* ‘вместе звучать, одновременно раздаваться’ (ср. *cornua conspirant*).

Внутри этого класса глаголов выделяется значение участия в некоторой общей деятельности: *cohonesto* ‘участвовать (вместе с другими) в почитании’ (от *honesto* ‘почитать’), *coaltercor* ‘участвовать в споре’ при *altercor* ‘спорить’, *collaboro* ‘работать совместно с кем-то, сотрудничать’, *colludo* ‘играть вместе, резвиться’, *collugeo* ‘совместно скорбеть’, *commilito* ‘быть вместе на военной службе’. Последовательно провести это различие для латинского языка не представляется возможным; заметим, что в немецком языке оно проведено более последовательно (см. раздел 3.2.1).

1.1.2. Сопутствующее действие. Сюда относятся глаголы, имеющие ассистивное значение (‘помогать, способствовать кому-то в чем-то’). Главный производитель действия при этом выражается дательным падежом. Так, например, глагол *comitor* означает ‘провожать’ или ‘сопутствовать’ (от *eo* ‘идти’ через посредство *comes, -itis* ‘попутчик, спутник’); глагол *concino 2 <alicui>* ‘подпевать’ или ‘аккомпанировать’ (от *cano* ‘петь’). Сюда же, возможно, следует отнести глагол *compatior 2 <alicui>* ‘сострадать кому-то’ (от *patior* ‘страдать’) и *condolesco 2* — ‘страдать вместе’ (ср. *animus corpori condolescit*). Такие глаголы обычно имеют наряду с ассистивным также и социативное значение, ср. *concino 1* ‘петь вместе (стройно, гармонично)’.

Значение сопутствующего действия является относительно более редким. По существу это значение является просто модификацией предыдущего, которая состоит в том, что субъект глагола выполняет вспомогательную роль, а основная роль (соответствующая значению бесприставочного глагола) принадлежит референту дополнения в косвенном падеже, обычно дательном, ср.: *confloreo* 'цвести вместе' (ср. *conflorens mihi flore adulescentiae*, Aug. Conf., *букв.* 'соцветущий мне цветом юности', т. е. 'находящийся, как и я, в расцвете юности'). В отличие от глаголов равноправного действия, у этих глаголов отсутствует модель управления типа «X и Y».

1.2. Действие над двумя объектами

Этот тип значения представлен небольшой группой переходных глаголов с множественным объектом, выраженным именем во мн. ч., сочиненной или комитативной группой. Сюда относятся такие глаголы, как: *coaestimo* 'совместно оценивать, включать в общую оценку', *coassumo* 'одновременно принимать', *compendo* 'взвешивать вместе (два предмета)', *compenso* 'уравновешивать' (ср. *laetitiam cum doloribus, bona cum viciis*), *concoquo 1* 'варить вместе (одно с другим)'.

1.3. Взаимное действие (значение реципрока)

В толковании глаголов с данным типом значения имеется компонент 'друг друга'. Этот компонент толкования возникает из двух источников. Одну группу составляют такие глаголы с приставкой *com-*, у которых соответствующий бесприставочный глагол имеет то же значение, но, возможно, несколько более широкое, т. е. обозначает действие, обычно (хотя и не обязательно) совершаемое совместно или взаимно, т. е. предполагающее некоего контрагента. Присоединение приставки *com-* в этом случае просто сужает область денотации: приставочный глагол может обозначать только взаимное действие. Так, *colloquor* означает 'разговаривать *с кем-либо*' (*cum aliquo*) при *loquor* 'говорить, разговаривать, рассказывать *что-то*' (*aliquid*), хотя возможно также и *с кем-либо* (*cum aliquo*), т. е. с факультативной валентностью адресата. Глагол *certo* (*cum aliquo*) означает 'стараться наперебой, состязаться' (ср. *cives cum civibus de virtute certabant*, Sl.) или 'бороться, сражаться' (ср. *certare cum hostibus*); те же значения имеет и глагол *concerto*, т. е. добавление приставки здесь просто маркирует семантический компонент, уже присутствующий в бесприставочном

глаголе. Ср. также: *compugno 1* (*cum aliquo*) ‘сражаться’, приблизительно то же, что *pugno*; *colluctor* (*cum aliquo*) ‘состязаться, бороться’, то же, что *luctor*[4].

Другую группу составляют глаголы, где значение взаимного действия возникает именно благодаря приставке *com-*: *collido* ‘ударять друг о друга, сталкивать’; *commorior 2* ‘взаимно уничтожаться’ (ср. *duo venena commoriuntur*); *commultiplico* ‘взаимно перемножать’ (от *lido* ‘ударять’, *morior* ‘уничтожаться’, *multiplico* ‘умножать’).

Вообще надо сказать, что значение взаимного действия тесно примыкает к значению сближения (т. е. к классу 2). Глаголы, обозначающие движение или любое динамическое действие, с приставкой *com-* могут обозначать встречное движение, т. е. движение навстречу друг другу (или действие, производимое друг с другом). Результат этого встречного движения может быть метафорически переосмыслен двояким образом: как конфликт (значения типа ‘сталкиваться’, ‘находиться в противоречии’ — напр., в глаголе *confligo* от *fligo* ‘ударять’, ср. *leges diversae confligunt*) или, наоборот, как гармония (значения типа ‘совпадать’, ‘соответствовать’ или ‘сходиться’) — напр., у глагола *concurro*: ‘совпадать’ (ср. *quae ut concurrant omnia, optabile est*, Cic.) и ‘соответствовать’ (ср. *concurrere cum veritate*). То, какое из этих двух переносных значений реализуется, отчасти определяется семантикой производящей основы (ср. значение ‘соответствовать’ у глагола *consto*, от *sto* ‘стоять’); но эта зависимость не жесткая: возможны оба типа значений у одного глагола (так, у *concurro* наряду с ‘совпадать’ есть значение ‘сталкиваться’: *prorae concurrunt*).

2. Класс 2: значение сближения, соединения

Помимо значения совместного действия глаголы с приставкой *com-* могут иметь также значение сближения и/или соединения. При этом речь может идти либо об операции с субъектами одноместных предикатов (напр., *coalesco* ‘срастаться’), либо с объектами двухместных (напр., *coagmento* ‘соединять’). Ситуация сближения субъектов двухместных предикатов практически невозможна: в этом случае обычно возникает значение совместного действия[5]. Как и в классе 1,

[4] Все эти глаголы имеют именно взаимное (A сражается против B), а не социативное (A вместе с B сражаются против C) значение: дополнение *cum aliquo* указывает на «противника», а не «союзника».

[5] Это распределение обусловлено следующим обстоятельством. Идея сближения предполагает наличие движения, а носителем движения является либо субъект одноместного глагола (*идти, бежать*), либо объект двухместного (*нести, везти*).

различаются варианты, когда элементы «равноправны», т. е. выполняют одинаковую роль в ситуации, и когда они не равноправны, т. е. один из них выполняет главную, а другой — вспомогательную роль.

2.1. Сближаемые элементы равноправны

2.1.1. Одноместные (непереходные) глаголы. Сюда относятся такие глаголы, как: *coalesco* 'срастаться', *coeo 1* 'сходиться', *concurro 1* 'сбегаться, сходиться', *confluo* 'сливаться, соединяться' и т. п.

Когда речь идет о сближении субъектов одноместного глагола, то у производного (приставочного) глагола это значение сближения может реализоваться одним из двух способов: либо он остается одноместным, но требует множественного субъекта, либо он становится двухместным: появляется дополнительная валентность *cum aliquo* (ср. выше). При этом выбор той или иной возможности в значительной степени является идиосинкратическим. Так, при глаголе *coalesco* едва ли не единственной возможностью является множественный субъект, ср. *inter se palpebrae coalescunt* 'веки смыкаются' и *multitudo coalescit in corpus unius polpuli* 'множество срастается в единое народное тело': в первом примере субъект представлен существительным во множ. числе, во втором употреблено существительное в ед. числе, но с семантическим признаком множественности. Для глагола *coeo* равновероятны обе возможности, т. е. этот глагол может оставаться одноместным с множественным субъектом или же приобретать второй актант, ср., соответственно: *jam agmena coibant* 'полчища сходились' и *coire cum aliena uxore* 'сойтись с чужой женой'.

2.1.2. Более чем одноместные (переходные) глаголы. К числу глаголов с приставкой *com-*, в значение которых входит идея сближения двух объектов, относятся, например, следующие: *colligo 1* (от *collegare*) 'связывать, соединять', *colligo 2* (от *collegere*) 'собирать', *commino* 'сгонять вместе' (*pecua*), *committo* 'сводить (для состязаний)', *compello* 'сгонять, собирать', *compingo* 'сколачивать, изготовлять' (от *pango* 'вбивать, вколачивать'), *compono* 'складывать, соединять', *comporto* 'сносить в одно место', *comprehendo 1* 'скреплять, связывать' (корабли веревкой), *comprimo 1* 'смежить, сомкнуть' (веки), *concipio 1* 'собирать, составлять' (от *capio* 'брать'), *condo* 'сооружать, составлять, строить', *conduco* 'сводить, собирать, стягивать', *confero* 'соединять', *configo* 'сколачивать, скреплять' и т. д.

Если в значении бесприставочного глагола уже имеется идея «сближения», приставка *com-*, дублируя этот семантический компонент, десемантизируется,

а приставочный глагол в таком случае оказывается практически тождественным по значению бесприставочному, ср. *connecto* ‘соединять’ при *necto* ‘связывать, соединять’, *commisceo* ‘смешивать’ при *mosceo* ‘мешать, смешивать, перемешивать’ и др.

2.1.3. Частным случаем сближения двух равноправных объектов (переходного глагола) является **сближение частей одного объекта**, который в таком случае концептуализуется как состоящий из некоторого множества соединяемых частей. Сближение тогда превращается в сжатие, уплотнение, касающееся уже одного предмета. Так, глагол *comprehendo* означает ‘скреплять, связывать (два предмета друг с другом)’, а также ‘схватывать (один предмет)’. Заметим, что то же семантическое развитие характерно для русской приставки *с-*, ср. *связать* <*два бревна друг с другом*> и *связать* <*человека*>.

Примеры: *cogo 2* ‘сгущать, уплотнять’, *coeo 2* ‘уплотняться, густеть, застывать’, *complector* ‘схватывать, ловить’, *comprehendo 2* ‘схватывать, ловить’, *comprimo 2* ‘сжимать, стискивать’, *concresco* ‘твердеть, застывать’, *concipio 3* (от *capio* ‘брать’) ‘схватывать’ — в том числе умом (*mente*), т. е. ‘понимать’.

2.2. Сближаемые элементы неравноправны

Здесь различается несколько семантических подклассов.

2.2.1. Приставка *com-* имеет **значение полноты охвата, тотальности**. Полнота охвата при этом может касаться как объекта, так и субъекта; иногда оба варианта могут реализоваться в пределах одного значения глагола, ср. *combibo 2*: ‘полностью выпить <что-то>, проглотить’ и ‘напиться’ или ‘пропитаться’ чем-то (ср. *combibere salem* ‘пропитаться солью’).

Значение полноты охвата, вносимое приставкой *com-*, может реализоваться также в виде значения «покрытия», ср.: *coaedifico* ‘застраивать (поле зданиями)’, *coaggero* (*aliqid aliqua re*) ‘засыпать, покрывать кучей’. При этом меняется модель управления по сравнению с бесприставочным глаголом: и тот и другой глагол переходный, объект бесприставочного глагола в приставочном перемещается на роль инструмента, а в роли прямого объекта выступает исходный локатив (ср. аналогичное соотношение для некоторых русских глаголов с приставкой *за-* в [Зализняк 1995]).

Иногда при присоединении приставки *com-* происходит изменение актантной структуры, которое можно проиллюстрировать следующими примерами:

1) *pugno cum* <Dat> → *compugno* <Acc> (значение в обоих случаях: 'сражаться / спорить с кем-л.');
2) *credo* <Dat> → *concredo* <Dat, Acc> 'доверять <кому что>' (глагол *credo* имеет, наряду со значением 'верить', значение 'вверять, поручать');
3) *lacrimo* → *collacrimo 2* <Acc> ('плакать' → 'оплакивать <кого-то>').

2.2.2. Значение **интенсивности** представлено, например, в следующих глаголах:

a) непереходные глаголы: *commadeo* 'быть совершенно влажным', *commaturesco* 'вполне созревать', *commarceo* 'совершенно увядать, чахнуть', *colluceo* 'быть освещенным, сверкать', *collumino* 'всесторонне освещать', *concaleo* 'быть совершенно теплым', *concrepo* 'громко бряцать' (от *crepo* 'бряцать'), *condeliquesco* 'совершенно расплавляться, таять', *condolesco 1* 'ощущать или причинять сильную боль'; *collacrimo 1* 'рыдать';

b) переходные глаголы: *colluo* 'промывать, тщательно полоскать', *collustro* 'освещать, осматривать', *commanduco* 'разжевывать' (от *manduco* 'жевать'), *conmastico* 'разжевывать' (от *mastico* 'жевать'), *commetior 1* 'обмерять' (от *metior* 'мерить': значение охвата, тотальности), *commordeo* 'искусать', *commundo* 'тщательно вычищать', *communio* 'сильно или со всех сторон укреплять', *commulco* 'бить, колототь, избивать', *compurgo* 'совершенно очищать', *concelebro* 'торжественно праздновать; усердно заниматься', *concelo* 'тщательно прятать', *concido* 'изрубить, перебить, высечь', разбить (от *caedo* 'бить, колотить'), *conclamo 2* 'громко провозглашать, кричать', *conculco* 'растаптывать' (от *calco* 'топтать'), *concutio* 'сильно трясти' (от *quatio* 'трясти'), *condecoro* 'всячески украшать', *concaco* 'обгадить' (значение тотальности).

Имеется, кроме того, ряд глаголов с приставкой *com-* в этом значении, образованных от прилагательных, ср.: *collutulento* 'обливать грязью' (от *lutulentus* 'грязный'), *collocupleto* 'сильно обогащать' (от *locuples* 'богатый').

2.2.3. В некоторых предельных глаголах тотальность преобразуется в **завершенность**: *concremo* 'сжечь', *conflagro* 'сгореть', *comedo* 'съесть', *conficio* 'сделать' (ср. русскую приставку *с-* в глаголах *сжечь*, *сгореть*, *съесть*, *сделать* и т. п.); *condisco 2* 'научиться', *collino* 'намазывать, покрывать' (напр., табличку воском), от *lino* 'мазать'.

2.2.4. Иногда значение тотальности у глагола с приставкой *com-* практически сходит на нет, в результате чего значение приставочного глагола оказывается почти **тождественным значению исходного**. Примеры: *coacesco* 'прокисать',

colloco 1 'ставить, размещать', *commaneo* 'оставаться', *commarcesco* 'начинать терять силы', *commemini* 'помнить, упоминать', *commemoro* 'припоминать, упомнать', *commeo* 'ходить туда-сюда, часто приходить, хаживать', *commereo* 'заслуживать', *commolior* 'приводить в движение', *commoneo* 'напоминать', *commonstro* 'показывать, указывать', *conmoror* 'пробыть, остаться, задержаться, пребывать', *commoveo* 'двигать', *commulceo* 'гладить, ласкать', *commuto* 'изменять', *compalpo* 'гладить, ласкать', *compaciscor* 'заключать договор', *comparco* 'беречь, сберегать', *compareo* 'появляться', *comparo 1* 'готовить', *compavesco* 'пугаться', *complico* 'складывать, свертывать', *commalaxo* 'смягчить', *comminuo* 'размельчать', *commitigo* 'размельчать', *complaceo* 'нравиться', *concalefacio* 'нагревать', *computresco* 'гнить', *concludo* 'запирать, заключать' (от *claudo* 'запирать'), *concoquo 2* 'варить, переваривать (пищу)', *comprimo 2* 'сжимать, стискивать' (от *premo*), *concupisco* 'страстно желать, вожделеть', *condecet* <Dat> 'подобает, пристало (кому-л.)', *condelector* 'наслаждаться' и др.

2.2.5. Приставка *com-* может выступать в комбинации с приставкой *ad-* (при этом по значению эти глаголы практически тождественны глаголам с одной приставкой *ad-*). Такие глаголы выражают идею присоединения к чему-либо; в данном случае элементы неравноправны в том отношении, что один предмет неподвижен, а другой к нему приближается. Примеры: *coaddo* 'прибавлять, добавлять', *coadjicio* 'присоединять', *coadjuvo* 'помогать', *coaduno* 'присоединять (от *aduno* 'соединять').

Логика семантической деривации приставки *com-* во 2-м значении: сближение → связывание → охват → тотальность (интенсивность) → завершенность.

3. Латинская приставка *com-* в сопоставительном аспекте

В данном разделе латинская приставка *com-* рассматривается в сопоставлении с близкими по значению приставками греческого, немецкого и русского языков.

Латинский, греческий, немецкий и русский обнаруживают в отношении приставочного словообразования безусловное типологическое сходство (противопоставляющее названные языки, например, английскому и французскому, где системы префиксации выглядят существенно иначе). Среди их общих свойств назовем следующие: продуктивных приставок относительно много (около 15); большинство из них имеют исходное пространственное значение; большинство соотносимы с предлогами; глагольная префиксация является

живым словообразовательным механизмом. Что касается значений приставок, то в целом можно сказать, что набор значений в каждом языке свой (в каждом языке имеются какие-то значения, вообще отсутствующие или очень слабо выраженные в других). Поэтому единицей межъязыкового сопоставления может быть лишь отдельное значение приставки — что влечет за собой, в частности, все трудности, связанные с префиксальной полисемией. Задача межъязыкового сопоставления значений отдельных приставок осложняется еще и тем, что все интересующие нас языки находятся между собой в сложных отношениях взаимовлияния (прямые заимствования, калькирование, т. е. заимствования внутренней формы, а также заимствование отдельных приставок одновременно с некоторым видоизменением их значения), в результате которого произошла своего рода ассимиляция префиксальных систем обсуждаемых языков. Описание всех этих процессов выходит за пределы данной статьи; здесь мы ограничимся лишь характеристикой ее соотношения со сходными по значению приставками греческого, немецкого и русского языков[6].

Среди греческих приставок ближе всего к латинскому *com-* приставка συν-. В русском языке латинскому *com-* иногда соответствует приставка *с-/со-* в значении сближения, а также церковнославянская приставка *со-* (не меняющая вида глагола и фигурирующая в основном в калькированных словах). В немецком языке имеется две приставки, которые могут быть сопоставлены с латинским *com-*: *mit-* (обозначающее вторичное, сопутствующее действие, тождественное или не тождественное главному) и *zusammen-* (обозначающее совместное действие или сближение).

3.1. Латинская приставка *com-* в сравнении с греческими συν- и αντι-[7]

3.1.1. Значения греческой приставки συν-, сходные со значениями латинской приставки *com-*[8]:

1) Совместное действие (равноправное; значение 1.1.1): συνειμί ‘быть или жить вместе’, συνεκθνήσκω ‘вместе умирать’, συγγελάω ‘вместе смеяться’, συνδακρύω ‘вместе плакать или оплакивать’, συνάρχω ‘быть соправителем’, συγγεωργέω ‘совместно обрабатывать землю’, συγγιγνώσκω

[6] Описанию греческих и немецких приставок, сопоставимых с лат. *com-*, посвящены специальные разделы; сопоставление с русским проводится по ходу изложения.

[7] Материал древнегреческого языка взят из словарей [Дворецкий 1958; Вейсман 1991].

[8] Здесь и далее в данном разделе номер в скобках отсылает к значению латинской приставки *com-* (см. разделы 1 и 2).

‘совместно решать; быть одинакового мнения’, συγγνορίζω ‘знать что-то вместе с кем-то’, συγκαθαγίζω ‘одновременно совершать жертвоприношение’, συγκαθεύδω ‘спать вместе’, συγκαθίστημι ‘совместно устанавливать, учреждать’, συγκαταγηράσκω ‘вместе доживать до старости’, συναλγέω 1 ‘вместе страдать, вместе переносить что-то’ и т. д. В этом значении приставка συν- свободно присоединяется практически к любому глаголу, как переходному, так и непереходному. Это значение у приставки συν- является преобладающим.

2) Совместное действие (сопутствующее; значение 1.1.2): συνάχθομαι ‘соболезновать’, συναλγέω 2 ‘сочувствовать’.

3) Действие над двумя объектами (значение 1.2): συγκαθείργω ‘запирать (кого-то с кем-то)’, συνδεκάζω ‘одновременно подкупать’ (напр., всех судей), συνελαύνω 1 ‘сгонять’.

4) Сближение двух субъектов (значение 2.1.1): συνέρχομαι ‘сходиться, собираться, соединяться’, συντρέχω ‘сбегаться’, συρρέω ‘стекаться’, συρράσσω ‘сталкиваться, сшибаться’.

5) Сближение двух объектов (значение 2.1.2): συνάπτω ‘связывать, соединять’, συναναπλέσκω ‘вместе переплетать (что-то с чем-то)’, συναριθμέω ‘сосчитывать’, συναρμόζω ‘связывать, соединять, сооружать’, συνασπιδόω ‘смыкать щиты’, συνδέω ‘связывать’, συνεξομοιόω ‘уподоблять, делать схожим, сравнивать’, συνέχο ‘сдерживать’; ср. лат. *conhibeo*, русск. *сдерживать*, συνίστημι ‘составлять, соединять’, συρράπτω ‘сшивать’.

6) Сближение частей одного предмета, сжатие (значение 2.1.3): συναιρέω ‘схватывать; постигать’ (ср. лат. *comprehendo*), συσπάω ‘стягивать’, συνελαύνω 2 ‘стеснять, сжимать’.

7) Сближение неравноправных элементов, присоединение (значение 2.2.): συναρπάζω ‘схватывать, уводить, увлекать’, συναρχαιρεσιάζω ‘поддерживать кого-л. при выборах в должность’, συναγορέυω ‘соглашаться, подтверждать, одобрять, защищать (кого-то)’ (от ἀγορέυω ‘говорить публично)’.

8) Завершенность (редко): συναποτελέω ‘полностью заканчивать’.

3.1.2. Значения греческой приставки ἀντι-, сходные со значениями латинской приставки *com-*:

1) Значение реципрока (1.3) реализуется в контексте глаголов, обозначающих взаимное действие. При этом приставочный глагол может быть практически равен по значению бесприставочному (ср. лат. *coaltercor*): ἀνταγωνίζομαι ‘сражаться’, ‘спорить’ (те же значения имеются, среди прочих, у бесприставочного глагола ἀγωνίζομαι), ἀταμείβομαι ‘обмениваться’, ἀντιδεξιόομαι ‘обмениваться рукопожатиями’. В других случаях значение реципрока возникает именно благодаря приставке ἀντι-; ср.: ἀντιαιδέομαι ‘оказывать взаимное

почтение', ἀνταναιρέω 'взаимно уничтожать, отменять', 'исключать друг друга', ἀντευκαλέω 'взаимно обвинять', ἀντεπιθυμέω 'взаимно стремиться к сближению', ἀντεράω 'любить друг друга', ἀντεθνοέω 'взаимно симпатизировать', ἀντιβάλλω 2 'беседовать друг с другом' и др.

2) К значению реципрока примыкает значение ответного действия ('в ответ на действие V, произведенное кем-то, производить действие V'), весьма характерное для греческой приставки и в меньшей степени — для латинской *com-* (ἀντι- в этом значении скорее может быть сопоставлено с латинским *re-*)[9]: ἀνταδικέω 'отвечать обидой на обиду', ἀνταποκτείνω 'отвечать убийством на убийство', ἀντιδιαβάλλω 'клеветать в ответ на клевету', ἀντικακοθργέω 'воздавать злом за зло' и т. п.

Греческая приставка ἀντι- имеет также некоторые значения, отсутствующие у латинского *com-*: 'делать одновременно то же, что кто-то другой' (ср. ἀντεράω 2 'быть соперником в любви', ἀντιδημαγωγέω 'соперничать в заискивании у народа'); 'делать в свою очередь то же, что другой' (ср. ἀντικαταθνήσκω 'быть убитым в свою очередь', ἀντικαταλαμβάνω 'в свою очередь завладевать').

3.2. Латинская приставка *com-* в сравнении с немецкими приставками *mit-* и *zusammen-*

Многие немецкие глаголы с приставкой *mit-* имеют два значения: 1) действие, осуществляемое одновременно и во взаимодействии с аналогичными «равноправными» действиями других людей, находящихся «в тени» (ср. *mitarbeiten 1* 'работать где-то, быть сотрудником', *mitspielen* 'играть в спектакле', *mitdenken 1* 'вместе думать', *mitsprechen 1* 'говорить вместе с кем-то') и 2) ситуация, предполагающая два неравноправных действия: одно «основное» и одно «сопутствующее», ср.: *mitdenken 2* 'следовать за ходом мысли', *mitsprechen 2* 'повторять за кем-то'. Первое значение объединяет в себе комитативное и социативное (в варианте: «участие в общем деле», ср. раздел 1.1.1) значение, второе — ассистивное. В словарях немецкого языка эти два типа значений разграничиваются непоследовательно.

3.2.1. Значения немецкой приставки *mit-*, сходные со значениями латинской приставки *com-*:

[9] Аналогичное значение выражается немецкой приставкой *gegen-*, которая, однако, присоединяется лишь к существительным, ср. *Gegenleistung* 'ответная услуга', *Gegenkraft* 'противодействие', *Gegenmaßnahme* 'контрмера' и т. д.

1) «Равноправное» совместное действие (значение 1.1.1): *mitdenken 1* 'вместе думать', *mitfliegen* 'лететь вместе', *mitbenutzen* 'пользоваться совместно', *Mitbesitz* 'совместное владение', *mitentscheiden* 'участвовать в совместном решении', *miterleben 1* 'вместе испытывать, переживать', *mitfahren 1* 'ехать вместе', *mitgehen* 'идти вместе', *mithalten 1* (*eine Zeitung*) 'выписывать (газету) вместе с кем-то', *mitkämpfen* 'вместе сражаться', *mithelfen* 'помогать кому-то вместе с другими' (*Mithilfe* — «активная помощь», т. е., изначально, когда помогают сразу несколько человек), *mitklingen 1* 'звучать в унисон', *mitkommen* 'приходить вместе', *mitlaufen* 'бежать вместе', *mitlesen* 'читать вместе', *mitlachen* 'смеяться вместе с другими', *mitschreiben* 'писать вместе с кем-то', *Mitschuld* 'соучастие', *mitsingen* 'петь вместе с кем-л.', *mittun* 'делать что-то вместе с кем-то', *mitübernehmen* 'совместно принять на себя (обязательства)' и т. п.

Значение многих существительных с приставкой *mit-* включает компонент 'по отношению к другому, выполняющему ту же роль', ср. *Mitautor* 'соавтор', *Mitbürger* 'согражданин, гражданин той же страны', *Mitbegründer* 'сооснователь', *Mitesser* 'сотрапезник', *Mitherausgeber* 'соиздатель', *Mitschüler* 'товарищ по школе' и т. п.

2) Значение сопутствующего действия (1.1.2): *mitarbeiten 2* 'сотрудничать, помогать (учителю на уроке)', *mitfühlen* 'сочувствовать', *mitempfinden* 'сочувствовать', *mitdenken 2* 'следовать за ходом мыслей', *miterleben 2* 'сопереживать' (о зрителях спектакля), *mitfahren 2* 'быть попутчиком', *mithören* 'подслушать (намеренно или невольно), *mitklingen 2* 'чувствоваться' (= 'попутно выражаться', ср. *in seiner Antwort klang Enttauschung mit* 'в его ответе звучало разочарование'), *mitleiden* 'сострадать, сочувствовать', *mitziehen 2* 'ехать вместе с кем-нибудь'.

К этому значению примыкает значение «вовлеченности в общее дело»: *mitarbeiten 1* 'работать где-то, быть сотрудником', *mithalten* 'участвовать в чем-л. (наряду с другими)', *Mitbestimmung* 'участие в принятии решения', *mitmachen* 'участвовать в чем-л.', *mitmischen* 'принимать активное участие', *mitreden* 'участвовать в разговоре', *mitsprechen 2* 'участвовать в разговоре', *mitwirken* 'содействовать, сотрудничать'.

3) Действие над двумя объектами (оно может быть как равноправным, так и неравноправным; значение 1.2): *Mitangeklagte* 'обвиняемый вместе с кем-то', *Mitgefangene* 'товарищ по заключению (плену)', *mitwählen 2* 'выбирать кого-то (наряду с другими)'; *mitrechnen* 'включать в счет', *mitschicken* 'посылать вместе с чем-то другим', *mitzählen* 'причислять, включать в счет'.

4) Значение завершенности действия (редко): *mitstenografieren* 'застенографировать'.

Кроме того, немецкая приставка *mit-* имеет специфическое значение операции над объектом, сопровождающим субъект (= 'с собой'): *mitbringen* 'принести с собой', *mitführen* 'везти с собой', *mitbekommen* 'получить, чтобы взять с собой'

(напр., в дорогу), *mitgeben* ‘давать кому-то с собой’ (в дорогу), *mitnehmen* ‘уносить с собой’, *mitziehen* ‘тащить за собой’.

3.2.2. Значения немецкой приставки *zusammen-*, сходные со значениями латинской приставки *com-*:

1) Совместное действие (равноправное) (значение 1.1.1): *zusammenarbeiten 1* ‘сотрудничать’, *zusammenwirken* ‘действовать сообща, взаимодействовать’; сюда же, возможно, следует отнести *zusammenbleiben* ‘оставаться вместе’, *zusammenlassen* ‘оставлять вместе’, *zusammmenleben* ‘сожительствовать’. При том, что слово *zusammen* существует в немецком языке также в качестве наречия со значением ‘вместе’, значение совместного действия для глаголов с этой приставкой в целом нехарактерно.

2) Взаимное действие (значение 1.3): *zusammengehoren* ‘принадлежать друг другу, составлять одно целое’, *zusammenpassen* ‘подходить друг к другу’, *zusammenfallen 2* ‘совпадать’, *zusammenschlagen* ‘ударять друг о друга’, *zusammenstoßen* ‘столкнуться, соприкасаться’.

3) Сближение, соединение (значение 2.1): *zusammenarbeiten 2* ‘соединять, пригонять друг к другу’, *zusammenbacken* ‘спекаться’, *zusammenbauen* ‘монтировать’, *zusammenfegen* ‘сметать в кучу’, *zusammenmischen* ‘смешивать’, *zusammenpacken* ‘складывать, упаковывать’, *zusammentragen* ‘сносить в одно место’ *zusammenhangen* ‘быть связанными’.

4) Сближение частей одного объекта (значение 2.1.1): *zusammenballen* ‘сжимать (кулаки)’, *zusammenbeißen* ‘стиснуть зубы’, *zusammendrehen* ‘свертывать, скручивать’.

5) Значение полноты, интенсивности (2.2.1): *zasammenbrechen* ‘разразиться’ (напр., о войне), *zusammenschießen* ‘расстрелять’, *zusammensturzen* ‘рухнуть, развалиться’, *zusammenfallen 1* ‘обрушиться’.

Приведенный материал указывает на то, что значения латинского *com-* распределены между значениями немецких *mit-* и *zusammen-*, а именно, *mit-* преимущественно выражает значение совместного действия (со всеми его вариантами), а *zusammen-* — значение сближения, соединения, отчасти взаимного действия, а также значение интенсивности.

4. Заключение

Проведенный анализ семантики латинской приставки *com-* и сопоставление его результатов со значением сходных приставок других языков позволяют

сделать вывод о том, что выражение средствами одной и той же приставки значения «сближения» и значения «совместного действия» (частным случаем которого является «взаимное действие») представляет собой вполне закономерное явление, обусловленное содержательной близостью этих двух значений. Действительно, по-видимому, совместная деятельность сближает, а пространственная смежность располагает к совместной деятельности. Вопрос о фактическом направлении семантической деривации не совсем ясен; a priori более вероятным представляется изменение от «материального» к «идеальному», т. е. от пространственной близости к совместной деятельности, хотя надежных доказательств тому найти не удается. Так или иначе, промежуточным звеном здесь, по-видимому, является совместность, касающаяся объекта переходного глагола: действие (по крайней мере, физического свойства), производимое одним субъектом одновременно над двумя объектами, с необходимостью влечет их пространственное сближение. Субъекты совместного действия располагают большей пространственной свободой, но все же в большинстве случаев совместная деятельность обязывает и к пространственному сближению, так что иногда бывает даже трудно обсуждаемые два значения различить: так, например, трудно сказать, какую из двух идей — совместного действия или пространственной смежности — несет в себе глагол типа *convivo* (в значении ‘вместе жить’). Это разграничение проводится лингвистами и иногда соответствует лишь разным способам концептуализации одной и той же действительности.

Глава 4

А. Д. Шмелев

«Общие» слова*

> Как много на свете слов, и ни одного из них нет без значения.
>
> 1Кор. 14:10

В статье [Апресян 1994] были приведены серьезные аргументы в пользу представления, согласно которому подлинными, далее неразложимыми семантическими элементами являются семантические «кварки», не вербализуемые средствами естественного языка. Иллюстрацией этого тезиса служил подробный семантический анализ английских глаголов *want* и *wish* и русских глаголов *хотеть* и *желать* (было показано, что, хотя глаголы *want* и *хотеть* не поддаются толкованию средствами естественного языка и в этом смысле представляют собою «примитивы», они тем не менее не являются семантически элементарными). В настоящей заметке делается попытка иллюстрировать этот тезис на несколько ином материале[1].

В работе [Шмелев 1984] было высказано предположение, что референциальный потенциал существительного в значительной степени зависит от его семантического типа, и была предпринята попытка построить такую классификацию русских существительных (в основном на материале существительных, служащих для обозначения лиц), чтобы принадлежность к определенному семантическому классу позволяла бы предсказать способность существительного иметь тот или иной тип референции. Наряду с «полноценными» классами, был выделен и класс «прономинальных» существительных, обладающих чрезвычайно широким, общим значением и употребляющихся для референции

---

* Впервые опубликовано: [Шмелев 2000б].

[1] Я признателен И. Б. Левонтиной, любезно предоставившей мне ряд примеров употребления интересовавших меня слов в реальных текстах (соответствующие примеры в тексте помечены знаком ! в квадратных скобках).

к объекту лишь в сопровождении эксплицитных референциальных показателей[2] и неспособных к генерализованному употреблению.

Каноническим представителем «прономинальных» существительных могло бы считаться просторечное *штуковина*. Его референциальные возможности ограничиваются его неспособностью употребляться в отсутствие местоимения, маркирующего тот или иной тип референции. Допустимо *Дай мне вон ту штуковину*; *А теперь дай эту штуковину*; *Там лежит какая-то штуковина*, но не **Дай мне штуковину*; **Там лежит штуковина.*

Вообще «прономинальные» имена особенно многочисленны в разговорной речи и просторечии. Л. А. Капанадзе [1973: 453] отмечала постоянный захват полнозначных существительных в группу слов с «неопределенно-указательным значением», причем указывала на непрерывное обновление этой группы в разговорной речи за счет индивидуальных употреблений, а также благодаря экспрессивным модификациям одного и того же слова: не только *штука*, но и *штучка*, *штукенция*, *штуковина* и т. п. В частности, в разговорной речи и особенно в просторечии полнозначные слова могут функционировать как прономинальные — ср. прономинальные обозначения лиц при помощи таких существительных, как *субъект*, *товарищ*, *тип*, *друг*, *деятель* и т. п., напр.: *Прошлый раз по пути из Луги, несмотря на форменное переполнение, в вагон еще какой-то тип входит* (Зощенко). Показателем прономинального употребления, как уже говорилось, является необходимость эксплицитного референциального показателя при использовании для референции к объекту. Исключением являются лишь случаи «цитатного» употребления таких существительных, напр.: *Она пришла на работу, а этот тип из провинции уже крутился в коридоре. «Здравствуйте, Нина Васильевна!» — радостно закричал* ***тип****... **Тип** схватил ее перчатку... **Тип** кинулся за нею... **Тип** отстал* (Л. Лиходеев).

В [Шмелев 1984: 140–142] (и позднее в [Шмелев 1996а: 218–219]) необходимость эксплицитного референциального показателя при «прономинальном» имени связывалась с его «десемантизацией», вследствие которой понятийное содержание существительного оказывается недостаточным для идентификации референта. Действительно, «прономинальным» существительным свойственна денотативная неопределенность, так что их референция нормально устанавливается не на основе дескриптивного содержания имени, а посредством апелляции к индексальной составляющей именной группы. Также «десемантизацией» объяснялась необходимость прилагательного при использовании «прономинального» существительного в позиции предиката: само по себе

[2] Другой тип употребления прономинальных имен — в позиции предиката в сочетании с качественным прилагательным (*красивая штука*).

такое существительное, будучи семантически «пустым», никакого признака не предицирует. В то же время необходимо иметь в виду, что «десемантизация» не является полной, так что «прономинальные» существительные можно называть семантически «пустыми» лишь с большой долей условности.

Прежде всего, очевидно наличие коннотативных и субъективно-модальных компонентов в семантике «прономинальных» существительных. Но этим их семантическое содержание не исчерпывается. При всей неопределенности денотативной отнесенности неверно было бы утверждать, что такие слова, как *штука* или *штуковина*, могут относиться к любому предмету, а такие существительные, как *субъект* или *тип*, — к любому лицу. При этом словарные описания таких существительных не дают достаточно точного представления об особенностях их употребления[3].

Так, напр., слову *штуковина* в [МАС] не дается толкование, а лишь указывается (после пометы «прост.»): «То же, что штука (во 2 знач.)». Обратившись к приводимому там же толкованию слова *штука*, мы можем видеть, что «2-е значение» толкуется там следующим образом: «*обычно с определением. Разг.* Вообще вещь, предмет, какое-л. явление, обстоятельство. — *Что это у вас за штука? — спросил Попельковский, притрагиваясь к зубу мамонта.* Григорович, Проселочные дороги. /*Чебутыкин:/ Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой.* Чехов, Три сестры. // О хитром, ловком человеке. *Она нисколько в нем не ошибалась и не вверялась ему, как думали другие. Она говорила: — Я знаю, что Михайлушка тонкая штука; он себя не забывает.* С. Аксаков, Детские годы Багрова-внука». Очевидно, что указание Малого академического словаря может ввести в заблуждение. Слово *штуковина* вовсе не эквивалентно слову *штука* во «2-м значении», как оно выделено в данном словаре. В частности, оно не употребляется, когда говорят «о хитром, ловком человеке»: аномально было бы **Михайлушка тонкая штуковина.* Но этим дело не исчерпывается. Денотативные возможности слова *штуковина* сильно ограничены и не могут быть описаны общим определением «вообще вещь, предмет, какое-л. явление, обстоятельство». Затруднено (или даже вовсе невозможно) употребление слова *штуковина* по отношению к абстрактным

[3] Здесь представляется уместной аналогия с такими глаголами, как *валять*, *драть*, *дуть*, *жарить*, *катать*, *резать*, *садить*, *сыпать*, *хватить*, *чесать*, которые в некотором экспрессивном типе употребления также характеризуются достаточно общим значением, так что иногда говорят об их «десемантизации», а словари приписывают им способность обозначать «всякое действие, которое производится с особой силой, энергией и т. п.» или вообще «употребляться вместо всякого глагола». Однако, как показал Ю. Д. Апресян [1967], такая общая характеристика не подтверждается фактами и должна быть уточнена.

предметам. Странно звучали бы высказывания ?*Жизнь — штуковина сложная* (ср. *Жизнь — штука сложная*); ?*Со мной тут произошла ужасная штуковина* (ср. *Со мной тут произошла ужасная штука*); ?*Одиночество — страшная штуковина* (ср. вышеприведенный пример из «Трех сестер» *одиночество страшная штука*). Пример из стихотворения Маяковского *Поэзия — пресволочнейшая штуковина*, как представляется, находится на грани (если не за гранью) нормы, и лишь его привычность мешает это почувствовать. Кроме того, слово *штуковина* нельзя употребить по отношению ко многим материальным предметам. *Штуковиной*, по-видимому, нельзя назвать растение, камень, книгу. Это слово употребляется преимущественно по отношению к артефактам, причем таким, точное назначение или наименование которых неизвестно (часто деталям какого-либо механизма). Предметы, которые называют *штуковина*, нередко могут вызывать удивление своей необычностью: ср. *Люди охали и дивились: такую штуковину на колесах они видели только по телевизору* [!] (Н. Гладышев). Указанные свойства существительного *штуковина* позволяют использовать его для «остранения» предметов, названия которых, вообще говоря, известны; ср. *Под старой балкой хранилась у него одна штуковина... Была эта штуковина обернута в промасленную холстину, помещалась на ладони и отливала синей вороненой сталью — увесистая, таинственная и страшная штуковина, которую нельзя было показать никому, даже Кларе* [!] (Ю. Домбровский). Они же делают слово *штуковина* пригодным (если отвлечься от стилистической окрашенности) для использования в дескрипциях, даваемых авторами кроссвордов, ср. формулировку в кроссворде, напечатанном в газете «Экстра-М» за 19 июня 1999 г. (автор — Олег Васильев): «Такая штуковина в принтере компьютера, где покоится тонер» (8 букв, отгадка — *картридж*).

Слово *штука* обладает значительно более широкими денотативными возможностями. Впрочем, рассматривая денотативные возможности слова *штука*, следует учитывать его многозначность: далеко не во всех употреблениях слово *штука* функционирует в качестве прономинального существительного.

Прежде всего необходимо отметить использование слова *штука* в качестве счетного слова. Когда речь идет о множестве однородных объектов, отдельный элемент такого множества, рассматриваемый как единица счета, может быть назван *штука*. Многие товары могут продаваться «на вес» или *поштучно* — наречие *поштучно* образовано именно от рассматриваемого значения слова *штука*, которое и выделено в качестве «1-го значения» в Малом академическом словаре (это значение толкуется там следующим образом: «(*обычно в сочетании с количественными числительными и количественными словами*). Отдельный предмет из числа однородных. *Николай Артемьевич взял чашку, налил себе сливок и сгреб штук десять сухарей.* Тургенев, Накануне. — *Я портсигары приватно*

из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Чехов, Толстый и тонкий. /*Ванюшин:/ Поросята там есть. /Авдотья:/ Четыре осталось. /Ванюшин:/ Ведь я двадцать штук купил?* Найденов, Дети Ванюшина»).

Денотативные возможности слова *штука* в данном значении (следуя нумерации значений, данной в Малом академическом словаре, его можно назвать *штука 1*) достаточно широки. Однако они ограничены требованием однородности считаемых объектов (это требование отражено и в приведенном выше толковании Малого академического словаря). Странно звучит сочетание *пять штук книг*, поскольку множество разнообразных книг неоднородно. Но в специальной ситуации, напр. когда речь идет об экземплярах одной и той же книги, счет книг «на *штуки*» оказывается возможным (хотя в этом случае чаще употребляют слово *экземпляр*). Тот факт, что слово *штука* не употребляется при счете людей, также может быть связан с тем, что в русской языковой картине мира каждый человек представляет собою уникальную личность, обладающую неповторимой душой (так что людей удобно считать именно «по *душам*»). В то же время в ситуации языковой игры счет людей на *штуки* возможен — ср.: *У него пять штук детей.* Скот принято считать на *головы* (отсюда — *поголовье* скота), а забитый скот — на *туши*; однако вообще при счете животных слово *штука* может употребляться, особенно в тех случаях, когда считаемое множество концептуализуется как однородное (ср. в приведенном выше примере использование слова *штука* при счете поросят; ср. также пример из словаря В. И. Даля [1980б: 646] *пять штук скота*, толкуемый там же как «пять голов, скотин»).

К значению *штука 1* примыкает 4-е значение, выделенное в Малом академическом словаре и толкуемое там следующим образом: «Целый, нетронутый, непочатый еще предмет, изделие (обычно о рулоне ткани). /*Городничий:/ Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку.* Гоголь, Ревизор. *Представьте себе обыкновенную чайную колбасу: толстый, ровно округлый брус, отрезанный от начала большой, многовесной штуки.* Олеша, Зависть. *На каменном полу грудами лежали куски кожи, сапожный товар, штуки холста, матросские и солдатские сукна.* Задорнов, К океану» (назовем это значение *штука 4*). *Штука 4*, как и *штука 1*, представляет собою единицу счета. Однако если *штука 1* — это далее неделимая единица счета, некий квант, неразложимый элемент однородного множества, то *штука 4* указывает на некоторую целую единицу, предполагающую деление на части. Выражаясь языком торговли, можно было бы сказать, что счет на *штуки 1* предполагает розничную продажу, а счет на *штуки 4* — оптовую. *Штука 1* — это объект, вычлененный из совокупности однородных объектов, некоторая минимальная единица измерения. Это противопоставление отдельного объекта и совокупности объектов

отражается в производном *штучный* (так, *штучная работа* противопоставлена конвейерной[4]; когда говорят о внимании лингвиста к *штучным* явлениям, это означает, что его больше интересуют идиосинкратичные свойства отдельных лексем, нежели общие свойства целых классов слов, исключения привлекают более, нежели правила[5]). Напротив того, *штука 4* — это объект, противопоставленный не столько большей совокупности, сколько более мелким частям. Это достаточно большая единица измерения, и если внимание к *штукам 1* может означать внимание к отдельным деталям, то счет на *штуки 4*, скорее, предполагает нежелание «размениваться на мелочи»[6].

В современном языке многие типы употребления единицы *штука 4* являются устаревшими. Так, в настоящее время уже не говорят о «*штуках* колбасы» (используется выражение *батон колбасы* — и здесь, конечно, играет роль то, что *батон колбасы* не обязан быть столь же «многовесен», как *штука*). Но зато в современном просторечии широкое распространение получило восходящее к жаргону употребление слова *штука*, использовавшееся первоначально для обозначения тысячи рублей, а теперь даже чаще — тысячи американских долларов (иногда это специально уточняется и говорят о *штуке баксов* или *штуке «зеленых»*). Очевидно, что это семантическое развитие значения *штука 4*. Не случайно использование слова *штука* по отношению к тысяче рублей стало постепенно выходить из употребления в ходе инфляции 1990-х гг., когда тысяча рублей перестала быть достаточно большой денежной единицей. Однако представляется столь же очевидным, что это особое лексическое значение слова *штука*, не сводимое к *штука 4*. Ведь *штука* в рассматриваемом значении относится не к нераспечатанной пачке денег (каковая может иметь разную стоимость, в зависимости от номинала содержащихся в ней денежных купюр), а к некоторой абстрактной денежной величине, которая может иметь любое материальное выражение.

Таким образом, есть основание выделять три «счетных» значения слова *штука*, связанных между собою, но все же различных: *штука 1*, *штука 4* и *штука* в значении ‘тысяча (денежных единиц)’.

---

[4] Отсюда возможна коннотация особой ценности объекта, выпущенного не «поточным» а «штучным» способом (ср. выражения *штучная работа*, *штучный товар*, предполагающие, что товар существует в считаном числе экземпляров).

[5] Можно упомянуть в этой связи замечание А. А. Реформатского, считавшего, что, в отличие от фонологии, «морфонология» занимается не системными, а «штучными» явлениями.

[6] В каком-то смысле промежуточным между значениями *штука 1* и *штука 4* могло бы считаться устаревшее значение, соотносящее слово *штука* с объектом, представляющим собою некоторую минимальную совокупность, набор (*штука белья*).

Наряду со «счетными», слово *штука* имеет и иные лексические значения. «Прономинального» значения мы уже кратко касались. Продолжая следовать нумерации значений, данной в Малом академическом словаре, можно назвать его *штука 2*, оставляя пока открытым вопрос о том, действительно ли все употребления, подведенные под это значение в словаре, составляют единое лексическое значение. Помимо указанного «2-го» значения, в Малом академическом словаре выделяется также «3-е значение», которое толкуется следующим образом: «*Разг.* Выходка, проделка. *Карась не был очень труслив, часто решался на дерзости и штуки, на которые решались немногие.* Помяловский, Очерки бурсы. — *Вы действительно обокрали экспедицию капитана Татаринова. Кроме того, за вами числятся еще разные штуки, о которых вы не упоминали в анкетах.* Каверин, Два капитана. // Ловкий трюк, ловкое движение. *Он оправился и с таким неистовым вдохновением пустился вприсядку, такие начал выделывать ногами штуки, что комната потряслась от рукоплесканий.* Соллогуб, Тарантас. *Каждый раз как Эдвардс --- принимался тут же показывать, как надо делать ту или иную штуку, Петя исполнял упражнение с большей ловкостью и охотой.* Григорович, Гуттаперчевый мальчик. // Хитрость, уловка. *Далее я ухитрился сделать еще такую штуку: одно известие разделил на два, да так, что вторая половина оказалась на первом месте, а первая на втором.* Гл. Успенский, Страшен черт, да милостив Бог» (назовем это значение *штука 3*).

Интуитивно кажется очевидным, что вся совокупность определений и «оттенков значения», приведенных в словаре («выходка, проделка; ловкий трюк, ловкое движение, хитрость, уловка»), скрывает за собою некое семантическое единство. Но в чем же состоит это единство?

По-видимому, *штука 3* указывает на необычное действие, вызывающее удивление или непонимание со стороны наблюдателей (*Какую штуку удрала Татьяна!* — восклицал Пушкин). Необычность действия может быть связана как с тем, что выполнение действия требует определенных редко встречающихся навыков, знаний, изобретательности, дерзости, так и с тем, что действие нарушает общепринятые нормы поведения[7]. В первом случае эмоциональной реакцией наблюдателей может быть удивление, граничащее с восхищением (ср. пример из студенческой песни: *Знает он такие штуки — он целует по науке*); во втором — это чаще неодобрение или даже возмущение (ср. пример из «Двенадцати стульев»: — *За такие штуки надо морду бить! — решил Остап* [!]). Соответствующая эмоциональная реакция наблюдателей чаще всего отражается

[7] В указанных двух случаях сочетаемость и некоторые другие особенности слова *штука* несколько различны. Остается открытым вопрос, можно ли на этом основании разбить *штуку 3* на два разных лексических значения.

в том, как оценивает *штуку 3* говорящий, употребивший это слово. Однако в основе различения двух типов *штук 3* лежит все же не оценка. Главное — это чем определяется необычность *штуки*. Некоторые *штуки 3* могут требовать особых знаний или умений. Такие *штуки* не всякому под силу. Это *штуки*, которые *делают*, *выделывают* и т. д.; по-видимому, именно такие *штуки* определяются Малым академическим словарем как «ловкие трюки, ловкие движения»[8]. Однако, будучи проявлением особого искусства, такие *штуки* могут получать отрицательную оценку, связанную с тем, что в них может быть существенный элемент обмана неискушенных зрителей (ср. пример, приводимый В. И. Далем [1980: 646]: *Доморощенный скоморох показывает штуки*, — и толкование, которое он дает в связи с эти примером: «Ловкая, искусная проделка, на диво захваченных врасплох, фиглярство, фокус, мара, морока, обман, отвод глаз»). Другие *штуки 3* требуют изобретательности, их надо придумать или «измыслить» (выражение лесковского персонажа: *а она какую теперь штуку измыслила*). Такую *штуку* можно *выкинуть*, *отколоть*, *отмочить*, *учудить*, *удрать*. Не всякому такая *штука* придет в голову, и это касается как отрицательно оцениваемых *штук*, так и *штук*, против которых говорящий может ничего не иметь и даже сам в них участвовать. Ср., с одной стороны, осуждающее: *А он вот какую низкую штуку со мною придумал* [!] (Лесков), — и с другой, полное гордости: *Послушай, Гунька, какую мы штуку придумали!* [!] (Н. Носов)[9]. Иногда говорящий, характеризуя собственные действия как *штуки*, как бы становится на точку зрения стороннего наблюдателя, который, предположительно, оценивает их отрицательно; ср.:

---

[8] Именно с этим употреблением связано выражение *не штука*, которое приводится в Малом академическом словаре за знаком ромба, после всех четырех значений и толкуется следующим образом: «(в знач. сказ.) — не представляет трудности. *Балда мыслит: — Этого провести не штука!* Пушкин, Сказка о попе и о работнике его Балде». Впрочем, скорее всего, мы имеем здесь дело не с фразеологической единицей *не штука*, а с особым, не очень частотным значением слова *штука*, которое реализуется чаще всего в полемических контекстах (и, в частности, при наличии отрицания), таких, как, напр., *не штука..., штука...* или *штука не в том, чтобы..., а в том, чтобы...* (ср. *не штука сделать отдельное наблюдение, штука создать исчерпывающее описание* или *штука не в том, чтобы не ошибаться, а в том, чтобы вовремя исправлять ошибки*). В этом значении слово *штука* указывает на нечто особо трудное или особо важное (своего рода *pièce de résistance*). Ср. еще следующие примеры, приводимые В. И. Далем: *Не штука промашка, штука поправка*; *Не штука дело, штука разум*; *Не штука разум, штука деньги.*

[9] Ср. также высказывание, приводимое В. И. Далем: *И то штука — сутки пропить!* (впрочем, в нем, возможно, иронически обыгрывается представление о том, что такое не всякому под силу).

Ах, как бы нам за наши штуки
платить по счету не пришлось!
Еврей! Как много в этом звуке
для сердца русского слилось!

Игорь Губерман

Очень часто как *штуки* воспринимается поведение представителя иной культурной традиции, которое, удивляя своей необычностью, может одновременно вызывать и восхищение в том случае, когда оно позволяет достичь результатов, недостижимых при применении «обычных» способов, и недовольство в силу проявленного в нем нежелания следовать принятым правилам. Ср. характерную пословицу *Немец на штуки горазд* и, с другой стороны, пословицу, приводимую в словаре В. И. Даля [1980б: 646]: *Немец без штуки с лавки не свалится.*

Нередко бывает, что «автор» *штук* (в этом случае, как правило, оцениваемых скорее отрицательно) неизвестен, и говорящий задается целью установить, *чьи это штуки*, а установив, сообщает об этом окружающим, как в следующих примерах из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова: *Нет, нет, не отпирайтесь! Это ваши штуки* [!] и *Это балагановские штуки* [!] (ср. также пример из «Записок сумасшедшего» Гоголя, уже приводившийся в иной связи в [Булыгина, Шмелев 1988]: *Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки начальника отделения*).

Семантическим развитием *штуки 3* представляется употребление слова *штука* для обозначения не сразу очевидного механизма, скрывающегося за наблюдаемыми явлениями. Этот тип употребления слова *штука* вообще не отмечен в Малом академическом словаре, в котором приводится только (за знаком ромба, после всех четырех значений) устойчивое выражение *Вот так штука!*, определяемое как «восклицание, выражающее удивление». Но рассматриваемый тип употребления слова *штука* возможен не только в выражении *Вот так штука.* Чрезвычайно характерным является также желание понять или разобраться, *в чем здесь штука* (или *что за штука*, ср. речение *Ну-ка, ну-ка, что за штука*), а поняв — разъяснить всем: *Штука* (*здесь*) *в том, что...* Отметим также ответ на недоумение или слишком поздно пришедшее понимание: *В том-то и штука* (*что...*). Ср. еще пример найденного простого объяснения события, которое на первый взгляд кажется совершенно загадочным (почему аборигены съели Кука), так что на этот счет «молчит наука»:

А мне представилась совсем простая штука:
Хотели кушать — и съели Кука.

Владимир Высоцкий

Каким же образом в современном языке *штука 3* и смежные употребления связаны с прочими значениями слова *штука*? Представляется, что *штука 3* является естественным развитием идеи, содержащейся в «прономинальных» употреблениях слова *штука*, которые, как уже говорилось, можно разбить на два класса: референтные (возможные только при наличии эксплицитных референциальных показателей) и предикатные (возможные только при наличии определения). При референтном употреблении (т. е. в таких выражениях, как *эта штука*, *какая-то штука* и т. п.) слово *штука* нормально может соотноситься только с материальными объектами; при предикатном возможна соотнесенность с материальными объектами (чаще всего при общеродовом употреблении, как в примере из словаря В. И. Даля *Мудрая штука паровоз*), но более характерно предикатное употребление слова, когда речь идет об абстрактных понятиях. При этом референтное употребление слова *штука* (вместо более точного обозначения объекта) имеет место не при затруднениях в идентификации объекта, а в случаях, когда неизвестно его точное название. Такая ситуация едва ли может иметь место в случае с природными объектами[10] или с артефактами, принадлежащими привычному обиходу; напротив того, она чрезвычайно естественно возникает в тех случаях, когда участники коммуникации сталкиваются с необиходными артефактами, часто в таких случаях представляющими собою особо искусно изготовленные инструменты или их детали. Именно для референции к таким инструментам и их деталям слово *штука* и используется, и именно этому «референтному прономинальному значению» чрезвычайно близко рассмотренное выше слово *штуковина* (ср. проницательное толкование, данное слову *штука* в «материальном» значении В. И. Далем: «Искусно, мудрено, хитро сделанная вещь»). При предикатном же употреблении слово *штука* употребляется по отношению к объектам, вообще говоря, известным, но при этом говорящий претендует на то, что сущность таких объектов (будь то *жизнь* или *паровоз*) остается непостигнутой адресатом речи, и это в равной мере относится к таким высказываниям, как *Жизнь — штука простая* и *Жизнь — штука сложная*. Мы видим, что идея необиходности, искусственности или непонятности содержится в обеих разновидностях «прономинального» употребления (при том, что не вполне ясно, каков ее статус в структуре толкования). Отсюда становится понятной и возможность метафорического употребления слова *штука* по отношению

[10] Если точное название природного объекта говорящему неизвестно, он обозначает его, апеллируя к «вышестоящему» таксономическому классу; неспособность же установить какую бы то ни было таксономическую принадлежность объекта указывает на затруднение не в номинации, а в идентификации объекта.

к необычным, вызывающим удивление или требующим особого искусства поступкам и действиям. Иной тип метафоры (но связанный с той же самой идеей) реализуется в случае употребления слова *штука* по отношению к людям (тот тип употребления, которому в описании Малого академического словаря соответствует «оттенок» значения *штука 2*, получивший квазитолкование «о хитром, ловком человеке»). Это употребление вообще не является прономинальным, поскольку оно не требует непременного определения в позиции предиката (ср. пример из словаря В. И. Даля *Он штука*). Впрочем, следует заметить, что этот тип употребления в современной речи у слова *штука* практически не встречается и сохранился лишь в уменьшительном *штучка* (ср. *Она такая штучка*)[11].

Мы видим, что нумерация значений, предложенная в Малом академическом словаре не вполне соответствует реальной семантической структуре слова *штука*, в которой прежде всего следует разграничить «счетные» употребления, «прономинальные» употребления и метафорические употребления, возникающие на базе «прономинальных». Значение слова *штуковина* с некоторой степенью условности может быть приравнено к одной из разновидностей «прономинального» значения, а именно «референтному» значению, но ни в коем случае не является семантически «пустым».

Помимо *штуки*, слово *штуковина* могло бы быть сопоставлено еще и со словами *фиговина* и *хреновина*. Первое из них достаточно близко по значению слову *штуковина* и также употребляется почти исключительно «прономинально», в сопровождении референциальных показателей. Как свидетельствует опрос информантов, различие заключается в том, что для *фиговины* на первый план выходят коннотации не чего-то сложного или искусно сделанного, а, скорее, чего-то непонятного. Поэтому не вполне естественно звучит сочетание

[11] Здесь не удается с какой бы то ни было степенью подробности описать семантическую структуру слова *штучка* и его отличия от *штука*. В самом общем виде можно лишь констатировать, что для целого ряда употреблений слова *штука* замена его на *штучка* или вовсе невозможна, или возможна лишь в «сюсюкающей» речи (??*пять штучек поросят*, ?*три штучки бананов*), тогда как для некоторых других употреблений форма *штучка* оказывается даже предпочтительной (напр., *Знаю я эти ваши штучки*; ср. у Маяковского: *Знаем мы эти жидовские штучки — разные Америки закрывать и открывать*) или единственно возможной (ср. *столичная штучка*). Упомянем также разговорно-шутливое *штукенция*, которое едва ли возможно в «счетном» употреблении. В современном языке оно вообще употребляется не очень часто — поэтому ограничимся примерами из Малого академического словаря: *Что бы теперь, однако ж, какую бы штукенцию предпринять!* (Салтыков-Щедрин); *Заметили, Николай Петрович, во втором классе* [*поезда*] *брюнеточку в желтом? Ядовитая штукенция!* (М. Горький).

фиговина на колесах; с другой стороны, о бугорке на подошве башмака можно сказать *Тут образовалась какая-то фиговина и трет ногу* (слово *штуковина* в этом контексте звучало бы странно). Что же касается до слова *хреновина*, то следует отметить, что для него «прономинальное» употребление в сопровождении референциальных показателей (*Дай сюда эту хреновину*) вовсе не является единственно возможным. Это слово используется и в позиции предиката, и в этом случае оно не является «прономинальным», поскольку не должно сопровождаться прилагательным, будучи в состоянии само по себе дать характеристику (*Ну, все это хреновина*). При этом выражается значение пренебрежительно-отрицательной оценки, чаще всего дается характеристика интенсиональным объектам, и тогда *хреновина* означает нечто вроде 'чушь, ерунда, не заслуживает внимания' (по-видимому, именно так следует понимать характеристику, которую дала музыке Бетховена героиня известной частушки, в первый раз попавшая на концерт). Указанная отрицательно-пренебрежительная оценка часто выражается и при референтном употреблении и нередко сохраняется даже в тех случаях, когда по формальным признакам употребление выглядит «прономинальным»: ср. *Заслушав и обсудив всю ту хреновину, которую* [≠ все то, что (добавлена оценка)] *каждый из вас нес здесь в меру своих способностей, я пришел к выводу...* (В. Войнович). Иногда, впрочем, трудно решить, идет ли речь об оценке референта или об общем эмоциональном настрое говорящего — ср. недовольство персонажа одного из рассказов С. Довлатова, обнаружившего, что товар, который был дефицитным и который он поэтому закупил в большом количестве, надеясь осуществить удачную спекуляцию, появился в магазинах: *Знаю я нашу... промышленность! Сначала она двадцать лет кочумает, а потом вдруг — раз! И все магазины забиты какой-нибудь одной хреновиной* [≈ одним и тем же] [!].

Мы видим, что даже относительно немногочисленные «прономинальные» обозначения предметов вовсе не являются семантически «пустыми», применимыми к любому объекту, о котором зайдет речь. Нельзя считать их и семантически элементарными. «Прономинальные» обозначения лиц более разнообразны, и не удивительно, что каждое из них обнаруживает идиосинкратичные особенности. Чрезмерным упрощением было бы сказать, что слова *деятель*, *друг*, *кекс* (современный молодежный жаргон), *субъект*, *товарищ*, *тип* и т. п. в прономинальном употреблении (в устах тех, кто их использует таким образом) имеют одно и то же значение, взаимозаменимы (с точностью до стилистических характеристик) и могут относиться «к любому лицу».

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство «прономинальных» обозначений лиц не может относиться к лицам женского пола, при том, что соответствующее ограничение может отсутствовать

у слова в «непрономинальном» значении (ср. *Она хороший товарищ, верный друг* при невозможности *Тут заходил какой-то товарищ*, если заходила женщина). Для большинства из них затруднено и употребление с референцией к детям (одним из исключений является слово *деятель* — фраза *Тут этот деятель опять колобродит* может быть сказана о ребенке любого возраста).

Различным является и режим прономинального употребления рассматриваемых слов. Так, при словах *субъект* и *тип* неопределенное местоимение может опускаться при наличии таких определений, как *подозрительный* или *странный*, которые в этом случае и берут на себя функции референциального показателя, имплицируя 'какой-то' (ср. *У ворот стоял* (*какой-то*) *подозрительный субъект / странный тип*). Для слова *товарищ* (в прономинальном употреблении) возможно использование анафорического референциального показателя (так, выступая в Институте языкознания, Лев Гумилев рассказывал о некоем князе и осуществил повторную референцию к нему посредством выражения *этот товарищ*), но, пожалуй, более характерно (и в некоторых идиолектах весьма частотно) дейктическое употребление, когда роль референциального показателя может выполнять указательный жест (*Помоги товарищу раздеться*); ср. *Лебедев! Передай-ка товарища в первый взвод* [!] (А. Гайдар).

Наряду с очевидными различиями в сфере употребления и стилистической окраске «прономинальных» обозначений лиц, они обнаруживают и различный прагматический ореол (недружелюбность для *субъект* и *тип*, шутливо-ироническая окраска для *деятель* и т. п.). Более того, скажем, для слова *тип* оценочный ореол настолько силен, что позволяет в определенных случаях использовать это слово в позиции предиката без определения (*Ну, ты и тип!*). Это сближает слово *тип* с качественными существительными (такими, как *болтун*, *крикун*, *гуляка*, *дурак*, *мечтатель*, *негодяй* и т. п.), которые, как и «прономинальные» существительные, при употреблении с референцией к конкретному объекту должны иметь при себе референциальный показатель (за исключением «цитатных» употреблений»). Однако, в отличие от «прономинальных» существительных, качественные имена хорошо приспособлены к генерализованным употреблениям (*Болтун — находка для шпиона*; *Дуракам закон не писан*) и свободно употребляются в позиции предиката без дополнительных определений[12]. По этим признакам слово *тип* (в интересующем нас значении) все же не может считаться качественным именем: оно не способно к генерализованным употреблениям (**С типами трудно иметь дело*) и употребляется в позиции предиката без определения лишь в очень специальных условиях (странно было бы просто сказать: *Петр Иванович — тип*).

[12] Подробнее о референциальных свойствах качественных имен см. [Шмелев 1996а].

Но во всяком случае ясно, что личные «прономинальные» существительные характеризуются столь же идиосинкратичными языковыми свойствами, что и рассмотренные здесь предметные «прономинальные» существительные (*штука*, *штуковина* и др.). Они также не являются ни семантически «пустыми», ни семантически элементарными, и их универсальная применимость на поверку оказывается связанной с существенными ограничениями, которые, как представляется, должны фиксироваться в соответствующих словарных статьях.

Разумеется, рассмотренные «прономинальные» слова едва ли могли бы претендовать на роль семантически элементарных единиц, которые можно было бы использовать в метаязыке толкований. Этому препятствует хотя бы стилистическая маркированность (отчетливая сниженность) большинства из них[13]. Но и стилистически более нейтральные обозначения предмета «вообще» или лица «вообще» (по крайней мере, в русском языке) обнаруживают определенные идиосинкратические особенности, мешающие признать их в полном смысле слова семантически элементарными.

Между тем без таких единиц трудно представить себе удовлетворительный метаязык толкований. Не случайно соответствующие элементы с самого начала включались в набор единиц «естественного семантического метаязыка» Анны Вежбицкой. В английской версии «естественного семантического метаязыка» роль таких единиц изначально выполняли слова *something* и *someone*; позднее, чтобы избежать синтаксически нестандартных сочетаний типа *this something*, для них были постулированы «аллолексы» *thing* и *person*. При этом, как известно, в концепции Вежбицкой предполагается, что элементарные смыслы универсальны в том отношении, что соответствующие им лексемы могут быть обнаружены во всех языках. В этой связи чрезвычайно показательны затруднения, которые испытывали переводчики лингвистических сочинений Вежбицкой при передаче указанных элементарных смыслов средствами русского языка.

Для элементов *something* и *someone* конкурирующими переводами были, соответственно, *что-то* и *нечто* для *something* и *кто-то* и *некто* для *someone*. При этом элементы *нечто* и *некто* являются необиходными и, кроме того, не имеют форм косвенных падежей (кроме беспредложного винительного для *нечто*), в связи с чем их использование в толкованиях часто оказывается затруднительным. С другой стороны, местоимения *что-то* и *кто-то* явно семантически неэлементарны и в высокой степени лингвоспецифичны, поскольку

[13] Хотя, как уже говорилось (в связи с определениями, используемыми в кроссвордах), в «наивных» дефинициях такие слова, как, скажем, *штука* или *штуковина*, часто используются.

включают нетривиальный семантический компонент ‘референт неизвестен говорящему’[14]. Еще более затруднительным оказывается перевод английских «аллолексов» рассматриваемых единиц, т. е. элементов *thing* и *person*. Конечно, наличие «аллолексов» у английских «примитивов» не обязательно предполагает, что «аллолексы» обнаружатся и у их русских аналогов. И действительно, при переводе некоторых английских выражений, состоящих из «примитивов», для английского *thing* вполне подходящим соответствием оказывается русское *нечто* (напр., *to do a good thing* можно передать как *сделать нечто хорошее*). Но тем не менее без постулирования «аллолексов» и для русской версии «естественного семантического метаязыка» обойтись трудно — по крайней мере, сочетание *это нечто* (или *это что-то*) звучит столь же неестественно, как и английское *this something*.

В качестве кандидатов на роль «аллолекса» элементарной единицы *нечто* (и, соответственно, перевода английского «примитива» *thing*) могли бы рассматриваться единицы *вещь* и *предмет* (слово *объект* очевидным образом не принадлежит обиходному русскому языку и не обладает свойством самопонятности, которое считается необходимым для семантически элементарных единиц). Однако оба указанных слова обладают целым рядом семантических особенностей, которые препятствуют их свободному использованию во всех тех контекстах, в которых достаточно естественным образом употребляется английское *thing*[15].

В частности, денотативные возможности как слова *вещь*, так и слова *предмет* оказываются ограниченными, но при этом различным образом. Точное описание соответствующих ограничений затруднено тем обстоятельством, что оба указанных слова многозначны. Так, можно констатировать, что для формы множественного числа *вещи* характерна референция к предметам бытового

[14] В действительности приведенная формулировка представляет собою лишь первое приближение к экспликации нетривиального семантического компонента, общего для всего ряда русских «неопределенных местоимений на *-то*». Попытка более точной экспликации содержится в целом ряде лингвистических работ (см., в частности, [Шмелев 1996а] и указанную там литературу). Кстати, обилие лингвистических работ, посвященных семантике неопределенных местоимений на *-то*, является косвенным свидетельством интуитивно ощущаемой семантической неэлементарности местоимений *что-то* и *кто-то*.

[15] Отсутствие в русском языке существительного, семантическое содержание которого исчерпывалось бы общим значением «предметности», нередко отмечалось лингвистами, и, скажем, Ю. И. Левин [1998: 815] пишет как о чем-то само собою разумеющемся об «отсутствии русского эквивалента французского *chose*» (отмечая, что оно частично восполняется такими словами, как *хреновина*, *штука*, *штуковина*).

обихода: пожиткам (*собрать вещи в дорогу*; *С вещами на выход!*), мебели (*расставить вещи в комнате*) и т. п. Очевидно, что форма *предметы* таким образом не употребляется. Однако, скорее всего, это не может служить доказательством семантического различия слов *вещь* и *предмет* в интересующем нас «обобщенном» значении, поскольку весьма вероятно, что указанный тип употребления просто реализует особое лексическое значение слова *вещь* (отметим, впрочем, что Малый академический словарь рассматривает соответствующие употребления как «оттенки» первого значения слова *вещь*, толкуемого как «всякий отдельный предмет (преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности и т. п.)»). Имея в виду сделанную оговорку относительно неясностей, связанных с многозначностью слов *вещь* и *предмет*, можно отметить ряд различий их денотативных возможностей. Так, для слова *вещь* не характерна референция к конкретным материальным объектам, не относящимся к повседневному обиходу (мы говорим *предмет неопределенной формы*, но не ?*вещь неопределенной формы*; ср. пример из Малого академического словаря: *Воздух заметно посерел, и в нем стали обозначаться отдаленные предметы: кусты, деревья, столбы* — при странности ?*Воздух заметно посерел, и в нем стали обозначаться отдаленные вещи: кусты, деревья, столбы*); напротив того, целый ряд характерных употреблений слова *вещь* не допускают его замены на *предмет* (ср. *Произошла непонятная вещь*; *Прекрасная вещь молодость!*; *Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!* [Лермонтов]; *Время — вещь необычайно длинная* [Маяковский] и т. п.[16]). Предложения *Мы заметили странную вещь* и *Мы заметили странный предмет* понимаются по-разному: в первом случае речь идет о некоторой странной ситуации, во втором — о странном материальном объекте.

Итак, по-видимому, ни русское слово *вещь*, ни русское слово *предмет* не являются семантически элементарными, и ни то, ни другое не может рассматриваться как «аллолекс» лексемы *нечто* (и аналог английского *thing*). Ничуть не легче найти в русском языке аналог английского *person* — при том, что потребность в «аллолексе» лексемы *некто* ощущается не в меньшей степени. На роль таких единиц могли бы претендовать слова *лицо* и *человек* — однако

[16] Впрочем, как раз для употреблений такого рода в Малом академическом словаре предусмотрены особые значения слова *вещь*: третье («явление действительности, факт, проявление или результат какой-л. деятельности, дело») и четвертое («*какая*, в знач. сказ. или приложения»). Однако представляется, что в указанных контекстах представлен элемент, вполне аналогичный английскому «примитиву» *thing*. Его толкование едва ли возможно (во всяком случае, очевидно, что комментарии Малого академического словаря толкованиями — даже приблизительными — не являются).

каждое из них обладает идиосинкратическими семантическими особенностями, которые не позволяют считать его семантически элементарным (или «аллолексом» лексемы *некто*). Не вдаваясь подробно в семантический анализ указанных русских слов, сошлемся хотя бы на анализ Д. Вайса [1999], в соответствии с которым «*лицо* трактует человека как социальное существо», а «*человек* отдает должное страдающему ближнему» (здесь имеется в виду элемент эмпатии, особенно характерный для употреблений слова *человек* в качестве определенной именной группы при отсутствии атрибутов, а также, хотя и в меньшей степени, в тех случаях, когда *человек* используется для генерализованного заполнения конструктивно значимой позиции — ср. примеры из работы [Шмелев 1984: 142]: *Он упал с обрыва в реку — помогите человеку!* (С. Михалков); *У тебя очень удачно поставлены глаза, они могут, не отвлекаясь, заниматься своей основной специальностью: поражать человека* (А. Володин) и т. п.).

Таким образом, оказывается, что русский язык, судя по всему, не располагает семантически элементарными единицами, которые могли бы служить аналогами английских *something / thing* и *someone / person* (мы оставляем в стороне вопрос, являются ли семантически элементарными указанные английские единицы). В то же время есть все основания полагать, что, по крайней мере, некоторые из рассмотренных слов являются «примитивами» в том смысле, что для них нельзя построить разумного толкования — и, наоборот, без них мы не в состоянии строить толкования семантически более сложных единиц. Мы не можем строить толкования, пользуясь невербализованными «кварками», а использование для обозначения этих кварков условных ярлыков, в свою очередь нуждающихся в определении, привело бы к тому, что толкования были бы непонятными или же круговыми. Однако, используя в толкованиях семантически неэлементарные, но не поддающиеся истолкованию единицы, мы вынужденным образом несколько огрубляем картину и представляем семантику толкуемого выражения лишь приблизительно.

Сказанное ни в коем случае не направлено на дискредитацию самой идеи толкований. Толкования представляют собою традиционный и общепонятный способ представления значения языковых выражений; а предъявляя к толкованиям более жесткие требования, нежели это принято в традиционной лексикографии, мы оказываемся в состоянии с их помощью решать важные лингвистические задачи, напр. формулировать правила семантического взаимодействия данной единицы с другими единицами в составе высказывания (на это неоднократно указывал Ю. Д. Апресян — см., в частности, [Апресян 1994]). Однако для того, чтобы дать полное представление о своеобразии значения языковых единиц, часто может оказаться необходимым дополнить толкование неформальными пояснениями, уточняющими то, что осталось

неотраженным в толковании. Не случайно именно этот прием — сочетание толкований и описания значения языковых единиц в свободной форме — с успехом используется в многотомном «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»[17], составлявшемся под руководством Ю. Д. Апресяна. И, пожалуй, можно полностью согласиться с общим положением, сформулированным в работе [Апресян 1994]: «Комбинирование дефиниций и дескрипций [т. е. толкований и неформальных описаний в свободной форме. — *А. Ш.*] ...должно стать обязательным принципом любых претендующих на полноту описаний семантики естественных языков».

[17] См. первый выпуск словаря — [Апресян и др. 1997].

Глава 5

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Компактность *vs.* рассеяние в метафорическом пространстве русского языка*

Для русской языковой картины мира весьма существенным является пространственное измерение. Пространственные категории как свойства физического мира регулярным образом метафорически переосмысляются как категории внутреннего мира; но при этом в своем исходном, физическом аспекте пространственные категории продолжают сохранять актуальность и участвуют в построении концептов одновременно с выросшими из них абстрактными идеями (об этом свидетельствует, в частности, проведенный анализ слов *удаль*, *размах*, *разгул*, *воля*, *широта*, *уют*, *тоска* и др., см. [Шмелев 1997; 2000а; Левонтина, Шмелев 2000а]). Например, образное представление психического мира человека в русской языковой картине мира в значительной степени определяется идеей «широты души». Именно «широта души» определяет способность человека к *удали* и *размаху*; но она же препятствует сосредоточенной кропотливой работе, направленной на решение какой-либо частной задачи.

Один из важных концептов внутреннего мира, построенный на основе пространственной метафоры, — *собраться* (он проанализирован в работе [Зализняк, Левонтина 1996]). Анализ этого глагола, а также ряда других лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что в представлении русского языка активная деятельность возможна только при условии, что человек предварительно собрал воедино свои душевные ресурсы, как бы сосредоточив их в одном месте. Чтобы что-то сделать, надо *собраться с силами*, *с мыслями* — или просто *собраться*; ср. *Наконец собрался тебе позвонить*. Особенно характерны такие употребления, как *Собирался, но так и не собрался* и т. п.[1] Из этой фразы видно, что *собираться* указывает не просто на наличие намерения, но на некоторый процесс мобилизации внутренних ресурсов, который может продолжаться довольно длительное время и при этом завершиться или не завершиться успехом.

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2003б].

[1] Об аспектуальной семантике этого глагола см. [Зализняк 2012б].

Ср. также у Пушкина: *Царь недолго собирался — / В тот же вечер обвенчался.* Здесь, очевидно, речь идет не о приготовлениях к свадьбе, а о достижении внутренней готовности. Все эти примеры указывают на наличие в русской языковой картине мира идеи, которая неосознанно принимается в качестве очевидной всеми говорящими на русском языке: чтобы что-то сделать, надо *собраться*; обычно это бывает трудно и этот процесс (*собираться*) занимает некоторое время. Идея «собирания» того, что рассредоточено по широкому пространству, вообще является важным мотивом в русских языковых представлениях. Не случайно главная церковь в городе по-русски называется *собор*, *кафолическая* переводится как *соборная* (что не соответствует внутренней форме оригинала: 'всеобщий'); пакование вещей в дорогу концептуализуется как *сборы*; *собираться* в смысле 'складывать вещи (в дорогу)' — тоже лингвоспецифичный концепт [Шмелев 2002б: 145–146].

Состоянию *собранности* и *сосредоточенности* противостоит состояние *распущенности* и *разврата*. При этом идея рассредоточенности (имеющая в данном случае одновременно пространственное и этическое измерение) содержится уже в семантике самой приставки *раз-*.

Центральным для этой проблематики является слово *развратъ*; в современном русском языке оно имеет два основных значения, которые приблизительно можно охарактеризовать следующим образом: 1) морально осуждаемое поведение, имеющее целью получение удовольствия, связываемое с представлениями о праздности; об излишестве или расточительстве; о «потакании» своим слабостям; 2) морально осуждаемое сексуальное поведение. Нас будет интересовать в большей степени первое значение («этическое»); именно оно является лингвоспецифичным.

Интересующее нас значение синтаксически обусловлено: оно реализуется лишь в позиции предиката. Поэтому, напр., выражение *заниматься развратом* не может пониматься в этом значении. Ср. следующий пример из воспоминаний А. Баранович-Поливановой:

> Мне было 20 лет, когда я вышла замуж, — в ту пору это было редкостью, и ранние браки были не приняты, так вот эта девица ни с того, ни с сего брякнула: «Занимаетесь всяким *развратом*»...

Здесь, очевидно, имеется в виду второе значение (хотя сквозь него и «мерцает» первое: ранний брак, по представлениям той эпохи, разделяемым, по всей видимости, упомянутой девицей, — это *развратъ* и в том смысле, что он означает пренебрежение своим долгом — получать образование, овладевать профессией и т. д. — ради удовольствий «личной жизни»). Отметим также, что если производные *развратиться*, *развращать*, *развращенный* могут

мотивироваться «этическим» значением, то прилагательное *развратный*, как и существительное *развратник*, может быть соотнесено только со значением сексуального *разврата*, ср. монолог генерала Гиндина из повести И. Грековой «На испытаниях»:

> *Развратником* рад бы быть, да годы не позволяют, а после двух инфарктов особенно. Здесь на меня стали всех собак вешать за то, что я будто с Адой живу. Это почти клевета, я с ней очень мало живу, и нужна она мне совсем для другого.

Приведем в данной связи известный эпизод из рассказа Зощенко «Аристократка»:

> И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.
>
> А я этаким гусем, этаким буржуем нерезаным вьюсь вокруг ее и предлагаю:
>
> — Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.
>
> — Мерси, — говорит.
>
> *И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.*
>
> А денег у меня — кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.
>
> Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Сочетание *развратная походка* содержит, очевидным образом, игру слов, так как, помимо стандартного осмысления, в данном контексте неуместного ('походка, характерная для *развратной* женщины'), возникает отнесенность к *разврату* в другом смысле: есть в антракте пирожные — это *слишком дорогое удовольствие,* т. е. *разврат.*

По-русски *это разврат* можно сказать, например, про следующие действия: спать до полудня, пить кофе в постели, курить в постели, кормить собаку с общего стола, съедать каждый день по коробке конфет, покупать себе каждый год новую шубу, есть ложками черную икру, два часа пить чай, сорок минут разговаривать по телефону, брать с собою жену на международную конференцию и т. д.[2] (При этом если телефон междугородний, то *разврат* состоит

[2] Интересно сравнить слово *разврат* в данном значении с фразеологизмом *больно жирно.* Разница здесь, во-первых, в том, что *больно жирно* не содержит собственно морального осуждения; в нем есть намерение воспрепятствовать получению чрезмерного удовольствия (и в этом смысле *больно жирно* направлено в будущее); во-вторых, выражение *больно жирно*

в первую очередь в том, что это дорого; но *развратом* можно назвать и двухчасовую беседу по местному — т. е. бесплатному или почти бесплатному — телефону, если говорящий считает, что субъект, вместо того чтобы разговаривать, должен был бы заняться каким-либо более полезным делом.) Характеризуя такие действия, как *разврат*, говорящий выражает свое морально осуждение. Однако, очевидно, далеко не всякое морально осуждаемое действие можно назвать *развратом.* Нечестность, недобросовестность, душевная черствость, жадность и т. д., несомненно, морально предосудительны, однако к концепту *разврата* они не имеют отношения.

Как же определить множество действий, которые подходят под категорию *разврата* (даже если отвлечься от того, что у разных людей могут быть разные представления о «норме» потребления конфет или денежных затрат на ту или иную вещь)? Прежде всего, *разврат* — это действие или занятие, целью которого является получение *удовольствия.* Надо сказать, что категория *удовольствия* в русской языковой картине мира в целом аксиологически сомнительная и легко приобретает отрицательную коннотацию, см. [Зализняк 2003]. При этом в данном случае принципиально то, что речь идет не о любом удовольствии, а о *незаслуженном* удовольствии, выходящем за пределы того, что человеку, по мнению говорящего, «положено». Иногда речь может даже идти не столько об *удовольствии* в собственном смысле слова, сколько о *незаслуженной роскоши.* Показателен в этом плане следующий диалог, приведенный Е. Н. Ширяевым в иной связи (для иллюстрации одного из типов коммуникативных неудач) в его докладе на международной конференции «Русский язык: исторические судьбы и современность» [Ширяев 2001]:

А. А где можно купить ручку с золотым пером / не очень дорогую?
Б. Нечего тебе с ума сходить / золотое перо / это же теперь только у миллионеров и президентов / *разврат* какой-то...

Заметим также, что в представлении о *разврате* участвуют некоторые глобальные оценочные стереотипы. Так, целый комплекс вошедших в русский язык церковнославянизмов, указывающих на удовольствия или морально осуждаемую погоню за ними, включает в себя корень *слад-*: *сладостный, наслаждение, сластолюбие, сладострастие.* Это соответствует общеязыковой оценке излишнего пристрастия к сладкому как одной из форм *разврата* (при том, что склонность к острой или соленой пище оценивается просто как индивидуальное вкусовое пристрастие). Можно обозначить как *разврат* привычку

относится к конкретному намерению конкретного лица, тогда как высказывание *это разврат*, даже будучи сделанным по конкретному поводу, носит характер общей оценки.

пить чай с большим количеством сахара, но вряд ли эта характеристика применима к человеку, который неумеренно перчит или солит свою пищу. То есть *сладкий* в переносном значении — это 'доставляющий удовольствие', и с ним происходит то же, что со словом *удовольствие* (т. е. смещение в отрицательную аксиологическую зону). Интересно, что у англ. слова *sweet* совершенно иная структура многозначности — она гораздо богаче, но «отрицательные» значения отсутствуют (ср. [Dirven 1985: 16]).

Итак, *разврат* — это удовольствие, но при этом не всякое, а лишь получаемое *в состоянии расслабленности* (именно поэтому, в частности, оно воспринимается как *незаслуженное*). Это такой вид удовольствия, который не требует приложения усилий (или требует их в минимальной степени)[3]. Характерны прилегающие к *разврату* слова: почти нейтральное *позволить себе* (часок полежать в постели, ничего не делая) и содержащее моральное осуждение *потакать* <чьим-то *слабостям*> (например, лени, пристрастию к сладкому и т. п.)[4]. С другой стороны, вряд ли можно назвать *развратом* занятие человека, который каждое воскресенье проходит 100 км на лыжах или упражняется в решении квадратных уравнений (даже если он это делает исключительно с целью получения удовольствия).

Вернемся теперь к приставке *раз-*. Наш тезис состоит в том, что именно идея *расслабленности* поддерживается метафорой *рассредоточенности*, содержащейся в значении приставки *раз-*. Рядом с *развратом* в русском языке имеется два других характерных слова с этой же приставкой — *распутство*

---

[3] Обратим внимание на использование слова *разврат* в рекламе:

> Несолидные заведения, предлагающие чашку кофе и какой-нибудь *шоколадный разврат* и не требующие от своих клиентов массивных капиталовложений, особого доверия не вызывали. Ровно до тех пор, пока я совершенно случайно не попала в «Кофе Бин» на Тверской и не выпила там сумасшедше вкусное кафе-латте с шоколадным сиропом и не съела тот самый *шоколадный разврат*, сопроводив его кремом-карамелью, шоколадным же муссом, яблочным и клубничным штруделем. Остальные яства — в виде тирамису, чиз-кейка и чего-то еще, столь же изумительно вкусного и легкомысленного — просто не влезли. («Известия» 11 янв. 2002)

Здесь подразумевается, что хорошо получать удовольствие с минимальной затратой усилий (установка, противоречащая русской «наивной этике»).

[4] Выражение *позволить себе* сочетается с обозначениями в точности того же набора действий, что и *это разврат*, ср. *Я всю неделю работал как вол, могу себе позволить в воскресенье поспать до полудня.* И наоборот: *Я не могу себе позволить каждый день разговаривать с подругами по телефону, каждую неделю ходить в театр, каждый год покупать новую шубу и т. д.* Имеется в виду превышающая «норму» затрата времени или денег на удовольствия; это и есть разврат.

(*распутный*) и *распущенность.* Надо сказать, что оба эти слова происходят от глагола *распустить* (для *распутства* первоначальная форма — *распустство*)[5]. В результате лексико-семантической контаминации они втянулись в семантическое поле *пути* и *распутицы* (также чрезвычайно существенное для русских представлений о мире) — см. [Шмелев Д. Н. 1964].

Нельзя не отметить тот факт, что значительная часть действий, характеризуемых как *разврат*, обозначается глаголами с приставкой *раз-* (точнее, здесь использована составная морфема, состоящая из приставки *раз-* и суффикса *-ива-/-ва-/-а-*): *рассиживать*, *разлеживать*, *распивать* <чаи>, *разъедать*. Если попытаться сформулировать толкования этих глаголов, то окажется, что они отличаются от исходных (*сидеть*, *лежать* и т. д.) в точности теми смысловыми компонентами, которые выше были перечислены как составляющие понятия *разврат* (получение удовольствия, расслабленность, излишество и т. д.). Разве что степень осуждения в слове *разврат* существенно больше. Действия, обозначаемые глаголами с циркумфиксом *раз-...-ива-/-ва-/-а-*, трактуются говорящим как производимые «просто так», и именно «беззаботность» субъекта такого действия вызывает раздражение (ср. также глаголы *распевать*, *разгуливать*, *расхаживать* и т. п.). *Разгуливают*, *расхаживают*, *распивают чаи* и т. д. вместо того, чтобы заняться делом. Все это позволяет говорить о том, что приставка *раз-* входит в широкий круг разнообразных единиц (лексических, синтаксических и др.) русского языка, несущих в себе идею «безответственности» («бесцельности», «беззаботности»), которая является весьма важной составляющей русской языковой картины мира. Эти компоненты — чисто оценочные, ср. характерный пример (из работы [Левонтина, Шмелев 1999]): *Но надзиратели запрещали ночью разгуливать по камере* (А. Рыбаков). Здесь явно подразумевается просто запрещение ходить, поскольку это нарушает порядок и потому вызывает раздражение. При этом носителем указанной концептуальной конфигурации является именно морфема *раз-...-ива-/-ва-/-а-*, которая строит данный концепт при помощи метафоры «рассредоточения в пространстве».

Иными словами, в глаголах *расхаживать*, *разгуливать* содержится указание на непорядок. В некоторых случаях именно этот компонент оказывается решающем в выборе соответствующего глагола — ср. *Надо работать, а не разгуливать неизвестно где*; *Преступник разгуливает* (*расхаживает*) *на свободе* (вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, т. е. имеет место непорядок).

---

[5] *Распущенность* может пониматься как обратная сторона *свободы.* Упомянем в этой связи обычай пеленать ребенка и связанное с ним определение свободы как «ощущения счастья, вызываемое отсутствием давления, сжатия, каких-то тесных, сдавливающих оков» [Вежбицкая 1999: 455].

Итак, приставка *раз-* несет в себе идею (1) занятия большего пространства, идею (2) рассредоточенности, а также идею (3) уничтожения путем рассеивания, т. е. вследствие этой рассредоточенности (ср. *рассеяться*, *распылять* <себя>, *развеять* <по ветру>, *распустить* <вязание, собрание>, и т. п.). Первая из этих идей соответствует содержащейся в слове *разврат* идее «превышения нормы» (потребления конфет, денежных затрат и т. д.). Вторая идея включает приставку *раз-* в круг языковых средств, выражающих весьма важную для русской языковой картины мира оппозицию, противоположным членом которой является идея *сосредоточенности, собранности* (этот концепт связывается, соответственно, наоборот, с идеей компактности, малого пространства). Заметим, что в обоих словах за «прямым» (пространственным) значением довольно ясно просматривается «переносное» (непространственное): это значение «внутренней собранности», т. е. состояние мобилизации душевных и умственных сил, оцениваемое положительно — в противоположность морально осуждаемой *распущенности.* Что касается третьей идеи (уничтожение путем рассеивания), то она указывает на то, что *разврат* с точки зрения русского языка — это то, в результате чего уничтожается суть (нравственная, так как идет речь о человеке: выходя за некие рамки, он оказывается во власти *хаоса*).

Показательно также сопоставление слова *разврат* с некоторыми другими словами с приставкой *раз-*, указывающими на беспорядок в этической сфере и выражающими моральное осуждение. Ср. слово *разложение*, отличающееся как от *распущенности*, так и от *развратa. Разложение* метафорически развивает идею разложения органических веществ (тела человека после смерти), т. е. реализует распространенную метафору «душа — тело» (ср. [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993; Зализняк 2000б]). *Разложение* — это уничтожение в результате разделения на составляющие; ср. выражающее сходную, но все же несколько иную идею словосочетание *распад личности.*

Моральное разложение имеет место, когда человек постепенно пришел в такое состояние, в котором он не считает нужным исполнять свой долг. Например, если он отлынивает от работы или когда он перестает хранить верность своей жене. Ср. диалог из повести И. Грековой «На испытаниях»:

— А семья? — спросил Манин.

— В Москве, — ответил Теткин. — Жена пожилая, дети взрослые — чего они сюда поедут? <...>

— Так долго жить в разлуке с семьей — это может привести к *моральному разложению*, — заметил Манин.

— Не беспокойся, уже привело, — засмеялся Теткин.

Остановимся теперь на соотношении *разложения* и *разврата.*

Прежде всего, *разврат* и *разложение* различаются своим синтаксическим потенциалом: слово *разврат* употребляется только в позиции именной части сказуемого, а для *разложения* такое употребление, наоборот, не характерно. Кроме того, как уже говорилось, высказывание *Это разврат* всегда представляет собою общее суждение. Объект оценки всегда имеет родовой статус: *Спать до 12-ти — это разврат*; *Съедать три пирожных подряд — это разврат.* Что же касается слова *разложение*, то оно характеризует конкретную ситуацию и представляет собою номинализацию глагола *разложиться*, ср.: *Он совершенно разложился — Он дошел до полного разложения. Разложение*, в отличие от *разврата*, всегда предполагает деградацию по сравнению с имевшим когда-то место «нормальным» состоянием. Поэтому слово *разложение* неприменимо, когда речь идет, например, о маленьких детях.

Показательно также сопоставление глаголов *разложить* и *развратить. Разлагать* армию противника значит делать так, чтобы она *разложилась*, т. е. перестала выполнять свои функции. Не случайно в советское время говорили именно о *разлагающем* (а не *развращающем*) влиянии буржуазного образа жизни на советского человека. *Разложение* в природе часто сопровождается гниением; это гниение тоже переосмысляется как порча[6]. Поэтому *разлагающий* имеет синонимом *тлетворный* (ср. *тлетворное / растленное влияние Запада*). *Разлагающий* значит приводящий к тому, что человек теряет представление о том, что он должен выполнять свой долг, а *развращающий* — о том, что он привыкает к «хорошей жизни» и к возможности удовлетворить любую свою прихоть (поэтому говорят, что *всякая власть развращает*).

Упомянем также слово *разболтанность*, которое обозначает состояние, возникающее из-за отсутствия внешнего ограничения и, подобно *распущенности*, может пониматься как обратная сторона свободы, а также глаголы *распоясаться* и *распуститься* (в переносном значении). Если *распустился* говорят про большие промежутки времени, то *распоясался* может указывать на актуальное поведение[7].

И, наконец, в заключение, чтобы «реабилитировать» приставку *раз-*, отметим, что она может выступать не только как носитель *хаоса*, но и, наоборот,

---

[6] Ср.: «Он не вполне точно представлял значение слова “разложенец”, в его сознании возникла отвратительная картина: темно-коричневая, насквозь прогнившая и жидкая от гнилости груша» (Ю. Трифонов. Исчезновение).

[7] Если же речь идет о манере держаться в ходе общения с другими людьми, то не одобряется излишняя свобода общения, концептуализуемая как нарушение компактности (ср. *развязность*), но и отсутствие свободы общения, воспринимаемое как вынужденная компактность (ср *скованность*).

как показатель *космоса*: если выйти за пределы этического пространства, то окажется, например, что *разобрать свой письменный стол* — это значит 'навести порядок'. Эта же идея лежит в основе выражения *разбираться* <в чем-либо> ('хорошо понимать'); можно также *разобраться* <в инструкции по эксплуатации пылесоса>; *разобрать* надпись на малознакомом иностранном языке и т. д. Здесь везде в основе лежит идея упорядочивания путем разделения на значимые элементы. Отсюда — всякие уголовные и политические *разборки* (в основе — идея *порядка*); ср. также *Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи* (Пушкин. Капитанская дочка). Сюда же относится характерное советское выражение *там разберутся* — когда речь идет об органах госбезопасности и т. д.

Итак, в этической сфере имеет место следующая корреляция: компактность метафорически переосмысляется как космос, порядок, а рассеяние — как хаос, беспорядок. Но при переносе в интеллектуальную сферу соотношение обратное: ср. метафорические осмысления выражений *разложить все по полочкам* (внести порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-то проблемы) и *свалить все в одну кучу* (неправомерно соединить вместе факты или идеи, которые следует различать, внеся тем самым в понимание проблемы беспорядок и хаос)[8].

[8] Ср. также относящиеся к интеллектуальной сфере слова *рассудок*, *разум*, *расчет* и др., в которых *раз-* также является упорядочивающим.

Глава 6

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Homo jubilans*

Профессору Вернеру Лефельдту
ко дню рождения

В русском языке имеется довольно обширный класс слов, относящихся к «лексике радости»: *радость*, *рад*, *радостный*, *радоваться*, *обрадоваться*, *порадоваться*, *радовать*, *обрадовать*, *порадовать*. Лексика радости может исследоваться с разных точек зрения. Так, А. Б. Пеньковским [1991] было проанализировано русское слово *радость* (в сопоставлении с *удовольствием*) с точки зрения места заключенного в нем концепта в русской языковой картине мира (см. также [Levontina, Zalizniak 2001: 293–299]). С другой стороны, глагол *радоваться* был рассмотрен в ряду своих синонимов (*ликовать*, *торжествовать*) в работе [Апресян 1997]. Отдельную проблему составляет соотношение глагола *радоваться* и предикатива *рад* (см. [Падучева 1985: 71; Булыгина, Шмелев 1989а; Зализняк 1992: 58]). Эмоция радости исследовалась также в рамках концептуального анализа с точки зрения возможностей ее метафорического представления: *радость* может *переполнять* человека, может быть *незамутненной*, человек может *светиться радостью* и т. д., см. [Арутюнова 1976: 100; Успенский 1979; Пеньковский 1991: 151].

Здесь мы рассмотрим те особенности языкового поведения лексики радости, которые являются наиболее лингвоспецифичными. В центре нашего внимания будут глаголы *радовать — обрадовать — порадовать*, *радоваться — обрадоваться — порадоваться*, представляющие интерес с разных точек зрения.

В частности, в связи с этими тройками возникает вопрос: чем различаются глаголы с разными приставками и который из приставочных глаголов может претендовать на роль перфективного коррелята к бесприставочному?

Начнем с различия между глаголами *порадовать*(*ся*) и *обрадовать*(*ся*). Ср. следующие примеры:

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2003а].

(1) Позвони ей, *порадуй* (**обрадуй*) старушку [≈ проявленным вниманием].

(2) Ты получил пятерку! Немедленно позвони маме, *обрадуй* (*порадуй*) ее!

(3) Решил *порадовать* (*?обрадовать*) жену — купил на рынке соленых огурцов.

(4) Дочь меня *порадовала* (*?обрадовала*) — помыла вчера всю посуду.

(5) Мама, я хочу тебя *обрадовать* (*?порадовать*): я получил стипендию Дидро.

(6) Можешь *порадоваться* (**обрадоваться*): наш сын выиграл конкурс.

(7) Я вчера был у бабушки и *порадовался* (**обрадовался*): она очень неплохо выглядит для своих лет.

(8) Я так *обрадовался* (**порадовался*), когда узнал об этом!

Центральным для нашего изложения будет представление об эмоциональном состоянии, которое обозначается в русском языке глаголом *радоваться.* Согласно описанию, предложенному в [Апресян 1997], *радоваться* — это ‘испытывать приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место’. Уже из этого толкования видно, что представление о данном эмоциональном состоянии включает в себя также представление о какой-то ситуации, которая является причиной данного состояния. Иными словами, *радоваться* — это всегда реакция на некоторую причину: *радуются* всегда чему-то[1].

Описание той же самой ситуации может вестись и со сменой диатез: *Я радуюсь Петиным успехам ≈ Петины успехи меня радуют ≈ Петя радует меня своими успехами.* Тем самым глагол *радовать* может описывать ту же ситуацию, что и глагол *радоваться.*

Возникновение эмоционального состояния радости описывается глаголами *обрадоваться* и *обрадовать.* Так, *обрадоваться*, очевидно, означает ‘начать радоваться’, или ‘прийти в состояние, обозначаемое глаголом *радоваться*’. Глагол *обрадовать* имеет две разных диатезы: *Z обрадовал Y-а* и *X обрадовал Y-а Z-ом.*

Z обрадовал Y-а означает:
[пресуппозиция:] ‘Y получил информацию о некотором событии Z’;
[ассерция:] ‘эта информация вызвала у Y-а эмоциональное состояние радости’.

[1] Соответственно, само слово *радость* может указывать не только на эмоциональное состояние, но и на ситуацию, которая, по мнению говорящего, может или должна быть причиной такого состояния, независимо от того, возникло ли это состояние на самом деле, — ср. *У тебя такая радость, а ты все ноешь по пустякам* (см. [Булыгина, Шмелев 2000: 281]).

Соответственно, *Z не обрадовал Y-а* означает ‘полученная информация Z не вызвала у Y-а состояния радости’. Например: *Жена рассказала мужу о своих успехах, а мужа это почему-то не обрадовало.*

Глагол *обрадовать* в трехместной диатезе имеет близкое значение.

X обрадовал Y-а Z-ом:
[пресуппозиция:] ‘X сообщил информацию Z Y-у’;
[ассерция:] ‘это сообщение вызвало у Y-а эмоциональное состояние радости’.

Другими словами, в двухместной и трехместной модели у глагола *обрадовать* несколько разные пресуппозиции, но ассерция одна и та же. Глаголы *обрадовать* и *обрадоваться* связаны между собой тривиальным образом: если некоторая ситуация Z *обрадовала* Y-а, то это значит, что, узнав о ситуации Z, Y *обрадовался.*

Итак, главная идея и для *обрадовать*, и для *обрадоваться* — то, что в фокусе внимания находится возникшее эмоциональное состояние как реакция на некоторую информацию (получив которую, человек мог обрадоваться, мог огорчиться, мог остаться равнодушным).

Несколько иначе обстоит дело с соотношением между *порадовать* и *порадоваться.*

Глагол *порадовать* включает три смысловых компонента:

(i) ‘X сделал нечто / нечто имело место’;
(ii) ‘Y-у это стало известно’;
(iii) ‘Y-у это доставило удовольствие’.

В конкретном употреблении в фокус может попадать любой из этих компонентов. Разумеется, во всех этих случаях остальные, находящиеся вне фокуса компоненты также присутствуют. При этом здесь возможна ирония, т. е. замена знака оценки на противоположный — ср. пример (9).

Если в фокусе находится компонент (i), то глагол *порадовать* выступает как «косвенная номинация» (термин из работы [Зализняк 1991]) некоторого действия, ср.:

(9) Ну, чем тебя сегодня *порадовал* твой сын? (≈ Что он сделал?).

(10) 1 мая, после долгого перерыва, связанного с выступлениями в Москве, группа «Ленинград» наконец-то *порадует* своих питерских поклонников полноценным концертом в ДК Ленсовета (≈ даст концерт).

(11) Конечно, Ариадна Сергеевна могла бы *порадовать* нас многими яркими, талантливыми книгами, успеть написать куда больше... (М. Белкина).

Если в фокусе находится компонент (ii), то глагол *порадовать* используется как глагол речи — ср.:

(12) Мой начальник вчера меня *порадовал*: мне повышают зарплату (≈ сообщил хорошую новость).

И наконец, когда в фокусе находится компонент (iii), глагол *порадовать* выступает как чисто оценочный:

(13) Ее ответ меня *порадовал* (≈ понравился, доставил мне удовольствие).

Употребление, при котором в фокусе находится оценочный компонент, маркируется акцентным выделением. Сравним примеры (14a) и (14b):

(14) a. Петя *порадовал* маму хорошими отметками.

b. Петя *порадовал* маму отметками.

Предложение (14a) содержит просто сообщение о том, что Петя получил хорошие отметки (и это стало известно маме), а то, что маме это приятно, является фоновым предположением, оправдывающим употребление глагола *порадовать*. Между тем в (14b) в фокусе находится информация о том, что отметки, полученные Петей, хорошие (или, по крайней мере, рассматриваются мамой как таковые), причем этот смысл выражен только в глаголе *порадовать*. Соответственно, предложение (14a) произносится с обычным фразовым ударением на конечном компоненте *хорошими отметками*, а в (14b) акцентно выделено слово *порадовал*.

Рассмотрим теперь основные синтаксические конструкции, в которых употребляется глагол *порадовать*. Как мы помним, речь идет о конструкциях *X порадовал Y-а Z-ом* и *Z порадовал Y-а*.

Конструкция *X порадовал Y-а Z-ом* иллюстрируется следующими примерами:

(15) Чем вы нас *порадуете*? [Вопрос к писателю: ≈ Что нового написали?]

(16) Наум любил *порадовать* родителей игрой на фортепьяно. [≈ доставить радость]

(17) Чем можно *порадовать* дачника? [≈ Что ему подарить?]

При этом Z в рассматриваемой конструкции может отсутствовать. Опущение Z-а бывает обусловлено эллипсисом — ср. *Вы меня порадовали* (из контекста или ситуации должно быть ясно, чем именно); *Я хочу вас порадовать* (дальше идет сама «радующая» информация); *Я рассказал ему это, чтобы его*

порадовать и т. п. Ср. также пример (18), в котором валентность Z выражена сочиненной предикацией:

(18) Постараемся показать хороший хоккей и *порадовать* наших болельщиков.

Особая разновидность этой конструкции (*X порадовал Z-ом*) имеет место в примерах типа (19) — в них внешне не выражена валентность Y-а (который понимается обобщенно):

(19) Ветераны Торпедо *порадовали* новой победой.

Конструкцию *Z порадовал Y-а* можно иллюстрировать следующим примером:

(20) Состояние больного *порадовало* врача.

Обращает на себя внимание потенциальная неоднозначность примера (21):

(21) Судьи-чеченцы *порадовали* лорда Джадда.

При одном понимании подлежащее в нем соответствует валентности лица, или каузатора (X-а): судьи-чеченцы, приняв некоторое решение, порадовали лорда Джадда. При другом понимании подлежащее соответствует валентности причины (т. е. Z), т. е. представляет собою свернутую пропозицию — ср. перифразу (22):

(22) Особенно Джадда *порадовало*, что все судьи — чеченцы.

Посмотрим теперь, что значит *порадоваться*. Сравнивая этот глагол с глаголом *обрадоваться*, можно сказать, что в *обрадоваться* акцент на эмоциональном состоянии, а в *порадоваться* — на информации, извлеченной из некоторого факта.

Стандартные конструкции с глаголом *порадоваться* — это *Y порадовался Z-у* и *Y порадовался, что Z*. В этих конструкциях данный глагол обозначает нечто вроде ‘узнать нечто хорошее (и испытать от этого радость или удовольствие)’.

(23) Арсений Николаевич *порадовался* теплым ноткам в голосе внука (Вас. Аксенов).

(24) А еще *порадовался*, что Настя, молодец, не потянула в это дело милицию.

В следующем примере акцент делается на удовольствии, которое получает субъект:

(25) *Порадовавшись* чисто набоковскому намеку, мы с русистом заглянули и в колледж по соседству, в котором один когда-то учился, а другой нынче преподавал (А. Битов).

Несколько иной тип употребления глагола *порадоваться* представлен конструкцией *Y порадовался за W*, где W — другое лицо (≈ 'X узнал, что с W происходит нечто, что и сам X, и W расценивают как положительное)'. Ср.:

(26) И я за них *порадовался* — я ведь тоже когда-то мечтал, чтобы фирма своя.

О том, что в центре ситуации, описываемой глаголом *порадоваться*, и в этом случае находится получение информации, говорит, например, тот факт, что фраза *Жалко, что он не может с нами порадоваться* уместна только в ситуации, когда «он» не знает о событии.

У глагола *порадоваться* есть, кроме того, употребление, при котором он означает 'выразить радость', ср. аналогичное употребление у глаголов *пожалеть* <*что*>, *восхититься*, *удивиться*:

(27) Он стал объяснять дорогу, то и дело обрывая самого себя, чтобы лишний раз удивиться, *порадоваться*, до чего он, этот Мексут, близко живет и до чего просто к нему пройти (Ф. Искандер).

Заметим, что для глагола *обрадоваться* подобное употребление невозможно, хотя этот глагол может вводить прямую речь (находясь в постпозиции):

(28) «А ведь, пожалуй, ты прав!» — *обрадовался* Петр (Ф. Абрамов).

(29) «А вот и отец идет!» — *обрадовался* Андрей Андреич и замахал шляпой (Чехов).

Следует упомянуть также несколько периферийное употребление, иллюстрируемое примерами (30)–(31), где глагол *порадоваться* приближается к делимитативному способу действия от глагола *радоваться*. Характерным признаком этого употребления является отсутствие указания на какие-либо актанты, кроме самого субъекта, ср.:

(30) ...ты поживи, *порадуйся* на свете, потом приходи ко мне (Бунин).

(31) Дело молодое, в такие годы и *порадоваться* (Вас. Белов).

Но на самом деле жесткой границы между делимитативным и «стандартным» употреблением нет. Ср.:

(32) *Порадуйся* вместе с нами.

(33) Остается за вас только *порадоваться*.

Теперь можно перейти к вопросу об отношениях видовой коррелятивности между рассмотренными глаголами сов. вида *обрадовать*, *обрадоваться*, *порадовать*, *порадоваться* и глаголами несов. вида *радовать*, *радоваться*. В двух словах эти отношения следующие. Вопреки [Зализняк, Шмелев 2000: 57], *обрадоваться — радоваться* не является видовой парой: *радоваться* не может выступать в качестве имперфективного коррелята к *обрадоваться*. При этом, поскольку глагол *обрадоваться* не имеет вторичного имперфектива (по морфологическим причинам), фраза *Тут она обрадовалась и сказала...* вообще никаким образом не может быть переведена в настоящее историческое: **Тут она радуется и говорит...*, *Тут она *обрадовывается и говорит...*[2]. Не является видовой парой и пара *обрадовать — радовать*. Напротив того, пары *порадовать — радовать* и *порадоваться — радоваться* можно считать подлинными видовыми парами, хотя не так легко обнаружить контекст, позволяющий убедительно обосновать в них парность в соответствии с критерием Маслова. Ср., впрочем:

(34) Сегодня мой сын *порадовал* меня своими достижениями. — Мой сын каждый день *радует* меня новыми достижениями.

(35) А твой сын тебя хоть раз *порадовал* пятеркой по химии? — Нет он меня никогда подобными вещами не *радовал*.

(36) Когда мне вчера сообщили, что Володя получил премию Эйнштейна, я сначала *порадовался* за друга, а потом мне стало обидно: почему выбрали его, а не меня? — Сообщают мне вчера, что Володя получил премию Эйнштейна, и я сначала *радуюсь* за друга, а потом мне становится обидно: почему выбрали его, а не меня?

Видовая парность глаголов *порадовать — радовать* и *порадоваться — радоваться* проявляется и в том, что глаголы *радовать* и *радоваться* обладают целым рядом свойств, объединяющих их с глаголами *порадовать* и *порадоваться* и отличающих от глаголов *обрадовать* и *обрадоваться* (хотя, конечно, с точки зрения аспектологической теории это само по себе доказательством видовой парности не является). В частности, для глагола *радовать* выделяются три семантических компонента, аналогичных компонентам, выделенным выше у глагола *порадовать* (с точностью до категориального различия между состоянием, обозначаемым глаголом несов. вида, и событием, обозначаемым глаголом сов. вида).

Перечислим теперь основные различия в языковом поведении глаголов *порадовать*(*ся*) и *обрадовать*(*ся*), связанные с рассмотренными выше различиями заключенных в них концептов.

[2] О критерии видовой коррелятивности см. [Маслов 1984; Зализняк, Шмелев 2000: 47–49].

1. **Отношение к отрицанию.** Как уже говорилось, глагол *порадовать* включает три компонента, каждый из которых может попадать в фокус: (i) X сделал нечто, (ii) Y-у это стало известно, (iii) Y-у это доставило удовольствие. Соответственно, возможны три разных эффекта взаимодействия с отрицанием: *Петя не порадовал маму хорошими отметками* (≈ 'не получил хороших отметок'); *Петя, что же ты не порадовал маму хорошими отметками* (≈ 'не сообщил ей'); *Петя не порадовал маму отметками* (≈ 'получил плохие отметки')[3].

Что же касается глаголов *обрадовать* и *обрадоваться*, то здесь взаимодействие с отрицанием однозначное. *Не обрадовал*, как и *не обрадовался* означает: ожидалось, что обрадуется, а оказалось, что остался равнодушным или огорчился[4].

Различный эффект взаимодействия с отрицанием у глаголов *обрадовать* и *порадовать* сохраняется в тех случаях, когда в роли подлежащего выступает имя ситуации. Высказывание *Ситуация Z не обрадовала Y-а* означает 'Ситуация Z не вызвала у Y-а чувства радости (вопреки тому, что ожидалось)', тогда как *Ситуация Z не порадовала Y-а* означает, что Y невысоко (отрицательно) оценил имеющую место ситуацию Z (ср. *Уровень пьесы меня не порадовал* — это означает, что он оказался ниже, чем я ожидал).

2. **Форма императива.** Можно сказать *порадуйся*, но нельзя: *обрадуйся*. Дело в том, что форма *обрадуйся* не выражает никакого разумного смысла. *Обрадоваться* обозначает неконтролируемый переход в некоторое (тоже неконтролируемое) эмоциональное состояние. Тем самым то, *обрадуется* адресат этого обращения или нет, не зависит ни от говорящего, ни от адресата, поэтому форма императива от глагола *обрадоваться* не имеет разумного смысла. Напротив того, *порадуйся* — это очень естественный квазиперформатив (в смысле [Булыгина, Шмелев 1989б]):

(37) *Порадуйся*, я получил пятерку.

При помощи слова *порадуйся* говорящий вводит информацию, посредством которой он и имеет в виду *порадовать* собеседника. При условии, что говорящий правильно понимает шкалу оценок слушающего, он автоматически достигает своей цели *порадовать*.

При этом ни *порадоваться*, ни *обрадоваться* не употребляются в форме императива с отрицанием. Дело в том, что значение императива с отрицанием

---

[3] В последнем примере наблюдается идиоматическое взаимодействие с отрицанием, характерное для слов оценочной семантики — ср. *нехороший, некрасивый, не нравится* (ср. [Богуславский 1985: 35]).

[4] Компонент 'ожидалось, что произойдет <соответствующее событие>' часто появляется при присоединении отрицания к глаголу сов. вида. Ср. *Не позвонил* — ожидалось, что позвонит.

у глаголов сов. вида в русском языке может быть приблизительно передано как ‘постарайся принять меры, чтобы не произошло данное неконтролируемое событие’. Непонятно, какой смысл имела бы эта форма в обоих случаях. В то же время можно обратить внимание на то, что употребительна форма императива несов. вида *не радуйся*, напр.: *Ты не радуйся, змея, — скоро выпустят меня* (Высоцкий). Эта формула, как и *порадуйся*, используется в качестве квазиперформатива и означает примерно следующее: ‘ты, возможно, испытываешь радость, причиной которой является твоя положительная оценка ситуации Z; я сообщу тебе факты, которые перечеркнут эту оценку и уничтожат основания для радости’[5].

3. **Форма страдательного причастия.** От глагола *обрадовать* — в отличие от *порадовать* — образуется форма страдательного причастия: *обрадованный*, *обрадован*, но не **порадованный*, **порадован*. Более того, для глагола *обрадовать* употребление в форме страдательного причастия (как полного, так и краткого) весьма характерно — это, вообще говоря, наиболее естественный способ описать эмоциональное состояние (ср. *огорчен*, *возмущен*, *взволнован*, *обижен* и т. п.).

Почему же не существует причастия *порадованный*? Никаких формальных запретов на образование страдательных причастий от глаголов с приставкой *по-*, очевидно, нет — ср. *поглаженное белье*, *помытая посуда* (хотя от делимитативных глаголов образование таких причастий затруднено: сомнительно *?почитанная книга*). Причина здесь, очевидно, семантическая. Дело в том, что форма страдательного причастия указывает на состояние объекта, наступившее в результате соответствующего события. Именно в этом и состоит функция причастия *обрадованный*: оно указывает на эмоциональное состояние, наступившее в результате события, обозначаемого глаголом *обрадовать* (того же, что и глаголом *обрадоваться*). Между тем глагол *порадовать* не сообщает нам о наступлении у его объекта какого-либо состояния. *Порадовать* не значит ‘вызвать какое-то состояние’, а значит ‘сделать или сообщить нечто’. Можно сказать, что глагол *порадовать*, будучи синтаксически переходным, семантически переходным не является. Он не предполагает никакого изменения объекта (субъекта эмоционального состояния), и, следовательно, непонятно, что бы могло значить причастие *порадованный*.

4. Только *обрадоваться* допускает **интенсификацию** — поскольку эмоциональное состояние имеет параметр степени, ср. *я очень, сильно, весьма, страшно,*

---

[5] Очень близкий смысл выражается весьма частотной формулой *напрасно / зря радуешься*. Упомянем также выражение *рано радуешься*, которое означает: ‘ты, возможно, испытываешь радость, причиной которой является твоя положительная оценка ситуации Z; я полагаю, что в близком будущем обнаружатся факты, которые перечеркнут эту оценку’.

ужасно, чрезвычайно, так обрадовался. Никакой из этих интенсификаторов не применим к глаголу *порадоваться*, так как этот глагол просто констатирует факт — а факты, как известно, не градуируются.

Отметим еще ряд интересных различий между глаголами *обрадоваться* и *порадоваться.* Как пишет А. Б. Пеньковский [1991: 154], радость межличностна, ею можно поделиться (ср. *разделить чью-то радость*). Однако, как выясняется, та радость, которую можно *разделить* с кем-то, описывается глаголами *радоваться* и *порадоваться*, но не *обрадоваться*: можно *порадоваться вместе* с кем-то, но не говорят **обрадоваться вместе* с кем-то. Ср.:

(38) Мне приятно сообщить это читателям, чтобы они вместе со мной *порадовались*, что подарок старика попал в хорошие руки (Л. Лагин. Старик Хоттабыч).

Дело в том, что, как уже говорилось, в *порадоваться* акцент делается на информации, извлеченной из некоторого факта, а в *обрадоваться* — на эмоциональной реакции. Одну и ту же информацию могут получить разные люди, а эмоциональная реакция у каждого своя.

Только глагол *обрадовать*(*ся*), но не *порадовать*(*ся*) сочетается с такими словами, как *почему-то* и *неожиданно*, ср.:

(39) Это обещание почему-то очень *обрадовало* О. М. (Н. Мандельштам).

(40) И почему-то я необыкновенно *обрадовалась* ему (Бунин).

Речь в таких случаях идет о том, что эмоциональная реакция кажется говорящему недостаточно мотивированной, а причина ее не вполне ясна. Сочетание *почему-то порадовал*(*ся*) выглядело бы странно: непонятно, к чему здесь может относиться удивление говорящего.

Обращает на себя внимание то, что разный смысл имеют сочетания *вместо того чтобы обрадоваться* и *вместо того чтобы порадоваться.* В первом случае речь идет о том, что эмоциональная реакция на определенное событие оказалась не такой, как ожидалось (напр., вместо того чтобы обрадоваться, он огорчился); во втором — говорящий высказывает таким образом упрек в том, что другой человек, вместо того чтобы думать о некоторой приятной вещи, думает о другой, неприятной. Ср., соответственно, (41) и (42):

(41) К великому удивлению Вани, папа не разделяет его симпатии к котятам, и, вместо того чтоб прийти в восхищение и *обрадоваться*, он дергает Ваню за ухо и кричит: «Степан, убери эту гадость!» (Чехов)

(42) Вместо того чтобы *порадоваться* моему новому платью, ты недоволен, что я потратила слишком много денег.

Все сказанное свидетельствует о том, что глаголы *обрадовать*(*ся*) и *порадовать*(*ся*) заключают в себе весьма различные концепты. Но, конечно, существуют контексты, в которых различия между этими глаголами оказываются нерелевантны. Так, два варианта в приведенном выше примере (2) практически синонимичны:

Ты получил пятерку! Немедленно позвони маме, *обрадуй* / *порадуй* ее!

Стирание различий в подобных контекстах вызвано следующей причиной. Для глагола *обрадовать* важна недетерминированность связи между поступлением информации и возникновением эмоциональной реакции, причем глагол указывает именно на наличие эмоциональной реакции. Для глагола *порадовать* эмоциональная р е а к ц и я вообще оказывается не в фокусе, *порадовать* представляет собою косвенную номинацию с т и м у л а. Однако в том случае, когда, с одной стороны, наступление данной эмоциональной реакции кажется говорящему очевидным, а с другой — используется императив, для которого побуждение к действию и к его результату могут сливаться, различие между этими глаголами исчезает. Призыв осуществить действие-стимул и призыв вызвать реакцию — это в каком-то смысле одно и то же.

Глава 7 *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*

Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: *быт, пошлость, вранье*[*]

В русской языковой картине мира получение удовольствия во многих случаях рассматривается как сомнительное занятие, относящееся к сфере «низкого» [Пеньковский 1991; Зализняк 2003]. Само слово *удовольствие* имеет тенденцию к употреблению с оттенком неодобрения — ср. типичные контексты типа *убийцы, искатели мелких удовольствий, сторонники «сильной власти», которая уничтожает все, что ей мешает* (Н. Мандельштам. Вторая книга). Реклама, построенная на предположении, что всякий человек стремится к получению удовольствия (напр., *два удовольствия в одном*), несет на себе след иноязычного происхождения (как правило, она и бывает переводной). Но есть область, где удовольствие имеет высокий аксиологический статус, — это сфера эстетики. Эстетическое удовольствие рассматривается как нечто «возвышенное»: искусство дает нам *высокое наслаждение.*

1. Удаль и любование

Принадлежность *эстетического наслаждения* сфере «высокого» связана с тем, что оно не предполагает никакой практической выгоды (этот признак кладется в основу большинства эстетических теорий — см. известную статью Вл. Соловьева «Общий смысл искусства»), каковая в русской языковой картине мира также имеет отчетливо отрицательную оценку, о чем свидетельствует в том числе семантическая эволюция слова *корысть* — из значения ‘польза’ (ср. пушкинское *в корыте много ль корысти*).

Соответственно, слова, обозначающие получение эстетического удовольствия, имеют скорее положительную окраску. Здесь важно, что *любоваться*

---

[*] Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2004].

«обозначает бескорыстное рассматривание красивого объекта, каждый аспект которого доставляет субъекту исключительно эстетическое удовольствие» [Апресян 2000: 185].

Именно с таким «эстетизмом» русской языковой картины мира связана положительная окраска слова *удаль*, в значение которого входит *любование* удалыми поступками. Понятие *удали* включает идею бесцельного (не вызванного необходимостью) риска и тем самым бескорыстия и нерасчетливости. Совокупность всех этих свойств и вызывает чувство восхищения и делает *удалые* поступки объектом любования (субъектом которого может быть как сам производитель действия, так и наблюдатель).

В современном языке слово *удаль* чаще всего употребляется в цитатном режиме и нередко с оттенком осуждения[1] — ср. следующий пример:

> В общем, всепобеждающая тема любви, ну и, конечно, не обошлось без пьяных выкриков и русской *удали.* (Глеб Самойлов)

Особенно характерен заголовок газетного репортажа в рубрике «Из зала суда»:

> *Удаль* закончилась судом.

Если любование *удалью* связано с положительной оценкой бескорыстия, то ее осуждение бывает вызвано тем, что проявления *удали* часто наносят ущерб окружающим (да и самому *удальцу*). Неприятие *удали* отражено также в следующем отрывке из сочинения лауреата Солженицынской премии 2002 г. Александра Панарина.

> Номенклатурные приватизаторы с самого начала повели себя отнюдь не по примеру «аскетов накопления», методически собирающих по крохам добываемую прибыль для ее последующего инвестирования в экономику роста. Они, напротив, повели себя как жуирующая богема, даром получившая не ею созданное богатство и намеренная использовать его ради неслыханно разнузданного гедонизма. Объективный социокультурный анализ их поведения указывает нам не на аскетическую этику самонакопления, связанную с методическим внутренним самоограничением, а на сочетание психологии разнузданной богемы с психологией захватнической «удали», все более становящейся откровенно криминальной. Не менее обескураживающим оказывается и сравнение класса «новых русских» (и иных «новых» во всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве)

[1] В этом отношении оно напоминает другое лингвоспецифичное слово *авось*, см. [Шмелев 1996в], см. также раздел II.5.

с национально ответственным пуританским мещанством, строящим национальный капитализм с полным сознанием собственной укорененности в местную среду и традицию.

Этот отрывок интересен еще и в том отношении, что здесь обнаруживается апология *ответственного мещанства* (при том, что *мещанство* обычно оценивается отрицательно — ср. ниже) в противовес «захватнической» *удали*, *разнузданности*, *жуированию* и *гедонизму*. При таком подходе любование «удалью» полностью теряет свой высокий ореол эстетического наслаждения и рассматривается как один из видов погони за удовольствиями.

2. Вранье

В русском языке есть два глагола со значением 'говорить неправду': *лгать* и *врать*.

Глагол *лгать* содержит абсолютную моральную оценку: описывая чьи-то действия при помощи глагола *лгать* или его производных, говорящий одновременно выражает свое осуждение.

Врать отличается от *лгать* меньшим моральным осуждением. *Вранье* рассматривается как действие, неизбежное в повседневной жизни, а склонность к вранью — как простительная слабость. В зависимости от степени морального осуждения говорение неправды может быть обозначено и как *ложь*, и как *вранье*. Ср.:

Прятаться, ловчить, видоизменяться он просто не умел. Очевидно, так же, как и лгать. Ты, я надеюсь, понимаешь разницу между ложью и враньем. Вранье — штука бытовая, я врал всю жизнь. Правда, только женщинам. (Игорь Губерман. Штрихи к портрету)

Можно ли сравнивать крупную мужскую ложь, стратегическую, архитектурную, древнюю, как слово Каина, с милым женским враньем, в котором не усматривается никакого смысла-умысла, и даже корысти? (Л. Улицкая. Сквозная линия)

Поэтому в тех случаях, когда моральное осуждение неуместно (ср. *часы врут*), глагол *врать* не может быть заменен на *лгать*.

Вранье отличается и еще одной особенностью: возможностью появления положительной эстетической оценки. Можно сказать, что с точки зрения русской языковой картины мира *врать* позволительно, если врешь *красиво*. Ср.:

Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.
(А. Твардовский. Василий Теркин)

Цель врущего человека часто не в том, чтобы ввести в заблуждение и получить от этого какую-то выгоду, а в том чтобы произвести впечатление: «По-русски *врать* значит скорее нести лишнее, чем обманывать» (Пастернак. Охранная грамота). Именно это отражено в следующих наблюдениях В. Ю. Апресян (курсив наш. — *А. З., А. Ш.*):

> Наиболее типичный случай вранья — это «художественное» вранье — игра воображения, вымысел, болтовня, не имеющая отношения к действительности. Такое вранье вполне невинно; в качестве цели оно преследует не личную *корысть*, а р а з в л е ч е н и е, потому что оно интереснее, забавнее, увлекательнее правды [Апресян В. Ю. 2000: 226].

Образцом склонности к такому вранью является Ноздрев, который

> ...или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или проврется самым жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой масти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнесши: «Ну, брат, ты, кажется, уж начал пули лить».

Поэтому реплика *Врешь!* или *Ври больше!* (= *Не может быть!*), произнесенная в ответ на рассказанную кем-либо невероятную историю, вовсе не является оскорбительной для рассказчика. Напротив того, она может выступать в роли своего рода поощрения.

Иными словами, *врать* можно, если человек это делает ради красоты, а не ради практической выгоды. Это непосредственно связано с тем, что бескорыстное — это прекрасно. Именно об этом писал Достоевский в своем знаменитом эссе «Нечто о вранье» из «Дневника писателя»[2]:

> С недавнего времени меня вдруг осенила мысль, что у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем не может быть нелгущего человека. Это именно потому, что у нас могут лгать даже совершенно честные люди. Я убежден, что

[2] Заметим, что употребляемый здесь глагол *лгать* лишь маркирует внешнюю точку зрения: описание того же действия от первого лица содержит глагол *врать* (ср. *Э, как я врал!*); аналогичную функцию имеет и употребление слова *истина* вместо более уместного *правда* в последней фразе приведенного фрагмента.

> в других нациях, в огромном большинстве, лгут только одни негодяи; лгут из практической выгоды, то есть прямо с преступными целями. У нас, в огромном большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвесть эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнит кто угодно — не случалось ли ему раз двадцать прибавить, например, число верст, которое проскакали в час времени везшие его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиления радостного впечатления в слушателе. И не обрадовался ли действительно слушатель до того, что тотчас же стал уверять вас об одной знакомой ему тройке, которая на пари обогнала железную дорогу, и т. д. и т. д. Ну а охотничьи собаки, или о том, как вам в Париже вставляли зубы, или о том, как вас вылечил здесь Боткин? Не рассказывали ли вы о своей болезни таких чудес, что хотя, конечно, и поверили сами себе с половины рассказа (ибо с половины рассказа всегда сам себе начинаешь верить), но, однако, ложась на ночь спать и с удовольствием вспоминая, как приятно поражен был ваш слушатель, вы вдруг остановились и невольно проговорили: «Э, как я врал!» [...] Деликатная взаимность вранья есть почти первое условие русского общества — всех русских собраний, вечеров, клубов, ученых обществ и проч. В самом деле, только правдивая тупица какая-нибудь вступается в таких случаях за правду и начинает вдруг сомневаться в числе проскаканных вами верст или в чудесах, сделанных с вами Боткиным. Но это лишь бессердечные и геморроидальные люди, которые сами же и немедленно несут за то наказанье, удивляясь потом, отчего оно их постигло? Люди бездарные. [...] Мы, русские, прежде всего боимся истины, то есть и не боимся, если хотите, а постоянно считаем истину чем-то слишком уж для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным.

Приведенный отрывок, как нам кажется, представляет собою очень точное описание концепта *вранья. Врут* не для практической выгоды, а для высшей цели «произвесть эстетическое впечатление»; люди, которые *не врут*, — это «бездарные», «правдивые тупицы». Существенно также замечание Достоевского о том, что когда человек *врет*, он в этот момент верит в то, что он говорит (феномен Хлестакова). Поэтому *вранье* вовсе не противоречит *искренности* (составляющей важную ценностную категорию русской языковой картины мира, ср. [Вежбицка 2002: 25–27]).

Положительная оценка *вранья* может быть проиллюстрирована также следующим примером (из интервью с Евгением Носовым, напечатанного в газете «Известия» 14 июня 2002 г.; интервью было взято в 2001 г., когда Виктор Астафьев еще был жив):

Вопрос Юлии Рахаевой: Следите ли вы за современной литературой?

Ответ: Если совершенно честно, не слежу, да и никто за ней не следит, это физически невозможно.

Вопрос: Но хотя бы какие-то имена вас привлекают?

Ответ: Привлекают. Вася Белов. Витька Астафьев, как он в последнее время врет.

Интересно, что в текстах на русском языке чрезвычайно часто встречается сочетание *красиво врать*. Приведем ряд примеров из современных российских СМИ:

Врите красиво и увлеченно, но не зарывайтесь.

Как *врать красиво* и со вкусом.

Если уж *врете*, то врите *красиво*.

«*Врать красиво*» — это не ремесло, это талант от Бога.

Все-таки умеют еще мужики *врать красиво*.

Умение врать — наука. Умение *врать красиво* — уже искусство. Россиянам в этом смысле несказанно повезло. За долгие годы реформ мы умудрились досконально изучить все тонкости и прелести такого волнующего процесса, как производство лапши для ушей. Даже научились выбирать себе лидеров по одному-единственному принципу: чьи сказки слаще, тот и Шоколад. Лидеры наши стараются нас не разочаровывать. Правду практически не говорят. («Новая газета», 2000, 14.06.00)

Эта же идея — можно *врать*, если *врешь* красиво — выражена в следующем шуточном стихотворении Г. Остера:

Если вы гуляли в шапке, а потом она пропала, —
Не волнуйтесь, дома маме можно что-нибудь соврать.
Но старайтесь *врать красиво*, чтобы, глядя восхищенно,
Затаив дыханье, мама долго слушала вранье.

На связь *вранья* с эстетикой указывает также его эвфемистическое обозначение посредством выражения *художественный свист* (= 'изысканное вранье'), где слово *художественный* непосредственно отсылает к эстетической функции.

Возможность эстетизирующего отношения к *вранью* связана с тем, что глагол *врать* (в отличие от *лгать*) может обозначать процесс, причем акцент в этом случае делается на творческой составляющей акта *вранья*. Наоборот, в случае «бытового» вранья акцент делается на факте говорения неправды.

Заметим, что в случае «художественного» вранья глагол *врать* соотносится с глаголом *наврать* (ср. *наврать с три короба*), в случае же «бытового» вранья — с глаголом *соврать*.

3. Быт, пошлость и мещанство

Эстетически привлекательным *удали* и *вранью* противостоят *быт*, *пошлость* и *мещанство*, отрицательная оценка которых основана в значительной степени на эстетическом неприятии. Коснемся кратко каждого из названных концептов.

Быт

Быт относится к числу труднопереводимых русских слов[3]. Приведем ряд сочетаний с этим словом или его производным *бытовой*, которые могут вызвать затруднение при переводе: *дом быта*, *служба быта*, *бытовой роман*, *бытовые услуги*, *бытовые преступления*, *бытовая техника*. Так, например, словосочетание *бытовой роман* переводится на французский язык как «роман нравов» (*roman de moeurs*), т. е. фактически не переводится, а заменяется близким концептом.

При этом слово *быт* — не просто лингвоспецифичное слово; оно заключает в себе необычайно важное для русской культуры понятие. Процитируем следующий отрывок из статьи Р. Якобсона «О поколении, растратившем своих поэтов», в котором автор, помимо прочего, обращает внимание на языковую и культурную специфичность данного концепта:

> Творческому порыву в преображенное будущее противопоставлена тенденция к стабилизации неизменного настоящего, его обрастание косным хламом, замирание жизни в тесные окостенелые шаблоны. Имя этой стихии — *быт*. Любопытно, что в русском языке и литературе это слово и производные от него играют значительную роль, из русского оно докатилось даже до зырянского, а в европейских языках нет соответствующего названия — должно быть, потому, что в европейском массовом сознании устойчивым формам и нормам жизни не противопоставлено ничего такого, чем бы эти стабильные формы исключались [Якобсон 1979: 359].

[3] История слова *быт* описана В. В. Виноградовым [Виноградов 1994а]. Этому слову специально посвящена также статья Натальи Гоголицыной [Gogolitsyna 1998], которая, к сожалению, осталась для нас недоступна.

Попытаемся описать концепт *быта*, как он предстает на основе анализа русских языковых данных. *Быт* имеет следующие признаки:

1) К *быту* относятся те предметы и связанные с ними действия, которые направлены на поддержание материальной стороны существования. Ср.: *После замужества она впервые столкнулась с бытом* (имеется в виду — с материальной стороной обеспечения жизни). В советскую эпоху в официальных характеристиках часто использовалась формула *В быту скромна*, которая должна была означать, что характеризуемое лицо не замечено в пристрастии к роскоши: приобретении дорогих предметов домашнего обихода, хождении по ресторанам и т. п.

2) *Быт* может быть только там, где человек живет (*домашний, дачный, больничный, лагерный, тюремный быт*, но не **гостиничный, производственный, институтский быт*) — выражение *Быт сотрудников нашего института* может быть понято только как относящееся к домашнему укладу каждого из них[4]. *Бытовое* противопоставлено *производственному* — ср. такие выражения, как *бытовые* (vs. *производственные*) *отходы, бытовая* (vs. *производственная*) *травма. Бытовая техника* — это техника, используемая в домашнем хозяйстве. Отсюда *бытовка* — подсобное помещение на стройке или производстве, где люди едят, переодеваются, умываются, отдыхают, т. е. делают то, что обычно делают дома. Ср. следующие отрывки из газетных статей, где выражение *в быту* вводит противопоставление разным сферам общественной жизни:

> Анаболические стероиды *в быту*, медицине и спорте;
>
> Приборы в промышленности и *в быту*;
>
> ...в промышленности, сельском хозяйстве, при решении экологических проблем, *в быту*;
>
> Перечень видов лома цветных и черных металлов, образующихся *в быту* и подлежащих приему от физических лиц;
>
> Основным потребителем электроэнергии является, конечно, промышленность, однако расход *в быту* тоже внушителен — 9–10 % всего объема энергии.

Интересен также следующий отрывок из книги А. Нилина «Стрельцов», где дважды употребленное выражение *в быту* в одном случае обозначает жизненную сферу, не относящуюся к профессиональной деятельности футболиста, а в другом — домашнюю частную жизнь:

---

[4] Возможно также несколько сдвинутое употребление слова *быт*, при котором оно относит к тому, что принято в некоторой профессиональной среде, ср. *литературный быт 20-х годов.*

...Стрельцов в умении искать приключений на свою задницу в пьяном виде превосходил и Боброва, и всех прочих. ...Не в защиту, а лишь для тех, кто близко не знал Стрельцова, скажу, что был он из тех стеснительных натур, кого водка раскрепощает *в быту*, кому помогает высказать и ближним (и дальним) то расположение, на какое в трезвом виде в полной мере человек не способен. [...]

В быту водка помогала Эдику из свойственной ему склонности к молчаливой прострации резко перейти к активности общежитейского состояния, в иных обстоятельствах — к активности, резко противоречащей его мягкой натуре.

3) Для *быта* характерна повседневность, привычность, обычность — ср. выражение *войти в чей-то быт*, т. е. 'стать обычным'. Ср.:

Картофель так *вошёл в быт* племён и наций России, что получил не только русский паспорт, но и русскую судьбу. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]

Ситец в мелкий растительный рисунок прочно *вошел в деревенский быт* и использовался в одежде небогатых горожан. [Праздничные и будничные костюмы из Архангельской коллекции // «Народное творчество», 2004.06.21]

Эта же идея присутствует в несколько нестандартном употреблении выражения *в быту* в следующих строках Пастернака:

Недотрога, тихоня *в быту*,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.

Здесь *в быту*, вообще говоря, означает просто 'обычно' и противопоставлено *сейчас*.

Заметим, что слово *быт* заключает в себе концепт, который сам по себе никак не окрашен, но легко приобретает отрицательную коннотацию: *быт* понимается как обозначение мелочей повседневной материальной жизни, недостойных внимания человека, имеющего подлинные духовные интересы, и противопоставляется *бытию*, обозначающему глубинные основы существования (ср. также [Boym 1994: 29])[5]. Таким образом, пара *быт — бытие* вписывается в оппозицию «высокое — низкое» (ср. о дуальности ценностной ориентации русской культуры в [Лотман, Успенский 1994]). Противопоставление *быта* как земного, бренного, преходящего — вечному *бытию* особенно характерно для М. Цветаевой, что отмечали многие авторы — ср. название

[5] Как заметил А. Б. Пеньковский, этой дифференциации не было в языке Пушкина; однако в современном языке оно стало общим местом [Пеньковский 2003].

книги Виктории Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой», название «Быт и бытие» книги воспоминаний друга М. Цветаевой князя С. М. Волконского, а также следующие примеры из книги Анны Саакянц «Жизнь Цветаевой» [Саакянц 2002]:

> Это дневниковые записи 1917–1920 годов, *быт* Революции и *бытие* в нем поэта — именно так толковала Цветаева свой замысел;
>
> Так поэт побеждал преходящесть *быта* чувств, преображая его в *бытие* нетленных страстей...;
>
> То есть в мимолетном *быту* любви («с минутным баловнем») незримо и неотторжимо присутствует вечное *бытие* любви с... неможным, несбыточным, мифическим...

Быт может противопоставляться *бытию* как мелкое, незначительное — крупному и значительному. Ср.:

Где я не получаю сдачи
Разменным *бытом* с *бытия*...
(Пастернак. Волны)

На представлении о том, что *быт* — это нечто мелкое, незначительное и недостойное того, чтобы быть предметом литературы, основан использовавшийся в советском литературоведении ругательный термин «бытовизм», против которого выступал подвергшийся именно такому обвинению Ю. Трифонов:

> В русском языке нет, пожалуй, более загадочного, многомерного и непонятного слова. Ну что такое *быт*? То ли это — какие-то будни, какая-то домашняя повседневность, какая-то колготня у плиты, по магазинам, по прачечным. Химчистки, парикмахерские... Да, это называется *бытом*. Но и семейная жизнь — тоже *быт*. Отношения мужа и жены, родителей и детей, родственников дальних и близких друг другу — и это. И рождение человека, и смерть стариков, и болезни, и свадьбы — тоже *быт*. И взаимоотношения друзей, товарищей по работе, любовь, ссоры, ревность, зависть — все это тоже *быт*. Но ведь из этого и состоит жизнь! [Ю. Трифонов. Нет, не о быте — о жизни!]

Отторжение *быта* — романтическая (в широком смысле) линия в русской культуре вообще и в поэзии в частности. В русской культуре вообще ярко выражена тенденция восприятия *быта* как чего-то враждебного человеку. *Быт засасывает, заедает* человека, не дает ему возможности жить духовными интересами; в особенности это относится к тяжелому советскому *быту* — ср. выражение Светланы Бойм «daily grind» [Boym 1994].

С другой стороны, налаженный *быт* является основой *уюта* (об *уюте* см. [Левонтина, Шмелев 2000; Шмелев 2002б: 349–353]). Ср.: *Когда нет быта с его знакомым уютом, с его традициями — скучно жить, холодно жить...* (А. Аверченко. Быт). Однако изнеженность и удовольствия тоже противоречат духовной жизни, и потому неприятие *быта* — так же как отталкивание от *уюта* — в любом случае остается важной составляющей романтического мировосприятия, ср. слова из песни П. Когана «Бригантина», ставшей своего рода гимном советской романтики 60-х годов:

Пьем за яростных, за непокорных,
За презревших грошевой *уют.*

Весьма показателен в этой связи следующий отрывок из дневника десятилетней Ариадны Эфрон, дочери М. Цветаевой (цит. по книге [Саакянц 2002: 317]):

> «Геликон»[6] всегда разрываем на две части — *бытом* и душой. *Быт* — это та гирька, которая держит его на земле и без которой, ему кажется, он бы сразу оторвался ввысь, как Андрей Белый. На самом деле он может и не разрываться — души у него мало, так как ему нужен покой, отдых, сон, *уют*, а этого как раз душа и не дает.

Другая линия в русской поэзии состоит в том, чтобы видеть поэтичность в *мелочах быта.* Так, Пастернак вовсе не отвергает *быта.* Ср.:

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим *в быту...*

Быту здесь противопоставлено будущее (как временному — вечное), но одновременно вступает с ним в контакт, составляя частный случай «контакта малого, сиюминутного, здешнего, [...] — с далеким, вечным, беспредельным» [Жолковский 1996: 217]; ср. также [Гаспаров Б. М. 1994]. Ни этического, ни эстетического противопоставления здесь нет.

На то, что у Пастернака отсутствовало презрение к быту, характерное для многих представителей русской интеллигенции, указывает О. Ивинская в своих воспоминаниях «Годы с Борисом Пастернаком»:

> Но главным источником его творческого вдохновения, как я понимаю — была повседневность. О чем бы ни писал Пастернак — о любви, о природе, о социальных

[6] Метонимическое (по названию издательства) шутливое прозвище А. Вишняка — берлинского издателя и вдохновителя цикла стихов М. Цветаевой.

потрясениях — везде у него высокое искусство рождается в столкновении поэтической отвлеченности с домашним *бытом* и уличной повседневностью.

Она же пишет о различиях в отношении к *быту* у Пастернака и Цветаевой:

[Пастернак] относился к удобствам *быта* совсем не так, как Цветаева. Не сибарит он был, и не барин, но некий минимум бытовых удобств, какой-то порядок и покой, письменный стол и кабинет ему были необходимы.

Ср. также следующий отрывок из «Воспоминаний» З. Н. Пастернак:

Я была сконфужена, когда Пастернак тащил ко мне вязанки хворосту. Я уговаривала его бросить, и он спросил: «Вам стыдно?» Я ответила: «Да, пожалуй». Тут он прочел мне целую лекцию. Он говорил, что поэтическая натура должна любить повседневный *быт* и что в этом *быту* всегда можно найти поэтическую прелесть. По его наблюдениям, я это очень хорошо понимаю, так как могу от рояля перейти к кастрюлям, которые у меня, как он выразился, дышат настоящей поэзией.

Распространенная точка зрения, согласно которой высокие и поэтические натуры презирают повседневность, была совершенно чужда Пастернаку. По свидетельству еще одной женщины, Пастернак считал, что «нельзя быть в искусстве жар-птицей, а в быту — мокрой курицей» (З. Масленикова. Борис Пастернак).

Впрочем, установка на поэтизацию *быта* была свойственна также Цветаевой в ранний период ее творчества. Как пишет М. Л. Гаспаров, М. Цветаева «понесла в поэзию самый быт: детская, уроки, мещанский уют», что «по критериям 1910 г. было... вызовом» [Гаспаров М. Л. 2001].

Отсутствие отвращения от *быта* может быть связано не только с его поэтизацией, но и с общими ценностными установками. Приведем характерный отрывок из интервью с акад. А. В. Панченко («Известия», 5 июня 2002):

— В чем проявляется национальный комплекс неполноценности?

— В глухой зависти к налаженному *быту*. Глухой, разрушительной — не стремиться наладить свой *быт*, но разрушить чужой.

Пошлость

Пошлость является одним из самых известных непереводимых русских слов[7]. Главным борцом с пошлостью в истории мировой культуры является

[7] Об истории слова *пошлый* см. [Виноградов 1994б; Фролова 2003]. Мы здесь не рассматриваем второе значение слова *пошлый* — «скабрезный» (ср. *пошлый анекдот*), хотя между

В. В. Набоков. В частности, ему принадлежит очень точное наблюдение о том, что определяющим для пошлости является *ложная претензия*: пошлость — это нечто «ложно значительное, ложно красивое, ложно умное, ложно привлекательное» (*Nikolai Gogol'*, перевод наш. — *А. З., А. Ш.*). Вместе с тем, как нам сейчас очевидно, набоковские гневные инвективы в отношении пошлости обладают одним бросающимся в глаза свойством: пошлостью. Иногда говорят, что Набокову тут изменяет вкус, однако это ничего не объясняет: хороший вкус и есть противоположность пошлости. Мы собираемся показать, что этот порочный круг (разоблачать пошлость — это пошло) заложен в природе самой этой категории.

А. Вежбицкая предлагает следующую экспликацию для слова *пошлость*, в которой, безусловно, отражены наиболее существенные компоненты значения этого слова [Вежбицка 2002: 9]:

Пошлость
многие люди думают о многих вещах, что эти вещи хороши
это неправда
эти вещи нехороши
они похожи на некоторые другие вещи
эти другие вещи хороши
эти люди этого не знают
это плохо
люди такие, как я, это знают

Далее А. Вежбицкая пишет: «Если вы с этим толкованием не вполне согласны, вы можете точно сказать, что именно нужно в нем переменить». Воспользуемся этим предложением.

Прежде всего, по-видимому, следует считать ошибкой (может быть, опечаткой?) упоминание о «многих вещах» в первой строчке толкования; здесь, очевидно, должно стоять «некоторые вещи». Кроме того, следует сделать несколько уточнений. Во-первых, речь идет о «хороших» вещах лишь в определенном аспекте: это может быть нечто красивое, остроумное, оригинальное, интересное — но не, например, функционально пригодное (о технике), доброкачественное (о пище), удобное (о мебели, квартире) и др. Таким образом,

---

этими двумя значениями имеется вполне определенная связь через смысловой компонент 'то, что нравится многим'; кроме того, эти значения часто выражаются синкретично (ср. *говорить пошлости*). Интересно, что обратный путь семантической деривации представлен в слове *тривиальный* (от лат. *trivium* — обозначения развилки трех дорог, где обычно стояли проститутки) [Бойм 2002: 64].

в положительной оценке — которая оказывается «ложной» и которую разоблачает автор высказывания со словом *пошлый* — решающую роль играет эстетический момент.

Вообще *пошлым* может быть только такое действие, ситуация, предмет или высказывание, которым человек приписывает некую эстетическую значимость. Так, гриб, цветок или морская раковина — так же как и хождение на работу или в лес за грибами — сами по себе не могут быть *пошлыми*: они могут стать таковыми только в том случае, если кто-то приписывает им какую-то дополнительную эстетическую ценность, а говорящий эту оценку не разделяет.

Во-вторых, весьма важную роль в определении *пошлости* играет смысловой компонент, соответствующий этимологическому значению этого слова — а именно, идея повторяемости, воспроизводимости, предсказуемости ситуации, ее принадлежности опыту многих и многих (ср. [Бойм 2002: 68]) Так, *пошлый роман* — это, например, курортный или роман со своей секретаршей, т. е. предсказуемый, часто возникающий в данных обстоятельствах. В толковании Вежбицкой этот смысл отражен в форме упоминания «многих людей», однако, на наш взгляд, здесь важна не столько идея «множества», сколько идея повторения одного и того же, неоригинальности. Эта идея важна именно потому, что слово *пошлость* применяется к тем объектам, ценность которых заключается в значительной степени в их оригинальности: шутки, произведения искусства и т. п.

И, наконец, третье соображение состоит в том, что, возможно, в толковании следовало бы более явно вывести наружу тот скрытый, но очень важный смысл (ему соответствует последняя строка в толковании Вежбицкой), что, характеризуя другого человека и его действия словами *пошлость* или *пошлый*, говорящий в своих глазах возвышается над ним, думая про себя: а мои ценности — настоящие, и поэтому я (и такие, как я, немногие избранные) бесконечно превосхожу тебя (и таких, как ты, многих). При этом, как и в других оценочных словах — а может быть, даже в большей степени, в слове *пошлость* подразумеваемая говорящим эстетическая оценка подается им как объективный факт, и осужденному выносится мгновенный и безоговорочный приговор (ср. известную фразу из «Вишневого сада»: *Дачи и дачники — это так пошло, простите*). И в этом последнем смысловом компоненте кроется источник образуемого *пошлостью* порочного круга: описанная только что концептуальная конфигурация — а именно, удовольствие, получаемое от чувства превосходства над человеком, идущим в толпе протоптанной тропой и не подозревающим об этом, — является одним из самых банальных проторенных путей, т. е. *пошлостью*.

Слово *пошлость* тем самым — это чистое свидетельство отношения говорящего к миру и к адресату; в этом слове вообще отсутствует дескриптивное содержание (в отличие от слова *мещанство*, о котором пойдет речь ниже, и от многих собственно оценочных слов — таких как *подлость*, *безобразие*, *свинство* и т. п.). Поэтому с равной вероятностью как *пошлость* могут расцениваться совершенно разные и даже противоположные вещи: целеустремленно делать карьеру и медитировать лежа на диване, стремиться быть как все и хотеть быть ни на кого не похожим, покупать только дорогие вещи или только дешевые, отдыхать в комфортабельных отелях или ходить с рюкзаком в горы и т. д.

Итак, *пошлым* может быть названо что угодно (если выполнены перечисленные выше условия); этим прилагательное *пошлый* отличается от *мещанский*, хотя здесь имеется довольно большая зона пересечения: то, что может быть названо *мещанским*, часто может быть названо также и *пошлым* (но не наоборот). В некоторых случаях, однако, сочетания со словом *пошлый* имеют вполне определенное дескриптивное содержание. Так, *пошлые занавески* или *обои* значит, например, с какими-нибудь розочками или оборочками; *пошлый торт* — с пышным розовым кремом и т. д. Обладая определенным дескриптивным содержанием, такие выражения могут приобретать вторичную положительную оценку, ср.:

> Купить бы себе на базаре тапочки — уютные, *пошлые*, из искусственного меха, чтобы спереди морда, сзади помпоны, а внутри самопальный войлок. (Татьяна Устинова. Первое правило королевы)

Человек, признающийся в пристрастии к чему-то *пошлому*, обычно делает это для того, чтобы обезопасить себя от обвинений в пошлости. Действительно, как уже говорилось, *пошлость* неразрывно связана с «ложной претензией»: *пошлый* человек не догадывается о собственной пошлости и самодовольно полагает свои вкусы безупречными. Если же ложная претензия снимается, то и для *пошлости* как будто не остается места. Но выйти за пределы порочного круга все равно не удается: при многократном воспроизведении признание в пристрастии к *пошлому* само по себе оказывается *пошлым*.

Обширный класс объектов, которые могут быть охарактеризованы как *пошлые*, составляют речевые произведения. Высказывание может быть названо *пошлым*, если в нем содержится претензия на остроумие, оригинальность или глубину мысли. Образцом *пошлости* в русской культуре являются персонажи рассказа Чехова «Ионыч»: фразы «Мороз крепчал», «Умри, несчастная!», «Вы не имеете никакого римского права» являются пошлыми потому, что произносящие их персонажи приписывают им эстетическую ценность, каковой они, очевидно, не обладают.

Особенно обостренное отношение к *пошлости* характерно для умонастроения, которое связывается с представлением о «левых» политических взглядах. Корней Чуковский в книге «Мастерство Некрасова» пишет, что слово «пошлый» (и «пошлость») «к шестидесятым годам все больше и больше окрашивалось политическим смыслом и приобретало оттенок: застой, оцепенелость, омертвение чувств, приверженность к старым порядкам». Далее он замечает, что основное отношение революционных демократов к *пошлости* — «активная, не знающая примирения ненависть». В противовес этому люди «правых» взглядов иногда готовы выступать с апологией пошлости. Характерно высказывание В. Шульгина, приведенное в его книге «Дни»: «все женщины жаждут самодержца... Я знаю, вы скажете, что это “пошлость”... Но заповеди “не убий” и “не укради” — тоже “пошлость”... Однако пошлости такого рода обладают таким свойством, что стоит только от них уклониться и начать “оригинальничать”, как мир летит вверх тормашками».

Мещанство

> Мещанин — представитель бедного среднего класса — и мещанин — бездуховный обыватель — слились в одно в русской культурной мифологии. Мещанство и интеллигенция виделись как два культурных антипода, воплощающих в себе быт и бытие. Это один из основополагающих культурных мифов российской истории [Бойм 2002: 92].

У слова *мещанство* в современных словарях русского языка фиксируется два значения. Первое относит к городскому сословию в дореволюционной России, второе кодирует некоторую совокупность психологических и поведенческих особенностей, а также ценностных представлений (этических и эстетических), присущих, по предположению, представителям мещанства как социальной категории. *Мещанство* в этом втором смысле является ругательным словом — ср. примеры, приводимые в словаре МАС:

> Все — начиная с того, что он ходил дома или в халате, или без халата, и кончая тем, что жена без его спроса боялась куда-либо идти, — все пахло *мещанством.* (Решетников. Свой хлеб)

> Страшная сила *мещанства* заключалась, в частности, в гнусной тяге его к спокойствию, к бездействию. (Ажаев. Далеко от Москвы)

К «мещанским» ценностям относятся покой, уют, налаженный быт, уверенность в завтрашнем дне, благосостояние, благоразумие, здравый смысл,

устойчивые нормы поведения и морали. Характеризуя приверженность этим ценностям как *мещанство*, человек обычно хочет продемонстрировать свое превосходство, основанное на наличии более высоких, духовных интересов. В мещанстве также не одобряется пристрастие к внешней, социальной стороне существования, желание казаться значительней, чем ты есть. Ср. пример из Интернета:

> В них есть *мещанство*: например, приглашают к себе гостей не из гостеприимства, а желая похвастаться своим домом и своей женой. (https://horoscopes.rambler.ru/names/name/franc/)

Комплекс норм поведения и морали, характерных для *мещанства*, иногда называют *мещанскими предрассудками*. Сюда относятся, прежде всего, представления, регулирующие отношения полов: о недопустимости добрачных связей, о необходимости свадьбы, о супружеской верности и т. п. Ср. слова электротехника Жана из стихотворения Маяковского:

Ужасное мещанство —
невинность
зря
беречь.

В том же пародийном ключе осуждение «мещанских предрассудков» представлено в рассказе Зощенко «Мещанство»:

> — Приходите, — говорю, — Катюша, ко мне на квартиру. У печки, говорю, посидим. После фильму пойдём посмотрим. За вход заплачу.
>
> Не хочет.
>
> Спасибо ребята срамить начали.
>
> — Да брось ты, — говорят, — Катюша, свое *мещанство*. Любовь свободная.
>
> Ломается. Всё-таки, поломавшись, через неделю зашла. Зашла и чуть не плачет, дура такая глупая.
>
> — Не могу, — говорит, — заходить. Симпатии, говорит, к вам не ощущаю.
>
> — Э, — говорю, — гражданка! Знаем мы эти *мещанские* штучки. Может, говорю, вам блондины эффектней, чем брунеты? Пора бы, говорю, отвыкнуть от *мещанской* разницы.

Понятие *мещанства* включает представление о приверженности отжившим формам бытия (ср. выше о трактовке *пошлости* революционерами-демократами). Отсюда метафора косности, застоя, затягивающего болота: *закоснеть в мещанстве*, *болото мещанства*. Ср. также:

> *Мещанство* большое зло, оно, как плотина в реке, всегда служило только для застоя. (Чехов)

Война с мещанством вдохновляется пафосом разрушения устоявшихся форм бытия. Соответственно, «главным врагом всех революций — Октябрьской, Кубинской и 60-х — было мещанство» [Вайль, Генис 2001: 59]. *Мещанству*, озабоченному материальным благосостоянием, противопоставлены *бескорыстие* и *духовность* романтического порыва.

Активным борцом с мещанством был Маяковский, доходивший в этой борьбе до абсурда:

Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит.

«Вот кто угрожает коммунизму — канарейки», — комментирует эти строки Ю. Карабчиевский [Карабчиевский 1985: 143]. При этом идеалы самого Маяковского, как показано в той же книге, являются по существу абсолютно «мещанскими»:

Мой рай — в нем залы ломит мебель,
услуг электрических покой фешенебелен.

Обратим внимание на то, что в рамках советского идеологического дискурса это вовсе не парадокс. Так, в повести Солженицына «Раковый корпус» дочь ответственного работника Русанова, Авиетта, осуждая мещанство, произносит речь, которая выдает ее как типичную «мещанку»:

> Но я тебе шире скажу, у меня такое ощущение, я это быстро схватываю, что подходит полная революция быта! Я даже не говорю о холодильниках, или стиральных машинах, гораздо сильнее всё изменится. То там, то здесь какие-то сплошь стеклянные вестибюли. В гостиницах ставят столики низкие — совсем низкие, как у американцев, вот так. [...] Абажуры матерчатые, как у нас дома — это теперь позор, *мещанство*, только стеклянные! Кровати со спинками — это теперь стыд ужасный, а просто — низкие широкие софы или тахты...

В 60-е годы категория *мещанства* стала чисто оценочной. «Если когда-то бичевали только абажуры и слоников на комодах, то постепенно мещанство становилось источником всех бед — от невыученных уроков до фашизма» [Вайль, Генис 2001: 129]. Впрочем, как считает Н. Зоркая, апелляция к мещанству как источнику всех бед была характерна для советского дискурса с самого начала:

«Мещанству» после Октября приписывались и «мещанством» объяснялись все текущие неудачи властей по части коммунистического воспитания трудящихся: аполитичность, дурной вкус (слоники на комоде и коврики с лебедями), частнособственническая мораль и аморальность, ханжество и разврат, накопительство и разгильдяйство («Брак втроем — советская версия»).

Заметим, что центральное место в категории *мещанства* занимают эстетические представления; одним из проявлений *мещанства* является стремление к «красивой жизни». Характерно, что самые символы мещанства имеют эстетическую природу (слоники, канарейки, абажуры). С другой стороны, осуждение мещанства часто включает неприятие его эстетических ценностей.

Не менее страстной атаке подвергается мещанство и со стороны М. Цветаевой, ни в коей мере большевистскую революцию не поддерживавшей. Так, в поэме «Крысолов» она «обрушивается на всех “устроенных”, “упорядоченных”, окруженных благополучием, убивающим человеческую единственность, превращающим всякую неповторимую жизнь в одинаковое для всех бытование — смерть заживо» [Саакянц 2002: 431]. То есть мещанство для Цветаевой — это приверженность материальному и общему, одинаковому для всех — в ущерб духовному и индивидуальному. Вообще говоря, именно эти два аспекта и являются конституирующими для *мещанства* как оценочной категории. Эти свойства, однако, могут быть увидены и в ином свете. Ср.:

Итак, русское, московское мещанство — это не сословие, [...] это — синтетическое мироощущение... Сердиться на мещанство, критиковать и ниспровергать его — это почти то же, что сердиться на природу. В лесу растут грибы, мещане эти грибы собирают, солят, а потом едят. Они делали это всегда — и в 1147 г. и в 1997 г. [...] Мещанин не защищает интересов своей идейно и юридически оформленной касты [...], он защищает природные, естественные интересы личности, семьи, а значит — и человечества в целом. Мещанин хочет *просто жить*, ощущать жизнь во всей ее полноте — дышать свежим воздухом, вкусно есть, ухаживать за детьми, пить чай с лимоном и т. д. Мещанину нужны огонь, вода, земля и воздух [Елистратов 1997: 690–691].

Ср. приведенную выше цитату из Трифонова, содержащую «апологию» *быта* — ход мысли тут один и тот же: не быт, а жизнь; не мещанство, а общечеловеческие ценности. Еще более однозначно положительную оценку *мещанства* встречаем у Тимура Кибирова, который обозначает свою позицию словами «буржуазность, мещанство, средний, нормальный человек» (цит. по [Курицын 2001: 102]). Ср. также следующие его строчки:

Леночка, будем мещанами! Я понимаю, что трудно,
что невозможно практически это. Но надо стараться.

Однако, как можно судить по текстам, публикуемым в современных средствах массовой информации, представление о *мещанстве* как о комплексе определенных отрицательно оцениваемых психологических качеств и эстетических пристрастий сохраняет свою актуальность. Приведем несколько характерных цитат:

Спектакль стал ярким выражением ненависти к *мещанству*, к толстозадой самоуспокоенности, к желанию «красиво», спокойно и сыто пожить. (http://teatr.tsu.tula.ru/show/klop/index.htm)

В них юмор сочетается с острой социальной сатирой; автор высмеивает *мещанство*, тунеядство, карьеризм. (https://nemaloknig.com/read-126338/?page=210)

Именно самосовершенствованием заняты 23 девушки и 2 юноши в городе Перми, назвавшие себя обществом борьбы с кретинизмом и *мещанством*.

Итак, как мы попытались показать, представление о красоте встроено в значение многих русских слов. В целом можно сказать, что отрицательную оценку в ней получает мелкое, узкое и низкое, а положительной эстетической ценностью обладает большое, широкое и высокое.

Глава 8 *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*

Конфликтный диалог и межкультурная коммуникация*

1. Феномен конфликтного диалога

Тот факт, что «истинный смысл» высказывания (т. е. то, что говорящий «хочет сказать») часто бывает не равен его буквальному смыслу, хорошо известен лингвистам. Как показала Дебора Таннен в книге *That's not what I meant* [Tannen 1986], любое высказывание имеет скрытый смысл (*metamessage*), ради передачи которого это высказывание, собственно, и производится. При этом принципиально то, что скрытого смысла не может не быть: если говорящий будет пытаться максимально эксплицировать все «скрытые смыслы», сделать их «открытыми» и во всех случаях пояснять: «Я говорю это с той целью, чтобы...», — то данное его высказывание в свою очередь будет производиться с какой-то целью (и тем самым иметь скрытый смысл, так что слушающий все равно может задаваться вопросом: «Зачем он это говорит?»).

Со времени публикации известной статьи Г. П. Грайса *Logic and conversation* (русский перевод — [Грайс 1985]) скрытые смыслы, содержащиеся в высказывании и устанавливаемые не на основе «неявных» компонентов значения используемых языковых единиц, а на основе общих принципов речевого общения, принято называть речевыми, или коммуникативными, импликатурами. Вычисление коммуникативных импликатур осуществляется на основе презумпции соблюдения говорящим «принципа кооперации»; иными словами, предполагается, что диалог представляет собою совместную деятельность его участников, причем каждый из них признает существование общих для них целей коммуникации и отдельные реплики в диалоге направлены на достижение этой общей цели. Речевое общение может считаться успешным постольку, поскольку оно способствует достижению этой общей цели, а это, как правило, происходит в тех случаях, когда адресат речи успешно «вычисляет» то, что

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2006].

«хочет сказать» говорящий, т. е. «скрытый смысл» высказывания. Выводы адресата речи относительно импликатур речевой коммуникации иногда называют инференциями; соответственно, коммуникация считается успешной в той мере, в какой инференции (т. е. то, что «извлекает» из высказывания адресат речи) совпадают с импликатурами (т. е. с той имплицитной информацией, которую «закладывает» в высказывание говорящий).

Однако во многих случаях реальная речевая коммуникация лучше описывается не посредством метафоры сотрудничества, направленного на достижение некоторой общей цели, а посредством метафоры игры, в которой каждый из участников стремится к выигрышу, причем выигрыш одного часто означает проигрыш другого. Именно эта метафора используется в книгах известного американского психоаналитика Эрика Берна (*Games People Play: The psychology of human relationships* и *What Do You Say After You Say Hello! The psychology of human destiny*)[1], в которых игры противопоставляются другим типам речевой коммуникации: процедурам, ритуалам и «времяпрепровождениям». Как пишет Э. Берн, «игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша» ([Берн 1988: 37]. При этом реальное содержание выигрыша может быть весьма различным: чаще всего оно состоит в утверждении собственного превосходства, но оно может быть и иным, в зависимости от типа игры. В применении к речевой коммуникации, которая может быть описана посредством метафоры игры и направлена на «выигрыш», об «общей цели» участников коммуникации говорить не приходится — такая коммуникация представляет собою не сотрудничество, а конфликт. Соответственно, диалоги, осуществляемые в рамках такой коммуникации, могут быть названы «конфликтными диалогами» [Зализняк 2004].

Отметим, что реальная конфликтность диалогов интересующего нас типа может быть замаскирована совершенно «невинным» на первый взгляд буквальным смыслом произносимого текста и может быть обнаружена лишь после реконструкции их «скрытого» смысла. Ср. следующий отрывок из повести Ю. Трифонова «Обмен», в котором такая реконструкция осуществлена автором:

---

[1] Книга *Games People Play: the psychology of human relationships*, опубликованная в 1964 г., стала бестселлером и была переведена на многие иностранные языки. Книга *What Do You Say After You Say Hello! The psychology of human destiny*, представляющая собою новый шаг в развитии концепции автора, была опубликована в 1972 г., уже после смерти Э. Берна. Русский перевод этих двух книг (с небольшими сокращениями) был опубликован в издании [Берн 1988].

Все бы обошлось тогда, если б не эта дура Марина, двоюродная сестра. Как увидел ее красную физиономию за столом над пирогами и вафлями, сразу понял: несдобровать. Лена гораздо умнее ее, но чем-то они схожи. И всегда, как встречаются на семейных сборах, затевается между ними какая-то петуховина. То спорят в открытую, а то пикируются хитро, так что со стороны и не заметишь. Вроде ватерполистов, которые бьют друг друга ногами под водой, чего зрители не видят. [...]

И тогда, в феврале — почему-то запомнилось до последнего слова, — началось с невиннейшего, с подводных толчков. А запомнилось потому, что — последний раз Лена в гостях у матери. С тех пор никогда. Уже лет пять ни разу. Ксения Федоровна заходит, навещает внучку, а Лена к ней — нет. «Как поживаешь, Марина? У тебя все по-прежнему?» — «Конечно! А как у тебя? Служишь все там же?» Эти фразы, сказанные с улыбкой и в рамках правил, означали на самом деле: «Ну, как, Марина, никто на тебя по-прежнему не клюнул? Я-то уверена, что никто не клюнул и никогда не клюнет, моя дорогая старая дева». — «А меня это не волнует, потому что я живу творческой жизнью. Не то что ты. Ведь ты служишь, а я творю, живу творчеством». Марина работала тогда редактором в издательстве. Сейчас где-то на телевидении. «А что-нибудь хорошее вы издали за последнее время?» — «Кое-что издали. Это у тебя что за материал? Брала в ГУМе?» И тут были упругие удары под водой: «О каком творчестве ты там лепечешь? Хоть одну хорошую книгу ты лично отредактировала, выпустила?» — «Да, конечно. Но говорить с тобой об этом нет смысла потому, что тебя это не может интересовать. Тебя же интересует ширпотреб».

Приведенный диалог может быть представлен в виде таблицы, в которой первый столбец соответствует реально произносимым репликам, а второй — реконструируемому скрытому «истинному» смыслу:

произнесенный текст	**скрытый смысл**
«Как поживаешь, Марина? У тебя все по-прежнему?	Ну, как, Марина, никто на тебя по-прежнему не клюнул? Я-то уверена, что никто не клюнул и никогда не клюнет, моя дорогая старая дева.
Конечно! А как у тебя? Служишь все там же?	А меня это не волнует, потому что я живу творческой жизнью. Не то что ты. Ведь ты служишь, а я творю, живу творчеством.
А что-нибудь хорошее вы издали за последнее время?	О каком творчестве ты там лепечешь? Хоть одну хорошую книгу ты лично отредактировала, выпустила?
Кое-что издали. Это у тебя что за материал? Брала в ГУМе?	Да, конечно. Но говорить с тобой об этом нет смысла потому, что тебя это не может интересовать. Тебя же интересует ширпотреб.

Обратим внимание на то, что скрытый «истинный смысл» часто обозначается при помощи «подводной» метафоры; в частности, в приведенном отрывке из повести «Обмен» использованы такие выражения, как *бьют друг друга ногами под водой, подводные толчки, удары под водой.*

2. Конфликтный диалог или коммуникативный провал?

С другой стороны, смысл, воспринятый слушающим, нередко существенным образом отличается от того, который имел в виду передать говорящий. Несовпадение импликатур и инференций одного и того же высказывания в общем случае ведет к коммуникативной неудаче: одним из возможных результатов оказывается конфликт участников коммуникации. Но диалог, в котором единственной причиной конфликта является коммуникативная неудача, не может рассматриваться как «конфликтный диалог», поскольку он не был запрограммирован на конфликт изначально.

Однако иногда (как правило, в ситуации внутрисемейного общения) несовпадение импликатур и инференций оказывается настолько регулярным, что может рассматриваться как изначально предполагающееся (хотя бы бессознательно). Кажется, что опыт мог бы научить участников таких диалогов, что собеседник «услышит» в высказывании совсем не то, что в него вкладывает говорящий; и тот факт, что участники диалога раз за разом попадают в одну и ту же ловушку, заставляет заподозрить, что это и является их подсознательной целью, так что диалог приобретает все свойства конфликтного диалога, в котором собеседники стремятся не к единой общей цели, а к «выигрышу».

Многочисленные диалоги такого рода в общении между супругами проанализированы Деборой Таннен в упомянутой книге [Tannen 1986] (ср. также [Tannen 1989; 1990; 2002]). Диалог поначалу не строится как конфликтный; однако неправильная интерпретация реплик собеседника приводит к тому, что постепенно участники диалога начинают «вычитывать» в репликах друг друга прямую враждебность, что заставляет вспомнить строки из «Супружеских стансов» Э. Кестнера (перевод К. Богатырева): «Даже в самых дружеских беседах / Сердце просто рвется напоследок».

Такого рода «наведенная» конфликтность диалога возникает не только в диалогах между супругами. Так, в книге [Леви 1989: 25] приводится такой диалог сына с матерью (воспроизводим его для удобства в форме таблицы):

произнесенный текст	смысл, который вкладывает в сообщение говорящий	смысл, воспринятый слушающим
[Сын]: — Мам, я пойду гулять.	Мне скучно, мой мозг в застое, мои нервы и мускулы ищут работы, мой дух томится.	Не хочу ничего делать, я безответственный лентяй, мне лишь бы поразвлекаться.
[Мать]: — Уроки сделал?	Хорошо тебе, мальчик, а мне еще стирать твои штаны.	Не забывай, что ты не свободен.
[Сын]: — Угу.	Помню, помню, разве ты дашь забыть?	Смотрел в книгу, а видел фигу.
[Мать]: — Вернешься, проверим. Чтоб через час был дома.	Можешь погулять и подольше, у меня голова болит. Хоть бы побыстрее вырос, что ли. Но тогда будет еще тяжелее.	Не верю тебе по-прежнему, и не надейся, что когда-нибудь будет иначе.
[Сын]: — Ну я пошел.	Не надеяться невозможно. Ухожу собирать силы для продолжения сопротивления.	Ты отлично знаешь, что вовремя я не вернусь, а проверку уроков замнем.
[Мать]: — Надень куртку, холодно.	Глупыш, я люблю тебя.	Не забудь, что ты маленький и останешься таким навсегда.
[Сын]: — Не, не холодно. Витька уже без куртки.	Ну когда же ты наконец прекратишь свою мелочную опеку?	Есть матери и поумнее.
[Мать]: — Надень, тебе говорю, простудишься.	Пускай я и не самая умная, но когда-нибудь ты поймешь, что лучшей у тебя быть не могло.	Оставайся маленьким, не имей своей воли.
[Сын]: — Да не холодно же! Ну не хочу... Ну отстань.	Прости, я не могу выразить это иначе. Пожалуйста, не мешай мне тебя любить.	Ты мне надоела, ты глупа, я тебя не люблю.

В. Леви называет реконструкцию «скрытых смыслов» — как вкладываемых в сообщение говорящим, так и воспринятых адресатом речи — «переводом с подсознательного». Он отмечает, что такого рода перевод может быть разным, так как этот язык многозначен. «Но важно хотя бы знать, что переводить всегда есть что — подводная часть айсберга больше надводной» [Леви 1989: 26] (отметим, что здесь также используется «подводная метафора»). Действительно, хотя, возможно, не все смыслы восстановлены одинаково удачно (в частности, некоторые экспликации сами содержат скрытый смысл), но само наличие этих смыслов не вызывает сомнения, и возникает подозрение, что именно ради их передачи и затевается диалог.

3. Расхождение конвенциональных речевых стратегий как источник коммуникативных неудач

Необходимо отметить, что положение Грайса, в соответствии с которым скрытый смысл высказывания может быть выведен на основе универсальных постулатов речевого общения, отвергнуто современной сопоставительной прагматикой. Правила, определяющие реконструкцию скрытого смысла, являются специфичными для конкретной культурно-речевой общности. В разных речевых культурах принято использовать разные речевые стратегии достижения скрытых целей и, соответственно, разные правила извлечения скрытых смыслов. Расхождение речевых стратегий — один из самых распространенных источников коммуникативных неудач при межкультурной коммуникации.

Дебора Таннен в упоминавшихся ранее сочинениях отмечала, что взаимное непонимание в разговорах между супругами во многих случаях может быть приписано различию речевых стратегий, характерных для мужской и женской речи. Эти различия оказываются еще более значительными, когда участники диалога принадлежат различным социальным или этническим группам и особенно при межкультурной коммуникации.

А. Вежбицкая отмечала, что

> Иисусовы притчи нельзя правильно интерпретировать, если не знать традиций еврейской *Drohrede* («угрозительной речи»). Но принять в расчет необходимо не только конвенции *Drohrede*; есть и другие сопоставительно-культурные препятствия, которые необходимо преодолеть, чтобы избежать недоразумений при интерпретации Евангелий. Для современного западного читателя, привыкшего

ценить последовательность, точность, логическую связность, «рациональную» аргументацию и ожидать этого, манера речи Иисуса неизбежно будет вводить в заблуждение, а также приводить в смущение. Метафорический характер таких образов, как «печь огненная», теперь понять легко, но образный характер гиперболических и апокалиптических выражений в призывах к обращению до сих пор не получил широкого признания [Вежбицкая 1999: 765].

Другой пример неумения увидеть скрытый смысл, вытекающий из различия речевых стратегий, принятых в разных культурах, заключается в неправильной интерпретации русскими эмигрантами в США высказываний их американских собеседников. Некоторые русские эмигранты воспринимали отказ (взять на работу, опубликовать статью, финансировать проект) почти как согласие, потому что американцы стремились «подсластить пилюлю» (сказать нечто вроде «мы вам еще позвоним», «мы вернемся к этому вопросу позже» и т. п.). Дело в том, что в англосаксонской культуре по сравнению с русской культурой есть больше запретов на то, чтобы говорить неприятные вещи (и, очевидно, есть более сильные предписания говорить приятное). Казалось бы, предписание говорить только приятное требует готовности отклоняться от истины, когда правда может быть неприятна собеседнику, и тем самым культуры с таким предписанием должны быть менее требовательны в отношении правдивости. Но оказывается, что есть области, где, наоборот, англосаксонская культура более «правдива», а русская культура едва ли не в большей степени терпима к *вранью*: в общении с начальством и в любовных делах (подробнее см. [Шмелев 2005б]).

Взаимное непонимание речевых стратегий собеседника в диалоге может приводить к тому, что речевая коммуникация внешне оказывается чрезвычайно похожа на конфликтный диалог (и, более того, может в конце концов приводить к реальному конфликту). Однако, если цель собеседников не заключается в достижении «победы» в разговоре, конфликт бывает связан с недоразумением, а не с реальной конфликтностью диалога.

Так, в русской диалогической речи, особенно когда собеседника в чем-то надо убедить, широко используются обращения: *Ну, Маш, ну послушай.* В финской речи такого рода обращения не приняты, и, когда русский прибегает к ним в соответствии со своими речевыми привычками, финн воспринимает это как панибратское похлопывание по плечу или как скрытое обвинение в том, что он не слушает и надо специально привлекать его внимание [Leinonen 1985].

Непонимание сущности речевых стратегий, используемых представителями иной культурной традиции, может не только препятствовать пониманию

скрытого смысла сообщения (и даже приводить к конфликтам), но и быть источником ложных стереотипов, выражающихся посредством достаточно примитивных клише. Представления об «авторитарности» немцев или «неискренности» японцев во многом связаны с тем, как воспринимаются стратегии, которыми они пользуются для достижения своих коммуникативных целей.

Участвуют в создании стереотипов и речевые сигналы, используемые для того, чтобы облегчить адресату речи вычисление скрытого смысла: пауз, изменения тона, громкости и т. п. Дело в том, что эти сигналы в разных культурах также используются по-разному. Так, распространенные представления о чрезвычайной медлительности финнов и эстонцев, по-видимому, связаны с большой длительностью пауз, посредством которых носители данной культурной традиции дают собеседнику возможность продолжить свой монолог, подумать над тем, что сказал собеседник, вставить свою реплику. Длительные паузы накладываются на тот факт, что в финском и эстонском языках распространены долгие звуки (не только гласные, но и согласные), так что речь воспринимается как чрезвычайно медленная — а это может восприниматься как свидетельство о медлительности говорящего.

О коммуникативных неудачах в силу различий в традиции использования речевых сигналов может свидетельствовать тот факт, что почти все иностранные преподаватели, работавшие в финских университетах, жаловались на некооперативность финских студентов: «Им задаешь вопрос, ждешь ответа, а они все молчат — и приходится самому отвечать». А финские студенты жаловались на преподавателей: «Задают вопрос, не дают рта открыть, сами тут же на него отвечают».

Итак, речевые стратегии, используемые носителями разных языков, неодинаковы, и различия между ними отнюдь не сводятся к несовпадению отдельных деталей. При этом они обычно слабо осознаются самими говорящими на данном языке, что часто приводит к тому, что в философии называют натурализацией: различия между используемыми речевыми стратегиями воспринимаются как несходство между характерами и устройством жизни у носителей разных культур. Здесь кроется один из источников непонимания, ксенофобии и национальной отчужденности. Без глубокого осмысления этих различий невозможно развитие толерантности и взаимопонимания между представителями различных языков и культур.

Глава 9 *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*

Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия*

Как известно, слово *лесть* представляет собою заимствование из др.-герм. *list* 'хитрость, уловка' [Фасмер 1996, II: 487]. От этого существительного был образован глагол *льстить*, который в свою очередь стал мотивирующим для производного имени деятеля *льстец*. Именно значения, связанные с обманом, были основными значениями указанных слов в древнерусском языке (в словаре Срезневского у существительного *льсть* в качестве первого значения указывается 'обман, хитрость', у глагола *льстити* первое значение — 'обманывать') [Срезневский 1989, 2: 67]. Эти значения сохранились до настоящего времени в церковнославянском языке, как, напр., в отрывке из Евангелия от Матфея (27, 63–64), который каждый год читается на утрени Великой пятницы: «...помянухом, яко *льстец* он рече, еще сый жив: по триех днех востану: повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы его нощию украдут его и рекут людем: воста от мертвых: и будет последняя *лесть* горша первыя» (ср. синодальный перевод на русский язык: «Мы вспомнили, что *обманщик* Тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний *обман* хуже первого»).

В современном русском языке значение обмана у всех трех слов (*лесть*, *льстить*, *льстец*) утрачено. Эти слова описывают очень специфический тип введения в заблуждение, когда некто неискренне хвалит адресата речи, с тем чтобы доставить ему удовольствие, этим вызвать к себе его расположение и получить какую-то выгоду, ср.:

(1) Оказалось, что ты все врала, *льстила* мне, чтобы выманить больше денег, а вещи, мол, у меня сохранятся и можно в любое время у меня их забрать... [ruscorpora][1]

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2008].

[1] Примеры, помеченные [ruscorpora], взяты из Национального корпуса русского языка.

Назовем это ситуацией «лести». Обратим внимание на то, что для существительных *лесть* и *льстец* использование по отношению к ситуации «лести» является единственно возможным, тогда как глагол *льстить* и его видовой коррелят *польстить* подверглись дальнейшей семантической эволюции и приобрели еще одно значение, о котором речь пойдет несколько позже.

В типичном случае *лесть* осуществляется «снизу вверх»: подчиненные *льстят* начальникам, подданные могут *льстить* властителям. Это обусловлено тем, что *льстец* надеется получить от адресата «лести» какие-то блага и тем самым в той или иной степени зависит от него. Но возможна лесть и со стороны того, кто не находится «ниже» в социальной иерархии, а просто оказался в ситуативной зависимости от адресата. Прототипическая ситуация «лести» для носителей русской культуры изображена в басне Крылова «Ворона и Лисица», где преимущество Вороны, выражающееся в обладании сыром, отражено еще и в том, что она находится наверху, а Лисица внизу, и тем самым лесть Лисицы направлена буквально «снизу вверх».

С другой стороны, похвалы *льстеца* могут представлять для адресата ценность только в том случае, если адресат признает за ним достаточную компетентность, чтобы высказывать суждение. Слова ребенка, говорящего матери: «Мама, ты такая красивая, такая умная, такая хорошая! Купи мне велосипед!», могут быть описаны как *лесть* только в шутку.

Лесть может быть успешной или неуспешной. Успех *лести* состоит в том, что ее адресат принимает похвалы за чистую монету, в результате чего *льстец* получает желаемое; при этом часто адресат успешной *лести* терпит ущерб:

(2) Любил войти в доверие, *польстить*, растрогать, а потом — обокрасть да поиздеваться... [И. Грекова]

Если адресат идентифицировал чьи-то слова как *лесть*, то есть понял, что похвалы были неискренни, то в этом случае *лесть* не достигает цели. Поэтому задача *льстеца* — скрыть тот факт, что он *льстит*[2]. В этом отношении

[2] Поэтому невозможно перформативное употребление глагола *льстить*: выражения типа *я льщу* возможны либо в контексте *не подумай, что...*, либо при оценке собственного речевого поведения post factum; ср.:

— Кто говорит! — поспешил я ответить, — все бывает. Я ведь вот уверен, что тебя кто-нибудь обидел и скорей перед тобой виноваты, чем ты перед ними. Я ведь ничего из твоей истории не знаю, но такая девушка, как ты, верно, не с охоты своей сюда попадет... — Какая такая я девушка? — прошептала она едва слышно; но я расслышал. «Черт возьми, да *я льщу*. Это гадко. А может, и хорошо...» Она молчала (Достоевский. Записки из подполья).

различаются *грубая* (т. е. неприкрытая) и *тонкая лесть* (когда неискренность говорящего хорошо замаскирована).

С другой стороны, поскольку *лесть* представляет собою действие, включающее в себя обман и осуществляемое с корыстными целями, она обычно осуждается. Поэтому человек, высказывающий похвалы кому-то, от кого он тем или иным образом зависит, часто сопровождает эти похвалы уверениями в том, что они не содержат *лести* (ср. известные строки Пушкина *Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю: Я смело чувства выражаю, / Языком сердца говорю*), — как в случае, если он на самом деле *льстит*, так и в том случае, когда он высказывает искреннюю похвалу. Различить эти два случая практически невозможно, поскольку уверения в искренности вовсе не обязательно означают, что высказываемые похвалы реально не являются *лестью*; напротив того, часто они только усиливают подозрения в неискренности; ср. комментарий Войновича по поводу девиза на гербе графа Аракчеева: *Граф Аракчеев называл себя преданным без лести, то есть льстил, однако потоньше*[3].

Наряду с только что рассмотренной ситуацией «лести» глагол *льстить* и его видовой коррелят *польстить* могут описывать ситуацию иного типа, которую мы назовем «польщенностью». «Польщенность» уже не включает идею обмана и вообще не соотносится с речевым действием. Соответствующее значение чаще всего реализуется в конструкции *Z льстит / польстило Y-у*, где Z — обстоятельство или высказывание, свидетельствующее, что некий X, мнение которого почему-либо важно для Y-а, высоко оценивает те или иные качества Y-а и эта оценка приятна Y-у. В этом случае Y чувствует себя *польщенным*; Y-у *лестно*, что имеет место Z. Обратим внимание на то, что ни пассивное причастие *польщенный*, ни предикатив *лестно*, используемые в ситуации «польщенности», не могут соотноситься с рассмотренной выше ситуацией «лести». Более того, если Y распознал, что имела место *лесть*, о «польщенности» не может быть речи. Иными словами, ситуация «лести» совместима с ситуацией «польщенности» только в том случае, если адресат «лести» счел похвалу искренней и поверил ей; в этом случае он чувствует себя *польщенным* (как Ворона в басне Крылова).

Приведем примеры:

(3) Оба мнения мне страшно *льстят*. [Елена Хаецкая, ruscorpora]

(4) О нем заговорили печатно — это было для него новостию... Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно *польстило*. [Гоголь]

---

[3] *В. Войнович*. Преданные с лестью // «Невское время», 25.04.2003.

(5) ...разнообразие занятий московских армян производило нужное впечатление: от главврачей и маршалов до народных артистов и руководителей предприятий. Перечень имен *польстил* моему пробуждающемуся армянскому самосознанию. [Максим Ассимилян. Москва армянская // «Столица», 1997.10.28, ruscorpora]

(6) Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь: — Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий. Это *польстило* ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! [Чехов]

(7) Ничто не может так *польстить* русским, как признание за ними исключительных умений и возможностей — от математической одаренности нации (один из основных предметов гордости России) до богатства ресурсов. [Сергей Сумленный. Россия и Европа — границы в головах // «Европа», 2001.06.15, ruscorpora]

Это значение возможно также в конструкции *X польстил Y-у Z-ом*:

(8) Не знаю, чем было объяснить их снисходительность: может, я *польстил* им своим восторгом. [Андрей Битов]

В отличие от ситуации «лести», в ситуации «польщенности» эта конструкция синонимична конструкции *Z льстит / польстило Y-у* (ср.: *мой восторг польстил им*).

В центре ситуации «польщенности» находится субъект Y, который испытывает некоторые приятные ощущения, вызванные тем, что чье-то мнение (эксплицитно выраженное или выводимое из каких-то поступков или высказываний) тешит его тщеславие (ср. частотность словосочетания *льстить чьему-либо самолюбию*)[4].

---

[4] Приведем некоторые примеры из НКРЯ (примечание 2020 г.):

Молодёжь прозвала его Мефистофелем; он показывал, будто сердился за это прозвание, но в самом деле оно *льстило его самолюбию*. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

Однако философские открытия, которые я делал, чрезвычайно *льстили моему самолюбию*: я часто воображал себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)]

Впрочем, он был, в сущности, малый добродушный, и когда принимал благодарность, то всегда говорил спасибо, и этим весьма *льстил самолюбию* доброхотных дателей. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)]

Панибратство со знаменитостью *льстит самолюбию*, льет елей на душу! [Георгий Жженов. Прожитое (2002)]

Как уже говорилось, помимо *льстить / польстить*, в ситуации «польщенности» используются пассивное причастие *польщенный* (часто в краткой форме) и предикатив *лестно*. Это, разумеется, не случайно. Как пассивное причастие, так и предикатив в конструкции с дательным падежом субъекта специализируются на передаче внутренних состояний (ср., соответственно, *огорчен*, *удивлен*, *встревожен*; *мне приятно*, *интересно*, *совестно*, *обидно* и т. п.)[5]:

(9) — Тебе это интересно? — спросила я, *польщенная*. [И. Грекова]

(10) И вот из МХАТа сообщают: Вайда намерен в собственном театре по-своему инсценировать «Петушки», и уже в 89–90-м годах сделать по «Петушкам» фильм! Веничка ответил, что он целиком полагается на его вкус и интеллект, поскольку считает его непревзойденным режиссером из живущих. Ерофееву ответили, что Вайда будет чрезвычайно *польщен* такой оценкой его творчества. [Наталья Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002), ruscorpora]

(11) Он протер толстые стекла очков и сказал: — А я и не знал, что моя статейка кому-то пригодилась. *Польщен*. — Что вы, товарищ профессор, кто же из зенитчиков вашего метода не знает? Мне даже на экзамене он попался. [И. Грекова]

(12) Угощают старика да наговаривают: одна надежда на тебя. Коли тебе не в силу, к кому пойти? Старику *лестно* такое слушать... [П. П. Бажов. Орлиное перо (1945), ruscorpora]

(13) Солдату скорее всего будет *лестно*, если столь авторитетный командир обратится к нему в неофициальной обстановке, назовет по имени, расспросит о делах, даст хороший совет. [Д. Говорун. Формы и методы работы младших командиров по формированию у подчиненных дисциплинированности и исполнительности // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.10.03, ruscorpora]

В каких же случаях человек бывает *польщен*? Как уже говорилось, стимулом к состоянию *быть польщенным* является чье-то высокое мнение о твоих способностях. Так, напр., *лестным* для человека может оказаться ревность со стороны «соперников», чье-то внимание к его даме, приглашение посетить престижный ресторан и т. п.:

[5] Обратим внимание на то, что пассивное причастие *польщенный* образовано от формально непереходного глагола *польстить* <*кому*>, что, скорее всего, свидетельствует о повышении статуса участника Y в ситуации «польщенности» (по сравнению с ситуацией «лести»).

(14) ...уловив в этом и в тоне некую ревность, что ему опять *польстило*. [Андрей Битов]

(15) Внимание, оказанное его даме, очевидно, ему *польстило*. [Григорович]

(16) Так мы и жили, неплохо по советским меркам зарабатывая, пользуясь кое-какими привилегиями — домами творчества, специальной поликлиникой, оплаченным бюллетенем, недурным ведомственным рестораном, побывать в котором всем прочим гражданам было весьма *лестно*. [А. Макаров. Писать или жить // «Профессионал», 1998, ruscorpora]

Обычно человек бывает *польщен*, когда ему оказывают внимание. Но бывает и так, что внимание оскробляет самолюбие, а *льстит* как раз его отсутствие:

(17) Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания; это *польстило* ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие. Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий, не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего. [Пушкин. Арап Петра Великого]

Следует упомянуть также о существовании некоторых «промежуточных» случаев (или «совмещения значений»). Так, в конструкции *X польстил Y-у* (*Z-ом*) не всегда ясно, имела ли место ситауция «лести», ср. (18):

(18) — А сколько вам лет? — почему-то полюбопытствовал он, пристально всматриваясь в меня. — А как вы думаете? — Лет тридцать с небольшим, — *польстил* он мне. — Двадцать четвертый пойдет с августа, — огорошил я его. [А. И. Левитов. Степная дорога днем, ruscorpora]

Здесь неизвестно, действительно ли он так оценил возраст адресата и тем самым доставил ему удовольствие ненамеренно — или сделал это нарочно. Точно так же в примере (19) оборот *нельзя было лучше польстить ему, как сказав...* может пониматься двояким образом: это лучший способ доставить ему удовольствие (достичь «польщенности») или лучший способ достичь корыстных целей (при помощи «лести»).

(19) ...он ненавидел все русское, и нельзя было лучше *польстить* ему, как сказав, что он по выговору, привычкам своим и наружности представляет совершеннейший тип француза или англичанина. [Григорович]

Несколько иной тип промежуточности представлен в высказывании *Вы мне льстите*, которое в наиболее естественном понимании означает ‘вы преувеличиваете мои достоинства’ [Булыгина, Шмелев 1997а: 187]. Иными словами, это высказывание не содержит ни обвинения собеседника в неискренности (ситуация «лести»), ни указания на полученное удовольствие (ситуация «польщенности»).

Дальнейшая семантическая эволюция произошла с прилагательным *лестный* и наречием *лестно*. Она состоит в том, что человек Y и его ощущения уходят на второй план. *X лестно отозвался* (дал *лестный отзыв*) о книге Y-а означает, что X высоко оценил книгу Y-а.

(20) Специалисты отзываются о новом приобретении только *лестно*. [«Горная промышленность», 2004, ruscorpora]

(21) Последняя работа молодого уральского коллектива получила самые *лестные* оценки критики. [«Культура», 2002.04.01, ruscorpora]

Отметим, что *лестный* и *лестно* в этом значении — это чисто оценочные слова, которые могут присоединять отрицание (*нелестно отозвался*, *нелестный отзыв*), в отличие от предикатива *лестно* (ср. **X-у нелестно, что...*):

(22) Он дал весьма *нелестные* характеристики варианту армейской модернизации, который лоббируют Министерство обороны и Генеральный штаб. [Максим Гликин, Иван Родин. Думцы обсудили с Путиным военную реформу // «Независимая газета», 2003.03.31, ruscorpora]

(23) Все помнят, что весной прошлого года президент России весьма *нелестно* отзывался о планах правительства обеспечить стране 5–6-процентный экономический рост к 2005 году. [Наталья Ильина, Анастасия Скогорева. Новая программа со старыми идеями // «Газета», 2003, ruscorpora]

Тем не менее *лестно* или *нелестно* отозваться можно не о любом объекте, а только о таком, который находится в зоне ответственности некоторого Y-а (тем самым Y устраняется из ситуации не полностью). Нельзя *лестно / нелестно отозваться* о климате в Бразилии или о вкусе купленного вчера вина, но можно — о дизайне парка или качестве вина на чьем-то приеме.

Наряду с глаголом *льстить* в русском языке существуют отчасти устаревающие приставочные производные *прельстить / прельщать*, которые обозначают, в зависимости от одушевленности субъекта, контролируемое или неконтролируемое соблазнение [Булыгина, Шмелев 1997а: 184], а также *обольстить / обольщать*, который всегда обозначает контролируемое соблазнение. Слово *прелесть*, за исключением религиозных контекстов, утратило — по-видимому,

уже в пушкинскую эпоху — свою внутреннюю форму и, соответственно, отрицательные коннотации (ср. обсуждение возникающих в связи с этим проблем при толковании строки Пушкина *Чистейшей прелести чистейший образец* в статье [Перцов 2000]).

Итак, глагол *льстить* и его производные претерпели следующую семантическую эволюцию. Первый шаг состоял в сужении идеи 'обмана' до его очень частного случая: намеренного преувеличения достоинств адресата речевого акта. Второй шаг — перенос акцента на фигуру адресата и приятное ощущение, доставляемое ему высокой оценкой его достоинств. Наконец, на третьем шаге субъект этого приятного ощущения также уходит в тень и центральным оказывается компонент положительной оценки.

Глава 10

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Вздор: слово и дело*

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право,
из них никто ничего умнее этого не сказал.

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени

Как *вздор* в русском языке оценивается *неправда* или *нелепица*, т. е. либо *ложное*, либо *не имеющее смысла* высказывание, причем между этими двумя типами оценки нет четкого противопоставления. Слово *вздор* содержит дополнительный оттенок как бы возмущения слушающего тем, что кто-то может думать или говорить такую ерунду. В современном русском языке это слово имеет слегка архаический оттенок. В XIX в. слово *вздор* могло обозначать также нелепый поступок и небольшую вещицу, не имеющую определенного назначения. При этом, поскольку этимологически исходным значением для этого слова является 'ссора', естественно возникает задача восстановления путей семантической деривации, определивших современный семантический облик данного слова.

Начнем с истории слова. Прежде всего, рассмотрим вопрос, какова связь современного значения с исходным значением 'ссора'. В Словаре Даля мы находим [Даль 1994, 1: 477–478]:

> **ВЗДОРЪ** м. ссора, брань, свара, несогласие, споры, перекоры, более употреб. **вздоры** мн. || Нелепица, бессмыслица, выдумка, ложь, пустая молва, пустословие, пустяки. *Вздор на вздор помножь, чепухой подложь, и выйдет ералаш* (*чушь*). *Одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на вздор.* [Примеры: первый на значение 'нелепица', второй — на значение 'ссора'] **Вздорливый, вздорчивый**, бранчивый, сварливый, брюзгливый, охочий до ссор, придирчивый, **вздорный**, о человеке то же; || о деле: нелепый, бестолковый, пустой, ничтожный. *Вздорливый человек затевает вздорные дела.* **Вздорность** ж. о деле, словах, затеях, ничтожность, неосновательность; неправдивость. **Вздорливость**, ж. свойство вздорливого.

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2010].

Вздорить с кем, **вздорничать**, ссориться, браниться, придираться, брюзжать. *Говори, да не спорь, а хоть и спорь, да не вздорь.*

Итак, *вздорливый человек затевает вздорные дела.* т. е. *вздор* — это ссора по ничтожному поводу. Склонность к ссорам (*вздорливость*) есть не что иное, как свойство затевать ссору из-за пустяка (*вздора*). Таким образом, ссора из-за ерунды — это тоже ерунда, чепуха, нелепица (т. е. здесь можно предположить своего рода метонимический перенос).

Заметим, что тот же тип именного производного от глагола *драть* встречается с другими приставками и имеет близкое значение: это слова *раздор* и *задор* (ср. *задираться* на кого-то, *задиристый* петух). Не исключено, что слова *задор* и *задираться* в переносном значении (ср. также с другой приставкой: *придираться*) повлияли на семантическую эволюцию слова *вздор*, на которой мы сейчас остановимся подробнее.

А именно, здесь имеется две гипотезы.

Первую излагает В. В. Виноградов [1994в], ссылаясь на статью В. И. Чернышева «Темные слова в русском языке» (опубликованную в сборнике в честь 45-летия Н. Я. Марра в 1935 г.). Она состоит в том, что *вздор* это 'то, что взодрано, надрано, оторвано' и потом как негодное выброшено, т. е. 'сор'. Чернышев приводит пример из сочинения автора конца XVIII в.: «В Египте народ гораздо нечист и всякий *вздор* на улицу бросают». Такое семантическое развитие представляется правдоподобным (хотя само слово *вздор* в восстанавливаемом таким образом исходном значении (что-то типа 'стружки, отходы при обработке дерева') не зафиксировано. Близкое значение есть у слова *задор*:

> *задор* — из плотницкого лексикона; *строгать в задор* — строгать доски по направлению от вершины к комлю, причем дерево задирается; *задор* — 'задранное место, зацепина, место с задоринами', *задирать* — 'зацеплять', переносное значение 'задевать, заводить ссору или драку' [Виноградов 1994г: 184].

Итак, первая гипотеза: 'стружка' → 'мусор' → 'всякий не имеющий назначения предмет и вообще все незначительное, ненужное, в том числе глупое или ложное высказывание'. Однако эта гипотеза происхождения слова *вздор* не объясняет значения 'ссора' — которое в Словаре русского языка XVIII в., как и у Даля, указывается в качестве первого (что скорее всего означает, что оно было в тот момент основным или воспринималось как таковое), а значения 'мелкая вещь' и 'нелепица' — как производные.

В связи с этим возникает другая гипотеза (которая, впрочем, не отменяет, а скорее дополняет первую, но обладает тем преимуществом, что включает значение 'ссора').

Прежде всего, обратим внимание на то, что в Словаре русского языка XVIII в. [СРЯ XVIII, 3: 121–122] для слова *вздор* даются варианты *здор* и *сдор* (то же для прилагательных: з/*сдорный*, з/*сдорливый* и т. д.), что наталкивает на мысль о том, что здесь изначально была приставка *с-* (очевидно, со значением «совместного действия», ср. раздел I.2). Внутренняя форма слова в этом случае оказывается крайне проста: слово обозначает то же, что *с-толкновение*, *с-хватка*, *с-шибка*; ср., с другой стороны, такие производные от глагола *драть*, как *драться* и *драка*, также относящие к идее «ссоры». (Слово *сдор*, при ином значении приставки *с-*, могло бы означать также 'то, что содрано', т. е. 'ненужная вещь', но тогда опять необъяснимым остается значение 'ссора'.)

Итак, наша гипотеза состоит в том, что слово *вздор* произошло из *сдор* в результате переосмысления внутренней формы. А именно, приставка *с-* (фонетически: [з]) заменилась на приставку *вз-*. Здесь возможно влияние семантики словообразовательной модели с приставкой *вз-*. Дело в том, что в русском языке имеется множество слов с приставкой *вз-*, обозначающих резкое, внезапное, непредсказуемое возникновение отрицательных эмоций (вариантов гнева) и плохо контролируемых действий (вариантов ругани), ср.: *взбелениться*, *взбеситься*, *взбаламутиться* (*взбалмошный*), *вспылить* (= 'прийти в состояние гнева'), *вскинуться* (= 'наброситься с бранью'), *вскипеть* (= 'прийти в состояние раздражения'), *вспыхнуть* (= 'внезапно разгневаться'), ср. *вспыльчивый*; *взвиться* (= 'внезапно рассердиться'), *взорваться* (= 'разразиться бранью'). Ср. также другие глаголы с приставкой *вз-*, описывающие внезапный и обычно неконтролируемый переход в некоторое эмоциональное или ментальное состояние: *вспомниться*, *всполошиться*, *вскружить* <кому-то> голову, *встрепенуться*, *встревожиться*, *взбодриться*, *взбудоражиться*, *взбунтоваться*, *взбушеваться*, *вздуриться*, *вздумалось*, *взбрело в голову*, *взыграть* (*взыграло самолюбие*). Имеется также ряд глаголов речи и издаваемых человеком (или животным) звуков: *взмолиться*, *вскрикнуть*, *взвизгнуть*, *взреветь*. Во всех этих словах идея внезапности, непредсказуемости и неконтролируемости поддерживается — или наводится — приставкой *вз-* (ср. [Gallant 1979]).

Таким образом, по-видимому, по крайней мере одним из факторов эволюции слова *вздор* было давление ключевой идеи русской языковой картины мира — идеи непредсказуемости мира (см. [Зализняк и др. 2005а]). Заметим, что это слово обладает выдающейся частотностью в текстах Достоевского. То, что у Достоевского некоторые ключевые слова русской языковой картины мира обладают повышенной частотностью, уже отмечалось исследователями (ср., в частности, [Арутюнова 1996] о слове *как бы* и [Булыгина, Шмелев 1998] о слове *вдруг*). К этой же категории относится, по-видимому, слово *вздор*.

В Словаре русского языка XVIII в. отмечаются следующие значения слова *вздоръ* (*с/здоръ*):

1. Ссора, распря, спор (обычно неосновательные).
2. Пустые, нелепые слова, мысли, поступки; нелепость, ерунда[1]. [Это значение, по-видимому, следует разбить на две части: 2.1. пустые, нелепые слова, мысли; 2.2. нелепые поступки.]
3. Небольшая вещь, мелочь, безделушка.
4. Ненужная вещь, мусор.

В современном языке 1-е и 4-е значения полностью исчезли; 3-е сохранилось на периферии; что касается 2-го, то исчезла та его часть, которая касается поступков. Тем самым, русский язык последовательно устранил все значения слова *вздор*, относящиеся к делам, и оставил только то, которое относится к словам: слово *вздор* сохранилось только в значении оценки содержания речи.

Система значений слова *вздор* может быть представлена следующим образом (порядок соответствует ходу семантической эволюции):

I. 'ссора' (*сдор*):

(1) Славной поборник Аввакум протопоп, / а намеренный наставник, Никита поп, / Пречестный Лазарь и славный учитель Феодор, / Которые против нынешних нововерцов / Зачали дерзновенно *здор.* (СРЯ XVIII)

II. 'ссора без основания, из-за пустяка':

(2) Пошел великий спор, Кому принадлежит находку эту скушать. И скучно было слушать, Какой об устрице был шум у них и *вздор*. (СРЯ XVIII)

III. 'ненужная вещь, мусор':

(3) Сад весь зарос как лес всяким *вздором.* (СРЯ XVIII)

(4) И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице,

[1] Ср. следующий пример, где слово *здор* использовано в качестве эквивалента латинскому *nefandum* — т. е. 'чепуха, выдумка':

«Vix aegrotum somniare quidquam tam *nefandum*, quod non aliquis dixerit philosophus». «Едва кто и в горячке может такой *здор* сгрезить, про который бы уже древний философ не врал». [И. А. Третьяков. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... (1768)]

поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный *вздор*. [Н. В. Гоголь. Шинель(1842)][2]

IV. 'не имеющий определенного назначения мелкий предмет':

(5) Глафира Кировна любила и подарки, не те полновесные, которые отсчитывались у мужа в кабинете, а всякие модные безделки, шляпки, гребеночки, флакончики и прочий женский *вздор*. [В. А. Соллогуб. Теменевская ярмарка (1845)]

(6) Подушкой служат ботинки и холщовая сумка с моим имуществом — там миска с ложкой, рваная сорочка, лысая зубная щетка, раздавленная мыльница с обмылком, обломок гребня, чехол из-под бритвы, еще какой-то *вздор*. [Олег Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)]

V. 'нелепый поступок; дурацкая ситуация':

(7) — Да разве любовь не дело? — Нет: приятное развлечение, только не нужно слишком предаваться ему, а то выйдет *вздор*. [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]

(8) Куда под конец денутся мелочные угождения, беспрестанная внимательность, жажда быть вместе, слезы, восторги — все эти *вздоры*? [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]

VI. 'ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство':

(9) Ах, ma chère, о каком *вздоре* они говорили [=ничтожный, не стоящий обсуждения предмет]. Они говорили о том, как одна дама в танцах вместо одной какой-то фигуры сделала другую; также, что какой-то Бобов был очень похож в своем жабо на аиста и чуть было не упал; что какая-то Лидина воображает, что у ней голубые глаза, между тем как они зеленые, — и тому подобное. «Куда ж, — подумала я сама в себе, — если сравнить камер-юнкера с Трезором!» Небо! какая разница! [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего]

VII. Высказывание или последовательность высказываний, не имеющих ценности. Здесь можно различить два варианта: (a) не стоящее произнесения высказывание, т. е. высказывание глупое, бессмысленное или о ничтожном предмете; (b) ложное высказывание или высказывание о несуществующем

[2] Примеры с указанием в скобках года публикации здесь и далее взяты из НКРЯ (www.ruscorpora.ru).

предмете. Эти два варианта могут быть объединены формулой: высказывание (или множество высказываний) о ничтожном или несуществующем предмете, глупое, бессмысленное или ложное.

Специально обратим внимание на соотношение употреблений типа VII.a и типа VI, ср. *о каком вздоре они говорили* = ‘о каких ничтожных *предметах* говорили’ и *какой вздор они говорили* = ‘какие глупые (бессмысленные) *высказывания* они делали’. Разница здесь — между предметом и высказыванием об этом предмете, т. е. опять между «словом» и «делом», и эта граница очень легко проницаема, ср. объединение (не создающее каламбура) этих двух типов употребления в следующем примере:

(10) Все, что он *делал* и *говорил* сам, казалось ему такою фальшью и ложью, таким ненужным и приторным *вздором*. ...а то, что надо делать, к чему надо стремиться, — неизвестно где, недоступно, за десятью замками, зарыто в преисподнюю. [И. С. Тургенев. Новь (1877)]

VII.a:

(11) Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий *вздор*, но *вздор*, которому он невольно придавал особенный для нее смысл. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

VII.b:

(12) «Такое бессмертие мне не нужно». А какое же в таком случае нужно? И вообще, верил ли он в него, в бессмертие? Бунин вспоминает, что он *называл его вздором* [= утверждал, что его не существует] и брался доказать это, как дважды два — четыре. Но в другой раз говорил нечто прямо противоположное. «Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт...» [Руслан Киреев. Чехов. Посещение Бога (2004)]

(13) Что нам выгоднее: когда знают о нас правду или когда говорят о нас *вздор*? [= неправду] [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь — ноябрь 1877 года (1877)]

Здесь характерно противопоставление *вздор — факт* и *вздор — правда*. Ср. также несколько устаревшее противопоставление *вздор — дело* (ср. *дело говоришь*, *дельная вещь*) в примере (14)

(14) [Прия́та:] Анюта *вздор* несет! [Анюта:] Нет, *дело*, а не *вздор*. (СРЯ XVIII)

Сюда примыкает употребление, иллюстрируемое следующей группой примеров:

(15) Как сейчас помню, что в начале 1800-х годов Дмитрий Александрович читал однажды газеты, остановился, да и говорит мне: «Представь себе, какой *вздор* печатают: будто в Америке англичане хотят устроить дорогу, по которой будут ездить без лошадей, а посредством силы паров: это значит, как в сказке будет ковер-самолет». [Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877–1880)]

(16) Он считал переделку экономических условий *вздором*, но он всегда чувствовал несправедливость своего избытка в сравнении с бедностью народа и теперь решил про себя, что, для того чтобы чувствовать себя вполне правым, он, хотя прежде много работал и не роскошно жил, теперь будет еще больше работать и еще меньше будет позволять себе роскоши. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

(17) Лиза, у меня не было друга, да и смотрю я на эту идею как на *вздор*; но с тобой не *вздор*... Хочешь станем друзьями? [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

VIII. Значение, реализующееся в ответной реплике в диалоге либо в ассерции любой диалогической реплики (в отличие от предыдущего, дескриптивного типа употребления): (a) = ‘Я не хочу принимать во внимание твое мнение’; (b) = ‘Неправда’:

VIII.a [=‘я не хочу принимать во внимание твое мнение’]:

(18) Б а б у ш к а. [...] Я все умею, господин советник. Есть люди, которые говорят, что у меня золотые руки, господин советник.
С о в е т н и к. *Вздор*. [= ‘утверждение неинтересно и нерелевантно, не стоит внимания’] Начнем с начала. Вы, может быть, не знаете, кто я такой. (Е. Шварц. Снежная королева)

VIII.b [= ‘неправда’]:

(19) — Лошадей! — А где их взять? все в разгоне. — *Вздор*! Это разве не лошади? (СРЯ XVIII)

(20) — Где? — Там... у одного знакомого. — Да *вздор*, не обедал. [А. А. Григорьев. Человек будущего (1845)]

(21) — Конечно, его ребенок, его собственный-с, от mademoiselle Лидии Ахмаковой. .. [...] — Что за *вздор*, что за дичь! У него никогда не было ребенка от Ахмаковой! [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

(22) А что Федора вам насказала на меня, так все это *вздор*; вы ей скажите, что она налгала, непременно скажите ей, сплетнице! Я нового вицмундира совсем не продавал. [Ф. М. Достоевский. Бедные люди (1846)]

(23) Я сказал, что это происшествие меня не смутило; это — неправда, это *вздор*. [И. С. Тургенев. Новь (1877)]

(24) *Вздор*, что старики словоохотливы, они не пред всяким выговорятся. [Владимир Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов // «Наш современник», 2004]

Значения VIII.a и VIII.b могут совмещаться — ср. пример (25), где нельзя сказать, отец не верит, что у девочки болит голова, или считает, что это несущественно:

(25) — Лиза, Иван Васильич, почивает, — отвечала жена, — уже более двух часов, как няня уложила ее в постельку... У нее, у бедняжки, целый день болела головка... — *Вздор*! принести ее сюда! [И. И. Панаев. Барышня (1844)]

Модель семантической деривации слова *вздор* может быть представлена следующим образом:

(I) ‘ссора’ (*сдор*)
(II) ‘ссора без основания, из-за пустяка’ (замена *с-* на *вз-*)
(III) ‘ненужная вещь, мусор’
(IV) ‘мелкий или ненужный предмет’
(V) ‘нелепый поступок’
(VI) ‘ничтожное, не стоящее упоминания обстоятельство’
(VII) ‘совокупность глупых, бессмысленных или ложных высказываний’ (дескриптивное употребление): *нести всякий вздор*
(VIII) ‘глупое, бессмысленное или ложное высказывание’ (реплика в диалоге): — *Вздор!*

Таким образом, финальным этапом семантической деривации является значение верифицируемого ложного мнения[3], т. е. здесь отчетливо проступает эволюция от «дела» к «слову». В XVIII в. значение ложного мнения (диалогическое) было периферийным, а к середине XIX в. оно становится центральным. В современном языке имеются лишь употребления VII и VIII; в XIX в.

[3] Ср. структуру полисемии слова *напрасно*, где реализуется аналогичный путь семантической деривации: от идеи пустого, бессмысленного, неэффективного (*напрасный труд*) к идее ложного мнения (*напрасно ты так думаешь* = ‘это неверно’, см. [Зализняк 1990/2006]).

были актуальны также значения (IV)–(VI) (которые сохранились в качестве периферийных и в XX в.)

Слово *вздор* является мощным орудием словесной войны. В пьесе Е. Шварца «Снежная королева» диалог Советника с Бабушкой целиком построен на том, что Советник говорит «Вздор!» в ответ на высказывания разного рода (касающиеся как устройства мира, так и конкретных фактов); эта реплика во всех случаях используется как средство недифференцированной низкой «тимиологической» (согласно [Пеньковский 2004б]) оценки и служит для утверждения говорящим своего превосходства и подчинения окружающих его воле (такая капризная авторитарность, не терпящая возражения). Поэтому когда Советник все-таки проигрывает спор, он говорит «Да ведь это бунт» — поскольку цель подчинения, которую преследовала реплика «Вздор!», не достигнута.

Советник. [...] Итак, повторяю: вам повезло, хозяйка. Вы бедны?

Бабушка. И да и нет. Деньгами — небогата. А...

Советник. А остальное — ***вздор*** [= 'не имеет значения']. Перейдем к делу. Я узнал, что у вас среди зимы расцвел розовый куст. Я покупаю его.

Бабушка. Но он не продается.

Советник. ***Вздор*** [= 'неверно': *не продается* значит 'не может быть так, чтобы он был продан'; Советник отрицает это частное утверждение].

Бабушка. Уверяю вас. Этот куст все равно что подарок. А подарки не продаются.

Советник. ***Вздор*** [отвергает данное общее суждение: оно не стоит рассмотрения в силу своей ничтожности].

Бабушка. Поверьте мне! Наш друг, студент-Сказочник, учитель моих ребятишек, уж так ухаживал за этим кустом! Перекапывал его, посыпал землю какими-то порошками, даже пел ему песни.

Советник. ***Вздор*** [одновременно: 'пустое занятие петь песни цветку' и 'это ложь, такого не было'].

[...]

Советник. ... И сто мало? Ну хорошо — двести. Этого на целый год хватит и вам и этим гадким детям.

Бабушка. Это очень хорошие дети.

Советник. ***Вздор*** [одновременно: 'неправда, что это хорошие дети' и 'ваш аргумент ничтожен']. Вы подумайте только: двести талеров за самый обыкновенный розовый куст!

Бабушка. Это не обыкновенный куст, господин советник. Сначала на ветках его появились бутоны, совсем еще маленькие, бледные, с розовыми носиками.

Потом они развернулись, расцвели, и вот цветут, цветут и не отцветают. За окном зима, господин советник, а у нас лето.

Советник. ***Вздор*** [прочитывает последнее высказывание как верифицируемое и утверждает его ложность]. Если бы сейчас было лето, лед поднялся бы в цене.

Бабушка. Эти розы — наша радость, господин советник.

Советник. ***Вздор, вздор, вздор!*** Деньги — вот это радость. Я вам предлагаю деньги, слышите — деньги? [...]

Бабушка. Господин советник, есть вещи более сильные, чем деньги.

Советник. Да ведь это бунт!

Итак, у слова *вздор* исторически было две группы значений — связанные с ссорой и связанные с мусором. При этом существительное *вздор* первое значение утратило, а в прилагательном остались оба. *Вздорный* означает: 1) склонный к ссорам (беспричинным взрывам эмоций несогласия, вражды): *вздорная женщина*, *вздорный старик*, *вздорный характер*; 2) дурацкий, ерундовый, ложный: *вздорная мысль* (= 'неправильная, не имеющая оснований'); ср.:

(26) Майора ужаснула мысль, что вода отравлена, но тут же, по свойственной ему логике мышления, он отогнал эту мысль как *вздорную*: откуда у старика яд, и потом он так спокойно ведет себя. [Вадим Кожевников. Щит и меч (1968)]

(27) — А теперь, — откровенность за откровенность. Стрельников, о котором вы рассказывали, это муж мой Паша, Павел Павлович Антипов, которого я ездила разыскивать на фронт, и в мнимую смерть которого с такою правотой отказывалась верить. — Я не поражен и подготовлен. Я слышал эту басню и считаю ее *вздорной*. Оттого-то я и забылся до такой степени, что со всей свободой и неосторожностью говорил с вами о нем, точно этих толков не существует. Но эти слухи бессмыслица. Я видел этого человека. [Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

Следующий пример интересен в том отношении, что одно значение как бы притягивает к себе другое:

(28) Это была *вздорная* женщина, которая, как он выразился, прожила свою жизнь, задумавшись раз навсегда о какой-то *ерунде*, затем влюбилась в него, и это заполнило все ее существование. [Гайто Газданов. Призрак Александра Вольфа (1947)]

Слово *вздор* в современном русском языке является уходящим. По данным основного корпуса НКРЯ[4], в настоящее время его частотность по сравнению

[4] Данные на 2009 г.

с серединой XIX в. уменьшилась примерно в 50 раз. Приведем цифры по десятилетиям (в скобках указана частотность из расчета на миллион словоупотреблений):

с 1840 по 1849	214 на 2 млн	(= 107)
с 1850 по 1879	1056 на 11,5 млн	(= 91,8)
с 1880 по 1889	173 на 2,6 млн	(= 66,5)
с 1890 по 1899	124 на 3,6 млн	(= 34,4)
с 1900 по 1919	223 на 7,7 млн	(= 29)
с 1920 по 1939	313 на 14,2 млн	(= 22)
с 1940 по 1979	218 на 13,4 млн	(= 16,3)
с 1980 по 1989	58 на 7 млн	(= 8,3)
с 1990 по 1999	107 на 19 млн	(= 5,63)
после 2000:	114 на 53 млн	(= 2,15)

Отдельный интерес представляет статистика употребления этого слова у разных русских писателей:

Достоевский	353 на 1,9 млн	(= 185,8)
Лесков	230 на 1,25 млн	(= 184)
Гоголь	50 на 0,4 млн	(= 125)
Толстой	87 на 2,1 млн	(= 41,4)
Булгаков	11 на 0,12 млн	(= 91,7)
Набоков	19 на 0,42 млн	(= 45,2)
Чуковский	10 на 1,4 млн	(= 7,1)
Солженицын	6 на 0,6 млн	(= 10)
Платонов	0	
Шолохов	0	

Глава 11

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Как мы проводим дни и ночи*

В Новом большом англо-русском словаре под редакцией Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой в словарной статье глагола *to love* предложение *That night they loved* переведено как «Эту ночь они провели вместе». Перевод вполне адекватный, поскольку, как мы отметили в статье [Зализняк, Шмелев 1997а: 238], выражение *провести ночь <с кем-то>* представляет собой косвенную номинацию, а для русского глагола *любить* такое употребление менее характерно, чем для англ. *to love* (ср. также [Зализняк 1999] о глаголе *любить*). Впрочем, можно заметить, что это же значение возникает у англ. выражения *to spend night with somebody*, ближайшего аналога русского выражения *провести ночь <с кем-то>*[1]. Именно на обыгрывании этого сдвига основан эпизод из романа Грэма Грина «A Burnt-Out Case». Один персонаж читает герою по имени Querry дневниковую запись, сделанную некоторой замужней дамой: *Spent the night with Q,* и требует от него разъяснений, поскольку запись естественно понимается как компрометирующая. Герой дает объяснение: *Querry smiled. He said, "It's true – in a way. We sat drinking whisky and I told her a long story".* Мы видим, что герою надо сделать оговорку (*in a way*), которая снимает компрометирующий смысл. В этом отношении обсуждаемое англ. выражение ведет себя так же, как русское *провести ночь*. Однако аналогия неполная, поскольку англ. глагол *to spend* соответствует русскому *тратить*, и в каких-то случаях выражение *to spend the night* переводится на русский как *потратить ночь* (напр., *to spend whole night downloading a movie* можно перевести как *потратить всю ночь на скачивание фильма из Интернета*); выражение *потратить ночь* имеет сильную семантическую валентность 'на что' и само по себе никогда не несет «порочного» смысла.

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк, Шмелев 2011].

[1] В отличие от выражения *Have a good night* (стандартная вечерняя формула прощания кассира с покупателями в американском супермаркете), которое не может быть передано по-русски как *Желаю вам приятно провести ночь* [Шмелев 2000в].

Итак, глаголу *to spend* в сочетании с обозначениями отрезков времени соответствуют два русских глагола: *провести* и *потратить*. При этом в русском языке между этими словами имеется довольно существенное различие (имеется в виду — в контексте существительных, обозначающих временные отрезки). Этому различию и посвящена настоящая заметка.

Когда мы говорим, что *X провел время T в деятельности A* или *в состоянии S*, это значит, что некто X в течение (всего) времени T занимался деятельностью A или пребывал в состоянии S. Глагол *потратить*, в отличие от *провести*, включает указание на какую-то цель: высказывание *X потратил время T на* (*то, чтобы*) *G* означает, что некто X в течение времени T занимался деятельностью, направленной на достижение цели G (т. е. провел время T в деятельности, направленной на достижение цели G). Тем самым создается впечатление, что *потратить* семантически сложнее, чем *провести*. Однако, если мы ограничимся такой констатацией, мы упустим основное различие между рассматриваемыми глаголами, заключающееся в том, что они предполагают совсем разную концептуализацию времени.

Определяющим для семантики глагола *потратить* является то обстоятельство, что в качестве дополнения при нем выступает обозначение некоторого р е с у р с а (в рассматриваемом типе контекстов это время, которым располагает человек); этот ресурс р а с х о д у е т с я тем или иным образом. Глагол *провести* делает совсем иной акцент: здесь временной промежуток предстает как к о н т е й н е р, который должен быть з а п о л н е н какой-то деятельностью. В соответствии с этим у глагола *потратить* есть валентность 'на что', а у глагола *провести* — валентность 'каким образом' (чем был «заполнен» обсуждаемый промежуток времени)[2].

Может показаться, что в каких-то случаях это различие стирается. Так, выражения *потратил все утро на стояние в очереди за билетами* и *провел все утро в очереди за билетами* означают примерно одно и то же. Однако, хотя действительно здесь может описываться одна и та же ситуация, ее концептуализация оказывается различной. Для глагола *потратить* важно, что ресурс был израсходован на достижение некоторой цели (в данном случае, покупку билетов). Для глагола *провести* важно, чем был «заполнен» промежуток времени

[2] Как известно, *время* в языке не имеет собственной таксономической категории: все, что касается времени и его атрибутов, язык представляет метафорически. Вопросу о способах концептуализации времени посвящена обширная литература (см., в частности, сборник «Логический анализ языка. Язык и время». М., 1997), и мы его здесь рассматривать не будем. Отметим лишь, что метафоры «время — это вместилище» и «время — это ресурс» упоминаются в книге [Lakoff, Johnson 1980].

(в данном случае, утро было «заполнено» стоянием в очереди). Видимое сходство двух предложений возникает за счет того, что в *потратить* валентность ‘на что’ может заполняться не только обозначением цели, но также, метонимически, деятельностью, направленной на достижение этой цели. У глагола *провести* валентность ‘каким образом’ может заполняться обозначением процесса, которым был заполнен отрезок времени, но не результата этого процесса.

Проиллюстрируем упомянутую двойственность возможностей заполнения валентности «на что» у глагола *потратить* следующим примером: *Он потратил два дня на поиски решения* (процесс) и *Он потратил два дня на нахождение решения* (результат). Ср. также:

(1) Время, *затраченное на нахождение* определенной составной анаграммы, различается у людей из одной образовательной когорты в 10–20 раз. [Михаил Голубовский. Анаграммные вариации: состукивание слов // «Вестник США», 2003.11.26]

Неоднозначности, однако, здесь не возникает: существительные типа *изучение* (ср. также *решение*, *выявление*, *получение* и т. п.) синкретично выражают значение заполняющего промежуток времени процесса и его результата, который заполняет валентность цели глагола *тратить*.

Обратим внимание, что валентность ‘на что’ у глагола (*по*)*тратить* в норме заполняется при помощи сильного управления (предлог *на* с винительным падежом); лишь в специальных случаях возможно слабое управление или примыкание (*попусту тратить время*; *потратил несколько дней, чтобы...*). Что касается существительного темпоральной семантики, выступающего в качестве объекта при глаголе (*по*)*тратить*, то в большинстве случаев это самое общее слово — *время*. Реже используются обозначения «длительности», дающие количественную характеристику израсходованного ресурса: (*по*)*тратить два часа*, (*целую*) *неделю, полтора месяца, несколько лет*. Обозначения «фиксированных периодов» в рассматриваемой роли встречаются еще реже и, как правило, лишь в тех случаях, когда соответствующий «фиксированный период» как-то специально выделен на фоне других аналогичных периодов, т. е. составляет особо ценный ресурс, отличающийся от других временных ресурсов той же продолжительности. Так, глагол (*по*)*тратить* может сочетаться с обозначением времени суток: (*по*)*тратить все утро, вечер, ночь на то, чтобы...* Действительно, каждый из периодов *утро*, *вечер*, *ночь* может рассматриваться как временной ресурс, особо ценный в том или ином отношении. А, скажем, сочетания *потратил воскресенье* или *потратил выходные* существенно более вероятно, нежели *потратил вторник* или *потратил четверг*, поскольку остается неясным, в чем состоит выделенность вторника или четверга на фоне других дней недели. В силу сказанного крайне маловероятны такие сочетания, как *потратил март*.

Поведение глагола (*по*)*тратить* в сочетании с обозначениями времени подчиняется ряду общих грамматических закономерностей. В частности, отметим, что глагол *тратить* не может употребляться в актуально-длительном значении (*Что он сейчас делает?* — **Тратит время на дорогу в университет*), при этом несовершенный вид глагола (в других видовых значениях) вполне допустим: *Он каждый день тратит два часа на дорогу в университет*; *Жалко тратить два дня на получение справки* и т. п.

Представление о *трате времени* органично вписывается в общую картину того, что, согласно русскому языку, можно *тратить*. Как оказывается, *тратить* можно очень ограниченное количество сущностей — жизненно необходимых и трудновосполнимых р е с у р с о в. Это могут быть деньги, время и силы, энергия и нервы[3], а также: вода (питьевая, горячая или просто вода, запас которой ограничен), дрова, спички, электроэнергия, свечи, мука, сахар, масло, краска, цемент, кирпичи и т. п. Тратится всегда нечто весьма ценное (про не очень ценные вещи не говорят *тратить* — ср. более нейтральное слово *расходовать*). Поэтому то, что можно *тратить*, естественно также, наоборот, *беречь* и *экономить* (а некоторые вещи, но не все — можно также *копить*). И соответственно, *тратить* всегда *жалко*.

Тратить тот или иной ресурс можно только *на что-то*. Поэтому можно *потратить два кило муки на изготовление пирога* или, в крайнем случае, *потратить половину запаса пирогов на прием гостей*, но вряд ли можно просто ??*потратить два пирога с капустой*.

Замечательная особенность русского глагола *тратить* (которая особенно ярко проявляется в контексте дополнения, обозначающего временной промежуток) состоит в том, что он содержит некий скрытый семантический компонент (статус которого мы затрудняемся точно определить) — ‘жалко’. Этот компонент может эксплицитно исключаться контекстом, ср. *я потратил на эту работу три месяца, но мне не жалко потраченного времени*[4]. Противительный союз, вводящий отрицание, содержащееся во второй части фразы (ср. *но мне не жалко*), отменяет

---

[3] Представление о *силах* как о ресурсе анализируется в работе [Урысон 2003: 74]. Интересно, что *нервы* тоже рассматриваются как ресурс: можно *тратить нервы на что-то* (но, как и *время*, *нервы* нельзя *копить*); при этом *силы* можно и *тратить*, и *копить*, и *беречь*. Однако, например, *терпение*, очевидно, не трактуется русским языком как ресурс: его нельзя ни *тратить*, ни *беречь*, ни *копить*. Хотя *терпение* необходимо для совершения многих действий: им бывает нужно *запастись* и его может *не хватить*.

[4] Ср. пример из Интернета (автор пишет о фильме про Майкла Джексона): *4 ноября — общегосударственный выходной — «потратила» на поход в кино. / И ни капельки не пожалела. / Жалеть о просмотре такого фильма нельзя. По крайней мере, не представляется мне*

компонент ‘жалко’, что подтверждает его наличие в семантике *тратить*; стоит это эксплицитное отрицание убрать, как он снова где-то на заднем плане возникает. Иными словами, русский глагол *тратить* вызывает в представлении идею ‘тратить напрасно’. Но даже если время было потрачено не напрасно (т. е. полученный результат окупил затраты времени), трата времени не может быть источником удовольствия; это лишь необходимая цена, уплаченная за некоторый полезный результат — в отличие от проведения времени: можно сказать *Мы прекрасно провели время* и плохо *Мы прекрасно потратили время.*

Сочетание *тратить напрасно* (*зря*, *впустую*, *попусту*, *понапрасну*, *даром*) следует рассмотреть более подробно. Дело в том, что оно может описывать две различные ситуации, в соответствии с двумя разными значениями слова *напрасно* (ср. [Зализняк 1990/2006]). А именно, *X напрасно сделал P* может означать либо что действие не достигло желаемого результата, либо что, по мнению говорящего, его не надо было совершать. Соответственно, когда мы говорим *Я напрасно потратил время* (или *Это была напрасная трата времени*), это означает, что цель была либо не достигнута, либо недостойна. Так, в первом из следующих двух примеров из НКРЯ *напрасно* означает ‘впустую’, а во втором — ‘на недостойную цель’:

(2) Вопрос о том, куда идут работать дипломированные молодые специалисты, имеет веер разнообразных ответов, среди которых «в школу» занимает одно из последних мест. Обидно, что практическая психология образования не притягивает к себе молодых людей, причем обидно вдвойне: во-первых, за преподавателей психологии, среди которых немало настоящих профессионалов [...], а получается, что они *напрасно тратили силы и время* [...] [М. А. Степанова. Практическая психология образования: противоречия, парадоксы, перспективы (2004) // «Вопросы психологии», 2004.08.10]

(3) Поэтому к хорошему менеджеру по персоналу обращаются заискивающе и не любят за то, что он не дает *напрасно тратить время и деньги* компании для удовольствия работников. [Иногда надо быстро бежать, чтобы оставаться на месте (2004) // «Управление персоналом», 2004.11.15]

Однако именно в контексте выражения *тратить время* противопоставление недостигнутой и недостойной цели может стираться: *напрасно потратил время* может означать просто, что никакого полезного результата не было достигнуто, как в следующем примере из НКРЯ:

возможным. Показательны здесь кавычки при слове *потратила:* автор ощущает, что если времени не жалко, то глагол *потратить* не вполне применим.

(4) Письмо было написано под настроение, очень искренне и касалось не только личных, но и политических переживаний автора, вызванных, в частности, тем, что работать приходится — по его выражению — под началом ничтожных людей, впустую, *напрасно тратя энергию и время.* [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)]

Соответственно, если говорится, что *время потрачено не напрасно*, это означает, что был получен некоторый осмысленный результат, напр.:

(5) Чтобы показать, что, прожив в Полтаве по десяти лет, *не напрасно тратили время*, они сняли шляпы и учтиво госпожам поклонились. [Василий Нарежный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам (1825)]

Итак, когда мы тратим время, это всегда может оказаться напрасно. Поэтому вместо *напрасно потратил время* можно сказать *только потратил время*, и это тоже будет означать, что потратил напрасно[5]. А номинализация *трата времени* означает просто то же самое, что *пустая* (*напрасная*) *трата времени*, и это то же самое, что *потеря времени*[6]. Ср. также синонимию: *Мы понапрасну теряем время* и *Мы теряем время.*

Как уже говорилось, *тратят* ресурс, который трудновосполним. Он может быть вообще невосполнимым — таковым является обсуждаемый ресурс времени; при этом, однако, время можно *беречь* и *экономить* — но только в том смысле, что *тратить* не *впустую*, а лишь на достойные цели. Иными словами, человек, который *бережет время* (свое или чужое), тоже тратит его (или дает другому человеку его тратить), но лишь на нечто ценное.

В этом отношении представление, согласно которому жалко *тратить время* (и возникает подозрение, что оно тратится напрасно), включает в себя нечто парадоксальное. Время идет (и тем самым *тратится*) независимо от воли человека; но *трата времени* вызывает сожаление и досаду.

Глагол *провести*, как уже было сказано, предлагает совсем иную концептуализацию времяпрепровождения. Время здесь рассматривается не как ресурс,

---

[5] Ср. аналогичную конструкцию с глаголом *провести*, где подобного значения не возникает: «Устюшкина мать / собиралась помирать. / Помереть не померла, / *только время провела*» — скорее всего, имеется в виду, что хорошо провела. Ср. также: «Ведь мы играем не из денег, а *только б вечность проводить*» (Пушкин).

[6] Приведем такие цифры: сочетание *трата времени* встречается в НКРЯ 80 раз, из них 32 — в контексте прилагательного *пустая,* еще 22 раза — в контексте прилагательных *напрасная*, *лишняя*, *бесполезная* или *бессмысленная.* В оставшихся 16 примерах сочетание *трата времени* тоже означает «напрасную» трату.

которым располагает субъект, а как пространство, через которое он как бы продвигается, «заполняя» его какой-то своей деятельностью. В некоторых случаях «заполнить» этот промежуток представляет собой проблему (*Как провести выходные?*; *Чем заняться?* — ср. внутреннюю форму слов *занятие, заниматься* <чем-то>). Отсутствие представления о ресурсе и его трате в сочетании *провести время* выражается, например, в том, что нельзя сказать **провел время напрасно*; если время было проведено неудовлетворительным образом, то все равно говорят *жалко потраченного* (а не *проведенного*) *времени*, напр., если человек провел два часа в очереди, а билета не купил, он скажет *жалко* (*напрасно*) *потраченных двух часов.*

В отличие от валентности 'на что' глагола (*по*)*тратить*, у глагола *провести* / *проводить* валентность, указывающая на то, каким образом проводится время, заполняется при помощи слабого управления или примыкания: *провел два часа за написанием статьи, в поисках лекарства, загружая фильм.* Что касается до обозначений периода времени, с которыми может сочетаться глагол *провести* / *проводить*, то они могут быть весьма разнообразны. Наряду с самим словом *время*, с глаголом *провести* / *проводить* сочетаются обозначения «длительностей» (*два часа*, *целую неделю* и т. д.), а также фиксированных периодов времени (тем или иным образом *провел утро, понедельник, лето* и т. д.).

Обычно *проводят время* не с тем, чтобы чего-то достичь, а с тем, чтобы получить удовольствие, т. е. в фокус попадает не что-то полезное, а что-то приятное. (Хотя можно провести время *с толком* и *с пользой*, но это будет в данном случае лишь составляющая удовольствия.) Поэтому очень естественно проводить *свободное* время — *каникулы, отпуск, выходной день*; при этом предполагается, что человек получает удовольствие. Естественный вопрос — *Как ты провел отпуск?* Возможна и другая концептуализация свободного времени — как особо ценного ресурса, и тогда о нем говорят *тратить*, а тратить, как уже говорилось, обычно *жалко*. Обычно бывает жалко тратить отпуск или каникулы на что-то помимо отдыха. Но если приходится *тратить отпуск*, то это может быть лишь какая-то утилитарная (по крайней мере, не гедонистическая) цель, ср. *потратил отпуск на то, чтобы сделать ремонт* (*закончить диссертацию*). Однако сказать *потратил отпуск на поездку к морю* можно, только если для говорящего поездка к морю — это скорее обязанность, чем удовольствие.

Разумеется, не всегда глагол *провести* в сочетании с обозначением времени предполагает получение удовольствия. Ср. такие выражения, как *провести бессонную ночь*; *провести два часа в очереди*; *провести несколько лет в ссылке.*

В некоторых контекстах уместен и тот, и другой глагол, но всегда сохраняется то различие, что *тратить* указывает на расходование ресурса (и его немножко жалко), а *проводить* не содержит такого компонента. Ср.:

Она каждый день тратит два часа на лечебную гимнастику (для какой-то цели: например, для поправки здоровья; и субъекту, и говорящему немножко жалко этого времени) и *Она каждый день проводит два часа в тренажерном зале* (возможно, просто для удовольствия). Эта импликатура 'жалко потраченного времени' забавным образом обыгрывается в статье Игоря Свинаренко, опубликованной в августе 1997 г. в журнале «Столица». Автор выражает удивление по поводу того, что американцы охотно занимаются общественно полезной деятельностью, «не считаясь с личным временем и не требуя материального поощрения (кроме расходов на скрепки)», а «у нас» где «хотели такую систему внедрить, чтоб люди переживали за общественное благо», почему-то «не вышло». Он высказывает предположение, что это связано с разным отношением к алкоголю: «Средний американец к нему относится равнодушно, времени и душевного внимания уделяет совсем чуть», — и задается вопросом: «...если человек не пьет, на что-то же должен он тратить свободное время». Подразумевается, что естественный способ проводить время — это пить спиртное; если же человек вместо этого занимается общественно полезной деятельностью (пусть даже в силу равнодушия к спиртному), он просто *тратит свободное время.*

В связи со сказанным уместно снова вернуться к концептуализации траты / проведения времени в русском и английском языке. Может показаться, что в русском и в английском дело обстоит примерно одинаковым образом. И в том, и в другом языке есть конструкции, отражающие представление о заполнении промежутка времени (*to pass time* и *проводить время*). В обоих языках отражено представление о времени как ресурсе, который может быть тем или иным образом израсходован (*to spend time* и *тратить время*). Наконец, оба языка позволяют говорить о напрасно потраченном времени (*to waste time* и *терять время*). Однако, если бы концептуализация траты / проведения времени в русском и английском языке была бы тождественной, было бы совершенно непонятно, почему приведенные пары русских и английских выражений часто не соответствуют друг другу. Так, останется неясным, почему выражение *to spend time* во многих случаях нельзя перевести как (*по*)*тратить время*, а более адекватным переводом является выражение *провести / проводить время*, как будто предполагающее совсем иную концептуализацию внеязыковой реальности. В частности, вопросу *How did you spend your summer?* соответствует русский вопрос *Как ты провел лето?*, а не ??*Как ты потратил лето?* Точно так же предложение *Charlotte spent a weekend in Vermont* следует перевести как *Шарлотта провела выходные в Вермонте*, а не ??*Шарлотта потратила выходные в Вермонте* (*на поездку в Вермонт*).

По-видимому, можно утверждать, что для английского языка немаркированным в сочетании с обозначением отрезков времени является глагол *to spend*, и тем самым центральным оказывается восприятие времени, в том числе и свободного, как некоторого ресурса, который человек может потратить (*to spend*) с пользой для себя, в том числе для получения удовольствия. Если человек неразумно распоряжается этим ресурсом, это называется *to waste time* 'тратить напрасно', 'терять'. Таким образом, главный вопрос состоит в том, разумно ли человек распорядился своим ресурсом. Глагол *to pass* в контексте обозначений временных промежутков (*to pass a day / a night*) является периферийным. Он в основном используется, когда субъект не имел возможности использовать временной ресурс с пользой: страдал (*Nathalie passed a sleepless night in the old house*) или не знал, чем заняться (напр., если он приехал в аэропорт и выяснил, что отправление его рейса задерживается). Но даже и в этом случае задача состоит в том, чтобы провести время разумно, т. е. с пользой или с удовольствием, причем граница между пользой и удовольствием четко не проводится (именно на «совмещении чего-то приятного с полезным» построены рекомендации *how to pass time at an airport*, которые можно найти на многих англоязычных сайтах).

В русском языке в фокусе внимания может быть то, чем был «заполнен» промежуток времени, или то, что субъект получил в результате. В первом случае используется сочетание *провести / проводить время*, во втором — (*по*)*тратить время*. Соответственно, если речь идет о «заполнении» промежутка времени чем-то приятным или, напротив того, о страданиях, испытываемых человеком, говорят о том, как он *провел* или *проводит время*. Если же обсуждается, оправдывает ли полученный результат израсходованное на его получение время, используется оборот (*по*)*тратить время*, заранее предполагающий, что, скорее всего, потраченного времени жалко. О получении удовольствия в этом случае речи не идет. Поэтому выражение (*по*)*тратить время* оказывается в русском языке маркированным: оно используется только в случаях, когда имеет место чисто утилитарная оценка оправданности или, чаще, неоправданности расходования ресурса. Напротив того, выражение *провести / проводить время* является немаркированным, и поэтому оно оказывается наиболее естественным переводом английского *to spend time*. Оно же используется в качестве стандартного перевода выражения *to have <a good> time* (напр., в произведении Вильяма Голдинга *Lord of the Flies* Ральф говорит: «While we're waiting *we can have a good time* on this island», — и его слова переданы в переводе Елены Суриц: «Пока нас спасут, *мы* тут *отлично проведем время*»). Более того, представление, в соответствии с которым любое получение удовольствия может рассматриваться как приятное проведение времени, настолько естественно для русской

языковой картины мира, что выражение *провести / проводить время* может появиться в русском переводе в качестве своего рода классификатора для ряда занятий (в английском оригинале отсутствующего), напр.:

(6) When sent to the forest Tip often *climbed trees for birds' eggs or amused himself chasing the fleet white rabbits or fishing in the brooks with bent pins.* [L. Frank Baum. The Marvelous Land of Oz] — Отправившись за дровами в лес, Тип весело ***проводил время***: *лазил по деревьям в поисках птичьих яиц, гонялся за быстроногими белыми кроликами, ловил в ручьях рыбу на гнутую булавку* [перевод В. Гобаревой, пример из НКРЯ].

Мы видим, что внешнее сходство ряда английских выражений *to pass*, *to spend*, *to waste* <*time*> и русских *проводить*, *тратить*, *терять* <*время*> обманчиво: оно скрывает за собою глубокое несходство соответствующих фрагментов языковой картины мира.

Глава 12

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев

Русское *разочарование* в европейском контексте*

В отличие от имен многих других внутренних состояний (таких как *страх*, *гнев*, *радость*, *счастье*, *сожаление*, *сомнение*, *подозрение*, *тоска*, *обида*), которым посвящена целая серия монографических описаний, слово *разочарование*, будучи обозначением не менее важного чувства, похоже, вообще не проанализировано: соответствующей статьи нет в Толково-комбинаторном словаре [Мельчук, Жолковский 1984], в книге [Виноградов 1994], в словаре [Черных 1994]; мы располагаем лишь толкованием, предложенным в известной работе [Иорданская 1970]. Между тем существительное *разочарование*, так же как и глаголы *разочаровать* и *разочароваться*, не говоря о культурной значимости заключенного в них концепта, представляют исключительный интерес в разных отношениях.

В значении предикатов, описывающих эмоции, обычно выделяют два основных компонента, характеризующих установку субъекта по отношению к ситуации-объекту: оценка этой ситуации по шкале «хорошо — плохо» и оценка ее по признаку существования / вероятности — см. [Wierzbicka 1969: 108; Иорданская 1970; Wierzbicka 1972: 60–64; Зализняк 1983; Searle 1983; Зализняк 2006: 74–86, 478–487; Goddard 1998: 89 и др.]; ср. также компоненты «something good happened» и «something bad happened» в толковании имен эмоций в [Wierzbicka 1999]. Эта традиция восходит к исследованиям природы эмоциональных состояний в трудах Лейбница, Спинозы и Декарта. При этом многие «имена чувств» имеют значение, где центральным является оценочный компонент, и такое, где главной оказывается оценка вероятности (ср. [Зализняк 1983; Iordanskaja, Mel'čuk 1990; Зализняк 2006] — о глаголах *бояться*, *надеяться* и *ждать*). Как мы увидим дальше, в значении слов, описывающих разочарование, присутствует приблизительно та же вариативность: имеется

---

* Данная глава представляет собой переработанный вариант статьи [Зализняк, Шмелев 2012].

класс употреблений, который ставит в центр экзистенциальный компонент ('X считал, что нечто хорошее произойдет, а оно не произошло'), и другой, где центральным оказывается оценочный ('раньше X оценивал нечто хорошо, а теперь — плохо').

Русское слово *разочарование* представляет собой точный аналог франц. *désenchantement* — как по своей внутренней форме, так и по значению. Так, в словаре [TLFi] слово *désenchantement* определяется следующим образом: «Perte d'une illusion; état d'une personne qui se désenchante en découvrant une réalité dépouillée de son caractère charmant ou mystérieux»; все иллюстрирующие данное значение примеры относятся к 30-м гг. XIX в., в частности:

(1) ...mais quel sujet possède assez de charmes qui ne soit pas desséché après quelques jours, et qui est assez épris de son imagination pour ne pas découvrir en elle mille ridicules d'où part le *désenchantement*. Hélas! rien n'est beau comme l'idéal... (M. De Guérin. Correspondance. 1838. P. 364)

Обратим внимание на слово *charmant* 'чарующий' в приведенном толковании, а также слово *charme* 'очарование' — в примере. Таким образом, французское *désenchantement* — это, в полном соответствии с внутренней формой, «утрата очарования». То же значение имело слово *разочарование* и в русском языке XIX в., ср. следующее толкование Даля: «...**разочаровать**, **разочаровывать** кого, противоположно *очаровать*, выводить из очарования, образумлять, отрезвлять» [Даль 1994, 3: 1548]. По данным основного и поэтического корпусов НКРЯ, слова *разочарование*, *разочарованный, разочарован* появляются только в 20-е гг. XIX в., при этом до 1830 г. это буквально считаные примеры; глагол *разочаровать* появляется лишь после 1830 г. Возможно, что само слово *разочарование* как обозначение ключевой категории эпохи романтизма возникло в русском языке в результате калькирования французского *désenchantement*; в любом случае, здесь имело место существенное культурное влияние: это чувство испытывали главные герои популярных в эту эпоху произведений Шатобриана, Мюссе, Бенжамена Констана; затем — герои Байрона и, далее, Онегин и Печорин.

В современном французском языке слово *désenchantement* ушло на периферию, уступив место существительному *déception* (ср. также *décevoir*, *déçu*), которое обозначает состояние «обманутого ожидания»[1]; ср. определение для *deçu* в словаре [DFC]: «se dit d'une personne frustrée dans ses esperances». При этом

[1] Так, во французском подкорпусе НКРЯ, содержащем преимущественно тексты XX в., с глаголом *désenchanter* имеется всего 3 примера (все — в форме страдательного причастия) и только в переводах с русского; с глаголом *décevoir* — 50 примеров, в различных формах

сам глагол *décevoir* происходит от лат. *decipio* 'обманывать' (и сохраняет данное значение во франц. языке). Нем. *Enttäuschung*, итал. *disinganno* и исп. *desengaño* имеют внутреннюю форму, отсылающую, наоборот, непосредственно к идее «отмена обмана»; во многих европейских языках имеется также латинизм с внутренней формой «отмена иллюзий»: франц. *disillusion*, итал. *disillusione* исп. *desilusión*, англ. *disillusionment* (напомним, что слово *иллюзия* происходит от лат. *illudo* 'обманывать').

Совсем иную внутреннюю форму имеет английское слово *disappointment*, а именно — «нарушение назначенного»[2]. Эта идея отчасти сохраняется в актуальном словоупотреблении: наряду со значением чувства «обманутого ожидания», *to be disappointed* может использоваться также для описания самой ситуации «нарушение назначенного», ср. англ. перевод следующего предложения из «Исповеди сына века» Альфреда де Мюссе, где *was not disappointed* указывает просто на то, что реальный ход событий совпал с ожидаемым:

(2) Je m'attendais qu'elle allait insister pour notre projet d'aller à Genève, et en effet elle *n'y manqua pas* (A. de Musset. La Confession d'un enfant du siècle)
I was *expecting* her to insist that we carry out our plan of going to Geneva, and *was not disappointed*[3]. — *букв.* 'Я *ожидал*, что она будет настаивать на осуществлении нашего плана поехать в Женеву, и *не был разочарован*' (т. е., как я и ожидал, она стала настаивать).

Анна Вежбицкая определяет англ. *disappointment* как чувство, рациональная основа которого состоит в том, что нечто хорошее, что должно было произойти и на что человек рассчитывал, не произошло:

X feels disappointed = 'X feels as one does when one thinks that what one has desired to happen and thought would happen has not happen' [Wierzbicka 1972: 64].

Толкование Л. Н. Иорданской для русского слова *разочарование* очень похоже на толкование Вежбицкой для *disappointment*, ср. [Иорданская 1970: 25] (приводим с небольшими сокращениями):

и в том числе во французских оригиналах. Существительное *désenchantement* не встречается вовсе.

[2] Ср. значение «break off what has been appointed; fail to keep an engagement», отмеченное в словаре [SOED: 691] для глагола *to disappoint* как актуальное для XVI–XVII вв.

[3] *Alfred de Musset.* The Confession of a Child of the Century / Translated by K. Warren // URL: https://books.google.ru/books?id=cbZ7AwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (p. 186).

А испытывает разочарование [по поводу B] = A испытывает пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что:

1) A уверен в неосуществлении события B;
2) до t_o A был уверен в осуществлении события B;
3) событие B очень желательно для A.

Например: *Он надеялся встретить ее там, и узнав, что она не придет, испытал острое разочарование.*

Однако, как будет видно из дальнейшего, это толкование соответствует скорее англ. *disappointment*, чем русскому *разочарованию.* Так, в примере (3), где описана ситуация, в точности соответствующая обоим приведенным выше толкованиям (фигуристка рассчитывала на то, что займет первое место, и страстно этого желала, но заняла только второе место), употребленное в русском переводе слово *разочарование* выглядит неуместно.

(3) After finishing second to Zagitova, Medvedeva closed her eyes in ***disappointment*** in the kiss-and-cry area[4].
Заняв второе место после Загитовой, Медведева закрыла глаза от ***разочарования*** в зоне ожидания результатов[5].

При этом существует множество контекстов, где англ. *disappointment* и русск. *разочарование* выглядят равно уместно, ср.:

(4) Later he learned, much to his ***disappointment***, that famous artists actually created very little of their own work. [Dan Brown. Angels and Demons (2000) | Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]
Позже он испытал огромное ***разочарование***, узнав, что великие художники на самом деле крайне редко прикладывали руку к работам, подписанным их именами. [Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]

Чувство, обозначаемое по-русски словом *разочарование*, может быть также обозначено глаголом: *разочароваться <в ком/чем>*, *разочаровать*, *разочарован*:

(5) Знаете ли, Владлен, я тоже очень любил Смоктуновского в «Идиоте». Но посмотрел «Царя Федора» и ***разочаровался в нем***. [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)]

(6) ...лучше было на ялтинском берегу воображать неаполитанскую ночь — тем более что неаполитанская при ближайшем рассмотрении могла оттолкнуть

[4] https://www.nytimes.com/2018/02/07/sports/olympics/russia-womens-figure-skating.html

[5] http://www.chaskor.ru/article/filigrannaya_tochnost_pryzhka_43046

и ***разочаровать***, как ***разочаровал*** его когда-то Париж. [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]

(7) Глебов был ***разочарован***: он считал пса грозным и смелым, а тот вёл себя как трусишка. [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)][6]

Приведем теперь примеры употребления, где русские слова, описывающие разочарование, употреблены в несколько ином значении, а именно в том, которое соответствует англ. *disappointment*[7]. Их по крайней мере два класса: (I) с формой краткого страдательного причастия (*разочарован*) в контексте событийного имени или придаточного с *что* и (II) с формой глагола в несов. виде в стативном значении.

I. Краткое страдательное причастие *разочарован*:

1. В контексте событийного имени:

(8) Он был ***разочарован*** *ее отказом* (рассчитывал, что она согласится)

(9) Она была ***разочарована*** *его женитьбой* (не хотела, чтобы он женился)

(10) Он был ***разочарован*** *рождением дочери* (хотел, чтобы родился сын)

(11) За выходные он убедил себя, что предстоит женитьба, и теперь был *почти* ***разочарован*** *ее отказом* (*почти разочарован* ≅ почти огорчен)

(12) Он был *так* ***разочарован*** *ее отказом* надеть красивое платье, что она в конце концов смилостивилась (*так разочарован* ≅ так сильно огорчен)

(13) Похоже, он *не слишком* ***разочарован*** *ее замужеством*! (≅ не очень огорчен)

Ср. примеры аналогичного употребления англ. *disappointed*:

(14) I said I was ***disappointed*** *by his refusal.* He said, “You can’t always get what you want.”

---

[6] Здесь и далее примеры со ссылками, как правило, взяты из Национального корпуса русского языка, прочие — по большей части найдены в Интернете при помощи поисковых систем Яндекс и Google.

[7] Слова франц. *déception*, нем. *Enttäuschung*, итал. *disinganno*, исп. *desengaño* и др., имеющие внутреннюю форму, отличную как от русск. *разочарование*, так и от англ. *disappointment*, по своей семантике в целом ближе к английскому, чем к русскому слову; более точный анализ этих слов выходит за рамки настоящего исследования.

(15) Eager to show the world that she was not ***disappointed*** *by his departure*, and apparently in a pique, she accepted a proposal of marriage from John Marshall...

(16) Fully expecting to receive an offer of marriage from Onassis, she was then bitterly ***disappointed*** *by his marriage* to Jacqueline Kennedy.

2. В контексте изъяснительного придаточного:

(17) Игра была отличной, но *я очень* ***разочарован****, что* не был засчитан первый гол.

(18) Ей-богу, он был ***разочарован****, что* приехал я, а не вы... [Вера Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000)]

(19) Эрвин был завидным женихом, и многие женщины были ***разочарованы****, что* место рядом с ним оказалось занято мной.

Ср. примеры аналогичного употребления англ. *disappointed that*:

(20) Spanish official was ***disappointed*** *that* Obama will not attend EU-US summit.

(21) Foreign Trade Minister Fientje Moerman said that she was ***disappointed*** *that* the Conference, which "had so many hopes riding on it, ended in failure for everyone".

II. Глагол несов. вида *разочаровывает*:

(22) Почему ты так коротко отвечаешь на мои письма? *Это* ***разочаровывает*** и огорчает.

(23) А когда вы ведете себя как маменькины сыночки — это ***разочаровывает***... и вся любовь может перерасти в презрение...

(24) Вопрос: Что вас ***разочаровывает*** в мужчинах? Ответы: Ложь; Холодность, отчуждение, равнодушие...; Педики! Меня очень ***разочаровывает****, что* они среди нас)))

(25) ***Разочаровывает****, что* не смогла показать свой теннис.

(26) Второе, что ***разочаровывает****, что* изображение, видимое в затворных очках, заметно темнее...

Ср. примеры аналогичного употребления англ. *it disappoints / it is disappointing that*:

(27) ***It disappoints*** me greatly that the programme is completely uncritical of the practices of supermarkets.

(28) TCMP player released in new version: 0.70 — but ***it disappoints*** very much.

(29) ***It is disappointing*** *that* we seem to observe the world as through a membrane.

(30) ***It is disappointing*** *that* Rob's e-mail is based more on emotion, hearsay and incorrect facts.

Итак, в чем же дело? Чем именно отличается семантика слов *разочарован* и *разочаровывать* в примерах (8)–(13), (17)–(19), (22)–(26) от семантики слов *разочарование*, *разочаровать*, *разочароваться* и *разочарован* в примерах (4)–(7)? Очевидно, дело в том, что помимо перечисленных (в частности, в толковании Л. Н. Иорданской) компонентов 'считал, что нечто произойдет'; 'хотел, чтобы произошло'; 'это не произошло', русское *разочарование* включает еще некоторый дополнительный смысл.

А именно, следующий. *Разочарование* в русском языке — это состояние, которое возникает, когда происходит утрата некоторой ценности, в результате чего заменяется фрагмент картины мира (ср. *разочарование в людях, в женщинах, в любви, в идеалах*). Этот концепт, во-первых, в русском языке оформлен особой конструкцией (*разочарование в ком / чем*), а во-вторых, и это самое главное, это исходное значение как бы отбрасывает тень на остальные (это явление Д. Н. Шмелев называл эпидигматическими связями), т. е. влияет на все типы употребления, в том числе на те, где имеется в виду непосредственная эмоциональная реакция на послужившее стимулом единичное событие. Для русского *разочарования* произошедшее отрицательное (или не произошедшее положительное) событие всегда является не объектом, а лишь основанием оценки; это лишь «явление», которое позволяет обнаружить некоторую стоящую за ним «сущность»: событие оценивается как плохое не само по себе, а лишь как свидетельство несовершенства мира (в том или ином его фрагменте). И именно поэтому слово *разочарование* неуместно в примере (3) про фигуристку, занявшую второе место: она испытала очень сильную отрицательную эмоцию, вызванную тем, что не произошло то, чего она желала и на что рассчитывала, но по-русски ее нельзя назвать разочарованием, потому что это не повлекло изменения в картине мира.

Итак, в русском языке отрицательная эмоция, возникшая из-за того, что произошло не то событие, которого человек ожидал и хотел, а нечто другое, худшее, обозначается словом *разочарование* (*разочарован*, *разочаровался*) лишь в том случае, когда она сопровождается некоторым изменением картины мира: *разочарование* так или иначе связывается с предшествующим *очарованием*[8].

[8] В частности, слово *разочарование* в текстах часто появляется в контексте *очарования* — начиная с пушкинского *Привычкой жизни избалован, / Одним на время очарован, / Разочарованный другим* (ЕО, IV).

Если этот момент полностью отсутствует, то разочарование с точки зрения русского языка выглядит неполноценным (тогда это не разочарование, а огорчение или сожаление, т. е. специфическая семантика пропадает, остается лишь более общая). И действительно, в тех примерах из сегодняшнего русского языка, где указанный компонент отсутствует, значение слова *разочарован* сближается с *сожалеет*, *огорчен* или *расстроен*, ср. очень близкие по смыслу примеры (31)–(32) и (33)–(37):

(31) Шумахер: Я очень ***разочарован***, что не смог помочь Ferrari.

(32) Госдеп США ***разочарован***, что убийцы американского журналиста Пола Хлебникова не привлечены к ответственности.

(33) Главный тренер сборной России ***сожалеет***, что в полуфинале Евро-2008 россияне не сыграют с Италией.

(34) Вторая ракетка мира Динара Сафина ***сожалеет***, что американки Серена и Винус Уильямс не принимают участия в турнире в Индиан-Уэллсе.

(35) Блаттер: ***огорчен***, что России не будет в ЮАР.

(36) Председатель совета директоров ВР Питер Сазерленд ***огорчен***, что руководство России не препятствует «олигархам» применять «силовые тактики».

(37) Николай Давыденко ***расстроен***, что стартовый матч на «Кубке Кремля» ему придется провести против соотечественника Марата Сафина.

Тем самым различие между концептом *разочарования* и концептом, выражаемым англ. словом *disappointed*, состоит в том, что русское *разочарование* включает **изменение фрагмента картины мира**. При этом не обязательно, как это может показаться, речь идет о чем-то «высоком»: разочарование в любви, в людях, в жизни, в идеалах. Можно разочароваться в мобильных телефонах фирмы «Сименс», но это все равно означает некоторое изменение в картине мира. Естественно, возможна ирония, но это нисколько не противоречит сказанному. И наоборот, даже если идет речь об очень глубоком и сильном чувстве, но оно ограничено реакцией на единичное событие и не включает никакой переоценки ценностей, то слово *разочарование* оказывается неуместно (ср. пример (3)).

Осталось понять, каков механизм семантической эволюции, приближающей сегодня русское *разочарование* к английскому *disappointment*. Семантическое калькирование с английского безусловно имело здесь место. Но, как оказывается, имеются также внутрисистемные факторы, которые способствовали такой семантической эволюции.

Выше мы выделили два класса употребления обсуждаемых русских слов, отклоняющихся от строгой нормы; укажем, для каждого из них, факторы, обеспечивающие возможность такого отклонения.

Относительно употребления формы *разочарован* в контексте предикатных имен и с изъяснительным придаточным (*разочарован ее отказом* / (*тем*) *что она отказалась*) нужно сказать следующее. В русском языке имеется тенденция, состоящая в том, что предикаты, обозначающие эмоции, развивают оценочное или даже просто ментальное значение, из которого эмоция «выветривается»: таковы, например, глаголы *бояться* (⇒ 'считать вероятным'), (*со*)*жалеть* (⇒ 'считать, что лучше было поступить иначе'), *подозревать* (⇒ 'считать вероятным'), см. [Зализняк 2006: 530–582].

Особенно характерно здесь появление конструкции с придаточным с союзом *что* со значением факта. Это весьма закономерное явление, характеризующее эволюцию предикатов эмоционального состояния в сторону ослабления эмоционального и усиления ментального компонента: такие глаголы, как *бояться*, *надеяться*, *ждать*, *жалеть*, *раскаиваться*, *волноваться*, *беспокоиться* и др., все в той или иной степени развивают это ментальное (оценочное, рациональное, т. е. не собственно эмоциональное) значение, и оно реализуется именно в конструкции с *что*. Поэтому семантическое развитие предикатива *разочарован*, при котором он приобретает чисто оценочное значение и управление придаточным с *что*, является вполне закономерным.

Что касается второго класса употреблений (*это разочаровывает*), то глагол несов. вида *разочаровывает* в чисто оценочном стативном значении встраивается в антонимическую пару к *радует* (они выражают, соответственно, отрицательную и положительную оценку; о таком употреблении глагола *радовать*, имеющем перфективный коррелят *порадовать*, см. [Зализняк, Шмелев 2003а] или раздел I.6), ср.:

(38) Проходя тестирование, вас могут ***разочаровывать*** или, наоборот, ***радовать*** полученные результаты.

(39) Петербургские баскетболисты ***разочаровывают***, а хоккеисты ***радуют*** болельщиков.

(40) Мобильное телевидение ***радует*** и ***разочаровывает***.

Тем самым *разочаровывает* в обсуждаемом употреблении не только не чуждо русскому языку, а просто необходимо ему, так как заполняет имеющуюся лакуну, т. е. его появление обусловлено именно системными факторами. Аналогичное чисто оценочное значение приобретают и другие эмоциональные предикаты в форме несов. вида: *удивляет*, *впечатляет*, *внушает оптимизм* и т. п.

Существенно, что то же чисто оценочное значение, в соответствии с семантикой перфектной пары, в которую входит обсуждаемый глагол, возможно и в сов. виде — *разочаровал* (ср., соответственно, *порадовал*). Причем характерно именно такое абсолютивное употребление (без указания на субъект оценки), подчеркивающее чисто оценочное значение, ср. (41)–(42) и (43)–(44):

(41) «Демон» Рубинштейна ***разочаровал*** не по причине плохой постановки, а по причине отсутствия таковой: опера давалась в концертном исполнении. [Белла Езерская. Мариинский на сцене мет (2003) // «Вестник США», 2003.08.20]

(42) SonyEricsson K850i — Может, и хороший, но немного ***разочаровал***.

(43) ***Порадовал*** отечественный концерн «Созвездие»...

(44) Но сегодня on-line словарь от google ***порадовал***!

Итак, *разочарование* в значительной степени сохранило исходное значение «утраты очарования». Существительное *разочарование* и в особенности возвратный глагол *разочароваться* описывают состояние, вызванное фактом **утраты ценности**, который видоизменяет **индивидуальную картину мира**.

Происходящий сегодня семантический сдвиг, демонстрируемый употреблениями типа *разочарован ее отказом* / (*тем,*) *что она отказалась*, а также конструкцией *это разочаровывает*, очевидно, произошел в результате влияния значения «обманутого ожидания» англ. слова *disappointment*. Однако скорее всего здесь действуют одновременно оба механизма, которые совпали по своему эффекту: семантическое калькирование и независимая параллельная семантическая эволюция, определяемая сугубо внутрисистемными факторами. Семантический сдвиг в сторону более ментального состояния предикатива *разочарован*, при котором он приобретает управление придаточным с *что* и способность подчинять факт, является вполне закономерным и для своего объяснения не требует с необходимостью апелляции к иноязычному влиянию. Не обязательно калькированным при ближайшем рассмотрении оказывается также употребление *это разочаровывает*. Это выражение, конечно, является эквивалентом английского *it is disappointing*, однако внутри русского языка имеется также собственный механизм восстановления активной формы глагола эмоционального воздействия, ср. *это радует*, *удивляет*, *успокаивает* (ср. образованные по той же модели в языке молодежного сленга формы типа *меня прикалывает* или даже *меня улыбает*).

Глава 13 *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*

О двух лингвоспецифичных единицах русского числового кода*

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен,
«Мне нравятся очень... *обои!*» —
Сказал им и выбежал вон.
Понять моего каламбура
Из них ни *единый* не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.

Козьма Прутков

В статье речь пойдет о русских словах *оба* и *единый*: будучи важнейшими знаками универсального числового кода, названные слова обнаруживают интересные лингвоспецифичные черты.

Оба

Как было продемонстрировано в нашей работе [Зализняк, Шмелев 1999] (см. также раздел I.2), в русском языке имеется категория «совместного действия», обнаруживающая себя в функционировании ряда слов и конструкций. Это такие предикаты, в которых одну роль должны выполнять не менее двух участников, напр. *встретиться в метро* или *выпивать на троих*. Предикаты совместного действия требуют множественного субъекта, т. е. либо субъекта во множественном числе, либо в форме комитативной группы. Предикат может быть обозначающим совместное действие сам по себе (предикаты,

* Данная глава представляет собой переработанный вариант статьи [Зализняк, Шмелев 2014].

обозначающие действия, которые нельзя производить в одиночку, в первую очередь — симметричные предикаты: *встретиться*, *поссориться*, *поцеловаться*, *пересекаться*, *равняться* и т. п.). Но существует способ превращения обычного предиката в предикат совместного действия — это слово *вместе*: *Петя и Маша вместе завтракают*; *все ученики класса вместе отправились на экскурсию.* Слово *вместе* превращает предикат в предикат совместного действия и тем самым требует множественного субъекта. Оператор *вместе* может быть присоединен только к предикатам, которые сами по себе не являются предикатами совместного действия (т. е. плеоназм здесь не допускается): *вместе позавтракали*, *вместе погуляли* (позавтракать или погулять можно и по отдельности), но не **вместе поссорились*, **вместе поцеловались*, **вместе встретились в метро*, **вместе сыграли партию в шахматы.* Если предикат может быть осмыслен как обозначающий не совместное действие, то присоединение *вместе* оказывается возможным: *Петя и Маша вместе играют в теннис* — фраза допустимая и означает, например, что они ходят в один спортивный клуб.

Данная категория оказывается существенной также для слова *оба*, которое также выражая некую идею совместности, с предикатами совместного действия не сочетается: *?оба встретились в метро*, *?оба сыграли в шахматы*, *?оба поцеловались* если и можно сказать, то лишь в значении «каждый с кем-то другим (скорее всего, с одним и тем же лицом)». Тождество второго актанта как бы входит в требование тождества ситуаций: *оба претендента сыграли в шахматы с чемпионом*, *оба гостя поцеловались с хозяйкой*, *оба сына поссорились с отцом.* Поэтому в следующих строчках стихотворения А. К. Толстого употребление слова *оба* правильно (каждый из них *осрамился*), а слова *вместе* — аномально (неверно, что каждый из них *побранился* с кем-то другим):

Стасюлевич и Маркевич
Вместе побранились;
Стасюлевич и Маркевич
Оба осрамились.

Если для слова *вместе* обсуждаемый запрет связан с наличием у него значения совместности и недопустимостью плеоназма, то со словом *оба* дело обстоит несколько сложнее. Объяснение этому факту, очевидно, кроется в специфической семантике русского слова *оба*, которая и составит предмет первой части данной главы.

Слово *оба* в русской грамматической традиции обычно относится к категории собирательных числительных. Оно может употребляться с существительным — препозитивно (*оба портрета*, *обе женщины*) или с местоимением — преимущественно постпозитивно (*мы оба*, *вы оба*, *они оба*), а также

абсолютивно. Слово *оба* обладает рядом интересных индивидуальных грамматических особенностей (касающихся частеречной принадлежности этого слова, характера синтаксической связи с существительным и др.; некоторые из них связаны с утратой русским языком категории двойственного числа), на которых мы здесь останавливаться не будем. Речь пойдет лишь о семантике.

Слово *оба* обозначает ‘и тот, и другой из двух названных’. Более подробное описание его значения будет выглядеть примерно следующим образом. Имеется выделенное множество из двух объектов A1 и A2 (пресуппозиция); утверждается, что как A1, так и A2 обладают некоторым признаком (ассерция); кроме того, имеется импликация, что между A1 и A2, в силу наличия указанного признака, возникает определенная близость[1]. Ср. такие типичные контексты:

(1) Страстей игру мы знали *оба*:
Томила жизнь *обоих* нас;
В *обоих* сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней. (Пушкин, ЕО, 1, XLV)

(2) Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти и в характерах и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: *оба* женились по любви, *оба* скоро овдовели, у *обоих* оставалось по ребенку. (Пушкин. Дубровский)

(3) Близнецы Джеймс Льюис и Джеймс Спрингер родились в Огайо, *оба* были приняты на воспитание в разные семьи[2] и 39 лет ничего не знали друг о друге. Когда они встретились в 1979 году, оказалось, что *оба* женились на женщинах, которых звали Линда, *оба* были разведены и оба назвали своих сыновей Джеймс Алан. Не зная друг друга, *оба* регулярно проводили отпуск во Флориде на одном и том же курорте. Оба стали полицейскими, у *обоих* было одно и то же хобби. (http://anomaliy.ru/article/16770/427)

Итак, слово *оба* используется в ситуации, когда некоторые выделенные два объекта обладают неким общим признаком. Здесь, однако, имеется одно

[1] В книге [Падучева 1974: 124] данный смысловой компонент слова *оба* характеризуется как презумпция.

[2] При корректном словоупотреблении данное выражение означало бы «каждый был принят в несколько разных семей», см. ниже.

ограничение. В литературе уже отмечалось, что слово *оба* не может быть употреблено в контексте симметричных предикатов[3]. Так, в статье [Иомдин 1981: 100], посвященной анализу семантики симметричных предикатов, фраза (4) помечена как аномальная, а фраза (5) — как весьма сомнительная.

(4) **Оба* мальчика случайно встретились на улице.

(5) ??*Обе* пластинки соединены друг с другом при помощи нескольких алюминиевых болтов.

Симметричные предикаты — это такие, для которых из P (X, Y) следует P (Y, X). Например, если верно, что некоторая автотрасса *соединяет город A с городом B*, то верно также и то, что эта трасса *соединяет город B с городом A*. Но при этом нельзя сказать, что автотрасса *соединяет оба города* (хотя реально так говорят, о чем пойдет речь ниже). Однако можно сказать, что автотрасса *соединяет оба города A и B с* <неким третьим> *городом C*. Тем самым ограничение, отмеченное Л. Л. Иомдиным, может быть уточнено: оно состоит в том, что A1 и A2 не должны быть разными актантами одного симметричного предиката, т. е. если A1 является X-ом, то A2 не может быть Y-ом. Нельзя сказать:

(6) *Они *оба* встретились, подружились, поцеловались, поженились, поссорились, расстались,

так как все эти глаголы допускают только такое понимание, при котором A1 является X-ом, а A2 — Y-ом. Однако фраза

(7) Они *оба* рано вступили в брак и *оба* вскоре развелись

вполне допустима: она означает, что каждый из них вступал в отношения с кем-то третьим: поскольку предикаты *вступить в брак* и *развестись* допускают одновалентное употребление, A1 и A2 оба оказываются в роли X-а.

Именно эта особенность русского слова *оба* и является предметом нашего рассмотрения. А именно, она состоит в том, что слово *оба* не может быть употреблено в том случае, когда оба элемента выделенного множества из двух объектов являются актантами одного предиката. Иными словами, слово *оба* уместно при соблюдении следующих двух условий:

— предложение представляет собой результат сочинительного сокращения узла, ветвями которого являются не термы, а предикаты: *Петя молчал*

[3] Этот запрет непосредственно вытекает из того, что симметричные предикаты представляют собою частный случай предикатов совместного действия.

и *Вася молчал* → ***Оба*** *молчали*; *Петя был наказан* ***и*** *Вася был наказан* → ***Оба*** *были наказаны*;

— ни один из референтов слова *оба* не является актантом обоих предикатов: *Петя встретился со своим другом в метро* ***и*** *Вася встретился со своим другом* (возможно — с тем же, с которым встретился Петя, но не с самим Петей!) *в метро* → ***Оба*** *встретились со своим другом в метро.*

Предикаты, описывающие совместные действия, бывают «парные» и «непарные». Действия, обозначенные «парными» предикатами (например, *встречаться*, *играть в шахматы* или *писать совместную статью*), не могут производиться в одиночку[4], действия, обозначенные «непарными» предикатами (например, *завтракать* или *гулять по парку*), — могут. Иначе можно сказать, что в первом случае валентность второго участника является обязательной, во втором — факультативной. Как уже было сказано, наречие *вместе* не сочетается с предикатами первого типа (**вместе встречаться в метро*), но при этом хорошо сочетается с предикатами второго типа (*вместе гулять по парку*).

Слово *оба*, как мы видели, не может быть употреблено ни в одном из этих случаев: ни *оба поцеловались*, ни *оба позавтракали* нормально не допускает понимания «друг с другом». В чем же дело? И почему в тех случаях, когда употребление слова *оба* возможно, иногда оно указывает на некую близость своих референтов, как в примерах (1)–(3), а иногда — наоборот, на раздельность? Так, фраза *Они оба позавтракали* или *Они оба погуляли в парке* маркирует то обстоятельство, что завтрак и прогулка каждого из них проходили в одиночестве — в отличие от тех же фраз без слова *оба*, где ничего не сказано по этому поводу (и даже скорее подразумевается совместное действие): *Они позавтракали*; *Они погуляли в парке.*

В стихотворении из романа Набокова «Дар» первое употребление слова *оба* звучит несколько аномально — поскольку возникает ощущение, что герои случайным образом оказались одновременно в одном и том же месте — предположение, которое опровергается последующим текстом, из которого следует, что они стояли «вместе»:

---

[4] Наряду с симметричными предикатами, к «парным» предикатам относятся предикаты множественного субъекта и множественного объекта (collective predicates), например *пожениться* и *различаться.* Они отличаются от симметричных предикатов тем, что не допускают распределенной диатезы: *X и Y поженились, X и Y различаются*, но не **X поженился с Y-ом, *X различается с Y-ом* (в отличие от глагола *отличаться*, имеющего только распределенную диатезу: *X отличается от Y-а*, но не **X и Y отличаются*). Ср. глагол *пересекаться*, имеющий обе диатезы: (а) *X пересекается с Y* и (б) *X и Y пересекаются.*

Однажды мы под вечер *оба*
стояли на старом мосту.
Скажи мне, — спросил я, — до гроба
запомнишь — вот ласточку ту?
И ты отвечала: еще бы!

Между тем во второй строфе слово *оба* оказывается вполне уместно (так как то, что они стояли «вместе», уже известно):

И как мы заплакали *оба*,
как вскрикнула жизнь на лету...
До завтра, навеки, до гроба, —
однажды, на старом мосту...

Итак, перед нами две загадки. Первая: почему нельзя сказать **оба поцеловались* (в значении «друг с другом»)? И вторая: почему *оба позавтракали* при стандартном понимании означает, что каждый завтракал сам по себе? Наша задача — сформулировать такое толкование для обсуждаемого слова, которое бы объясняло оба эти свойства.

Оба P =
[пресуппозиция]
— имеется выделенное множество из двух объектов X1 и X2;
— говорящий допускает, что адресат речи считает, что лишь X1 или лишь X2 обладает некоторым признаком P;
[ассерция] утверждается, что и X1, и X2 обладают данным признаком;
[импликация] между X1 и X2, в силу наличия указанного признака, имеется определенная близость.

Невозможность сочетания слова *оба* с предикатами множественного субъекта (**оба поженились*, **оба различаются*) непосредственно вытекает из пресуппозиции ‘говорящий допускал, что адресат речи считает, что лишь X1 или лишь X2 обладает некоторым признаком P’[5]: если признак P обозначается предикатом множественного субъекта, невозможно, чтобы этим признаком обладал лишь один субъект. Запрет на конструкцию типа **оба поцеловались*

[5] Сказанное относится и к предикатам множественного объекта (напр., *поженить*): запрет на использование при них слова *оба* (по отношению к объектам: **поженили обоих*) вытекает из той же пресуппозиции. Отметим, что предикаты, допускающие возможность опущения второго объекта (напр., *женить*), вполне совместимы со словом *оба*, относящимся к объекту (напр., *обоих <сыновей> женили очень рано*).

(*друг с другом*) объясняется тем, что *оба* требует приписывания одинакового признака P, а когда X и Y поцеловались, это значит, что X-у эксплицитно приписывается признак «поцеловаться с Y-ом», а Y-у — признак «поцеловаться с X-ом», а это разные признаки. Напомним, что такие сочетания, как *оба женились*, *оба развелись*, допустимы потому, что эти предикаты допускают одновалентное употребление, при котором второй актант ситуации нерелевантен, а также при понимании второго актанта в родовом смысле (*оба женились на бесприданницах*).

Рассмотрим теперь второе свойство. Почему высказывание *Они оба позавтракали* при стандартном понимании означает, что каждый завтракал сам по себе, хотя та же фраза без слова *оба* скорее предполагает, что речь идет о совместном завтраке? Напомним также обсуждавшийся в литературе пример *Петя и Катя вышли покурить* и сопоставим его с высказыванием *Петя и Катя оба вышли покурить*. В первом случае более вероятно понимание, при котором Петя и Катя вышли покурить вместе (смысловой компонент «совместного действия» носит характер импликатуры; она может подавляться контекстом). Между тем фразы со словом *оба* содержат почти неустранимый компонент «раздельности»: говоря *Петя и Катя поехали на юг*, человек может намекать на то, что поездка совместная, а произнося фразу *Петя и Катя оба поехали на юг*, говорящий делает эксплицитное утверждение, что речь идет о двух отдельных поездках.

Причина появления смыслового компонента «раздельности» состоит в том, что глагол, обозначающий совместное действие, уподобляется симметричному предикату, и тогда оказывается, что два участника выполняют *разные* действия: Петя осуществляет совместную поездку с Катей, а Катя — с Петей, отсюда — невозможность употребления слова *оба*, которое обозначает выполнение *одинаковых* действий. И, соответственно, наоборот: если сказано «оба», это означает, что имеется в виду не одно совместное, а два *одинаковых* действия (в одиночку): позавтракать, выйти покурить, поехать на юг и т. д.[6]

Из всего сказанного вытекает, что можно сказать:

Река разделяет город на две части;

Две части города разделены рекой,

[6] Заметим, что запрет на «совместное» понимание снимается, если такое понимание навязывается контекстом, напр.: *Обычно с ребенком гуляет кто-то один из родителей, но в этот раз с ним пошли оба: и папа, и мама.* Такие конструкции чем-то близки весьма частотным конструкциям, в которых участвует «парный» объект, напр. *схватил обеими руками*, *похлопал по обоим плечам* и т. п.

но нельзя:

**Обе* части города разделены рекой.

Точно так же нельзя сказать:

**Обе* части города соединены мостом; **Обе* части города равны по площади.

Обсуждаемый запрет представляет собою относительное нововведение русского языка, в текстах XIX в. он часто не соблюдался, напр.:

Председатель, вставши со стула, обнял Чичикова, и *оба поцеловались* почти в засос (Гоголь. Мертвые души).

Обратимся теперь к материалу Национального корпуса русского языка. Как можно было ожидать, ограничения, сформулированные на основании языковой компетенции авторов, не всегда соблюдаются. Это, однако, не означает, что их нет. Рассмотрим подробнее случаи их нарушения. В НКРЯ мы встречаем, например, следующее предложение:

(8) Вся публика бежит к клетке, в которой находятся бурые медведи. Мы видим ужасную сцену. Рядом с бурыми медведями клетка с медвежатами. Кроме железных прутьев, *обе клетки разделены досками.* Маленький медвежонок полез по этим доскам наверх, но его лапчонка попала в расщелину. [М. М. Зощенко. Перед восходом солнца (1943)]

Заметим, что вне контекста фраза *обе клетки разделены досками* скорее была бы понята распределительно, т. е. что разделена каждая из двух клеток — а не две клетки между собой, что, очевидно, имеется в виду в данном отрывке. Тем самым, если отвлечься от контекста, предпочтительным является понимание, в полной мере соответствующее нашему описанию. Более того, даже при контекстной поддержке фраза *обе клетки разделены досками* в понимании ‘разделены между собою’ с точки зрения современной нормы оставляет ощущение некоторой шероховатости.

Ср. также другие примеры употребления слова *оба* в контексте предиката *разделены* (в значении ‘между собою’):

(9) Тотчас же рядом с собою направо Изумруд услышал ревнивое, сердитое дыхание. Тут помещался Онегин, старый, норовистый бурый жеребец, изредка еще бегавший на призы в городских одиночках. *Обе лошади были разделены* легкой дощатой переборкой и не могли видеть друг друга, но, приложившись храпом к правому краю решетки, Изумруд ясно учуял теплый запах пережеванного сена, шедший из часто дышащих ноздрей Онегина... [А. И. Куприн. Изумруд (1907)]

(10) Сии *оба рода купечества разделены* одною только линиею. [Д. И. Фонвизин. Торгующее дворянство (1766)]

(11) *Оба этажа разделены* капитальной стеной в длину на две равные части; в каждой из них находится вдоль стены коридор, освещаемый большими окнами, пробитыми в обоих концах коридора. [Ю. В. Каннабих. История психиатрии (1928)]

(12) С моего пути видно было ясно, что *оба хребта разделены* широкой долиной и являются совершенно отдельными цепями Наньшаня. [В. А. Обручев. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай (1940)]

(13) *Оба бассейна разделены* буроватой полосой Аргоннских возвышенностей. [А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 4 (1947–1953)]

Мы видим, что примеры такого рода встречаются, но все они оставляют ощущение неполного соответствия современной норме. Дело в том, что, как уже говорилось, ограничение, о котором здесь шла речь (т. е. запрет на употребление слова *оба* в том случае, когда речь идет об участниках одного и того же совместного действия), определяющее лингвоспецифичность этого слова, является в истории русского языка относительно недавним. Соответственно, приведенные выше примеры демонстрируют устаревший тип употребления, и именно с этим связано ощущение неполного их соответствия современной норме. В тех случаях, когда к нему прибегают авторы XX в., можно говорить о реализации устаревшей нормы или, возможно, о намеренной архаизации, ср. известные строчки Пастернака:

(14) С действительностью иллюзию,
С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это *обеих* роднит.

При этом в тех случаях, когда симметричность признака создается за счет наречия (*рядом*, *взаимно*, *друг друга*), запрет на употребление слова *оба* становится менее категоричным и может вообще сниматься. Так, в примере (15) степень ненормативности существенно меньше по сравнению с сочетаниями слова *оба* с ингерентно симметричными предикатами.

(15) Потом подошла сзади стройная, длиннотелая гнедая кобыла-метиска с жидкой темной гривой. Она была прекрасно выработана по той же американской системе, как и Изумруд. Короткая холеная шерсть так и блестела на ней, переливаясь от движения мускулов под кожей. Пока наездники о чем-то

говорили, *обе* лошади шли некоторое время *рядом.* [А. И. Куприн. Изумруд (1907)].

Лексема *друг друга* также допускает сочетаемость со словом *оба* (фразы типа *Они оба ненавидят друг друга* можно считать почти нормативными), ср.:

(16) *Оба друг друга недолюбливают*, но свою неприязнь на публичный уровень выносить остерегаются. [Татьяна Нетреба. Выборы: Рождение штабов (2003) // «Аргументы и факты», 2003.06.11]

(17) — Он пьян... — сказал Варенуха. — Кто пьян? — спросил Римский, и опять *оба уставились друг на друга.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)]

Однако если предикат является симметричным сам по себе, то добавление плеонастического *друг друга* не делает допустимым употребление слова *оба.* Нельзя сказать: **Они оба поссорились друг с другом*, поскольку это предполагало бы, что каждый мог поссориться сам по себе (что абсурдно).

Заметим, что наречие *одновременно* не порождает симметричности предиката, ср. совершенно корректные фразы:

(18) Кончилось это тем, что, столкнувшись как-то в библиотечном вестибюле, *оба одновременно* рассмеялись и заговорили. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

(19) Единственным волнующим моментом гонки стал один из пит-стопов, когда, не разобравшись в ситуации, *оба* гонщика Penske *одновременно* свернули на дозаправку. [Дмитрий Ситник. CART: второй интернационал (2001) // «Формула», 2001.09.15]

Здесь говорится, что и тот, и другой субъект совершили одно и то же действие (что полностью соответствует семантике слова *оба*), и дополнительно сообщается, что это произошло одновременно. С другой стороны, некорректным представляется употребление в примере (20):

(20) Из *обоих* «мерседесов» почти *одновременно* вышли Буравков и Копейко. [Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)]

Дело в том, что слово *оба* здесь относится не к субъектам, которые одновременно совершили одно и то же действие, а к «мерседесам», а с ними произошли разные вещи: из одного вышел Буравков, а из другого — Копейко.

Сочетание *между обоими* (*обеими*) является почти нормативным для случаев, когда обсуждаемые два объекта образуют не просто выделенное множество, а некоторую естественную пару, ср.:

(21) Переход через Каму обеспечит всесезонное сообщение *между обоими речными берегами* [Юрий Николаев. Дорога на Шанхай пройдет через Сорочьи Горы // «Известия», 2002.10.18]

(22) Ардов познакомился с Мандельштамами, и *между обоими домами* установились добрососедские, но не слишком близкие отношения. [Эмма Герштейн. Вблизи поэта (1985–1999)]

Ср. также клишированную формулу *между обеими договаривающимися сторонами* в текстах международных договоров.

Если такой естественной корреляции нет, употребляется выражение *между этими двумя*, ср.:

(23) Но сначала надо рассказать о том, что произошло *между этими двумя* поездками. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

(24) Так я и брёл, спотыкаясь, узкой полоской земли *между этими двумя* океанами. [Сергей Довлатов. Наши (1983)]

Мучительный выбор *между этими двумя* путями и составляет драматургическую основу фильма. [Вячеслав Суриков. Комплекс инопланетянина // «Эксперт», 2014]

Это противопоставление не является жестким и в реальном употреблении соблюдается непоследовательно.

Английское *both* и немецкое *beide*, помимо многих других отличий от русского слова *оба* (напр., способности слова *both* употребляться в качестве союза), не подчиняются указанным ограничениям. Так, они могут употребляться при обозначении совместного действия — тогда они означают нечто вроде ‘вдвоем’. В английском переводе «Пикника на обочине» братьев Стругацких (пример из НКРЯ) предложение *они вместе отнесли сетку на кухню* переведено с использованием слова *both*, а именно — *they both carried the net to the kitchen* (по-русски в этой ситуации нельзя было бы сказать *они оба отнесли сетку на кухню*). Есть и другие контексты, когда *both* не допускает перевод посредством слова *оба*. В «Хрониках Нарнии» Клайва Льюиса говорится: *They both got different answers to it*. В переводе Г. А. Островской это передано как *у каждого получилось по-разному*; перевод несколько шероховат (слово *каждый* плохо сочетается

с наречием *по-разному*)[7], но очевидно, что использование слова *оба* было бы вовсе невозможно. Что касается немецкого слова *beide*, то у него полностью отсутствует ограничение на сочетаемость с симметричными предикатами (и тем самым требование полного тождества совершаемого действия): такие сочетания, как *Unterschied zwischen den beiden Beispielen*, *букв.* 'различие между обоими примерами', *beide küssten*, *букв.* 'оба поцеловались', *die beiden Freunde trafen sich auf der U-Bahn und gingen ins Kino*, *букв.* 'оба приятеля встретились в метро и пошли в кино' и т. п., совершенно нормативны. Тем самым подтверждается лингвоспецифичность рассмотренных ограничений русского слова *оба*.

Единый

Как известно, облик современного русского языка в значительной степени определяется наличием в нем множества заимствованных церковнославянских элементов, вступающих в разные отношения с их русскими когнатами. Одно из них, и весьма распространенное, состоит в том, что церковнославянско-русские когнаты имеют отчетливое распределение по значениям, причем расхождение это бывает столь существенным, что между этими двумя (раньше мы бы сказали — *обоими*) словами утрачивается как исходное семантическое единство, так и благоприобретенное стилистическое расхождение (ср. *нёбо — небо*).

«Малый академический словарь» [МАС, 1: 463] выделяет у слова *единый* три значения: «**1**. (*обычно с отрицанием*) Один. *Прошлое не откликалось ни единым воспоминанием, ни горьким, ни светлым.* Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы. *Кругом царила абсолютная тишина. Ни малейшего движения в воздухе, ни единого облачка на небе.* Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня. || *Устар.* Только один, единственный. *Он мне единой посвятил Рассвет печальный жизни бурной!* Пушкин, Евгений Онегин. *Тебя позабыть! Никогда! никогда! Ты сердца единый избранник.* Н. Некрасов, Русские женщины. / **2**. Цельный, нераздельный. *Единый фронт. Единое государство. — Работа колхоза и работа МТС — единый агротехнический комплекс, единый сложный технологический процесс.* С. Антонов, Жатва. / **3**. Один и тот же, общий; одинаковый: *Единое мнение. Люди, вышедшее наружу, сняли шапки, повинуясь какому-то единому порыву.* Первенцев, Испытание».

Можно согласиться, что в первом значении слово *единый* близко к своему русскому когнату *один*, отличаясь от него отрицательной поляризацией,

[7] Правильно было бы сказать *у каждого по-своему* или *у них по-разному*, поскольку слова *разные*, *по-разному* и *различные* тоже чувствительны к семантике «совместности».

и означает нечто вроде ‘хотя бы один’. Речь идет о таких конструкциях, как *не пропустить ни единого слова, не верить ни единому слову, не обмолвиться ни единым словом, ни единой живой души, без единого звука, без единого изъяна, не терять ни единой секунды, без единого намека, ни единого волоска, не оставить ни единого шанса, все до единого.* Некоторые из них настолько частотны, что может создаться впечатление, что мы имеем дело с устойчивыми выражениями; однако сочетаемость слова *единый* в этой конструкции практически безгранична. Все помнят строки Анны Ахматовой:

Мы ни *единого* удара
Не отклонили от себя.

Такого рода конструкции появляются в переводах, потому что они свободно порождаются в живой речи, напр.: *Я бросил курить два года назад и с тех пор не выкурил ни единой сигареты.* Можно добавить, что отрицание может лишь подразумеваться: *Если бы он обмолвился хотя бы единым словом об этом...* Более того, в художественной речи смысл ‘хотя бы один’ иногда может выражаться и в отсутствие даже подразумеваемого отрицания, напр.: *Хранение единой строки одинаково грозит мне казематом что там, что здесь. Допуска в публичную библиотеку у меня нет и тут* (Александр Солженицын). Что касается до «оттенка» первого значения, который толкуется как «только один, единственный» и характеризуется как «устарелый», то можно заметить, что он продолжает использоваться вплоть до настоящего времени, хотя, возможно, с налетом некоторой стилизации. Приведем пример из романа Александра Солженицына «В круге первом»: *Свалился царь, свалился шестисотлетний режим от единого толчка — и никто не бросился поднимать корону, и все пели, смеялись, поздравляли друг друга.* Именно этот «оттенок» задает идею ‘никакого другого нет’, конституирующую третье из значений, выделяемых у слова *единый* в МАС.

Помимо фразеологизмов, упомянутых в МАС (*все до единого, всё едино, единым духом, единым махом*), используются и другие устойчивые выражения с рассматриваемым словом (напр., *на едином вдохе*). Что еще более важно, данное слово входит в формулы, обычно цитируемые в церковнославянской версии: *не о хлебе едином жив будет человек*; *Верую во единого Бога Отца Вседержителя... во единого Господа Иисуса Христа... во едину святую, соборную и апостольскую Церковь.* Вероятно, именно эти формулы дают начало второму и третьему значению рассматриваемого слова, поскольку в них уже содержатся обе идеи: ‘никакого другого нет’ (в выражении *не хлебом единым* эта идея отрицается) и ‘цельный, нераздельный’. В самом деле, что значит вера в *единую* святую, соборную и апостольскую Церковь? Очевидно, одновременно две вещи: веру в то, что истинная Церковь одна (и другой нет), и веру в то, что она нераздельна.

Иными словами, в таких употреблениях имеются две смысловые доминанты (которые могут присутствовать одновременно и даже быть равноценными, но обычно на первый план выходит одна из них): ‘единственный, другого нет’ (источник третьего значения по МАС) и ‘не делится на части’ (источник второго значения по МАС). Эти две базовые идеи перетекают друг в друга, так что не всегда между ними можно провести четкую границу, напр.: *Наука и религия являют собой два различных пути познания единой истины.* Множественность может быть связана либо с наличием других (альтернативных объектов), либо с разделением данного объекта на отдельные части; единство, отраженное в слове *единый*, отвергает обе эти возможности.

Значение, которое в МАС подано как третье («один и тот же, общий, одинаковый»), весьма частотно в современной речи. Оно реализуется в таких сочетаниях, как *единый график*, *единый налог*, *единые тарифные ставки*, *единый список*, *единое понимание*, *единый подход* (= ‘один для всех; никакого другого нет’), ср. франц. *taille unique* — единый размер (= ‘один для всех, другого нет’). Приведем примеры из НКРЯ:

(25) Результатом такого осмысления могло бы стать *единое понимание* феномена свободы совести.

(26) ...мировое сообщество смогло выработать *единый подход* к решению проблемы Афганистана.

Наиболее лингвоспецифичным является второе значение (по нумерации [МАС]): ‘цельный, нераздельный’. Оно делает акцент на «неделимости» (объект не делится на части): *единый фронт*, *единое государство*. Приведем пример из НКРЯ:

(27) Это сильный аргумент в пользу того, что массивный компактный объект в центре Галактики — *единое тёмное тело*, а не скопление отдельных объектов малой массы. [А. М. Черепащук. Поиски чёрных дыр // «Вестник РАН», 2004]

Эта неделимость могла возникнуть в результате слияния первоначально различных объектов (пример 28) и может быть в какой-то момент утрачена (пример (29)):

(28) Когда цилиндр готов, на обеих заготовках отгибаем кромки для фальцевого шва, и детали соединяются в *единое целое*.

(29) Банк образовался в ходе реализации первого этапа реформы немецкой почты в июле 1989 г., когда было принято решение выделить из *единого государственного ведомства* телекоммуникационную и банковскую службы,

ставшие впоследствии совершенно самостоятельными организациями. [Денежные переводы мигрантов — фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // «Вопросы статистики», 2004]

Особенно активно это значение используется в политических контекстах (*единый мировой порядок*, *выступать единым фронтом* и т. д.). Сама по себе идея единения заключает в себе весьма значимый европейский политический смысл. При этом оказывается, что русское слово *единый* поразительным образом с трудом поддается переводу на европейские языки. Название партии «Единая Россия» обычно переводится на английский как *United Russia*, что очевидным образом неточно, поскольку выражает совершенно другую идею — «объединенная Россия». *Единая* Россия — это совершенно не то же, что *Соединенное* Королевство Великобритании и Северной Ирландии, *Соединенные* Штаты Америки, *Объединенные* Арабские Эмираты или Организация *Объединенных* Наций. Формула «Единая Россия» восходит к лозунгу Белого движения «Единая и неделимая Россия» и выражает не идею *соединения* каких-либо частей, а, наоборот, идею *неделимости*. Существенно ближе к русскому *единый* немецкое прилагательное *einig*. Соответственно, перевод названия партии «Единая Россия» как *Einiges Russland* представляется более или менее адекватным и, по крайней мере, предпочтительным перед другими переводами этого названия на немецкий язык[8].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на кажущуюся универсальность числового кода, относящиеся к нему языковые единицы могут быть лингвоспецифичными и с трудом поддаваться переводу. Эти единицы требуют детального семантического анализа, не менее тщательного, нежели прочие единицы языка. При этом они подвержены семантической эволюции, и их современное употребление может нести на себе следы предшествующего состояния языка.

[8] Немецкая Википедия (http://de.wikipedia.org/wiki/Einiges_Russland) сообщает: *Einiges Russland* (russisch *Единая Россия*, *Transkription* Jedinaja Rossija; andere Übersetzungen: *Geeintes Russland*, *Vereintes Russland*, *Vereinigtes Russland*).

Глава 14 *Анна А. Зализняк*

Заметки к лингвистической теории нарратива*

1. Парадоксы нарратива

Художественный текст заключает в себе некий парадокс. Это семиотический объект, который вообще не должен был бы существовать — потому что его статус определяется двумя конвенциями, каждая из которых представляет собой парадокс; их можно назвать, соответственно, «парадокс фикциональности» и «парадокс авторства». Первый состоит в том, что правда и ложь в художественном тексте «нераздельны и неслиянны», а второй — что автор одновременно недопустим и неистребим. И наконец, имеется третий парадокс, который состоит в том, что тем не менее художественный текст как феномен не просто существует, но потребность в его создании, как это выяснилось с изобретением Интернета, является для человека экзистенциальной (ср. жанр интернет-пособия по писательскому мастерству «Как написать гениальный роман?»).

Итак, **парадокс фикциональности**. Читатель одновременно знает, что предлагаемая ему история — фикция (это условие жанра, ср. англ. термин *fiction*), но при этом должен относиться к ней как *в некотором смысле* истинной; это тоже условие жанра. Художественный текст — это фикция: мир, воображенный одним конкретным человеком. И тем не менее «описывать» его автор вынужден так, *как если бы* это был реальный мир, который он *наблюдает* и свои *наблюдения* передает читателю — тем или иным способом (т. е. используя или не используя повествователя, принадлежащего миру текста)[1]. Казалось бы, автор — демиург мира своего текста; тем самым, он может написать «что хочет». Но это не так. Придуманный мир, оказывается, живет по законам реального. Если эти законы не соблюдены, то текст «не прочитывается». Приведем

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2016б].

[1] Ср. следующий комментарий Б. А. Успенского к одному из эпизодов романа «Война и мир»: «...выбранная им [повествователем] позиция — это позиция человека, незримо присутствующего в комнате и описывающего то, что он видит» [Успенский 1970/95: 83].

следующий пример из романа «Тихий Дон» (интересующий нас фрагмент выделен курсивом):

> Спустя время раскрасневшаяся Мавра, с платком, съехавшим набок, торочила на проулке бабьей толпе:
>
> — И что он, милушки, нашел в ней хорошего? Хоть бы баба была, а то так... Ни заду, *ни пуза*, одна страма. У нас девки глаже ее выгуливаются. *В стану — перервать можно, как оса*; глазюки — черные, здоровющие, стригеть ими, как сатана, прости бог. *Должно, на сносях дохаживает*, ей-бо!

Женщина не может одновременно выглядеть как имеющая осиную талию и как находящаяся на последнем сроке беременности: соответственно, «картина мира текста» в этом месте не складывается[2].

Художественный текст основан на следующем «договоре» писателя с читателем: «Сейчас я, автор, расскажу тебе некоторую историю. Ты, читатель, знаешь, что эта история вымышленная; если там и упоминаются какие-то реально существующие люди и события, то в мире данного текста — они такие же персонажи, как и те, которые придуманы мною, автором. Прекрасно осознавая все это, ты, читатель, тем не менее, будешь представлять себе описываемые события так, как если бы они были реальными; более того, ты будешь их "видеть" теми глазами, которыми они якобы были "увидены" — мною или тем лицом, глазами которого я тебе их показал».

Попытки изгнания автора из текста, которые ведутся начиная с конца XIX в. и вплоть до «смерти автора», объявленной Ролланом Бартом, очевидно оказались безрезультатными. Как справедливо отмечено в [Падучева 1996: 217], «в естественном языке текст неотделим от своего создателя, говорящего».

Это подводит нас ко второму парадоксу — **парадоксу авторства**, который заключается в следующем. Автор не может ни признаться, что он написал данный текст, ни скрыть этого обстоятельства: он одновременно недопустим и неистребим, и чем больше он самоустраняется, тем отчетливее он обнаруживает свое присутствие.

Рассмотрим следующий фрагмент текста романа Достоевского «Идиот»:

> Известно, что припадки эпилепсии, собственно самая падучая, приходят мгновенно. В это мгновение вдруг чрезвычайно искажается лицо, особенно взгляд. Конвульсии и судороги овладевают всем телом и всеми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что не похожий вопль вырывается из груди; в этом

[2] О понятии «картина мира текста» см. [Шмелев 2012а: 307].

> вопле вдруг исчезает как бы всё человеческое, и никак невозможно, по крайней мере, очень трудно, наблюдателю вообразить и допустить, что это кричит этот же самый человек. [...] *Надо предположить*, что такое впечатление внезапного ужаса, сопряженного со всеми другими страшными впечатлениями той минуты, — вдруг оцепенили Рогожина на месте и тем спасли князя от неизбежного удара ножом, на него уже падавшего. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

Выражение *надо предположить* призвано создать впечатление, что Рогожин существует независимо от сознания автора-повествователя, — который лишь описывает то, что видит, а о том, чего не видит, может только делать предположения, основываясь на наблюдаемых фактах[3]. Парадокс авторства состоит в том, что чем больше автор самоустраняется из художественного текста, т. е. снимает с себя привилегию всеведения (*предполагать* может только тот, кто *не знает*), чем больше от отходит в сторону — тем больше он обнаруживает свое присутствие. Одно из следствий парадокса авторства — что литература постмодернизма, провозгласившего «смерть автора», в гораздо большей степени «про себя», чем про тот предмет, о котором идет речь.

И наконец, третий парадокс состоит в том, что художественный текст, тем не менее, прекрасно существует.

2. С чего начинаются великие романы?

Первая фраза «Пиковой дамы» (*Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова*), как известно, послужила отправной точкой создания теории нарратива (см. классическую работу [Виноградов 1980], а также [Падучева 1995; 1996; 1997]). Первая фраза «Анны Карениной» стала крылатой. Первая фраза романа Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» является, возможно, самой гениальной во всем романе: по крайней мере, это мощнейший композиционный прием, который задает структуру всего последующего повествования:

> Muchos años después, frente al peloton de fusilamiento, el coronel Aureliano Buendía había de recordar aquella tarde remota en que su padre lo llevó a conocer el hielo.

В переводе Н. Бутыриной и В. Столбова она звучит так:

> Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, стоя у стены в ожидании расстрела, вспомнит тот далекий вечер, когда отец взял его с собой посмотреть на лед.

[3] Этот прием широко использует Гоголь в «Шинели», см. [Падучева 1997].

В этой фразе обозначены три временные точки.

Первая — фиксируемая наречием *después* ('после, спустя') точка отсчета, которая в речевом режиме совпадает с моментом речи (ср. *lo haré después* 'я это сделаю потом'), а в нарративе отсылает к некоторому названному в предшествующем тексте событию (ср. *un año después* 'год спустя'). В данном случае, поскольку это первая фраза романа, отсылка производится к событию, о котором читателю ничего не может быть известно; тем самым первое словосочетание текста романа заставляет читателя задаться вопросом: после *чего* «пройдет много лет»? Но ответ на него он узнает не скоро.

Вторая временная точка обозначена еще более сложно: с одной стороны, указанием на *предстоящий* герою расстрел (который, однако, не состоялся, — о чем читатель также узнает еще очень не скоро, и до тех пор будет пребывать в состоянии *suspense*). С другой стороны, та же точка фиксируется глаголом *recordar* 'вспоминать' в конструкции со значением предстояния «*haber de* + inf.» в форме будущего в прошедшем, обусловленной ретроспективной точкой отсчета в нарративе[4].

Наконец, третья, последняя, точка — *тот далекий вечер, когда отец взял его с собой посмотреть на лед* — отсылает к тому периоду времени, с которого начинается повествуемая история.

Первая фраза романа, таким образом, задает перспективу и интригу всего повествования.

Первая фраза текста как лингвистический объект уже имеет некоторую традицию изучения. В экспериментальном исследовании [Иомдин Б. Л. 2005] показано, что первая фраза текста обладает определенными структурными особенностями, которые позволяют, с какой-то степенью вероятности, идентифицировать первые фразы средствами автоматического анализа.

В данной статье вопрос ставится несколько иначе, а именно, рассматривается первый абзац или образующие единство несколько первых абзацев большого текста; мы будем называть этот объект «начальный абзац» или просто «начало»[5]. Речь пойдет о нескольких знаменитых романах XIX–XX вв., относящихся к категории так называемой «классической литературы».

В нарратологии принято различать повествователя, принадлежащего и не принадлежащего миру текста. Первого обычно называют «диегетическим»,

---

[4] В русском переводе эта конструкция передана, за неимением лучшего, просто формой будущего времени, с потерей двойной оптики оригинала.

[5] Общепринятого специального термина для этого нет. У Ж. Женетта для обозначения близкого понятия встречается термин *introit* (сохраненный в русском переводе), исходно обозначающий начальный фрагмент литургического песнопения [Женетт 1972: 206].

второго — «экзегетическим» [Падучева 1996: 203] (а также «недиегетическим» [Шмид 2003: 80 и сл.] или «гетеродиегетическим» [Женетт 1972, 2: 253]). Диегетический повествователь является одновременно персонажем повествуемой истории (*Я ехал на перекладных из Тифлиса*); такие тексты мы рассматривать не будем. Эгзогетический повествователь не является персонажем; он обнаруживает себя как референт форм 1-го л. местоимений и глаголов в метатекстовых комментариях (*Обратимся к молодому нашему любовнику*; *За мной, мой читатель, и я покажу тебе такую любовь*, и т. п.). Он может быть также тем «субъектом сознания» (см. [Падучева 1996: 262 и сл.]), к которому отсылают некоторые вводные слова и обороты, обозначающие акты речи, мысли или восприятия, ср. знаменитое «*в самом деле*, уже рассветало» («Пиковая дама»); «впоследствии, когда, *откровенно говоря*, было уже поздно»; «Нарзану нету, — ответила женщина в будочке и *почему-то* обиделась» («Мастер и Маргарита») и т. п. Действительно, если говорится, что где-то чем-то *пахнет*, то должен быть кто-то, кто этот запах чувствует, если *страшно* — то это должно быть кому-то, даже если *почему-то* — то непонятно тоже должно быть *кому-то*. Этим *кем-то* может быть повествователь или один из персонажей (при повествовании с «внутренней точки зрения» по Б. Успенскому или с «внутренней фокализацией» по Ж. Женетту); в некоторых случаях им может оказаться также некая инстанция, не совпадающая ни с тем, ни с другим — ***фиктивный наблюдатель***. Он может оставаться невоплощенным, «бестелесным» (т. е. быть виртуальным субъектом перцептивных предикатов), а может «материализоваться» в форме фиктивного персонажа, обозначенного словом *наблюдатель* (а также *сторонний наблюдатель*, *случайный прохожий* и т. п., см. ниже). Роль фиктивного наблюдателя особенно велика именно в начальных абзацах; далее повествователь может передавать функцию воспринимающего сознания кому-то из персонажей или разным персонажам по очереди (ср. понятие «переменная фокализация» в [Женетт 1972, 2: 205], а также понятие «множественность точек зрения» в [Успенский 1970/95])[6].

Итак, рассмотрим начальные абзацы некоторых известных романов. Нас будет интересовать вопрос, каким образом автор вводит своих персонажей и начинает «с нуля» разворачивание действия; какими средствами создается «мир текста»? Иными словами, как автору удается преодолеть парадокс фикциональности? Не имея в виду построить сколько-нибудь полную типологию возможных начал, укажем здесь лишь некоторые существенные признаки и приемы.

[6] В другой своей работе Б. А. Успенский отмечает, что варьирование внутренней и внешней позиции по отношению к изображаемым событиям «является основным композиционным приемом в художественном нарративе» [Успенский 2011].

В пределах начального абзаца обычно задаются координаты: место и время. Что касается интродукции персонажа, то принципиальных возможностей здесь не так много. Одна из них состоит в том, что повествователь сразу же представляет нам своего героя, назвав его по имени, потом одновременно производит зрительную и вербальную интродукцию; затем может появиться фиктивный наблюдатель. Классический образец этой нарративной техники — роман Гончарова «Обломов»[7]:

И. А. Гончаров. «Обломов»

В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов.

Это был человек ***лет тридцати двух-трех от роду***, ***среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами***, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. [...] Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. И **поверхностно наблюдательный, холодный человек**, *взглянув* мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!»

Человек поглубже и посимпатичнее, долго *вглядываясь* в лицо его, отошел бы в приятном раздумье, с улыбкой.

Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или *казался* таким, *может быть, потому, что Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка ли движения или воздуха, а может быть, того и другого.* Вообще же тело его, *судя* по ***матовому, чересчур белому свету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч***, *казалось* слишком изнеженным для мужчины.

Другая возможность состоит в том, что повествователь сначала как бы отходит в сторону и предлагает читателю «увидеть» сцену глазами некоего

[7] Здесь и далее подчеркиванием выделены обозначения места и времени действия, а также имя персонажа; ***полужирным курсивом*** выделены те фрагменты текста, которые имплицируют наличие некоторого воспринимающего и/или рефлектирующего сознания, отличного от всеведущего повествователя; *курсивом с подчеркиванием* отмечены перцептивные и ментальные предикаты, субъектом которых является этот наблюдатель. **Полужирным прямым** выделены обозначения фиктивного наблюдателя; *светлым курсивом* — фрагменты комментариев от лица всеведущего повествователя.

наблюдателя, который не знает ничего кроме того, что видит. Далее в какой-то момент повествователь применяет риторическую фигуру «Это был не кто иной, как...», т. е. называет имя персонажа, которого читатель уже «увидел», и сообщает о нем сведения, которые не могут быть получены через зрительный канал[8]. Таково начало романа «Мастер и Маргарита».

М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, ***появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй — плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке — был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках.***

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, *председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его — поэт* Иван Николаевич Понырев, *пишущий под псевдонимом Бездомный.*

Роман «Идиот» начинается с «визуальной интродукции», где описание ведется от лица некоторого виртуального наблюдателя, «незримо присутствующего» в мире текста и фиксирующего свои зрительные впечатления; они перемежаются комментариями повествователя, касающимися ненаблюдаемых фактов (выделено светлым курсивом). Границей «начала», видимо, является момент, когда персонажи вступают в диалог, в ходе которого выясняются различные необходимые для развития сюжета сведения.

Ф. М. Достоевский. «Идиот»

В конце ноября, в оттепель, часов в девять утра, поезд Петербургско-Варшавской железной дороги на всех парах подходил к Петербургу. Было так сыро и туманно, что ***насилу рассвело***; в десяти шагах, вправо и влево от дороги, *трудно было разглядеть* ***хоть что-нибудь из окон вагона***. Из пассажиров были и возвращавшиеся из-за границы; но более были наполнены отделения для третьего класса, и всё людом мелким и деловым, не из очень далека. Все, *как водится,*

[8] Этот нарративный прием близок к одному из «топосов романного начала» литературы XIX в., ср. «Все протекает так, как будто автор, *вводя* действующее лицо, должен делать вид, что он его не знает. Как только этот ритуал завершен, он может продолжить рассказ уже без недомолвок» [Женетт 1972, 2: 206]. Возможно, что в литературе XX в. его применение содержит элемент пародии.

устали, ***у всех отяжелели за ночь глаза, все назяблись, все лица были бледно-желтые, под цвет тумана***.

В одном из вагонов третьего класса, с рассвета, очутились друг против друга, у самого окна, два пассажира — ***оба люди молодые, оба почти налегке, оба не щегольски одетые, оба с довольно замечательными физиономиями*** и оба пожелавшие, наконец, войти друг с другом в разговор. *Если б они оба знали один про другого, чем они особенно в эту минуту замечательны, то, конечно, подивились бы, что случай так странно посадил их друг против друга в третьеклассном вагоне петербургско-варшавского поезда.* ***Один из них был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми маленькими, но огненными глазами.*** [...]

[...] ***Он был тепло одет, в широкий мерлушечий черный крытый тулуп***, и за ночь не зяб, тогда как сосед его принужден был вынести на своей издрогшей спине всю сладость сырой ноябрьской русской ночи, к которой, *очевидно*, был не приготовлен. ***На нем был довольно широкий и толстый плащ без рукавов и с огромным капюшоном***, *точь-в-точь как употребляют часто дорожные, по зимам, где-нибудь далеко за границей, в Швейцарии или, например, в Северной Италии* [...] ***Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое***, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь. ***Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное***, а теперь[9] ***даже досиня иззябшее***. В руках его болтался тощий узелок из старого, полинялого фуляра, *заключавший, кажется*[10], *всё его дорожное достояние.* ***На ногах его были толстоподошвенные башмаки с штиблетами***, — всё не по-русски. ***Черноволосый сосед в крытом тулупе всё это разглядел***, частию от нечего делать, и наконец спросил с тою неделикатною усмешкой, в которой так бесцеремонно и небрежно выражается иногда людское удовольствие при неудачах ближнего:

---

[9] Сейчас мы бы сказали *сейчас*. О различии между *сейчас* и *теперь* см. [Мельчук 1985]; о слове *сейчас* в нарративном режиме интерпретации см. [Падучева 1996: 271–275].

[10] Сейчас мы бы сказали *по-видимому* или *очевидно*. В современном языке вводное *кажется*, во-первых, не может быть употреблено в нарративе (см. [Падучева 2006]), во-вторых, в контексте верифицируемой пропозиции обозначает неполное знание или припоминание (ср. *Это было, кажется, в позапрошлом году*), а не вывод на основании внешних признаков, который здесь имеется в виду.

— Зябко?

И повел плечами.

— Очень, — ответил сосед ***с чрезвычайною готовностью*** [...]

Посмотрим теперь на начальный абзац романа «Доктор Живаго».

Борис Пастернак. «Доктор Живаго»

Шли и шли и пели «Вечную память», и, когда останавливались, *казалось*, что ее по-залаженному продолжают петь ноги, лошади, дуновения ветра.

Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились. **Любопытные** входили в процессию, спрашивали: «Кого хоронят?» Им отвечали: «Живаго». — «Вот оно что. Тогда понятно». — «Да не его. Ее». — «Все равно. Царствие небесное. Похороны богатые».

Замелькали[11] последние минуты, считанные, бесповоротные. «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней». Священник крестящим движением бросил горсть земли на Марью Николаевну. Запели «Со духи праведных». Началась страшная гонка. Гроб закрыли, заколотили, стали опускать. ***Отбарабанил*** дождь комьев, которыми торопливо в четыре лопаты забросали могилу. На ней ***вырос холмик***. На него ***взошел десятилетний мальчик***.

Только в состоянии отупения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу больших похорон, могло показаться, что мальчик хочет сказать слово на материнской могиле.

Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря отсутствующим взором. ***Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась.*** *Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоет.* ***Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал.*** Летевшее навстречу облако стало хлестать его по рукам и лицу мокрыми плетьми холодного ливня. К могиле прошел ***человек в черном, со сборками на узких облегающих рукавах.*** *Это был брат покойной и дядя плакавшего мальчика, расстриженный по собственному прошению священник Николай Николаевич Веденяпин.* Он подошел к мальчику и увел его с кладбища.

Кто является семантическим субъектом предикатов *казалось*, *могло показаться*, *было бы ясно*? Очевидно, люди, участвующие в похоронной процессии. Они же являются референтом опущенного подлежащего при сказуемом *шли* в первом предложении. Эффект этой первой фразы обусловлен даже не столько аграмматичным опущением подлежащего, сколько присвоением внутренней точки зрения множественному субъекту, что порождает уникальную

[11] Обратим внимание на эту зрительную метафору, усиливающую перцептивную доминанту представления данной сцены.

повествующую инстанцию. Этот неназванный множественный субъект является тем воспринимающим сознанием, при помощи которого представлена вся сцена и осуществлена интродукция главного героя («***Отбарабанил*** дождь комьев, которыми торопливо в четыре лопаты забросали могилу. На ней ***вырос холмик***. На него ***взошел десятилетний мальчик***»). В интродукции персонажей участвует также другой множественный субъект — «материализованный» фиктивный наблюдатель *прохожие* и *любопытные*, при помощи которого читателю сообщается имя главного героя. Голос повествователя слышен лишь в модальной составляющей суждений «Только в состоянии отупения и бесчувственности, обыкновенно наступающих к концу больших похорон, *могло* показаться...» и «Если бы таким движением поднял голову волчонок, *было бы* ясно...» и в предпоследней фразе, содержащей риторическую фигуру «Это был не кто иной, как» (ср. выше).

Таким образом, эффект этого начала складывается из взаимодействия трех элементов нарративной техники, один из которых (внутренняя фокализация на множественном субъекте) уникален.

Прием использования фиктивного наблюдателя ярко демонстрируют начальные абзацы роман Дж. Голсуорси «Собственник» (первая книга «Саги о Форсайтах»); в данном случае он является даже как бы персонажем — но персонажем фиктивным.

Джон Голсуорси. «Сага о Форсайтах». Книга 1 «Собственник»

Тем, кто удостаивался приглашения на семейные торжества Форсайтов, *являлось* ***очаровательное и поучительное зрелище***: представленная во всем блеске семья, принадлежащая к верхушке английской буржуазии.

Если же **кто-нибудь из этих счастливцев** обладал даром психологического анализа (*талантом, который не имеет денежной ценности и поэтому не пользуется вниманием со стороны Форсайтов*), *глазам* **его** *открывалась картина*, не только восхитительная сама по себе, но и разъясняющая одну из темных проблем человечества. Иными словами, сборище этой семьи, — ни одна ветвь которой не чувствовала расположения к другой, между любыми тремя членами которой не было ничего заслуживающего названия симпатии, — помогало **внимательному наблюдателю** *уловить* признаки той загадочной, несокрушимой живучести, которая превращает семью в такое мощное звено общественной жизни, в такое точное воспроизведение целого общества в миниатюре. **Этому наблюдателю** представлялась возможность *прозреть* туманные пути развития общества, уяснить себе кое-что о патриархальном быте, о передвижениях первобытных орд, о величии и падении народов. [...]

Пятнадцатого июня 1886 года **случайный наблюдатель**, попавший около четырех часов дня в дом старого Джолиона Форсайта на Стэнхоп-Гейт, *мог увидеть лучшую пору цветения Форсайтов.*

Прием был устроен в честь помолвки мисс Джун Форсайт *— внучки* старого Джолиона *— с мистером* Филипом Босини.

Другой пример воплощенного фиктивного наблюдателя в начальном абзаце — роман «Хождение по мукам»:

А. Н. Толстой. «Хождение по мукам» . Книга 1 «Сестры»

Сторонний наблюдатель из какого-нибудь заросшего липами захолустного переулка, попадая в Петербург, испытывал в минуты внимания сложное чувство умственного возбуждения и душевной придавленности.

Бродя по ***прямым и туманным улицам, мимо мрачных домов с темными окнами, с дремлющими дворниками у ворот***, *глядя* подолгу на ***многоводный и хмурый простор Невы, на голубоватые линии мостов с зажженными еще до темноты фонарями, с колоннадами неуютных и нерадостных дворцов, с нерусской, пронзительной высотой Петропавловского собора, с бедными лодочками, ныряющими в темной воде, с бесчисленными барками сырых дров вдоль гранитных набережных***, *заглядывая в лица прохожих* — озабоченные и бледные, с глазами, как городская муть, — *видя и внимая всему этому*, **сторонний наблюдатель** — благонамеренный — прятал голову поглубже в воротник, а неблагонамеренный начинал думать, что хорошо бы ударить со всей силой, разбить вдребезги это застывшее очарование.

3. Фиктивный наблюдатель в тексте

Фигура *фиктивного наблюдателя* широко используется в литературе XIX и первой половины XX в. и за пределами начального абзаца: это тот самый субъект перцептивного предиката, который при изменении диатезы превратился бы в «эксперианта за кадром» [Падучева 2004: 210–212], ср.:

В его темно-серых глазах, осененных черными ресницами, **наблюдатель** *прочел бы* необыкновенную, бессознательную и как бы невольную решительность, не позволявшую ему ни на миг задуматься в минуту действия. [А. К. Толстой. Князь Серебряный (1842–1862)]

На лице его можно было прочесть покойную уверенность в себе и понимание других, выглядывавшие из глаз. «Пожил человек, знает жизнь и людей», *скажет*

о нем **наблюдатель**, и если не отнесет его к разряду особенных, высших натур, то еще менее к разряду натур наивных. [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

В эти минуты **наблюдатель** *мог бы легко заметить*, что у этой, по-видимому, веселой и беспечной девушки нервы находятся не в порядке, что ее душа неспокойна и напряженно ждет чего-то. [А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят (1871)]

Если бы **наблюдатель** *захотел проследить* по выражениям этих лиц те чувства, которые пробуждают в этих душах звуки итальянской оперы, то увидел бы он слишком большую разницу между низом и верхом огромной залы. [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Части 1–3 (1864)]

На то, что фиктивный наблюдатель представляет собой не что иное, как риторическую фигуру, указывает, в частности, употребление сослагательного наклонения или других средств выражения гипотетичности.

Единство синтаксически выраженного и «закадрового» наблюдателя особенно ясно демонстрируют те примеры, где представлены одновременно обе диатезы; соответственно один и тот же субъект восприятия предстает то как полноценный, то как подразумеваемый участник ситуации, ср.:

На первый взгляд лицо старухи *казалось* очень добродушным, и только всматриваясь в него, **наблюдатель** *мог заметить* в опущенных углах губ выражение брезгливости, презрения и недовольства, да в глазах замечалось что-то убийственно холодное. [А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят (1871)]

Здесь субъектом безличного *казалось* и финитного *мог заметить* является, очевидно, одно и то же лицо. Ср. также следующий пример (обсуждавшийся выше в другой связи), где безличное *представляется* отсылает к тому же самому субъекту сознания, которому *трудно вообразить*, а именно, к фиктивному наблюдателю. Между тем следующий безличный предикат *надо предположить* относится к другому субъекту — повествователю; здесь особенно отчетливо видно расхождение этих двух фигур:

Страшный, невообразимый и ни на что не похожий вопль вырывается из груди; в этом вопле вдруг исчезает как бы всё человеческое, и никак невозможно, по крайней мере, очень трудно, **наблюдателю** *вообразить* и допустить, что это кричит этот же самый человек. *Представляется* даже, что кричит как бы кто-то другой, находящийся внутри этого человека. Многие, по крайней мере, изъясняли так свое впечатление [...] *Надо предположить*, что такое впечатление внезапного ужаса, сопряженного со всеми другими страшными впечатлениями

той минуты, — вдруг оцепенили Рогожина на месте и тем спасли князя от неизбежного удара ножом, на него уже падавшего. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

Фиктивный наблюдатель является «представителем» одновременно повествователя и читателя: подставив себя на его место, читатель воспримет именно ту порцию информации, которую уделил фиктивному наблюдателю всеведущий повествователь (остальное оставив при себе). Ср. следующий пример:

И если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет, **наблюдатель** *мог бы видеть*, что лицо прокуратора с воспалёнными последними бессонницами и вином глазами выражает нетерпение, что прокуратор не только глядит на две белые розы, утонувшие в красной луже, но ***постоянно поворачивает лицо к саду навстречу водяной пыли и песку, что он кого-то ждет, нетерпеливо ждёт***. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]

Фигура наблюдателя может служить также для введения ложных мнений и заключений (риторический прием «от противного»); в таком случае используется *поверхностный наблюдатель*, ср.:

Кто умел читать в царском взоре, тот прочел бы в нем теперь скрытую ненависть и удовольствие видеть врага своего униженным; но **поверхностному наблюдателю** выражение Иоанна *могло показаться* благосклонным. [А. К. Толстой. Князь Серебряный (1842–1862)]

Нужно сказать, что странного и загадочного во всех действиях Арчибальда Арчибальдовича вовсе не было и странными такие действия *мог бы счесть* лишь **наблюдатель поверхностный**. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]

Фигура *постороннего*, или *стороннего*, *наблюдателя* двусмысленна: его оценки могут быть как истинными, так и ложными, и это не всегда ясно, ср.:

Одно только *можно бы было заключить* **постороннему наблюдателю**, если бы таковой тут случился: что, судя по всем вышесказанным, хотя и немногим данным, князь всё-таки успел оставить в доме Епанчиных особенное впечатление, хоть и являлся в нем всего один раз, да и то мельком. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

В литературе конца XX и начала XXI в. риторическая фигура отсылки к «стороннему наблюдателю» несет в себе элемент пародийности, ср.:

Поначалу, окинув глазом нашу стоянку, **невнимательный наблюдатель** *мог бы решить*, что мы просто компания горожан, банальным образом выбравшаяся на пикник. [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]

Пока негодующего и униженного Николая под конвоем везли на Озерную, все обитатели едва не поруганного им дома собрались вокруг Михаила Семеновича. **Посторонний и насмешливый наблюдатель** мог бы сравнить эту группу с кучкой детсадовцев, сгрудившихся вокруг своей воспитательницы в ожидании припозднившихся родителей. [Андрей Геласимов. Дом на Озерной (2009)]

В каждой специальности своя кастовость, и чёрт ногу сломит её разбирать даже изнутри, куда уж там объяснять **стороннему наблюдателю**. [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]

Но она говорила ровно, спокойно, и даже самый отрицательно настроенный **сторонний наблюдатель** не уловил бы в её словах иронии или, не дай бог, злорадства. [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]

Итак, фигура фиктивного наблюдателя представляет собой эффективный инструмент преодоления нарративного парадокса, особенно широко применяемый в начальных абзацах большого текста. Она имеет широкий спектр вариантов реализации: реальный внутритекстовый, но совершенно случайный, безымянный и более не появляющийся персонаж (ср. *прохожие* и *любопытные* в начальном абзаце «Доктора Живаго»); как бы внутритекстовый, но на самом деле фиктивный персонаж (*Те, кто удостаивался приглашения на семейные торжества Форсайтов*; *Сторонний наблюдатель из какого-нибудь заросшего липами захолустного переулка* из «Хождения по мукам»); не претендующая быть персонажем абстрактная фигура, обозначенная словом *наблюдатель*, используемая как риторический прием (ср. примеры из раздела 3); наконец, никак не обозначенный субъект предикатов восприятия зрительных, слуховых и обонятельных сигналов — «бестелесный» субъект сознания, *как бы наблюдающий* происходящее и представляющий собой некоего посредника между читателем и всеведущим повествователем.

Часть II

Глава 1 *Анна А. Зализняк*

Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа*

На протяжении последних двух десятилетий мы с моими коллегами ведем исследования русской семантики в направлении, которое в какой-то момент получило название «реконструкция русской языковой картины мира». Результаты работ этого направления опубликованы в монографиях [Зализняк и др. 2005а; 2012], а также в ряде статей. За последнее десятилетие исследование «русской языковой картины мира» вошло в круг интересов российской когнитивной лингвистики и необычайно (и, на наш взгляд, не всегда правомерно) расширило свои методологические рамки; одновременно укрепилась и критическая линия, подвергающая сомнению существование связи между национальным языком и менталитетом соответствующей языковой общности, как и само существование вышеозначенного менталитета. Наша позиция в этой дискуссии достаточно подробно изложена в работах [Зализняк 2013б; 2014; Шмелев 2014], поэтому здесь я не буду воспроизводить аргументы в защиту — в конечном счете, гипотезы Сепира — Уорфа, — на которой базируются и которую подтверждают наши исследования. Мне хотелось бы перенести фокус внимания на более верифицируемую часть проблемы, а именно, на само понятие «лингвоспецифичных слов»: с одной стороны, уточнить его содержание, с другой — предложить некоторую операциональную процедуру выявления принадлежащей к этой категории единиц на базе параллельных корпусов, т. е. при помощи анализа межъязыковых соответствий.

Именно такая задача ставится в проекте «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка». Исследование проводится на базе параллельного русско-французского корпуса, который был создан, в значительной степени, силами коллектива данного проекта в ходе предшествующих этапов работы (см. наши публикации [Бунтман и др. 2014; Kruzhkov et al. 2014]) и в настоящий момент входит в качестве

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2015].

подкорпуса в Национальный корпус русского языка. На основе этого параллельного корпуса в ходе выполнения данного проекта была создана «надкорпусная» База данных лингвоспецифичных единиц русского языка, входом которой являются межъязыковые соответствия, или *моноэквиваленции*, т. е. пары вида: «фрагмент текста, содержащий лингвоспецифичную единицу — функционально-эквивалентный фрагмент текста перевода». Множество тестируемых лингвоспецифичных единиц было сформировано на основе Указателя лексем к книге [Зализняк и др. 2012].

В исследовании применяется «унидирекциональный»[1] метод контрастивного анализа. Он основан на том, что сопоставление двух языков является не целью, а лишь инструментом анализа одного из них: перевод (т. е. решение, реально принятое переводчиком) некоторой лексической единицы русского языка рассматривается как источник сведений о его семантике. Причем в этих целях используется как прямой, так и обратный перевод: соответственно, в случае обратного перевода в качестве свидетельства о семантике анализируемой единицы русского языка рассматриваются условия ее появления в переводе.

Остановимся подробнее на понятии «лингвоспецифичные слова».

Этот термин восходит к работам Анны Вежбицкой, которая говорит о «universal human concepts in culture-specific configurations», а также о «language-specific meanings» и «language-specific word-meanings», см. [Wierzbicka 1992; 1996]. В наших работах «лингвоспецифичными» называются слова, заключающие в себе уникальную концептуальную конфигурацию, т. е. такую, которая «в готовом виде» не представлена ни в какой языковой единице других языков. В этом смысле они непереводимы: при переводе недостающий семантический компонент либо вводится при помощи дополнительных лексических средств, либо просто теряется. При этом, как показал наш опыт семантического анализа, смысловые компоненты, обусловливающие такую труднопереводимость некоторых русских слов, образуют определенную систему, а именно, обычно оказывается, что они отсылают к одной из «ключевых идей», или «сквозных мотивов», русской языковой картины мира, т. е. к некоторым смыслам, которые являются выделенными в рамках семантической системы русского языка[2]. Поэтому в нашей книге [Зализняк и др. 2005а] лингвоспецифичные слова определяются двояким образом: с одной стороны, это слова, для которых трудно

[1] Впоследствии термин «унидирекциональный» был заменен на «монофокусный».

[2] А. Вежбицкая называет их «доминантами семантического универсума» русского языка («semantic themes which shape the semantic universe of the Russian language») [Wierzbicka 1992: 395].

найти переводной эквивалент; с другой стороны, это слова, которые включают смысловые компоненты, отсылающие к «ключевым идеям».

Однако эти два признака (отсутствие однозначного переводного эквивалента и наличие некоторого семантического компонента, отсылающего к какой-либо «ключевой идее») априори все же задают два разных класса единиц; при этом ни пересечение, ни объединение этих множеств не дает результата, который бы не противоречил интуиции[3]. Поэтому более корректным представляется в качестве определения лингвоспецифичности использовать собственно семантический критерий, а оба указанных обстоятельства считать характерными, но не ингерентными признаками лингвоспецифичности.

Прежде всего, следует напомнить, что лингвоспецифичность — свойство, по своей природе компаративное; при этом, поскольку сравнение со всеми существующими языками (в том числе в том приближении, которое принято в типологии, когда делается представительная произвольная выборка из языков разных семей и ареалов) не входит в нашу задачу, сравнение производится в рамках актуальной для русского языка оппозиции с основными языками Западной Европы (английский, немецкий, французский, итальянский, испанский).

Как известно, однозначный перевод имеют только термины, и то не всегда. Слова естественного языка в большинстве своем многозначны и чаще всего в разных значениях и в разных контекстах имеют разные переводные эквиваленты. Кроме того, значение слова естественного языка включает в себя, помимо собственно толкования, также смысловые компоненты, вносимые его функционально-стилистической характеристикой, внутренней формой, эпидигматическими связями, интертекстуальной и культурной нагрузкой и т. д. Очевидно, что при учете всех этих обстоятельств лингвоспецифичным, т. е. содержащим уникальный набор значений перечисленных параметров, окажется практически любое слово любого языка (вспомним, какого труда стоит А. Вежбицкой выявление «экспонентов» семантических примитивов, и результат все равно является не бесспорным). Тем не менее категория лингвоспецифичных

[3] Пересечение, т. е. выполнение обоих требований, оставляет за пределами искомой категории такие слова, как *разлука* (безусловно лингвоспецифичные, хотя и имеющие более-менее однозначный переводной эквивалент, см. ниже), а также достаточно многочисленную категорию труднопереводимых слов, в значении которых отсылка к какой-либо «ключевой идее» по меньшей мере проблематична (ср., напр., нем. *sich melden* или *gönnen*); с другой стороны, объединение, т. е. достаточность какого-то одного из двух признаков, включает туда всю безэквивалентную лексику, что также искажает исходный замысел.

слов представляется осмысленной[4]: в любом случае, безусловно существует *мера лингвоспецифичности*; именно ее хотелось бы научиться определять.

Для начала выделим следующие четыре основных типа отсутствия межъязыкового семантического изоморфизма (на примере пары «русский — английский»; каждый тип обозначается реализующим его русским словом; в скобках указывается информация об английском переводном эквиваленте):

I) a. подтип РУКА (англ. *hand* vs. *arm*);
   b. подтип ПРАВДА — ИСТИНА (англ. *truth*);
II) тип САМОВАР (переводной эквивалент отсутствует; используется заимствованное слово или описательное определение);
III) тип РАЗЛУКА (имеется один преимущественный вариант перевода, но он неточный);
IV) тип ТОСКА (имеется несколько приблизительно равновероятных вариантов перевода, все неточные).

Все эти типы слов русского языка являются в том или ином смысле лингвоспецифичными. Но это их свойство представляет интерес с разных точек зрения. Первый тип составляет предмет *лексической типологии*, которая устанавливает возможные способы членения предметных или концептуальных областей за счет различных способов колексификации, выбираемых разными языками (см., в частности, [François 2008; Рахилина, Резникова 2013]).

Второй тип — это так называемая *безэквивалентная лексика* (куда относятся, прежде всего, обозначения культурно-специфических реалий, типа *тамада* или *кимоно*), которая много обсуждается в теории перевода. Главная особенность безэквивалентной лексики состоит в том, что она чаще всего подвергается заимствованию — в результате чего слово, естественно, утрачивает свой безэквивалентный статус в языке-источнике. Однако часто бывает так, что при заимствовании значение слова сдвигается, и межъязыковая эквивалентность снова нарушается (и в этом случае может возникнуть собственно лингвоспецифичность, ср. слова *азарт*, *кураж*, *гонор* [Шмелев 2002б], а также новые заимствования типа *имидж*, *пиар*).

[4] Отметим, что категория лингвоспецифичных слов имеет прочный аналог в обыденном сознании, ср. популярный интернет-жанр «10 непереводимых слов»: в этих списках фигурируют, в частности, такие слова, как русск. *тоска* (ср.: Wierzbicka 1992: 172, разделы I.2 и II.10), чеш. *lítost* (ср. [Ibid.: 166–169]), нем. *Schadenfreude*, порт. *saudade*.

Для нас наибольший интерес представляют две последних категории, именно о них и будет идти дальше речь.

Итак, лингвоспецифичной мы будем называть лексическую единицу, заключающую в себе ***уникальную концептуальную конфигурацию***, а именно такую, что во всех существующих ее переводных эквивалентах не хватает какого-то семантического компонента или неустранимым образом присутствует «лишний» компонент.

Так, например, русское слово *бабушка* в значении термина родства имеет встроенный компонент «взаимных добрых чувств» (см. [Wierzbicka 1992: 351]), который порождает специфическую концептуальную конфигурацию[5]. Данный смысловой компонент отсутствует в англ. *grand-mother*, франц. *grand-mère*, нем. *Großmutter*, при том, что это единственный конвенциональный переводной эквивалент. В английском языке помимо *grand-mother* есть еще *gran*, *granny*, в немецком есть слово *Oma*, но и то, и другое — это именно уменьшительно-ласкательные обозначения, а русск. *бабушка* не является уменьшительно-ласкательным, это нейтральное слово; по крайней мере, никакого другого слова нет: слово *баба* не имеет нужного значения, кроме как в «детском языке» в сочетании с именем (*баба Галя*), слово *бабка* в стандартном литературном языке стилистически маркировано как имеющее грубоватый оттенок.

Другой пример: глагол *успеть*, ср.:

(1) — И когда это он ***успел*** опять лечь-то! — ворчал Захар, прыгая на печку. [И. А. Гончаров. Обломов (1848–1859)] — Quand est-ce qu'il ***a trouvé le temps*** de se recoucher, grogna Zakhar en sautant sur son poêle. [Ivan Gontcharov. Oblomov. Luba Jurgenson, 1988]

Французский эквивалент *trouver le temps* вносит компонент планирования своего времени; между тем в русском оригинале речь идет не столько о возможной нехватке времени, сколько о наклонности и способности, с одной стороны, и о случайности и удаче — с другой (см. [Зализняк, Левонтина 1996]).

Назовем теперь несколько характерных признаков, указывающих на вероятную лингвоспецифичность слова[6]; некоторые из них могут быть установлены

[5] Лингвоспецифичность слова *бабушка* подтверждается наличием у него знаковой функции в обыденном сознании, ср. его использование в фильме Карена Шахназарова «Американская дочь» в качестве кодового слова, отсылающего к русскому культурному скрипту.

[6] Эти признаки представляют собой развитие принципов квантитативного метода оценки лингвоспецифичности, предложенного Д. В. Сичинавой в докладе на II Международном симпозиуме по лексической типологии (Гранада, 17–19 сентября 2012), см. [Сичинава 2014].

при помощи полуавтоматических процедур, применяемых к параллельным корпусам. А именно, если мы рассматриваем некоторую лексическую единицу (ЛЕ) интересующего нас языка, то ее лингвоспецифичность тем более вероятна:

— чем больше имеющих приблизительно равную частотность «моделей перевода»[7] она имеет;
— чем более неоднословными они являются;
— чем чаще при переводе происходит замена части речи (напр., существительному соответствует глагол);
— чем больше количество имеющих приблизительно равную частотность «стимулов перевода»[8];
— чем более неоднословными являются эти «стимулы»;
— чем в большем проценте случаев в иностранном оригинале вообще отсутствует какая-либо единица-«стимул», которую можно было бы сопоставить анализируемой русской ЛЕ (ср. ниже примеры на слово *разлука*);
— чем больше расхождений имеется между списками моделей и стимулов перевода данной ЛЕ;
— чем более частотной является исследуемая ЛЕ по сравнению с ее моделями перевода.

Первый из перечисленных принципов требует специального комментария, поскольку он является одной из наиболее популярных мишеней критики идеи непереводимости и стоящей за ней лингвоспецифичности. Так, в статье [Павлова, Безродный 2013: 154] приводится 13 вариантов перевода на немецкий язык русского слова *пошлый*: *kitschig*, *ordinär*, *vulgär*, *gewöhnlich*, *geschmacklos*, *niveaulos*, *primitiv*, *beschränkt* и др. Заметим, что почти все эти или аналогичные им слова есть и в русском языке (*китч*, *вульгарный*, *безвкусный*, *низкопробный*, *примитивный* и т. д.) — однако ни одно из них не содержит

[7] Термины «модель перевода» (слово или словосочетание, используемое в качестве переводного эквивалента рассматриваемой лексической единицы) и «стимул перевода» (слово или словосочетание, в качестве «реакции» на которое появляется интересующая нас языковая единица в обратном переводе) введены в [Loiseau et al. 2013].

[8] По данным из [Сичинава 2014], в текстах англо-русского параллельного подкорпуса НКРЯ слово *удаль* встретилось 11 раз: два стимула встретились дважды: *prowess*, *recklessness*, девять — по одному разу: *abandonment*, *assurance*, *violence*, *effrontery*, *feats*, *bravado*, *fearless*, *confidence*. Для слова *тоска* (одно из самых известных лингвоспецифичных русских слов, см., в частности, [Wierzbicka 1992; Шмелев 2002а; 2002б], а также раздел II.10) в англо-русском подкорпусе НКРЯ было обнаружено 66 различных «стимулов», из которых половина встречается по одному разу.

ту уникальную концептуальную конфигурацию, которая заключена в слове *пошлый* (см. об этом слове подробно [Зализняк и др. 2005б] и раздел I.7). Действительно, установить эти различия позволяет только собственно семантический анализ, однако наличие множества единиц, реально используемых переводчиками и имеющих приблизительно равную частотность, — это сигнал о том, что, возможно, данное слово не имеет ни одного точного перевода. Иными словами, наличие большого количества возможных переводных эквивалентов некоторой языковой единицы не опровергает, а скорее подтверждает ее лингвоспецифичность — хотя и не является окончательным аргументом, поскольку, как уже было сказано, наличие множества переводных эквивалентов может быть обусловлено разными причинами.

Проиллюстрируем применение некоторых из перечисленных выше принципов установления меры лингвоспецифичности языковой единицы на двух примерах, иллюстрирующих два разных типа лингвоспецифичных слов.

Собираться

Глагол *собираться* — один из наиболее ярких представителей категории русских лингвоспецифичных слов (см. [Зализняк, Левонтина 1996; Зализняк 2006: 209–216]). Этот глагол имеет широкий спектр значений; нас будет интересовать только значение намерения (*собираюсь пойти в кино*; *собираюсь в гости, на концерт, к Маше*). Как показано в [Зализняк 2006: 212–213], выражаемое этим глаголом намерение имеет двоякую концептуализацию: оно может быть представлено как состояние и как процесс, и лингвоспецифичным является только второе. Противопоставление это проявляется, в частности, в аспектуальном поведении. Пара *собраться — собираться* (*жениться, покупать дачу, ехать в Америку*) — это обычная видовая пара с перфектным соотношением ‘переход в состояние’ — ‘результирующее состояние’, характерным для ментальных глаголов, ср. *понять — понимать, почувствовать — чувствовать, поверить — верить, показаться — казаться, огорчиться — огорчаться* и т. п. В этом значении глагол *собираться* — ничем не выдающийся, он легко заменяется на *намереваться, иметь намерение* и даже иногда *планировать* (ср. *Я собираюсь / намереваюсь / имею намерение / планирую поехать на конференцию по аспектологии в Гётеборге*). Соответственно, столь же безболезненно он переводится при помощи иноязычных эквивалентов: англ. *be going to, plan to, be planning to, intend to*; франц. *s'apprêter à, se préparer à, se proposer, avoir intention, aller, vouloir*; нем. *vorhaben, Absicht haben, wollen* и т. д.

Лингвоспецифичное «квазипроцессное» значение (описанное в [Зализняк, Левонтина 1996]) — это тоже намерение, но представленное как своего рода процесс, который может завершиться или не завершиться результатом — т. е. выполнением задуманного. Классическим образцом носителя этого когнитивного сценария является Илья Ильич Обломов; ср. следующее его детальное описание:

(2) Он, как только проснулся, тотчас же *вознамерился* встать, умыться и, напившись чаю, подумать хорошенько, кое-что сообразить, записать и вообще заняться этим делом как следует. *С полчаса он всё лежал, мучась этим намерением*, но потом рассудил, что *успеет* еще сделать это и после чаю, а чай можно пить, по обыкновению, в постели, тем более, что ничто не мешает думать и лежа. Так и сделал. После чаю он уже приподнялся с своего ложа и чуть было не встал; поглядывая на туфли, он даже начал спускать к ним одну ногу с постели, но тотчас же опять подобрал ее. (И. А. Гончаров. Обломов)

В таком «квазипроцессном» значении глагол *собираться* образует с *собраться* предельную (квазипредельную) пару: можно *собираться и наконец собраться* (ср. *строили, строили и наконец построили*), но можно *собираться, но так и не собраться*. В этом значении обсуждаемый глагол труднопереводим — в том смысле, что он переводится теми же глаголами, но с потерей процессной составляющей и компонента неконтролируемости; ср. следующие примеры (из русско-французского подкорпуса НКРЯ):

(3) *Давно* ***собирался*** к тебе, — говорил гость, — да ведь ты знаешь, какая у нас дьявольская служба! [И. А. Гончаров. Обломов (1848–1859)]

Il y a déjà longtemps que ***je me préparais*** à venir te voir, mais tu connais ce damné service que nous avons! [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov, 1959)]

Depuis longtemps ***je m'apprêtais*** à te rendre visite. Mais tu connais le travail de tous les diables que nous avons. [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson, 1988)]

(4) — А я так и не был у него с самых праздников. *Все* ***собирался***. [Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1882–1886)]

— Et moi qui ne suis pas allé chez lui depuis les fêtes. Cependant, ***je m'étais juré de le faire***. [Léon Tolstoï. La Mort d'Ivan Illitch (Michel-R. de Hoffmann 1948)]

— Le fait est que je ne l'avais pas revu depuis les fêtes. ***Je remettais toujours à plus tard***. [Léon Tolstoï. La Mort d'Ivan Illitch (Françoise Flamant 1997)]

(5) <...> геморрой-с... *всё* гимнастикой ***собираюсь*** лечиться; там, говорят, статские, действительные статские и даже тайные советники охотно через веревочку прыгают-с; [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)

<...> des hémorroïdes, vous savez... ***je me propose*** *toujours* de les soigner par la gymnastique; on dit que des conseillers d'Etat sautent volontiers à la corde [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]

Как мы видим, во всех переводах выбраны разные эквиваленты (в то время как переводные эквиваленты для неспецифичного стативного *собираться* воспроизводятся одни и те же: с точки зрения частотности с большим отрывом лидируют строевые глаголы *aller* и *vouloir*). Особо отметим варианты перевода в примере (4): в первом воспроизведен смысловой компонент твердости намерения, во втором — откладывания на потом его осуществления (таким образом, взятые сами по себе эти два французских предложения вряд ли могут трактоваться как выражающие один и тот же смысл); при этом именно комбинация этих — отчасти противоречащих друг другу — смысловых компонентов составляет специфику русского *собираться.*

Особенно характерно для рассматриваемого значения употребление в контексте (*собирался, но*) *так и не собрался.* Интересно, что оно довольно часто появляется в переводах на русский язык, в качестве реакции на разнообразные многокомпонентные стимулы (выделено курсивом в тексте оригинала), ср.:

(6) Throughout that time he had been intending to alter the name over the window, but *had never quite got to the point of doing it.* [George Orwell. Nineteen Eighty-Four (1949)]

Все эти годы он собирался сменить вывеску, ***но так и не собрался***. [Джордж Оруэлл. 1984 (В. Голышев, 1989)]

(7) Although she had thought in New York, when Eugene first began to make money, that now she would indulge in tailor-made garments and the art of an excellent dressmaker, she *had never done so.* [Theodore Dreiser. The "Genius" (1915)]

В Нью-Йорке, когда Юджин стал хорошо зарабатывать, она мечтала о том, что будет заказывать наряды у лучших портних, но ***так и не собралась*** этим заняться. [Теодор Драйзер. Гений (М. Волосов, 1930)]

(8) She *never seemed to say* what she had intended to say to the prisoner. [Ursula Le Guin. The Tombs of Atuan (1971)] [омонимия не снята]

Но кажется, ***так и не собралась*** высказать ему все, что хотела. [Урсула Ле Гуин. Гробницы Атуана (И. Тогоева, 1991)]

(9) Ich bin *noch nicht dazu gekommen*, mir schwarze zu kaufen, oder vielmehr, ich habe es unterlassen. [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)]

Я еще ***не собрался*** купить черные, или, вернее, решил не покупать. [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)]

(10) Tu' ich 's jetzt nicht, *so geschäh' es niemals.* [Johann Wolfgang Goethe. Die Leiden des jungen Werther (1774)]

Если не сейчас, я ***не соберусь никогда***. [Иоганн Вольфганг Гёте. Страдания юного Вертера (Н. Касаткина, 1954)]

Как можно видеть, из всех этих примеров лишь в двух случаях «стимул перевода» содержит идею 'не собрался', и оба они неоднословны: англ. *had never quite got to the point of doing it* в (6) и нем. *noch nicht dazu gekommen* в (9). В остальных случаях русское *не собрался* возникает в качестве эквивалента для единиц со значением 'не сделал', как бы сглаживая более «жесткие» очертания английского смысла за счет идеи неполной контролируемости. Пример (10) обнаруживает компонент неконтролируемости русского *не собрался* наоборот, за счет того, что в качестве стимула перевода использована конструкция без личного субъекта.

Разлука

Слово *разлука* имеет значение 'временное пребывание в состоянии пространственной разделенности с кем-то, сопровождающееся специфическим эмоциональным состоянием' (см. [Зализняк, Левонтина 1999; Levontina, Zalizniak 2001]). Это слово имеет конвенциональные переводные эквиваленты: англ. *separation*; франц. *séparation*, нем. *Trennung*, в которых, однако, отсутствует компонент эмоционального состояния, встроенный в русское слово *разлука* и составляющий его специфику.

В русско-французском параллельном подкорпусе НКРЯ слово *разлука* встречается 30 раз[9]. Во французском переводе им соответствует: *séparation* (19), *être séparé* (2), *se séparer* (2), *absence* (2); описательный способ передачи смысла: *sans toi* (*la vie est trop affreuse*) и др. (5). Во французско-русском подкорпусе слово *разлука* встречается в пяти примерах, все пять имеют разные «стимулы»: *se quitter*, *être séparé*, *éloignement, privation*, *absence.*

Еще более показательны данные англо-русского параллельного подкорпуса (в несколько раз большего по объему). В переводах с английского на русский в качестве «стимула», помимо слова *separation*, могут выступать: *absence* (*from somebody*), *severance, leaving, to be absent* (*from somebody*), *to be separated* (*from somebody*), *to be parted* (*from somebody*), *being away* (*from somebody*), *being away long*

[9] По состоянию на январь 2015 г.

enough / too long, grief of losing, not seeing him soon again, good-bye (*That good-bye had lasted until now*) и другие относительно свободные словосочетания. В оригинале может вообще не быть никакого одного слова, которое служит стимулом; слово *разлука* в русском переводе возникает как аккумулятор смыслов 'отсутствие контакта' и 'эмоциональное состояние, включающее страдание от отсутствия контакта и желание его возобновления', присутствующих в предложении в разных местах и выраженных различными способами. Ср. (фрагменты английской фразы, послужившие «стимулом» для появления слова *разлука* в переводе, выделены курсивом):

(11) Scarlett, *seeing him for the first time in more than two years*, was frightened by the *violence of her feelings.* [Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 1 (1936)]

Буря чувств, которую эта встреча, первая после двух лет ***разлуки***, пробудила в душе Скарлетт, потрясла и испугала ее самое. [Маргарет Митчелл. Унесенные ветром, ч. 1 (Т. Озерская, 1982)]

(12) But there were some nights when even brandy would not still the ache in her heart, the ache that was even stronger than fear of losing the mills, the *ache to see* Tara *again.* [Margaret Mitchell. Gone with the Wind, Part 2 (1936)]

Но бывали ночи, когда даже с помощью коньяка Скарлетт не удавалось утишить боль в сердце, боль, куда более сильную, чем страх потерять лесопилки, — неутолимую боль ***разлуки*** с Тарой. [Маргарет Митчелл. Унесенные ветром, ч. 2 (Т. Кудрявцева, 1982)]

Ср. также следующий пример перевода с русского:

(13) Сколько месяцев не слышал паровозного крика, и как моряка волнует бирюзовая синь бескрайнего моря каждый раз после долгой ***разлуки***, так и сейчас кочегара и монтера звала к себе родная стихия. [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 2) (1930–1934)]

It was months since he had heard an engine whistle, and the one-time stoker and electrician yearned as much for the familiar surroundings as the sailor *yearns* for the boundless sea expanse after *a prolonged stay on shore.* [Nikolai Ostrovsky. How the Steel was Tempered (pt 2) (R. Prokofieva, 1952)]

Здесь «модель перевода» слова *разлука* складывается из двух фрагментов: со значением 'долгое нахождение в другом месте' (*a prolonged stay on shore*) и со значением определенного эмоционального состояния (*yearns* 'страстно стремится').

Таким образом, применение предлагаемых принципов оценки степени лингвоспецифичности лексической единицы методом унидирекционального (монофокусного) контрастивного анализа подтверждает полученные ранее результаты собственно семантического анализа и в дальнейшем — при условии значительного увеличения объема параллельных корпусов — может использоваться как метод выявления гипотетически лингвоспецифичных языковых единиц.

Глава 2 *Анна А. Зализняк*

База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа*

В данной статье излагаются принципы создания и возможности использования баз данных межъязыковых эквиваленций, формируемых на основе текстов параллельных корпусов, в качестве инструмента лингвистического анализа — на примере *базы данных лингвоспецифичных единиц русского языка*, созданной в ходе выполнения проекта «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка», продолжением которого является проект исследования дискурсивных слов русского языка, которое проводится теми же методами и с использованием базы данных аналогичной структуры. Основные принципы контрастивного корпусного исследования *лингвоспецифичных единиц* (ЛСЕ) были изложены в [Зализняк 2015]; в данной статье будут сделаны некоторые уточнения этих принципов, возникшие в ходе формирования базы данных, перечислены дополнительные (по сравнению с параллельными корпусами и другими типами электронных ресурсов) возможности, предоставляемые базой данных межъязыковых эквиваленций, а также продемонстрированы применяемые в наших проектах новые автоматизированные исследовательские технологии.

1. База данных лингвоспецифичных единиц русского языка и их французских функциональных эквивалентов

Как известно, непереводимость, или труднопереводимость, — это важнейший отличительный признак лингвоспецифичных единиц. Однако до сих пор утверждения о «труднопереводимости» тех или иных единиц русского языка

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2016а].

делались на основании сравнительного семантического анализа (см., в частности, [Зализняк и др. 2005а; 2012]), а также отдельных наблюдений над их употреблением, в том числе частотностью (ср. о сравнительной частотности слов русск. *душа* и англ. *soul* в [Wierzbicka 1992]) сопоставляемых единиц разных языков. С появлением корпусов параллельных текстов открылись новые перспективы изучения межъязыковой эквивалентности (ср. [Сичинава 2014; Соколова 2013; Алексеева 2007; Dobrovol'skij 2006; Добровольский 2013: 162–273; 2015] и др. — по материалам английского, испанского и немецкого параллельных корпусов).

Однако эффективность контрастивного корпусного исследования существенно возрастает, если сделать еще один шаг, а именно, «надстроить» над параллельным корпусом базу данных, позволяющую фиксировать реально засвидетельствованные соответствия языковых единиц, снабженных характеристикой по множеству признаков. Концепция такой базы данных была создана силами нашего коллектива (см. [Loiseau et al. 2013; Бунтман и др. 2014; Зализняк и др. 2015]), и она была названа «надкорпусной базой данных» (НБД) [Кружков 2015]. Надкорпусная база данных межъязыковых эквиваленций формируется в автоматизированном режиме и предоставляет следующие новые возможности. Во-первых, в НБД для каждого употребления анализируемой языковой единицы в тексте перевода уже выявлен ее «функционально-эквивалентный фрагмент» (ФЭФ) [1]; во-вторых, как анализируемой языковой единице, так и ее ФЭФ приписано значение признаков двухуровневой фасетной классификации, специально разрабатываемой отдельно для каждого типа языковых единиц. Кроме того, в НБД имеется возможность исправления ошибок выравнивания, которая в параллельных корпусах после загрузки текстов отсутствует.

Параллельный корпус, тексты которого используются при формировании надкорпусной базы данных лингвоспецифичных единиц (НБД ЛСЕ), состоит из двух сегментов: русские тексты с их переводом на французский язык (Р-Ф) и французские тексты с их переводом на русский язык (Ф-Р) [2]. Важно подчеркнуть, что в обоих сегментах нас интересуют единицы *русского языка* (список

[1] Термин введен в [Добровольский и др. 2005]; более распространенный термин «модель перевода» («translation pattern»), ср. [Hasselgård, Oksefjell (eds) 1999; Сичинава 2014] имеет несколько более узкое значение.

[2] На момент 15.02.16 сегмент Р-Ф имел общий объем 2 104 900 словоупотреблений, 141 936 предложений; сегмент Ф-Р имел общий объем 470 458 словоупотреблений, 27 055 предложений. Работа по увеличению объема французского параллельного корпуса продолжается.

этих единиц составлен на основании Указателя лексем в книге [Зализняк и др. 2012]). Соответственно, в сегменте Р-Ф мы ищем лингвоспецифичные единицы *в текстах оригинала*, а в Ф-Р нас интересуют лингвоспецифичные единицы *в текстах перевода*. Перевод с русского языка на французский позволяет выявить те смысловые компоненты интересующей нас русской языковой единицы, которые определили выбор переводчиком того или иного переводного эквивалента. В случае «обратного» перевода в качестве свидетельства о семантике анализируемой единицы русского языка выступают признаки иноязычного текста, послужившие «стимулом» появления интересующего нас русского слова в переводе. При этом часто перевод *на* русский язык оказывается даже более информативным, чем перевод *с* русского языка — поскольку в этом случае лингвоспецифичное слово возникает в переводе как непосредственная реакция на смысловое задание, диктуемое иноязычным текстом (ср. [Шмелев 2015]).

Возможная лингвоспецифичность единиц французского языка нас в этом проекте не интересует: французский язык в обоих направлениях перевода служит не объектом, а лишь инструментом анализа, т. е. способом выявления скрытых семантических компонентов, содержащихся в значении анализируемых русских языковых единиц. В этом смысле наш метод контрастивного анализа был назван «унидирекциональным», или «монофокусным». Это, однако, не означает, что создаваемая согласно этим принципам база данных не может служить различным переводческим и переводоведческим целям, а также целям сопоставительной лексикологии. Надкорпусная база данных лингвоспецифичных единиц русского языка является, тем самым, одновременно результатом и инструментом лингвистического анализа.

Входом НБД ЛСЕ является *моноэквиваленция* (термин был введен в [Loiseau et al. 2103]). Моноэквиваленция (в сегменте Р-Ф) — это двухместный кортеж (упорядоченная пара) вида: фрагмент текста на языке оригинала, содержащий интересующую нас единицу русского языка — ее функционально-эквивалентный фрагмент (ФЭФ) в тексте французского перевода данного фрагмента. Моноэквиваленции автоматически объединяются в *полиэквиваленции* — в тех случаях, когда в НБД имеется несколько переводов одного и того же исходного текста; ценность полиэквиваленции как инструмента анализа состоит в том, что она показывает варианты перевода языковой единицы *в одном и том же контексте*. Моноэквиваленции, построенные на основе Ф-Р сегмента корпуса, имеют вид: «стимул перевода» (СП), т. е. фрагмент французского текста, «реакцией» на который служит появление в русском переводе интересующей нас языковой единицы — русский перевод. (Примеры моно- и полиэквиваленций см. ниже.)

В НБД ЛСЕ разработана двухуровневая система аннотирования языковых единиц, входящих в моноэквиваленции: «базовый вид» и «дополнительные

признаки». Базовый вид — это классифицирующая категория; каждая анализируемая языковая единица принадлежит одному одноименному «базовому виду» (напр., слово *беда* — базовому виду *беда* и т. д.); базовые виды группируются в кластеры на основании принадлежности к определенной части речи.

Второй уровень — «дополнительные признаки» — обеспечивает фасетность классификации: дополнительные признаки различны по своей природе, и каждой анализируемой языковой единице приписываются значения нескольких признаков. Дополнительные признаки объединены в кластеры: в первом кластере помещены морфологические характеристики анализируемой языковой единицы, во втором — сведения о присутствующих в предложении зависимых элементах. В третьем кластере содержатся сведения о «конструкции» (в понимании Грамматики конструкций, т. е. сюда входит вся сочетаемость и идиоматика в широком смысле); например: *на* [*беду*]; [*беда*] *если*; [*беда*] *в том, что*; *жди* [*беды*] и т. п. В четвертом кластере помещаются характеристики типа предложения, в котором употреблена анализируемая языковая единица (вопросительное, восклицательное, побудительное, отрицательное; диалогическая реплика и др.).

Именно наличие этого второго уровня аннотирования обеспечивает новое качество информации, предоставляемой надкорпусной базой данных, по сравнению с параллельными корпусами, а также, например, такими переводческими ресурсами, как *Multitran* или *Linguee*: НБД позволяет зафиксировать для исследуемой языковой единицы функционально эквивалентный фрагмент в тексте перевода (в том числе — грамматической природы, а также — «нулевой»; в НБД в этом случае используется обозначение ZERO) с учетом формально охарактеризованных признаков типа ее употребления.

Несколько иначе устроена система аннотирования единиц французского текста. Главное отличие состоит в том, что список «базовых видов» (т. е. возможных ФЭФ для интересующей нас единицы русского языка) — открытый, он составляется в процессе построения моноэквиваленций. Базовые виды ФЭФ сортируются по категориям: это основные части речи плюс следующие категории: *Alia* (сюда попадают слова всех остальных частей речи), *Composita* (многокомпонентные единицы), *Sentential Translation Stimuli* (ФЭФ, представляющие собой предложения, напр. *qu'est-ce que cela fait*; *on sait jamais* и т. п.), *Grammatical Translation Stimuli* (грамматические средства передачи — например, значение русского глагола *успеть* может быть передано французской формой времени Passé antérieur).

Дополнительные признаки фасетной классификации единиц французского текста группируются в два кластера: *Collocation* и *Grammatical.* В кластер *Collocation* попадают словосочетания, содержащие некоторое слово из списка

«базовых видов». Например, если в списке «базовых видов» имеется единица *coeur*, то словосочетание *au fond du coeur* попадет в кластер *Collocation* в виде *au fond du* [*coeur*]. В кластере *Grammatical* находятся грамматические характеристики ФЭФ.

Кроме того, некоторые признаки могут быть приписаны самой моноэквиваленции (изменение конструкции предложения по сравнению с оригиналом, необходимость учета контекста более широкого, чем данное предложение, существенное расхождение в способе лексикализации и др.).

Так, например, во фразе

(1) <...> что двенадцать лет во мне был заперт свет, который искал выхода, но только жег свою тюрьму, ***не вырвался на волю*** и угас. [И. А. Гончаров. Обломов (1848–1859)]

слово *воля* принадлежит базовому виду *воля* (кластер «существительное») и получает следующие значения дополнительных признаков: Sg (кластер 1); *вырваться на* [*волю*] (кластер 3), Neg (кластер 4).

Во французском переводе этой фразы находим ФЭФ для всего словосочетания (выделено жирным):

(2) <...> une lumière emprisonnée en moi cherchant une issue ne faisait que consumer sa prison et a fini par séteindre ***sans jamais recouvrer sa liberté***. [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson,1988)]

Базовый вид ФЭФ — *liberté*, дополнительные признаки: *recouvrer sa* [*liberté*] (кластер *Collocation*); *sans* INF (кластер *Grammatical*).

Соответствующая моноэквиваленция выглядит следующим образом (в первом столбце указан ее номер, во втором — шифр текста оригинала, в третьем — фрагмент текста, содержащий анализируемую ЛСЕ, в котором выделены сама ЛСЕ плюс ее релевантный контекст, в четвертом — базовый вид и доп. признаки данной ЛСЕ в данном предложении, в пятом — извлеченный из параллельного корпуса фрагмент перевода, в котором выявлен ФЭФ, в шестом — базовый вид и доп. признаки ФЭФ):

604	ДПН	во мне был заперт свет, который искал выхода, но только жег свою тюрьму, **не вырвался на волю** и угас.	**воля** < Neg > < Sg > < вырваться на [волю] >	une lumière emprisonnée en moi cherchant une issue ne faisait que consumer sa prison et a fini par s éteindre **sans jamais recouvrer sa liberté**	**liberté** < recouvrer sa [liberté] > < sans INF >

Другие примеры моноэквиваленций из сегмента Р-Ф:

892	ДПН	Нет, то досадно, что врут, да еще собственному **вранью** поклоняются.	**вранье** < Sg >	Non, ce qui est fâcheux, c'est qu'ils se trompent et qu'ils admirent pardessus le marché leurs propres **erreurs**.	**erreur** < Pl >
197	ДПН	**всё** гимнастикой **собираюсь лечиться**;	**собираться** < SubInf-IPF < Pers1 > < V-IPF > < Pres > < всё >	**je me propose** toujours **de les soigner** par la gymnastique;	**se proposer** < SubInf >

Пример полиэквиваленции:

133	ГОБ	Обломову [...] хотелось бы, чтоб было чисто, [...] он [...] желал, **чтоб это сделалось как-нибудь так**, незаметно, само собой;	**как-нибудь** < так >	Oblomov eût [...] apprécié la propreté, mais à condition qu'elle s'installât d'elle-même, sans qu'il s'en aperçoive.	**ZERO**
171	ГОБ	Обломову [...] хотелось бы, чтоб было чисто, [...] он [...] желал, **чтоб это сделалось как-нибудь так**, незаметно, само собой;	**как-нибудь** < так >	Oblomov aurait [...] voulu que tout devînt propre [...] que la chose se fit insensiblement, et comme allant de soi.	**ZERO**

Примеры моноэквиваленций из сегмента Ф-Р:

2280	B99	pour donner une raison à sa présence à cette PPM (**et par extension** au sein de la société Madone)	**par extension**	чтобы оправдать свое присутствие на этом PPM (**а заодно и** в самой фирме «Манон»)	**заодно** < Adv >

2507	BIG	il lui arriva toujours, [...] de se mettre en fureur à cette observation,	**ZERO**	случалось все же, что он **вдруг** свирепел от этого замечания,	**вдруг** < Adv >
2614	MLH	et pleins de cloches qui sonnent **dans l'air bleu** des belles matinées	**air** < dans l'[air] bleu >	и там множество колоколов, которые звонят **в голубом просторе** прекрасного утреннего часа	**простор** < Sg > < в голубом [просторе]>

2. Корпусные методы анализа лингвоспецифичных единиц

В ходе работы с НБД ЛСЕ были выделены следующие пять основных типов отсутствия межъязыкового семантического изоморфизма; каждый тип обозначается реализующим его русским словом:

I. Асимметричное членение концептуальной области:
   a. подтип ЗНАТЬ (русск. *знать* vs. франц. *connaître — savoir*)
   b. подтип ПРАВДА — ИСТИНА (русск. *правда — истина* vs. франц. *verité*);

II. Тип САМОВАР (переводной эквивалент отсутствует; используется заимствованное слово или описательное определение);

III. Тип БАБУШКА (имеется один преимущественный вариант перевода, но он неточный);

IV. Тип РОДНОЙ (переводной эквивалент отсутствует; имеется несколько приблизительно равновероятных вариантов перевода, все неточные);

V. Тип РАЗЛУКА (имеется один преимущественный переводной эквивалент, имеющий более точное соответствие в русском языке): *разлука — séparation* (ср. *расставание*); *беда — malheur* (ср. *несчастье*); *грозный — menaçant* (ср. *угрожающий*); *тоска — angoisse* (ср. *тревога*).

С точки зрения возможностей применения количественных методов наибольший интерес представляют три последние категории, именно о них и будет идти дальше речь. Можно назвать следующий ряд характерных признаков, указывающих на вероятную лингвоспецифичность слова, которые могут быть установлены при помощи автоматизированных процедур, осуществляемых в НБД, «надстроенной» над параллельным корпусом. Перечислим эти

признаки (их список и формулировки существенно уточнены по сравнению с теми, которые были приведены в [Зализняк 2015]).

А именно, на возможную лингвоспецифичность слова указывает:

При переводе с русского языка:

1) наличие большого количества ФЭФ, в том числе — имеющих приблизительно равную частотность (ср. ниже);
2) наличие многокомпонентных ФЭФ (ср.: *обидно — en avoir gros sur le coeur*; *родной — membre de la famille*), а также ФЭФ, состоящих из двух квазисинонимов, ср.:

для слова *грозный*:

(3) И он, как *грозный* учитель, глядел на прячущегося ребенка. [И. А. Гончаров. Обломов (1848–1859)]

Il le regardait comme un maître ***sévère*** regarde, ***menaçant***, un enfant qui se cache. [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov, 1959)]

для слова *обидно*:

(4) У ней с того дня как-то странно на сердце... должно быть, ей очень ***обидно***... [И. А. Гончаров. Обломов (1848–1859)]

Un sentiment bizarre envahissait son cœur. Sans doute se sentait-elle très ***malheureuse***, très ***déçue***. [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov, 1959)]

3) слово остается без перевода (модель перевода — ZERO); ср. для слова *душа*:

(5) Впрочем, он был ***в душе*** добрый человек [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)]

C'était pourtant un brave homme [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Henri Mongault, 1938)]

При переводе на русский язык:

4) большое количество «стимулов перевода» (СП), в том числе имеющих приблизительно равную частотность; напр., для слова *беда* из 17 примеров в 15 имеются разные СП;
5) наличие многокомпонентных СП; напр., для появления слова *душа* в русском переводе имеются следующие СП во французском оригинале: *au fond de l'âme, au fond du coeur, dans la serenité, par un geste naturel, autant qu'ils veulent* — и еще 10 различных многокомпонентных СП;

6) отсутствие какой-либо единицы, которая «стимулирует» появление анализируемой русской ЛСЕ (стимул перевода — ZERO), ср. для слова *родной*:

(6) Paris redevenait peu à peu *ma ville.* [Patrick Modiano. Quartier perdu (1985)]

Париж вновь становился мало-помалу *моим* ***родным*** *городом.* [Патрик Модиано. Утраченный мир (Ю. Яхнина, 1989)]

Посмотрим теперь, как ведет себя слово *тоска* относительно перечисленных выше признаков лингвоспецифичности — на основании данных, полученных из БД ЛСЕ. Напомним, что *тоска* — одно из самых известных лингвоспецифичных русских слов, см., в частности, [Wierzbicka 1992: 172; Шмелев 2002б], а также раздел II.10[3].

Статистическая таблица, генерируемая базой данных (сегмент Р-Ф), выглядит следующим образом (в первом столбце указан французский переводной эквивалент, во втором — сколько раз он встретился, в третьем — какой процент от общего количества ФЭФ для данного русского слова это составляет)[4]:

Тоска

ФЭФ французского языка	**Кол-во МЭ**	**% в группе**
angoisse	45	40,18 %
détresse	19	16,96 %
tristesse	8	7,14 %
ennui	5	4,46 %
angoissé	3	2,68 %
nostalgie	3	2,68 %
chagrin	3	2,68 %
ZERO	2	1,79 %
mélancolie	2	1,79 %
désespoir	2	1,79 %
triste	2	0,89 %

[3] В работе [Соколова 2013] обнаружено 24 модели перевода на испанский язык слова *тоска* в рассказах А. П. Чехова; в работе [Сичинава 2014] — 22 модели перевода этого слова на английский в англо-русском подкорпусе НКРЯ.

[4] По данным НКРЯ на январь 2016 г.

Кроме того, по одному разу встретились: существительные *accablement*, *déprime*, *douleur*, *hypocondrie*, *idées noires*, *inquétude*, *tourment*, прилагательное *mélancolique*, глаголы *angoisser*, *ennuyer*, *s'ennuyer*, пассивные причастия *déprimé*, *désolé*, а также и несколько сложных выражений (см. ниже).

Относительно значений выделенных выше признаков лингвоспецифичности для слова *тоска* (относительно французского языка) можно сказать следующее:

Признак (1): количество разных ФЭФ — 27; при этом очевидно преобладание одного — *angoisse* (40 %).

Признак (2) — наличие многокомпонентных ФЭФ:

(7) Иван Ильич, оставшись один, застонал не столько от боли, как она ни была ужасна, сколько от ***тоски***. [Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1882–1886)]

Resté seul, Ivan Illitch gémit de plus belle, pas tellement sous l'effet de la douleur physique (du reste intolérable) que ***d'ennui, de tristesse***. [Léon Tolstoï. La Mort d'Ivan Illitch (Michel-R. de Hoffmann, 1948)]

(8) То капля надежды блеснет, то взбушуется море отчаяния, и всё боль, всё боль, всё ***тоска*** и всё одно и то же. [Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1882–1886)]

Une lueur d'espoir qui sombre aussitôt dans un océan de découragement, dont les flots enflent, montent... La douleur, encore la douleur, toujours la douleur... ***Tristesse et nostalgie*** sans fin... [Léon Tolstoï. La Mort d'Ivan Illitch (Michel-R. de Hoffmann, 1948)]

(9) Тупая ***тоска***, которую он испытывал в полуусыпленном состоянии, сначала только облегчала его как что-то новое, но потом она стала так же или еще более мучительна, чем откровенная боль. [Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1882–1886)]

Cette ***sorte de stupeur*** *obtuse et* ***chagrine***, qu'il éprouvait dans son demi-sommeil artificiel, lui fit quelque bien au début, mais bientôt il s'y accoutuma, et elle devint encore plus intolérable que la souffrance physique. [Léon Tolstoï. La Mort d'Ivan Illitch (Michel-R. de Hoffmann, 1948 (2))]

(10) ***Тоска*** проглянула в лице Лужина. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Une expression ***d'ennui teinté d'affliction*** passa sur le visage de Loujine. [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]

Признак (3): модель перевода ZERO представлена лишь в двух случаях.

В Ф-Р сегменте слово *тоска* встречается всего 11 раз, там преобладание варианта *angoisse* еще более существенное, но общее количество примеров слишком мало для каких-либо статистических выводов.

Следует упомянуть еще один существенный количественный параметр, который может быть извлечен из НБД ЛСЕ: он касается преимущественного переводного французского эквивалента; соответственно:

а) в сегменте Р-Ф: из каких русских «стимулов перевода» возникает выявленный преимущественный эквивалент во французском языке;
б) в сегменте Ф-Р: как переводится этот преимущественный эквивалент на русский язык.

Про преимущественный эквивалент для русского *тоска* — франц. *angoisse* — пока можно сказать, что в Р-Ф сегменте корпуса оно встречается 89 раз (из них 45, т. е. половина, соответствуют в русском слову *тоска*). В Ф-Р сегменте корпуса *angoisse* встречается 17 раз, из них оно переведено на русский язык словом *тоска* 8 раз, кроме того имеются варианты *тоскующий*, *тоскливо*, *тоскливая тревога*.

Из всего этого, как представляется, можно сделать вывод, что русское слово *тоска* и франц. *angoisse* имеют довольно существенную область совпадения. Другими словами, лингвоспецифичность слова *тоска* в паре «русский — французский» относительно низкая.

Лингвоспецифичность существительного *обида*, а также глаголов *обидеться*, *обижаться* и в особенности предикатива *обидно* много обсуждалась в литературе (см. [Зализняк 2000а; Dobrovol'skij 2006; Протасова 2006; Апресян В. Ю. 2011]. В [Апресян В. Ю. 2011] приводятся примеры из набоковской «Лолиты» в английском оригинале и авторском переводе на русский, где русское слово *обида* используется как переводной эквивалент пяти несинонимичных английских слов, а также примеры перевода глаголов *обидеться, обижаться* с русского на английский, выполненного билингвами (8 типичных контекстов употребления; все переводятся по-разному).

В НБД ЛСЕ в сегменте Р-Ф слово *обида* встретилось 56 раз. Представлено 27 вариантов перевода, из них 19 встречаются по одному разу; в 9 % случаев оставлено без перевода; наиболее частотный перевод (*offense*) составляет 23 %, т. е. меньше четверти случаев.

Если взять нелингвоспецифичное слово *любовь*, то картина будет разительно отличаться, а именно, в 85 % случаев употребления данного слова в переводе ему соответствует одно и то же слово — *amour*.

Дискурсивное слово *авось* в 43 % случаев переведено как *peut-être* (т. е. с утратой некоторой части смысла); следующий по частотности вариант — ZERO (23 %); далее следуют варианты перевода, в которых отражено представление о желательности и малой вероятности обсуждаемого события (*espérer* — 10 %, *avec un peu de chance*, *букв.* 'если повезет' — 10 %), и несколько единичных переводов, по-разному выражающих идею надежды на нечто маловероятное и непредсказуемость будущего: *peut-être bien*, *au petit bonheur*, *on sait jamais*. Можно сказать, что в целом множество вариантов перевода достаточно полно отражает набор семантических компонентов этого слова, лингвоспецифичность которого возникает за счет *комбинации* нескольких компонентов: непредсказуемости хода вещей, легкомысленного расчета на осуществление желаемого положительного события и, одновременно, равнодушия к возможному провалу (о слове *авось* см. [Wierzbicka 1992: 433–435; Шмелев 2017]).

Для дискурсивного слова *как-нибудь* показателен, прежде всего, факт преобладания варианта ZERO (37 %), а также общее количество разных вариантов перевода, в том числе встретившихся по одному разу. Это множество вариантов перевода рисует богатую картину смысловых компонентов и возможных вариантов значения русского слова *как-нибудь* — одновременно подтверждая его лингвоспецифичность, определяемую прежде всего уникальной комбинацией этих компонентов в одном типе употребления (о слове *как-нибудь* см. [Зализняк и др. 2018]).

Заключение

Из сказанного могут быть сделаны следующие выводы.

1. Надкорпусные базы данных представляют собой потенциально весьма эффективный инструмент, который может быть использован:

— для лингвистического анализа тех или иных единиц одного языка;
— для проведения контрастивных исследований;
— для совершенствования систем перевода — как автоматического, так и авторского.

2. Количественные методы установления меры лингвоспецифичности существуют, но эффективно они могут применяться лишь в комбинации с методами собственно семантического анализа.

3. Для того чтобы результаты такого рода исследований были значимыми, нужны корпуса значительно большего объема (т. е. объем параллельного

корпуса должен быть увеличен на один-два порядка, при этом он должен быть сбалансированным в отношении времени создания и жанра входящих в него текстов).

4. За те 150–200 лет, которые отделяют нас от эпохи «русской классической литературы», в русском языке произошли очень существенные семантические сдвиги, в особенности для тех языковых единиц, которые сегодня являются лингвоспецифичными: в подавляющем большинстве случаев в XIX в. их значение было иным, и оно не было лингвоспецифичным. Так, почти все обсуждавшиеся выше слова (*тоска*, *разлука*, *совестно*, *авось* и др.) претерпели существенную эволюцию в этом направлении.

Факт увеличения лингвоспецифичности в ходе семантической эволюции уже отмечался исследователями (ср. [Шмелев 2001]), однако использование базы данных, надстроенной над параллельным корпусом, может здесь дать результаты более высокого уровня надежности. Таким образом, при должном расширении состава текстов параллельного подкорпуса НКРЯ (в частности, во французском подкорпусе в настоящий момент преобладают тексты XIX в.) диахронический аспект изучения лингвоспецифичных единиц также получит дополнительную экспериментальную основу.

Глава 3 *А. Д. Шмелев*

Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни»*

1. Лингвоспецифичность и «переводимость»

Лингвоспецифичными называются явления, которые присутствуют не во всех языках мира; они противопоставляются явлениям, присутствующим во всех языках, или универсальным. Понятно, что установить лингвоспецифичность какого-либо языкового явления существенно проще, нежели установить универсальность: довольно привести пример хотя бы одного языка, в котором данное явление не имеет места (тогда как для доказательства универсальности, вообще говоря, следовало бы осуществить проверку по всем языкам мира).

Поскольку для установления лингвоспецифичности достаточно сопоставления с каким-то одним языком, на практике таким сопоставлением иногда и ограничиваются. В то же время сопоставление с большим числом языков дает возможность дать количественную оценку лингвоспецифичности: чем больше языков, в которых данное явление отсутствует, тем более специфично оно для языка, в котором оно имеется.

Лингвоспецифичность лексических единиц (слов в конкретном лексическом значении и фразеологизмов) заключается в специфичности их содержательной стороны (включая коннотации, фоновые компоненты значения и т. д.). Тем самым появляется почва для другой разновидности количественной оценки лингвоспецифичности: чем более своеобразна семантическая конфигурация, кроящаяся за лексической единицей, тем более лингвоспецифичной она может считаться.

---

* Впервые опубликовано: [Шмелев 2015].

Поскольку лингвоспецифичность лексической единицы определяется отсутствием у нее семантического эквивалента в языке, с которым ведется сопоставление, лингвоспецифичность естественно связывается с «непереводимостью». К сожалению, само слово «непереводимость» может ввести в заблуждение и повести к недоразумениям. Как известно, объектом практического перевода является не отдельная лексическая единица, а тот или иной текст (в котором могут содержаться такие единицы). Если иметь в виду реальную переводческую практику, любой текст оказывается «переводимым» с той степенью точности и адекватности, которая диктуется целями перевода и способностями переводчика. Поэтому точнее говорить не о «непереводимости», а об отсутствии точного словарного эквивалента в языке, который служит объектом сопоставления. Чем выше степень лингвоспецифичности лексической единицы, т. е. чем более своеобразна содержащаяся в ней семантическая конфигурация, тем труднее найти для нее хотя бы приблизительный аналог в языке, с которым проводится сопоставление.

С этим связано то, что в реально существующих переводах для единиц с высокой степенью лингвоспецифичности часто предлагается значительное число переводных вариантов. В самом деле, если нет общепризнанного словарного аналога, выбор перевода обычно определяется специальным решением переводчика, опирающегося на свой опыт, интуицию и знание обоих языков (языка оригинала и языка перевода); при этом решения обычно оказываются разными для разных контекстов или даже для одного и того же контекста у разных переводчиков. Только наивностью и непониманием сути дела можно объяснить утверждения, согласно которым то или иное слово не является лингвоспецифичным, поскольку для него в языке перевода обнаруживается множество переводных «эквивалентов»[1]; напротив того, именно обилие «эквивалентов» (а вернее — неточных аналогов) является надежным свидетельством лингвоспецифичности.

На основе сказанного возникает идея введения еще одного параметра количественной оценки лингвоспецифичности: чем более разнообразны переводы лексической единицы в реально существующих переводных текстах, тем выше ее лингвоспецифичность. Для оценки лингвоспецифичности по данному параметру можно опираться на данные какого-либо параллельного корпуса.

Однако здесь следует считаться с тем, что не всегда лингвоспецифичность ведет к разбросу переводов. Во-первых, есть заведомо лингвоспецифичные

[1] Так, мне встретились подобные утверждения, отрицающие лингвоспецифичность русских слов *пошлость* и *авось*. Разбор этих утверждений содержится в моей статье [Шмелев 2014], см. раздел «Вместо заключения».

единицы, которые при переводе обычно вообще опускаются. Так, едва ли подлежит сомнению лингвоспецифичность русской частицы *же*, которую переводчики чаще всего просто опускают. В частности, это касается подавляющего большинства примеров использования этой единицы в оригинальных русских текстах, вошедших в параллельный английский подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)[2]. Приведем несколько характерных примеров[3]:

(1) — И что ***же***, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет? [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий] – "And what, in your opinion, has been the most important discovery in these thirty years?" [Antonina W. Bouis]

(2) Здорово, — он мне говорит. — Тебя, — говорит, — рыжий, по всему институту ищут... Тут я его так вежливенько прерываю: — Я тебе не рыжий, — говорю. — Ты мне в приятели не набивайся, шведская оглобля. — Господи, рыжий! — Говорит он в изумлении. — Да тебя ***же*** все так зовут. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий] — "Fine thing," he said to me. "They're looking for you all over the institute, Red." I interrupted him right there, polite-like. "I'm not Red to you," I said. "Don't try that palsy-walsy stuff on me, you Swedish dolt." "God, Red! Everybody calls you that." [Antonina W. Bouis][4]

(3) Куда ***же*** мне уходить? [Н. Н. Носов] — "Where shall I go?" [Margaret Wettlin]

(4) Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых ***же*** слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился... [М. А. Булгаков] — It must be added that from his first words the foreigner made a repellent impression on the poet, but Berlioz rather liked him... [Richard Pevear, Larissa Volokhonsky]

Кроме того, для многих лингвоспецифичных слов имеется принятый переводческий «эквивалент», который, не будучи семантически тождествен исходному слову, используется в подавляющем большинстве практических

[2] Разумеется, следует отсеять все примеры использования этой частицы в качестве показателя тождества (т. е. в таких сочетаниях, как *тот же, такой же* и т. п.).

[3] Здесь и далее в целях экономии места опускаются указания на название произведения, год его создания, год создания перевода. Указываются лишь авторы и переводчики.

[4] Обращает на себя внимание, что переводчица, по-видимому, приняла приветствие *Здоро́во* за утверждение *Здо́рово* 'очень хорошо'.

переводов. Скажем, выражения *утречком*, *с утра*, *поутру*, *под утро*[5] вполне успешно переводятся на английский язык выражением *in the morning*. Некоторая дополнительная информация, содержащаяся в данных выражениях, обычно не учитывается переводчиками (или предполагается восстанавливаемой из контекста), напр.:

(5) ***с утра*** еще сделав себе расписание дня [Л. Н. Толстой] — when mentally sketching out the day *in the morning* [Constance Garnett]

(6) Анна ***с утра*** оживленно принялась за приготовление к отъезду. [Л. Н. Толстой] — Anna set eagerly to work *in the morning* preparing for their departure. [Constance Garnett]

(7) — ***Утречком*** поехали бы, разлюбезное дело, — подтверждал старик. [Л. Н. Толстой] — "You could go on *in the morning* and it would be pleasanter," said the old man, confirming what his wife had said. [Louise and Aylmer Maude]

(8) ***С утра*** шел тихий, без ветра, теплый дождичек... [Л. Н. Толстой] — There was no wind; a soft warm rain had begun falling *in the morning*... [William E. Smith]

(9) ...он ***с утра*** поехал на Васильевский остров к Шустовой. [Л. Н. Толстой] — ...he went *in the morning* to the Vasilievski Ostrov to see Shustova. [William E. Smith]

(10) Судить начали ***с утра***... [А. П. Чехов] — The trial began *in the morning*... [Constance Garnett]

(11) ***Под утро*** надо было идти в церковь к утрене. [А. П. Чехов] — *In the morning* he had to go to church to matins. [Constance Garnett]

(12) Что за дом у нас такой! И этот ***с утра*** пьяный. [М. А. Булгаков] — What a house we've got... Here's this one drunk *in the morning*... [Richard Pevear, Larissa Volokhonsky]

(13) — Ну, Киса, — заметил Остап, — придется ***с утра*** сесть за работу. [И. А. Ильф, Е. П. Петров] — "Well, Pussy, declared Ostap, we'll have to get down to work *in the morning*." [John Richardson]

Тем самым невозможно прямолинейное использование измерения лингвоспецифичности, основанное на разбросе переводов. Однако остается в силе

[5] Эти выражения рассматриваются в нашей статье [Зализняк, Шмелев 1997а], см. раздел I.1.

общая закономерность: разнообразие переводов лексической единицы часто свидетельствует о том, что есть основания считать ее лингвоспецифичной.

2. Лингвоспецифичные слова в параллельном корпусе: возможности и ограничения

Если мы будем ориентироваться на реально встретившиеся переводы лингвоспецифичных слов языка оригинала, мы неизбежно столкнемся еще с рядом трудностей.

Прежде всего, мы должны считаться с неизбежной на данном этапе ограниченностью объема параллельных корпусов. Утверждения, которые делаются на основании этого ограниченного объема, с большой долей вероятности опровергаются при использовании параллельного корпуса большего объема.

Так, в интересном исследовании [Добровольский 2009] отмечается, что ни в одном из контекстов с обращением *брат* или *братец*, зафиксированных в русско-английском подкорпусе НКРЯ, буквальный перевод не встретился. На этом основании высказывается предположение, что «употребление слова *brother* в качестве обращения (когда адресат не является братом говорящего или членом монашеского ордена), видимо, воспринимается как полное нарушение коммуникативной нормы». При этом отмечается, что «это предположение нуждается в дальнейшей проверке» [Там же: 398].

Вообще говоря, и без дополнительной проверки это предположение вызывает сомнения, поскольку в английском языке существует распространенное в некоторых социальных слоях обращение *bro* (сокращенное *brother*), а также архаизующее *brethren*; более того, в оригинальных англоязычных текстах легко можно обнаружить обращение *brother* к лицам, не являющимся братом говорящего или членом монашеского ордена. Заметим, что с момента написания статьи [Добровольский 2009] объем английского подкорпуса НКРЯ существенно увеличился, так что теперь легко обнаруживаются примеры, в которых обращения *брат* или *братец* переведены как *brother*, напр.:

(14) Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, *братцы*, крупица русского чувства. [Н. В. Гоголь] — But the very meanest of these vile men, whoever he may be, given over though he be to vileness and slavishness, even he, *brothers*, has some grains of Russian feeling. [Isabel F. Hapgood]

(15) Пришел Михеев, послушал их речи и говорит: — Грех вы, *братцы*, великий задумали. [Л. Н. Толстой] — "*Brethren*," said he, "you are contemplating a grievous sin." [Louise and Aylmer Maude]

(16) — Здравствуйте, *братцы*! — сказал он. [А. П. Чехов] — "Good-day, *brothers*," he said. [Constance Garnett]

(17) Пристав поднял глаза на Осипа и спросил: — Почему же это, *братец*? [А. П. Чехов] — The police inspector raised his eyes to Osip and asked: "Why is this, *brother*?" [Constance Garnett]

(18) Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: — *Братья* по литературе! [М. А. Булгаков]— Here Ivan Nikolaevich raised the candle and cried out: "*Brethren* in literature!" [Richard Pevear, Larissa Volokhonsky]

Но дело не только и не столько в уточнении сделанного предположения. Самое беглое рассмотрение переводов русских лингвоспецифичных обращений *брат*, *братец* и *браток* на английский язык даже на том ограниченном материале, который нам предоставляет НКРЯ, позволяет видеть, сколь велика роль индивидуальных предпочтений переводчика. Некоторые переводчики предпочитают переводить обращение *братец* как *brother*, некоторые — последовательно переводят его как *my friend*, и эти предпочтения, по-видимому, оказываются более существенными, чем любые другие факторы, которые могут повлиять на выбор переводного эквивалента. При этом основанием для переводческого решения «могут оказаться поверхностное понимание, влияние переводных словарей или даже желание придать тексту перевода некоторый налет "иностранности", чтобы текст воспринимался именно как перевод» [Михайлов 2005: 381]. Поэтому, когда русский язык выступает в качестве языка оригинала, данные параллельного корпуса дают нам заведомо недостаточную информацию о семантических особенностях русских лингвоспецифичных лексических единиц.

С другой стороны, параллельный корпус может дать весьма ценные данные при рассмотрении лингвоспецифичных слов в языке перевода. Применительно к русским лингвоспецифичным словам это означает, что для проникновения в семантические секреты русских лингвоспецифичных слов более показательным может оказаться анализ переводов не с русского языка, а на русский язык. В самом деле, если лингвоспецифичное слово появляется в переводе, закономерным оказывается вопрос, какие особенности оригинала побуждают переводчика употребить это слово.

В статье [Levontina, Shmelev 2005] мы иллюстрировали похожее соображение на материале русской частицы *еще* в некотором особом типе употребления.

Мы отметили, что фраза Терминатора *I'll be back* естественно может быть переведена на русский язык как *Я еще вернусь* (а не просто *Я вернусь*) и попытались описать условия появления частицы *еще* в контекстах такого рода.

Можно привести похожий пример. В книге Лео Ростена «The Joys of Yiddish» приводится следующая история:

(19) Mr. Sokoloff has had dinner for twenty years in the same restaurant on the Second Avenue. This evening, as always, he orders bouillon. The waiter brings it, and wants to go back, but Mr. Sokoloff addresses him: "Waiter!" — "Yes, please?" — "Be so kind to taste this soup." — "But Mr. Sokoloff, you have come here for twenty years and you have never complained." — "Please," repeats Mr. Sokoloff obstinately, "taste this soup." — "But what is the matter, Mr. Sokoloff?" — "Please taste it." — "All right," the waiter says. "But... a moment. Where is the spoon?" — "*Aha!*", says Mr. Sokoloff.

Почти все, кто прочел эту историю и хочет рассказать ее на русском языке, передают последние фразы официанта следующим образом: *Но... минуточку. Где же ложка?* Частица *же* почти неизбежно появляется в переводе, и возникает вопрос, какие особенности оригинала заставляют ее использовать. Ответ на этот вопрос позволяет приблизиться к пониманию условий употребления частицы *же* в русском языке.

Анализ появления лингвоспецифичных слов в русском переводе может использоваться как средство проверки их семантического анализа. Так, для частиц *разве* и *неужели* в работах [Булыгина, Шмелев 1982; 1987] было дано следующее описание:

— *Разве p?*
  — раньше я думал, что не *p*
  — теперь я вижу или слышу нечто такое, что не может быть правдой, если не *p*
  — я хочу, чтобы ты сказал мне, *p* или не *p*

— *Неужели p?*
  — я думал, что *p* невозможно
  — некоторые вещи заставляют меня думать, что, может быть, *p*
  — я говорю тебе, что мне трудно поверить, что *p*
  — я хочу, чтобы ты сказал мне, *p* или не *p*

Материал английского подкорпуса НКРЯ подтверждает это описание:

(20) The agent pulled the car to a stop and pointed between two fountains to a large door in the side of the pyramid. "There is the entrance. Good luck, monsieur."

"You're not coming?" "My orders are to leave you here. I have other business to attend to." [Dan Brown]
Агент остановил машину и указал на большую дверь в пирамиде между двух фонтанов. — Вход там. Желаю удачи, месье. — А вы *разве* не со мной? — Согласно приказу я должен оставить вас здесь. У меня есть другие дела. [Н. Рейн]

Мы имеем:

— *p* = 'Агент не пойдет с Лэнгдоном'
— Лэнгдон думал, что агент пойдет с ним (т. е. что не *p*)
— The agent said, "Good luck," which implied that he was leaving (that is, not coming with Langdon)

В НКРЯ обнаруживается множество других примеров из НКРЯ, в которых в русском переводе употреблена частица *разве*, и все они укладываются в предложенное описание.

Частица *неужели* указывает на малую априорную вероятность *p* (с точки зрения говорящего), и примеры из НКРЯ подтверждают это (в них *неужели* в переводе используется в соответствии с выражениями *I can't believe*, *Do you honestly think*, вопросами типа *Can it be...?* и т. п.).

Употребление частиц *разве* и *неужели* с отрицанием в целом также вкладывается в предложенное описание. Возможна следующая детализация. Вопросы *Разве нет? Разве не так?* представляют собою не реакцию на высказывание собеседника, а своего рода tag questions. Их смысл — уточнить у собеседника, согласен ли он со сказанным. Вопрос *Неужели нет?* представляет собою типичный вопрос-реакцию. Его смысл — собеседник спросил о чем-то, что не вызывает у говорящего сомнения, и говорящий говорит: «Конечно! Как можно в этом сомневаться?»

Вопросы *Разве нет? Разве не так?* в переводах подтверждают предложенное описание: они служат переводами разнообразных tag questions. Вопрос *Неужели нет?* в переводах, представленных в НКРЯ, не встречается.

Русские лингвоспецифичные выражения *плюнуть / плевать* и *махнуть рукой* указывают на безразличие субъекта. В соответствии с этим оборот (*мне*) *плевать* регулярно появляется в переводах в соответствии с английским *I don't care*, хотя о плевках в оригинале ничего не говорится, напр.:

(21) I don't care what you say about me, just spell my name right! [Dan Brown] — *Мне плевать*, что вы обо мне говорите, но только произносите мое имя без ошибок! [Г. Косов]

В подавляющем большинстве примеров использования в переводе выражений *плюнуть / плевать* и *махнуть рукой* для указания на безразличие в оригинале ничего не говорилось ни о плевках, ни о жесте ‘махнуть рукой’:

(22) Rémy didn't give a damn about the Grail, except that the Teacher refused to pay him until it was found. [Dan Brown] — Лично он, Реми, *плевать* хотел на этот Грааль, но Учитель сказал, что не заплатит ничего до тех пор, пока он не будет найден. [Н. Рейн]

(23) She doesn't give a shit what you're doing. [Lauren Weisberger] — Она *плевать* на тебя хотела. [М. Маяков, Т. Шабаева]

(24) What would it say about God if God had done nothing? That the Almighty did not care? [Dan Brown] — Что сказали бы люди о Боге, если бы тот промолчал? Что Всемогущему на все *плевать*? [Г. Косов]

(25) I didn't give a damn how I looked. [J. D. Salinger] — *Плевать* мне было, какой у меня вид. [Р. Райт-Ковалёва]

(26) ...she wouldn't worry about words from High Up. [J. R. R. Tolkien] — Шелоб *плюет* на высочайшие приказы. [М. Каменкович, В. Каррик]

(27) ...regardless of the consequences for them; they had given up and gone home. [Stephen King] — ...не думая о последствиях: *плюнули* на все и вернулись домой. [С. Мануков]

(28) Supposing I got like the others-not caring. [William Golding] — Ну вот возьму я и на все *плюну*. [Е. Суриц]

Лишь в исключительных случаях (в НКРЯ был обнаружен один пример) выражение *махнуть рукой* соответствует аналогичному жесту безразличия, на который указывал оригинальный текст:

(29) He waved a hand like it didn't matter to him, like nothing mattered. [Michael Connelly] — Делакруа *махнул рукой* так, словно для него это не имело значения, словно ничто не имело значения. [Д. Вознякевич]

Мы видим, что лингвоспецифичные слова регулярно появляются в тексте перевода. Именно для таких случаев корпусная методика оказывается максимально эффективной. Появление таких слов, по-видимому, является неосознанным решением переводчика как носителя языка.

Напротив того, перевод лингвоспецифичных слов представляет собою задачу, которая, как правило, бывает отрефлектирована переводчиком. В этом отношении ценным было бы создание корпуса особого типа, в основу которого

был бы положен один и тот же текст, содержащий лингвоспецифичные слова, переведенный на иностранный язык множеством разных переводчиков и снабженный их комментариями для всех трудных случаев. В этом случае мы извлекали бы из корпуса данные не столько о спонтанной языковой деятельности носителей языка, сколько об их метаязыковой рефлексии, что для многих задач не менее ценно. Однако параллельный корпус такого рода, насколько я знаю, еще не создан.

Глава 4 *А. Д. Шмелев, Анна А. Зализняк*

Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов*

1. Унидирекциональный подход в контрастивных исследованиях

Унидирекциональный, или монофокусный, подход к контрастивным корпусным исследованиям был разработан авторами в рамках проекта «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка» (см. [Зализняк 2015; Шмелев 2015]). Он состоит в том, что множество переводных эквивалентов высказываний, содержащих анализируемую языковую единицу, рассматривается как источник информации о ее семантике и прагматике (ср. подход, развиваемый в [Anderman, Rogers 2008]). Соответственно, перевод используется как инструмент лингвистического анализа, целью которого является уточнение семантического анализа языковой единицы одного (в данном случае — русского) языка и, в частности, выявление степени ее лингвоспецифичности. «Унидирекциональным» («монофокусным») данный подход был назван потому, что в обоих направлениях перевода предметом нашего анализа является только один из двух языков (в нашем случае — русский). Целью контрастивного анализа текстов оригинала и перевода является, таким образом, не установление типологических или каких-то иных сходств и различий, т. е. не собственно сравнение, а семантический анализ тех или иных единиц одного из двух языков[1].

При этом наиболее информативным оказывается «реверсивный»[2] перевод, т. е. перевод с иностранного языка на русский, и в особенности тот случай, когда

---

* Впервые опубликовано: [Шмелев, Зализняк 2017].

[1] Ср. принцип «translation as evidence for semantics», предложенный в статье [Noël 2003], и его применение к исследованию английского дискурсивного слова *Oh* в [Aijmer 2008].

[2] Термин «реверсивный перевод» был предложен Н. В. Бунтман в ходе работы над проектом «Контрастивное корпусное исследование дискурсивных слов русского языка».

в оригинальном иностранном тексте отсутствует конвенциональный эквивалент некоторой единицы русского языка, появляющейся в переводе. Поскольку дискурсивные слова по большей части в высокой степени лингвоспецифичны, подобная ситуация достаточно типична. Методология унидирекционального контрастивного анализа состоит в выявлении тех семантических и прагматических признаков высказывания на иностранном языке, которые послужили «стимулом» появления анализируемого дискурсивного слова в русском переводе и, далее, в сопоставлении толкований дискурсивных слов, предложенных ранее, с полученными результатами, т. е. фрагментами текста иноязычного оригинала, «реакцией» на которые является появление в русском переводном тексте данных дискурсивных слов, — что позволяет верифицировать и уточнить эти толкования.

При этом различаются случаи, когда при переводе с иностранного языка на русский появление дискурсивного слова обязательно и когда употребление в русском переводе того или иного дискурсивного слова представляет собою индивидуальное решение переводчика. В первом случае необходимо выявить те признаки русского предложения, которые обусловливают обязательность употребления в нем данного дискурсивного слова для выражения данного смысла, а во втором — те признаки иноязычного текста, которые могли побудить переводчика употребить данное дискурсивное слово.

В результате проведенного исследования удалось уточнить семантический анализ ряда русских дискурсивных слов, предложенный в «докорпусную» эпоху: подтвердить или опровергнуть наличие тех или иных семантических компонентов и условий употребления, а также обнаружить новые.

2. «Прагматическая обязательность» дискурсивного слова: частица *еще*

В статье [Levontina, Shmelev 2005] было введено понятие «прагматической обязательности» частицы. Имеется в виду ситуация, когда отсутствие некоторой дискурсивной единицы, не нарушая грамматической правильности предложения, порождает ложную импликатуру или нарушает связность текста. Так, описанная в указанной статье частица *еще* является прагматически обязательной в одном из ее значений, реализуемом в контексте будущего времени: *Я еще вернусь*. В зависимости от контекста это значение может реализоваться в качестве угрозы (ср. *Ты у меня еще попляшешь!*; *Ты еще об этом пожалеешь*) или, наоборот, утешения (ср. *Мы еще повоюем*; *Ты еще всех нас переживешь*; *Все еще наладится*).

Значение, которое вносится частицей *еще*, включает следующие компоненты:

1. Имеется противоположная гипотеза о том, как будут развиваться события; во многих случаях фраза, содержащая частицу *еще*, начинается с союза *но*:

Но вы меня еще узнаете; *Но мы еще дойдем до Ганга.*

2. Событие, о котором идет речь, произойдет не непосредственно после момента речи:

Мы еще повоюем — значит, сейчас дела плохи.

Мы еще поговорим об этом — часто используется для прекращения разговора на данную тему.

3. В момент речи ситуация развивается таким образом, что прогноз никак из нее не вытекает, ср.:

Заканчивалась поэма в том смысле, что, дескать, вы победили, но мы *еще* отомстим. (В. Ходасевич. Неудачники)

Использование частицы *еще* обязательно или почти обязательно, если человек вынужден отказаться на данный момент от совершения какого-то действия (или ему не удалось осуществить желаемое) и утешается тем, что это не окончательно и когда-нибудь в неопределенном, пусть не близком, будущем ситуация изменится. Например, если сорвалась поездка, можно сказать: *Да ты еще десять раз съездишь на Кипр.* Утешая человека, пережившего любовное разочарование, говорят: *Ты еще встретишь настоящую любовь* или *Да она еще сама к тебе прибежит.*

С другой стороны, *еще* невозможно, если в данном высказывании формулируются условия, при которых данная ситуация будет иметь место, так как это входит в противоречие с вводимым *еще* смыслом ‘в данный момент ничто не предвещает наступления данной ситуации’: *Стучите, и* (**еще*) *отворят вам*; *Позвоните, и я* (**еще*) *приеду*; *Если что, я* (**еще*) *помогу*; *Жди меня, и я* (**еще*) *вернусь.*

2.1. Корпусные данные

Анализ данных реверсивного перевода на материале английского параллельного подкорпуса НКРЯ позволяет выделить следующие «стимулы» для появления *еще* в переводе:

— *but* (указывающее на наличие противоположной гипотезы о том, как будут развиваться события); ср. примеры (1), (6);
— *later*, *wait*, *tomorrow*, *next time* (событие, о котором идет речь, произойдет не непосредственно после момента речи); ср. примеры (1)–(5), (7), (8);
— признаки, свидетельствующие о том, что ситуация развивается таким образом, что прогноз никак из нее не вытекает; ср. примеры (4), (5), (7)–(9);
— *warn*; угроза; ср. пример (6);
— утешение; ср. примеры (3), (4), (9).

В приводимых ниже примерах фрагмент английского предложения, представляющий собой «стимул» появления слова *еще* в русском переводе, а также его русский эквивалент в русском переводе выделены подчеркиванием.

(1) Very well. <u>But</u> *we're going to talk* a lot more about this, Leah. <u>Tomorrow</u>... [Miranda Lee. Fugitive Bride (1998)] — Хорошо. <u>Но</u> *мы* ***еще*** *поговорим* обо всем подробнее, Лия. <u>Завтра</u>... [Миранда Ли. В любви все средства хороши (М. Авдокушина, 2000)]

(2) But did he send it to me for its pictures of women naked except for black garterbelts, or for a remarkable science fiction story in there, The Protocols of the Elders of Tralfamadore? <u>But</u> *more about that* <u>later</u>. [Kurt Vonnegut. Hocus Pocus (1990)] — Но вот чего ради он прислал этот номер — чтобы я разлакомился, глядя на девочек, одетых только в черные пояски для подвязок, или чтобы я прочел потрясный научно-фантастический рассказ, который назывался Протоколы Тральфамадорских Мудрецов? <u>Но</u> *к этому я* ***еще*** *вернусь*. [Курт Воннегут. Фокус-покус (М. Ковалева, 1993)]

(3) ...you <u>wait</u>, you'll be right famous at Hogwarts. [Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)] — ...<u>погоди</u>, ***еще*** *будешь гордостью* «Хогварца». [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)]

(4) "Didn't you enjoy it?" "A little. In between terror." "You'll have less terror <u>next time</u>, and still less the time after, and eventually you'll just experience the enjoyment and *I'll make a racer out of you.*" [Isaac Asimov. The Gods Themselves (1972)] — Разве вы не испытывали удовольствия? — Иногда. В промежутках между припадками ужаса. — Ну, так <u>в следующий раз</u> припадков ужаса будет меньше, а потом еще меньше, и в конце концов останется одно удовольствие. *Я* ***еще*** *сделаю из вас чемпиона.* [Айзек Азимов. Сами боги (Р. Рыбакова, 1975)]

(5) "Why did you go up there at six o'clock in the morning?" "Because I wanted to get into the office. I found out that the cleaning woman started on Mr. Mason's office

at six o'clock in the morning." "We'll go into some of this later and in private," Hamilton Burger said grimly. "What I want to know now is what you did with the gun." [Erle Stanley Gardner. The Case of the Daring Divorcee (1964)] — Почему вы решили сделать это в шесть часов утра? — Потому что мне нужно было войти в кабинет мистера Мейсона. Я выяснил, что уборку в офисе Мейсона начинают в шесть часов утра. — Хорошо, мы ***еще*** вернемся к этому вопросу, — угрюмо сказал Бюргер. — Я хочу знать, что вы сделали с револьвером. [Эрл Стэнли Гарднер. Дело смелой разведенки (М. Кудрявцева, 1990)]

(6) All right, but I warned you, *you just remember* what I said when you're on the train home tomorrow, you're so. [Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)] — Хорошо, но я вас предупредила, вы ***еще*** вспомните мои слова — в поезде, когда вас отправят домой, какие же вы все-таки. [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)]

(7) "Good-by, Mr. Mason," she said. "Bye now," Mason said. "*I'll be seeing you.*" [Erle Stanley Gardner. The Case of the Daring Divorcee (1964)] — До свидания, мистер Мейсон. — До свидания, — ответил Мейсон. — Мы ***еще*** встретимся. [Эрл Стэнли Гарднер. Дело смелой разведенки (М. Кудрявцева, 1990)]

(8) "Wait a moment! *We shall meet again* soon. [J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers (1954)] — Подожди, мы ***еще*** встретимся. [Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец: Две башни (М. Каменкович, В. Каррик, 1994)]

(9) He tore his eyes away from his mother's face, whispered, "*I'll come back*," and hurried from the room. [Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)] — Он оторвал взгляд от лица матери, прошептал: «я ***еще*** приду» и поспешил прочь из комнаты. [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)]

3. Решение переводчика: *видимо, по-видимому, видно*

Перечисленные слова давно обсуждаются в литературе (см., в частности, [Виноградов 1975; Яковлева 1988; 1994; Иоанесян 1993; Разлогова 1996; 2004; Шмелев 1996в] и др.); специально этим словам посвящена статья [Киселева, Пайар 2003]. Мы предложим свою версию анализа данных слов, основанную на материале параллельных корпусов и двуязычной надкорпусной Базы данных дискурсивных слов.

Е. С. Яковлева [1988; 1994] обнаружила противопоставление двух классов модальных слов в зависимости от типа информации, которую они вводят: слова *кажется*, *как будто*, *вроде*, *явно*, *определенно* (и некоторые другие) вводят «характерную» информацию, т. е. полученную говорящим в результате чувственного восприятия, а слова *наверно*, *видимо*, *по-видимому*, *вероятно*, *должно быть*, *может быть*, *бесспорно*, *безусловно*, *несомненно* — «нехарактерную», т. е. обозначают логический вывод, в основе которого лежат косвенные данные [Яковлева 1994: 219]. В статье [Иоанесян 1993] было предложено выделить дополнительный, как бы промежуточный класс модальных слов — показателей «контекстно-связанной» информации. К этой категории были отнесены слова *видимо* и *по-видимому* — на том основании, что данные единицы употребляются лишь в тех случаях, когда говорящий формирует свое суждение, опираясь на некоторые перцептивные данные. Так, фраза *Он, видимо, спит* уместна лишь в той ситуации, когда у говорящего есть какие-то опытные данные, позволяющие сделать такой вывод [Там же: 89–91].

В [Булыгина, Шмелев 1997а: 303] противопоставление этих трех типов установок уточняется следующим образом: «...[м]ожно “ни с того ни с сего”, лишь на основе общих знаний о климатических условиях Крыма сказать *А в Крыму сейчас, должно быть, жарко*, но фраза *В Крыму сейчас, видимо, жарко* может быть уместна в ситуации, когда говорящий видит на экране людей, гуляющих по Крыму в майках с короткими рукавами и в шортах. Иными словами, гипотеза, вводимая посредством *видимо* и *по-видимому*, служит для объяснения непосредственных данных (evidence), эти слова оказываются близки по значению обороту *судя по всему*. Пролежав из-за болезни месяц в постели, можно сказать *Наверно, я очень изменился за это время* — только на основании общих представлений о том, что внешность человека, который так долго пролежал в постели, может сильно измениться; высказывание *Видимо, я очень изменился за это время* может быть естественным образом продолжено: *...меня никто не узнаёт*; а высказывание *Кажется, я очень изменился за это время* могло бы быть уместно в устах человека, впервые после долгого перерыва посмотревшего в зеркало.

Таким образом, установка, выражаемая словами *видимо* и *по-видимому*, — это установка на объяснение наблюдаемых фактов[3]. Естественно ожидать, что данная установка характерна для тех, кто занимается исследовательской работой. И действительно, слова *видимо* и *по-видимому* чрезвычайно часто встречаются в научных текстах, вводя, как и в рассмотренных ранее случаях,

[3] «Наблюдаемые факты» здесь и далее понимаются в широком смысле, включая информацию, полученную от других людей, собственные воспоминания и др.

“гипотезы-объяснения”. Кроме того, нередко в научной или квазинаучной речи эти слова указывают на ограниченность имеющихся в распоряжении автора данных и означают что-то вроде ‘насколько мне известно’, ср.: *По-видимому, это единственный случай одушевленного singulare tantum в русском языке*».

О различии между *видимо* и *по-видимому* см. ниже.

3.1. Корпусные данные

Данные параллельного англо-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка подтверждают гипотезу о том, что все три слова — *видимо, по-видимому* и *видно* — в современном русском языке выражают установку на объяснение наблюдаемых фактов посредством предположения. Особенно показательны случаи отсутствия в тексте английского оригинала непосредственного (или даже какого бы то ни было) «стимула перевода». Приведем примеры.

(10) “I am doing something!” said Mr. Gloop, who was now taking off his jacket and getting ready to dive into the chocolate. [Roald Dahl. Charlie and the Chocolate Factory (1964)] — Я и делаю, — сказал мистер Глуп и снял пиджак, собираясь, ***видимо***, нырнуть в шоколадные глубины. [Роальд Даль. Чарли и шоколадная фабрика (М. Барон, Е. Барон, 1991)]

В (10) слово *видимо* добавлено в переводе, чтобы обозначить более явно отношение логического вывода между наблюдаемой ситуацией (снял пиджак) и ее естественным объяснением (собираясь нырнуть).

(11) Whoever had sent this fax was still on the line... waiting to talk. [Dan Brown. Angels and Demons (2000)] —Тот, кто отправил ему факс, <u>все еще оставался на линии</u>... хотел, ***видимо***, с ним поговорить. [Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]

В (11) в русском переводе добавлено слово *видимо*, отсутствующее в оригинале: оно указывает на то, что последующий вывод основан на предшествующем перцептивном впечатлении.

(12) “He set out to do something no scientist had ever thought to do. Something that no one has ever had the TECHNOLOGY to do.” She paused, *as though* uncertain how to speak the next words. [Dan Brown. Angels and Demons (2000)] — Отец затеял то, до чего пока не додумался ни один ученый. Он решил сделать нечто такое, для чего до настоящего времени даже не существовало технических решений. — Виттория замолчала, ***видимо***, не зная, как произнести следующие слова. [Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]

В этом примере *видимо* использовано как эквивалент для англ. *as though* ‘как если бы’, что указывает именно на перцептивную основу данного вывода. Но таких примеров немного.

(13) “Well,” said Rabbit, after a long silence in which nobody thanked him for the nice walk they were having, “we’d better get on, I suppose. Which way shall we try?” [A. A. Milne. The House at Pooh Corner (1928)] — Ну что ж, — сказал Кролик, ***по-видимому***, все это время напрасно ожидавший, что его поблагодарят за приятную прогулку. — Пожалуй, надо идти. [Алан Александр Милн. Дом на Пуховой Опушке (Б. Заходер, 1960)]

Здесь в переводе при помощи добавленного в переводе слова *по-видимому* эксплицирована логическая связь между предложениями (Кролик сказал: «Пожалуй, надо идти», *потому что* ожидал, что его поблагодарят, и не дождался).

Вводное *видно* также может устанавливать связь между описываемыми явлениями, в том числе имеющую перцептивную основу (ср. англ. стимул *as if* в примере (15)):

(14) She gets very excited when she tells you that stuff. [J. D. Salinger. The Catcher in the Rye (1951)] — Она вся раскраснелась, ***видно***, ей было очень интересно рассказывать. [Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи (Р. Райт-Ковалёва, 1965)]

(15) He sat watching him closely, *as if* memory were beginning to work. [Graham Greene. The Power and the Glory (1940)] — Он пристально смотрел на священника; память его, ***видно***, начала работать. [Грэм Грин. Сила и слава (Н. Волжина, 1970–1980)]

3.2. *Видимо, по-видимому, видно*: есть ли различия?

Относительно соотношения данных дискурсивных слов выдвигались следующие гипотезы:

1. *По-видимому* в большей степени основано на логическом выводе, а вводное *видимо* — на зрительном восприятии.
2. Для *по-видимому* «характерна большая временная дистанция между стимулом и реакцией, т. е. между положением вещей, с которым столкнулся субъект, и высказыванием, основанным на субъективном восприятии этого положения вещей» [Киселева, Пайар 2003].
3. Для вводного *видно* характерно использование в составе формул «примирения с действительностью» [Шмелев 1996в]: *видно, не судьба.*

Гипотезы 1 и 2 не подтверждаются ни данными параллельного корпуса (точнее, недостаточно данных для того, чтобы считать их верными), ни данными Национального корпуса русского языка в целом. Гипотеза 3, на первый взгляд, тоже не подтверждается данными параллельного подкорпуса НКРЯ: в англо-русской части параллельного подкорпуса почти не встретилось таких примеров, где появление вводного *видно* было бы обусловлено этим мотивом. Но причина, очевидно, состоит в том, что сам мотив не очень характерен для англоязычного дискурса. Показательно, что выражающий эту идею оборот *не судьба* ни разу не встретился в НКРЯ в переводах с английского языка. Любопытно, впрочем, что когда переводчик усматривает в оригинале данный мотив, это оказывается достаточным основанием для появления в переводе слова *видно*, иногда в сопровождении других формул «примирения с действительностью»:

(16) "You are a very strange creature by way of a friend! —always wanting me to play and sing before anybody and everybody! If my vanity had taken a musical turn, you would have been invaluable; but as it is, I would really rather not sit down before those who must be in the habit of hearing the very best performers." On Miss Lucas's persevering, however, she added, "Very well, *if it must be so, it must.*" And gravely glancing at Mr. Darcy, "There is a fine old saying, which everybody here is of course familiar with: 'Keep your breath to cool your porridge'; and I shall keep mine to swell my song." [Jane Austen. Pride and Prejudice (1813)] — <...> Однако когда мисс Лукас начала настаивать, она сказала: — Ну что ж, чему быть — того не миновать! — И, хмуро глядя на мистера Дарси, добавила: — В наших краях помнят еще старое правило: чем сказать, лучше смолчать. ***Видно, уж надо мне смириться***, да тем и кончить дело. [Джейн Остин. Гордость и предубеждение (И. С. Маршак, 1967)]

Заметим, что в основном корпусе НКРЯ из 300 (с небольшим) примеров на выражение *не судьба*[4] в 36 (более чем в 10 % случаев) это выражение встречается в контексте *видно*, и это служит некоторым свидетельством в пользу обсуждаемой гипотезы. Приведем некоторые примеры:

(17) Я написал к Вам наудачу в Карлсбад — poste restante уже давно, но ***видно не судьба*** попасть этому письму в Ваши руки. [П. В. Анненков. Письма к И. С. Тургеневу (1852–1874)]

(18) ***Видно, не судьба*** нам на этом свете быть счастливыми. [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989]

[4] Данные по состоянию на январь 2017 г.

(19) ***Видно*** уж, ***не судьба***, — подумал он, снова карабкаясь в гору. — Ну и чёрт с ним. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]

(20) Ему бы полгода просидеть в горах, и он, может, до сих пор был бы с нами. Да ***видно не судьба***. [Фазиль Искандер. Школьный вальс, или Энергия стыда // «Знамя», 1987]

Можно добавить, что в русско-английском подкорпусе НКРЯ оборот *не судьба* встретился пять раз и регулярно вызывал затруднения у переводчиков. При этом в единственном примере, когда он появился в сопровождении дискурсивного *видно*, переводчица опустила его; по-видимому, она сочла, что его значение продублировано в выражении *не судьба*:

(21) Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «***Видно мне не судьба***... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно». [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)] — Having read the letter she returned it, and said in a trembling voice: "It was not my destiny. Your parents do not wish me in their family. May the will of God be done! He knows better than we what is best for us." [Alexander Pushkin. Marie: a Story of Russian Love (Marie H. de Zielinska, 1877)]

Кроме того, данные параллельного корпуса дают основания для следующей гипотезы, отчасти коррелирующей с двумя первыми:

4. *Видимо* характерно для устной речи, а *по-видимому* — в основном для письменной[5].

Данные устного подкорпуса НКРЯ (объем 11 349 008 слов), рассмотренные на фоне основного корпуса, подтверждают эту гипотезу: вводное *видимо* встречается в нем 102 раза, а *по-видимому* — 8; из них 2 раза — в лекции А. В. Исаченко, 2 раза — в беседе А. Максимова с Т. Себенцовой в программе «Времечко» и один раз — в чтении вслух Виктором Некрасовым своей повести: все это — не собственно спонтанная устная речь. В основном корпусе соотношение иное: вводное *видимо* встречается несколько чаще, чем *по-видимому*, примерно в полтора раза, но никак не в 30 с лишним раз.

[5] Примеры, приводимые в подтверждение Гипотезы 2 в [Киселева, Пайар 2003], указывают скорее именно на это противопоставление: *по-видимому* встречается в письменной речи, а *видимо* — в устной: в прямой речи персонажа (*— Это твоя бабушка, видимо, звонит*) и в комментарии от 1-го лица (*Он постучал в дверь и крикнул: — Можно попросить стакан холодной воды?! Видимо, рассчитывал на мою сентиментальность*).

Итак, мы продемонстрировали возможности применения монофокусного подхода в контрастивных корпусных исследованиях в отношении использования реверсивного перевода для уточнения семантического анализа — на примере анализа нескольких дискурсивных слов русского языка. Анализ значения частицы *еще*, рассмотренного в [Levontina, Shmelev 2005], подтвердился на материале англо-русского подкорпуса НКРЯ; из трех гипотез, высказанных в отношении дискурсивных слов *видимо*, *по-видимому*, *видно*, частично подтвердилась лишь одна, однако данные корпуса позволили сформулировать еще одну гипотезу, которая подтвердилась на более широком материале (устном и основном подкорпусе НКРЯ). Эффективность предложенного подхода будет, очевидно, возрастать по мере увеличения объема параллельных текстовых корпусов.

Глава 5

А. Д. Шмелев

Русские *авось* и *небось* revisited*

Авось с небосем водились, да оба в яму ввалились.

Владимир Даль

Вступительные замечания

Существует представление, согласно которому русские лингвоспецифичные дискурсивные слова *авось* и в несколько меньшей степени *небось* (иногда к ним в качестве третьего добавляют еще какое-нибудь слово, напр. *ничего* или *как-нибудь*) представляют собою специфические элементы русского дискурса и маркеры «русской ментальности». Этот стереотип отражен в пословицах, приводимых в книге [Даль 1957: 328]:

Русский человек любит авось. Русский на авось и взрос.

Русский человек любит авось, небось да как-нибудь.

Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь.

Николай Лосский в книге «Характер русского народа» говорит:

Беспечность русского человека выражается в нередко слышимых «авось», «небось», «ничего».

В частности, слово *авось* при субстантивации часто начинает сочетаться с прилагательным *русский* (*русский авось* или *русское авось*), обозначая установку на беспечность и необоснованную надежду, что ничего плохого не произойдет. Многие носители русского языка с детства помнят персонажа сказки Пушкина, который *понадеялся на русский авось*. В Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru, далее НКРЯ) в основном корпусе по состоянию на 30 июня 2016 г. обнаруживается 55 примеров субстантивированного *авось* в сочетании

---

* Впервые опубликовано: [Шмелев 2017].

с прилагательным *русский*; в некоторых случаях используется (в различных модификациях) сочетание *русское авось и небось*, напр.:

> ...прав оказался Е. Е. Лазарев, говоривший: «Посмотрим, может быть, и без нас там русские Авось да Небось выручат». [В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953)]

Культурная нагруженность слова *авось* проявляется, в частности, в том, что оно иногда используется в качестве названия литературных произведений (сатирическая ода И. М. Долгорукова «Авось»[1], поэма Андрея Вознесенского «Авось»), что, вообще говоря, не характерно для частиц и дискурсивных слов.

Не удивительно, что в 1990–2000 гг., в связи с ростом интереса как к дискурсивным словам, так и к культурно специфичным языковым выражениям, появилось некоторое количество лингвистических исследований, посвященных семантике и употреблению русских дискурсивных слов *авось* и *небось* (в частности, [Wierzbicka 1992: 433–435; Николина 1993; Шмелев 1996в: 315–318; Разлогова 1998а; 1998б]). В этих работах делалась попытка выявить нетривиальные семантические компоненты семантики рассматриваемых слов, обусловливающих их лингвоспецифичность. Так, А. Вежбицкая предлагает для слова *авось* такое толкование [Wierzbicka 1992: 435]:

> I would want this: X will happen to me
> because of this, I will do Y
> I cannot think: "I know that if I do it, X will happen"
> no one can think: "I know what will happen to me"

Несколько позже в рамках возникшего среди некоторых лингвистов скепсиса по отношению к явлению лингвоспецифичности появились (правда, довольно немногочисленные) публикации, в которых лингвоспецифичность *авось* ставилась под сомнение (*небось* при этом, насколько я знаю, не упоминалось). Характерно следующее высказывание [Павлова 2012: 51], критически разобранное в статье [Шмелев 2014]: «Пресловутый "русский авось" переводится самыми разными способами: *auf gut Glück, wenn was ist, für den Fall der Fälle, aufs Geratewohl, ins Blaue hinein, planlos, ohne Plan, auf Gutdünken.* Идея "авося" в немецком дискурсе частотна чрезвычайно».

Пафос этого утверждения заключался в том, что, поскольку для дискурсивного слова *авось* в немецком языке находится так много переводных

---

[1] Именно в связи с этой одой Пушкин в X главе «Евгения Онегина» говорит, мысленно обращаясь к слову *авось*: «Авось, о Шиболет народный, / Тебе б я оду посвятил, / Но стихоплет высокородный / Меня уже предупредил».

эквивалентов, нет оснований считать его русским лингвоспецифичным словом. Однако, даже если бы мы согласились с тем, что приведенные выражения могут служить переводом для дискурсивного слова *авось* (что, как видно уже с первого взгляда и как мы еще увидим дальше, совсем не так), вывод очевидно ложный. Напротив того, обилие возможных переводов можно считать одним из признаков, свидетельствующих о высокой степени лингвоспецифичности слова, и, более того, разброс переводов может использоваться для количественной оценки лингвоспецифичности: чем более разнообразны переводы лексической единицы в реально существующих переводных текстах, тем выше ее лингвоспецифичность [Зализняк 2015: 655; Шмелев 2015: 562–563], см. разделы II.1–3.

В то же время анализ того, как переводятся предложения, содержащие слова *авось* и *небось*, на другие языки, и выяснение, содержатся ли семантические конфигурации, сходные с теми, что содержатся в указанных словах, в текстах, изначально написанных на других языках, представляет несомненный интерес и может помочь уточнить произведенные ранее семантические описания этих слов. Для ответа на эти вопросы в настоящей статье используются данные английского, французского и немецкого параллельного подкорпусов НКРЯ.

Авось

Прежде всего следует разграничить три режима употребления единицы *авось*: в качестве дискурсивного слова, в составе наречного выражения *на авось* ‘наобум, наудачу, без определенного плана’ и в качестве субстантива в рамках метаязыковой рефлексии (при этом метаязыковая рефлексия обычно бывает направлена на дискурсивное употребление, так что субстантив служит метаязыковым ярлыком для установки, скрывающейся за дискурсивным *авось*). В основном мы сосредоточимся на дискурсивном и метаязыковом (субстантивном) употреблении. Идиоматизированное наречное выражение семантически несколько отошло от дискурсивного употребления, и поэтому интересует нас менее двух других. Его можно иллюстрировать следующим примером из НКРЯ:

> ...русский убийца — это вам не англичанин какой-нибудь, который убивает с холодной головы и после так концы спрячет, что не сыщешь. Русский злодей горяч и нерасчетлив, крушит *на авось*. Не попадется сразу — пойдет в кабак и проболтается спьяну первому собутыльнику. Или же на утро протрезвится, схватится за голову да побежит сам сдаваться: мол, хватайте меня, православные, я убил! [Борис Акунин. Ф. М. (2006)]

Если дискурсивное *авось* выражает внутреннюю мотивацию говорящего, то наречное выражение *на авось* дает характеристику способа чьих-либо действий, часто со стороны[2].

Итак, что нам известно о семантике и употреблении *авось*? Это слово часто объясняется при помощи слов со значением 'может быть, возможно'[3]. Однако если слова *может быть*, *возможно* и подобные могут выражать гипотезы относительно прошлого, настоящего или будущего, то *авось* всегда проспективно, устремлено в будущее и выражает надежду на благоприятный для говорящего исход дела. Даже когда *авось* сочетается с прошедшим временем глагола, проспективность не утрачивается: не зная, как обстоят дела, говорящий выражает надежду, что в будущем выяснится, что все обошлось благополучно (*Авось он успел на поезд*).

При этом слово *авось* может использоваться в функции показателя гипотетичности, но не «импрессива» (термины из [Булыгина, Шмелев 1993]). В следующем предложении *авось* может заменить слово *наверно*, но не *кажется*:

Кажется, я лучше себя чувствую — *наверно*, скоро выздоровею.

То, что *авось* выражает именно надежду на благоприятный (для говорящего или какого-то иного лица) исход дела, проявляется в том, что, когда контекст не дает оснований для такого прочтения, употребление слова *авось* может вызвать чувство недоумения[4]. В следующем отрывке из «Смерти Ивана Ильича» Льва Толстого употребление *авось* имплицирует представление, что Иван

---

[2] Следует отличать наречное выражение *на авось* и сочетание предлога *на* с субстантивированным *авось*. Сочетание предлога с субстантивом появляется при единицах, управляющих предлогом *на*, напр. *расчет на авось*, *надеяться на авось*, тогда как наречное выражение присоединяется к единицам, не способным управлять предлогом *на*, или же при заполненной валентности, соответствующей этому предлогу, напр. *скакнет через бездну или бросится на стену на авось* (Иван Гончаров). Собственно, раздельное написание наречного выражения *на авось* — лишь дань традиции; ср. сходное по смыслу и по структуре наречие *наудачу*, которое пишется слитно.

[3] Именно такие решения приняты в большинстве русско-английских словарей, в которых в качестве переводного эквивалента для *авось* выбирается слово *perhaps*, к которому иногда добавляется *maybe* [Akhmanova 1981; Wheeler, Unbegaun 1984; Katzner 1994; Arakin et al. 1996; Ахманова 2010; Мюллер 2012]. О несоответствии значения слова *авось* идее 'может быть ' см. [Wierzbicka 1992: 433–435].

[4] Следующие стилизованные примеры из прозы Ивана Бунина, по-видимому, находятся за пределами строгого литературного языка (в статье [Николина 1993] они характеризуются как специфические признаки «народной речи»): *Пойду, была не была, авось не чужая*; *Будя толковать-то! — сказал Александр ласково и грустно. Авось слыхали про тебя*; *Да ведь авось*

Ильич с надеждой ждал прихода доктора, рассчитывая, что доктор может облегчить его страдания[5]:

> Но вот звонок в передней. *Авось* доктор.

Надежда на везение, на удачу (например, при покупке лотерейных билетов), вообще говоря, свойственна людям независимо от языка, на котором они говорят. Однако русское *авось* не сводится к надежде на благоприятное развитие событий или на неожиданную удачу. О человеке, который покупает лотерейный билет, вообще не говорят, что он руководствуется расчетом на *авось*. Так скорее скажут о человеке, который не чинит крышу, готовую обвалиться, или строит атомную станцию без надлежащей системы защиты. Вопреки разуму он надеется, что ничего плохого не случится — что *обойдется* или *пронесет*. Так, в «Раковом корпусе» Александра Солженицына мальчик Дёма был готов отказаться от операции именно потому, что надеялся на *авось* (*Да на авось. А может само пройдёт!*)[6]. И более рационально настроенный Вадим Зацырко возражал ему: *Нет, Дёма, на авось мостов не строят. От авося только авоська осталась. Рассчитывать на такую удачу в рамках разумного нельзя*[7].

Это и есть самые типичные контексты для *авось* — *авось обойдется*; *авось ничего*; *авось рассосется*; *авось пронесет*. Ср. также высказывание генерала Сиверса из повести И. Грековой «На испытаниях» (19-я глава), когда генерал Гиндин предупредил его, что слишком вольные высказывания могут быть опасными (дело происходит летом 1952 г., т. е. в сталинском Советском Союзе):

> Грешный человек, люблю потрепать языком. Нет-нет да и сморозишь какую-нибудь жеребятину. Ну да ничего *авось*. Бог не выдаст, свинья не съест.

Характерен также ответ генерала Гиндина: *Съест и не поперхнется.*

и там-то, в Европе-то, тоже давили немало. Представляется, что во всех трех примерах современная норма требовала бы замены *авось* на *небось*.

[5] Впрочем, с точки зрения современной нормы эта фраза представляется несколько странной и некоторыми носителями языка отвергается как аномальная.

[6] В реплике Дёмы мы имеем дело не с наречным выражением *на авось*, а со свободным сочетанием предлога *на* с метаязыковым *авось*.

[7] Эта реплика в полном смысле слова бросает вызов переводчику. В переводе «Ракового корпуса» на английский язык, выполненном Николасом Бетеллом и Дэвидом Бургом, *авось* в реплике Дёмы передано как *perhaps* и, соответственно, реплика Вадима Зацырко переведена так: *No, Dyomka, bridges aren't built on perhapses. Perhaps doesn't lead anywhere, only to more perhapses. You can't bank on that sort of luck, it's unreasonable.* Из примеров такого рода лингвоспецифичность *авось* видна особенно ясно.

Установка на *авось* обычно призвана обосновать пассивность субъекта установки, его нежелание предпринять какие-либо решительные действия (в частности, меры предосторожности). В затруднительном положении носитель этой установки, вместо того чтобы сосредоточенно и методично искать выход из него, говорит *авось пронесет* — как в стихотворении Ю. Левитанского: *Только все обошлось бы, о Господи, — авось, обойдется, авось, обойдется.* Важная идея, отраженная в *авось*, — это представление о непредсказуемости будущего: «всего все равно не предусмотришь, поэтому бесполезно пытаться застраховаться от возможных неприятностей»[8]. Не случайно в песне Булата Окуджавы, в которой речь идет о том, как король «веселых солдат интендантами сразу назначил, а грустных оставил в солдатах — авось, ничего» («Песенка о старом, больном, усталом короле, который отправился завоевывать чужую страну, и о том, что из этого получилось»), установка на *авось* оправдывает не действие (*интендантами сразу назначил*), а отсутствие действия (*оставил в солдатах*). Иногда эта установка состоит в том, чтобы откладывать решительное действие, разговор и т. п. «на потом» в надежде, что, может быть, *обойдется* и так. Ср.:

> У него не было ни малейшего желания идти к ней на раут, но он уже знал, что не сумеет отказаться. «Ладно, посмотрим, — сказал он сам себе. — Время еще есть, *авось* придумаю какую-нибудь отговорку» (Вера Белоусова).

Именно такая беспечность и отказ от принятия мер предосторожности и отражается в «русском *авось*» (в контексте прош. времени этот смысл утрачивается) Эта установка лежит в основе поведения людей, которые строят атомные электростанции без надлежащих мер защиты, или туристов, не покупающих медицинской страховки. Да и персонаж сказки Пушкина, который «понадеялся на русский *авось*», тоже надеялся на то, что ему удастся избежать неотвратимой расплаты — щелчков от Балды. Поэтому надежда на *авось* — не просто надежда на удачу.

Не всегда дискурсивное слово *авось* используется для оправдания собственного бездействия. Иногда говорящий при помощи *авось* объясняет смысл своих действий в ситуации, когда эти действия не гарантируют благоприятного выхода из исходной ситуации (чаще всего неблагоприятной)[9], напр.: *У меня голова болит; я вышла на воздух — авось пройдет.* Часто при этом действия

---

[8] Это соответствует одной из ключевых идей русской языковой картины мира — идее непредсказуемости мира [Wierzbicka 1992: 435; Зализняк и др. 2005а: 11].

[9] Именно к употреблениям такого типа может быть отнесен компонент, включенный в приведенное выше толкование слова *авось*, предложенное А. Вежбицкой: ‘because of this, I will do Y; I cannot think: ‘I know that if I do it, X will happen”.

осуществляются наугад или наудачу, так что нет гарантии того, что они приведут к желаемому результату, как в «Раковом корпусе» Александра Солженицына:

> ...хирурги послали его к Донцовой — наудачу, *авось* да поможет рентген.

Ср. также пример из «Воскресения Маяковского» Юрия Карабчиевского:

> ...каждый отдельный вопрос еще разветвляется и порождает другие побочные, любой из которых может, как знать, обернуться главным. Нет смысла пытаться ответить на них по порядку. Почитаем, подумаем, поговорим — *авось* что-то и прояснится.

К этому типу употребления дискурсивного *авось* восходит упомянутое выше наречное выражение *на авось*.

Относительно «русского *авось*» можно заметить, что *авось*-установка обычно оценивается носителями русского языка отрицательно. Это особенно видно в тех случаях, когда *авось* употребляется в метаязыковом режиме. Говоря в главе 20 третьей части романа «Жизнь и судьба» о том, что слово *русский* в описываемое время «связывалось большей частью с отрицательными определениями», Вас. Гроссман приводит примеры «российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русского авось» (конечно, слово *авось* по отношению к прилагательному *русский* является не определением, а определяемым, но его отрицательная окраска очевидна)[10]. Ср. высказывание Федора Шаляпина (пример из НКРЯ):

> Я решительно и сурово изгнал из моего рабочего обихода тлетворное русское «авось» и полагался только на сознательное творческое усилие. [Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932)]

Часто надежда на *авось* рассматривается как причина неудач — ср. следующие примеры из НКРЯ:

> Русское «авось» часто бывает причиною больших несчастий... [И. Е. Репин. Далекое близкое (1912–1917)]

> И мы, например, часто проигрывали сражения и кампании только потому, что надеялись на доблесть русского солдата и на русское *авось* и вели бой батальонами

[10] Показателен перевод Роберта Чандлера: *...the connotations of this word were mainly negative: the hopelessness of Russian roads, Russian backwardness, Russian confusion, Russian fatalism.* Здесь *авось* переведено как *fatalism*, т. е. из множества его семантических компонентов выбран фрагмент, включающий смирение перед судьбой, нежелание действовать, представление о невозможности повлиять на ход событий.

там, где надо было навалиться корпусами... [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)]

...отступать им мешала, видно, самоуверенная гордость, да русское «авось и небось». [Владимир [В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953)]

Русское «авось» — сколько оно погубило голов! И сколько раз я был на волосок от гибели из-за него! [Виктор Конецкий. Начало конца комедии (1978)]

И эта русская тоска в сочетании с русским «авось», по-моему, губит нас, делает все безнадежным. [Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999–2003)]

Правый публицист М. Меньшиков даже называет *авось* (а также *небось* и *как-нибудь*) «государственными предателями» (цитируется по хрестоматии [Скальковский 1905]):

Если от чего гибнет народ наш, то именно от гамлетовской нерешительности, от недостатка воли. Отсюда, из этой горестной черты наша всеобщая и вечная неготовность, отсюда государственные предатели: авось, небось да как-нибудь. Необходимо всенародно и до смертельной бледности убедиться, что на «авось» жить больше нельзя, что в век хронометров и автоматических приборов и нужно и возможно жить только наверняка, с расчетом точным до часов и минут. Необходимо убедиться, что старинное «небось» есть пошлость и вздор, прятанье головы под крыло, обречение себя на гибель. Необходимо получить навсегда, хотя бы ценой жестокого урока отвращение к «как-нибудь», ибо «как-нибудь» значит в сущности скверно, хуже даже, чем никак.

Многочисленные пословицы также свидетельствуют об установившемся отрицательном отношении к *авось*-установке: *От авося добра не жди*; *Авось плут, обманет*; *Держись за авось, поколь не сорвалось*; *Авосьевы города не горожены, авоськины дети не рожены*; *Кто авосьничает, тот и постничает.*

Лишь в редких случаях авторы высказываний о русском *авось* видят в нем нечто хорошее — чаще всего основываясь на представлении, выраженном в афоризме из «Записных книжек» Вяземского: «Кажется, Полетика сказал: В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение» [Вяземский 1963: 24]. Ср. пример из «Воспоминаний» Евгении Гинзбург (часть 2, глава 21):

У нас почти всегда остается лазейка для простого человеческого чувства. Почти всегда приказ — пусть самый дьявольский! — ослабляется природным добродушием исполнителей, их расхлябанностью, надеждой на пресловутый русский «авось».

Поскольку *авось*-установка, как правило, оценивается отрицательно, а выраженная в этой установке надежда ни на чем не основана, у этого слова возникает коннотация необоснованной надежды. Это объясняет, почему в современной речи слово *авось* стало реже использоваться в прямом режиме, а используется преимущественно для описания установки, которой руководствуются другие люди, т. е. как своего рода псевдоцитата; в случае же когда высказывание описывает собственную установку говорящего, обычно бывает очевидна самоирония. В самом деле, выразить надежду на что-либо, одновременно имплицитно охарактеризовав эту надежду как необоснованную, значит осуществить иллокутивное самоубийство. Однако, по-видимому, не все носители языка ощущают коннотацию полной необоснованности надежды, поскольку примеры использования дискурсивного *авось* в прямом режиме встречаются и в современной речи — ср. примеры из НКРЯ:

Так что садите здесь картошку, семена есть, ну что, что середина июня, *авось* вырастет, и вам какое-никакое подспорье. [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

Я следую Вашему совету: читаю древнекитайскую историю и продумываю прочитанное. *Авось*, найдет применение. [Эмма Герштейн. Анна Ахматова и Лев Гумилев (1994–2002)]

...да и вообще называть шарлатанов шарлатанами всегда полезно. *Авось*, кому поможет и от обмана уберечься. [Максим Соколов. Разжалованные политтехнологи (2004) // «Эксперт», 2004.12.13]

Что касается меня, то я первым отсюда свалю, — убежденно сказал он. — Все свое еврейство соберу по перышкам, *авось* четвертинка с маминой стороны найдется. [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)]

Интересно сопоставить слово *авось* с дискурсивным употреблением слова *вдруг*. Оба дискурсивных слова отражают идею, что произойти может все что угодно. При этом слово *авось* имплицирует желательность ситуации, о которой идет речь, а слово *вдруг* — малую вероятность такой ситуации. Соответственно, в некоторых контекстах *авось* и *вдруг...* выражают почти противоположные идеи: *авось* — знак беспечности, *а вдруг...* указывает на желание перестраховаться. Ср. диалоги: *Возьми зонтик. — Да нет, неохота его тащить, авось дождя не будет,* — и, с другой стороны: *Зачем ты берешь зонтик? На небе ни облачка. — А вдруг все-таки пойдет дождь.*

Но есть и контексты, в которых *авось* и *вдруг*, напротив, сближаются. В «Раковом корпусе» Александра Солженицына и Дёма, готовый отказаться от операции и говорящий в уже упомянутом разговоре с Вадимом Зацырко:

«Да на *авось*. А может само пройдет», — и Костоглотов, настаивающий: «...Отпустите меня! Я хочу выздоравливать собственными силами. *Вдруг* да мне станет лучше», — в равной степени готовы положиться на счастливый, хотя и не очень вероятный случай.

Уже приведенного краткого описания достаточно для того, чтобы понять, почему предложенные А. Павловой немецкие языковые единицы не могут служить переводными эквивалентами для слова *авось*. Дискурсивное *авось* выражает установку говорящего по отношению к гипотетической ситуации, а приведенные ею словосочетания указывают на то, как говорящий оценивает установки действующего субъекта. Поэтому *авось* функционирует как дискурсивное слово, а рассматриваемые немецкие словосочетания — как наречные выражения. Параллельный немецкий подкорпус НКРЯ дает прекрасную возможность в этом убедиться. В нем сегмент *авось* встречается 71 раз, из них два раза в составе наречного выражения *на авось* и два раза — в метаязыковой функции, для обозначения соответствующей установки, а в остальных 67 случаях — как дискурсивное слово (у Гоголя чаще всего в форме *авось-либо*). Показательно, что лишь один раз слово *авось* встретилось в переводе с немецкого языка, а именно — в переводе романа Генриха Белля «Ansichten eines Clowns»:

> Ich habe dem Katholizismus grosse Sympathien entgegengebracht, sogar noch, als Marie mich vor vier Jahren zum ersten Mal mit in diesen „Kreis fortschrittlicher Katholiken“ nahm; es lag ihr daran, mir intelligente Katholiken vorzuführen, und natürlich hatte sie den Hintergedanken, ich könnte eines Tages konvertieren (diesen Hintergedanken haben alle Katholiken). — Я относился к этой религии с большой симпатией, я симпатизировал католикам даже в те дни, года четыре назад, когда Мария впервые привела меня в «кружок прогрессивных католиков»; для нее было очень важно познакомить меня с интеллигентными католиками, и делала она это, конечно, не без задней мысли — *авось* в один прекрасный день я обращусь в католичество (у всех католиков есть такая задняя мысль).

Кстати, легко видеть, что в немецком тексте нет стимула, вынуждающего употребить в переводе слово *авось* (конъюнктив глагола «мочь», послуживший стимулом для появления слова *авось* в русском переводе, мог бы быть передан и иными средствами); иными словами, использование *авось* здесь вовсе не обязательно, вместо *авось* можно было бы употребить союз *что*. В любом случае очевидно, что рассыпается в прах утверждение А. Павловой, будто «идея “авося” в немецком дискурсе частотна чрезвычайно»: если бы это было так, слово *авось* в переводах с немецкого должно было бы встретиться существенно чаще — почти столько же, сколько слово *авось* встречается

в оригинальных русских текстах из немецкого подкорпуса НКРЯ (немецко-русский подкорпус НКРЯ несколько меньше русско-немецкого, но вполне соизмерим с ним).

Как и следовало ожидать, ни один из предложенных А. Павловой «эквивалентов» не использован для перевода русского дискурсивного *авось*. Самым частым переводом для *авось* оказалось слово *vielleicht*, хотя очевидно, что некоторые существенные семантические компоненты, вносимые в предложение словом *авось*, при таком переводе утрачиваются. Это слово использовано в 45 случаях из 66 вхождений дискурсивного *авось* в тексты русско-немецкого корпуса, напр.:

> Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: *авось* дело сегодня же кончится! [А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина (1830)] — Burmin ging, und die Alte bekreuzigte sich und dachte: *Vielleicht* findet die Sache heute noch ihren Abschluß! [Alexander Puschkin. Die Erzählungen des verstorbenen Iwan Petrowitsch Belkin (Michael Pfeiffer, 1984)]

> Прощай, ваше благородие! *Авось* увидимся когда-нибудь. [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)] — Leb wohl, Euer Wohlgeboren! *Vielleicht* sehen wir uns noch einmal! [Alexander Puschkin. Die Hauptmannstochter (Fred Ottow, 1971)]

> Вот я обмочу полотенце холодною водой и приложу к голове, и *авось* ты испаришься. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3–4) (1878)] — Jetzt werde ich ein Handtuch mit kaltem Wasser befeuchten und mir auf den Kopf legen, *vielleicht* wirst du dann verschwinden. [Die Brüder Karamasow (3.–4. Teile). Fjodor Dostojewski (Hermann Röhl, 1924)]

При этом иногда к слову *vielleicht* добавляются выражения, соответствующие семантическим компонентам, имеющимся в *авось* и отсутствующим в *vielleicht*: ‘X хочет, чтобы ситуация имела место, считает это удачей’ (*das Glück, gelingt es*) и ‘никому заранее не может быть известно, наступит ли данная ситуация’ (*wer weiß, was kann man wissen*).

Существенно реже в качестве соответствия *авось* используются такие выражения, как *schon* (четыре раза), *wohl* (дважды), а также по одному разу *mag sein*, *möglicherweise* (неточные синонимы *vielleicht*), *gewiss* и *so Gott will*.

Надобно заметить, что в целом ряде случаев слово *авось* не получает вообще никакого соответствия в переводе. В 16 случаях переводчики опускают слово *авось*, переводя текст так, как если бы его не было. Иногда это обусловлено наличием в контексте слова со смыслом ‘надежда’ (пять примеров), в котором уже выражены идеи отнесенности к будущему, желательности и отсутствия гарантий, что желаемое произойдет. Ср.:

Она <...> очень рада была, что Митя ни вчера, ни сегодня не приходил, *надеялась*, что авось Бог даст не придет до ее отъезда...[11] [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3–4) (1878)] — Sie hatte <...> erfreut darüber, daß Mitja weder am vorigen noch an diesem Tag gekommen war, *hatte sie gehofft*, er würde mit Gottes Hilfe vor ihrer Abreise überhaupt nicht mehr kommen... [Die Brüder Karamasow (3.–4. Teile). Fjodor Dostojewski (Hermann Röhl, 1924)]

— Зайдите, моя дорогая! — сказала она умоляющим голосом и в то же время поглядела на Надежду Федоровну с тоской и с *надеждой*: авось откажется и не зайдет! [А. П. Чехов. Дуэль (1891)] — „Meine Teuere, kommen Sie," sagte sie mit flehender Stimme und sah Nadeschda Fjodorowna ängstlich an und *hoffte*, sie würde nein sagen und nicht kommen. [Ein Zweikampf. Anton Tschechow (Korfiz Holm, 1919)]

Более того, еще в одном примере слово, выражающее смысл 'надежда', добавлено в немецкий перевод в качестве своеобразной компенсации за опущенное *авось*[12]:

Пойдемте, господа! Извините великодушно, коли наскучил. *Авось* хозяйка моя удовлетворит вас более моего. [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)] — Kommt, ihr Herren, und entschuldigt gütigst, wenn ich euch gelangweilt habe. *Ich hoffe*, meine Hausfrau wird euch besser zufriedenstellen als ich. [Iwan Turgenew. Väter und Söhne (Friedrich von Bodenstedt, 1860–1880)]

Еще в десяти случаях слово *авось* просто пропущено, несмотря на потерю выражаемого им смысла, напр.:

Что будет, то будет; *авось* Бог не оставит. [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)] — Wie es kommen muß, so kommt es; Gott wird uns nicht ganz verlassen. [Alexander Puschkin. Die Hauptmannstochter (Fred Ottow, 1971)]

Метаязыковое *авось* переведено в текстах немецкого параллельного корпуса как *Wer weiß* (один раз) и *vielleicht* (один раз):

---

[11] Сочетание *авось Бог даст*, характерное для XIX в. [Николина 1993], еще больше подчеркивает смысл 'надежда'.

[12] Такого рода примеры наводят на мысль, что слова со смыслом 'надежда', т. е. обороты типа *ich hoffe; I hope, let's hope* или *hopefully; espérons que*, могут рассматриваться в качестве одного из возможных переводных соответствий (разумеется, весьма неточных) для *авось*. Именно такое решение принято в словаре [Arakin et al. 1996], в котором в качестве переводного эквивалента наряду с *perhaps* предлагается оборот *let's hope* (в словаре [Мюллер 2012], наряду с *perhaps* приводится выражение *in the hope*, которое в силу совсем иных синтаксических свойств никогда не может быть подлинным переводным эквивалентом *авось*).

«Авось» молодости, тайное желание изведать свое счастие, испытать свои силы в одиночку, без чьего бы то ни было покровительства — одолели наконец. [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)] — Endlich jedoch trug das „Wer weiß“ der Jugend, der stille Wunsch, sein Glück zu versuchen, seine Kräfte ohne Zeugen und ohne Beschützer zu erproben, den Sieg davon. [Iwan Turgenew. Väter und Söhne (Friedrich von Bodenstedt, 1860–1880)]

Так он попеременно волновался и успокоивался, и наконец в этих примирительных и успокоительных словах *авось*, может быть и как-нибудь Обломов нашел и на этот раз, как находил всегда, целый ковчег надежд и утешений... [И. А. Гончаров. Обломов (1859)] — So regte er sich abwechselnd auf und beschwichtigte sich selbst und fand endlich in diesen versöhnenden und beruhigenden Worten: vielleicht, möglicherweise, irgendwie auch diesmal, was er stets gefunden hatte, einganzes Arsenal von Hoffnungen und Tröstungen... [Oblomow. Ivan Gončarov (Clara Brauner, 1960)]

Для полноты картины можно рассмотреть немецкие выражения, которые А. Павлова предложила в качестве эквивалентов русского *авось*. Как уже ясно из всего сказанного, ни одно из этих выражений ни единого раза не используется для перевода дискурсивного *авось*. Более того, обороты *wenn was ist*, *für den Fall der Fälle*, *ohne Plan*, *auf Gutdünken* вообще не встретились в немецком подкорпусе НКРЯ — ни в переводах, ни в немецких оригинальных текстах. Оставшиеся четыре выражения (*auf gut Glück*, *aufs Geratewohl*, *ins Blaue hinein*, *planlos*) встречаются как в переводах на немецкий язык, так и в немецких оригиналах (почти поровну, но чуть чаще — в немецких переводах русских текстов), хотя существенно реже, нежели *авось* в оригинальных русских текстах[13]. При этом ни в одном случае ни одно из этих выражений не переводится как *авось* (*auf gut Glück* и *aufs Geratewohl* чаще всего переводятся как *наугад*, *наудачу*, *наобум*, а *planlos* — как *наугад*, *бездумно*, *без толку*). В немецких переводах *auf gut Glück* соответствует наречным выражениям *на авось* и *наудачу*, *aufs Geratewohl* — оборотам *наугад*, *наобум*, *как/куда попало*, *planlos* — *без цели* или *бесцельно*, а *ins Blaue hinein* используется для перевода дважды встретившейся в «Войне и мире» идиомы *наобум Лазаря* (все эти русские выражения, включая *на авось*, выражают иную идею, нежели дискурсивное *авось*).

Итак, обращение к подлинному языковому материалу не оставляет камня на камне от обоих утверждений А. Павловой: будто «идея “авося” в немецком дискурсе частотна чрезвычайно» и будто «“русский авось” переводится самыми

[13] Возможно, все восемь выражений, упомянутых А. Павловой, частотны в современной разговорной речи (тогда как русское *авось* является уходящим). Однако в любом случае они не могут переводиться посредством слова *авось*.

разными способами: *auf gut Glück, wenn was ist, für den Fall der Fälle, aufs Geratewohl, ins Blaue hinein, planlos, ohne Plan, auf Gutdünken*».

Включение в рассмотрение материала английского и французского параллельного подкорпусов НКРЯ дает в целом ту же картину: в переводах на русский язык *авось* используется редко, а в переводах с русского отсутствие в языках перевода точного эквивалента для *авось* обычно приводит к потере важных смысловых компонентов (чаще всего для передачи *авось* выбираются слова со значением 'возможно'), которые переводчики иногда пытаются передать путем добавления дополнительных элементов.

Так, во французско-русском корпусе слово *авось* вовсе не встречается, а в русско-французском корпусе чаще всего передается как *peut-être*, напр.:

> Лучше здесь остановиться, да переждать, *авось* буран утихнет да небо прояснится... [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)] — Mieux vaut s'arrêter ici et attendre; *peut-être* l'ouragan cessera. [Alexander Puschkin. La fille du capitaine (Louis Viardot, 1853)]

Дважды (у одной и той же переводчицы) встретилось выражение *avec un peu de chance*; кроме того, изредка в качестве соответствия используется субъюнктив, вспомогательный глагол *pouvoir*, а когда в контексте имеется слово, включающее смысл 'надеяться', переводчики иногда ограничиваются им, а *авось* опускается (впрочем, бывает, что слово, выражающее надежду, добавляется к «стандартному переводу *peut-être*, хотя слова со значением 'надеяться' не было в оригинале):

> Батюшка, испейте, — шептал он, бросаясь к нему с графином, — *авось* поможет... [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — Mon cher, buvez, murmurait-il, s'élançant vers lui avec la carafe, *espérons* que cela vous fera du bien... [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]

Наконец, дважды *авось* было употреблено в метаязыковом режиме; в одном случае одно передано как *avec un peu de chance* (той же самой переводчицей, которая использовала это выражения для передачи дискурсивного *авось*), в другом — как *on sait jamais*.

Относительно небольшой разброс переводов с явным преимуществом *peut-être* мог бы дать основания для вывода, что по отношению к французскому языку русское *авось* в меньшей степени лингвоспецифично[14]. Однако такой вывод был бы поспешен. Помимо того что лингвоспецифичность часто, но не всегда ведет к разбросу переводов [Шмелев 2015: 562–563], легко видеть

[14] О лингвоспецифичности как относительном понятии см. [Шмелев 2014; 2015]; ср. также статью [Зализняк 2015], в которой в связи с этим говорится о «компаративности» категории лингвоспецифичности.

существенную потерю смысла почти во всех случаях, когда *авось* передается как *peut-être* (не случайно для передачи метаязыкового *авось* выбраны другие выражения).

Русско-английский корпус демонстрирует значительный разброс соответствий русского *авось*. Что касается до англо-русского корпуса, можно заметить, что некоторые переводчики с английского охотно используют слово *авось*. В частности, оно иногда используется, когда в английском оригинале есть слово, указывающее на надежду (при этом само это слово иногда опускается):

> ...she is not so near her end, I presume, but that she may hope to see another day. [Jane Austen. Persuasion (1816)] — ...она ведь не умирает еще, *авось* до завтра проскрипит. [Джейн Остин. Доводы рассудка (Е. Суриц, 1988)]

> Down goes the shepherd to chapel, gives out as he's a persecuted saint, and says he hopes the heart of the turncock as cut the water off, 'll be softened... [Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836–1837)] — Тут идет пастырь в часовню, выдает себя за гонимого праведника, говорит, что *авось* сердце водопроводчика, закрывшего водопровод, смягчится... [Чарльз Диккенс. Посмертные записки Пиквикского клуба (А. В. Кривцова, Е. Л. Ланн, 1933)]

> Replenishing the old man's glass, she asked, "If you really feel the way you say, Father, what are you doing on a hospital board?" Eustace Swayne chuckled. "Mostly I'm there because Orden and some others are hoping I won't change my will." [Arthur Hailey. The Final Diagnosis (1959)] — Раз ты действительно так думаешь, отец, не понимаю, для чего ты состоишь членом больничного совета? — спросила она, тоже подливая ему коньяк в рюмку. Юстас довольно хмыкнул: — А для того, чтобы Ордэну Брауну и другим было на что надеяться — *авось* я что-нибудь да и оставлю им в своем завещании. [Артур Хейли. Окончательный диагноз (Н. Кузнецова, Д. Мишне, Т. Николаева, Т. Пельц, 1980)]

В целом, однако, число вхождений слова *авось* в англо-русский подкорпус значительно меньше, чем число вхождений этого слова в русско-английский подкорпус НКРЯ. Во всех случаях это решение конкретного переводчика (подчас удачное) — лишь одно из возможных.

Итак, значительный разброс переводов русского *авось* на основные европейские языки не только свидетельствует о высокой степени его лингвоспецифичности, но и позволяет верифицировать его семантический анализ. Неизбежные потери при передаче его смысла на иностранном языке высвечивают в его семантике отдельные компоненты. Тот факт, что в большинстве случаев для перевода выбирается слово со значением 'может быть, возможно', указывает на то, что *авось* маркирует гипотезу, причем высказываемую без особых

оснований (за исключением желания говорящего, чтобы она оправдалась). Использование в ряде случаев для передачи смысла *авось* слов и выражений со значением ‘надежды’ отражает отнесенность высказываний со словом *авось* к будущему, желательность соответствующей ситуации и отсутствия гарантий, что желаемое произойдет. Добавление слов со смыслом ‘удача’ подчеркивает компонент ‘X хочет, чтобы ситуация имела место, но не может на это повлиять’; отсутствие гарантий, что желаемое произойдет, подчеркивается добавлением выражений со смыслом ‘никому заранее не может быть известно, наступит ли данная ситуация’.

Небось

По сравнению с дискурсивным *авось* слово *небось* активно используется в современной речи, причем, как правило, без всякой иронии.

Как известно, *небось* этимологически восходит к *не бойся*; исходное значение состоит в выражении уверенности, что нечто плохое, вызывающее у адресата речи опасения, не произойдет. Ср. некоторые примеры из НКРЯ:

> ...этот проклятый жид: он может отгадать по звездам и по воде, что я проговорился об этом деле. — *Небось*, не отгадает; у меня есть на это свой заговор, против которого жид не устоит со всем его колдовством. — Право?.. Так мне и бояться нечего. [О. М. Сомов. Сказки о кладах (1829)]

> Ну что же, ты боишься, чтобы и я не стал пить? *Небось*, не стану! [В. И. Даль. Бедовик (1839)]

> — А вот ступай направо-то по дороге. — Да не лучше ли здесь подождать? Ведь по заре-то как раз услышат конский топот. — *Небось*, не услышат, теперь все спят. [М. Н. Загоскин. Брынский лес (1846)]

> — Эй, Ванюшка! ишь куда забрался! того и гляди ветром снесет, ступай наземь!.. — Не замай, дядя Антон, — откликался парнишка, — *небось* не снесет! [Д. В. Григорович. Антон-горемыка (1847)]

> Виктор поморщился, но дал ей стеклышко. — Не разбей, смотри. — *Небось*, не разобью. [И. С. Тургенев. Свидание (1850)]

> Собака зарычала на меня. — Ничего, *небось* не тронет. [В. А. Слепцов. Владимирка и Клязьма (1860–1861)]

Однако уже в середине XIX в. примеры, ориентированные на этимологическое значение, были уходящими. Слово *небось* стало преимущественно употребляться, когда сам говорящий отбрасывает реальные или воображаемые опасения относительно некоторой возможной неприятной ситуации в надежде, что она не возникнет. Ср. пример из НКРЯ:

> Уж пошли на святое дело, *небось* не повздорим. [А. К. Толстой. Князь Серебряный (1861–1863)]

В современном языке значение еще несколько сдвинулось. Напомним описание семантики и функций слова *небось*, данное без обращения к электронным корпусам в статье [Шмелев 1996в].

Используя слово *небось*, говорящий не просто высказывает гипотезу о ситуации, к непосредственному знанию о которой у него нет доступа. Гипотеза высказывается довольно уверенно, однако эта уверенность основывается не на рациональных общих соображениях (как в случае дискурсивных слов *должно быть*, *наверно* или совсем уверенного *несомненно*), а на опыте, который приписывает себе говорящий. Он как бы демонстрирует свое знакомство с ситуациями подобного рода — 'я-то знаю, как в таких случаях бывает'. Тем самым он показывает свое превосходство над теми, у кого такого опыта нет[15]. Ср. диалог мальчика Дёмы и девочки Аси в «Раковом корпусе»:

> «А что ты делаешь?» — «Музыку слушаю. Танцую мысленно. А ты *небось* не умеешь?» (Александр Солженицын)[16]

Часто эта установка сопровождается выходом за пределы своей личной сферы и вторжением в личную сферу адресата речи; ср. использование слова «вторжение» в качестве наиболее общей характеристики значения этого слова в статье [Разлогова 1998б]. Так, слово *небось* может использоваться при фамильярном «поддразнивании»: Е. Э. Разлогова как-то заметила (устно), что в нормальной коммуникативной ситуации, увидев у приятеля новую вещь, при помощи данного слова можно построить шутливые предположения *Небось, украл* или *Небось, Петя подарил*, но странно сказать ?*Небось, в магазине купил*. Ср. пример из НКРЯ:

---

[15] В контекстах, несовместимых с установкой, маркируемой словом *небось*, напр. в научном дискурсе, это слово, как и *авось*, не употребляется.

[16] Ср. перевод Николаса Бетелла и Дэвида Бурга, в котором слово *небось* не переведено, так что этот оттенок значения исчез: "What are you doing?" "I'm listening to music. I'm dancing in the mind. Can't you?"

— Хитрован ты! — воскликнул он, седлая велосипед. — Костюмчик-то импорт? По блату достал *небось*, да? Вырядился, ишь ты! Знаю я тебя. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

Особый тип употребления *небось* возникает, когда речь идет о чем-то близко знакомом говорящему в прошлом (так что он исходит из своего опыта), но в данный момент недоступном его непосредственному наблюдению; в этом случае говорящий одновременно предается воспоминаниям и делает предположение — как заключенный, которого ведут на расстрел, в песне Александра Галича «Все не вовремя»:

А в Крыму теплынь, в море сельди
и миндаль, *небось*, подоспел.

Воспоминания такого рода носят самый интимный характер и высказываются, как правило, в форме внутренней речи.

Но говорящий может использовать «интимное» *небось* и «вслух», вторгаясь (иногда навязчиво) в личную сферу адресата речи или третьего лица, проявляя заботу, но одновременно как бы говоря: «Признавайся! От меня не скроешь», — напр.: *Ложись спать, устал, небось*; *Небось, проголодался* (здесь интимность несколько иной природы); ср.:

Когда ты чесался-то? Дай-ка я тебя причешу, — вынула она из кармана гребешок, — *небось* с того раза, как я причесала, и не притронулся? (Федор Достоевский)

Посмотрев на него внимательно и разглядев, что он не спит, она поставила свечку на стол и начала раскладывать принесенное: хлеб, соль, тарелку, ложку. «Небось со вчерашнего не ел». (Федор Достоевский)

Что это с вами? *Небось* опять перебрали? <...> Небось голова болит. (Юрий Домбровский)

В поэме Александра Твардовского «Василий Теркин» старуха говорит заглавному герою, пришедшему в ее хату:

...Сыночек!
Голубочек. Вот уж гость.
Может, сала съешь кусочек,
Воевал, устал *небось*?

Ср. примеры из НКРЯ:

Приходи, накормлю. *Небось* дома ничего нет? [Маша Трауб. Дежа-вю (2009)]

Садись поешь, *небось* ничего в дорогу не взяла. [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]

При помощи этого же средства строятся фамильярные (иногда шутливые) упреки:

Небось не спросил обо мне: что, дескать, жива ли тетка? (Иван Тургенев)

Ты б хоть со мной посоветовался, а то, *небось*, оробел и сразу же подписал. (Юрий Домбровский)

Интимная фамильярность далеко не всегда приятна адресату речи. Она часто воспринимается как незаконное вторжение в его личную сферу, обсуждение того, чего он, может быть, не хотел бы обсуждать.

Отсюда всего один шаг до недружелюбной фамильярности. Так, недружелюбие заметно в таких высказываниях, как, напр.: *Пусть поработает. Небось не развалится* (говорящий «с высоты своего опыта» как бы развеивает чьи-то опасения; при этом актуализуется этимология слова *небось*). Ср. также пример из «Одного дня Ивана Денисовича»:

Говорит, от болезни работа — первое лекарство. От работы лошади дохнут. Это понимать надо. Ухайдакался бы сам на каменной кладке — *небось* бы тихо сидел. (Александр Солженицын) [17]

И, наконец, элемент «интимной» фамильярности может совсем исчезать, и тогда остается одна враждебность или обида. Это особенно заметно в тех случаях, когда под видом предположения говорящий при помощи слова *небось* вводит достоверно известную информацию, на фоне которой поведение адресата речи или третьего лица выглядит непоследовательным или лицемерным:

Мать не плакала, не дралась, но совсем перестала его замечать. Обед на стол поставит и не посмотрит — ел ли? И все молчит. Гарусов обижался и тоже молчал. С тетей Шурой управдомшей она *небось* не молчала, очень даже разговаривала. По вечерам, когда они думали, что Гарусов спит. А он не спал, все слышал. (И. Грекова)

Однако враждебность, сопряженная с указанием на непоследовательность и лицемерие, может быть заметна и при высказывании гипотезы, напр.:

Только с каждыми носилками кавторанг становился расторопнее, а Фетюков всё ленивее: идёт, сучье вымя, носилки наклонит и раствор выхлюпывает, чтоб легче

[17] Необычный порядок слов, характерный для данного рассказа, приводит к появлению необычного сочетания *небось бы*; ср. стандартный порядок слов: *небось тихо сидел бы.*

нести. Костыльнул его Шухов в спину разок: «У, гадская кровь! А директором был — *небось* с рабочих требовал?» (Александр Солженицын)

Ты в лицо гляди, когда с тобой говорят, контра проклятая! Что глаза-то прячешь? Когда родную Советскую власть японцам продавал, тогда *небось* не прятал? Тогда прямо смотрел! (Юрий Домбровский)

...он материл таких литературных шулеров, таких лицедеев. «Ходят в сауну, но воспевают баню по-черному, с кваском, воспевают старух — носительниц трудолюбия и нравственности, а сами *небось* на уборочную не едут». (Даниил Гранин)

Как отмечалось в статье [Шмелев 2001], лингвоспецифичные дискурсивные слова бывают подвержены существенным семантическим изменениям за относительно небольшой период времени. Любопытно, что историческое развитие семантики слов *авось* и *небось* за последние полтора столетия обнаруживают у слова *авось* дрейф в сторону *небось*, а у *небось* — дрейф в сторону *авось*, так что они, пройдя период неточной синонимии, вновь разошлись по смыслу. А именно, в высказываниях, развеивающих опасения относительно возможных будущих неприятностей и соответствующих этимологии слова *небось*, стало употребляться исключительно *авось* в соответствии с современной семантикой этого дискурсивного слова (надежда на то, что неприятностей удастся избежать). Напротив того, отмеченное выше в качестве приметы «народной речи» употребление слова *авось*, не выражающее надежды, в соответствии с современной нормой требует замены на *небось*.

Что же добавляет к этой картине материал параллельных подкорпусов НКРЯ?

Прежде всего, отметим разброс переводов русского *небось*, свидетельствующий о высокой степени лингвоспецифичности слова. В русско-английской части английского параллельного подкорпуса НКРЯ содержится 80 вхождений сегмента *небось*. Из них в двух случаях *небось* употреблено как самостоятельное предложение, в одном — в метаязыковой функции, и в подсчет способов перевода дискурсивного слова эти вхождения включаться не должны. Кроме того, в одном случае, а именно — при передаче мыслей лошади в поэме Гоголя «Мертвые души», перевод слишком сильно отклонился от оригинала, так что невозможно определить в нем соответствие слова *небось*[18].

[18] Возможно, переводчик принял слово *небось* за форму существительного *небо*. Кстати, любопытно, что Ч. Дж. Хогарт (C. J. Hogarth) оба употребления слова *небось* в повести Льва Толстого «Юность» (и в том, и в другом случае в качестве самостоятельного предложения), тоже, видимо, по ошибке, перевел как *By heavens!*

Оставшиеся 76 вхождений дают нам следующую картину разброса переводов. Переводчики находят какое-то соответствие слову *небось* в 61 случае из 76, причем использовано 26 вариантов перевода. В 11 случаях в качестве соответствия выбрано сочетание (*there's*) *no fear* или *never fear*, актуализующее внутреннюю форму слова; в семи случаях используется перевод *I dare say*, в шести случаях — *I bet* или *I'll bet*, переводы *I'll be bound* и *I suppose* используются по четыре раза (кроме того, в одном случае *небось не* передано как *I don't suppose*); еще в четырех случаях в качестве соответствия добавлен вспомогательный глагол *must*; по три раза использованы соответствия *I expect* и *no doubt*. В оставшихся 20 вхождениях соответствия *I am sure*, *anyway* и *p'raps* использованы по два раза, а остальные 14 соответствий — по одному. Наконец, в 15 случаях дискурсивное *небось* не получает никакого соответствия в переводе.

Итак, разброс чрезвычайно велик. При этом самый распространенный перевод *no fear* выбирается не только в тех случаях, когда *небось* тем или иным образом «снимает опасения», но иногда и в тех случаях, когда на первый план выходят другие оттенки значения, напр.:

— Да кури на дворе сколько хошь, а в хату не пустим. Хошь станичный приходи, не пустю. Обокрадут еще. Вишь, он *небось*, чертов сын, к себе не поставил, станичный-то. [Л. Н. Толстой. Казаки (1863)] — "Smoke as much as you like in the yard, I say, but we won't allow it inside the hut. Not if the Elder himself comes, I won't allow it. Besides, they may rob you. He's not quartered any of them on himself, *no fear*, that devil's son of an Elder." [Leo Tolstoy. The Cossacks (Louise and Aylmer Maude, 1911)]

Заметим, что выбор перевода, как это часто бывает и с другими лингвоспецифичными единицами [Шмелев 2015], в некоторой степени зависит от индивидуальных предпочтений переводчика. Так, переводчики повести Льва Толстого «Казаки» [Л. Н. Толстой. Казаки (1863) / Leo Tolstoy. The Cossacks (Louise and Aylmer Maude, 1911)] регулярно передают слово *небось* одним из двух способов: *I expect* и *no fear* или *never fear*. Ср.:

Они *небось* все на той стороне. — *I expect* the rest of them are on the other bank.

Табачищем закурили *небось*? — *I expect* they have smoked you out with their tobacco?

Завыла бы *небось*! — засмеялся Назарка. — "You'd have howled, *I expect*," said Nazarka, laughing.

Вишь, он *небось*, чертов сын, к себе не поставил, станичный-то. — He's not quartered any of them on himself, *no fear*, that devil's son of an Elder.

Небось раньше тебя встану, — отвечал Оленин. — "*Never fear*, I'll be up before you," answered Olenin.

В одном случае слово *небось* передано иначе, при помощи вспомогательного модального глагола *must*; это отчасти объясняется тем, что в непосредственно предшествующем контексте уже употреблено выражение *I expect*:

Должно, тот самый! Ты *небось* слышал, как затрещал? — *I expect* it was the very one! You *must* have heard the crash?

И в одном случае оно оставлено без непосредственного соответствия:

— Что, много ль ногайских коней угнал? — сказал худенький старичок с нахмуренным, мрачным взглядом. — А ты *небось* считал, дедука, что спрашиваешь, — отвечал Лукашка, отворачиваясь. — "Well, have you carried off many Nogay horses?" asked a lean old man with a frowning, lowering look. "Have you counted them, Grandad, that you ask?" replied Lukashka, turning away.

А Констанс Гарнетт в переводе «Преступления и наказания» последовательно использует личные конструкции: *I'll be bound*, *I dare say*, по одному разу также *I warrant*, *I suppose* (а в одном случае *небось* оставлено без прямого соответствия):

Да садись же, устал *небось*! [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — Come sit down, you are tired, *I'll be bound.* [Fedor Dostoevsky. Crime and Punishment (Constance Garnett, 1914)]

Хозяйку-то, *небось*, уж опрашивали... [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — You've cross-examined my landlady, *I'll be bound*... [Fedor Dostoevsky. Crime and Punishment (Constance Garnett, 1914)]

Я и за дворниками-то едва распорядился послать. (Дворников-то, *небось*, заметили, проходя). [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — I had scarcely sent for the porters (you noticed them as you went out, *I dare say*). [Fedor Dostoevsky. Crime and Punishment (Constance Garnett, 1914)]

Впрочем, в переводах романов Достоевского «Братья Карамазовы», Льва Толстого «Анна Каренина», а также ряда рассказов Чехова та же переводчица использует более разнообразную стратегию: среди переводов обнаруживаем *no fear* (чаще всего), *you bet*, *must*, *for sure*, *no doubt*, *confound it*.

Отдельного упоминания заслуживает перевод на английский язык детской сказки Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей» [Н. Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953–1954) / Nikolay Nosov.

The Adventures of Dunno and his Friends (Margaret Wettlin, 1980)]. В этом произведении есть персонажи Авоська и Небоська, речевая характеристика которых заключается в постоянном произнесении высказываний, содержащих слова *авось* (для Авоськи) и *небось* (для Небоськи). Общая стратегия переводчицы состояла в том, чтобы передавать *авось* как *p'raps*, а *небось* — как *prob'ly*. Соответственно, Авоська и Небоська тоже получили имена *P'raps* и *Prob'ly* (соответственно). Но при этом среди высказываний Небоськи есть такие, в которых слово *небось* естественнее передать по-английски как *p'raps*. Переводчица в этих случаях выбирала перевод *p'raps* и, соответственно, заменяла Небоську на *P'raps*, т. е. на Авоську:

> А я *небось* песок высыплю, — ответил Небоська и стал высыпать песок из корзины горстью. — "P'raps I'd better throw it overboard," said P'raps, picking up a handful and tossing it out. [Nikolay Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends (Margaret Wettlin, 1980)]

> Ты мне глаза запорошить можешь. — *Небось* не запорошу, — сказал Небоська и тут же запорошил ему песком глаза. — "You'll get sand in my eyes!" "P'raps I won't," said P'raps, but at that very moment he did.

В случае если слову *небось* в английском переводе не ставится никакое соответствие, имя персонажа сохраняется:

> Интересно было бы выяснить, кто первый струсил. — Кто? — спросил Небоська. — Ты же первый *небось* и струсил. — "By the way, who was the first to get cold feet?" "The first? You were the first," said Prob'ly.

Наконец, можно заметить, что в одном случае переводчица, напротив, приняла решение передать словом *prob'ly* слово *авось*, и в этом случае она заменила Авоську на Prob'ly, т. е. Небоську:

> Из-за тебя корзина развалится и мы все высыплемся из нее. — *Авось* не развалится, — ответил Авоська. — "The basket will go to pieces and we'll all pour through!" "It prob'ly won't," replied Prob'ly.

Здесь, правда, выбор перевода был, вероятно, обусловлен тем, что в этом эпизоде уже произошла перестановка ролей Авоськи и Небоськи, вызванная необходимостью передать *небось* посредством *p'raps*.

В русско-французском корпусе дискурсивное *небось* встретилось только в трех документах, в одном из которых (в титрах кинофильма) перевод явно неадекватен.

Другой документ — повесть Пушкина «Капитанская дочка», в которой слово *небось* встречается два раза, при этом один раз в качестве самостоятельного

высказывания и лишь один раз как дискурсивное слово (не получившее отдельного соответствия в переводе):

> *Небось*, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню. [А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)] — Ils n'oseront pas s'attaquer à nous, et s'ils s'en avisent, je leur imprimerai une telle terreur, qu'ils ne remueront plus de dix ans. [Alexander Puschkin. La fille du capitaine (Louis Viardot, 1853)]

Остается третий документ — роман Достоевского «Преступление и наказание». В нем дискурсивное *небось* встретилось семь раз. Как правило, оно переводится при помощи эпистемического выражения (*sûr que...*, *évidemment*, *sûrement*, *sans doute* — по одному разу), а кроме того, дважды был использован вспомогательный глагол *devoir*. В целом понятно, что материал русско-французского подкорпуса НКРЯ, по существу сводящийся к набору решений одной-единственной переводчицы (Элизабет Гертик), не дает оснований для каких-либо выводов относительно функций и семантики русского дискурсивного слова *небось*[19].

Материал русско-немецкого корпуса более представителен, поскольку в него входит ряд текстов «русской классики» в немецких переводах; правда, в отличие от русско-английского корпуса, в который включены тексты XX в. со словом *небось*, самый поздний текст, входящий в русско-немецкий корпус и содержащий слово *небось*, относится к 1895 г. («Хозяин и работник» Льва Толстого). Разброс переводов здесь не меньше, чем в русско-английском корпусе. Если отвлечься от немногочисленных случаев использования слова *небось* в функции самостоятельного предложения, то можно видеть, что самым распространенным способом передачи дискурсивного *небось* оказывается одно из модальных слов: *wohl*, *gelt*, *schon*, *vielleicht*, *sicher*, *natürlich*; кроме того, иногда используются обороты *keine Angst*, *keine Sorge* или *keine Bange*, вспомогательные модальные глаголы, в единичных случаях особые обороты (напр., *sei / seien unbesorgt* и даже *das kannst du glauben*); в некоторых случаях *небось* не получает непосредственного соответствия. Таким образом, материал русско-немецкого корпуса полностью подтверждает вывод, в соответствии с которым *небось* обладает высокой степенью лингвоспецифичности.

---

[19] Помимо этого, в русско-французском корпусе есть один пример метаязыкового *небось:*

> Русский человек крепок на трех сваях — «авось», «небось» и «как-нибудь». [Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 2) (2013)] — Un Russe, ça tient sur trois béquilles: "on sait jamais", "on verra bien", et "on s'en sortira toujours". [Svetlana Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (p 2) (Sophie Benech, 2013)]

Любопытно, что слово *небось* относительно часто (особенно по сравнению с *авось*) встречается в параллельном корпусе НКРЯ в переводах на русский язык; при этом переводы по большей части (за небольшим исключением) выполнены во второй половине XX в. Тем самым имеется возможность установить, в каких случаях переводчики — носители современного русского языка — считают нужным употребить слово *небось*, какие «стимулы» в оригинальном иноязычном тексте приводят к появлению этого слова в переводе. При этом стимулы следует отличать от непосредственных источников, т. е. тех элементов исходного текста, в соответствие с которыми поставлено слово *небось*[20].

Сразу необходимо отметить, что ни в одном случае употребление *небось* не является единственно возможным переводческим решением; иными словами, *небось* не выступает в качестве «прагматически обязательной частицы» в смысле работы [Levontina, Shmelev 2005]: в частности, во всех случаях можно было бы употребить другой модальный маркер, как правило с некоторым стилистическим отличием, напр. *наверно*, *должно быть*, *думаю*, *вероятно*. Поэтому никакой стимул не является детерминирующим; в каждом отдельном случае стимул — это то, что побудило данного конкретного переводчика употребить в переводе слово *небось*.

Общим для всех случаев появления дискурсивного *небось* в переводе оказывается общая неформальность речи. В художественных текстах слово *небось* появляется почти исключительно в прямой или несобственно-прямой речи персонажа. Однако неформальная речь персонажа — необходимый, но вовсе не достаточный стимул для употребления *небось*. Какие же стимулы в английском, французском и немецком тексте способствуют выбору слова *небось* в переводе?

В переводах с английского языка *небось* используется довольно часто; при этом исходные соответствия относительно разнообразны: (*I*) *dare say*, *I bet* (*you*), *I suppose*, *I reckon*, *I don't doubt*, *doubtless*, *no doubt*, *perhaps*, *likely*, *probably*, *of course*, вспомогательный модальный глагол; еще чаще *небось* появляется в переводе при отсутствии непосредственного исходного соответствия. Однако существенно, что ни для одного из этих непосредственных источников *небось* не является не только единственным, но даже самым частым переводом. Так, сочетание (*I*) *dare say* передают посредством *небось* и И. С. Маршак, и Н. Демурова, и Елена Суриц:

[20] Непосредственный источник — это конкретное языковое выражение, которое, точно или неточно, передано при помощи слова *небось*. Понятие стимула шире: стимулами могут быть самые разнообразные характеристики переводимого текста: грамматические формы, непосредственный контекст, более широкий контекст, импликатуры и т. д., см. [Loiseau et al. 2013].

I dare say he often hears worse things said than I am going to say. [Jane Austen. Pride and Prejudice (1813)] — Он *небось* часто слышит вещи еще почище того, что я расскажу. [Джейн Остин. Гордость и предубеждение (И. С. Маршак, 1967)]

They look upon it as quite their own, I dare say, whenever that happens. [Jane Austen. Pride and Prejudice (1813)] — *Небось* смотрят на него так, как будто он им уже принадлежит. [Джейн Остин. Гордость и предубеждение (И. С. Маршак, 1967)]

Dare say you heard the carriage, sir, while you were at dinner; and going on now for Crewkherne, in his way to Bath and London». [Jane Austen. Persuasion (1816)] — *Небось* слыхали карету, сэр, когда ужинали; вот, в Крюкерн собрался, а там уж в Бат, а там и в Лондон. [Джейн Остин. Доводы рассудка (Е. Суриц, 1988)]

I dare say you never even spoke to Time! [Lewis Carroll. Alice's Adventures in Wonderland (1865)] — Ты с ним *небось* никогда и не разговаривала! [Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес (Н. Демурова, 1967)]

С другой стороны, те же самые переводчики в подавляющем большинстве случаев выбирают для (*I*) *dare say* совсем другие способы перевода. Так, в романе Джейн Остин «Pride and Prejudice» этот оборот встретился 31 раз, и лишь в двух случаях И. С. Маршак передал его как *небось* — в остальных случаях он использовал иные эквиваленты.

В романе Джейн Остин «Persuasion» оборот (*I*) *dare say* встретился 11 раз, и лишь в одном случаях Елена Суриц передала его как *небось* — в остальных случаях использованы другие эквиваленты.

Точно так же Н. Дарузес в «Приключениях Гекльберри Финна» [Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884) / Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна (Н. Дарузес, 1950)] иногда переводит посредством *небось* оборот *I bet you*:

Seegars, I bet you — and cost five cents apiece, solid cash. — Сигары *небось* есть — центов по пять за штуку наличными.

I bet you can't spell my name... — А вот мое имя *небось* не знаешь, как пишется.

Но гораздо чаще в этом переводе оборот *I bet you* передается иначе, напр.:

But I bet you Jeff Thatcher couldn't. — А вот Джеф Тэтчер, *наверно*, не мог бы.

I bet you the money IS under the rock. — *По-моему*, деньги под камнем.

I reckon Mr. Jones was going to make a grand time over his surprise, but I bet you it will drop pretty flat. — Мистер Джонс воображает, будто удивит всех своим сюрпризом, а *по-моему*, никто даже и не почешется.

В некоторых случаях выбор *небось* при том или ином исходном соответствии зависит от переводческих установок. Так, Н. Дарузес в переводе «Приключений Тома Сойера» [Mark Twain. The Adventures of Tom Sawyer (1876) / Марк Твен. Приключения Тома Сойера (Н. Дарузес, 1950)] регулярно использует слово *небось* для передачи содержания вопросов с отрицанием, подразумевающих обратное:

By jings, don't you wish you was Jeff? — Скажи, *небось* хочется быть на месте Джефа?

And when we tell 'em we learned when we was off pirating, won't they wish they'd been along? — А когда мы скажем, что выучились курить, когда были пиратами, *небось* позавидуют, что не были с нами?

Oh, but ain't you glad NOW we're here! — *Небось* рад теперь, что мы с тобой тут!

Соответственно, для передачи содержания риторического вопроса без отрицания в этом же переводе используется сочетание *небось не*:

Does a boy get a chance to whitewash a fence every day? — *Небось не* каждый день нашему брату достается белить забор.

Однако и этот выбор не является правилом: очень часто в том же переводе для точно таких же по форме вопросов используются совсем иные соответствия, напр.:

Didn't you want to go in a-swimming, Tom? — Что ж, неужели тебе не захотелось выкупаться, Том?

Didn't they get him Saturday night? — Разве они не забрали его в субботу ночью?

Didn't you hear it? — Разве ты не слышишь?

...didn't she stay with you last night? — ...разве она не у вас ночевала?

В целом в поисках стимулов для использования *небось* в переводе с английского языка ориентироваться на непосредственный источник не имеет смысла. Если же обратиться к прагматическим характеристикам высказываний, в передаче которых переводчики использовали слово *небось*, то можно видеть, что почти все они содержат предположение, не основанное на более или менее рациональных соображениях, как в случае использования выражений *вероятно*, *должно быть*, *наверно*, но и не подаваемое как субъективное мнение говорящего, как в случае использования оборотов (*я*) *думаю*, (*я*) *полагаю*, а высказываемое несколько свысока, часто с оттенком пренебрежения:

Swilling, I warrant me, at the ale, or playing their juggling tricks at the bedside of some miserly churl. [Walter Scott. Ivanhoe (1819)] — *Небось* пьянствуют где-нибудь, попивают эль либо показывают свои фокусы у постели какого-нибудь подлого мужика..! [Вальтер Скотт. Айвенго (Е. Бекетова, 1890–1902)]

Drunk, the same as usual, likely — blamed old rip! [Mark Twain. The Adventures of Tom Sawyer (1876)] — Накачался *небось*, по обыкновению, старый пропойца! [Марк Твен. Приключения Тома Сойера (Н. Дарузес, 1950)]

You think you're a good deal of a big-bug, DON'T you? [Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn (1884)] — *Небось* думаешь, что ты теперь важная птица, — так, что ли? [Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна (Н. Дарузес, 1950)]

I said what stake you got in this guy? You takin' his pay away from him? [John Steinbeck. Of Mice and Men (1937)] — Я спрашиваю, что тебе за дело до этого малого. Ты *небось* прикарманиваешь его денежки? [Джон Стейнбек. О мышах и людях (В. Хинкис, 1965)]

She got the eye goin' all the time on everybody. I bet she even gives the stable buck the eye. I don't know what the hell she wants». [John Steinbeck. Of Mice and Men (1937)] — Всем мужикам глазки строит. *Небось*, даже и конюху. И какого дьявола ей не хватает? [Джон Стейнбек. О мышах и людях (В. Хинкис, 1965)]

Впрочем, как уже говорилось, взгляд «свысока» вполне совместим с проявлением заботы:

I must get you some supper, for you are doubtless hungry. [L. Frank Baum. The Patchwork Girl of Oz (1913)] — ...мне надо тебя покормить. Ты *небось* проголодался. [Л. Фрэнк Баум. Лоскутушка из Страны Оз (С. Белов, 1990–2000)]

Кроме высказываний, выражающих предположение, *небось* нередко включается в перевод при передаче достоверно известных фактов, на фоне которых чье-либо поведение представляется говорящему лицемерным, непоследовательным или просто глупым:

She was so wretched and so vehement, complained so much of injustice in being expected to go away instead of Anne; Anne, who was nothing to Louisa, while she was her sister, and had the best right to stay in Henrietta's stead! [Jane Austen. Persuasion (1816)] — Она гневалась, возмущалась и сетовала на несправедливость принятого решения: как; ее отослать и оставить с Луизой Энн; да кто она Луизе, эта Энн, а Мэри *небось* жена ее родного брата; кому как не Мэри оставаться здесь вместо Генриетты? [Джейн Остин. Доводы рассудка (Е. Суриц, 1988)]

"I talks English, doesn't I?" the Frog went on. "Or are you deaf?..." [Lewis Carroll. Through the Looking-Glass and what Alice found there (1871)] — Чего ж тут не понять? — ответил Лягушонок. — *Небось* я по-английски говорю. Или, может, ты оглохла? [Льюис Кэррол. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье (Н. Демурова, 1967)]

"O," says he, "let me see him, try; I dare him to; I'll do for him! O, he ain't the first!" [Robert Louis Stevenson. Kidnapped (1886)] — Пускай попробует, пускай только посмеет! Я ему удружу! *Небось*, не впервой! [Роберт Луис Стивенсон. Похищенный (М. Кан, 1967)]

Итак, насколько можно судить по данным НКРЯ, в норме стимулом к появлению дискурсивного *небось* в переводе на русский язык с английского служит не тот или иной непосредственный источник, а прагматические характеристики высказывания. При этом появление *небось* в переводе обусловливается в общем теми же прагматическими характеристиками, что и появление *небось* в русском оригинальном тексте.

Французско-русский подкорпус НКРЯ ничего не добавляет к этим наблюдениям: примеров появления *небось* в переводе там не так много (хотя на фоне полного отсутствия в этом корпусе слова *авось*, наличие в нем четырех примеров с *небось* все же показательно); как правило, в оригинальном тексте для них нет никакого непосредственного источника. Смысл фамильярного предположения, высказываемого «свысока», в них тоже ощущается, хотя и не столь ярко.

В немецко-русском подкорпусе НКРЯ слово *небось* появляется шесть раз (существенно больше, чем *авось*), и прагматические стимулы к его появлению в общем те же. Можно отметить, что в некоторых случаях в оригинальных немецких текстах обнаруживаются непосредственные источники:

Er kniff und kniff sich in die Beine. *Sicher* hatte er schon überall blaue und grüne Flecken. [Erich Kästner. Emil und die Detektive (1929)] — Он все щипал и щипал себя за ногу. *Небось*, нога уже вся в синяках. [Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971)]

Der schielt *sicher* übern Rand weg, ob ihm jemand auflauert. [Erich Kästner. Emil und die Detektive (1929)] — *Небось*, глядит из-за листов, не следят ли за ним. [Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971)]

Er hat ein Zimmer genommen und ist jetzt oben. Guckt *wahrscheinlich* nach, ob wer unterm Bett liegt und mit sich Skat spielt. [Erich Kästner. Emil und die Detektive (1929)] — Взял номер и пока находится там. *Небось*, осматривает его — не спрятался ли кто

под кроватью — и сам с собой играет в очко. [Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971)]

Итак, данные параллельных подкорпусов НКРЯ показывают, что *небось* в современном языке употребляется, когда говорящий высказывает уверенное предположение (обычно с оттенком фамильярности или пренебрежения), основанное на его опыте, позволяющем ему судить о вещах, о которых у него нет непосредственных сведений. Кроме того, у слова *небось* имеется сдвинутое употребление, когда говорящий упоминает достоверно известные факты, на фоне которых чье-либо поведение представляется глупым, непоследовательным или лицемерным.

Почему же *небось* настолько чаще (если судить по данным НКРЯ), по сравнению с *авось*, появляется в переводах с западноевропейских языков? Можно было бы заключить, что для английского, французского и немецкого дискурсов «идея небося» более характерна, нежели «идея авося»; иными словами, в текстах на этих языках чаще высказываются фамильярные предположения, не имеющие рационального обоснования и делаемые свысока, нежели необоснованные надежды, необоснованность которых осознает сам говорящий. Однако представляется, что дело также и в речевых привычках переводчиков. Они в большей степени склонны вычитывать в оригинальном тексте (или даже вчитывать в него) смысл, соответствующий слову *небось*, нежели смысл, соответствующий несколько устаревшему в качестве дискурсивного слова *авось*. Однако все эти предположения нуждаются в проверке на существенно более представительном материале, нежели существующий к настоящему времени (июль 2016) параллельный корпус НКРЯ.

Глава 6 *Анна А. Зализняк*

О семантической эволюции дискурсивных слов: русское *как раз*[*]

1. Эффект ближней семантической эволюции

Феномен, который я называю «эффектом ближней семантической эволюции» [Зализняк 2012а], был описан в проницательных работах А. Б. Пеньковского о языке Пушкина [Пеньковский 2004а; 2005; см. также Еськова 1999; Перцов 2009]. Речь идет о том, что произошедшие за последние полтора-два столетия семантические изменения могут оставаться незамеченными современным читателем, который ошибочно приписывает словам в старых текстах их современный смысл.

Примеры А. Б. Пеньковского:

(1) Но наконец она *вздохнула* / И встала со скамьи своей (ЕО, 3, XLI).

(2) Я модный свет ваш *ненавижу*; / Милее мне домашний круг (ЕО, 3, II).

Эти предложения без малейшей «запинки» прочитываются с современным значением выделенных курсивом слов, и тем самым заложенный автором смысл утрачивается и возникает новый; на самом деле здесь имелось в виду, соответственно, ‘успокоилась’ и ‘не ценю, не люблю’.

Как выясняется, то же самое происходит и в тех случаях, когда «запинка» должна была бы произойти, ср.:

(3) Любимцы счастия, наперсники судьбы / Смиренно ей несут влюбленные мольбы / Но дева гордая их чувства *ненавидит* (Пушкин. Дева) [пример А. Б. Пеньковского]

---

[*] В основу данного раздела положена статья [Зализняк 2018].

(4) Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало: мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение. *Отдохнув*, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю. (Тургенев. Первая любовь)

(5) Лжедимитрий. Мой бедный конь! <...> / Послушай, может быть, / От раны он лишь только заморился / И *отдохнет.* Пушкин. Куда! он издыхает. (Пушкин. Борис Годунов)

В примере (3) глагол *ненавидеть* имеет то же значение, что в (2) — 'не любить'; в (4) глагол *отдохнуть* имеет то же значение, что *вздохнуть* в (1) — 'успокоиться', в (5) — 'вернуться к жизни, остаться живым'; оба эти значения глагола *отдохнуть* в современном языке утрачены (см. [Зализняк 2009]).

Особенно ярко эффект ближней семантической эволюции обнаруживается в сфере дискурсивных слов. Дискурсивные слова по большей части лингвоспецифичны (ср. пресловутые *авось* и *небось*). А. Д. Шмелев обратил внимание на то, что семантическая эволюция дискурсивных слов часто происходит в направлении увеличения лингвоспецифичности [Шмелев 2001]. Это связано, очевидно, с процессом грамматикализации, сопровождающимся увеличением степени идиоматичности — ср. пример (6):

(6) Но *так и быть* — судьбу мою / Отныне я тебе вручаю, / Перед тобою слезы лью, / Твоей защиты умоляю... (ЕО, 3, XXXI)

Современный читатель скорее всего понимает здесь дискурсивное слово *так и быть* в актуальном на сегодняшний день значении, т. е. как выражающее уступку желанию адресата — несмотря на очевидную несообразность результирующего смысла: ведь Онегин к тому моменту ничего от Татьяны не хотел. На самом деле выражение *так и быть* обозначает здесь вовсе не уступку желанию адресата речи, а решимость покориться судьбе (ср. *Так тому и быть!*). Это более старое значение выражения *так и быть*, непосредственно складывающееся из значения частей и конструкции; современное значение уступки является результатом его семантического развития — идиоматизации и грамматикализации. В пушкинскую эпоху это выражение употреблялось в обоих смыслах, более старый впоследствии был утрачен. В результате для современного читателя текст должен был бы оказаться непрозрачным — чего, однако, не произошло: эта цитата продолжает воспроизводиться в том числе в самых современных жанрах интернет-коммуникации.

Обратимся теперь к другой, не менее известной пушкинской строке:

(7) <...> а мы с тобой вдвоем / Предполагаем жить... И глядь — *как раз* — умрем. («Пора, мой друг, пора!») [1]

Вопрос в том, что означает здесь дискурсивное слово *как раз*.

2. *Как раз* в современном языке

Начнем со значения этого слова в современном русском языке. В словаре МАС [МАС, 2: 18; статья «как»] приводятся следующие значения:

а) именно, точно:

(8) ***Как раз*** перед воротами на дороге стояли возы.

б) (*в значении сказуемого*) впору, в самый раз, в полном соответствии:

(9) Эти ботинки мне ***как раз***.

в) (*устар.*) сразу, мигом:

(10) Да философа привязать, а не то ***как раз*** удерет. (Гоголь. Вий)

(11) Летит и другая какая-то птица — По тени узнал я ворону ***как раз***. (Некрасов)

В словаре БАС [БАС, V: 685–686; статья «как»] значение ‘тотчас, мигом’ не отмечено как устаревшее (хотя в середине XX в. оно безусловно было таковым), употребление в предикативной функции отмечено как «разговорное»; значение «усилительной частицы» плохо дифференцировано по сравнению со значением ‘совершенно, точно, в самый раз’:

а) тотчас, мигом; того и гляди:

(12) Да, вишь, какая погода: ***как раз*** собьешься с дороги. (Пушк. Кап. дочка)

(13) Пить вино опасно: ***как раз*** проболтаешься, и то скажешь, что бы никому не следовало знать. (Тург. Як. Пасынков)

[1] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3, кн. 1. С. 330.

б) совершенно, точно, в самый раз:

(14) Все это пришлось ***как раз*** под лад его душевного строя. (Тург. Вешн. воды)

(15) [Жена] пришлась ***как раз*** по мыслям молодого секретаря: была молчалива с мужем, величая его по имени и отчеству. (Гл. Усп. Отцы и дети)

Разг. В значении сказуемого: впору, в самый раз:

(16) Ботинки мне ***как раз***.

(17) — Дня через три приду. — А не рано? — Нет, ***как раз***. (Симон. Дни и ночи)

в) *в значении усилительной частицы*: именно, точно:

(18) — Городовой! — крикнул Версилов. Но кричать и не надо было: городовой ***как раз*** стоял на углу и сам слышал брань поручика. (Дост. Подросток)

(19) В селе Райбуже, ***как раз*** против церкви, стоит двухэтажный дом на каменном фундаменте и с железной крышей. (Чех. Бабы)

Реально в современном языке выражение *как раз P* имеет одно основное значение, которое может быть охарактеризовано как «случайное значимое совпадение P с некоторым Q по некоторому параметру»; это значение реализуется в форме нескольких вариантов — в зависимости от контекстных условий[2]. В частности, если идея совпадения выражена, кроме того, другими средствами — *вовремя*, *подходит*, *пришлось* (*по ноге*, *по вкусу*, *по силам*, *по мне* и т. п. — ср. примеры (14), (15)), то *как раз* выполняет чисто «усилительную» функцию: усугубляет эту идею совпадения, что передается в словарях обозначением «именно, точно». В абсолютивном употреблении *как раз*, приобретая функцию предиката, наоборот, полностью берет на себя значение совпадения (обнаружившейся реальности с некоторым заранее фиксированным значением соответствующего параметра), ср.: *Эти ботинки мне* ***как раз***; *Не рано? — Нет,* ***как раз*** (ср. примеры (16), (17)).

При сочетании с предикатом произвольной семантики при помощи *как раз* говорящий обозначает важность совпадения некоторых двух обстоятельств, ср. пример (18), а также:

(20) Но вскоре мужчина обнаружил, что заблудился, и притормозил у патрульной машины, *в которую* ***как раз*** *садились два офицера полиции*, чтобы спросить

[2] В [Пайар 1998] для слова *как раз* рассматривается 9 контекстных вариантов реализации единого сценария-схемы, обусловленных различным соотношением значимости смысловых компонентов «случайности» и «пересечения» (совпадения).

дорогу. [Виновник ДТП спросил у полиции, как скрыться (2004) // РИА «Новости», 2004.09.10]

(21) С востока, когда мы вышли в открытое поле, горизонт чернел от движущихся в нашу сторону лошадей. И это было странное, тревожное зрелище. Тогда ***как раз*** *у нас были сильно испорчены отношения с Китаем.* Казалось, тысячи и тысячи всадников мчатся на Россию. [Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980–1990)]

Совпадение, описываемое *как раз*, является случайным[3] (в анализе, предложенном в [Пайар 1998], признак случайности является доминирующим). О наличии этого признака свидетельствует, в частности, следующий пример, где употребленное героиней выражение *как раз* звучит откровенно фальшиво, поскольку в данном случае встреча случайной не была:

(22) Утром, нарядная и веселая, Тина подкараулила Валю у входа в дом. — Валечка! Как кстати! *А я* ***как раз*** *к вам*! Я с дачи и опять на дачу! Мирра Мироновна просила передать мужу записку и привезти ответ. [Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)]

Будучи значимым, совпадение может быть, так сказать, «удачным» и «неудачным». В словаре [Ожегов, Шведова 1998], в котором единственное не устаревшее значение *как раз* обозначено как «именно, точно», оно иллюстрируется следующими двумя (искусственными и не слишком удачными, но ясными) примерами: *Он нужен и как раз звонит*; *Не хотел его видеть, а он как раз и идет.*

Приведем другие примеры (из НКРЯ).

«Удачное» совпадение:

(23) На пятый день она вдруг выдала: — А знаешь, я замужем. Но ***как раз*** *развожусь.* Согласись, очень кстати. [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010)]

---

[3] Ср. следующий пример из параллельного французского подкорпуса НКРЯ, где *как раз* появляется в переводе с французского языка на русский, и при этом «стимулом» для появления данного слова является французское выражение *comme par hasard*, *букв.* 'как будто случайно' (о переводах *на* некоторый язык как инструменте исследования семантики слов данного языка см. [Зализняк 2015; Шмелев 2015]):

La plupart du temps, l'amour est hypocrite: les jolies filles tombent amoureuses (sincèrement, croient-elles du fond du coeur) de mecs ***comme par hasard*** pleins aux as, susceptibles de leur offrir une belle vie de luxe. [Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997–2000)] — В большинстве случаев любовь лицемерна: красивые девчонки влюбляются (они уверены, что искренне) ***как раз*** в тех типов, у кого тугой кошелек и кто способен устроить им сладкую жизнь. [Фредерик Бегбедер. 99 франков (И. Волевич, 2002)]

(24) Наш класс в пятом классе водили. Все там чуть не сдохли в очереди на морозе. [...] А я ***как раз*** *болела* — не попала, слава Богу! [Елена Исаева. Убей меня, любимая! (2002)]

«Неудачное» совпадение:

(25) Я наконец собрался сходить на эту выставку, но оказалось, что ***как раз*** *сегодня музей закрыт.*

(26) Почти уверуешь в это, примиришься, даже отвлечёшься чем-то, а тут он ***как раз*** — будто нарочно — *возьми да и помри*, словно назло вам и как бы ещё раз показывая, что сие не в вашей воле, а свершается, как и положено, с пугающей внезапностью. [Марина Палей. Поминовение (1987)]

(27) Не будет шофера с усами, который ест землянику из пакета. Не будет цветного изображения Лоллобриджиды в кабине за его спиной... А может быть, что-то останется? Всё останется, а *меня* ***как раз*** *не будет*? Останется мостовая, припадёт к иным незнакомым ботинкам. Стёкла забудут моё отражение. И в голубом красивом небе бесследно растает дымок сигареты «Памир»... [Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)]

(28) — А у меня с мужем плохо. Перед тем как его забрали в армию, у него начался роман с одной актрисой. А я ***как раз*** *была беременна...* [Вадим Сидур. Памятник современному состоянию (1973–1974)]

У *как раз* в современном языке имеется еще один тип употребления (обозначенный в [Пайар 1998] как «наоборот»), где *как раз* маркирует совпадение с некоторой заранее заданной *альтернативой* к Р. Этот тип употребления заслуживает отдельного упоминания, поскольку он имеет формальное отличие, а именно, особую акцентную характеристику: акцент на следующем слове, маркирующий значение противопоставления. В этом значении слово *как раз* часто употребляется в контексте модальных и оценочных предикатов, ср. (акцентно выделенный фрагмент обозначен курсивом с подчеркиванием; отвергаемая альтернатива выделена подчеркиванием):

Примеры из [Пайар 1998]:

(29) Мы говорили о «Живаго», «Живаго ему <u>не нравится</u>. (Мне ***как раз*** *<u>нравится</u>*↓, одному из немногих людей). (А. Найман)

(30) — Что возьмешь? Совочек возьмешь? — Нет, совок не надо. — Совок <u>не надо</u>? Совок ***как раз*** *<u>надо</u>*↓. А чем ты снег будешь ковырять? (из корпуса разговорной речи)

Примеры из НКРЯ:

(31) Ума не приложу, с чего это она вдруг раскололась. Соболевский говорит: у них свои методы... — Ну это ***как раз*** *можно*↓ *понять*... — протянула сестра. — Есть у меня на этот счет кое-какие предположения... [Вера Белоусова. По субботам не стреляю (2000)]

(32) Я очень рада, что Анете лучше. Мы с Пьером так за нее беспокоились. — Да, но, милочка, ей ***как раз*** *хуже*↓ [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

(33) Поймите, товарищи, это не я, рабочий Прошин, оказался в тупике. Я-то ***как раз*** *хорошо зарабатываю*↓ и живу прилично. Это Россия в тупике! [Денис Драгунский. Колыбельная революции // «Частный корреспондент», 2010]

(34) Тут я, признаюсь честно, повторяю чужие слова — сам я в это не вникал. Во-первых, я вообще не люблю политику, а во-вторых, у меня были основания не интересоваться его делами. Это я потом объясню. Отец ***как раз*** *политикой очень увлекался*↓, это было его второе увлечение — после женщин. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

В остальных типах употребления ударение падает либо на слово *как раз*, либо вообще отсутствует, ср. акцентно маркируемое различие значения сочетания *как раз можно* в (31) и (35):

(35) Она через пару дней звонит снова, нашла, говорит, две хорошие каюты, в одной ***как раз***↓ *можно* с ребенком разместиться. [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)]

Возвращаясь к обсуждаемой пушкинской цитате (пример (7)), можно сказать, что носитель современного русского языка усматривает в ней, очевидно, значение «неудачного совпадения» (ср. аналогичный пример (26)). Однако вовсе не очевидно, что именно оно изначально имелось в виду.

3. *Как раз* в языке пушкинской эпохи

В Словаре языка Пушкина [СЯП, IV: 916] у *как раз* различаются три типа употребления:

(а) *разом, сразу*; *того и гляди*:

(36) Ступай назад, я не шучу, ***Как раз*** нахала *проглочу.* (Руслан и Людмила)

(37) Но Салтан им не внимает И ***как раз*** их *унимает*: «Что я? царь или дитя? — Говорит он не шутя: — Нынче ж еду! (Сказка о Царе Салтане)

(38) Грустный вой Песнь русская. Известная примета! Начав за здравие, за упокой *Сведем* ***как раз.*** (Домик в Коломне)

(39) Да вишь какая погода: ***как раз*** *собьешься* с дороги. (Капитанская дочка)

(40) Мы въехали в ущелие. Драгуны говорили между собою: «Смотри, брат, держись: ***как раз*** картечью *хватят*». (Путешествие в Арзрум)

(б) *именно, точно, прямо*:

(41) А Гвидон-то злится, злится... Зажужжал он и ***как раз*** Тетке сел на левый глаз. (Сказка о Царе Салтане)

(в) *именно в этот момент*:

(42) Ленский, жмуря правый глаз, Стал также целить — но ***как раз*** Онегин выстрелил... (Евгений Онегин)

(43) Тот уж когти распустил, Клёв кровавый навострил... Но ***как раз*** стрела запела, В шею коршуна задела... (Сказка о Царе Салтане).

К какому же из этих трех значений должен быть отнесен наш пример (7) (в словарную статью, странным образом, не включенный)?

Рассмотрим подробнее значение (а). В примерах этой группы обращает на себя внимание форма презенса сов. вида (та же форма присутствует в примерах (10) и (13) выше), имеющая потенциальное значение. Эта форма употреблена во всех примерах группы (а), кроме одного — (37), где употреблена форма несов. вида в функции praesens historicum, и только в этом примере, где описывается некоторая последовательность уже осуществленных действий, *как раз* имеет чисто временно́е значение ('тотчас'). Значение 'тотчас' современным языком полностью утрачено: ср. предложение (11), которое без словарного комментария вообще не может быть понято.

Во всех остальных примерах группы (а) форма презенса сов. вида обозначает предстоящее событие, а *как раз* указывает на то, что оно совершится с большой вероятностью. Тем самым значение (а) следует разбить на два: 'тотчас' и 'с большой вероятностью'. Значение 'с большой вероятностью' заключает в себе утверждение о том, что с высокой вероятностью должно наступить некоторое неконтролируемое негативное событие — обычно (но не обязательно) как следствие некоторого другого события или обстоятельства.

Отметим, что использованная в СЯП формула *того и гляди* является наиболее близкой перифразой для этого значения. Действительно, в примерах (39), (40), (13) *как раз* даже может быть заменено на *того и гляди*. Однако значение этой дискурсивной единицы все же включает несколько более сложную семантическую конфигурацию, так что использовать ее в качестве семантического ярлыка не представляется возможным; ср. толкование, предлагаемое в [Баранов, Добровольский (ред.) 2015: 149]:

> *ТОГО И ГЛЯДИ*: Выражение опасения в связи с высокой вероятностью возникновения опасной ситуации, что требует постоянного контроля со стороны говорящего или других лиц, *осмысляемого как зрительное наблюдение*, для предотвращения самой ситуации или для защиты от ее последствий.

В СЯП к группе (а), обозначенной как «разом, сразу, того и гляди», отнесены также два примера, в которых глагол стоит в форме 1-го л. (примеры (36) и (38)). Однако в обоих этих предложениях тоже реализовано именно значение ‘с большой вероятностью’: в (36) ситуация изображена с точки зрения адресата, для которого это действие неконтролируемо; в (38) употреблена форма 1-го л. мн. числа в обобщенно-личном значении (ср. ниже), в контексте предиката, обозначающего неконтролируемое событие и тем самым допускающего оценку его вероятности (заметим, что в нашем примере (7) также употреблена форма 1-го л. мн. ч.).

В Национальном корпусе русского языка (в его основном и поэтическом корпусе) в интервале 1800–1834 имеется около 80 примеров с *как раз*. Единственную зону пересечения с современным употреблением этого слова составляет значение (б) ‘в точности’ (*как раз вовремя, как раз к обеду*), но количество таких примеров незначительно. Наибольшую долю составляют значения:

— ‘с большой вероятностью’:

(44) Игра честей в большом ходу, В нее играть не всем здорово: Играя на честное слово, ***Как раз*** наскочишь на беду. [П. А. Вяземский. Выдержка (1827)]

(45) Их слушай, а сам молчи, а не то ***как раз*** свалят свою вину на беззащитного. [Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830)]

(46) Я велел для тебя выездить чалого донца, знаешь, что в карсте под рукой ходит? — Ох, боек, отец мой! Не по мне: ***как раз*** слечу наземь! [М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)]

(47) Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты. На площади, где человека три Сойдутся, — глядь — лазутчик уж и вьется, А государь досужною порою

Доносчиков допрашивает сам. ***Как раз*** беда; так лучше уж молчать. [А. С. Пушкин. Борис Годунов (1824–1825)]

(48) Тебя до места, друг убогий, Достоинство не довезет; Наедет случай — и с дороги ***Как раз*** в ухаб тебя столкнет. [П. А. Вяземский. Ухаб (1818.02.00)]

— ‘тотчас’:

(49) Никак нет-с, он дома, я его ***как раз*** *кликну*. [А. С. Грибоедов. Студент (1817)]

(50) Спальник тут с полатей скок — И со всех обеих ног Во дворец к царю пустился И ***как раз*** к нему *явился* [П. П. Ершов. Конек-горбунок (1834–1851)]

Есть примеры, где одновременно присутствуют оба эти смысла — ‘с большой вероятностью’ и ‘тотчас’, ср.:

(51) Женись лишь только — и ***как раз*** Родятся ревность, подозренье. [А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом (1823)]

В рассматриваемой связи особенно интересен следующий пример данного класса:

(52) Так человек иной на вышине стоит, Гордится — и глядишь: ***как раз*** наниз слетит. [А. Е. Измайлов. Лестница (1815.07.19)]

В контексте прош. времени встречается также употребление *как раз* в значении ‘действительно <имеет место>’[4]: если в предложениях с формой презенса сов. вида высказывается общее суждение о высокой вероятности наступления ситуации описываемого класса (*как раз попадешь в беду*), то в предложениях с прош. временем глагола описывается единичная уже реализовавшаяся ситуация; ср.:

(53) Вот начал уже сам ходить: Пойдешь и нехотя, как палкой станут бить. Нашел в супруге он находку! Куда девалася его вся толщина! ***Как раз*** *избавила* его от ней жена — Простыми средствами — и вогнала в чахотку: Осталась через год лишь тень его одна! [А. Е. Измайлов. Купец Брюханов (1818)]

Все перечисленные значения современным языком утрачены.

Значение ‘с большой вероятностью’ сохраняется у *как раз* на протяжении всего XIX в., ср.:

---

[4] Ср. следующий пример из параллельного французского подкорпуса НКРЯ: Обманули, это *как раз*. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — On a abusé, *c'est bien cela*. [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]

(54) Вишь, как смотрит? ***Как раз*** *спишет* кого-нибудь, ведь у него перо пребойкое. [И. И. Панаев. Прекрасный человек (1840)]

(55) «Нет, — думает он, — уеду, завтра же уеду — ну ее, эту Москву: тут ***как раз*** *и женят и ограбят*!..» [Николай Скавронский (А. С. Ушаков). Очерки Москвы (1860–1865)]

Особенно характерно оно для формы 2-го л. презенса сов. вида в обобщенно-личном значении, когда речь идет о неконтролируемом собственном действии или его последствии[5], ср. (13), а также:

(56) Будет тебе врать, Акинтич... ***Как раз*** *подавишься.* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. В глуши (1896)]

(57) — Да, брат, на этот счет отложи попечение: хоть бы тебя и выпустили отсюда, на сцену тебя, во всяком случае, не пустят: ***как раз*** *выкинешь* опять сумасшедшее коленце. [В. П. Авенариус. Гоголь-гимназист (1897)]

(58) — Да, это в некотором роде... Иначе ***как раз*** *прослывешь* тайным сочувствователем. Убежденного писателя он положительно избегает. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886–1887)]

(59) Поэтому я страшно боюсь февральского вероломства; не знаешь, как одеться, выходя пешком из дому; в шубе на солнце ***как раз*** *вспотеешь* [Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881)]

(60) Ах, я чувствую, человеку нужно несчастье, или бедность, или болезнь. А то ***как раз*** *зазнаешься.* ... [И. С. Тургенев. Накануне (1859)]

Для современного языка это значение является безусловно устаревшим, хотя в литературе XX в. такие примеры (исключительно в контексте формы 2-го л. презенса сов. вида) изредка встречаются, ср.:

(61) Оберут, разденут, и фюить, ищи ветра в поле. — А фонари как слабо светят. Не зря синяки фонарями зовут. ***Как раз*** *нашибешь.* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

(62) А сегодня попробуй пророчествовать — ***как раз*** *сядешь в лужу*, если не отнесешь свои предсказания куда-нибудь подальше во времени, чтобы о них успели позабыть. [Б. Б. Вахтин. Из китайского дневника (1966–1967)]

---

[5] *Как раз* в этом типе употребления принадлежит к богатому арсеналу средств выражения неполного контроля над собственными действиями [Зализняк, Левонтина 1996] — ср. в особенности примеры (57) и (60).

Итак, диахронически исходной точкой, в соответствии с внутренней формой, является значение ‘одновременно, в тот же момент’, которое послужило источником (ныне утраченных) производных значений ‘сразу после <другого события>’, ‘сразу после <момента речи>’, ‘с большой вероятностью’ (о чем-то неожиданном и негативном), а также актуальных на сегодня значений ‘случайного совпадения’ (по какому-то параметру; «удачного» или «неудачного») и значения ‘иначе, наоборот’ (= совпадение с альтернативой ожидаемого, см. примеры (29)–(34)).

Заметим, что семантический переход ‘одновременно’ → ‘сразу после’ представлен в форме синхронной полисемии также в слове *сразу*, ср. *Перестаньте говорить все сразу* (= ‘одновременно’) и *Он сразу согласился* (= ‘непосредственно после <чего-то>’), а также диахронически в слове *тотчас*. Переход ‘одновременно’ → ‘иначе’ также имеет типологический аналог: слова *одновременно, в то же время, между тем, тем временем, при этом*, франц. *en même temps* и др. приобретают противительное значение (ср. [Traugott, König 1991]). То же верно для выражений, исходно обозначающих пространственную смежность: *вместе с тем, наряду с этим*.

Итак, что же значит *как раз* в знаменитой пушкинской строке?

Значения «неудачного совпадения», которое скорее всего усматривает в нем современный читатель, здесь безусловно нет: его, как мы убедились, вообще не было в пушкинскую эпоху. Очевидно, здесь представлено ныне утраченное значение высокой вероятности наступления неожиданного негативного события — то же, что в употреблениях типа не *то как раз удерет*; *как раз в ухаб тебя столкнет*; *тут как раз и женят и ограбят*; *в шубе на солнце как раз вспотеешь* и т. п. (ср. примеры (10), (44)–(62)). В пушкинской строке обращает на себя внимание также следующее обстоятельство. Слово *как раз* выделено двойным тире, за счет чего заключенная в нем смысловая конфигурация приобретает значимость самостоятельной предикации. Кроме того, оно появляется в контексте слова *глядь*[6] (ср. *глядишь* в примере (52), а также перифразу *того и гляди* для значения (а) в СЯП), что привносит идею «внезапности обнаружения» вводимого *как раз* события, — из которой впоследствии могло возникнуть современное значение «неудачного совпадения».

[6] Согласно МАС (I, 319) — междометие в значении сказуемого; употребляется для выражения внезапности, неожиданности обнаружения или наступления чего-л.

Глава 7

Анна А. Зализняк

И все-таки она вертится

В книге Карла Проффера «Без купюр» есть такой фрагмент:

> В прошлый мой приезд произошел странный случай, связанный с этими двумя женщинами. Эллендея и я пришли к Н. М. [Н. Я. Мандельштам] и разговаривали о литературе. Н. М. знала, что у нас несколько друзей живут на Красноармейской улице и что рядом живет Эмма Герштейн. Единственно этим я могу объяснить неожиданную реплику Н. М., когда мы стояли в ее маленькой передней, уже готовясь уходить: «И все-таки Эмма сожгла стихи». И мы ушли. Потом выяснилось, что это относилось к эпизоду из «Второй книги», где говорится, что Эмма в испуге сожгла листок со стихотворением. По чистому совпадению, через несколько дней общая подруга представила меня Эмме Герштейн и оставила нас вдвоем. После часа ученой беседы о Лермонтове я встал, чтобы уйти, и, когда стоял в передней, она вдруг сказала: «И я никогда не жгла никаких стихотворений». В моей жизни это самое близкое к тому, что можно назвать парапсихологическим явлением.

В совпадении, так поразившем Карла Проффера, на самом деле нет ничего сверхъестественного: описываемые события происходили в момент, когда вся литературная Москва бурно обсуждала «Вторую книгу» Н. Я. Мандельштам, подвергая сомнению справедливость содержащихся там обвинений в адрес различных упоминаемых в ней лиц. Ничего удивительного, что каждой из двух женщин было очень важно высказать «свою правду» симпатичному американскому слависту, влюбленному в русскую литературу и знакомому с главными персонажами литературной Москвы — пусть и без всякой связи с содержанием остальной беседы. Удивительно в этом пассаже другое: что Надежда Мандельштам, обвинившая Эмму Герштейн в неблаговидном поступке, для утверждения своей правды употребила выражение *и все-таки*, а Эмма Герштейн, для утверждения своей, ограничилась простым отрицательным предложением с союзом *и*. При этом, учитывая весь тот расклад, который

имел место, поменяться способами выражения одной и той же мысли ‘я говорю правду, а мой оппонент лжет’ они бы не могли[1].

В статье [Зализняк, Падучева 2018] был предложен следующий состав семантических компонентов высказываний, содержащих выражение *все-таки P*:

(i) мнение W;
(ii) мнение не-W;
(iii) аргумент в пользу мнения W;
(iv) аргумент в пользу мнения не-W;
(v) факт, подтверждающий мнение W.

Характеризуя значение слова *все-таки* в целом, необходимо сказать следующее. Компонент (i) присутствует в значении предложения с *все-таки* двояким образом: как исходное (фоновое) мнение и как утверждаемое мнение; собственно, главную «пружину» значения обсуждаемого слова составляет апелляция к этому исходному мнению, которое оказывается победившим. Компонент (ii) также присутствует обязательно; он может быть выражен в том же предложении (вне сферы действия *все-таки*), но может и оставаться невыраженным. Об ингерентном статусе компонента «мнение не-W» в семантике слова *все-таки* ярко свидетельствует следующий пример (из романа Э. Ферранте «История нового имени»):

> До этого о Лиле не было сказано ни слова, и вдруг он заявил — как будто мы только ее и обсуждали: «И все-таки во всем квартале нет матери лучше Лины».
>
> Это «все-таки» мне совсем не понравилось. Я никогда не замечала в Энцо особой чуткости, но тут поняла, что, шагая рядом со мной, он *услышал* — именно услышал — то, что я не собиралась говорить вслух. Наверное, мое тело помимо моей воли перечислило длинный список недостатков, которые я приписывала нашей общей подруге[2].

Компонент (iv) может быть выражен в том же предложении внутри составляющей, вводимой союзом *хотя* или *несмотря на*, но он может и отсутствовать.

---

[1] То, насколько точно переданы «реальные» слова, произнесенные героинями, в обратном переводе с английского языка, не имеет значения для нашей проблемы: предметом анализа служит имеющийся в нашем распоряжении текст на (правильном) русском языке.

[2] Слово *все-таки* в русском переводе появилось здесь на месте итальянского *comunque*. По результатам проведенного в [Bonnola 2017] сопоставительного корпусного исследования, для *comunque* в «противительном» значении перевод *все-таки* является наиболее частотным.

Компоненты (iii) и (v) находятся в дополнительном распределении (выбор детерминирован семантикой пропозиции P — а именно, тем, выражает она мнение или факт).

В [Зализняк, Падучева 2018] было выделено три типа употребления — в зависимости от того, какому из перечисленных компонентов соответствует вводимый словом *все-таки* фрагмент текста P. А именно:

1. P представляет компонент (v) 'факт, подтверждающий мнение W',
2. P представляет компонент (i) 'мнение W',
3. P представляет компонент (iii) 'аргумент в пользу мнения W'.

Тип 1. *Все-таки P*: фрагмент P соответствует компоненту (v) «факт, подтверждающий мнение W». В том же предложении может быть отражено содержание компонента (iv) «аргумент в пользу мнения не-W»[3]. В предлагаемых экспликациях номера тех смысловых компонентов, которые отражены в поверхностной структуре анализируемого предложения, выделены полужирным шрифтом.

(1) (*А*) *все-таки* я успел до перерыва (P = 'я успел до перерыва'):

(i) мнение W: 'я думал, что успею' является здесь фоновым (это условие осмысленности данного предложения);

(ii) мнение не-W: '(по каким-то причинам) я или кто-то другой думал, что не успею';

(iii) отсутствует; содержание компонента (iv) здесь неизвестно (ср. «по каким-то причинам» выше);

(**v**), факт, подтверждающий мнение W: 'я успел'.

(2) (Хотя) лил дождь, но мы *все-таки* пошли гулять (P = 'мы пошли гулять'):

(i) мнение W: 'мы думали, что пойдем гулять', как и в предыдущем случае, является фоновым;

(ii) мнение не-W: 'кто-то мог подумать, что мы не пойдем гулять';

(**iv**) аргумент в пользу мнения не-W: '[потому что] лил дождь (а под дождем люди обычно не гуляют)';

(**v**) факт, подтверждающий мнение W: 'мы пошли гулять'.

[3] Этот случай приблизительно соответствует значению, которое в [Апресян В. Ю. 2015] названо «уступительным», или *все-таки 1*, и иллюстрируется примерами (1)–(3).

(3) Детский центр *все-таки* закрыли, несмотря на многочисленные протесты:

(i) мнение W: ‘предполагалось, что детский центр закроют’;

(ii) мнение не-W: ‘можно было думать, что не закроют’;

(**iv**) аргумент в пользу мнения не-W: ‘[потому что] были многочисленные протесты’;

(**v**) факт, подтверждающий мнение W: ‘детский центр закрыли’.

Как справедливо замечено в [Апресян В. Ю. 2015: 258], для *все-таки* в данном значении характерно употребление в контексте союзов *а*, *но*, а также при наличии в предложении составляющей, вводимой словами *хотя*, *несмотря на* (ср. примеры (2), (3), (7), (8)). Представляется, однако, что именно наличие такого контекста способствует профилированию значения уступительности, реально составляющего лишь фрагмент концептуальной конфигурации, заключенной в слове *все-таки*, наиболее существенная специфика которой состоит в противостоянии двух мнений и победе «исходного» мнения над его отрицанием.

Другие примеры данного типа употребления (из НКРЯ):

(4) Сердце билось так, что мешало вслушиваться, и *все-таки* я расслышал: дверь подъезда внизу медленно приотворилась и не затворялась мгновений пять... [Венедикт Ерофеев. Москва — Петушки (1970)]

(i)‘я хотел расслышать (= думал, что расслышу)’; (ii) ‘можно было подумать, что не расслышу’; (**iv**) ‘[потому что] сердце билось так, что мешало вслушиваться’; (**v**) ‘я расслышал’.

(5) Он очень медленно собирался с мыслями, но *всё-таки* собирался[4]. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)]

(i) ‘он соберется с мыслями’; (ii) ‘он не соберется с мыслями’; (**iv**) ‘[потому что] он очень медленно это делает’; (**v**) ‘он собрался с мыслями’.

(6) Фердинанд и его приятель, неуязвимые пройдохи, саламандры судьбы, василиски счастья, отделались местным и временным повреждением чешуи, тогда как Нина, несмотря на свое давнее, преданное подражание им, оказалась *все-таки* смертной. [В. В. Набоков. Весна в Фиальте (1938)]

(i) ‘Нина (как и все люди) смертна’; (ii) ‘Нина бессмертна’ (**iv**) ‘[потому что] Нина — такая же, как Фердинанд и ее приятели, которые остались живы’; (**v**) ‘Нина умерла’[5].

---

[4] Во втором вхождении форма несов. вида *собирался* обозначает повторяющееся событие ‘собрался’.

[5] Уточненный анализ данного примера будет приведен ниже.

(7) <...> *хотя* стекло в окне замерзло и заиндевело, *всё-таки* в нём осталось отверстие, через которое бумажный король мог видеть, что делалось кругом. [Л. А. Чарская. Король с раскрашенной картинки (1912)]

(8) *Несмотря на* сутолоку, мы *всё-таки* улучили часика два для не формального общения. [Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)]

Тип 2. *Все-таки P*: актант P соответствует компоненту (i) «мнение W». Здесь вводимая словом *все-таки* пропозиция P представляет собой именно **мнение** — то, которое в более или менее явной форме имелось ранее и в момент речи утверждается как «победившее».

Сюда относятся, в частности, примеры, реализующие значение *все-таки 3* по [Апресян В. Ю. 2015], где оно толкуется как 'Говорящий сообщает, что имеет место ситуация A1, как бы возвращаясь к разговору об A1 или возражая кому-то, кто утверждал, что не-A1' и иллюстрируется примерами: *Какие все-таки в Москве высокие цены! Она все-таки абсолютно непредсказуема*; *Это все-таки незаменимое средство*; *Все-таки десять часов в самолете — это очень долго.*

Ср. аналогичные примеры из НКРЯ:

(9) — *Всё-таки* все они сволочи, — разрешала себе Ирина. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]

(10) И *всё-таки* неожиданно кончилась война! Раз — и кончилась. [И. Грекова. Перелом (1987)]

(11) — Нет, ты *всё-таки* дура. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]

Структура значения *все-таки* здесь сведена к минимуму: Во всех этих случаях говорящий высказывает свое личное оценочное мнение по какому-то вопросу; *все-таки* маркирует то обстоятельство, что это мнение было у говорящего и раньше, при этом говорящему известно, что у кого-то может быть другое мнение по этому вопросу (или же говорящий в прошлом сам испытал определенные колебания).

Тип 3. *Все-таки P*: фрагмент P соответствует компоненту (iii) «аргумент в пользу мнения W». Примеры из НКРЯ:

(12) Привязав лошадь у забора, он вошёл ко мне; я попотчевал его чаем, потому что хотя разбойник он, а *всё-таки* был моим кунаком. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

(i) мнение W: ‘надо напоить его чаем’; (ii) мнение не-W: ‘не надо поить его чаем’; (**iii**) аргумент в пользу мнения W ‘[потому что] он мой кунак’; (iv) аргумент в пользу мнения не-W ‘[потому что] он разбойник’.

Здесь компонент (iii) «аргумент в пользу мнения не-W» выражен предложением, вводимым союзом *хотя*. Ср. также пример на значение *все-таки 2* из [Апресян В. Ю. 2015]: *Хотя экзамен сложный, я уверен, что она сдаст на пятерку — все-таки круглая отличница.*

(13) Уговорить старика <на операцию> было нелегко, так как за свою слепоту он *всё-таки* получал какую-то небольшую пенсию. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]

(i) мнение W: ‘не надо делать операцию’; (ii) мнение не-W: ‘надо делать операцию’; (**iii**) аргумент в пользу мнения W: ‘за свою слепоту он получает пенсию (а если он сделает операцию и перестанет быть слепым, то не будет получать пенсию’).

(14) Тогда уже было видно, что это конченый человек, но я сдержался тогда. *Всё-таки* гость... [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)] = ‘Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался, *потому что* он гость’.

(i) мнение W: ‘надо сдержаться’; (ii) мнение не-W: ‘надо сказать то что думаю (= не сдержаться)’; (**iii**) аргумент в пользу мнения W ‘[потому что] он гость’.

(15) Я чуть не крикнул Фреду: «Так совершали бы подвиги!» Но сдержался. *Все-таки* я пил за его счёт. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)] = ‘Сдержался, хотя естественно было не сдержаться; сдержался, *потому что* пил за его счёт’.

(16) Надо иметь сознательность, товарищи, вы же *всё-таки* рабочий класс. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001] = ‘Вы не имеете сознательности, а надо иметь, *потому что* вы рабочий класс’.

Трактовка, предложенная в [Зализняк, Падучева 2018], требует некоторых уточнений. А именно, если тип 3 действительно хорошо идентифицируется, то между типами 1 и 2 нет принципиальной границы — поскольку во многих случаях различить мнение и факт оказывается невозможно, и это касается, в частности, центральных примеров реализации этого значения.

Что Земля вращается вокруг Солнца — это было исходное мнение Галилея (мнение W); мнение католической церкви, с которым он принужден был согласиться на допросе, учиненном инквизицией — что Земля неподвижна (мнение не-W). Фраза, которую ему приписала молва (с легкой руки итальянского

журналиста XVIII в.), отражает именно этот «трехступенчатый» сценарий этой истории: W — не-W — W.

Вопрос о том, представляет собой высказывание *Земля вращается вокруг Солнца* мнение или факт, в контексте данного обсуждения не релевантен (так же, как в случае с (не)сожженным стихотворением, с которого мы начали).

То же верно для примера (6), где *все-таки* формально вводит мнение (*все-таки оказалась смертной*): (i) 'Нина (как и все люди) смертна'; (ii) 'Нина бессмертна'; (iv) '[потому что] Нина — такая же, как Фердинанд и ее приятели, которые остались живы'.

Однако здесь мнение — это, очевидно, фигура речи (ср. тот же прием у Булгакова: *плохо, что он внезапно смертен*): на самом деле, сообщается не о торжестве мнения, а об имевшем место факте. Этот пример свидетельствует о реальном отсутствии границы между типами 1 и 2.

Вернемся теперь к пассажу из книги Карла Проффера, с которого мы начали. Надежда Мандельштам сказала «И все-таки...», желая выразить смысл (приблизительно): 'я утверждала, что Эмма Герштейн сожгла стихотворение; Эмма это отрицает, но я настаиваю, что я права'. Она предъявила обвинение, которое опровергалось, но она настаивает, что обвинение справедливо, т. е. здесь имеется трехступенчатая структура W — не-W — W, выражаемая при помощи *все-таки*. Высказывание самой Эммы Герштейн, содержащее простое отрицательное предложение, включает лишь два компонента: W (утверждение Надежды Мандельштам) и не-W — его отрицание. Союз *и* в обоих случаях привязывает высказывание к контексту обсуждения данной проблемы — в данном случае, присутствовавшему лишь в сознании говорящего, что и послужило причиной изумления автора этой истории.

Глава 8

А. Д. Шмелев

Когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии*

1. Вступительные замечания

В этой главе речь пойдет о двух взаимосвязанных явлениях: во-первых, о случаях, когда языковое выражение, содержащее показатель отрицания, означает приблизительно то же самое, что это же выражение без отрицания (*отнюдь нет* ≈ *отнюдь*; *долго не решался* ≈ *долго решался*; *жду, пока он не придет* ≈ *жду, пока он придет*), и, во-вторых, о случаях, когда одно и то же языковое выражение может означать две противоположные вещи (т. е. имеет место так называемая энантиосемия). Эти два явления непосредственно связаны между собою: действительно, отрицая одну из противоположных вещей, мы нередко утверждаем противоположную. Поэтому, скажем, с тем фактом, что слово *погода* характеризуется междиалектной энантиосемией (в одних говорах оно означает 'ненастье', а в других — 'вёдро'), непосредственно связано то, что слово *непогода* (означающее 'ненастье') синонимично слову *погода* (т. е. тому же слову без отрицания) в одном из двух «противоположных» диалектных значений.

Энантиосемия пока изучена мало, и многие примеры энантиосемии долго оставались незамеченными. Основная цель данной главы заключается в том, чтобы перечислить основные типы энантиосемии и выявить ее источники.

Энантиосемия в узком смысле слова представляет собою особый случай полисемии, когда разные значения одного и того же слова оказываются антонимичными. Поэтому говоря об энантиосемии, иногда используют выражения

---

* В данной главе развиваются положения об энантиосемии как системном явлении, впервые высказанные автором в докладах на семинаре по логическому анализу языка в Институте языкознания РАН (в декабре 1996 г.) и на Максимовских чтениях в МПГУ (в конце февраля 1997 г.) и частично отраженные в публикациях [Шмелев 2004б] и [Шмелев 2005а]. Глава основана на публикациях [Шмелев 2009] и [Shmelev 2016].

«внутрисловная антонимия» или автоантонимия. Но необходимо учитывать, что такие обозначения могут вводить в заблуждение. Антонимия в строгом смысле слова, как правило, предполагает, что два слова с «противоположными» значениями принадлежат одному языку, имеют одинаковые стилистические характеристики и сочетаемость. Иными словами, «противоположность» их значений в норме проявляется в том, что они могут появляться в одних и тех же контекстах, но при этом означают «противоположные» вещи. Но при столь строгом понимании антонимии едва ли возможно, чтобы «антонимичные» значения выражались одним и тем же словом. В самом деле, если предположить, что одно и то же слово в одних и тех же контекстах регулярно выражает разные и притом «противоположные» значения, остается совершенно непонятным, как же носители языка понимают, какое именно из «противоположных» значений имеется в виду. Поэтому энантиосемия в указанном узком смысле слова — весьма редкое явление, примеры такой энантиосемии случайны и могут казаться анекдотичными, и даже в них «антонимия» значений одного слова не является подлинной антонимией как она понимается в большинстве теорий лексической семантики[1].

В реальности, как это видно из примеров энантиосемии, приводимых в лингвистических сочинениях, она понимается существенно шире. К ней причисляются случаи, когда разные значения языкового выражения оказываются распределены по контекстам употребления. В этом случае проблема понимания не возникает: контекст употребления однозначно указывает, в каком из «противоположных» значений употреблено языковое выражение. В каком-то отношении энантиосемия в широком смысле представляет собою диахроническое явление. Так, можно говорить об энантиосемии морфем или морфемных комплексов, меньших, чем слово, когда одна и та же морфема или морфемный комплекс в составе разных слов имеет противоположные значения (*торопиться — оторопеть*, *исход дела* ‘конец’– *исходная точка* ‘начальная...’). Кроме того, об энантиосемии часто говорят, выходя за пределы одной языковой системы и привлекая данные истории языка, диалектный и жаргонный материал и даже межъязыковые сопоставления (напр., указывая, что по-чешски *čerstvy chleb* значит ‘свежий хлеб’). В этом случае «противоположные» значения языкового выражения оказываются распределены по разным подъязыкам в пределах одного языка, периодам существования языка или

[1] Так, в соответствии с подходом, развиваемым в рамках Московской семантической школы, в отношение антонимии вступают лексические единицы, толкования которых, будучи сведены к уровню элементарных смыслов, различаются отрицанием, или компонентами ‘больше’ — ‘меньше’, или компонентами ‘хороший’ — ‘плохой’ [Апресян 1995а: 104].

разным языкам (разумеется, в этих случаях об «одном и том же» языковом выражении можно говорить с некоторой долей условности; точнее говорить об этимологически тождественных языковых выражениях). Цель данной главы — показать, что, хотя типы энантиосемии могут казаться весьма разнообразными, их источники могут быть сведены к вполне регулярным и хорошо известным семантическим сдвигам.

Следует отметить, что часто энантиосемию понимают еще шире, причисляя к ней также случаи, когда в разных значениях слово соотносится с конверсивами или с разными актантами одной и той же ситуации (О. П. Ермакова [2002: 64–65] использует выражение «актантная энантиосемия»). Если происходит поляризация актантов ситуации, к которой отсылает языковое выражение, какие-то два ее участника начинают восприниматься как «противоположные», а описание ситуации с точки зрения одного из этих участников — как «противоположное» описанию этой же ситуации с точки зрения другого. Поскольку ситуация одна и та же, для ее описания может использоваться одна и та же лексическая единица (со сменой диатезы); которая тем самым может восприниматься как энантиосемичная (напр., глагол *одолжить* в конструкциях *кому* и *у кого* — ср. анекдот: *Рабинович, вы не могли бы одолжить сто рублей? — Хорошо, а у кого?*). Ср. также пример, приводимый Шарлем Балли, — французский глагол *louer*, означающий как 'сдавать в наем', так и 'брать в наем' — ср. *louer un appartement* 'сдать / снять квартиру', *louer une voiture* 'дать напрокат / арендовать автомобиль' и т. п. [Балли 1955: 191]. Кроме того, от единицы, обозначающей некоторую ситуацию, могут быть образованы обозначения «противоположных» участников этой ситуации, нередко даже при помощи одних и тех же словообразовательных средств. Напр., слово *терпимый* может обозначать как того, кто склонен терпеть (*человек, терпимый к недостаткам*), так и то, что можно терпеть (*терпимые условия*). Если соответствующие участники ситуации воспринимаются как «противоположные», возникает «актантная энантиосемия». «Актантная энантиосемия» может быть не связана с использованием словообразовательных средств. Так, французское *hote* описывает «противоположных» участников ситуации, когда один человек «гостит» у другого: оно может переводиться на русский язык и как *хозяин* (*remercier ses hotes de leur hospitalité* 'благодарить хозяев за гостеприимство'), и как *гость* (*bienvenu, vous êtes notre hôte* 'добро пожаловать, будьте нашим гостем') [Гак, Триомф 1991: 525]. Приведем еще несколько примеров, когда наличие у слова «противоположных» значений связано с поляризацией актантов. Глагол *торговать* используется для обозначения одной и той же ситуации купли-продажи, но с разных точек зрения: его основное значение в современном языке — 'заниматься продажей, отпуском товаров покупателям' (напр., *торговать хлебом*,

лесом; *торговать в лавке*). Наряду с этим, «Малый академический словарь» выделяет у него и устарелое или просторечное значение ‘собираясь купить что-л., прицениваться, сговариваться о цене’, иллюстрируемое примером из пьесы А. Н. Островского «Бешеные деньги»: *Я вспомнила, что видела одну купчиху в магазине, которая торговала кусок материи; ей жаль и много денег-то отдать, и кусок-то из рук выпустить* [МАС, 4: 385]. Таким образом, этот глагол может описывать деятельность как продавца, так и покупателя — «противоположных» участников ситуации купли-продажи. Существительное *купец* в современном языке обозначает того, кто занимается торговлей, продает; однако в «Малом академическом словаре» у этого слова выделяется также устаревшее значение ‘покупатель’; слово *должник* в современном языке обозначает того, кто взял в долг; но в языке начала XIX в. могло означать и «противоположного» участника ситуации — кредитора, т. е. того, кто дал в долг. В цитированной выше статье О. П. Ермаковой [2002] в качестве примера «актантной энантиосемии» приводится слово *отказник*: это слово имеет значения, соотносимые с «противоположными» актантами некоторой специальной ситуации, когда родители отказываются от своего ребенка: ‘родитель, который отказался от своего ребенка’ и ‘ребенок, от которого отказались родители’. По-видимому, сюда же относятся такие случаи, как «противоположность» значений английского прилагательного *arguable*, которое в зависимости от контекста может означать и ‘спорный’ (т. е. такой, против которого можно найти аргументы), и ‘доказуемый’ (т. е. такой, в защиту которого можно найти аргументы).

Можно добавить и другие примеры. Так, анлийский глагол *to confess* может значить и ‘исповедоваться; рассказывать духовному отцу о своих грехах в таинстве покаяния’, и ‘выслушивать исповедь’; соответственно, производное существительное *confessor* может обозначать как того, кто исповедуется, так и священника, выслушивающего исповедь и имеющего власть отпускать грехи. Стоит отметить, что русский глагол *исповедовать* может иметь те же значения (*исповедовать грехи* и *исповедовать кого-то*). Однако соответствующее существительное *исповедник* ‘тот, кто исповедуется’ в норме не обозначает священника, принимающего исповедь (хотя такое значение приписывается ему словарем [МАС, 1] и встречается в текстах)[2]; священник, принимающий исповедь, обычно называется *духовник*, и пара *духовник — исповедник* представляет собою пару конверсивов.

Случаи мены диатез, приводящие к тому, что слово оказывается собственным конверсивом, и случаи обозначения разных участников одной ситуации

[2] Кроме того, слово *исповедник* имеет еще значение ‘святой, прославленный за исповедание веры и часто претерпевший за веру мучение’.

одним и тем же словом встречаются довольно часто[3]. Однако, не вдаваясь в обсуждение спорного вопроса, можно ли считать конверсивы или обозначения участников одной ситуации антонимами, а «противоположность» значений одного и того же языкового выражения, связанную с поляризацией актантов, — энантиосемией, отметим, что, как бы то ни было, «поляризованные» актанты не являются отрицанием друг друга и поэтому не могут относиться к примерам «незначащего отрицания» и в дальнейшем случаи такого рода рассматриваться не будут.

Перейдем к рассмотрению причин, которые могут приводить к таким парадоксальным явлениям: «незначащему» отрицанию и энантиосемии. Подчеркнем, что для целей настоящего обзора не столь существен статус рассматриваемых явлений: действительно ли они конвенционализовались и вошли в инвентарь языковых средств или окказионально возникают в речи. Нас интересует прежде всего типологическая сторона дела, а с точки зрения типологии то, что регулярно повторяется в речи, имеет хороший шанс конвенционализоваться в каком-то языке и потому обладает типологической значимостью, не меньшей чем конвенционализованные явления. Другими словами, я буду рассматривать также окказиональные энантиосемичные употребления, которые можно рассматривать как «потенциальную» или «зачаточную» энантиосемию.

2. Давление поверхностного отрицания

На первый взгляд случайным, но типологически не таким уж редким оказывается случай, когда говорящий «путается» в отрицаниях, напр. вставляет в предложение лишнее *не*. Это может произойти, если в предложении уже есть другое (выраженное или не выраженное) отрицание. Александр Борисович Пеньковский как-то вспоминал, что когда он читал наизусть на школьном празднике стихотворение в прозе Ивана Тургенева «Русский язык», то последнее предложение прочел так: «Но нельзя *не* верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (в оригинале: *Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!*). Надобно признать, что сложная синтаксическая

[3] Поскольку использование единого обозначения для разных участников одной и той же ситуации основано на механизме метонимии, в работе [Shmelev 2016] соответствующие примеры приводились для иллюстрации метонимии как одного из источников энантиосемии.

структура этого предложения и наличие в нем уже двух отрицаний (*нельзя* и *не был дан*) прямо-таки провоцируют ошибку такого рода[4].

Замечание. В некоторых случаях подобные ошибки связаны с регулярными явлениями. Коснемся одного из таких случаев. Как известно, часто общий вопрос с отрицанием значит почти то же самое, что и такой же вопрос без отрицания (ср. вопросы у газетного киоска: *У вас нет газеты «Известия»?* и *У вас есть газета «Известия»?*), так что здесь мы также имеем дело со своего рода «незначащим» отрицанием. В то же время иногда наличие (или, наоборот, отсутствие) поверхностного отрицания оказывается обязательным: ср. *Ты не забыл ключи?* vs. *Ты сделал уроки?* В частности, в русском языке поверхностное отрицание обязательно, когда общевопросительное предложение используется в значении просьбы (*Вы не могли бы передать мне соль?* и *Вам не трудно передать мне соль?*)[5]. Интерес в связи с этим представляют вопросы, которые задаются кающемуся человеку о его грехах. Как известно, грехи можно подразделить на грехи совершения, когда человек делает то, чего делать не должно (sins of commission), и грехи упущения, когда человек не делает того, что делать должно (sins of omission); при этом часто речь идет лишь о способе концептуализации одного и того же греха (ср. *нарушать пост* и *не соблюдать пост*), и указание на грех совершения предполагает скрытое отрицание, так что «совершение» фактически оказывается «упущением» (*нарушать* и значит 'не соблюдать'). Вопросы, касающиеся возможных грехов совершения, в русском языке могут включать или не включать поверхностное отрицание (*Не нарушал ли ты постов?* или *Нарушал ли ты посты?*) и на грех указывает положительный ответ (*Да, нарушал*), а вопросы, касающиеся возможных грехов упущения, никогда не включают поверхностного отрицания (*Соблюдал ли ты посты?*), при этом на грех указывает отрицательный ответ. В английском языке речевая практика несколько иная, так что и вопросы, касающиеся возможных грехов совершения, и вопросы, касающиеся возможных грехов упущения, в норме не включают поверхностного отрицания. Ср. первые

[4] Здесь существенно еще изменение правил употребления глагольного вида при слове *нельзя*. В современном языке требуемый смысл 'невозможно' выражался бы конструкцией с глаголом совершенного вида *Нельзя поверить...*, тогда как несовершенный вид при слове *нельзя* обычно указывает на запрет, а не на невозможность.

[5] Отсутствие отрицания в побудительном высказывании, выраженном общевопросительным предложением, возможно в случае раздраженного требования: *Вы можете помолчать хоть пять минут?* В этом отношении английский язык коренным образом отличается от русского: в английском языке общевопросительное предложение в значении просьбы не должно включать отрицания (*Could you pass me the salt?*), но в случае раздраженного требования отрицание как раз уместно (*Couldn't you shut up?*).

два вопроса из раздела *Preparation for confession: self-examination* в молитвослове, выпущенном Антиохийским патриархатом для американских прихожан: *Have I believed in God the Father, the Son, and the Holy Spirit?* (на грех — упущения — будет указывать отрицательный ответ) и *Have I failed to trust in God and His mercy?* (на грех — формально грех совершения — будет указывать положительный ответ). Так же соотносятся первые два вопроса, касающиеся пятой заповеди (о почтении к родителям): *Have I respected my parents and been obedient to them?* (на грех — упущения — будет указывать отрицательный ответ) и *Have I been guilty of deception, or caused them pain by my words and actions?* (на грех — совершения — будет указывать положительный ответ). Указанная практика (все вопросы без поверхностного отрицания независимо от того, касаются ли они грехов совершения или упущения) строго выдерживается на протяжении всего указанного раздела; при этом некоторые грехи совершения фактически представляют собою грехи упущения, поскольку включают глаголы со скрытым отрицанием (*to fail, to neglect* и т. п.). Попытка объединить два вопроса в один при помощи сочинительной связи иногда приводила к тому, что составитель раздела не справлялся со скрытыми отрицаниями; ср., напр.: *Have I neglected to receive Holy Communion regularly or without a due preparation?* В обоих случаях речь идет об «упущении», концептуализуемом как «совершение», и, соответственно, в обоих случаях формулировка включает в себя скрытое отрицание (*to neglect to receive Holy Communion regularly* и *to receive Holy Communion without a due preparation*). Однако скрытое отрицание связано с разными синтаксическими позициями в этих формулировках, и потому сочинение их приводит к абсурдной формуле (*to neglect to receive Holy Communion without a due preparation*).

Однако во всех рассмотренных случаях мы имеем дело со случайными ошибками. Интерес представляют случаи, когда ошибки такого рода становятся настолько обычными, что уже не вполне ясно, остаются ли они ошибками или могут считаться языковыми конвенциями особого рода. Рассмотрим два примера.

Как известно, в английском языке есть глагол *to unpack* ‘распаковать’, образованный присоединением отрицательного «реверсативного» префикса *un-* к глаголу *to pack* ‘паковать’; соответственно, *unpacked* означает ‘распакованный’. Кроме того, слово *unpacked* можно было бы понять как образованное от причастия *packed* посредством добавления отрицательного префикса *un-*; в этом случае смысл был бы ‘незапакованный’. Однако наличие отрицательного префикса регулярно приводит к тому, что, когда говорящему необходимо выразить смысл ‘нераспакованный’, он использует то же самое слово *unpacked*, которое, таким образом, может означать и ‘распакованный’ (буквальное значение), и ‘нераспакованный’ (на это мое внимание обратила Барбара Холл

Парти). Пуристами такое употребление иногда оценивается как ошибочное, но оно весьма часто встречается в речи носителей языка, строго следующих предписаниям литературной нормы. Приведу пример дискуссии по поводу этого выражения.

Дж. Нанберг, известный лингвист из Стэнфордского университета, поместил 16 мая 2005 г. на сайте *Language Log*[6] историю, в которой рассказал, как Дэн Менакер, который работал проверяльщиком в журнале *New Yorker*, обнаружил в одном из рассказов предложение, которое прошло мимо глаз трех других редакторов. Предложение гласило: *They had only just moved in; their boxes lay on the kitchen floor, still unpacked.* Дж. Нанберг комментировал это следующим образом: «What the writer meant to say, of course, was "not yet unpacked", or more accurately if less grammatically, "still ununpacked". But most people take a moment to realize that the sentence doesn't actually mean that». Дальше он восклицал: «And indeed, if Menaker hadn't spotted the mistake, it would have made it into the pages of the *New Yorker*». Марк Либерман охарактеризовал это употребление как «insidious overnegation», при этом отметив, что такое употребление является весьма обычным (в сообщении, размещенном на том же сайте на следующий день[7]), он указал, что поиск при помощи системы Google дал 785 примеров употребления выражения *still unpacked* и, более того, встречаются многочисленные примеры, когда слово *unpacked* (даже без сопровождения *still*) значит 'нераспакованный', напр.:

> Amid the clutter and *unpacked* boxes, Charlotte schleps her laptop around the house, trying to get a grip on the erotic novel she's working on.

Особенно эффектны примеры, когда в пределах одного предложения *unpacked* означает и 'нераспакованный', и 'распакованный':

> Are you the kind of person who puts *unpacked* boxes in the basement of your new home to be *unpacked* at a later date (5 years later!)?

> I finally got fed up that our office is a labyrinth of *unpacked* boxes from when we moved like five months ago, so to make a point, I hid the computer chair and stacked a bunch of boxes in front of the computer, so that we can't do anything on the computer until the boxes are *unpacked.*

В свою очередь Дж. Шейдлоуэр, полномочный редактор Оксфордского словаря английского языка, указал, что примеры, в которых *unpacked* означает

[6] http://itre.cis.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/002164.html

[7] http://158.130.17.5/~myl/languagelog/archives/002169.html

‘нераспакованный’, в значительном количестве встречаются у известных авторов и не должны считаться ошибкой. Более того, в самом Оксфордском словаре среди значений слова *unpacked* приведено и такое: ‘not taken out of a pack or parcel’, иллюстрируемое примером из текста 1721 г.: *Loads of ill Pictures, and worse Books..., lye unpacked and unthought of when they come into the Country.* Впрочем, как оказалось, многие носители языка, даже те, кто сам употребил это выражение, все же считают это ошибкой и, когда им на нее указывают, поправляются. Любопытно, кстати, что после опроса информантов Дж. Нанберг признал, что такое употребление может считаться законным, и назвал его «автоантонимией»[8], отметив, что это не единственный случай «автоантонимии» («Sanctioning something can mean either permitting it or setting penalties for it; renting an apartment can mean either being a tenant or being a landlord; and there are other examples»). Там же он указал на то, что идиоматическое выражение *couldn't care less* эквивалентно тому же выражению без отрицания (*could care less*); впрочем, легко видеть, что приведенные им примеры энантиосемичных выражений не связаны с давлением поверхностного отрицания, а имеют другой источник. (Ср. также популярное изложение этой дискуссии в колонке Яна Фримана в газете «Бостон глоб» от 25 мая 2005 г.)

Дж. Нанберг связал такое употребление слова *unpacked* с гаплологией, с желанием избежать повтора сегмента *un* (*ununpacked* → *unpacked*). «Правильная» форма, *ununpacked*, включала бы два разных префикса *un*: первый выражал бы отрицание, а второй (*un-* в *un-packed*) был бы реверсативным *un-*; будучи причастием прошедшего времени, *unpacked* могло бы присоединить отрицание *un-* в качестве префикса, в результате чего должно было бы получиться **ununpacked*, которое означало бы ‘нераспакованный (not unpacked)’. Как хорошо известно, носители языка не любят такого дублирования морфем, даже если это на самом деле две разные (хотя и омонимичные) морфемы.

Однако остается вопрос: почему же говорящие не замечают, что в таких контекстах *unpacked* значит не ‘распакованный’, а, наоборот, ‘нераспакованный’ (ведь они могли бы использовать парафраз *not unpacked* без всякой гаплологии). Думается, причина здесь не сводится к гаплологии, она несколько иная, хотя и близкая. Требуется выразить смысл ‘не распакованный’, включающий в себя отрицание действия, связанного с упаковкой, — и говорящий использует слово, включающее как отрицательную морфему *un*, так и морфему, указывающую на упаковку, — *pack*. То, что на самом деле речь должна идти о действии, противоположном действию ‘паковать’, остается незамеченным.

[8] http://itre.cis.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/002212.html

Сходный механизм привел к появлению и широкому распространению использования глагола *разморозить* в таких сочетаниях, как *разморозить систему отопления*, в которых оно парадоксальным образом означает ‘вывести из строя отопление, так что температура падает до критического уровня и система замерзает’ (т. е. скорее *заморозить*). Приведем лишь несколько примеров из Интернета:

размороженный, обезвоженный и обесточенный во время холодов город Щелкино (http://www.kalitva.ru/2006/02/24/6511.html)

Разморожены котельная, более 1,5 км теплотрассы, системы внутреннего отопления в 7 домах. Без тепла остались 105 человек, в том числе 20 детей. (http://www.federalpost.ru/moroz/issue_5564.html)

Если нет опасности *размораживания* системы отопления вследствие прекращения работы котла (из-за перебоев в подаче электроэнергии, из-за падения давления газа или по другим причинам), то систему можно заполнить водой (лучше дистиллированной). ...Если *размораживание* системы возможно, то стоит рассмотреть вариант с применением антифриза. (http://www.topdom.info/sprorg1217.php)

...в ночь с 4 декабря на 5 декабря в 21 час резко упала температура в трубах отопления, которая была и так очень низкая, и началось *размораживание* стояков отопления и батарей с конвекторами. (http://risk-inform.ru/text/2006/06/shagonar06.html)

При температуре минус 35 градусов в поселке Мархa, примыкающем к городу Якутску, из-за аварии оказались *размороженными* 25 жилых домов. ... Сегодня восстановлено теплоснабжение в восьми домах, ведется замена *размороженных* труб и радиаторов на остальном жилье поселка Мархи. (http://www.radiomayak.ru/doc.html?id=54415&cid=)

Представляется, что причина такого употребления заключается в том, что говорящий стремится одновременно выразить смысл ‘вывести из строя’ (при помощи приставки *раз-*) и смысл ‘низкая температура, замерзание’ (при помощи корня *мороз*). При этом он пренебрегает тем, что словарное значение глагола *разморозить* противоположно: ‘путем нагревания дать возможность оттаять чему-л. замороженному’ [МАС, 3].

3. «Подразумеваемое» отрицание

Как известно, некоторые слова и выражения употребляются преимущественно или исключительно в контексте отрицания. Поэтому эти слова уже сами по себе

наводят на мысль об отрицании, так что эксплицитно выражать отрицание как будто и не обязательно, поэтому в некоторых случаях оно пропускается. Так устроено, напр., русское слово *отнюдь*. В соответствии с нормами литературной речи оно употребляется перед отрицанием (*отнюдь не* или *отнюдь нет*), «усиливая» его. В то же время широко распространилось употребление одиночного *отнюдь* в качестве отрицательного ответа на общий вопрос: *Вы любите сыр? — Отнюдь*. Это употребление вызывало возражения у поборников чистоты русской речи; ср. раздраженное замечание Ивана Бунина:

> Распад, разрушение слова, его сокровенного смысла, звука и веса идет в литературе уже давно.
>
> — Вы домой? — говорю как-то писателю Осиповичу, прощаясь с ним на улице. Он отвечает:
>
> — Отнюдь!
>
> Как я ему растолкую, что так по-русски не говорят?
>
> Не понимает, не чует:
>
> — А как же надо сказать? По-вашему, отнюдь нет? Но какая разница?
>
> Разницы он не понимает. Ему, конечно, простительно, он одессит. Простительно еще и потому, что в конце концов он скромно сознается в этом и обещает запомнить, что надо говорить «отнюдь нет».

Однако такое употребление одиночного слова *отнюдь* (в котором оно фактически означает то же самое, что *отнюдь нет*) встречалось еще у Достоевского (в «Идиоте»):

> «...известная особа сейчас дала знать, что желала бы очень с вами секретное свидание иметь». — «Для чего же секретное? Отнюдь. Я у ней буду сам, хоть сегодня».

В дальнейшем оно распространилось, и широко используется в литературе. Ср.:

> Баронесса. Хватит! Вы издеваетесь! Бургомистр. Отнюдь. Я просто хочу объективно разобраться. [Григорий Горин]

Более того, оно встречается даже у признанных стилистов, напр.:

> «Это, значит, не воск?» — спросил Драйер. Изобретатель поднял палец: «Отнюдь. Вот это один из секретов. Упругое, эластичное вещество, окрашенное в розоватый или желтоватый цвет, — по выбору». [Владимир Набоков]

Когда такое употребление конвенционализуется, мы имеем дело с «циклом Есперсена» [Dahl 1979], когда слово, усиливающее отрицание и тем самым употреблявшееся преимущественно или исключительно в контексте отрицания,

само приобретает отрицательное значение. Именно «цикл Есперсена» привел к тому, что во французском языке отрицательные значения слов *personne*, *rien*, *plus*, *jamais* конвенционализовались и стали словарными значениями. В результате возникла энантиосемия, когда, напр., слово *jamais* означает 'никогда', а выражение *à jamais* — 'навсегда'. Иногда эта энантиосемия даже не устраняется контекстом. Так, изолированное выражение *plus de sucre* может означать и 'больше сахара' (напр., в названии музыкального альбома, о котором одна женщина-критик отозвалась так: «*Plus de sucre* pour adoucir la mise à nu volontaire de "Jean-Philippe" Nataf en chanteur désenchanté»), и 'больше нет сахара' (в рекламе диетического продукта).

4. Отрицание при «минимизаторах»

П. Постал в «Скептических лингвистических очерках»[9] в пятой главе, посвященной памяти Джеймса Макколи, описал парадоксальное поведение английских «вульгарных минимизаторов» (таких слов, как *squat*). Предложения с этими словами обозначают одно и то же и при наличии, и при отсутствии отрицания: и предложение *Eddie knows* ***squat*** *about phrenology*, и предложение *Eddie doesn't know* ***squat*** *about phrenology* предполагают, что Эдди ничего не знает о френологии. Семантический механизм, порождающий этот парадоксальный эффект, вполне очевиден: рассматриваемые слова и выражения указывает на пренебрежимо малое количество, эквивалентное нулю; в контексте отрицания речь идет о том, что нет даже этого малого количества, что опять-таки эквивалентно нулю.

Сходным (хотя и не полностью тождественным) образом обстоят дела с «вульгарными минимизаторами» в русском языке: в целом ряде контекстов при употреблении таких «минимизаторов» обнаруживается синонимия предложений с отрицанием и без отрицания (если пренебречь малозаметным сдвигом семантического акцента). Возьмем следующие примеры из Национального корпуса русского языка:

> И *хрен*-то поменяется в этой стране, пока они будут орать со своих трибун про поддержку отечественного, а сами будут сажать своих любовниц и сатрапов на дорогие иномарки. [Письмо месяца // «Автопилот», 2002.12.15]

> И ведь, *хрен* остановишь гада... [Николай Рубан. Тельняшка для киборга // «Боевое искусство планеты», 2003]

[9] http://www.nyu.edu/gsas/dept/lingu/people/faculty/postal/papers/skeptical/

Хрен возразишь. [Сергей Эйгенсон. Искусство и жизнь // «Лебедь» (Бостон), 2003.05.26]

Хрен вам теперь чего выгорит! Института им захотелось. Перебьетесь! — перекосив рот, проорал Жукович. [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

Добавив в них отрицания, получаем: *Ни хрена-то не поменяется в этой стране...*; *Ни хрена не остановишь гада*; *Ни хрена не возразишь*; *Ни хрена вам теперь не выгорит!* — смысл практически не меняется.

Аналогичный механизм объясняет тот любопытный факт, что высказывания *Плевать я хотел!* и *Плевать я не захочу!* выражают одно и то же пренебрежительное отношение к объекту речи. Ср.:

Я на твой примус *плевать хотел.* [Вениамин Каверин]

Да *плевать я хотел* на этого Плеваку! [Юрий Домбровский]

Скажешь мне: «Прости!» — а *я плевать не захочу*! [Владимир Высоцкий]

Сто лет буду солдаткой, а на таких, как ты, *плевать не захочу* — противно. [Чингиз Айтматов]

Эффект отрицания при «минимизаторах» имеет почти ту же природу, что и первый этап «цикла Есперсена»: слова, усиливающие отрицание, начинают ощущаться как выражающие отрицание сами по себе, после чего они начинают употребляться без дополнительного показателя отрицания. Однако они остаются эмфатическими и стилистически окрашенными и потому не могут ощущаться как требующие усиления, так что не возникает никакого цикла.

5. «Конвенционализация прагматических эффектов»

5.1. Конвенционализация речевых импликатур

Для целого ряда единиц на основе конвенционализации речевых импликатур развиваются значения, антонимичные исходным значениям. Их возникновение подчиняется общей закономерности, сформулированной Е. С. Яковлевой: «...модализация слова способствует развитию у него значения, антонимичного исходному, прототипическому» [Яковлева 1994: 263]. Так, слово *буквально* в «модальном» значении является показателем гиперболы (ср. *Ты буквально оглушил меня этой новостью*) и тем самым представляет собою своего рода

сигнал адресату речи: «Не понимай меня буквально!» (тем самым высказывание подразумевает отрицание собственного буквального смысла). Можно заметить, что в «буквальном» значении слово *буквально* несет на себе ударение, тогда как при его употреблении в «модальном» значении под ударением оказывается сочетающееся с ним выражение[10].

Источник энантиосемии может быть представлен следующим образом. Используя слово *буквально* в «буквальном» смысле, говорящий как бы заявляет: «Я хочу сказать именно то, что говорю». Но на самом деле это и так вытекает из принципа кооперации, и нет необходимости на этом настаивать. Если говорящий подчеркивает, что он хочет сказать именно то, что говорит (выделяя слово *буквально*), то это означает, что соседнее выражение могло бы быть понято и фигурально (и фигуральное осмысление даже могло бы казаться более вероятным), а говорящий настаивает именно на «буквальном» осмыслении. Напротив того, если под ударением оказывается соседнее выражение, в фокус попадает выбор слов: слово *буквально* указывает на то, что соседнее фигуральное выражение хорошо подходит для описания ситуации. Однако и так понятно, что используемое выражение должно подходить для описания ситуации (это опять-таки вытекает из принципа кооперативности); тем самым использование слова *буквально* предполагает, что говорящий хочет сказать не только то, что данное выражение подходит для описания ситуации, но и то, что оно представляет собою наиболее адекватный способ ее представить.

С конвенционализацией импликатур можно связать и энантиосемию таких приставочных глаголов, как *переизбрать* <*X-а*> ‘избрать X-а еще раз’ и ‘избрать другого человека вместо X-а’; *обойти* ‘пройти стороной’ (*обойти лужу*) и ‘пройти по всему пространству’ (*обойти сад*); *пройти* (*мимо*) и *пройти* (*насквозь*). Здесь само значение приставок таково, что непосредственно допускает возникновение прямо противоположных импликатур. Так, глаголы с приставкой *пере-* в значении повторного совершения действия могут

[10] Иными словами, здесь действует та же закономерность, что и в случае таких слов, как *настоящий*, *подлинный* и т. п.: под ударением они используются в «буквальном» значении, а когда под ударением оказывается сочетающееся с ними выражение, они передают «модальное» значение. Ср. знаменитую фразу Атаманши из «Снежной королевы» Евгения Шварца: *Детей надо баловать — тогда из них вырастают настоящие разбойники.* В письменном виде эта фраза допускает двоякое осмысление в зависимости от того, предполагается ли ударение на слове *настоящие* или на слове *разбойники.* Но при сценическом исполнении каламбур почти неизбежно утрачивается. (О сдвигах в значении слова *настоящий* и подобных слов в зависимости от фразового ударения см. [Павлова 1987: 16; Яковлева 1988: 299–300; Апресян 1990: 99; 1992/1995: 506; Крейдлин 1993: 31–39].)

означать ‘снова делать то же самое’ или ‘делать по-другому’: *переписать* может значить ‘скопировать, воспроизвести текст’ или ‘написать текст заново, иначе’. Источник энантиосемии здесь вполне очевиден. Можно повторно совершать некоторое действие по одной из двух причин: (i) если субъекту не нравится результат предшествующего действия, он может захотеть повторить это действие в надежде получить лучший результат; (ii) субъекту нравится результат предшествующего действия, он может захотеть повторить это действие в надежде получить тот же самый результат. Энантиосемия приставок *про-* и *об-* связана с некоторой общей закономерностью языковой концептуализации «движения мимо». Говоря об «удивительной на первый взгляд» противоположности смыслов, которые может выражать русское слово *мимо*, Анна А. Зализняк заметила, что оно, «описывая траекторию движения одного объекта (X) относительно другого (Y), может обозначать как то, что они “встретились”, так и то, что они “разминулись”» [Зализняк 1994: 261]. Соответственно, глаголы движения с приставкой *про-* (во многом аналогичные сочетаниям со словом *мимо*) могут имплицировать как движение через некоторый пункт, так и движение, при котором данный пункт остается в стороне. Эта же двойственность сохраняется и во многих глаголах, не являющихся глаголами движения: *просмотреть* — ‘смотря, ознакомиться’ и ‘смотря, пропустить, не заметить’; *прослушать* (*доклад*) — ‘выслушать’ и ‘не услышать, пропустить’[11]. Аналогичным образом, движение, на которое указывают глаголы с приставкой *об-*, может предполагать как последовательный контакт (*объехать все города*), так и отсутствие контакта (*объехать город стороной*). В результате многие глаголы с этой приставкой оказываются энантиосемичными — ср. *обнести* ‘обойдя, угостить каждого’ (*обнести гостей вином*) и ‘обходя, не угостить’ (*всех угостил, а меня обнес*). Заметим, что энантиосемия такого рода возникает не только у приставочных глаголов: в сочетании *кризис миновал* глагол *миновать* указывает на то, что кризис имел место (но закончился), а в сочетании *беда миновала* — на то, что беда не случилась, хотя могла случиться [Там же: 276].

Противоположные импликатуры возникают также у выражений со значением чего-то бросающегося в глаза: они могут имплицировать как то, что это не подлежит сомнению, является очевидным, так и нечто прямо противоположное: что это лишь одна видимость, а в действительности дело обстоит совсем по-другому. Именно отсюда возникает энантиосемия английского слова *apparent*. По данным словарей, оно означает ‘очевидный, явный’ (*apparent error*

[11] Английский глагол *overlook* и существительное *oversight* обладают аналогичными свойствами: они могут означать ‘внимательно смотреть на что-то’ и ‘пропустить что-то’.

‘явная ошибка’) и, наоборот, — ‘кажущийся, мнимый’ (*apparent cause* ‘кажущаяся причина, т. е. *не истинная*’).

С конвенционализацией речевых импликатур связано и то, что выражение *долго решался* <сделать что-то> означает почти то же самое, что оно же с отрицанием — *долго не решался*: и то, и другое указывают на длительное состояние нерешительности. Действительно, когда человек *решается* нечто сделать, это имплицирует, что он пока не решился. Соответственно, если человек *решается* на что-то долго, это имплицирует, что он долго не может решиться, т. е. долго *не решается*.

Нежелание вступать в контакт с человеком может быть обусловлено как тем, что его считают намного ниже себя, так и тем, что его считают намного выше себя (т. е. возникает противоположность, основанная на отношении ‘больше’ — ‘меньше’). Отсюда две противоположных импликатуры и, соответственно, два противоположных понимания слова *неприкасаемый*. С одной стороны, это член низшей касты в Индии; с другой стороны, в современных текстах это слово часто прилагается для обозначения особо важных, *неприкосновенных* персон, которых даже нельзя подвергнуть преследованию. Ср., с одной стороны: *Я низшая секта, неприкасаемый* [Василий Гроссман], а с другой — пример из Национального корпуса русского языка: *Даже если свидетельские показания и прямые улики приводят к боссам, действительным владельцам «товара», они остаются неприкасаемыми* [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)]. Особенно забавно выглядит следующий пример (тоже из Национального корпуса русского языка), в котором выражение *священная корова*, восходящее к индийским реалиям, сочетается с употреблением слова *неприкасаемые*, противоположным тому, как оно понимается по отношению к Индии: *Есть ли в крае «священные коровы», неприкасаемые для вас?* [Юрий Чувашев. Для нас неприкасаемых нет // «Красноярский рабочий», 2003].

Поскольку прагматические следствия основаны на универсальных принципах общения между людьми, для многих примеров, рассмотренных в этом подразделе, легко обнаруживаются межъязыковые параллели.

5.2. Ироническое отрицание, или антифразис

Ирония представляет собою самый распространенный источник энантиосемии. Ироническое отрицание, или антифразис, т. е. экспрессивное употребление языкового выражения в противоположном смысле (напр., *Хорошенькое дело!*), по существу представляет собою окказиональную энантиосемию (основанную на противоположности ‘хороший’ — ‘плохой’). Иногда такое употребление конвенционализуется для некоторой данной лексической единицы

(в определенном типе употребления) и воспринимается как ее идиосинкратическое свойство, заслуживающее словарной фиксации. Так, в «Малом академическом словаре» у прилагательного *хороший*, среди прочего, выделяется значение, которое эксплицируется следующим образом: «Употребляется для выражения иронического отношения к кому-, чему-л., пренебрежительно-неодобрительной оценки кого-, чего-л.» (указывается, что это значение реализуется обычно в краткой форме) — ср.: *Ты-то сам хорош. Сам убежал, а меня оставил* [МАС, 4: 621]. Отрицательная оценка ясно видна из перевода романа Маргарет Митчелл *Gone with the Wind* (переводчица — Т. Кудрявцева):

> And you are no better — But then, I'm <u>at fault</u> too. — Да и вы не лучше... Но я тоже, конечно, <u>хорош</u>.

Выражение *очень нужно* истолковано в том же словаре как 'нет никакой необходимости' [МАС, 2: 514], что также может свидетельствовать о конвенционализации иронического употребления. Отметим, впрочем, что такое же значение в сочетании с глаголами несовершенного вида появляется и у других слов и выражений со значением надобности, ср. употребление изолированного *нужно* в высказывании *Нужно мне с ним советоваться!* (по-видимому, полностью конвенционализованным можно считать появление этого значения в сочетании с наречием *больно*, напр. *больно надо...*; *больно нужно...*)[12]. Ср. также современное значение глагола *честить* 'ругать', восходящее к ироническому употреблению старого значения этого глагола, иллюстрируемому примером из «Малого академического словаря»: *...там ее любили и честили великим почетом* (Мельников-Печерский) [МАС, 4: 671]. Ироническое употребление выражения *Как же!* вполне конвенционализовалось, так что в подавляющем числе случаев оно означает отрицание (≈ 'Нет'); любопытно, что если оно предваряется союзом *а*, то значение остается противоположным: *А как же!* (≈ 'Да, конечно').

5.3. Конвенционализация оценочных коннотаций

Конвенционализация оценочных коннотаций может происходить в том случае, когда некоторое слово, исходно нейтральное, устойчиво употребляется с оценочными компонентами (это особенно характерно для слов со значением

[12] Обратим внимание на то, что наряду с различием глагольного вида имеет место различие в порядке слов: при буквальном прочтении субъект в дательном падеже предшествует слову *нужно*, тогда как при ироническом прочтении субъект (если он обозначен) следует за словом *нужно* (а все предложение произносится со специфической «иронической» интонацией).

‘погода’, ‘запах’, ‘внешний вид’). Энантиосемия возникает в том случае, когда оценка оказывается различной в разных типах употреблений или разновидностях языка. Так, слово *погода*, по свидетельству В. И. Даля, «*на юге, западе...* нередко значит вёдро, хорошее, ясное, сухое время, *в прочей же Руси...* непогода, ненастье, дождь, снег, метель, буря» [Даль 1978–1980, 3: 155]. Устойчивым является появление оценочных коннотаций у слов со значением ‘запах’, при конвенционализации таких коннотаций они приобретают значение ‘приятный запах, аромат, благоухание’ или, напротив, ‘дурной запах’. Отсюда противоположность значений (межъязыковая энантиосемия) русского слова *вонь* и этимологически тождественного церковнославянского *воня* ‘аромат, благоухание’, энантиосемия английского слова *odor*, которое имеет несколько устаревшее значение ‘аромат, благоухание’ и распространенное в современной речи (напр., в рекламе дезодорантов) значение ‘неприятный запах’[13].

Разумеется, едва ли есть основания называть энантиосемией (как это делается в статье [Матвеева 2003][14]) просто сам факт соединения в одном слове значений, ассоциируемых с противоположными оценками, или даже всего лишь возможность употребления слова как с положительной, так и с отрицательной оценкой (или в сочетании со словами, обозначающими положительно или отрицательно оцениваемое явление). Но не всегда легко решить вопрос, приводит ли возможность употребления слова с противоположными оценками к энантиосемии в собственном смысле слова. Так, во многих европейских языках (в частности, в русском) слова, связанные с ‘гордостью’, неоднозначны с точки зрения положительной или отрицательной оценки. Это связано с тем, что характерное для средневекового миропонимания христианское восприятие гордости как первого из смертных грехов и источника всех пороков постепенно утрачивает свою роль в европейской системе моральных ценностей. Можно добавить, что в подъязыке советской публицистики это слово употреблялось в положительном смысле (ср. штамп *прекрасные, гордые люди*), тогда как в церковно-проповеднеческом подъязыке, напротив, обозначает отрицательно

[13] Ср. также польское слово *uroda* ‘красота’ и русское слов *урод* (оба слова восходят к корню *rod-*). Правда, этимологически русское слово *урод* образовано при помощи другого (приативного) префикса *у-*, так что противоположность значений не возникает здесь как результат развития одного и того же. Но русское слово *рожа* ‘уродливое лицо’ образовано от того же корня без префикса, поэтому для иллюстрации механизмов энантиосемии этот пример тоже подходит.

[14] Большинство примеров, разбираемых в этой статье, представляя определенный интерес для анализа особенностей поэтики С. Довлатова, вообще не имеет отношения к энантиосемии даже в самом широком понимании.

оцениваемое качество. В принципе возможны различные способы представить это различие в описании. Можно было бы постулировать полисемию, а можно считать, что значение здесь одно, а оценочные различия обусловлены различием этических систем. Первое решение принимается, напр., большинством толковых словарей английского языка для слов *pride* и *proud* (в отношении русского слова *гордость* ср. [Санников 2003: 97]); второе решение принимается А. Вежбицкой для русских слов *гордый* и *гордость* и для английских слов *proud* и *pride* [Wierzbicka 1992: 196–197].

У образованного от глагола *заслужить* прилагательного *заслуженный* «Малый академический словарь» [МАС, 1: 572] выделяет в качестве отдельных оттенков значения ‘достигнутый трудом, заслугами’ (*заслуженная награда*; *заслуженная благодарность*) и ‘получаемый в соответствии с поведением, поступками; справедливый’ (предполагается, что поступки плохие — ср. *заслуженное наказание*; *заслуженные упреки*). Однако можно полагать, что значение здесь одно и то же, а оценочный компонент просто «наводится» существительным, с которым сочетается прилагательное *заслуженный*. Даже если признать, что мы действительно имеем дело с разными «оттенками значения», эти оттенки трудно счесть в полном смысле слова «противоположными». А вот в слове *заслуга* (*X-а*) можно видеть зачатки энантиосемии. В своем основном, свободном значении оно может быть истолковано как ‘то, что сделано X-ом и достойно положительной оценки’ (*боевые заслуги*; *Это его заслуга*; *У него много заслуг*), а в устойчивом выражении *получить по заслугам* чаще употребляется для указания на нечто достойное отрицательной оценки (стандартный заголовок заметки в рубрике «Из зала суда» — *Преступник получил по заслугам*). Однако последнее выражение может использоваться и в тех случаях, когда речь идет о деятельности, достойной положительной оценки (напр., *Ученый получил награду по заслугам*), поэтому в настоящее время энантиосемия слова *заслуга* существует лишь потенциально и говорить о ней как о факте современного русского языка, по-видимому, нет оснований.

Можно упомянуть также слово *ангел*, которое может обозначать как св. ангела (это значение является свободным), так и злого духа (как правило, это значение появляется лишь в определенных контекстах — ср. *ангел тьмы*, *ангел сатаны*). В последнем случае в узусе, ориентированном на церковнославянское произношение, часто произносится (и пишется) *аггел* (ср. диалог из «Белой гвардии» М. Булгакова: *Он уехал в ц̆арство антихриста в Москву, чтобы подать сигнал и полчища аггелов вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. Как некогда Содом и Гоморра... — Это вы большевиков аггелами? Согласен*); однако распространено и написание (и произношение) *ангел*, независимо от того, идет ли речь об «ангеле света» или «ангеле тьмы»; именно

оно используется, напр., в синодальном переводе Священного Писания, даже когда речь идет о «злых ангелах». Здесь опять-таки можно постулировать два разных лексических значения: ‘добрый дух’ и ‘злой дух’ (и тогда имеет место энантиосемия). Но можно считать, что значение одно и то же (‘существо духовное, одаренное разумом и волею’ [Даль 1978–1980, 1: 16]), а противоположность оценок вытекает из контекста употребления, и тогда, конечно, никакой энантиосемии в узком смысле слова нет[15]. Но и в этом случае здесь можно видеть элементы «зачаточной» энантиосемии.

5.4. Энантиосемия оценок

5.4.1. Объединение в значении слова «разнонаправленных прагматических компонентов»

Как заметила О. П. Ермакова, объединение в значении слова «разнонаправленных прагматических компонентов» (т. е. ориентации как на желательный, так и на нежелательный результат или объект) особенно характерно для жаргонизмов, освоенных литературным языком, и слов литературного языка, освоенных жаргоном. Ср. такие примеры, как *светит* ‘грозит нечто плохое’ или ‘предстоит нечто хорошее’; *крыша* ‘то, что защищает от преступников’ и ‘то, что служит прикрытием для преступной деятельности’ и др. [Ермакова 2002: 66]. Можно добавить, что это явление вообще часто имеет место при взаимодействии различных подъязыков, напр. при использовании в современной русской речи церковнославянизмов или книжных слов. Так, прилагательному *пресловутый* приписывается в «Малом академическом словаре» два значения: ‘знаменитый, славный’ (это значение, соответствующее исходному значению церковнославянского слова, характеризуется как «устарелое») и (с пометой «неодобрительное») ‘вызвавший много толков, нашумевший’ [МАС, 3: 384]. Слово

[15] Те же самые два круга употреблений есть и у английского слова *angel*; соответственно, толкование ‘добрый дух’, предложенное для него А. Вежбицкой в 1972 г. в книге «Semantic primitives» (русский перевод [Вежбицка 1983: 235]), очевидным образом не отвечает целому ряду его употреблений, напр. в следующих примерах из Священного Писания (нумерация псалмов дается в соответствии с православной традицией): *sending evil angels* (Пс. 77:49); *everlasting fire, prepared for the devil and his angels* (Мф. 25:41); *the angel of the bottomless pit* (Откр. 9:11). Вопрос, следует ли постулировать для них особое лексическое значение остается открытым; в различных толковых словарях английского языка на этот счет принимаются разные решения.

перл, имеющее метафорическое значение ‘лучший образец, яркое проявление чего-л.; нечто выдающееся по своим достоинствам’ (обычно применяется к речевой деятельности — ср. *перлы остроумия*, *красноречия*), может иронически употребляться (почти исключительно в применении к речевой деятельности) в значении ‘нечто выдающееся по своим отрицательным качествам’. Заметим, что этот последний тип употребления (выделенный как особый оттенок значения в «Малом академическом словаре») в современной речи является более частотным, нежели употребление слова *перл* в качестве похвалы. Так, многие экзаменаторы собирают коллекцию *перлов* из проверенных ими сочинений; такое ироническое употребление слова *перл* стало полностью клишированным в советской прессе — ср. ироническую отсылку к этому клише в статье Максима Соколова: «...в начале 80-х годов газета “Правда”, критикуя заморских ковбоев, поместила острую статью под заголовком “Перлы Ричарда Перла”» («Известия», 16 июня 2001). Глаголы *изволить* и *соизволить* с инфинитивом в современной речи употребляются не для выражения почтительной вежливости, а для выражения неодобрения. Решение вопроса о том, можно ли усматривать в случаях такого рода энантиосемию, зависит от того, насколько мы готовы считать соответствующие значения «противоположными».

Источник потенциальной энантиосемии в примерах такого рода несколько иной, нежели в случаях таких единиц, как *погода* или *вонь / воня*, когда исходно нейтральное слово приобретает в разных типах употребления различную оценку. Здесь мы имеем дело не с приобретением различных оценок в разных типах употребления, а с иронией, но не с ироническим отрицанием, а с иронической переоценкой (нечто хорошее иронически оценивается как плохое). При этом конвенционализация иронического употребления может приводить к разным результатам в отношении семантической структуры слова. О. П. Ермакова на своем материале заметила, что, «как правило, частое употребление подобного рода слов приводит к расширению значения: действие ориентируется на актант любой оценки, и первоначальная ирония перестает ощущаться» [Ермакова 2002: 67]. Как кажется, именно это и произошло с глаголом *заслуживать*. Однако возможен и иной результат. Напр., первоначально ироническое употребление может почти полностью вытеснить исходное, как это произошло с прилагательным *пресловутый*.

5.4.2. Положительные и отрицательные оценки в семантике местоимений

«Энантиосемия противоположных оценок» нередко возникает у местоимений и местоименных выражений. Это и понятно. Бедность дескриптивного

содержания таких выражений приводит к тому, что в определенных условиях какие-то семантические компоненты у них «домысливаются».

Интересный пример энантиосемии представлен употребительным в современной сниженной речи фразеологизмом *тот еще*. Приведем ряд примеров из современных средств массовой информации, подтверждающих достаточно широкую употребительность данного фразеологизма: *Мой босс — тот еще фрукт* (Столичная вечерняя газета, 15.03.2004); *А как изменились аэропорты! Теперь багаж на тротуаре оставлять нельзя — вдруг там бомба. Да и ботинки заставляют снимать, проверяют, запах тот еще, но никто не возмущается* (Огонек, 2004, № 8); *На первой песне звук был тот еще. Больше всего удивило звучание голоса самой Хьюстон — он был жестким и плоским. <...> Оказывается, таким непотребным образом был настроен центральный микрофон* (Газета 12.02.2004); *Кошки-то дикие, не дающиеся на руки. Характер у них тот еще...* (Татьяна Зелюкина, Еженедельный Журнал № 109, 2.03.2004); *Но смущает какая-то детская, ябедническая логика: Марьиванна, вот вы меня из класса выгнали, а мелом все кидались, чего ж вы Кольку не трогаете... Да, наша Марьиванна — тот еще педагог, Колька кидался, но он любимчик. Однако возможна ведь и другая постановка вопроса* (Александр Кабаков, Столичная вечерняя газета 11.03.2004). Преимущественно фразеологизм *тот еще* используется для выражения отрицательной оценки. При этом в сочетании с существительными, которые уже сами по себе предполагают отрицательную оценку, он усиливает эту оценку (*тот еще проходимец*; *тот еще бардак*), а в сочетании с оценочно нейтральными существительными оказывается единственным показателем отрицательной оценки (*тот еще преподаватель*). Однако отрицательная оценка не вытекает из местоименной внутренней формы данного фразеологизма, и не удивительно, что мы обнаруживаем примеры, в которых он используется для выражения противоположной, т. е. положительной, оценки. Ср.: *«Настоящий танец сейчас рок-н-ролл. У нас его ещё не танцуют. В Москве, и то мастера. <...> Тот ещё танец! — прищёлкнула Ася. — Только точно не могу показать, сама не видела»* (Солженицын, Раковый корпус).

5.4.3. Оценки на шкале интенсивности

Противоположные оценки могут располагаться не только на оси «хорошее — плохое», но и на шкале интенсивности: нечто может характеризоваться как более или менее значительное (тогда противоположность основана на шкале ‘больше’ — ‘меньше’). Рассмотрим некоторые примеры развития противоположных оценок на шкале «значительное — незначительное» у некоторых

местоименных выражений. Русское слово *так*, по наблюдениям А. Б. Пеньковского, служит универсальным маркером незначительного, того, чем можно пренебречь (*так, пустяки*) [Пеньковский 1995; 2004а]. Ср. ряд примеров из статьи [Пеньковский 1995: 38]: *...все это так, пустяки, тени пустяков* (В. Набоков); *Кто я ей, собственно говоря? Так, случайный знакомый* (В. Голубев); *Ты что задумался? — Нет, ничего... Это я так...* (В. Слепцов); *«...пожалуйста, покажите ваш фокус! — Ах, стоит ли... Это так, пустое...» — заскромничал он* (В. Набоков); *Да ничего он мне не говорил... Мы и виделись-то так, мельком* (М. Ганина). Соответственно, слово *так* может использоваться для намеренного умаления значимости: *Это не преступление, а так, мелкий проступок*; *Он не жених, а так, просто знакомый.* В то же время слово *так* может использоваться и как интенсификатор (т. е. для повышения значимости) — ср. *так хорошо / плохо* (≈ 'очень хорошо / плохо'); *Я так устал* (≈ '...очень устал'). Характерно такое «усилительное» употребление слова *так* в стихотворении Пастернака «Ты так играла эту роль!». Стихотворение, как мы помним, заканчивается: *Ты так! — ты лучше всех ролей / Играла эту роль!* Энантиосемия слова *так* отмечается и словарями. В «Малом академическом словаре» ему, с одной стороны, приписано значение 'ничего, ничего особенного, о чем стоило бы говорить' с оттенком 'употребляется при оценке чьих-л. качеств (обычно средних, невысоких) или действий (несерьезных, неосновательных)', а с другой — значение, толкуемое следующим образом: «Обозначает высокую меру, сильную степень проявления какого-л. качества, действия, состояния» [МАС, 4: 332].

Сходная энантиосемия представлена и в совокупности употреблений слова *ничего*. С одной стороны, оно имеет значение, толкуемое в «Малом академическом словаре» как 'несущественно, неважно, не имеет значения' [МАС, 2: 501]; не случайно, как отметил А. Б. Пеньковский, «*ничего* — частый спутник *так*: — *Это так, ничего*; *Ничего, это так...*» [Пеньковский 1995: 38]. С другой стороны, оно используется в составе клишированного оборота *ничего себе*, указывающего на то, что нечто обращает на себя особое внимание, являясь чем-то выдающимся по своим качествам.

Совмещение в одном слове противоположных оценок на шкале интенсивности возможно не только для местоименных выражений. Так, русское слово *бесценный* имеет устарелое значение, толкуемое «Малым академическим словарем» как 'неценный, малоценный' [МАС, 1: 87], и современное, «противоположное» значение 'выше всякой цены, драгоценный'[16]. Если русское выражение *сумасшедшие цены* в норме предполагает чрезвычайно высокие

[16] Заметим, что английское слово *priceless*, обычно указывающее на что-то столь ценное, что цена не может быть установлена, исходно обозначало 'не имеющий ценности,

цены, то его аналоги в некоторых западноевропейских языках (ср. франц. *les prix fous*, англ. *crazy prices*) могут указывать как на чрезвычайно высокие, так и на чрезвычайно низкие цены (не случайно они используются в рекламных объявлениях, сообщающих о небывалых скидках)[17].

5.4.4. Эмоциональные оценки

Часто противоположные значения развиваются у слов, выражающих сильную эмоциональную оценку. Так, характерно использование слов, в исходном значении предполагающих отрицательную оценку объекта, для выражения восхищения. Так, отец героя повести Анатолия Алексина «Поздний ребенок», чтобы замаскировать свое восхищение сыном, хвалил его «как бы в шутку», а «иногда грубовато»: *Вот ведь способный какой, мерзавец!*; *Память какую имеет, мерзавец!*; *Смелый, мерзавец!* («Слово “мерзавец” он всегда произносит ласково, даже нежно», — комментирует рассказчик). При конвенционализации такого употребления возникает энантиосемия, и она часто фиксируется в словарях. Напр., у слова *шельма* в «Малом академическом словаре» выделяется особый оттенок значения, толкуемый следующим образом: «...употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.» [МАС, 4: 709]. Сходное явление происходит с некоторыми английскими ругательствами (*swear words*), которые могут использоваться по отношению к адресату для выражения дружеского отношения к нему. Ср. примеры из книги Т. В. Лариной, отмечающей, что для ряда ругательств «словари фиксируют подобную энантиосемию, когда в одной лексеме сочетаются противоположные значения» [Ларина 2003: 187][18]: *You're*

бесполезный'; таким образом, в английском языке мы обнаруживаем аналогичный пример энантиосемии.

[17] По-русски в рекламных объявлениях о скидках или снижении цен чаще всего используется выражение *смешные цены*. Однако иногда в рекламе (чаще всего переводной) обнаруживается и сочетание *сумасшедшие цены*, которое тем самым становится энантиосемичным и в русском языке. Ср.: *«Сумасшедшие цены» от SAS! Вот это цены! Города Европы всего 200 евро (туда и обратно), Нью-Йорк 375 евро* (http://www.rasprodaga.ru/actions/travel/1100012032); *Купи технику по СУМАСШЕДШИМ ЦЕНАМ в следующих магазинах М.ВИДЕО* (http://www.mvideo.ru/adv-txt/?p=crazyprice); *С четверга 10.04 по воскресенье 13.04 пройдут сумасшедшие дни в Стокманн! Только 4 дня с 10:00 до 23:00 сумасшедшие цены!* (http://www.mirskidok.com/catalog/share/odezhda-obuv-aksessuary-nizhnee-bele/aksessuary/stockmann/).

[18] Т. В. Ларина приводит пример словарной статьи слова *bugger* (буквально 'содомит') из «Нового Большого англо-русского словаря»: «1. Груб. мерзавец, тип; *You are a bugger!* — *Ах*

a right, little bastard (девушка — парню, с нежностью); *Come here, you little bollocks* (мать — своему трехлетнему сыну, с любовью); *You are a silly bugger* (дружеское восклицание после прозвучавшей шутки). Еще пример: английское *terrific*, по данным словарей, может означать как 'ужасающий' (ср. *terrific spectacle* 'страшное зрелище'), так и 'потрясающий, изумительный' (последнее значение является более распространенным в современной разговорной речи)[19].

Бывает, впрочем, и обратная ситуация, когда слово, в исходном значении предполагающее положительную оценку, используется для выражения резко отрицательной эмоциональной оценки. Так, французское слово *sacré* 'священный' часто используется в значении 'проклятый, чертов' (ср. *sacré menteur* 'проклятый лгун').

6. «Смешанные чувства»

Помимо указанных, можно выделить еще ряд интересных источников, порождающих энантиосемию. Один из них связан со «смешанными чувствами», т. е. с ситуацией, когда субъект пребывает в некотором эмоциональном состоянии, совмещающем в себе характерные черты двух противоположных эмоциональных состояний (противоположность 'хорошего' и 'плохого'), — подобно лирическому герою известного стихотворения Катулла «Odi et amo».

Впрочем, обозначения эмоциональных состояний вообще легко переходят на смежные эмоции, в результате чего выстраиваются семантические цепочки, звенья которых вполне могут соответствовать эмоциональным состояниям, воспринимаемым как «противоположные». Отсюда возможность энантиосемии «эмоциональных терминов».

Так, *жалость* может ассоциироваться как с любовью (в некоторых русских диалектах *жалеть* и значит 'любить'), так и с презрением (И. Б. Левонтина отмечает, что у прилагательного *жалкий* «эта оценка входит непосредственно в значение» [Левонтина 1997: 110]). Само по себе презрение, вероятно, не могло бы считаться противоположностью любви; но презрение часто соединяется с ненавистью, и это соединение представляется «вполне естественным для нашего

ты сволочь! 2. разг. ласк. *шельмец* (о мальчике, собаке); *poor bugger* — бедняжка» [Апресян и др. 1999: 287].

[19] Заметим, кстати, что английское слово *awful* 'ужасный' первоначально использовалось в значении 'внушающий трепет и благоговение', т. е. могло относиться к чему-то еще лучшему, чем *awesome* 'потрясающий'.

сознания» [Пеньковский 2004а: 59–60], а то, что ненависть противоположна любви, кажется очевидным. Впрочем, поскольку значение ненависти у русских слов с корнем *жал* реально не развилось, говорить об энантиосемии в строгом смысле слова в этом случае, пожалуй, пока нет оснований (хотя возможный когнитивный источник энантиосемии налицо).

В то же время слова со значением 'жалость' дают материал, непосредственно связанный с энантиосемией. Напр., польское слово *litość* 'сострадание, милосердие, жалость' этимологически тождественно русскому *лютость*. «Переходное звено» здесь представлено чешским словом *lítost*, обозначающим специфическую эмоцию, подробно охарактеризованную М. Кундерой в романе «Книга смеха и забвения» и истолкованную Анной А. Зализняк (со ссылкой на книгу А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 166–169]) как 'чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию' [Зализняк 2000а: 101].

7. 'Начинать Р' — 'начинать не Р' (Anti$_1$ [Апресян 1974: 288–292])

Еще один вид «противоположности» значений, как известно, обусловлен противоположной направленностью действий (*приехать — уехать*; *поднять — опустить*; *включить — выключить*; *завязать — развязать* и т. п.); это антонимия типа 'начинать Р' — 'начинать не Р', или Anti$_1$, по Ю. Д. Апресяну [Апресян 1974: 288–292]. О. П. Ермакова пишет, что антонимы рассматриваемого типа «не могут существовать в пределах одного слова и, следовательно, не образуют случаев энантиосемии», справедливо указывая, что ироническое употребление членов таких пар не приводит к появлению антонимического значения: «в таких случаях наблюдается ирония "отрицания факта, названного словом"» (ср. *Как же! Приехал! Так он и поедет сюда!*) [Ермакова 2000: 63–64].

Однако выясняется, что противоположность значений данного типа все же может быть обнаружена в пределах одного слова, только возникает она не вследствие иронии, а потому, что сходные действия могут приводить к противоположным результатам. Так, сильная струя воздуха может как разжечь, так и погасить огонь — отсюда энантиосемия глагола *задуть*, проявляющаяся в сочетаниях *задуть домну* и *задуть свечу*. Это типичная энантиосемия разновидности 'начинать Р' — 'начинать не Р', поскольку глагол *задуть* в сочетании *задуть домну* означает 'посредством действия *дуть* каузировать начать гореть', а в сочетании *задуть свечу* — 'посредством действия *дуть* каузировать кончить гореть'. Здесь существенны свойства приставки *за-*, которая

может использоваться для образования глаголов, указывающих и на начало, и на конец существования или функционирования. Указание на конец чего-либо предполагается словообразовательной моделью с общим значением ‘посредством действия, названного производящим глаголом, уничтожить или завершить функционирование’, причем уничтожению может подвергаться как объект, непосредственно названный прямым дополнением (*замазать трещину*, *зачеркнуть слово*, *заштопать дыру*), так и нечто связанное с этим объектом (*заклеить окно*, *зашить рубашку*, *заштопать носки*). Именно по этой модели образован глагол *задуть* в сочетании *задуть свечу* ‘посредством действия *дуть* уничтожить огонь свечи’. Указание на начало существования или функционирования объекта иллюстрируется такими сочетаниями, как *завести любовника*, *завести часы*, *завязать отношения*, *зажечь огонь*, *запустить мотор*. Именно сюда относится глагол *задуть* в сочетании *задуть домну*, указывающем на начало функционирования домны[20].

Сходный тип энантиосемии может проявляться и в производных словах. Существительное *завязка* в литературном языке имеет, среди прочего, значение ‘начало, исходный пункт каких-л. действий’ [МАС, 1: 506]; но в современном городском жаргоне оно используется в «противоположном» значении ‘конец чего-л.; состояние, когда с чем-л. навсегда покончено’ [Елистратов 1994: 146]: *Все, завязка, больше ни грамма ни пью.* Оба указанных значения слова *завязка* восходят к глаголу *завязать*, который в выражении *завязать отношения*, *завязать знакомство*, *завязать бой*, *завязать разговор* указывает на начало, а в выражениях *завязать с прошлым*, *завязать с воровской жизнью* имеет значение ‘прекратить’.

Е. В. Рахилина заметила, что русский глагол *идти* в некоторых контекстах значит ‘приближаться, подходить’ (*Из Гонконга идет новый вирус гриппа*; *Ой! Мой трамвай идет!*), а в некоторых, напротив того, ‘уходить’ (*Можете идти*; *Скажите, в котором часу идет поезд на Лугу?*) [Рахилина 2000: 306–310]. В отношении глагола *идти* не вполне очевидно, действительно ли в соответствующих случаях есть основания говорить о противоположных лексических значениях глагола (хотя опять-таки потенциальный источник энантиосемии обнаруживается); однако материал ряда других языков дает более «чистые» примеры энантиосемии. Так, в санскрите глагол *varj* (исходное значение ‘поворачивать’ — см. [Кочергина 1978: 567]) может употребляться «как для

[20] Подчеркнем, что данную разновидность глаголов с приставкой *за-* следует отличать от инхоативных глаголов, рассмотренных в [Зализняк, Шмелев 2002] и указывающих на начало процесса, названного производящим глаголом. См. дальнейшее обсуждение энантиосемии префикальных образований в разделе II.9.1.

обозначения “притягивания к себе” (бога), так и для “отталкивания от себя” (чего-л. злого)» [Иванов, Топоров 1960: 129]. В славянских языках интересный пример межъязыковой энантиосемии представлен глаголами, возникшими в результате развития праславянского **lączіti* (вероятно, ‘гнуть’): белорусским *лучыць*, польским *łączyć* ‘соединять’, с одной стороны, и болгарским *лъча*, сербским *лучити*, чешским *loučiti* ‘отделять, отлучать’ — с другой[21].

Сходный тип энантиосемии может быть иллюстрирован многочисленными английскими отыменными глаголами со значениями ‘добавить X’ и ‘убрать X’, напр. *to skin* от *skin* ‘кожа; шкура’ (‘содрать шкуру’, как в сочетании *to skin a rabbit* ‘освежевать кролика’, и ‘покрыть кожей’, как в *to skin a kayak* ‘покрыть кожей каяк’). Глагол *to shell* от *shell* ‘раковина, скорлупа, оболочка’ имеет значение ‘очистить, удалив оболочку’, как в сочетаниях *to shell peas, oysters* ‘очистить горох, устриц’ и т. п.; то же самое значение может быть передано глаголом *to unshell* с префиксом *un-*, как в заголовке *How to unshell a Snow Crab Claw fast* ‘Как быстро очистить снежного краба’ (http://www.youtube.com/watch?v=_ttopAlWAKA). Тем самым *unshelled* может означать как ‘не извлеченный из скорлупы’ (отрицательный префикс *un-* добавляется к причастию прошедшего времени *shelled*), так и ‘извлеченный из скорлупы’ (причастие прошедшего времени глагола *to unshell*)[22]. К этому же типу энантиосемии примыкают и такие примеры, как *рубить* <*избу, мебель*> ‘строить (при помощи топора)’ и ‘ударяя острым орудием, разрушать’, *вывести* <*кроликов, тараканов*> ‘произвести на свет, вырастить’ и ‘уничтожить, истребить’[23].

---

[21] Еще один интересный пример энантиосемии — английское слово *unbending*, особенно в метафорических значениях: оно может означать как ‘твердый, несгибаемый, отказывающий уступать или идти на компромисс; неспособный или не желающий расслабиться’ (*unbending will* ‘несгибаемая воля’) и ‘ставший менее напряженным, расслабленный’ (*unbending, he confided his secret* ‘расслабившись, он выболтал секрет’). Хотя слово *unbending*, как и общеславянское **lączіti*, тоже связано с идеей «сгибания» (*bending*), источник энантиосемии здесь другой: во многих случаях *unbending* значит ‘твердый’, но если речь идет, напр., о луке (орудии для стрельбы), оно значит ‘ненапряженный’.

[22] Ср. также пару *pack* — *unpack*, рассмотренную выше. Раз *unpacked* может значит ‘нераспакованный’, то, следовательно, *packed* под отрицанием, выраженным *un-*, может значить то же, что *unpacked* ‘распакованный’ (т. е. нечто противоположное исходному значению).

[23] Глагол *вывести* образован при помощи префикса *вы-* и может означать ‘увести <откуда-то>’ (*вывести из комнаты*) и ‘привести <куда-то>’ (*вывести на опушку*). С первым пониманием соотносится понимание ‘уничтожить’ (*вывести тараканов*), со вторым — понимание ‘произвести на свет’ (*вывести кроликов*). Сходная энантиосемия характерна для английского наречия *out*: предложение *the lights are out* означает, что фонари не горят, а *the stars are out* означает, что звезды сияют.

Энантиосемия такого рода непосредственно связана со значениями ‘начала’ и ‘конца’ (поскольку ‘начинать не P’ означает ‘заканчивать P’). Показательно, что русские слова *начало* и *конец* исторически имеют один корень. Приведем еще несколько примеров. Выход из некоторого места одновременно предполагает прекращение нахождения в этом месте (‘начинать не P’) и начало нахождения в некотором другом месте (‘начинать Q’), и это может служить источником энантиосемии. Когда A покидает B, A уходит и прекращает быть в том же месте, что B, тогда как B остается в этом месте. Соответственно, английская форма прошедшего времени *left* означает ‘ушел’, но когда эта же форма используется как причастие, она может означать ‘оставшийся’. Как уже упоминалось, русское слово *исход*, восходящее к церковнославянскому слову со значением ‘выход’, означает ‘конец’, а прилагательное *исходный*, содержащее этот же морфемный комплекс, означает ‘начальный’.

Во многих языках одно и то же слово может использоваться и для приветствия, и для прощания (напр., итальянское *ciao*). Тот факт, что мы здесь имеем дело с энантиосемией, становится ясен только на четвертой стадии семантического разложения: (1) приветствие означает, что A встретился с B; прощание означает, что A расстается с B; (2) ‘A встретился с B’ = ‘в результате движения A или B в определенный момент времени они начали находиться в одном и том же месте, и A приобрел контакт с B; ‘A расстается с B’ = ‘в результате движения A или B в определенный момент времени они перестают находиться в одном и том же месте, и A утрачивает контакт с B; (3) ‘приобрести’ = ‘начать иметь’; ‘утратить’ = ‘перестать иметь’; (4) ‘перестать X’ = ‘начать не X’ (ср. [Апресян 1974: 289]).

Энантиосемия рассматриваемого типа иногда бывает связана с культурными конвенциями. Так, во многих культурах признание вины хотя бы частично освобождает от ответственности. Соответственно, русское слово *извинение* может указывать и на акт выражения сожаления по поводу собственной вины, и на извиняющее обстоятельство, т. е. причину для оправдания. Подобным образом и английское слово *apology* может указывать и на акт выражения сожаления по поводу своей вины, и на апологию, т. е. формальное выступление, устное или письменное, в чью-либо защиту.

Асимметрия действия или процесса и результата может проявляться и в том, что один и тот же результат может достигаться «противоположными» действиями. Так, противоположность значений сербского *спор* ‘медленный’ и этимологически тождественного русского *спорый* ‘быстрый’ объясняется наличием двух противоположных способов увеличить результат работы: можно работать дольше или же с большей производительностью. Отсюда два пути развития прилагательного, которое первоначально, очевидно, означало

‘обильный’[24]: с одной стороны, ‘длительный’ и тем самым ‘медленный’, а с другой — ‘интенсивный, эффективный’ и тем самым ‘быстрый’ (оппозиция, основанная на противоположности ‘больше’ — ‘меньше’)[25].

8. Метафоры времени

К числу регулярных источников энантиосемии относится наличие двух противоположных пространственных метафор времени[26]. В основе одной из них лежит представление, при котором мир представляется стабильным, неподвижным, а время — «идущим» мимо него, — в таком случае то, что было раньше, воспринимается как идущее впереди, а то, что должно произойти позже, — как идущее сзади. В основе другой метафоры находится представление, при котором время постоянно и неподвижно, а «наблюдатель» движется сквозь время из прошлого к будущему. При таком представлении впереди находится то, что еще только будет, а сзади — то, что было раньше.

Следует заметить, что эти метафоры не являются полностью взаимоисключающими. В принципе можно вообразить движущееся время (когда более ранние моменты оказываются «впереди») и «наблюдателя», движущегося из прошлого в будущее, как бы «навстречу» времени. Но существенно, что метафора движущегося времени вообще не обязательно предполагает «наблюдателя» (а при наличии «наблюдателя» он чаще всего мыслится как неподвижный), а метафора «наблюдателя», движущегося из прошлого в будущее, чаще всего

[24] Ср. церковнославянские *спори бывъше* ‘умножившись’, *спорина* ‘изобилие, избыток’, *споро* ‘обильно, богато’ [Дьяченко 1993: 650–651].

[25] Интересно, что английское слово *fast*, которое естественно использовать для перевода русского слова *спорый*, само имеет два «противоположных» значения. С одной стороны, оно означает ‘устойчивый, неподвижный, несдвигаемый, прикрепленный’, как в выражениях *the ship was fast aground* ‘корабль устойчиво сел на мель’; *the car stuck fast* ‘автомобиль намертво застрял’; с другой стороны, он означает ‘быстрый, двигающийся с большой скоростью’, как в выражениях *he is a fast worker* ‘он быстро работает’; *my watch is fast* ‘мои часы спешат’. Оба значения восходят к исходному значению ‘твердый, крепкий’, которое затем дало значение ‘сильный, энергичный’.

[26] Описание типов пространственных метафор времени опирается на параграф «Парадоксы темпоральной ориентации» книги [Шмелев 2002б]. Ср. иную концепцию пространственно-двигательной метафоры времени в разделе II.9.2.

не предполагает движущееся время. Поэтому указанные метафоры остаются концептуально различными.

Не случайно метафору движущегося времени можно представить при помощи образа поезда, движущегося мимо наблюдателя, неподвижно стоящего на платформе: вагоны, находящиеся впереди, проходят мимо наблюдателя раньше, а вагоны, находящиеся сзади, — позже, что и объясняет метафору более раннее — впереди, более позднее — сзади (в прямом режиме, когда точка отсчета совпадает с моментом наблюдения, более раннее соответствует прошлому, а более позднее — будущему). При этом совершенно безразлично, как ориентирован наблюдатель: он может смотреть вслед уходящим вагонам (т. е. в прошлое), навстречу приближающимся вагонам (т. е в будущее) или перпендикулярно движению поезда. Выбор слов со значением 'впереди' и 'сзади' при метафоре движущегося времени от этого никак не зависит. Однако представление, в соответствии с которым наблюдатель смотрит в прошлое, поддерживается тем, что прошлое нам известно (мы его видим), а о будущем мы можем только гадать (оно недоступно нашему наблюдению)[27].

Следует подчеркнуть, что метафора движущегося времени, при котором прошлое находится впереди, в настоящее время не является живой (именно поэтому в книге [Шмелев 2002б] она была названа «архаичной»). Я сам замечал, что когда рассказываю о ней, то, говоря «прошлое воспринималось как находящееся впереди», при слове *прошлое* иногда делал непроизвольный жест рукой, направленный назад. Но она отражена во многих застывших выражениях, таких как *время идет, течет*; *пришло время*, *предыдущий день*; *следующее воскресенье*; *прошедший год*; именно оно лежит в основе темпорального употребления многих первоначально пространственно-двигательных наречий и предлогов: *прежде*, *перед тем*, *вслед за тем*, *затем*, *после*, *напоследок* и т. п., и вполне прозрачной этимологии слов *прежний* и *предок*.

Здесь уместно цитировать следующее высказывание Д. С. Лихачева [1979: 254]: «Сейчас мы представляем будущее впереди себя, прошлое позади себя, настоящее где-то рядом с собой, как бы окружающим нас. Летописцы говорили о "передних" князьях — о князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносим с воспринимающим его субъектом. "Задние" события были событиями настоящего или будущего». И в другом месте [Лихачев 1989: 397–398]: «Для древней Руси так оно и было: "переднее" (начало) и "заднее" (самое последнее во временном ряду). Мы *позади* в "обозе" совершавшихся и совершающихся событий». Примечательно, кстати, что в ситуации недостаточно ясного контекста современные исследователи

[27] Ср. раздел II.9.2, в котором метафора движущегося поезда представлена иначе.

иногда понимают встречающиеся в древнерусских текстах выражения *передняя* (т. е. прошлые события) и *задняя* (т. е. будущие события) в соответствии с современным пониманием и воспринимают слово *передняя* как относящееся к будущему, а слово *задняя* — как относящееся к прошлому.

В результате одни и те же языковые выражения с исходным пространственным значением при их использовании по отношению к времени могут обозначать прямо противоположные вещи. Находящимся впереди может мыслиться и то, что было раньше, и то, что будет позже (оппозиция, основанная на противоположности 'больше' — 'меньше'). Отсюда энантиосемия приставки *пред-* при ее использовании во временном значении (в прилагательном *предыдущий*, т. е. 'идущий впереди', она указывает на более ранний момент времени, а в прилагательном *предстоящий*, т. е. 'стоящий впереди', — на более поздний). Как отмечалось в [Шмелев 2002б], различное (собственно, противоположное) понимание приставки *пред-* в словах *предыдущий*, *предшествующий*, с одной стороны, и *предстоящий* — с другой, соответствует различию двух представлений о времени: «движущееся время» и неподвижное время, через которое движется человек: если движется время, то «впереди» идут более ранние моменты, поэтому *пред-* в словах *предыдущий*, *предшествующий* указывает на то, что было раньше; если же человек движется через неподвижное, «стоящее» время, то впереди, перед ним оказывается то, что еще только будет, — и, соответственно, *пред-* в слове *предстоящий* указывает не на прошлое, а на будущее. Сходным образом объясняется энантиосемия наречия *вперед*, которое может значить как 'прежде' (*вперед подумай, потом сделай*), так и 'после, в будущем' (*вперед не серди меня*). Эта энантиосемия отмечается рядом словарей: по данным МАС, оно, с одной стороны, означает 'на будущее время, в будущем; впредь', а с другой — 'прежде, раньше, сперва; заранее'. Подобная энантиосемичность отмечается и другими толковыми словарями (по В. И. Далю [1978], *вперед* может означать как 'прежде', так и 'после'); правда, в словаре С. И. Ожегова [1981] нормативным признается только употребление в значении будущего (*вперед будьте осторожнее*), но и там указывается, что «иногда *вперед* употр. неправильно вм. *раньше*»[28].

[28] Ср. английскую морфему *for*(*e*) 'пред', которая в словах *before* и *forerunner* указывает на то, что было раньше, а в слове *forward* (напр., в выражении *looking forward to seeing you*) — на то, что предстоит (ср. [Lakoff, Johnson 1980: 41–45]). Возможности двоякого подхода к пространственной метафоре временной упорядоченности посвящен также особый раздел книги [Степанов 1997: 126–129], так и озаглавленный — «Два представления о позиции человека во времени — "прошлое позади нас", "прошлое перед нами"».

Энантиосемичными (соотносящимися как с «более ранними», так и с «более поздними» периодами времени) оказываются и некоторые языковые единицы, указывающие на «нахождение сзади». Так, выражение *задним числом*, по данным «Малого академического словаря» [МАС, 1: 516], может означать как ‘позднее, спустя некоторое время’ (ср. выражение *утвердить документ задним числом*), так и ‘более ранним, прошедшим числом’ (ср. выражение *пометить документ задним числом*).

Как уже говорилось, приставка *за-*, с которой этимологически связан корень *зад*, может соотноситься как с началом, так и с концом какого-либо процесса. Приведем примеры энантиосемичных слов с данной приставкой. Наречие *затемно*, по данным «Малого академического словаря» [Там же: 582], имеет два значения: ‘до рассвета, пока темно’ и ‘когда стемнеет’. Противоположность этих значений ярко проявляется в том, что в первом значении слово *затемно* естественным образом сочетается со словом *еще* (как в обоих примерах, иллюстрирующих это значение в «Малом академическом словаре»: *...уехал еще затемно*; *...по старой шахтерской привычке просыпался еще затемно...*), а во втором — со словом *уже* (как в примере из «Малого академического словаря»: *Астахов вернулся к взводу уже затемно*). В обоих случаях речь идет о темном времени суток, близком к завершению или, наоборот, только что наступившем: тем самым противопоставляются интерпретации ‘незадолго до конца темного времени суток’ и ‘сразу после начала темного времени суток’ (т. е. мы имеем дело с оппозицией, основанной на противоположности конца и начала). При этом теоретически возможен дальнейший семантический сдвиг, при котором будет утрачена связь с идеей темноты (такой сдвиг произошел в устойчивом выражении *ни свет ни заря* ‘очень ранним утром’). Можно обратить внимание еще на предлог *за*, который, сочетаясь с обозначением некоторой границы, может обозначать как точку внутри соответствующего ограниченного пространства (*за Полярным кругом*), так и точку вне его (*за чертой оседлости*).

Следует иметь в виду, что указанными двумя пространственно-двигательными метафорами не ограничивается возможность метафорического представления времени. Иногда используется еще одна «двигательная» метафора времени, не соответствующая ни «архаичному», ни «современному» подходу. Это представление, согласно которому время движется из прошлого в будущее и мы движемся вместе с ним, иллюстрируется, напр., стихотворением Пушкина «Телега жизни», уже цитированным нами в главе I.1. Сходная идея выражена и в стихотворении С. Я. Маршака: *Сколько раз пытался я ускорить / Время, что несло меня вперед, / Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить, / Чтобы слышать, как оно идет. / <...> / А теперь неторопливо еду...* При таком

взгляде отчасти снимается противоположность между «современными» и «архаичными» представлениями. Действительно, он предполагает, что мы движемся во времени как бы на поезде; а ведь мы называем станцию, которую мы проехали раньше, *предыдущей станцией*, как если бы она «шла впереди» данной, двигаясь мимо нас, — хотя на самом деле станции неподвижны, а движемся мы, и предыдущая станция оказывается не впереди, а позади нас. Существует также представление, согласно которому мы движемся в одном и том же направлении со временем, независимо друг от друга: время идет из прошлого в будущее, убегает, его надо *не упустить* (или даже догнать, ср. *в погоне за убегающим временем*). Это же представление отражено в таких устойчивых выражениях, как *идти в ногу со временем*; *опередил свое время*. Однако эти представления, по-видимому, не могут рассматриваться в качестве источников энантиосемии.

9. Временная метонимия

Слова с темпоральной семантикой вообще в высокой степени склонны к энантиосемии, и наличие двух противоположных пространственных метафор времени не единственный ее источник. Другой важный источник энантиосемии в этой области связан с тем, что при обозначении времени активно используется метонимия, т. е. перенос по «смежности», а смежными часто оказываются отрезки времени, которые концептуализуются как «противоположные». Так, слово *мясопуст* получило в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [СРЯ XI–XVII] следующие толкования: ‘1. Допущение в пищу молочных и мясных продуктов по церковному уставу’; ‘2. Воскресенье перед масленицей, мясное заговение, с которого по уставу православной церкви не разрешалось употреблять мясную пищу’; ‘3. Великий пост перед пасхою, продолжающийся сорок дней (четыредесятница), а также пост вообще’ [Булыгина, Шмелев 1997б]. Поскольку «пост вообще» и Великий пост в частности предполагает как раз запрет на вкушение молочных и мясных продуктов, мы видим, что первое и третье значения слова *мясопуст* оказываются прямо противоположными, различающимися наличием — отстутствием отрицания. Разгадка парадокса состоит в том, что слово *мясопуст* связано с «терминологическим» сочетанием *мясопустная неделя*, обозначающим воскресенье перед масленицей, последний день, когда по уставу разрешается вкушение мясной пищи (этому сочетанию эквивалентно слово *мясопуст* во втором из приведенных выше значений). Но оно может метонимически переноситься как на период, непосредственно

предшествующий этому дню (т. е. период, когда вкушение мяса разрешено), так и на период, наступающий после этого дня (т. е. период, когда вкушение мяса запрещается, — масленицу и Великий пост). Энантиосемичность слова *мясопуст* поддерживается возможностью различного осмысления его внутренней формы: второй элемент может ассоциироваться как с глаголом *пустить* (т. е. 'разрешить'), так и со словом *пустой* (предполагающим отсутствие, т. е. недопущение в пищу)[29].

По-видимому, именно с временной метонимией связано то, что отрицание оказывается «незначащим» в выражениях типа *подождать, пока он* (*не*) *придет.* Пока время ожидания длится, «он» не приходит; но момент окончания времени ожидания — это момент, когда «он» приходит.

С метонимическими сдвигами при обозначении времени связан тот факт, что некоторые языковые единицы могут обозначать как праздничные, выходные, так и рабочие дни. Напр., в итальянском языке слово *feria* (от устаревшего глагола *feriare* 'не работать, отдыхать'), наряду со значением 'праздник, день отдыха' (во множественном числе *ferie* может обозначать каникулы или отпуск), имеет разговорное значение 'будни' (для производного прилагательного *feriale* значение 'будничный' является основным — ср. выражение *giorno feriale* 'рабочий день'). Со сходным парадоксом можно столкнуться и на материале русского языка. Так, в большинстве славянских языков воскресенье обозначается словом, восходящим к сочетанию *не делать* (ср., напр., украинское *неділя*, белорусское *нядзеля*, болгарское *неделя*, польское *niedzela* и т. д.). Собственно, и в русском языке это значение сохранилось в выражениях, восходящих к церковнославянским календарным терминам (таким, как упомянутое выше сочетание *мясопустная неделя*). В то же время в русском языке слово *неделя* было метонимически перенесено на семидневный период, включающий воскресенье, а в современном языке преимущественно обозначает его рабочую часть, т. е. употребляется противоположно исходному значению[30].

---

[29] Здесь проблема интерпретации слова *мясопуст* изложена несколько схематично; более подробное изложение можно найти в уже цитированной статье [Булыгина, Шмелев 1997б].

[30] Ср. примеры из книги [Шмелев 2002а: 327]: *Приходите на неделе* (скорее всего, не в субботу или воскресенье) или даже *Мало вам недели, так вы еще и в выходные звоните.* Семантический переход здесь типологически близок появлению у английского слова *week* 'неделя' значения 'рабочая неделя', иллюстрируемого такими примерами, как *40-hour week* 'сорокачасовая рабочая неделя'; *She spends the week in town but is at home on Sundays* 'Неделю (имеется в виду: с понедельника до субботы) она проводит в городе, а по воскресеньям дома'. Заметим, кстати, что слово *weekday* (*букв.* 'день недели') в современном английском языке имеет единственное значение 'будний день'.

10. Особые случаи

Этим не исчерпываются факторы, порождающие энантиосемию. Так, энантиосемию активно используемого в общем жаргоне глагола *обломиться / обламываться*, который используется для обозначения как ситуации, когда человек получает желаемое, так и ситуации, когда дело заканчивается неудачей (*обломом*)[31], можно объяснить наличием двух противоположных метафор для ситуации, когда человек затевает какое-то дело в надежде нечто получить в результате.

Источники энантиосемии могут быть не вполне очевидны, когда речь идет о заимствованных словах. Так, русское заимствованное прилагательное *оригинальный* в обычном прочтении относится к чему-то необычному (как в сочетании *оригинальная идея*); поэтому сочетание *оригинальная водка* могло бы пониматься как 'водка с необычным добавочным вкусом'. Однако в последние десятилетия сочетание *оригинальная водка* стало использоваться как калька английского сочетания *original vodka* (т. е. обычная водка без вкусовых добавок).

Интересным в этом плане оказывается существительное *интерес* и прилагательное *интересный*. Определить, что такое *интересное*, достаточно сложно; но во всяком случае ясно, что это не просто нечто любопытное, занимательное. Категория *интересного* занимает важное место в современной жизни: преподаватели стремятся пробудить у учащихся *интерес* к изучаемому предмету, создаются клубы *по интересам*, разносторонние люди *интересуются* самыми разными явлениями. Распространенный способ отказаться от обсуждения какого-либо вопроса — сказать, что он не представляет *интереса*.

Категория *интересного* для нас столь привычна, что кажется странным ее отсутствие в традиционном (в частности, средневековом) миропонимании. Для ее обозначения европейские языки выбрали слово, восходящее к латинскому глаголу *interesse* 'иметь важное значение' и первоначально обозначавшее выгоду, пользу. Русский язык первоначально заимствовал слово *интерес* именно в этом значении — 'выгода, польза' (ср. выражения *в чьих-либо интересах*,

[31] Правда, в последнем случае в качестве глагола совершенного вида чаще используется форма *обломаться*. Ср. примеры из «Словаря московского арго» [Елистратов 1994: 285]: *Кажется, дело обламывается* (не удается, проваливается); *Стипуха обламывается* (не будут платить); *Играю-играю, а ничего не обламывается* (о неудаче в лотерее). Ср. также: *Мы обращались в различные фонды, но нам никогда ничего не обламывалось* и *Мы обращались в различные фонды, но у нас всегда все обламывалось* — предложения имеют почти тождественное значение.

играть на интерес ‘на деньги’), а затем, вслед за западными языками, перенес заимствованное слово на новую категорию. Поскольку категория интересного раньше в картине мира отсутствовала и была заимствована с Запада, оказалось естественным заимствовать и ее обозначение. Это новое значение заняло главенствующее место в сознании носителей языка, в результате чего многие из них переосмыслили выражение *играть на интерес* и стали понимать его как ‘играть не на деньги, а только ради развлечения’. Ср. примеры из Интернета:

> ...так прикинь там играть можно *на интерес*, либо на деньги (http://point.ziox.ru)

> Наш сервис предоставляет возможность играть с реальными противниками как на деньги, так и на интерес. (http://comewithus.ru/games/?page_id=43)

Бывают также случаи, когда источник энантиосемии не вполне ясен. Рассмотрим известный пример межъязыковой энантиосемии — сербское слово *вредно* ‘полезно, стоит’ и русское *вредно*. Принято считать, что эти слова восходят к корню со значением ‘гнойник, нарыв’ (ср. *бередить* (*рану*) ‘растравлять, причинять боль неоднократным прикосновением к болячке’)[32]. Семантический путь к значению ‘вред, порча’ кажется очевидным. Одно из возможных объяснений появления значения ‘полезно, стоит’ состоит в следующем. Значение ‘боль, страдание’ естественно переходит в значение ‘работа’ (ср. такой переход в слове *страда*). Отсюда значения ‘трудолюбивый, прилежный; имеющий силу; достойный’ у соответствующего прилагательного (эти значения действительно засвидетельствованы у сербского прилагательного *вредан*)[33]. В предикативном употреблении такое прилагательное естественно понимается как ‘стоит, полезно’ (напр., *то је вредно урадити* ‘это стоит сделать’)[34].

---

[32] В словаре Даля содержится слово *веред*, толкуемое как «чирей, болячка, боляток, стержневой нарыв», и глагол *вередить*, иллюстрируемый, в частности, такими примерами: *Довередил зуб до того, что опять разболелся; Развередил больное место* [Даль 1978–1980, 1: 179].

[33] Ср. также болгарское прилагательное *вреден*, имеющее значения ‘вредный’ и ‘дельный, способный’.

[34] Возможны и изолированные случаи, когда энантиосемия возникает как результат совпадения в звучании двух различных слов с противоположными значениями. Так, в книге Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова в качестве примера слов, которые в санскрите «начинают употреблятся в качестве символов, имеющих множество значений, иногда противоречивых», приводится «*ari* ‘враг’ и одновременно ‘друг’» [Иванов, Топоров 1960: 129]. Но, по данным Т. Барроу [Барроу 1976: 42, 232], *ari* ‘преданный, надежный’ и *ari* ‘враг’ имеют различное происхождение. Также различное происхождение характеризует слова *изможденный* и просторечное *изнеможденный* (вместо этимологически правильного *изнеможенный*).

Но в любом случаи трудности и нерегулярности, связанные с интерпретацией отдельных примеров, не опровергают общего вывода: в большинстве случаев явления «незначащего» отрицания и энантиосемии имеют регулярные источники и даже могут быть предсказаны.

11. Заключительные замечания

Как было показано, в большинстве случаев энантиосемия и «незначащее» отрицание оказываются побочным результатом самых обычных, регулярных семантичских сдвигов. Среди этих сдвигов были выделены следующие.

Ирония представляет собою использование языкового выражения для того, чтобы передать значение, противоположное его буквальному пониманию. Поэтому она может быть описана как окказиональная энантиосемия. Если ироническое использование некоторого выражения конвенционализуется, возникает энантиосемия. Можно сказать, что именно ирония составляет специализированный источник энантиосемии. Конвенционализация иронии приводит к возникновению энантиосемии, основанной на отрицании и на оппозиции ‘хорошо’ — ‘плохо’. Переоценка чаще всего приводит к энантиосемии, основанной на оппозиции ‘хорошо’ — ‘плохо’, но может быть и источником энантиосемии, основанной на оппозиции ‘больше’ — ‘меньше’.

Целый ряд единиц приобрел значения, противоположные исходному значению, в силу конвенционализации прагматических эффектов, часто приводящих к появлению имплицитного отрицания.

Поляризация актантов часто приводит к конверсивной энантиосемии, которая имеет место, если два актанта (два участника ситуации) начинают восприниматься как «противоположные», а описание ситуации с точки зрения одного участника как «противоположное» описанию той же ситуации с точки зрения другого участника, причем такие «противоположные» описания ситуации метонимически связаны. Хотя здесь нет противоположности значений в строгом смысле слова, случаи такого рода относятся к энантиосемии в самом широком понимании.

Еще один метонимический источник энантиосемии (основанный на имплицитном отрицании) обусловлен тем фактом, что метонимия — вполне обычное явление при обозначении времени. Периоды времени, концептуализуемые как «противоположные», очень часто находятся в отношении смежности.

Когда мы имеем дело со «смешанными чувствами», т. е. с ситуацией, в которой субъект находится в эмоциональном состоянии, соединяющем черты

двух противоположных эмоциональных состояний («хорошего» и «плохого»), описание таких эмоциональных состояний часто сдвигается в сторону одной из этих эмоций, и это приводит к появлению семантических цепочек, звенья которых могут соответствовать «противоположным» эмоциональным состояниям. Это объясняет энантиосемию некоторых выражений, обозначающих эмоции.

Распространенный источник энантиосемии состоит в наличии двух противоположных метафор времени в метафорических системах многих языков: представления, в соответствии с которым мир неподвижен, а время «идет» или «течет» и «проходит мимо», и представления, в соответствии с которым наблюдатель движется во времени из прошлого в будущее. В результате и прошлое, и будущее могут мыслиться как находящиеся впереди точки отсчета. Это приводит к энантиосемии некоторых темпоральных выражений с одним и тем же исходным пространственным значением.

Различные типы взаимодействия поверхностного отрицания и имплицитного отрицания также могут приводить к энантиосемии. Можно упомянуть «цикл Есперсена», в котором некоторое слово, употреблявшееся преимущественно или исключительно в контексте отрицания, само приобретает отрицательное значение. «Минимизаторы» часто обозначают одно и то же, независимо от наличия или отсутствия отрицания: они обозначают пренебрежимо малое количество, практически эквивалентное нулю; а при наличии отрицания дается понять, что отсутствует даже такое пренебрежимо малое значение, что опять-таки эквивалентно нулю.

Итак, в большинстве случаев явления «незначащего» отрицания и энантиосемия имеют регулярные источники и типологические параллели.

Глава 9 *Анна А. Зализняк*

Засветло или *затемно*? К вопросу о месте энантиосемии в семантической деривации

Энантиосемия, или автоантонимия, т. е. объединение в одном слове двух противоположных значений, начиная с XIX в. является соблазнительным объектом лингвистического анализа; соблазн здесь состоит в том, чтобы видеть в «единстве противоположностей» *движущую силу* семантической деривации. Большинство предлагавшихся в ту эпоху примеров энантиосемии из индоевропейских языков были опровергнуты уже в середине XX в.[1], а энантиосемия как *когнитивный механизм* была впоследствии подвергнута справедливому сомнению (ср., в частности, [Lepschy 1981: 176; Blank 1997: 225–229]). По-видимому единственным безусловным *механизмом* развития у слова противоположного значения, т. е. реализации семантического перехода типа 'А' → 'не-А', является ирония[2], ср. [Балли 2001: 192; Ермакова 2002] и др. Во всех прочих случаях энантиосемия возникает в силу действия каких-то иных механизмов. В частности, она может возникать как побочное следствие действия семантической деривации, разные пути которой могут приводить к различным результатам, в том числе противоположным (ср. [Blank 1997: 229; Hénault 2008: 293; Shmelev 2016: 67]; таков, в частности, источник энантиосемии префиксальных глаголов, см. [Зализняк 2013а: 422]), как результат действия разных механизмов

---

[1] См. статью [Бенвенист 1974а], опровергающую идею К. Абеля о совмещении противоположных значений в словах «примитивных» языков («Gegensinn der Urworte»), ставшую в начале XX в. популярной благодаря работам З. Фрейда, увидевшего здесь аналогию с некоторыми явлениями психической сферы.

[2] Ср. *Хорошенькое дело! Ну ты молодец!*; *Fiez-vous aux femmes!* (как призыв не доверять женщинам — пример Ш. Балли) и т. п. В словах *угораздило* и *умудриться* смена знака оценки имела место в ходе семантической эволюции: глаголы *угораздить* и *умудрить* исходно означали «научить, надоумить» [Даль 1994, 4: 944, 1019]. О принципиальном единстве процессов синхронной и диахронической семантической деривации см., в частности, [Зализняк 2001].

прагматикализации, ср. понятие «прагматической энантиосемии», или «энантиопраксии» в [Caffi 2010], как результат конвенционализации импликатур и ряда других факторов (ср. [Шмелев 2009; Shmelev 2016], см. также раздел II.8).

1. *Затемно* и *засветло*

Рассмотрим в данной связи русские наречия *затемно* и *засветло*.

Наречие *затемно* употребляется в русском языке для обозначения двух различных временных точек (соответствующие два значения выделяются, в частности, в МАС):

(i) 'незадолго до рассвета' (*отправился в путь затемно*; *пришел на работу затемно*); в этом случае *затемно* обычно фиксирует момент начала деятельности, которая будет продолжаться после рассвета;

(ii) 'вскоре после заката' (*вернулся домой затемно*; *закончил работу затемно*); в этом случае *затемно* фиксирует момент окончания деятельности, которая началась до заката; ср. следующие примеры из НКРЯ (www.ruscorpora.ru):

(i) 'незадолго до рассвета':

(1) В разговорах с Соломоном Волковым он вспоминал, что когда в ссылке ***затемно*** отправлялся на работу, мысль о том, что этим ранним утром миллионы людей на ее бескрайних просторах идут в свои цеха и забои, странным образом ободряла и согревала его. [Анатолий Макаров. Ортодокс поневоле (2001)]

(2) Утро в лазарете начинались с обходов, ***затемно***. [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)]

(3) Вышли ***затемно***. Пока доволоклись до заповедных мест, над синеватыми Кудыкиными горами встало розовое зарево и вскоре прянуло в небо нечетное счастливое солнышко. [Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]

(4) В Пулково мы приехали ***затемно***, потому что самолет мой улетал в 7 часов утра. [Марк Зайчик. В нашем регионе // «Звезда», 2002]

(ii) 'вскоре после заката':

(5) Чуть свет он уходит, возвращается ***затемно***. [Борис Екимов. Сосед (2001)]

(6) Добравшись до Слезкино ***затемно***, Серафим даже не стал заходить в избу у воды, когда-то купленную Ионой и разоренную вскоре после его исчезновения. [Андрей Дмитриев. Закрытая книга (1999)]

(7) [...] съемочный день нашей творческой группы начинался с первыми лучами солнца и заканчивался ***затемно***, когда от усталости все буквально валились с ног. [Марина Лацис. Сады окаменевших снов (2001) // «Ландшафтный дизайн», 2001.07.15]

(8) Расходились ***затемно***, довольные собой и друг другом. [Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)]

Слово *затемно* может употребляться в разных значениях в одном предложении, ср.:

(9) Это он — птица вольная: ***затемно*** ушел, ***затемно*** пришел. [Андрей Волос. Сирийские розы // «Новый Мир», 1999]

Словообразовательная модель, использованная в слове *затемно*, относительно малопродуктивна; возможно, она реализована также в словах *заживо* и *замертво*. Как и *затемно*, эти наречия фиксируют точку, близкую к начальной или конечной границе обозначенного основой состояния, и тоже могут быть употреблены только в контексте динамических предикатов. В слове *заживо* реализуется значение, соответствующее варианту (i): *сгорел заживо* фиксирует пребывание в конечной точке состояния ‘быть живым’, а в слове *замертво* реализуется значение, соответствующее варианту (ii): *упал замертво* фиксирует пребывание в начальной точке состояния ‘быть мертвым’.

В статье [Шмелев 2009] слово *затемно* трактуется как энантиосемичное. Однако противопоставление его двух значений не является в буквальном смысле противоположностью; оно представляет собой результат реализации единой концептуальной схемы, заключенной в слове *затемно* (‘в <темном> промежутке времени, близко к его границе’) применительно к двум различным порядкам следования света и тьмы на рассвете и на закате. Если речь идет о границе, отделяющей свет от наступающей тьмы, *затемно* означает ‘вскоре после заката’ (*вернуться домой затемно*); если, наоборот, о границе между тьмой и наступающим светом — ‘незадолго до рассвета’ (*выехать затемно*).

Слово *затемно* может появляться как эквивалент англ. *in the dark* ‘в темноте’ в обоих значениях: ‘незадолго до рассвета’ в (10) и ‘вскоре после заката’ в (11):

(10) Pablo had surrounded it ***in the dark***, cut the telephone wires, placed dynamite under one wall and called on the guardia civil to surrender. [Ernest Hemingway.

For Whom The Bell Tolls (1940)] — Пабло со своими окружил их еще ***затемно***, перерезал телефонные провода, заложил динамит под одну стену и крикнул guardia civil, чтобы сдавались. [Эрнест Хемингуэй. По ком звонит колокол (Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968)]

(11) At this rate they would arrive ***in the dark***, which was what he wanted. [Graham Greene. The Power and the Glory (1940)] — Если они будут идти таким ходом, то доберутся до места ***затемно***, а это как раз то, что ему нужно. [Грэм Грин. Сила и слава (Н. Волжина, 1970–1980)]

В примере (12) из немецкого параллельного подкорпуса НКРЯ слово *затемно* появляется в переводе как эквивалент немецкому *im Dunkel* 'в темноте'; при этом ни оригинал, ни перевод в пределах приводимого контекста не позволяют однозначно установить, идет ли речь о значении 'перед рассветом' или 'после заката'.

(12) Es gelang mir, eine Büchse Bohnen zu öffnen, ohne mir die Hand zu ratschen, ich goss kochendes Wasser in den Filter, während ich an das Haus dachte, das Züpfner sich hatte bauen lassen. Vor zwei Jahren war ich einmal dort gewesen. Ich sah sie ***im Dunkel*** nach Haus kommen. Der scharf gebürstete Rasen sah im Mondlicht fast blau aus. Neben der Garage abgeschnittene Zweige, vom Gärtner dort aufgehäuft. Zwischen Ginster und Rotdornbusch der Abfalleimer, zum Abholen bereit. [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)] — Кое-как я открыл банку фасоли, не покалечив руки, я налил в кофейник кипящую воду; думал я о вилле, которую построил себе Цюпфнер. Года два назад я был у него. Я представил себе, как она ***затемно*** приходит на эту виллу. Коротко подстриженный газон в лунном свете кажется почти что синим. Возле гаража груда срезанных веток — их свалил туда садовник. Между кустами дрока и боярышника мусорное ведро дожидается мусорщика. [Генрих Бёлль. Глазами клоуна][3]

В примере (13) также вне контекста неясно, о каком времени суток идет речь:

(13) В Прагу вылетели военным самолетом, втроем, в город въехали ***затемно***, попетляли по левобережью Влтавы, остановились невдалеке от Карлова моста. [Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000]

[3] Неоднозначность разрешается в более широком контексте, ср. продолжение этого отрывка: «Пятница. Вечер. Она уже заранее знает, чем пахнет на кухне — там пахнет рыбой, знает и то, от кого лежат записки: одна, на телевизоре, — от Цюпфнера...» (я благодарю А. Д. Шмелева за это наблюдение).

При этом *затемно* может также употребляться в обобщенном значении ‘в темное время суток’, ср. употребление слова *тоже* в примерах (14), (15).

(14) Я прихожу с работы, когда уже *темно*, ухожу *тоже* ***затемно***, электричества у нас нет, а при коптилке не вижу. [Е. А. Ковалевская. Реквием // «Звезда», 2001]

(15) Вылетали из Москвы, было темно, летели *во тьме* и приземлились в Певеке *тоже* ***затемно***. [Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001]

Возможность такого употребления говорит о том, что различаемые словарями два значения слова *затемно* трактуются русским языком скорее как контекстные варианты одного и того же значения; в отсутствие различающего контекста их противопоставление исчезает.

Слово *засветло* реализует аналогичную концептуальную схему: ‘в <светлом> промежутке времени, близко к его границе’, и здесь имеется аналогичная пара значений: (i′) ‘незадолго до заката’ (*вернулись домой еще засветло*) и (ii′) ‘вскоре после рассвета’ (*закончили работать уже засветло*)[4]. Примеры:

(i′) ‘незадолго до заката’:

(16) Когда в день своего исчезновения он ***засветло***, *до наступления сумерек* вышел от Гордона на Бронную, направляясь к себе домой на Спиридоновку, он тут же, не пройдя и ста шагов по улице, наткнулся на шедшего во встречном направлении сводного брата Евграфа Живаго. [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

(17) Возвращались *поздно, но* ***засветло***. Закат застали уже в степи, а перед этим мчались наперегонки с клонящимся солнцем по сопкам, с горы на гору. [Валерия Иванова. Байкал // «Сибирские огни», 2012]

(ii′) ‘вскоре после рассвета’:

(18) Александр Павлыч кутил в «Магните» и возвращался *уже* ***засветло***, когда Привалов успевал уйти. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)]

(19) Бросив телогрейку на кедровый лапник, он собрался соснуть часок, но пробудился ***засветло***. [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)]

[4] Значение (ii′) — более редкое; в словаре МАС оно не отмечено. Словарь Даля, а также Словарь Академии Российской (Часть V. СПб., 1794. С. 379) указывают единственное значение этого слова — ‘до заката’.

Как было показано в статье [Зализняк, Шмелев 1997а] на основании анализа слова *утро* и его производных (см. также раздел I.1), в русском языке отражено представление о том, что светлое время суток предназначено для деятельности, а темное — для перерыва в деятельности. Употребление слов *затемно* и *засветло* подтверждает этот вывод: *затемно* в значении ‘после заката’ и *засветло* в значении ‘до заката’ встречается преимущественно в контексте глаголов, обозначающих, соответственно, относительно позднее или относительно раннее окончание деятельности или пути (*вернуться*, *добраться*, *приехать*, *прибыть*, *закончить работу* и т. п.). *Затемно* в значении ‘до рассвета’ употребляется преимущественно в контексте глаголов, обозначающих предварительный этап деятельности, которая начнется после рассвета (*проснуться*, *выйти*, *выехать* или *прийти*, *приехать* <в точку назначения>). *Засветло* в значении ‘после рассвета’ локализует завершение той или иной «аномальной» ночной деятельности.

Итак, вариант локализации «на краю» временного интервала, обозначенного основой (т. е. в его начале или в его конце), не закреплен в словах *затемно* и *засветло*: выбор того или другого варианта может детерминироваться контекстом — в частности, наречиями *еще* и *уже*.

Именно слова *еще* и *уже* локализуют точку, находящуюся «на краю» — соответственно, темного или светлого пространства, — на временной оси, помещая ее в той или иной части суточного цикла. А именно, наречие *еще* служит показателем реализации значения ‘до заката’ для *засветло* (*вернулись домой еще засветло*) и значения ‘до рассвета’ для *затемно* (*выехали на рыбалку еще затемно*). Наречие *уже* указывает на реализацию значения ‘после рассвета’ для *засветло* (*вернулся с ночного дежурства уже засветло*) и значения ‘после заката’ для *затемно* (*вернулись домой уже затемно*).

При отсутствии этих показателей может возникать неоднозначность; так, фраза *Мы выехали затемно* может обозначать как ‘до рассвета’ (т. е. *еще затемно*), но может означать и ‘после заката’, ср.: *Весь день пробирались, так что в результате выехали затемно* (т. е. *уже затемно*).

Сказанное может быть представлено в форме следующей таблицы:

‘до рассвета’	‘после рассвета’	‘до заката’	‘после заката’
(*еще*) *затемно*	(*уже*) *засветло*	(*еще*) *засветло*	(*уже*) *затемно*

Эта замечательно стройная картина является, однако, неполной.

А именно, наречие *засветло* имеет еще одно значение — ‘до рассвета’ (в котором оно оказывается синонимично *затемно*), где *за-* указывает на локализацию, наоборот, **вне** пространства, обозначенного основой. Как показывает

материал НКРЯ, слово *засветло* в этом значении распространяется начиная с середины XX в., ср.:

(20) Наш караван, состоявший из мулов и ослов, двинулся в путь *еще* ***засветло***, когда в городе едва пропели сонные третьи петухи и на небе еще сияли звезды. [А. П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)]

(21) Если отец не ездит в свои длинные командировки, он обычно уходит на работу ***засветло***, его военная часть находится очень далеко, в другом конце города, и потому он добирается туда на двух трамваях. [Эдуард Лимонов. Подросток Савенко (1982)]

(22) Чтобы попасть на московский самолет, вставать приходится ***засветло*** и потом ехать по спящему шоссе в порт, чтобы отправиться с первым паромом в Неаполь и далее в Рим. [Алексей Мокроусов. В тени Эпомео (2002) // «Домовой», 2002.08.04]

Для наречия *засветло* в значении 'до рассвета' — так же, как и в значении 'до заката' — характерна сочетаемость с наречием *еще*. Тем самым неоднозначным может оказаться уже и само сочетание *еще засветло*. Это неоднозначность может разрешаться за счет контекста, но может и оставаться неразрешенной. Так в (23) из смысла описываемой ситуации следует, что имеется в виду 'до рассвета' (метро еще не ходит), в (24) из общего смысла предложения следует, что скорее всего имеется в виду 'до рассвета', а в (25) для выбора понимания 'до заката' или 'перед рассветом' необходимы дополнительные сведения.

(23) Но меня все же тянуло в Париж. Хотелось хоть украдкой со стороны взглянуть, что там происходит, и *еще* ***засветло*** мы с Наташей вышли из поезда на вокзале «Сен-Лазар». Метро не действовало, такси и автобусы не ходили, и мы пешком двинулись на свою квартиру на Кэ Бурбон. [А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 5 (1947–1953)]

(24) — Сверим часы, — сказал мне Путилов. — Разыщите скорее все наши батареи, действуйте от моего имени. Сосредоточьте огонь по сопкам до пяти часов сорока пяти минут. В шесть часов, то есть *еще* ***засветло***, двинемся в атаку. Скачите, не теряйте ни минуты. [А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1–2 (1947–1953)]

(25) — Я с детства любил париться... Отец баньку растопит ***засветло***. [Сергей Шаргунов. Чародей (2008)]

Итак, в отличие от «системного» значения слова *засветло* ('до заката' или 'после рассвета'), при котором приставка *за-* локализует объект **внутри**

пространства, обозначенного основой, в значении ‘до рассвета’ та же приставка *за-* в том же слове *засветло* локализует объект **вне** этого пространства.

Значения ‘после рассвета’ и ‘до рассвета’ являются безусловно противоположными, и эта энантиосемия требует объяснения; оно включает два обстоятельства.

Первое состоит в том, что в значениях ‘до заката / после рассвета’ и ‘до рассвета’ приставка *за-* в слове *засветло* имеет разное значение. А именно, в первом случае приставка *за-* имеет значение «на краю» <пространства, обозначенного основой>. Пространственная метафора, реализованная в этом значении слова *засветло* (также как и в *затемно*), соответствует тому фрагменту «пространственной идеи» приставки *за-*, который реализован в глаголах *замочить* <край одежды>, *запилить* ‘сделать надрез пилой’, *задеть* и т. п., ср. признак EDGE (= ‘действие, захватывающее край’) в [Зализняк 2006: 311]. В *засветло* = ‘до рассвета’ приставка *за-* имеет иное значение: она выражает идею нахождения объекта с другой стороны от некоторой преграды; в рамках глагольной префиксации это значение отсутствует, но оно имеется у предлога *за*, ср. *зайти за дом*, *уехать за границу*[5]. Это же значение приставка *за-* имеет в слове *завтра* (из др.-русск. *заутро*), а также в *заутреня* (= ‘утренняя служба’). *Завтра* — это время, находящееся от наблюдателя *за* границей, после которой начинается *утро*.

Парадокс состоит в том, что *засветло* в значении ‘до рассвета’ имеет в точности ту же внутреннюю форму, что *завтра*: граница, после которой наступает светлое время суток, это и есть граница утра, однако *засветло*, в отличие от *завтра*, означает время не после, а до рассвета. Объяснение этому парадоксу называется «дейктический сдвиг».

«Дейктический сдвиг» — явление, описанное в статье [Добровольский, Падучева 2008], где продемонстрирована потенциальная обратимость позиции наблюдателя (субъекта дейксиса), включенного в семантику немецких пространственных частиц *hin* и *her*; ср. также примеры соответствий: нем. ***vor*** *die Tür setzen* — русск. *выставить* ***за*** *дверь*; ***vor*** *der Stadt* — ***за*** *городом*; *es regnet* ***vor*** *dem Fenster* — ***за*** *окном дождь* в [Тарасевич 2014]. Очевидно, *Мы выехали засветло* (= ‘до рассвета’) содержит тот же дейктический сдвиг, что *Мы стояли за дверью* (например, потому что в аудитории не было места). То есть *засветло* в значении ‘до рассвета’ означает ‘за границей светлого пространства, с точки зрения условного наблюдателя, который находится внутри этого пространства’.

[5] Ср. [Плунгян 2001] о принципиальном единстве описания полисемии приставки и предлога.

Отметим, что наречие *затемно* аналогичного сдвига не допускает (оно не имеет значения 'до заката') — что связано, очевидно, с тем, что светлая и темная часть суток неравноправны: светлая является «выделенной» точкой отсчета.

Итак, отношение между двумя значениями слова *затемно*, также как и между двумя аналогичными значениями слова *засветло*, не является энантиосемией. Что же касается третьего, «внесистемного» значения слова *засветло* ('до рассвета'), то его действительно следует признать энантиосемичным по отношению к значению 'после рассвета', и эта противоположность представляет собой «отложенный» эффект различного (хотя и не противоположного) значения приставки.

2. Замечания об энантиосемии

В заключение выскажу некоторые соображения относительно двух тезисов, выдвинутых в главе 8.

2.1. Об энантиосемии префиксальных образований

Источником энантиосемии глагола *задуть* в сочетаниях *задуть свечу — задуть домну* является то обстоятельство, что в этих двух значениях глагола *задуть* реализованы значения приставки *за-*, представляющие собой финальные точки двух различных путей эволюции ее исходной «концептуальной схемы» (см. [Зализняк 2006: 298–335]). В сочетании *задуть свечу* приставка *за-* имеет значение «уничтожить в релевантном отношении действием, соответствующим производящей основе» (содержит признак ANNIHIL в модели семантики приставки *за-*, предложенной в [Зализняк 1995]). Это значение реализуется в том случае, когда префиксальный глагол имеет иную модель управления, чем мотивирующий, ср. *дуть на свечу — задуть свечу*[6]; *свеча* в данном случае метонимически замещает *пламя свечи*, которое уничтожается путем действия *дуть*. Это значение представляет собой финальный этап преобразования идеи нахождения за преградой и — далее — покрытия и сокрытия, заключенной в приставке *за-*.

[6] Ср. другие аналогичные примеры: *замолить грех, запить горе, замолчать факт, застирать пятно, захлопать выступающего.*

Одновременно, у приставки *за-* имеется хорошо идентифицируемое начинательное значение, которое реализуется при сочетании данной приставки с глаголами, обозначающими непредельные гомогенные процессы; соответствующий префиксальный глагол представляет «начальный кадр» этого процесса (ср. *заходить по комнате* = 'начать ходить', *забарабанить по крыше* = 'начать барабанить' и т. п.). Это значение представляет собой результат развития идеи «края» — ср. признак EDGE (= 'действие, производимое «с краю»' в [Зализняк 1995]), представленный в глаголах *замочить* <ноги>, *запилить* 'сделать пилой надрез', *задеть* и т. п.[7] Дальнейшим шагом эволюции этой идеи является признак BECOME (= 'переход в состояние', ср. *загустеть*, *заржаветь*, *зачервиветь*)[8] и, далее, признак BEGIN ('начало гомогенного процесса', ср. *заходить* <по комнате>, *забарабанить*, *засуетиться*)[9].

В сочетании *задуть домну* реализовано не начинательное, а иное значение приставки *за-*: *задуть* здесь не означает 'начать дуть'. Это значение (присутствующее, например, в таких сочетаниях, как *завести мотор* или *заварить кашу*) представляет собой шаг на другом пути семантической эволюции значения 'действие, производимое «с краю»', на котором идея «края» переинтерпретируется как граница существования ситуации, возникающей в результате некоторого действия, не равного значению глагола.

Вопрос о том, следует ли усматривать в таких парах, как *задуть свечу* и *задуть домну* (а также *прослушать* <доклад> — 'выслушать' и 'не услышать, пропустить', *вывести* <новую породу кроликов> и *вывести* <тараканов>, *переизбрать* <X-а> 'избрать X-а на новый срок' и 'избрать другого человека вместо X-а', *обнести* 'обойдя, угостить каждого' и 'обойти, не угостив' и т. п.), феномен энантиосемии, должен решаться в зависимости от того, насколько расширительно мы готовы употреблять данный термин (поскольку все обсуждаемые пары значений являются противоположными лишь в некотором смысле). Но в любом случае здесь нельзя усматривать семантический переход ('A' — 'не-A' или 'начало'— 'конец'), поскольку обсуждаемые значения не связаны между собой отношением семантической деривации — ни на уровне префиксальных глаголов, ни на уровне значений приставки. Такого рода пары — это

[7] Это значение приставки *за-* представлено, в частности, в обсуждавшихся в разделе II.9.1 словах *затемно* ('в темном промежутке времени, близко к его границе') и *засветло* ('в светлом промежутке времени, близко к его границе').

[8] Состояние в языке регулярно концептуализуется как ограниченное пространство, ср. *прийти в состояние*, *выйти из состояния*, *находиться в состоянии* и т. п.

[9] Ср., соответственно, категории <change of state> и <inchoative> для глаголов с приставкой *за-* в [Janda 1986].

фактические омонимы, образованные по разным моделям в соответствии с различными значениями приставки (ср. также: *залечить человека* и *залечить рану*; *захлопать в ладоши* и *захлопать выступающего*); противоположность значений префиксального глагола — это случайный эффект, который может возникать в каких-то контекстах при столкновении результатов разных путей семантической деривации приставки.

2.2. О пространственной метафоре времени

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей известной книге [Lakoff, Johnson 1980] в разделе под названием «An apparent metaphorical contradiction» (в русском переводе [Лакофф, Джонсон 2004] — «Кажущееся противоречие в метафорах») упоминают тот факт, что в английском языке есть два способа метафорического осмысления времени в терминах пространства, которые, как кажется, противоречат друг другу. А именно, одни языковые выражения отражают модель, согласно которой будущее находится впереди (*In the weeks ahead of us*; ср. также *впредь* 'в будущем', *Что нас ждет впереди*, и т. п.), а прошлое — позади (*That's all behind us*; ср. *Самое страшное уже позади*), согласно другой — наоборот: будущее находится позади, ср. *In the following weeks* (*букв.* 'на следующих неделях', имеется в виду «в будущем»), а прошлое — впереди, ср. *In the preceeding weeks* (*букв.* 'на предшествующих неделях', имеется в виду «в прошлом») [Там же: 68].

Однако, как справедливо отмечают далее авторы, противоречие здесь кажущееся: дело в том, что выражения типа *впереди* и *позади* ориентируют события относительно «Я», а выражения типа *следующий* и *предыдущий* ориентируют одни моменты времени относительно других. Другими словами, если выражения типа *Самое трудное впереди* отражают представление о том, что будущее находится *впереди* ***меня***, то выражения типа *на следующей неделе* отражают тот факт, что неделя, о которой идет речь, *следует за*, т. е. «находится после» — не меня, а некоторой ***другой*** (более ранней) ***недели***. При употреблении в речевом режиме — это та неделя, в которой находится говорящий, и тем самым *следующая неделя* оказывается для него находящейся в будущем. В рамках реализованной здесь метафоры «время — это движущийся объект» более ранний момент (период времени, событие) «идет» ***перед*** более поздним, и этот порядок безразличен к положению «Я»: за летом *следует* осень, а осень *предшествует* зиме независимо от того, идет ли речь про текущий, прошлый или будущий год. Когда мы говорим *на предыдущем семинаре мы обсуждали то-то и то-то*, слово *предыдущий* действительно относится к прошлому

событию, но лишь потому, что указывает на его расположение ***перед*** другим аналогичным событием, а именно, семинаром, который происходит в момент речи. Приставка *пред-* в словах *предстоящий* и *предыдущий* означает одно и то же — 'перед'; только в слове *предстоящий* она указывает на положение перед «Я», а в слове *предыдущий* — перед другим аналогичным событием.

Тем самым модель «будущее позади, прошлое впереди» — по крайней мере, по приведенным выше (а также в разделе II.8) данным русского и английского языков — реконструирована быть не может.

Другая темпоральная метафора, предложенная в [Лакофф, Джонсон 2004: 71–73] — «время неподвижно, а мы движемся сквозь него»; она иллюстрируется примерами *As we go through the years*; *As we go further into the 1980s* (напомним, что книга вышла в 1980 г.); *We are approaching the end of the year*. Как отмечают авторы, поскольку движение относительно, эти две метафоры являются «согласованными» («coherent») и имеют то общее, что в обоих случаях будущее находится «впереди» нас, а прошлое — «позади» нас.

Как представляется, эти две метафоры не просто согласованы — в том смысле, что между ними нет противоречия: это в некотором смысле одна и та же метафора, основанная на сложной картине, в которой может выдвигаться на первый план одна или другая составляющая. Эта картина может быть представлена следующим образом.

Представим себе, что человек («Я») стоит на платформе, повернувшись лицом в ту сторону, откуда на него движется бесконечный поезд. Вагоны этого поезда — это моменты / промежутки времени и привязанные к ним события: они движутся из будущего (к которому обращено лицо «Я»), поравнявшись с «Я» проходят точку настоящего и уходят за его спину, в прошлое. Соответственно, будущее находится впереди «Я», прошлое — позади. При этом вагоны поезда (= временные точки / события) упорядочены друг за другом по ходу движения поезда: то, которое раньше, идет «перед» тем, которое позже; соответственно, более раннее является *предшествующим* или *предыдущим* (относительно того, которое «идет» за ним), более позднее — *последующим* или *следующим*. Будущее, или *грядущее*, — это та часть поезда, которая еще не дошла до той точки, где находится «Я», еще *идет* (*грядет*) по направлению ко мне; ср. также нем. *Zukunft* 'будущее' от *zukommen* 'подходить, приближаться'. Поравнявшись со мной, оно *пройдет мимо меня* и станет *прошедшим*.

Та же картина (подчеркнем, что это именно та же самая, а не противоположная и даже не альтернативная картина) может быть представлена как движение «Я» вперед, т. е. по направлению к будущему, вдоль неподвижного ряда линейно упорядоченных временных точек / событий — так же, как если бы они двигались, т. е. в направлении (потенциального) встречного движения:

более раннее перед более поздними. Это представление отражено в глаголе *предстоять*, а также во множестве устойчивых метафор типа *что нас ждет впереди, его ждало разочарование* и т. п.; выражение *смотреть вперед* означает 'думать о будущем' (ср. также англ. *to look forward* 'ждать с нетерпением', букв. 'смотреть вперед') и, наоборот, *не гляди назад, не гляди* (Е. Клячкин) означает 'не думай о прошлом'; *самое худшее позади* (= 'в прошлом') / *впереди* ('в будущем') и т. д.

Заметим, что неподвижность череды событий, мимо которой «Я» движется вперед к будущему — условие необязательное: события могут одновременно двигаться навстречу «Я» — о чем свидетельствует характерное использование слова *навстречу* в темпоральных метафорах (*идти навстречу своей судьбе, приключениям, опасности, гибели, смерти, славе*): в исходном значении, т. е. при описании реального физического перемещения, слово *навстречу* обозначает чаще всего именно встречное движение двух объектов, ср.:

(26) Иду я по набережной, *навстречу* мне едва живой тащится знакомый врач. [Виктор Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000]

Поскольку движение относительно, порядок «встреч» точки «Я» с расположенными друг за другом вагонами поезда будет один и тот же, независимо от того, кто из них стоит, а кто движется, и даже если они оба движутся навстречу друг другу. Существенно лишь, что оба объекта обладают свойством «фасадности» (по [Апресян 1980]), и тем самым положение другого объекта *перед* ним определено однозначно и не зависит от позиции наблюдателя.

Итак, имеется единая пространственная метафора времени, включающая движущиеся навстречу друг другу: поток временных точек / событий, направленный из будущего в прошлое, и «Я», стоящий лицом к движущемуся на него потоку событий — или идущий навстречу неподвижному, но расположенному «фасадной» стороной к нему и упорядоченному по принципу «более раннее впереди более позднего». Еще раз подчеркнем, что вопрос о том, стоит ли «Я» на месте или движется «вперед к будущему», а также, в случае если он движется, мимо неподвижного или движущегося навстречу потока, не имеет значения: *смотреть вперед* можно как стоя на месте, так и двигаясь вперед, и двигаться вперед можно с равным успехом как вдоль неподвижного «поезда с вагонами», так и вдоль идущего тебе навстречу (или проходя по вагонам этого бесконечного поезда в направлении, противоположном его движению). В любом случае будущее находится впереди, а прошлое позади от «Я».

Таким образом, отраженная в языке пространственная метафора времени обеспечивает две принципиальных возможности темпоральной локализации события: «хроноцентрическую», т. е. локализацию временной точки / события относительно другой временной точки / события на векторе, направленном

из будущего в прошлое, и «эгоцентрическую» — относительно находящегося в точке настоящего и обращенного лицом в будущее «Я». Эта двойственность и обеспечивает эффект (потенциальной) энантиосемии некоторых временных обозначений, описанный А. Д. Шмелевым. Во фразе *Впредь так не поступай* использована эгоцентрическая локализация — «впереди тебя», т. е. в будущем, а во фразе *Вперед подумай, а потом делай* (употребление, для современного языка устаревшее) — хроноцентрическая: произносящий ее имеет в виду, что в ряду «идущих друг за другом события» событие *подумай* должно стоять «перед» событием *делай*, т. е. должно произойти раньше. Хроноцентрическая локализация использована также в выражении *опережать события*, указывающем на (обычно осуждаемую) попытку нарушить нормативный порядок вещей «сначала А, потом В», произведя действие В «перед», т. е. раньше, чем произойдет событие А. Косвенным образом та же метафора присутствует во фразеологизме *ставить телегу впереди лошади.*

Хроноцентрический принцип локализации использован также в слове *предки*: *предки Х-а* — это люди, жившие раньше Х-а, т. е. период их жизни находится «перед» периодом жизни Х-а. То же верно для предлога *перед* в темпоральном значении (ср. *перед войной*; *перед Галей его женой была Надя*). При отсутствии указания реперной точки в этой роли выступает говорящий. Слова *прежде* и *прежний* обозначают временную точку, находящуюся «перед» той точкой, в которой нахожусь «Я» — т. е. раньше, в прошлом.

Особая проблема возникает в том случае, когда ситуация включает еще один вид движения — перемещение срока. Как справедливо замечает А. Д. Шмелев, фраза (27) может быть понята двояко: как обозначающая перенос на более ранний и на более поздний срок.

(27) Экзамен перенесли на неделю *вперед.*

Приведем аналогичный пример (28) из газетного подкорпуса НКРЯ: то, что здесь скорее идет речь о переносе на более поздний срок, может быть установлено лишь из ответной реплики (ср. *во вторник... сказал, что вся неделя у него свободна*, т. е. заседание могло быть проведено в течение *текущей* недели — но почему-то было перенесено на более поздний срок, чем изначальное 25 января; обратим внимание на то, что данная заметка помечена датой 26 января).

(28) В четверг идейный вдохновитель ОРХЛ Александр Медведев на брифинге выразил недоумение по поводу того, что ФХР неожиданно перенесла дату заседания исполкома *на неделю вперед.* Зная, что в это время Медведев будет в командировке и не сможет присутствовать на исполкоме, где он собирался

рассказать о новой лиге... — Дело было не так. Во вторник я встречался с Медведевым, и он сказал, что вся неделя у него свободна. Тогда мы и назначили заседание исполкома на 25 января. [Домрачев В. ФХР объявила войну новой лиге? Исполком федерации решил, что ФХР проведет чемпионат России и в следующем сезоне // Советский спорт, 2008.01.26]

Эта двусмысленность порождается возможностью темпорального прочтения слова *вперед*, в контексте ситуации перемещения срока, в соответствии как с хроноцентрическим, так и с эгоцентрическим принципом. По данным основного корпуса НКРЯ, само по себе выражение *на неделю вперед* используется исключительно в значении «на предстоящую неделю», т. е. *вперед* понимается в соответствии с эгоцентрической моделью. *На неделю вперед* можно закупить продукты или приготовить еду, можно составлять планы или расписание занятий, делать прогнозы и т. п.

Возможность понимания слова *вперед* в соответствии с хроноцентрическим принципом, т. е. 'впереди точки назначенного ранее срока в ряду «идущих друг за другом» временных точек' (= 'на более ранний срок'), возникает в контексте глагола перемещения, который включает в игру дополнительный вид движения — перемещение «фишки» (= назначенного срока) с одной временной точки на другую. Поскольку фишка перемещается вдоль направленной (от будущего к прошлому) оси, *вперед* естественно понимается как перемещение в том же направлении, т. е. к более раннему сроку. При этом эгоцентрическая интерпретация слова *вперед* (= в том направлении, куда обращено лицо «Я», т. е. 'на более поздний срок') также сохраняется, что и обеспечивает двусмысленность фразы (27). Так, в примере (29) идет речь о переносе на более поздний срок (эгоцентрическая модель), а в (30) — на более ранний (хроноцентрическая модель).

(29) Пришлось идти в этот РЭП и разбираться там. В РЭПе подтвердили информацию о взимании денег за подобные услуги. Инна платить категорически отказалась. — Тогда мою заявку *перенесли на неделю вперед*, — мол, посмотрим, что можно сделать, — в голосе Инны слышны нотки возмущения. [Вас затопили соседи? Расплачивайтесь за все сами! // Комсомольская правда, 2010.07.28]

(30) Но Павлов сообщает, что по приказу Славского испытания *перенесены на 4 часа вперед* и в настоящее время самолет-носитель уже пересек Баренцево море и скоро выходит на цель! [А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)]

В современном русском языке хроноцентрическая и эгоцентрическая модели, как правило, используются в разных словах (что исключает реальную энантиосемию), но в др.-русском обе могли быть представлены в пределах одного слова. Так, слово *переднии* имело два темпоральных значения: 'прежний'

(ср. (31)) и ‘будущее’ (исключительно в форме ср. р. мн. ч. в роли существительного, ср. (32)); ср. примеры из [СДРЯ XI–XIV, 6: 370].

(31) А сим повеле [князь Михаил] къто сде живеть. како оуставили *переднии* князи. тако платите дань. (Новгородская летопись, XIII в., запись о событиях 1229 г.) «И этим [документом князь Михаил] повелел: кто тут живёт, те платите дань так, как установили *прежние* князья».

(32) Хронографоу же. ноужа есть писати все. и вся бывшая. овогда же писати (в) *передняя*. овогда же воступати в *задняя*. (Список летописи 1425 г., запись о событиях 1254 г.) «Летописцу же следует записывать все события, иногда писать о *будущем*, иногда же заходить в *прошлое*».

Слово *задьнии* в др.-русском также имело оба темпоральных значения: основное ‘прежний, прошедший, предыдущий’ и второе, реализующееся также исключительно в форме ср. р. мн. ч. — ‘будущее’, см. [СДРЯ XI–XIV, 3: 299–300][10]. В словаре Даля для слова *задний* указано единственное темпоральное значение ‘прошлый, минувший’, иллюстрируемое примерами *Заднего не поминать* (*не помнить*). *Заднее* (т. е. прошлое) *Божье, переднее Государево* [Даль 1994, 1: 1438].

Энантиосемия обоих этих др.-русских слов возникает в силу того, что в череде «идущих друг за другом» в направлении от будущего к прошлому временных точек / событий фиксирована точка настоящего момента, в которой находится говорящий, и она выступает в роли точки отсчета в хроноцентрической модели, заполняя переменную B отношения «A находится впереди / позади B». Соответственно, *передние князья* — это те, которые находятся «перед» нынешними в ряду временных точек / событий. Таким образом, в слове *переднии* = ‘прошлый, прошедший, давний’ реализуется хроноцентрическая модель, но не абсолютная, а включающая настоящий момент как точку отсчета (т. е. «перед» точкой настоящего момента). В др.-русском слове *передняя* в значении ‘будущее’ реализована эгоцентрическая модель: это то, что находится ***перед*** «Я». Принципиальный момент здесь заключается в том, что сам «Я» и точка настоящего момента, в которой он находится, — это разные сущности, они «смотрят» в противоположные стороны: «я» смотрит вперед по ходу своего движения, а точка настоящего имеет фасадную сторону, направленную по ходу движения временных точек.

В слове *задьнии* в значении ‘прошедший’ реализована эгоцентрическая модель: находящийся позади «меня». В значении ‘будущее’ отражена

[10] Возможно, это значение калькировано из новозаветного греческого, в котором наречие ὀπίσω ‘назад, позади’ употреблялось также в значении ‘будущее’.

хроноцентрическая модель, также включающая настоящий момент в качестве точки отсчета: будущее — это то, что находится позади точки настоящего момента в череде временных точек, идущих навстречу «я». В слове *задьница* в значении 'наследство' (ср. [СДРЯ XI–XIV, 3: 300]) отражена хроноцентрическая модель в абсолютной форме, т. е. без привязки к настоящему моменту: *наследство X-а* — это то, что продолжает существовать ***после*** X-а.

Итак, др.-русские слова *передьнии* и *задьнии*, а также устаревшее на сегодня в темпоральном значении слово *вперед* (ср. *Вперед не серди меня* и *Вперед подумай, а потом делай*) — но не, например, слово *следующий* или приставки *пред-* и *за-* — обнаруживают феномен энантиосемии, поскольку они могут обозначать как прошлые, так и будущие события / временные точки. Однако этот факт свидетельствует не о существовании двух противоположных способов концептуализации времени (согласно одному из которых будущее впереди, а прошлое позади, а согласно другому — наоборот), а о том, что в этих словах могут быть реализованы две модели концептуализации времени — «хроноцентрическая» и «эгоцентрическая», которые не противоречат друг другу и, более того, составляют две взаимодополняющие части единой картины, в которой будущее находится впереди, а прошлое позади — по отношению к «Я», а временные точки / промежутки и привязанные к ним события упорядочены друг относительно друга таким образом, что более раннее «идет» впереди, а более позднее — позади. При этом сама по себе морфема *п(е)ред*, выступая, в том числе, в составе морфологически сложных слов, всегда обозначает одно и то же положение — «перед» фасадным объектом со стороны его фасада, а морфема *за* и ее исторически производные *зад*, *задний* — положение с противоположной фасаду стороны. Потенциальная противоположность темпорального значения слов, включающих эти (а также некоторые другие, обладающие тем же свойством) единицы, обусловлена тем, что в рамках хроноцентрической и эгоцентрической моделей в качестве реперной точки выступают объекты, «фасады» которых направлены в противоположные стороны.

Глава 10

А. Д. Шмелев

Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: *тоска*[*]

Традиционно в российской лингвистике в качестве языковых данных было принято использовать материал оригинальных текстов на русском языке, а также искусственные примеры, специально сконструированные носителями языка (чаще всего — самим исследователем). К примерам из переводных текстов принято было относиться с некоторым пренебрежением. Мне же кажется, что именно переводные тексты представляют собою ценнейший материал для изучения особенностей языка перевода.

С развитием корпусной лингвистики и появлением электронных параллельных корпусов русского языка возникла возможность использовать их для изучения семантики русских лингвоспецифичных слов и выражений более или менее систематически[1]. В частности, выявление в оригинальных текстах стимулов, побуждающих переводчиков использовать лингвоспецифичные выражения языка перевода, позволяет не только верифицировать описание этих слов, полученное без использования электронных корпусов, но в определенных случаях по-новому взглянуть на те или иные лингвоспецифичные слова. Само появление таких слов в переводных текстах может показаться парадоксальным. В самом деле, если слово или выражение выражает конфигурацию смыслов, специфичную для языка перевода, то встает вопрос, какие же свойства оригинального текста побудили переводчика употребить это выражение. Часто ответ на этот вопрос позволяет уточнить описание семантики лингвоспецифичного

---

[*] В основу данной главы положены публикации [Шмелев 2019б; Shmelev 2020; Шмелев 2020].

[1] Идея об использовании данных параллельных корпусов для изучения лингвоспецифичных слов получила распространение в самое последнее время. Она высказывалась в том числе на конференциях «Диалог» [Шмелев 2015; Зализняк 2015]. Важно, что, в отличие от контрастивных корпусных исследований, при таком анализе в центре внимания оказывается один язык, и поэтому этот подход мы называли «унидирекциональным» [Шмелев, Зализняк 2017: 370]. Впоследствии мы отдали предпочтение термину «монофокусный».

слова или выражения. В указанном отношении именно переводы на русский язык показательны в большей степени, нежели переводы с русского.

Разумеется, для изучения особенностей лингвоспецифичных слов на основе их использования в переводных текстах существенно, чтобы язык этих текстов был близок языку авторских произведений на русском языке. Этот случай более других эффективен для изучения русских языковых конвенций, поскольку мы имеем дело с соответствующим языковому стандарту русским текстом, для которого уже готово его семантическое представление в виде иноязычного оригинала [Добровольский, Шмелев 2018: 46]. Именно таково большинство переводов из англо-русского подкорпуса НКРЯ, который и был положен в основу анализа[2]. Об этом следует упомянуть, поскольку не все параллельные подкорпусы НКРЯ удовлетворяют данному требованию[3].

Уже появился целый ряд работ, в которых русские лингвоспецифичные слова исследуются на основе их употребления в переводах на русский язык при помощи параллельных подкорпусов НКРЯ. Впрочем, почти все эти работы посвящены дискурсивным единицам русского языка. Но не менее показательно использование данных, извлеченных из переводов на русский язык в сопоставлении с оригинальными иноязычными текстами, для исследования семантики самостоятельных русских слов (в данной статье речь пойдет об одном из самых лингвоспецифичных слов русского языка, а именно — о слове *тоска*).

Однако изучение способов перевода лингвоспецифичных слов оригинальных русских текстов (и, в частности, слова *тоска*) тоже может оказаться до какой-то степени показательным, и с него и следует начать, не ограничиваясь текстами, представленными в параллельных корпусах.

1. *Тоска* в русских оригинальных текстах и ее соответствие в переводах на английский язык

Когда русский язык выступает в качестве языка оригинала, переводы лингвоспецифичных слов составляют отдельную проблему, которая различными переводчиками может решаться различным образом. Так, едва ли не самую

[2] Из рассмотрения были исключены переводы на русский язык англоязычных произведений Набокова.

[3] Так, по замечанию одного из анонимных рецензентов данной статьи для конференции «Диалог», переводы, включенные в украинско-русский подкорпус НКРЯ, этому критерию не удовлетворяют, в отличие от переводов из англо-русского подкорпуса.

большую трудность для перевода представляют языковые выражения языка оригинала, содержащие в качестве «скрытых смыслов», «презумпций» (пресуппозиций, коннотаций, фоновых компонентов значения и т. д.) представления, которые не содержатся в качестве «презумпций» в языковых выражениях языка перевода (собственно, эти семантические и прагматические элементы и обусловливают лингвоспецифичность слова). Эти элементы воспринимаются как нечто само собою разумеющееся носителями языка оригинала, но не языка перевода. Такие языковые выражения часто создают ощущение «непереводимости». В самом деле, если мы попытаемся эксплицировать «презумпции» на языке перевода, то будет утрачен их «презумптивный» статус; но в противном случае соответствующий смысл вообще не будет выражен. Переводчик, как правило, стремится точно передать те компоненты смысла, которые находятся в фокусе внимания. Фоновых компонентов он часто вообще не замечает, а если и заметит, то нередко бывает готов ими пожертвовать. Следует иметь в виду, что, пытаясь передать их средствами другого языка, он почти неизбежно привлечет к ним внимание, переведет их из почти незаметного «фона» в фокус, а это также будет искажением исходного смыслового задания.

Как мы знаем, конкретные переводческие решения в отношении лингвоспецифичных слов могут опираться на разные соображения в соответствии с целями, которые ставит перед собою переводчик [Шмелев 2012в]. Упрощенно говоря, можно различить две установки и, соответственно, две стратегии перевода. Одна из них ориентирована в первую очередь на автора в том смысле, что она направлена на то, чтобы передать все, что «имел в виду» («хотел сказать») автор. Для этой цели могут использоваться примечания, комментарии и т. п.; в результате адресат получает более или менее полное знание о семантическом содержании оригинального текста, но непосредственное впечатление разрушается. Другая установка в большей степени ориентирована на адресата и направлена на то, чтобы произвести на иноязычного адресата то же впечатление, которое оригинальный текст производит на носителя языка оригинала (эта установка характерна для некоторых художественных переводов).

При этом выбор установки определяется целями перевода; не может быть универсальной стратегии, пригодной во всех случаях. Особенно это касается художественных переводов. Сталкиваясь с лингвоспецифичным языковым выражением, переводчик может ориентироваться на общий смысл высказывания, подбирая соответствие, в максимальной степени передающее смысл выражения в данном контексте (контекстно-смысловая стратегия, или стратегия смысла), или же выбрать некоторый единый эквивалент данного выражения и стараться во всех случаях использовать именно его (стратегия

конкорданса, или стратегия формы[4]). При выборе стратегии смысла часто возникает разброс переводов одного и того же лингвоспецифичного слова, поскольку единого эквивалента в языке перевода у него нет и переводчик всякий раз вынужден выбирать соответствие, которое, по его мнению, ярче всего выражает смысловые компоненты, наиболее существенные в данном контексте[5]. Соответственно, обилие возможных переводов можно считать одним из признаков, свидетельствующих о высокой степени лингвоспецифичности слова, и, более того, разброс переводов может использоваться для количественной оценки лингвоспецифичности: чем более разнообразны переводы лексической единицы в реально существующих переводных текстах, тем выше ее лингвоспецифичность [Шмелев 2015: 563].

Русское лингвоспецифичное слово *тоска*, как и следовало ожидать, обнаруживает разброс переводов на основные европейские языки, в том числе в пределах одного перевода одного и того же произведения. Это часто свидетельствует о том, что переводчик следует стратегии смысла, но, кроме того, может считаться дополнительным доказательством высокой степени лингвоспецифичности слова *тоска*. Обратимся к переводам на английский язык в НКРЯ и возьмем для примера переводы произведений Достоевского, выполненные Констанс Гарнетт. В переводе «Преступления и наказания» (романа, для которого мотив *тоски* является ключевым[6]) К. Гарнетт использует разнообразные соответствия. Самое частое соответствие в этом переводе (5 раз из 22 употреблений слова *тоска* в оригинальном тексте) — слово *misery*. Но в этом же переводе используются и другие соответствия: *wretchedness*, *anguish*, *dismay*, *depression*, *dejection*, *distress*, *agony*, *restlessness*, *misgivings*. В переводах других произведений Достоевского, выполненных К. Гарнетт, мы можем видеть не меньший разброс переводов. В качестве соответствия используются слова *yearning*, *distress*, *despondency*, *anguish*, *misery*, *trouble*, *depression*. При этом иногда Достоевский использует слово *тоска* в не вполне стандартном значении ‘горе, страдание’ (как во фразе из «Бесов» *в эту несчастную неделю я вынес много тоски* — в переводе К. Гарнетт *suffered a great deal during that unhappy week*), и отсюда такие переводы, как *grief* или *woe*. Для сочетания *байроновская тоска*,

[4] «Стратегия формы», соответствующая так называемому *formal equivalence approach* (термин, предложенный Юджином Найдой), стремится к тому, чтобы подчеркнуть верность лексическим деталям и грамматической структуре оригинального текста [Nida, Taber 1969: 200].

[5] Противопоставление «стратегии смысла» и «стратегии формы» при переводе художественного текста разбирается в статье [Добровольский, Шмелев 2018] и указанной там литературе.

[6] О роли тоски в поэтике «Преступления и наказания» см. [Топоров 1973: 100].

встретившегося в тексте «Бесов», вполне ожидаемым оказывается перевод *Byronic spleen.*

Здесь уместно обратиться к толкованию слова *тоска*, данному А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 172]. Упрощенно говоря, по Вежбицкой, *тоска* — это когда человек чего-то хочет, сам точно не знает, чего именно, знает, что это не может произойти, и из-за этого нечто чувствует[7]. В разных случаях на первый план может выходить любой из компонентов значения этого слова: желание чего-то (*yearning*), отсутствие точного понимания того, в чем состоит желаемое (этот компонент, как правило, не представлен в переводах К. Гарнетт), недостижимость желаемого и связанное с нею чувство, причем важно, что субъект чувствует нечто плохое (именно на этот компонент указывает большинство переводных эквивалентов, используемых К. Гарнетт)[8].

«Братья Карамазовы» в НКРЯ тоже представлены переводом Констанс Гарнетт, и рассмотрение этого перевода на первый взгляд мало что добавляет к сделанным выводам. Однако сам по себе текст «Братьев Карамазовых» позволяет увидеть некоторые важные характеристики слова *тоска*, из которых часть можно считать общеязыковыми, а часть — принадлежностью идиостиля Достоевского. Эти характеристики иногда находят отражение в переводе.

Можно обратить внимание на то, что, как и в «Бесах», в слове *тоска* в «Братьях Карамазовых» иногда на первый план выходит идея горя или страдания, и в этом случае переводчица иногда использует такие соответствия, как *grief* или *suffering* (используются и другие соответствия, уже знакомые нам по переводам «Преступления и наказания» и «Бесов», напр. *anguish*), но самым частым соответствием для *тоски* в этом переводе оказалось слово *depression.* Кажется, что в некоторых случаях она злоупотребляет им в качестве переводного

---

[7] Вот как выглядит толкование Анны Вежбицкой на «естественном семантическом метаязыке»:

тоска
X thinks something like this
I want something good to happen
I don't know what
I know: it cannot happen
Because of this, X feels something
[Wierzbicka 1992: 172].

[8] Многие из английских слов, которые К. Гарнетт использовала как переводческие эквиваленты *тоски* и содержащие компонент 'произошло нечто плохое' (а именно, *sadness, unhappiness, distress, sorrow, grief, despair*), также были проанализированы и получили толкование в книге А. Вежбицкой [Wierzbicka 1999: 60–70].

эквивалента. Так, в следующем примере ярко проявляется компонент ‘субъект чего-то очень хочет, но не знает, чего именно’ (на него недвусмысленно указывает контекст):

> *Тоска до тошноты*, а определить не в силах, чего хочу. — *I feel sick with depression* and yet I can't tell what I want.

Использование в переводе слова *depression* обнаруживает несовпадение его значения со значением слова *тоска*: последнее указывает на сильное желание, тогда как *depression* предполагает, что все желания уже позади[9]. В примере, где Иван Карамазов хочет вступить на «новый, совершенно неведомый путь», «много надеясь, но не зная на что», перевод слова *тоска* как *depression* приводит к тому, что, когда дело доходит до сочетания *тоска нового и неведомого*, слово *тоска* переводчица передает как *apprehension*, в результате чего смысл изменяется почти на противоположный: в оригинале говорится о сильном желании Ивана, чтобы наступило нечто новое и неведомое, тогда как слово *apprehension* скорее указывает на боязнь, предчувствие чего-то опасного[10]:

> Но странное дело, на него напала вдруг *тоска* нестерпимая и, главное, с каждым шагом, по мере приближения к дому, всё более и более нараставшая. Не в *тоске* была странность, а в том, что Иван Федорович никак не мог определить, в чем *тоска* состояла. *Тосковать* ему случалось часто и прежде (...). И все-таки в эту минуту, хотя *тоска нового и неведомого* действительно была в душе его, мучило его вовсе не то. — But, strange to say, he was overcome by insufferable *depression*, which grew greater at every step he took towards the house. There was nothing strange in his being *depressed*; what was strange was that Ivan could not have said what was the cause of it. He had often been *depressed* before (...). Yet at that moment, though *the apprehension of the new and unknown* certainly found place in his heart, what was worrying him was something quite different.

Однако, когда слово *тоска* однозначно подчеркивает стремление, сильное желание, жажду насыщения, переводчица использует соответствие *craving* (даже не *yearning*).

Невозможным оказался перевод *depression* и в следующей реплике старца, обращенной к приезжей даме: *Я вполне верую в искренность вашей тоски.* Здесь

---

[9] Ср. [Wierzbicka 1999: 309], а также следующее замечание: «Тоску можно разгонять, совершать от нее удалые действия, с тоски можно напиться. А в депрессии человек ничего не делает или идет к психотерапевту» (https://esquire.ru/archive/2539-words/).

[10] Английское слово *apprehension* описано в книге [Wierzbicka 1999: 86–87]. Возможно, старые значения этого слова не обязательно предполагали страх или опасность.

существенным оказывается параметр *искренности*, который плохо применим к *depression*. В переводе использовано сочетание *the sincerity of your suffering*[11].

Конечно, можно сказать, что переводы К. Гарнетт далеки от совершенства и к тому же в них нередко встречаются прямые кальки. Однако на тезис о разбросе переводов как показателе лингвоспецифичности это никак не влияет. В самом деле, наличие калек может свидетельствовать о желании хотя бы отчасти следовать стратегии формы; если, несмотря на это, одно и то же языковое выражение оригинала переводится по-разному, можно сделать вывод, что никакого однозначно выбираемого аналога исходному выражению в языке перевода нет и, следовательно, оно лингвоспецифично по крайней мере относительно языка перевода.

Обращение к переводам других русских текстов, выполненных другими переводчиками в русле стратегии смысла, обнаруживает едва ли не больший разброс переводов: *sadness*, *yearning*, *depression*, *restlessness*, *wretchedness*, *despondency*, *anguish*, *misery*, *distress*, *dismay*, *dejection* и т. д. Заметим также, что в переводах часто меняется часть речи и структура предложения и при подобных изменениях в качестве соответствий могут использоваться такие слова, как *suffered*, *sadly*, *depressed*, *dejectedly*, *worried*, *miserable* и т. д.

Особняком стоят специальные типы употребления (возможно, особые лексические значения) слова *тоска*: в сочетаниях типа *тоска по родине* или *тоска по ушедшим годам молодости*, а также когда на первый план выходит указание на 'скуку'[12]. Для сочетания *тоска по родине* обычно используется конвенциональное соответствие *home-sickness*; для передачи смысла 'скука' — слово *boredom* или глагол *to bore*.

Впрочем, некоторые переводчики выбирают необычные соответствия, и это можно считать индивидуальной особенностью их переводческого стиля. Так, Франклин Эббот в переводе повести Ивана Тургенева «Ася» передает слово *тоска* как *agony* и *rage* (впрочем, это не уникальные переводческие решения, и соответствия *agony* и *rage* изредка используются и другими переводчиками), а *тоску по родине* передает как *enthusiasm towards my country*, где сильное желание попадает в фокус внимания.

Если мы выйдем за пределы НКРЯ и переводов на английский язык, то можем видеть, что чаще всего переводчики выбирают стратегию смысла

---

[11] Хотя русское слово *искренность* и английское *sincerity* тоже не вполне совпадают по смыслу (см. об этом [Вежбицка 2002]).

[12] Заметим, что *тоска* может и прямо противопоставляться *скуке*. Как говорил один из персонажей «Бесов» Достоевского, *Тоска не скука* (в переводе Констанс Гарнетт — *Sadness is not dullness*).

даже при переводе лингвоспецифичных слов, ключевых для произведения. Так, в романе Достоевского «Идиот» слово *тоска* встречается 26 раз, и, по свидетельству Фэн Сяопин, высказанному в частном общении, во всех четырех существующих переводах этого романа на китайский язык переводчики следуют контекстно-смысловой стратегии, так что обнаруживается значительный разброс переводных соответствий: в переводе Жун Жуде используются 20 переводных соответствий слова *тоска*, в переводе Гэн Цзичжи — 11 переводных соответствий, в переводе Цзан Чжунлунь — 12 переводных соответствий, в переводе Ши Госюн — 13 переводных соответствий[13].

Итак, мы видим, что при переводе текстов, содержащих лингвоспецифичные слова, даже в тех случаях, когда переводчики следуют стратегии смысла, происходят определенные семантические сдвиги. В каждом конкретном случае переводчики решают (при условии, что они правильно понимают оригинальный текст), какими неявными компонентами смысла можно пожертвовать, а какие оказываются важными для смысла высказывания или всего текста[14]. Именно эти сдвиги интересны для целей лингвистического анализа, поскольку они позволяют увидеть в значении исходного лингвоспецифичного выражения то, что определяет его специфику.

На этом фоне особенно обращает на себя внимание решение Ричарда Певеара и Ларисы Волохонской в переводе «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Слово *тоска* является одним из ключевых слов переводимого романа (оно встречается в нем 17 раз), и переводчики, в соответствии со стратегией формы, последовательно передают его как *anguish* (15 раз из 17; в двух случаях такой перевод уж совсем не годился бы) несмотря на то, что в некоторых случаях смысл ощутимо сдвигается[15]. Слово *anguish* — весьма неточное переводное

[13] Из этого вытекает, что, во-первых, все четыре переводчика следуют контекстно-смысловой стратегии и, во-вторых, слово *тоска* действительно обладает крайне высокой степенью лингвоспецифичности.

[14] А когда лингвоспецифичное слово оказывается ключевым для произведения, выбор стратегии смысла неизбежно затушевывает его роль.

[15] Заметим, что и у К. Гарнетт есть перевод, в котором, в соответствии со стратегией формы, слово *тоска* переведено единообразно. Речь идет о рассказе Чехова «Тоска» (включенном в НКРЯ). В нем названная эмоция оказывается в центре повествования (в коротком рассказе оно встречается шесть раз, не считая заглавия), и разброс переводов полностью разрушал бы авторский замысел; К. Гарнетт перевела название рассказа как *Misery*, и точно так же она переводит это слово в пяти случаях из шести, а еще один раз несколько меняет синтаксическую структуру и использует родственное прилагательное *miserable*.

соответствие для *тоски*, оно указывает на душевную боль, муку или даже отчаяние, «острое и глубокое душевное страдание», которое «обычно бывает обусловлено не столько внешними, сколько внутренними, часто психологическими причинами» [Апресян и др. 1979: 403]. С *тоской* это чувство сближает некоторая иррациональность (субъект не знает, почему он чувствует нечто плохое), но, в отличие от *тоски*, *anguish* не предполагает компонента 'субъект чего-то хочет'. Показательно, что в англо-русском подкорпусе НКРЯ русские переводчики довольно редко переводят *anguish* как *тоска*, обычно выбирая слова со значением 'боль, мука, страдание'.

Сказанное побуждает обратиться к некоторым переводам текстов русской литературы, пока не вошедшим в русско-английский параллельный подкорпус НКРЯ, при том, что в оригинале слово *тоска* играет текстообразующую роль, а именно — к переводу «Преступления и наказания», выполненному Ричардом Певеаром и Ларисой Волохонской, а также к переводу «Ракового корпуса» Александра Солженицына, выполненному Николасом Бетеллом и Дэвидом Бургом.

Мы уже видели, что Певеар и Волохонская склонны к стратегии формы и слово *тоска* они стремятся передавать единообразно (стандартное выбираемое ими соответствие *anguish*). Именно этой стратегии они следуют и в переводе «Преступления и наказания», в котором, как мы помним, слово *тоска* встречается 22 раза. Приведем первые восемь примеров вхождения этого слова вместе с их переводом в версии Певеара и Волохонской:

...он не знал, куда деться от *тоски* своей — ...he did not know where to flee from his *anguish*

Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной *тоски* своей и мрачного возбуждения... — After a whole month of this concentrated *anguish*, this gloomy excitement of his, he was so tired out...

...он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в *тоске*, обеими руками голову... — ...he was agitated, kept ruffling his hair, and every once in a while leaned his head on his hands in *anguish*...

Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя *тоска*... — Long, long ago this present *anguish* had been born in him...

...целые полчаса бродил в *тоске* и тревоге — ...he have wandered for a whole half an hour in *anguish* and anxiety

Тоска проглянула в лице Лужина. — *Anguish* flitted across Luzhin's face.

...с нетерпением и *тоской* поглядел на Настасью — ...looked at Nastasya with impatience and *anguish*

Даже *тоска* прошла... — Even his *anguish* had gone...

Выбранная переводчиками стратегия позволяет передать нагнетание тоски, характерное для «Преступления и наказания». При этом каждое отдельное вхождение слова *тоска* переведено с некоторым семантическим сдвигом: как уже говорилось, *anguish* указывает на эмоцию, вовсе не тождественную тоске.

Для прозы Солженицына в целом не очень характерен мотив тоски (и, соответственно, слово *тоска*, как и его производные, в них не очень частотно). Однако для некоторых эпизодов *тоска* существенна. В «Раковом корпусе» этой эмоции с самого начала попадания в больницу поддается Русанов (часто — из-за мрачных слов Ефрема Поддуева и из-за общего недовольства больничной обстановкой), поэтому чаще всего слово *тоска* встречается в начальных главах. Приведем несколько примеров вместе с переводом Бетелла и Бурга[16]:

...*Тоска* отразилась на его лице... — ...His face probably revealed his *melancholy state*...

И это сознание делаемой ошибки, обидного промедления, наложенное на его *тоску* от опухоли, так защемило сердце Павла Николаевича... — Resentment at the delay and the realization of having made a mistake, on top of the *misery* of his tumour, so stabbed at Pavel Nikolayevich's heart...

Его разрывало от негодования и *тоски*, что он поддался и лёг в эту клинику. — He was exploding with indignation and *anguish* at the thought of how he had weakly agreed to enter this clinic.

Ефрем в своей бинтовой, как броневой, обмотке, с некрутящейся головой, не топал по проходу, не нагонял *тоски*... — Yefrem, his bandage encasing him like a suit of armour, his head immobilized, was no longer stomping along the corridor spreading *gloom*...

За окном пробелился пасмурный неподвижный день, как вчера, как позавчера, ещё больше нагнетая *тоску*. — Outside the dull, windless day dawned white, like frosted glass, just as it had yesterday and the day before, increasing the *melancholy*.

[16] Перевод «Ракового корпуса» работы лорда Бетелла и Дэвида Бурга был выполнен «на коленке», но оказался вполне неплох. Вот что об этом писал Солженицын: «...Беттел с Бургом бешено, в несколько месяцев, прогнали перевод обеих частей “Корпуса”. (Но, к моему удивлению, все потом говорили: перевод совсем не плох)».

Павел Николаевич хотел ещё больше подбодриться перед вторым уколом и решил теперь доломать Ефрема, чтоб тот не нагонял здесь и дальше *тоски*. — But Pavel Nikolayevich <...> wanted to bolster himself up before his second injection, and decided to break Yefrem once and for all, to stop him spreading *gloom and despondency*.

Мы видим, что Бетелл и Бург не стремятся следовать стратегии конкорданса, каждый раз выбирая то соответствие слову *тоска*, которое им кажется более всего подходящим по смыслу. Выбранная ими стратегия вполне естественна, однако при ней менее заметным становится изменение настроения Русанова и роль, которую в этом изменении сыграл Максим Чалый. Почти сразу после своего появления в палате Чалый провозгласил: «Кто меньше толкует — тот меньше *тоскует*», — в переводе Бетелла и Бурга *Less talk, less pain*. Когда Чалый предлагает Русанову выпить водки (запрещенной к употреблению в больнице), то тоска улетучивается:

Истинно по-русски пренебрег Павел Николаевич и недавними страхами, и запретами, и зароками, и только хотелось ему *тоску* с души сплеснуть да чувствовать теплоту. — Like a true Russian Pavel Nikolayevich now scorned his former fears, reservations and vows. All he wanted was to swill the *despair* out of his soul and to feel a little warmth.

После этого Русанов фигурирует еще в целом ряде эпизодов, но мотив тоски в связи с ним не возникает ни разу, пока наконец он не выписывается из больницы в главе под названием «Счастливый конец», не понимая, что опухоль скоро снова даст о себе знать. Разумеется, и в переводе понятно, что дурные эмоции Русанова уступили место эйфории, но нагнетание тоски и описание последующего ее «сплескивания с души» производит больший эффект. В переводе почти исчезает ощущение накапливающейся тоски и ее внезапного исчезновения под воздействием прибауток Чалого и припасенной им водки.

Итак, и при выборе стратегии формы, и при выборе стратегии смысла неизбежны определенные потери и семантические сдвиги. Различие между указанными стратегиями чрезвычайно важно для теории перевода, а разброс переводов, возникающий при выборе стратегии смысла, свидетельствует о лингвоспецифичности переводимого языкового выражения. Однако с точки зрения проникновения в суть семантики лингвоспецифичного слова оригинала ни та, ни другая стратегия не может служить надежным инструментом.

2. *Тоска* в переводах на русский язык

Как выясняется, слово *тоска* используется переводчиками не так уж редко — скажем, переводчиками с английского языка текстов, включенных в НКРЯ, лишь менее чем в два раза реже, чем авторами оригинальных текстов: так, напр., англо-русский подкорпус НКРЯ (переводы на русский язык оригинальных текстов на английском языке) содержит (по состоянию на 31 августа 2018) 403 вхождения этого слова на 18 с небольшим миллионов словоупотреблений (т. е. 22 ipm), тогда как русско-английский подкорпус НКРЯ (оригинальные русские тексты с их переводами на английский язык) — 271 вхождение слова *тоска* на более чем шесть с половиной миллионов словоупотреблений (т. е. 41 ipm). Возникает закономерный вопрос: какие же факторы обусловливают появление в русских переводах слова *тоска*, ведь мы знаем, что в английском языке нет слова или выражения, для которого этот перевод был бы максимально точным соответствием?

Частично список слов и выражений, которые переведены как *тоска*, совпадает со списком переводов русского слова *тоска* на английский язык: *distress*, *depression*, *despair*, *anguish*, *grief*, *agony* и т. д., а также *sadness*; но часто слово *тоска* соответствует другим оборотам[17]. Так, некоторые переводчики регулярно используют его как перевод слова *melancholy*. Рассмотрение стимулов, которые побуждают русских переводчиков употребить слово *тоска*, часто высвечивает важные компоненты в семантике этого слова, причем самым важным иногда оказывается общий контекст, в котором говорится о данной эмоции.

Слово *тоска* часто появляется, когда в оригинале говорится о сильном желании чего-либо. Оно может ставиться в соответствие не только слову *yearning*, но и, напр., слову *longing*:

> the world of *longing* and baffled common-sense — мир настойчивой *тоски* и недоумевающего рассудка.

Иногда объект желания вполне определен, но это не самая характерная ситуация для использования в переводе слова *тоска*:

> I don't think I ever in my life, before or since, felt I *wanted* mustard as badly as I felt I wanted it then. — Никогда в жизни, ни прежде, ни потом, я не испытывал такой *тоски* по горчице, как в ту минуту.

---

[17] В нескольких, впрочем, не очень многочисленных случаях слово *тоска* используется как перевод слова *boredom*.

Чаще всего слово *тоска* используется, когда желание характеризуется как смутное и неопределенное (субъект затрудняется точно определить, чего именно он хочет). Именно в этом случае слово *тоска* в переводе оказывается особенно уместным:

A sort of *undefined longing* crept upon them. — Какая-то *смутная тоска* напала на них.

It caused him to feel a vague, sweet gladness, and he was aware of wild *yearnings* and stirrings *for he knew not what.* — Бэк испытывал какую-то смутную радость, и беспокойство, и буйную *тоску неведомо о чем.*

Иногда объект желания оказывается переменным, а константой остается само чувство тоски:

She *longed* and *longed* and *longed.* It was now for the old cottage room in Columbia City, now the mansion upon the Shore Drive, now the fine dress of some lady, now the elegance of some scene. — Ее снедала *тоска, тоска, тоска.* Она *тосковала* то по старому домику в Колумбии-сити, то по особнякам на набережной, то по изысканному платью, замеченному на какой-то даме, то по красивому пейзажу, бросившемуся ей в глаза днем.

Нередко слово *тоска* соответствует трудноопределимой, смутной эмоции, которая может быть обозначена, напр., такими словами, как *languor.*

Часто *тоска* связана с тем, что субъект чувствует себя одиноким:

I felt so *lonesome* I most wished I was dead. — Такая напала *тоска,* хоть помирай.

...Dorothy built a splendid fire that warmed her and made her feel less *lonely.* — ...Дороти разожгла большой костер, возле которого быстро согрелась и забыла уже подступившую к сердцу *тоску.*

He wanted to be alone — to be *lonely.* — Ему хотелось быть одному, отдаться своей *тоске.*

During these days he got immensely *lonely.* — В эти дни его грызла *тоска.*

But he felt *lonely.* — Но на душе у него была *тоска.*

...fear and *loneliness* goaded him. — ...подстрекнули страх и *тоска.*

Бывает, что эмоция даже не названа в английском оригинале: используются описательные обороты вроде *broken heart, sinking heart* или *sinking of heart*:

Jane will die of a *broken heart*... — Джейн умрет от *тоски*...

...I felt a *sinking* in my heart. — ...*тоска* снова сжимала мне сердце.

Кроме того, когда в оригинале речь идет о подавленном, мрачном состоянии духа (напр., используются такие слова, как *gloom*, *горе* или просто *excruciating feelings*), переводчики нередко бывают склонны охарактеризовать это состояние при помощи слова *тоска*:

The *gloom* which had oppressed him on the previous night had disappeared... — *Тоска*, угнетавшая его ночью, рассеялась...

I gazed on it with *gloom and pain*. — Я смотрела на него с невыразимой *тоской*.

В целом, когда в английском оригинале говорится, что субъект чувствует нечто плохое, русские переводчики нередко характеризуют это чувство как *тоску*. При этом слово *тоска* часто появляется, когда в оригинале говорится о неудовлетворенном желании субъекта; само желание может быть смутным и безотчетным, но обычно таким, что оно не может быть удовлетворено. Мы видим, что это в основном подтверждает описание семантики слова *тоска*, данное А. Вежбицкой. Данные параллельного англо-русского подкорпуса НКРЯ позволяют уточнить компонент 'из-за этого субъект нечто чувствует', добавив, что он чувствует 'нечто плохое', а также высказать предположение, что к этому описанию может быть добавлен еще один компонент, связанный с тем, что субъект чувствует нечто плохое из-за того, что не может рассказать кому-либо о том, что именно он чувствует (или, может быть, компонент 'субъект хочет рассказать кому-нибудь, что он чувствует'). Эта невозможность может быть обусловлена как смутностью и неопределенностью самого чувства, так и одиночеством субъекта (и, вероятно, поэтому упоминание одиночества в оригинале наводит переводчиков на мысль о *тоске*)[18].

В связи со словом *тоска* и его английскими соответствиями можно также упомянуть статью В. Ю. Апресян [2011], где высказывается предположение, что

[18] Интересно, что психологические исследования также показывают связь того чувства, которое носители русского языка называют тоской, с одиночеством. При исследовании ситуаций, вызывающих состояние тоски, И. А. Воробьева опрашивала некоторое число респондентов, которым было предложено описать ситуации, вызывавшие у них состояние тоски. Выяснилось, что самые типичные ситуации, вызывающие состояние тоски, — это горе, жизненные проблемы и одиночество человека, причем именно одиночество оказалось на первом месте. Одиночество вызывает ощущение покинутости и желание общения с человеком, с которым можно было бы достичь взаимопонимания [Воробьева 2006: 17].

наиболее близким соответствием слову *тоска* является английское *blues* (в этой работе даже формулируется семантический инвариант для *тоски* и *blues*). Однако показательно, что в реальных переводах (в частности, по данным НКРЯ) *тоска* практически никогда не передается как *blues*, а *blues*, даже когда это эмоция, а не оттенки цвета или музыкальный жанр, обычно не переводят как *тоска*. Правда, Надежда Вольпин в переводе Голсуорси передает *blues* как *зеленая тоска*, забавным образом меняя цвет.

Стоит сказать несколько слов о слове *тоска* во французском и немецком подкорпусах параллельного подкорпуса НКРЯ.

Французский подкорпус относительно невелик по объему (это касается и русско-французского, и французско-русского подкорпуса), поэтому его данные не очень показательны. В переводах с русского языка слову *тоска* чаще всего ставится в соответствие *angoisse*, но используются и другие соответствия, напр. *tristesse*, *détresse*, а в случаях, когда переводчик усматривает в слове *тоска* значение 'скуки' — *ennui*. В переводах на русский язык *тоска* часто используется как эквивалент *angoisse*. Впрочем, здесь многое определяется индивидуальными предпочтениями переводчика: скажем, в «Козетте» (во второй части «Отверженных» Виктора Гюго) слово *angoisse* встречается девять раз, и в шести случаях переводчица (Надежда Нолле-Коган) выбирает в качестве соответствия слово *тревога* (иногда с эпитетом *мучительная*), два раза — *смертельный страх* или *смертельный ужас*, один раз — *страдание*.

В немецком подкорпусе слово *тоска* обнаруживает некоторый разброс переводных соответствий, и само оно появляется в русских переводах как соответствие разным языковым выражениям оригинала. В целом данные немецко-русского подкорпуса подтверждают приведенное выше описание значения слова *тоска*. Кроме того, они демонстрируют семантические отличия *тоски* от немецкого *Sehnsucht*, которое иногда приводится как (почти) полный эквивалент *тоски*. Здесь уместно привести высказывание Райнера Марии Рильке, уже цитированное мною в книге [Шмелев 2002б: 91–92]. В письме от 28 июля 1901 г., адресованном А. Н. Бенуа и написанном по-немецки, Рильке, ощутив необходимость выразить смысл, содержащийся в русском слове *тоска*, перешел на русский язык, хотя владел им не в совершенстве (отсюда некоторые грамматические ошибки), и писал:

> Я это не могу сказать по-немецки... (...) как трудно для меня, что я должен писать на том языке, в котором нет имени того чувства, который самое главное чувство моей жизни: тоска. Что это Sehnsucht? Нам надо глядеть в словарь, как переводить: «тоска». Там разные слова можем найти, как напр.: «боязнь», «сердечная боль», все вплоть до «скуки». Но Вы будете соглашаться, если скажу, что, по-моему,

ни одно из десять слов не дает смысл именно «тоски». И ведь, это потому, что немец вовсе не тоскует, и его Sehnsucht вовсе не то, а совсем другое сентиментальное состояние души, из которого никогда не выйдет ничего хорошего. Но из тоски народились величайшие художники, богатыри и чудотворцы русской земли.

В целом представляется, что именно для таких слов, как *тоска*, анализ их появления в переводных текстах может помочь верифицировать или уточнить их описание и подчас оказаться более эффективным инструментом исследования, нежели анализ их соответствий в языке перевода, когда такие единицы появляются в языке оригинала. Перевод лингвоспецифичных слов оригинала представляет собою задачу, которая, как правило, бывает отрефлектирована переводчиком, и для решения этой задачи велика роль индивидуальных предпочтений переводчика. Кроме того, основанием для конкретного переводческого решения «могут оказаться поверхностное понимание, влияние переводных словарей или даже желание придать тексту перевода некоторый налет “иностранности”, чтобы текст воспринимался именно как перевод» [Михайлов 2005: 381]. Поэтому, когда русский язык выступает в качестве языка оригинала, данные параллельного корпуса часто дают нам недостаточную информацию о семантических особенностях русских лингвоспецифичных лексических единиц (хотя, разумеется, они чрезвычайно важны для переводоведения). Напротив того, появление лингвоспецифичных слов в переводе чаще всего представляет собою неосознанное решение переводчика как носителя языка и отражает его спонтанную речевую деятельность. Поняв, почему переводчик употребил данное лингвоспецифичное слово, мы получаем шанс увидеть какие-то его семантические характеристики, не замеченные при анализе оригинальных текстов.

Глава 11

А. Д. Шмелев

От (пре)мудрого до смешного, или еще раз о *хохме* и *остроумии*[*]

Заимствованное слово *хохма* исторически восходит к древнееврейскому слову *хохма* со значением ‘мудрость’. В греческом тексте Св. Писания это слово передается как σοφία, а в церковнославянском, а затем и в русском переводе — как *премудрость* или *мудрость* в зависимости от того, о чем идет речь: *премудрость* может быть Божья или хотя бы частично вдохновлена Богом (*премудрость Соломонова*), а *мудрость* бывает земная или даже бесовская.

Данное понятие под славянским наименованием *премудрость* или же под греческим именем *София* стало одним из ключевых концептов русской религиозной философии. Исходное слово *хохма* при этом обычно не упоминается, хотя есть и исключения. Так, в «Чтениях о Богочеловечестве» (в седьмом чтении) Владимир Соловьев писал: «...как известно, и в канонической книге “Притчей Соломона” мы встречаем развитие этой идеи Софии (под соответствующим еврейским названием Хохма)» [Соловьев 1912: 115].

В настоящее время подлинная этимология этого слова почти полностью забыта; отсылки к ней делаются лишь в ученых трудах, в которых речь прямо идет о ветхозаветных текстах или о позднейшей иудаистской традиции, или же в научно-популярных изданиях, удивляющих читателя сообщением, что под *хохмой* в еврейской традиции понимается ‘мудрость’.

Можно попытаться усмотреть семантическую связь между исходным значением ‘мудрость’ и современным русским значением ‘нечто смешное’. Действительно, многие еврейские притчи не только представляют собою нравоучительный рассказ, в котором содержится некая мудрость, но и демонстрируют весьма остроумный взгляд на вещи и заставляют улыбнуться. С другой стороны, во многих еврейских анекдотах усматривается не только желание посмешить слушателей, но и некое нравоучение. Более того, между еврейскими притчами и современными русскими анекдотами, по-видимому,

---

[*] Впервые опубликовано [Шмелев 2019а].

обнаруживается и некоторая историческая преемственность (ср. [Шмелева, Шмелев 2002]).

По-видимому, слово *хохма* было заимствовано в русский язык через посредство языка идиш, в котором произошел семантический переход от смысла ‘мудрость’ к смыслу ‘шутка’. Как известно, типологически переход от смысла ‘мудрость’ к смыслу ‘смешное’ не представляет собою чего-то необычного: так, немецкое *Witz* ‘шутка, остроумие’ имело раньше значение ‘знание’ (от глагола *wissen* ‘знать’); английское *wit* может означать и ‘ум’, и ‘остроумие’ и родственно слову *wise* ‘мудрый’. Да и в русском *остроумный* (первоначально означавшем нечто вроде ‘очень умный’, т. е. обладающий *остротой ума*) представлен тот же семантический переход (ср. [Зализняк 2007: 551]). Впрочем, в идиш указанный переход, возможно, был связан с сарказмом, как в известном анекдоте, в котором об Эйнштейне говорится: «И что, с этой хохмой он собирается выступать у нас в Одессе?» Заметим, что в древнееврейском для слова *хахам* ‘мудрец’ такое саркастическое употребление довольно давно стало конвенциональным, о чем свидетельствует, в частности, ряд библейских примеров (в русском переводе *мудрец*); это же касается и заимствования этого слова в идиш (ср. типологически близкий переход для русского слова *умник*).

Функционирование слова *хохма* в русском языке, по-видимому, связано и с тем, что народной этимологией слово *хохма* было возведено к глаголу *хохотать* или существительному *хохот* (т. е. словам, занимающим важное место в восприятии смеха в русской языковой картине мира [Шмелев 2007]): *хохма* — это нечто такое, что заставляет людей смеяться. Ср. «наивное» толкование слова *хохма* в следующем примере из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

Хохма — это такая шутка. [Аркадий Инин. Торт с доставкой на дом (1981)]

Сходные толкования даются и в словарях. Так, в словаре [Ожегов 1981] слово *хохма* снабжено пометой *прост.* и толкуется как «Шутка, насмешка, что-н. смешное». В «Малом академическом словаре» [МАС, 4] также помета *Прост.* и сходное толкование: «Остроумная веселая шутка, что-л. очень смешное».

Производные слова *хохма*, такие как *хохмочка, хохмить* и *хохмач*, уже никоим образом не ассоциируются с мудростью.

Напротив того, слово *остроумие* сохраняет в русском языке двойственность: оно может указывать как на остроту ума или житейскую хитрость, так и на умение сказать нечто смешное. Об Исааке Кагане из романа Александра Солженицына «В круге первом» (который приставал к Рубину с требованием новой *хохмы*) говорится, что он «попал на шарашку благодаря своему выдающемуся остроумию» (т. е. хитрости), но там же упоминается и *остроумие* Рубина, состоящее как раз в способности к *хохмам*.

Обратим внимание на то, что толкование ‘нечто смешное’ было бы для современного русского слова *хохма* явно недостаточно. Забавную карикатуру или кинокомедию в нормальных условиях едва ли кто-то назовет *хохмами.* Попытаемся чуть точнее охарактеризовать круг явлений, которые могут быть обозначены как *хохмы.*

В современном русском языке слово *хохма* может использоваться в качестве названия речевого жанра (напр., в сочетании *рассказать хохму*) и в качестве обозначения остроумного действия или веселого розыгрыша, который может быть осуществлен и в неречевой форме. Это свойство присуще и ряду аналогичных слов; напр. *шутка* — название речевого жанра, но *сыграть шутку* — неречевое событие (глагол *пошутить* соотносится с «речевым» пониманием, а *подшутить* — с «неречевым»).

В упомянутом выше эпизоде из романа «В круге первом» имеет место некоторая неопределенность в отношении того, предполагается ли речевая или неречевая форма *хохмы*:

> <...> вслед за Каганом многие в комнате стали громко требовать от Рубина какой-нибудь новой *хохмы.*

Та же неопределенность сохраняется и в ответе Рубина:

> Товарищи! Меня поражает ваша несерьёзность. О какой *хохме* может идти речь, когда среди нас разгуливают наглые, но всё ещё не выявленные преступники? Никакое общество не может процветать без справедливой судебной системы. Я считаю необходимым начать наш сегодняшний вечер с небольшого судебного процесса. В виде зарядки.

В статье [Шмелев 2012б] рассматриваются разные виды *хохм*: смешное событие (*Вчера приключилась хохма*); речевое действие, направленное на то, чтобы рассмешить слушателей (глагол *хохмить* чаще всего обозначает осуществление таких речевых действий); действия (возможно, неречевые), направленные на то, чтобы вызвать смех (*учинить хохму*; *отмочить хохму*); смешная составляющая некоего события или высказывания (*хохма заключалась в том, что...*).

Там же отмечено, что часто слово *хохма* указывает на забавный розыгрыш, ставящий своей целью подшутить над кем-то и посмеяться над человеком, попавшим в ловушку: человеку сообщают заведомую небылицу, но аранжируют ее таким образом, что человек попадается и верит ей (в довольно близком значении иногда используется слово *покупка* — производное от имеющего это значение глагола *купиться*). Такого рода *хохмы* любят устраивать по отношению к новичкам их более опытные товарищи в армии, на флоте,

а также в разнообразных экспедициях: археологических, геологических, спелеологических.

В повседневной городской жизни такого рода розыгрыши, как правило, осуществляются лишь раз в году — первого апреля. Отсюда клишированное выражение *первоапрельская хохма.* Сущность *первоапрельской хохмы* опять-таки заключается в том, чтобы преподнести небылицу таким образом, чтобы адресат речи в нее поверил, и посмеяться над его излишней доверчивостью. Когда нечто представляется столь неправдоподобным, что наблюдатели не могут в это поверить, приходится специально предупреждать, что это *не хохма.* Когда идея обмана выходит на первый план, смысл, связанный с шуткой и смехом, оказывается устраненным (*взять на хохму*). Злые розыгрыши иногда тоже называют *хохмами*; цель их в том, чтобы позлить человека, оказавшегося ее мишенью, или сделать его объектом насмешек. В этом случае даже не так важно, чтобы он «купился» на *хохму*, — важно, чтобы он разозлился.

Хохмами называют также забавные происшествия, заставляющие людей посмеяться, и рассказы о таких происшествиях. В отличие от веселых розыгрышей, они случаются независимо от воли их участников и не связаны с желанием позабавить или позабавиться (однако рассказы о таких происшествиях могут быть вызваны именно этим желанием). О таких происшествиях говорят, что *случилась хохма, получилась хохма, вот хохма была.* Если ожидается смешное (хотя, скорее всего, не очень приятное для участников) происшествие, об этом иногда говорят: *будет хохма* (нередко слово используется иронически, с некоторым сдвигом). Еще чаще употребление слова *хохма* бывает связано не прямо с забавным происшествием, а с рассказом о таком происшествии: именно рассказ вызывает смех у слушателей. Такой рассказ иногда предваряется «метатекстовым» вводом: *хотите хохму?* Рассказ может быть назван *хохмой* постольку, поскольку он производит комический эффект, вызывает смех. Соответственно, вопрос *Правда, это хохма?* можно интерпретировать как попытку найти у слушателей подтверждение: *Правда, это смешно?* Такие *хохмы* рассказывают и пересказывают, они превращаются в особый речевой жанр, подобный байкам, смешным историям, рассказам-пластинкам. Они могут бытовать в определенной среде, так что знакомство с ними становится знаком принадлежности к данной среде. Когда такие *хохмы* вспоминают в своем кругу, тот факт, что все с ними знакомы, не мешает их восприятию: все заново переживают производимый ими комический эффект. Однако если рассказчик стремится поразить слушателей своей историей, рассчитывая, что она им неизвестна, тогда как они прекрасно ее знают, то происходит коммуникативная неудача: *старая хохма* столь же не одобряется, как *анекдот с бородой.*

Таким образом, *хохма* — это и смешное происшествие, и рассказ о нем. Эти две стороны *хохмы*: случай из жизни и речевое действие — послужили отправной точкой для дальнейшего семантического развития. С одной стороны, слово *хохма* может указывать на действия (возможно, неречевые), направленные на то, чтобы вызвать смех. Такие хохмы не случаются, а осуществляются намеренно. Если нечто *стало хохмой*, то это значит, что это вызывает смех. Отсюда выражения *для хохмы*, *ради хохмы*, *в качестве хохмы*, *в порядке хохмы* 'для смеха'. Так, Зуев — персонаж детективной повести Веры Белоусовой «Жил на свете рыцарь бедный» — предваряет некоторую забавную историю, которую он собирается рассказать, словами *Могу вам рассказать — в качестве хохмы.* Желание рассмешить не является чем-то важным, отсюда естественная сочетаемость выражений *для хохмы* и *ради хохмы* со словом *так*, которое, как показал А. Б. Пеньковский, может выступать в качестве показателя невысокой значимости. Рассказав свою историю, Зуев поясняет: *Я же говорю — это я так, для хохмы.*

Хохма как речевое произведение — это то, что говорится не всерьез. Поэтому сказанное *ради хохмы* противопоставляется сказанному или написанному *всерьез*, ср.:

> Я не понял: это *хохма* или это всерьез? [Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991–2000)]

Соответственно, *хохма* может быть выдумкой, не соответствовать действительности. Поэтому возможен вопрос: *это хохма или на самом деле было?* Ср. следующий диалог:

> Ну это, наверное, *хохма*! — усомнился я. — Какая там *хохма*, сам видел! [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]

Заметим, что чаще всего, когда склонность человека к *хохмам* рассматривается как свидетельство его остроумия, не имеет особого значения, рождаются ли *хохмы* спонтанно или человек использует готовое клише. Этим, кстати, хохмы отличаются и от *шуток* (которые всегда предполагаются спонтанными), и от *анекдотов* (которые всегда подаются как услышанные от других людей). Часто *хохмами* называют эстрадные или театральные репризы, направленные на то, чтобы вызвать смех публики. Как правило, употребление слова *хохма* по отношению к шуткам на эстраде или в театре, а также по отношению к остротам в литературных произведениях свидетельствует о том, что говорящий оценивает эти шутки невысоко. *Хохмы* невысокого пошиба часто называют *хохмочками.*

До недавнего времени в НКРЯ (в основном подкорпусе) первое употребление слова *хохма* было зафиксировано в странном с точки зрения современного

языкового сознания выражении *взять на хохму*, используемом в романе «Гарпагониана» Константина Вагинова (1934) по отношению к перекупщику Анфертьеву и означающем обман при купле-продаже. После этого примеров вплоть до 1960-х гг. в НКРЯ не было. Это казалось странным, поскольку многим памятно уже упомянутое мною использование этого слова в романе «В круге первом» (в первом опубликованном на Западе издании одна глава так и называлась — «Хохма»); напомним, что первый вариант романа был написан в 1959 г. и роман уже довольно давно был включен в НКРЯ. Впрочем, разгадка этого весьма проста: в НКРЯ входит (до сих пор, т. е. вплоть до 3 сентября 2019 г.) лишь главы 1–51 романа, тогда как слово *хохма* используется в главе 54.

За пределами НКРЯ в текстах до 1960-х гг. мне долго удавалось обнаруживать лишь несколько примеров употребления слова *хохма* в качестве каббалистического термина, в транскрибированном названии талмудических трактатов, а также единичные примеры отсылок к еврейскому слову в философских сочинениях. В 1920–1930-е гг. есть два-три примера использования в печатных изданиях слова *хохма* по отношению к специфическому «одесскому юмору».

В результате всех изысканий я сделал вывод, что едва ли не самый ранний пример употребления слова, соотносимого с новым значением слова *хохма* в русском языке, обнаруживается в письме Дмитрия Богрова своему приятелю, написанном 1 декабря 1910 г. (оно было опубликовано в книге: *Мушин А.* Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Париж, 1914). В этом письме Богров замечает, что его «репутация “веселого малого”, “хохмача” еще не окончательно подорвана».

Понятно, что факт публикации этого письма обусловлен тем, что Дмитрий Богров убил Столыпина. Иначе, как можно было думать, у нас не было бы данных относительно вхождения слова и его производных в русский язык в начале XX в.

Однако непрерывно продолжающееся пополнение НКРЯ закономерно привело к необходимости модифицировать поспешно сделанные выводы. Выяснилось, что переписка Богрова — вовсе не первый пример использования слова *хохма* наряду с его производными в русской речи.

На настоящий момент НКРЯ дает возможность выявить более раннее появление слова *хохма* в русских текстах. Вот пример — на данный момент (на 3 сентября 2019 г.) пока самый ранний:

> Читал вчерашнюю газету. Хохотал как безумный. Под некоторыми сообщениями так и хочется видеть подпись: Щедрин. Вот, например, письмо митрополита Антония к графине Толстой. Ну чем не щедринская *хохма*: «Есть слава

человеческая и есть слава Божья». «Носят они (пастыри) бриллиантовые митры и звезды, но ведь это “несущественное”». Один солдат, когда его спросили, чего он хочет, хлеба или пирога, отвечал: «Все равно, что хлеб, что пирог. Давай пирог». Все равно, что бриллианты, что рубище, давай бриллианты. [К. И. Чуковский. Дневник (1901)]

Слово *хохма* и его производные стали почти общеупотребительными начиная с 1960-х гг., причем еврейское происхождение слова *хохма* большинством носителей русского языка никак не ощущалось, хотя иногда о нем вспоминали — чаще всего люди, знакомые с еврейской традицией, напр. Борис Слуцкий в стихотворении с характерным названием «Гебраизмы»:

Все пропало.
Осталось токмо
Слово «хала»
И слово «хохма».

Ср. также следующие примеры из НКРЯ:

Между прочим, я этих еврейских *хохмочек* знаю побольше, чем он. [Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991–2000)]

<...> в доме Магазинеров никогда нельзя было услышать ни одного еврейского слова, и за правильностью русской речи детей очень следили... Еврейские словечки, давно получившие право гражданства в русском языке, — или, по крайней мере, в русском сленге, — «хохма», «цорес» и т. п. — были девочкам Магазинерам неизвестны; их воспитывала гувернантка... [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний][1]

Изредка вспоминают исходное значение слова *хохма*, как в следующем примере из НКРЯ:

Примерно как в студенческой *хохме* (между прочим, «хохма» — по-древнееврейски «мудрость»)... [С. Бернатосян, Б. Грехов. Реклама — двигатель науки? Да, но путь выбирает шофер // «Техника — молодежи», 1993]

Кстати, и в цитированном стихотворении Борис Слуцкий упоминает исходное значение слова *хохма*. Оно имеет продолжение:

Обменяли *хохму* на халы,
Обменяли мудрость на хлеб...

[1] Замечу, что, в отличие от слова *хохма*, слово *цорес* вовсе не является общеизвестным, так что говорить, что оно давно получило «право гражданства в русском языке», — явное преувеличение.

Употребительность слова *хохма* достигла максимума к 2005 г., однако в последующие годы стала несколько снижаться (в неформальной речи представителей молодого поколения оно вытеснялось словом *прикол*).

Впрочем, слово *хохма* нельзя считать уходящим. Оно по-прежнему активно используется в живой речи, в художественной литературе и в газетных текстах. Вот несколько примеров из газетного подкорпуса НКРЯ (следует иметь в виду, что в газетном подкорпусе нет документов, созданных позднее 2014 г.):

Но главная *хохма* оказалась в том, что незадачливого шпиона скрутил и положил лицом на асфальт тот, кого он собирался завербовать! [Александр Ходякин. Фогла скрутил тот, кого он хотел вербовать // Комсомольская правда, 2013.05.16]

Если режиссер — хороший комедиограф, как Алексей Коренев или Эльдар Рязанов, многие *хохмы* не в сценарии, а рождаются на площадке за разговором. [КП. Анатолий Мукасей: «Я мечтал стать разведчиком, как родители» // Комсомольская правда, 2013.07.26]

Говорят, любовь придумали русские, чтобы не платить за секс. Мединский сочиняет идеологию государства в духе этой нехитрой *хохмы*. [Игорь Караулов. Массовик-идейник // Известия, 2013.10.20]

А когда меня исключили из школы за то, что я *хохмы* ради надел на бюст Сталина буденовку, Иван Максимович пошел к директору. Объяснил, что в моем поступке нет никакой политики, а только одна дурь. В итоге в школе восстановили. [Лиана Янкина, Петр Апошнянский («КП» — Краснодар»). Иван Поддубный уверял: «Уложить на лопатки меня может только баба» // Комсомольская правда, 2014.07.10]

Продолжало употребляться слово *хохма* и после 2014 г. Вот несколько совсем свежих примеров — из новостной ленты Яндекса за 2–3 сентября 2019 г.:

Исключительно *хохмы* ради в историю был добавлен мини-сюжет про трех птенцов...

...самый главный приглашённый вовремя понял, что вчерашняя *хохма* сегодня уже не *хохма*, поэтому, воспользовавшись вовремя подвернувшимся ураганом, отправился играть в гольф...

56 % россиян подготовили свои *хохмы*, связанные с «3 сентября», и собираются поразить ими своих подписчиков в социальных сетях.

Что же касается до стилистической окраски слова *хохма*, то она оказывается несколько размытой. Как видно из многочисленных примеров употребления этого слова начиная с 1960-х гг. и по настоящее время, ряд образованных

носителей русского литературного языка свободно употребляет это слово, явно не ощущая его просторечности; другие, напротив того, используют его как «чужое слово», выражая тем самым отрицательную оценку того, что они называют *хохмами*. Однако для более точного понимания того, как носители литературного языка воспринимают это слово, одного изучения узуса недостаточно. Как и во многих других подобных случаях, необходимо полноценное социолингвистическое обследование, которое, возможно, позволит выявить зависимость восприятия стилистической окраски слова от возрастных, региональных, гендерных и иных характеристик образованного носителя языка. При этом едва ли не самой существенной оказывается такая трудноуловимая характеристика, как личный языковой вкус образованного носителя языка.

Глава 12 *Анна А. Зализняк*

Разве: от предлога к вопросительной частице*

1. Предварительные замечания

Русская вопросительная частица *разве* весьма основательно исследована — прежде всего, с точки зрения ее семантического соотношения с другой вопросительной частицей — *неужели* (см. [Апресян 1980: 51–52; Булыгина, Шмелев 1997а: 270 и сл.; Баранов 1986; Баранов, Пайар 1998] и др.). Данная статья посвящена диахроническому аспекту проблемы, а именно, вопросу о том, в чем состоял путь семантической деривации — от предлога со значением 'кроме, за пределами' к современному значению вопросительной частицы, ср.[1]:

(1) — Иван ездил в отпуск со своей женой. — А ***разве*** он женат?

В книге [Апресян 1980: 51] предлагается следующее толкование:

(1') *Разве **P**?* = 'До момента речи говорящий считал, что **не P**, в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицирующие **P**; сомневаясь, что **P**, говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть **P**'.

Как было показано в [Баранов 1986] и [Булыгина, Шмелев 1997а: 271], за исключением *разве*, составляющего целое высказывание — ответную реплику (*Разве?*), пропозициональное содержание вопросительного предложения не совпадает с пропозициональным содержанием реплики, реакцией на которое

---

* Впервые опубликовано: [Зализняк 2020б].

[1] Здесь и далее анализируемая русская языковая единица и ее функциональный эквивалент в переводе выделены полужирным курсивом; светлым курсивом выделен релевантный контекст. Примеры, помеченные ссылкой в квадратных скобках, взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

оно является; оно соответствует его презумпции или импликации. Так, в (2) второй говорящий подвергает сомнению само утверждение первого говорящего — в отличие от (1), где подвергается сомнению утверждение, составляющее его презумпцию.

(2) — Иван ездил в отпуск со своей женой. — ***Разве***?

Пропозициональное содержание вопроса с *разве* может составлять также пропозиция, соответствующая презумпции придаточного предложения реплики-стимула, ср.:

(3) Я могу целую теорию построить о том, почему *земля не твердая.* — А ***разве*** она не твердая? [Марина Ахмедова. Место подвига // «Русский репортер», 2012]

Диахронически исходное употребление слова *развѣ* в др.-русском языке в функции предлога со значением 'за исключением', управляющего именем в род. падеже, может быть проиллюстрировано следующими примерами:

(4) Въ вьсѧ стыя М дьнии поста. **развѣ** соуботы и недѣли [СРЯ XI–XIV, 7: 33] ('во все 40 дней поста *за исключением* субботы и воскресенья')

(5) и они не хотѧхоу иного кн҃зѧ · **развѣ** сѵ҃топълка · [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список] ('они не хотели иного князя *кроме* Святополка')

В современном языке *разве* в функции предлога, управляющего род. падежом, полностью утрачено. Имеются, однако, единицы *разве что* и *разве только*, выражающие «уступительно-ограничительное» значение (ср. [Апресян В. Ю. 2015: 203])[2].

(6) И еще: если бы в моем случае это законное удовлетворение просто сводилось все к одному и тому же однообразному приему, *общественное мнение с этим бы примирилось,* — ***разве что*** пожурило бы меня за слишком частую смену любовниц... [В. В. Набоков. Solus Rex (1940)]

(7) *Ничего страшного в рыжеватом маленького роста человеке не было,* ***разве только*** вот глаз с бельмом, но ведь это бывает и без всякого колдовства, ***разве что*** одежда не совсем обыкновенная — какая-то ряса или плащ, — опять-таки, если строго вдуматься, и это попадается. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

[2] Близкое значение имеется у современного *кроме как*; о соотношении *кроме как* и *разве что* см. раздел II.13.

Функцию единицы *разве что* может выполнять также одиночное *разве* — употребление устаревшее и/или разговорное ; ср.:

(8) У него было еще три комнаты, но он редко туда заглядывал, утром ***разве***, и то не всякий день. [И. А. Гончаров. Обломов (1859)].

(9) Фёдор выпивкой не увлекался, ***разве*** на Первомай или Октябрьскую. (И. Грекова. Вдовий пароход)[3]

Значение гипотетической возможности у слова *разве* ярко обнаруживает себя в также несколько устаревшем сочетании *кроме разве* (которое регулярно переводится на английский язык как *except perhaps*): поскольку сама идея исключения имеется уже в слове *кроме*, семантический вклад слова *разве* сводится к идее гипотетичности или сомнительности этого исключения, ср.:

(10) Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, ***кроме разве*** стрельбы в цель да изредка конной скачки. [Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1842)]

The Cossacks thought it a nuisance to fill up the intervals of this instruction with any kind of drill, ***except perhaps*** shooting at a mark, and on rare occasions with horse-racing. [Nikolay Gogol. Taras Bulba (Isabel F. Hapgood, 1886)]

(11) Если бы послать в Шлезвиг-Гольштейн тысяч тридцать шведского войска, оно легко разобьет все силы датчан и овладеет... всеми островами, ***кроме разве*** Копенгагена, который будет защищаться упорно, но в ноябре, в скобках поставьте девятого числа, сдался и Копенгаген. [В. В. Набоков. Дар (1935–1937)]

If some thirty thousand Swedish troops could be sent to Schleswig-Holstein they would easily rout all the Danes' forces and overrun... all the islands, ***except, perhaps*** Copenhagen, which will resist stubbornly, but in November, in parentheses put the ninth, Copenhagen also surrendered. [Vladimir Nabokov. The Gift (Michael Scammel, Vladimir Nabokov, 1962)]

Так или иначе, употребление слова *разве* в утвердительном предложении для указания на гипотетическое исключение для современного русского языка является периферийным. В современном языке практически единственное актуальное значение слова *разве* — это значение вопросительной частицы.

[3] Пример из [Баранов, Пайар 1998].

2. Этапы прагматикализации

2.1. Первый этап: появление говорящего

Как представляется, промежуточным звеном, позволяющим реконструировать путь семантической деривации слова *разве* от предлога со значением ‘за исключением’ к вопросительной частице, является конструкция с инфинитивом, субъектом которого является говорящий, входящая в вопросительное предложение, замыкающее некоторый фрагмент текста. Эта конструкция выражает только что возникшую и еще не оформившуюся в намерение мысль совершить некоторое действие, способное «решить проблему», т. е. отменяющее существующее — в каком-то отношении негативное — положение вещей.

(12) Вы заезжайте ко мне, — сказал Галкин. — Поговорим... — Да я не одет... Погодите... ***Разве*** *переменить* панталоны? (Н. Успенский)

(13) Хочу подняться вверх по Каме, да денег на пароходный билет нет. *Пешком* ***разве*** *пойти*? [Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)]

(14) Но Динка уселась на кровать и, сложив на коленях руки, сморщилась: — Ну как их мыть? Там все стенки жирные. ***Разве*** *налить* воды и повертеть внутри веником? [Валентина Осеева. Динка (1959)]

(15) — Конечно, — прибавил Кинг, — но как мы приготовим свинину? Варить ее долго, а котла или кастрюли нет, сковороды тоже. ***Разве*** *прибегнуть* к методу кавказских горцев, которые жарят баранину маленькими кусочками, нанизанными на прутья, над огнем и называют это кушанье очень смешно — шашлык? [В. А. Обручев. Коралловый остров (1947)]

(16) Как же это их уложить, чтобы корзина полная была? Землицы ***разве*** *подсыпать*? [Самуил Маршак. Двенадцать месяцев (1943)]

Наряду с одиночным *разве* здесь возможно также употребление *разве что* (ср. пример (17)). Эта конструкция (обозначим ее [*разве* (*что*) + Inf?]) — также устаревшая или разговорная.

(17) Я не мог ей ничем помочь. ***Разве что*** *взвалить* на плечо и внести в Кремль? [А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)]

Итак, первый этап прагматикализации слова *разве* состоит в появлении фигуры говорящего, который оказывается субъектом действия, описываемого инфинитивом, — и, одновременно, субъектом мнения о гипотетической

позитивной альтернативое к только что обрисованному им негативному положению вещей; при этом гипотетичность реализуется в форме *вопроса к самому себе.*

2.2. Второй этап: появление слушающего

Второй этап прагматикализации, на котором возникает уже собственно вопросительная частица, состоит в следующем. В конструкции с вопросительной частицей негативная ситуация, в которой оказался говорящий, спровоцирована некоторым утверждением собеседника Q. При этом, в отличие от предыдущего шага [*разве* (*что*) + Inf?], где имеется некоторая негативная ситуация сама по себе (что-то невозможно сделать), здесь негативность ситуации, в которой оказался говорящий, обусловлена лишь наличием **когнитивного диссонанса**, состоящего в том, что Q может иметь место только при условии истинности P, а говорящий до этого момента считал (и продолжает считать), что не-P. Выходом из этого состояния может быть только перемена мнения — с не-P на P. Употребление *разве* в качестве вопросительной частицы преследует именно эту цель — это запрос к собеседнику на выход из состояния когнитивного диссонанса.

(18) Он так в Останкине и жил до самого отъезда. — А ***разве*** тогда выпускали? — Особый случай. [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)]

(19) Завтра еду в Москву на конференцию аллергологов. — А ***разве*** ты аллерголог? Не знал. [И. Грекова. Перелом (1987)]

(20) Лев Толстой, «Война и мир». Это произведение у меня в плане проставлено. Я над своим общим развитием работаю по плану. — А ***разве*** вы в школе «Войну и мир» не проходили? [И. Грекова. Дамский мастер (1963)]

В таком «настоящем» вопросительном предложении замена *разве* на *разве что* невозможна (о единице *а разве* см. следующий раздел).

3. Риторическое значение вопросительного *разве*

В книге [Булыгина, Шмелев 1997а: 272] было отмечено «риторическое» значение частицы *разве*, при котором высказывание *Разве P?* эквивалентно эмфатическому утверждению ‘не P’. Так, в примере (21) говорящий эмфатически

утверждает, что он в своем уме; в (22) — что сумма денег, о которой идет речь, ничтожна.

(21) — Я, игемон, никого не призывал к подобным действиям, повторяю. ***Разве*** я похож на слабоумного? — О да, ты не похож на слабоумного, — тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(22) Никанор Иванович подумал, что он прибавит к этому: «Ну и аппетитик же у вас, Никанор Иванович!» — но Коровьев сказал совсем другое: — Да ***разве*** это сумма! [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Для риторического *разве* характерен контекст модального слова *можно* (примеры (23)–(26)), модализованного инфинитива (примеры (27)–(28)), форма 2-го л. ед. ч. в обобщенно-личном значении (пример (29)); во всех этих случаях говорящий эмфатически утверждает 'нельзя'. Отметим, что риторическое *разве* может употребляться не только в вопросительном, но также в восклицательном предложении (примеры (26), (27), (29)).

(23) — ***Разве*** *можно* отказать в чем-либо тому, кого любишь? Я по себе сужу (А. Н. Островский. Поздняя любовь)

(24) ***Разве*** *можно* это назвать рыночными отношениями? — это чистой воды олигополия... [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)]

(25) Перед нею, — гость благоговейно посмотрел во тьму ночи, — легло бы письмо из сумасшедшего дома. ***Разве*** *можно* посылать письма, имея такой адрес? Душевнобольной? Вы шутите, мой друг! Нет, сделать ее несчастной? [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(26) Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да ***разве*** это *можно* делать! [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(27) Но ***разве*** *сравнить* с тем, что раньше было! [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)])

(28) Никто за него не заступился: больших ребят во дворе не было, а маленьким ***разве*** *сладить*? [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]

(29) — Да мы еще и не начали, — сказал Нунан. — Мы только собирались. От тебя ***разве*** *убежишь*! [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

Принципиальным для риторического *разве* является то обстоятельство, что оно может появляться в том числе вне диалога; в частности, оно характерно для внутреннего монолога, ср.:

(30) ***Разве*** для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня! ***Разве*** Кай целовал так руку матери и ***разве*** для Кая так шуршал шелк складок платья матери? ***Разве*** Кай так был влюблен? ***Разве*** Кай так мог вести заседание? И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, — мне это другое дело. [Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)]

Таким образом, риторическое *разве* выходит за пределы стандартного коммуникативного акта: это снова вопрос к самому себе — но имеющий принципиально иное значение, чем в «гипотетической» конструкции [*разве* (*что*) + Inf?]. Если для гипотетической конструкции ситуация, описываемая предложением с *разве*, представляется говорящему возможной и позитивной, то в предложении с риторическим *разве* она трактуется говорящим как невозможная и негативная. Такая парадоксальная на первый взгляд ситуация обусловлена тем обстоятельством, что риторическое *разве* представляет собой значение, производное от значения, возникающего на следующей ступени прагматикализации, т. е. от значения вопросительной частицы. Оно возникает в том случае, когда говорящий настолько уверен, что не-Р, что он не нуждается в собеседнике, который бы подтвердил или опроверг это мнение. Если обычное вопросительное «*разве* сомнения» предполагает взаимодействие коммуникантов, при котором говорящий как бы вызывает собеседника на поединок, исход которого неизвестен, то употребляющий риторическое *разве* заранее является победителем.

Обратим внимание на то обстоятельство, что для *разве* в значении вопросительной частицы характерно появление в контексте союза-частицы *а*. Анализ данных НКРЯ позволяет утверждать наличие особой дискурсивной единицы *а разве*, которая вводит реплику — реакцию на пресуппозицию предыдущего высказывания, ср. примеры (1), (3), (18)–(20) выше, а также:

(31) И все было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум. — ***А разве*** мы не знаем? — удивился Нунан. — Представьте себе, нет. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

(32) Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в зонах, распоряжался только международный институт. — ***А разве*** на эти чудеса посягает еще кто-нибудь? — Да. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

(33) Итак, я этого делать не буду, а вы сделайте сами. — ***А разве*** по-моему исполнится? [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(34) По сути, они должны ответить на три вопроса: имело ли место событие преступления, доказано ли, что деяние совершил подсудимый, и виновен ли подсудимый. — ***А разве*** ответы на второй и третий вопросы могут быть разными? [Лед тронулся (2003) // «Газета», 2003.07.02]

Во всех примерах (31)–(34) *а* перед *разве* вряд ли может быть опущено. Дело, очевидно, в том, что союз-частица *а* является показателем связи с предыдущей репликой диалога: она маркирует то обстоятельство, что пропозиция P, вводимая *разве*, является пресуппозицией или импликацией предыдущего высказывания. Именно эта сложная единица *а разве* наиболее точно соответствует толкованию, предложенному в [Апресян 1980] (ср. (1′)). Одиночное *разве* в начальной позиции — это чаще всего именно риторическое *разве*, которое вводит эмфатическое утверждение обратного — независимое суждение, которое вовсе не обязательно является реакцией на какое-либо предшествующее высказывание собеседника, ср.:

(35) Вдруг из отцовских сорока сделал тысяч триста капиталу, и в службе за надворного перевалился, и ученый... теперь вон еще путешествует! Пострел везде поспел! ***Разве*** настоящий-то хороший русский человек станет все это делать? [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]

(36) ***Разве*** я не любил? Тысяча лет прошло, а я отлично помню: был четвёртый час ночи, поезд отбывал без чего-то восемь, я лежал без сна, и мои губы и щёки пахли духами Леночки Двиганцевой. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый мир», 2001]

(37) Понимаю — Москва... А Калуга? ***Разве*** это город? [Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)]

Во всех примерах (35)–(37) употребление частицы *а* перед *разве* невозможно. Употребление *а* перед риторическим *разве* возможно лишь в том случае, когда это союз, присоединяющий вторую часть сложносочиненного предложения, ср.:

(38) — Мы говорим, что мы против произвола и деспотизма, ***а разве*** это не самый ужасный деспотизм? [Л. Н. Толстой. Воскресение (ч. 2–3) (1899)]

И наоборот, употребление одиночного *разве* в собственно вопросительном значении возможно лишь внутри диалогической реплики — ср. первое вхождение слова *разве* в примере (41); во втором вхождении, начинающем ответную реплику, *а* не может быть элиминировано:

(39) — Какая шмакля? — удивился Цветик. — ***Разве*** есть такое слово? — ***А разве*** нету? — Конечно, нет. [Н. Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953–1954)]

Не допускает употребления частицы *а* также *разве*, составляющее целиком ответную реплику (*Разве?*) и выражающее сомнение в истинности высказанного собеседником утверждения, ср. для примера (2): — *Иван ездил в отпуск со своей женой.* — **А разве*?

4. Заключение

Итак, путь семантической эволюции слова *разве* от предлога со значением 'за исключением' к значению вопросительной частицы может быть восстановлен как состоящий из трех ступеней семантической деривации; второй и третий представляют собой прагматикализацию.

I. ⇒ [*разве* (*что*) *P*]: (гипотетическое) исключение ситуации (*водку не пьет,* ***разве*** (*что*) *по праздникам*);

II. ⇒ [*разве* (*что*) + Inf.*?*]: гипотетическая положительная альтернатива; говорящий задает вопрос самому себе (*нет денег на билет*; ***разве*** (*что*) *пешком пойти?*);

III. ⇒ [*а разве P?*]: запрос к слушающему на выход из состояния когнитивного диссонанса (— ***А разве*** *он женат?*).

На первом этапе прагматикализации появляется фигура говорящего, который рассматривает гипотетическую возможность выхода из негативной ситуации в форме вопроса самому себе. На втором этапе возникает фигура второго коммуниканта, что обеспечивает полноценную ситуацию коммуникативного акта вопроса и функцию *разве* как вопросительной частицы.

Глава 13

Анна А. Зализняк

Кроме и его производные*

1. Загадка полисемии слова *кроме*

Семантика русского предлога *кроме* достаточно основательно исследована; ему посвящен ряд статей [Баранов 1998; Оскольская, Холодилова 2009; Оскольская 2011; 2014], а также лексикографическое описание [Апресян В. Ю. 2004а; 2004б]. Тем не менее путь семантической деривации, связывающий его два в некотором смысле противоположных значения, остается непроясненным.

Предлог *кроме* восходит к форме местного падежа от существительного *крома* 'край'; в др.-русском основное значение предлога *кромѣ* было 'вне, за пределами' — как в собственно пространственном (ср. (1)), так и в отвлеченном смысле (ср. (2), (3)):

(1) не добро есть лежати. ѡц҃ю нашему федосьеви. **кромѣ манастыра** црк҃ви своея. (Повесть временных лет [Срезневский 1989, I: 1328])

(2) ты́ бо єди́нъ **кромѣ̀ грѣха̀**, пра́вда твоѧ̀, пра́вда во вѣ̑ки, и сло́во твоѐ и́стина. [Следованная Псалтирь. Последование по исходе души от тела] (www.ruscorpora.ru)

(3) а празденьство **кромѣ ѥстьства** ѥсть. [Пчела] (www.ruscorpora.ru)

Итак, изначально предлог *кроме* указывал на нахождение объекта за пределами пространства (реального или метафизического), обозначенного именной группой, подчиненной слову *кроме*. В современном языке это значение полностью утрачено: нельзя сказать ни *кроме монастыря*, ни *кроме греха* в значении 'вне, за пределами'. (Единственное, что от него осталось, — фразеологизм *кроме шуток*.) Сохранилась лишь идея нахождения объекта за пределами некоторого

* В состав этой главы вошли материалы статьи [Зализняк 2019].

выделенного метафизического пространства, которая может реализоваться по-разному.

В современном русском языке для слова *кроме* общепринятым является выделение следующих двух значений ([БАС; МАС; Апресян В. Ю. 2004а; 2004б; Оскольская 2014] и др.):

кроме 1: 'за исключением':

(4) ***Кроме*** *Пети, все ученики решили эту задачу.*

кроме 2: 'в добавление':

(5) ***Кроме*** *Пети, задачу решили Вася и Коля.*

В первом случае Петя, **в отличие** от остальных, задачу не решил, во втором — **так же**, как и остальные, задачу решил. Иными словами, если в *кроме 1* Петя **исключается** из множества объектов, обладающих предицируемым признаком (в данном случае 'решить задачу'), то в *кроме 2* он, наоборот, **включается** в множество объектов, обладающих этим признаком — т. е. эти значения являются в некотором смысле противоположными.

Тот факт, что соотношение двух значений слова *кроме* (иллюстрируемых примерами (4) и (5)) представляет собой своего рода энантиосемию, подтверждается тем, что здесь возможна реальная неоднозначность. Так, в словаре Даля [Даль 1994, 2: 507] для слова *кромѣ* предлагаются перифразы:

— *внѣ, извнѣ, снаружи, не внутри;*

— *опричь, не считая, окромѣ, исключая, за исключением.*

Значение, соответствующее первой группе перифраз и иллюстрируемое примером *Покинь его кромѣ ограды* (т. е. 'брось его за ограду'), в современном языке утрачено. Пример для второй группы значений, приводимый Далем (в неявной форме объединяющей наши *кроме 1* и *кроме 2*): *Есть много охотников,* ***кромѣ*** *насъ*. Эта фраза неоднозначна. С точки зрения современного русского языка фраза *Есть много охотников,* ***кроме*** *нас* означает то же, что *Есть много охотников* ***помимо*** *нас* — т. е. здесь реализуется значение *кроме 2* («мы», наряду с «многими» принадлежим к числу «охотников»). Между тем, поскольку этот пример несомненно интертекстуально связан с крылатой фразой из «Горя от ума» *А смешивать два эти ремесла / Есть тьма охотников* [вариант — *искусников*] — *я не из их числа*, где использован оборот, эксплицитно выражающий значение *кроме 1*, скорее всего Даль также вкладывал в него значение 'за исключением' (хотя вопрос, какое значение имел в виду Даль, все же остается открытым).

Другой пример реальной неоднозначности (из некоторой лингвистической статьи; речь идет о классах русских неопределенных местоимений)[1]:

(6) В серию на «угодно» входят, ***кроме*** «какой», все вопросительно-относительные местоимения.

Эта фраза допускает оба понимания: при одном слово «какой» входит в «серию на угодно» (в этом случае *кроме* синонимично *помимо* и имеет значение *кроме 2*: 'в добавление'), при другом — наоборот, находится за ее пределами (значение *кроме 1*: 'за исключением'); ср. ту же фразу с другим порядком слов: *В серию на «угодно» входят все вопросительно-относительные местоимения,* ***кроме*** *«какой»*, которая может быть понята только в значении *кроме 1.* Однако неоднозначность возникает, только если рассматривать эту фразу изолированно. Поскольку в предшествующем тексте уже было сказано, что слово «какой» входит в обсуждаемый класс (в серию на «угодно»), *кроме* понимается здесь однозначно в нужном смысле 'в добавление'. Другими словами, значение *кроме 2* реализуется в том случае, когда тот факт, что референт имени, подчиненного *кроме*, обладает предицируемым признаком, по тем или иным причинам уже известен слушающему[2].

Замечу, что те же два противоположных значения были у слова *помимо.* Так, МАС в качестве первого значения указывает (на сегодняшний день устаревшее и сохранившееся лишь в сочетании *помимо воли*) значение 'кроме, за исключением' (*...графы ни к кому помимо меня заезжать не хотели.* А. Островский) — и, в качестве второго, значение 'сверх чего-л.' (*...помимо своей работы, я тружусь еще и в Радиокомитете*). Английское слово *besides* в функции наречия означает 'в добавление', а в функции предлога — 'за исключением'. Французские *à part* и *en dehors de*, наряду с отмечаемым словарями значением 'за исключением', могут выражать также значение 'в добавление', ср. (примеры из французского параллельного подкорпуса НКРЯ):

(7) ***Кроме*** *Ясиного чулана*, было при школе еще одно жилое помещение, которое занимала преподавательница русского языка и литературы, военная вдова Таисия Сергеевна. [Людмила Улицкая. Сонечка (1992)] — ***À part*** *le réduit de Jasia*, il y avait encore dans l'école une autre pièce habitée, occupée par le professeur de langue et de littérature russes Taïssia Sergueïevna, une veuve de guerre. [Ludmila Oulitskaya. Sonietchka (Sophie Benech, 1998)]

---

[1] Курсив, маркирующий обсуждаемые языковые единицы, здесь во избежание неоднозначности заменен на кавычки.

[2] В статье [Апресян В. Ю. 2004б] эта информация названа «фоновой».

(8) Живут же там многие и ***кроме*** *нас...* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — Il y en a beaucoup d'autres ***en dehors de*** *nous* qui habitent chez elle. [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]

Та же полисемия имеется у немецкого *außer*, ср.: *Ich habe alle meine Klassenkameraden zu der Feier eingeladen,* ***außer*** *Peter* — 'Я пригласил на праздник всех своих одноклассников, кроме Петера' и *Ich habe* ***außer*** *Peter noch Franz und Michael zu der Feier eingeladen* — 'Кроме Петера, я пригласил на праздник также Микаэля и Франца'.

Поэтому естественно предположить, что энантиосемия, наблюдаемая в слове *кроме*, имеет определенные когнитивные основания. Задача в том, чтобы их выявить, т. е. восстановить путь семантической деривации, связывающий противоположные значения между собой или каждого из них с некоторым «исходным».

В статье [Оскольская, Холодилова 2009] предлагается следующее логическое построение, позволяющее объединить два значения слова *кроме* в одно:

> Ситуацию, которую описывает конструкция с предлогом *кроме*, можно представить следующим образом: есть некоторое множество [A], которое вычитается из другого множества [B], а оставшееся множество [C] входит в множество [B]. Так, ситуацию в примерах (α) и (β) можно описать с помощью установленных обозначений следующим образом:
>
> (α) Я пригласил *весь класс* [B], кроме *Пети и Маши* [A] — *кроме 1*
>
> В примере (α) множество [A] *Петя и Маша* вычитается из множества [B] *весь класс.* Все, что остается (т. е. весь класс без Пети и Маши), представляет собой множество [C] — множество приглашенных.
>
> (β) Кроме *Пети и Маши* [A], я пригласил еще *свой класс* [C]– *кроме 2*
>
> В примере (β) множество [A] *Петя и Маша* вычитается из множества [B] *все приглашенные*, и остается множество [C] — весь класс. Именная группа с предлогом *кроме* в обоих случаях представляет вычитаемое множество [A].
>
> Общая схема ситуации для конструкции с предлогом *кроме*: B\A= C. Но в зависимости от намерения говорящего эксплицируется множество [B] (для *кроме 1*) либо множество [C] (для *кроме 2*), а значение другого множества ([C] либо [B]) можно определить с помощью предиката.

Эта схема обладает рядом недостатков.

Прежде всего, вызывает недоумение формулировка «В примере (β) множество [A] *Петя и Маша* вычитается из множества [B] *все приглашенные*», которая очевидно означает, что множество *Петя и Маша* исключается из множества *все приглашенные*, — что неверно. Либо под множеством *все приглашенные* авторы понимают приглашенных при помощи того речевого акта, который описан данным предложением (поскольку Петя и Маша тоже были приглашены, но ранее), либо слово *вычитается* следует понимать в каком-то особом смысле.

Во-вторых, представляется весьма дискуссионным сам принцип, что существование неоднозначных примеров типа *Я позвал еще своих одноклассников, кроме Пети*, которые могут быть поняты как содержащие *кроме 1* и *кроме 2*, свидетельствует о том, что это ОДНО значение. Как мне представляется, ровно наоборот: возможность такого рода неоднозначности говорит о том, что это именно два РАЗНЫХ значения: реализация одного или другого обусловлена не контекстом (контекст один и тот же), а непосредственно смысловым заданием. (В частности, нельзя согласиться с используемой авторами формулой «оттенок значения» по отношению к двум значениям *кроме*.)

В-третьих, остается неясен механизм, связывающий между собой две реализации данной схемы: почему вдруг «меняются местами» множества [B] и [C]?

Я предлагаю альтернативный способ решения проблемы, каким образом связаны между собой два значения слова *кроме*.

Рассмотрим следующий пример:

(9) ***Кроме*** Пети, на день рождения пришли все мои одноклассники.

Эта фраза неоднозначна. Если слушающий знает, что Петя — мой одноклассник, *кроме Пети* указывает на исключение Пети из числа пришедших (*кроме 1*). Если слушающий знает, что Петя пришел на день рождения, то *кроме* понимается в значении *кроме 2*, т. е. выступает в роли разграничителя уже известной и новой информации — как в примере (6), где слушающему уже известно, что местоимение «какой» входит в «серию на угодно». Если слушающий не знает ни того, ни другого, неоднозначность сохраняется. (Точнее, сохраняется в письменной форме; в устной этим двум пониманиям соответствует различная интонация: акцент на *все* для *кроме 1* и на *одноклассники* — для *кроме 2*.)

Итак, в обоих типах употребления *кроме X-а* слово *кроме* вводит границу, отделяющую объект X от других объектов по некоторому признаку. Различие определяется тем, по какому признаку X оказывается выделен и противопоставлен остальным. А именно, *кроме 1* (*Кроме Пети все решили эту задачу*) проводит границу между объектами, обладающими и не обладающими обсуждаемым свойством, а в случае *кроме 2* (*Кроме Пети, задачу решили еще*

Вася и Коля) слово *кроме* проводит границу между объектами, про которые **уже известно**, что они обладают упомянутым признаком (*Петя*), и теми, о которых это **сообщается** (*Вася* и *Коля*)[3]. Таким образом, содержание семантического сдвига состоит в том, что граница переносится из дескриптивной области в коммуникативную, т. е. это частный случай прагматикализации. В исходном значении *кроме* исключает объект из зоны обладающих неким признаком (Петя исключается из множества решивших задачу), а в производном *кроме* исключает объект из зоны обсуждения-внимания-рассмотрения: Петю (про которого мы знаем, что он задачу решил, и это не обсуждаем) мы исключаем из рассмотрения и сообщаем новую, значимую информацию — что задачу решили Вася и Коля[4]. Обратим внимание на то, что похожая формулировка использована в [МАС] по отношению к (на сегодня устаревшему) значению слова *помимо*: «минуя, не принимая во внимание что-л.». При этом иллюстрирующий это значение пример *Граф написал завещание, по которому он все имение,* ***помимо*** *прямых наследников и нас, отдавал Пьеру* говорит о том, что речь идет об «игнорировании» в дескриптивном, а не в коммуникативном отношении.

Итак, содержание семантического перехода от *кроме 1* к *кроме 2* — сдвиг из дескриптивной сферы в коммуникативную. Посмотрим теперь, каков механизм этого сдвига.

Для этого согласно принципу, сформулированному в известной статье [Бенвенист 1974б], следует найти контексты, в которых эти значения совмещены. Как оказывается, таким контекстом в данном случае является отрицание.

Обязательным условием реализации диахронически исходного значения *кроме 1* является употребление кванторного слова *все / всё* (которое может находиться как перед, так и после предложной группы с *кроме*) или других способов обозначения класса[5]: Наличие кванторного слова *все / всё* (или другого обозначения класса) имеет принципиальное значение для реализации

[3] «Известность» при этом может быть мнимой и использоваться в рамках приема «лингвистической демагогии» (по [Николаева 1988]), т. е. риторической фигуры подачи новой информации в форме известной.

[4] Ср. термин «исключение из рассмотрения», который используется в работе [Инькова, Манзотти 2019: 163] для обозначения логико-семантического отношения, выражаемого словом *кроме* во втором значении.

[5] Ср.: *Полицейские ушли, кроме одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся с лестницы, опять обратно на лестницу.* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]. Полный список контекстов реализации значения *кроме 1* приводится в [Оскольская 2011].

семантики *кроме 1*, поскольку оно задает то множество, из которого оператор *кроме* исключает объект, обозначенный подчиненным именем. Субъектом при предикате оказывается построенное таким образом множество «*все* минус X», т. е. предложение с *кроме 1* имеет логическую структуру: S (=все за исключением X) P. Для предложения (4) это будет (4а):

(4) ***Кроме** Пети, все ученики решили эту задачу.*

(4а) S (= все за исключением Пети) P (= решили эту задачу).

Формула (4а) может быть эксплицирована следующим образом:

(4а′) ‘из множества объектов, обладающих признаком P (= множество учеников, РЕШИВШИХ задачу), исключен объект Петя’.

Предложение с отрицательным кванторным словом *никто / ничто* (или любым другим отрицательным местоимением, наречием или прилагательным), например (10), может трактоваться как имеющее ту же логическую структуру, только с отрицанием при предикате — поскольку *никто / ничто* появляется вместо *все / всё* в силу действия в русском языке правила двойного отрицания:

(10) ***Кроме** Пети, никто не решил эту задачу.*

(10а) S (= все за исключением Пети) P (= не решили эту задачу).

Или, иначе:

(10а′) ‘из множества объектов, обладающих признаком P (= множества учеников, НЕ РЕШИВШИХ задачу), исключен объект Петя’

Таким образом, логическая структура предложения с отрицанием — та же, что и для предложения без отрицания. Однако семантически различие между конструкцией *никто кроме X не P* и *все кроме X P* не сводится к наличию / отсутствию отрицания при глаголе: кванторное слово *никто* со значением ‘не существует такого X (который P)’ принципиальным образом меняет семантическую структуру предложения. А именно, если формула (4а′) адекватно отражает значение предложения (4), то относительно формулы (10а′) это неверно. Семантически конструкция *никто кроме X не P* устроена иначе: она указывает не на исключение объекта из множества не обладающих свойством P — содержание формулы (10а′), а на единственность объекта, свойством P обладающего. Причем делает она это **косвенным образом**. Тем самым, по сравнению с прямым утверждением единственности со словом *только* или *один только* (ср. *Задачу решил* (*один*) *только Петя*), конструкция *никто кроме X не P* содержит дополнительный смысловой акцент на этой единственности, возникающий

за счет косвенного выражения смысла. Можно сказать, что конструкция *никто кроме X не P* представляет собой риторическую фигуру эмфатического выделения идеи единственности названного объекта.

Схема толкования предложения (10) может быть представлена следующим образом (разделим ее на две части — компоненты (i) и (ii)):

(10a″) (i) ‘существует объект, обладающий признаком P’ (= Петя);
(ii) ‘других объектов, обладающих этим признаком, не существует’.

Обратим внимание на то, что компонент (i) присутствует также в толковании *кроме 2*, ср., для примера (5):

(5) ***Кроме** Пети, задачу решили Вася и Коля.*

(5a″) (i) ‘существует объект, обладающий признаком P’ (= Петя);
(ii) ‘существуют другие объекты, обладающие этим признаком’(= Вася и Коля).

Сравним теперь следующие предложения:

(11) ***Кроме*** матери *никто* не будет его навещать (*кроме 1*).

(12) *Вряд ли кто-нибудь* ***кроме*** матери будет его навещать.

(13) *Кто* ***кроме*** матери будет его навещать?

(14) ***Кроме*** матери, его будут навещать *жена и дочь* (*кроме 2*).

В предложении (11) представлено значение *кроме 1*, в (14) — значение *кроме 2*. Между тем все предложения (11)–(14) имеют общий компонент (i) ‘существует объект X, обладающий признаком P’ (мать, которая будет навещать сына) — и различаются лишь за счет вариантов компонента (ii). А именно, относительно других объектов того же класса в (11) утверждается, что их *нет*, в (14) — что они *есть* (жена и дочь), в гипотетическом высказывании (12) и в вопросительном (13) — что их существование под вопросом. В случае риторического вопроса (т. е. вопроса, эквивалентного отрицательному утверждению, ср. пример (15)) вопросительное предложение, так же, как и предложение с отрицательным местоимением, включает компонент (ii) в том варианте, который фигурирует в толковании *кроме 1*: ‘других объектов, обладающих этим признаком, не существует’[6].

[6] Риторический вопрос со словом *кроме* сближается с конструкцией *Кто как не...? Куда как не...?* и т. п., которая в грамматической традиции квалифицируется как частно-вопросительная

(15) Никто не пробует даже объяснить, в какой стране мы живем. Какая у нас идея, ***кроме*** колбасы? [Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 1) (2013)].

Очевидно, что перечисленные три варианта реализации компонента (ii) представляют собой разные значения одного параметра: шкалы вероятности от нуля до единицы существования других объектов, обладающих признаком P. На одном конце находится конструкция с отрицательным местоимением (ср. (11)), которую принято считать реализующей значение *кроме 1*, на другом — примеры типа (14), реализующие значение *кроме 2*. Таким образом оказывается, что граница между двумя значениями *кроме* проходит между конструкцией с квантором всеобщности *все / всё* или именем класса — и всеми остальными типами конструкций, в том числе — с *никто / ничто*. То есть конструкция *никто кроме X не P* представляет собой первую ступеньку «семантического моста» (термин из [Mel'čuk 1988]), соединяющего значения *кроме 1* и *кроме 2*. Последующие ступени этого пути представлены гипотетическими и вопросительными контекстами.

Механизм этого сдвига состоит в следующем. Отрицательное местоимение *никто* появляется вместо *все* в силу действия в русском языке автоматического правила двойного отрицания: вместо ***все*** *кроме X не P* надо сказать ***никто*** *кроме X не P*. Однако если слово *все* задает некоторое реальное множество, то слово *никто* никакого множества не задает: семантически, пустое множество — это вообще не множество. А если множество объектов не задано, то слово *кроме* не может работать оператором исключения из этого множества, т. е. оно утрачивает дескриптивную функцию, и остается только дискурсивная.

Итак, множество употреблений слова *кроме* делится на область противопоставления и область нейтрализации.

Область противопоставления составляют конструкции с кванторным словом *все / всё*.

В этом случае *кроме* может иметь значение как *кроме 1*, так и *кроме 2* — в зависимости от того, включает ли смысл предложения отсылку к идее принадлежности объекта X некоторому классу. Если включает, то реализуется значение *кроме 1*, если нет — *кроме 2*. Это обстоятельство — не словарное, оно определяется экстралингвистической реальностью (как в случае с Петей, который может быть или не быть одноклассником говорящего, ср. пример (9)). Еще один аналогичный пример — (16): его понимание как содержащего *кроме 1* или *кроме 2* (и, соответственно, вопрос о том, был ли куплен сыр) зависит от того, входит ли сыр в множество ингредиентов салата:

конструкция со значением утверждения о единственности / выделенности элемента из релевантного множества (см. [Инькова, Кобозева 2018: 178]).

(16) ***Кроме*** сыра, я купила всё, что нужно для салата =

(16а) ‘сыр не купила; все остальные необходимые для салата продукты купила’ — *кроме 1* (сыр входит в множество ингредиентов салата);

(16б) ‘купила сыр, а также все необходимые продукты для салата’ — *кроме 2* (сыр не входит в множество ингредиентов салата).

Все остальные контексты — гипотетические, вопросительные, а также отрицательные — образуют область нейтрализации. При этом предложения с отрицательным кванторным местоимением *никто / ничто* представляют собой ключевой контекст, демонстрирующий ход семантической деривации от *кроме 1* к *кроме 2*.

2. *Кроме* в составе сложных единиц

Сложные единицы со словам *кроме* могут быть производны как от первого, так и от второго значения этого слова.

2.1. *Кроме того что*

Здесь имеется две единицы, производные от двух разных значений *кроме*.

1. Единица *кроме того что 1* имеет логическое значение ‘за исключением того, что’. Она употребляется исключительно в контексте отрицательного местоимения или слова *нет* в предшествующей клаузе и является производной от *кроме 1*, в варианте *никто кроме X не P*. Ср.:

(17) Рюхин *ничего* не понял из слов доктора, ***кроме того, что*** дела Ивана Николаевича, видно, плоховаты, вздохнул и спросил... [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]

(18) А у меня *нет* других доказательств, ***кроме того, что*** я люблю... [С. Алексиевич. Время секонд-хэнд (ч. 2) (2013)]

(19) — Нет, *ничего*, мессир, — с гордостью ответила Маргарита, — ***кроме того, что*** если я ещё нужна вам, то я готова охотно исполнить всё, что вам будет угодно. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]

Также как и конструкция *никто кроме X не P*, единица *кроме того что 1* представляет собой риторическую фигуру, усиливающую важность единственности вводимого ею — в данном случае пропозитивного — объекта.

2. Единица *кроме того что 2* имеет значение ‘плюс к тому что’, производное от *кроме 2*, которое реализуется в контексте главной клаузы, не содержащей конструкции с отрицательным местоимением[7]; употребляется преимущественно в препозиции к остальной части предложения или внутри него, ср.:

(20) <...> мне было досадно, что он переменился к этой бедной девочке; ***кроме того, что*** он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он её редко, и она заметно начинала сохнуть, личико её вытянулось, большие глаза потускнели. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

(21) Дуня, ***кроме того что*** девушка умная, — в то же время существо благородное, как ангел. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

(22) Упомянутый вами Малышев, ***кроме того, что*** он талантливый писатель, является активным бойцом. [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22]

Информация, вводимая *кроме того что 2*, может быть как известной слушающему, так и новой, но в любом случае — для данного сообщения она является «фоновой», ср. характерное употребление в скобках:

(23) Если посмотреть, о чем говорят люди в связи с мракобесием (***кроме того, что*** ругают своих противников и сетуют на судьбу, нравы и время), выяснится круг тем, с которыми связано беспокойство. [Георгий Любарский. Мракобесие, или Наших бьют // «Эксперт», 2013]

В вопросительном предложении, как и в случае одиночного *кроме*, противопоставление двух значений нейтрализуется:

(24) Скажи-ка, Алеша, у тебя какие достоинства, ***кроме того, что*** ты, хм... красавец? [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]

2.2. Кроме как[8]

Единица *кроме как* представляет собой редуцированный вариант единицы *кроме того что 1*: единица *кроме как* указывает на единственное исключение

[7] Отрицание в предшествующей клаузе возможно, если оно вводит самостоятельный признак, ср. *Кроме того что Петя не делает уроки, он еще и хамит родителям.*

[8] В статье [Оскольская 2014] единица *кроме как* сопоставляется с *кроме* в значении ‘исключения’ и приводятся результаты корпусного исследования конструкций с *кроме как*.

из отрицательного утверждения, выраженного в предшествующей клаузе, но это исключение касается только выбора определенного актанта той же ситуации, ср.:

(25) <...> никто *не* смел войти ко мне, ***кроме как*** в определенный час убрать комнату и принести мне обедать. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

(26) ладно, будь что будет, только я ни с кем больше *не* хочу, ***кроме как*** с ней. [Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (2008.01.16)]

Единица *кроме как* квазисинонимична с *разве что*[9]: имеется класс употреблений, в котором эти две единицы почти взаимозаменимы, ср.:

(27) а. Туда невозможно добраться, ***кроме как*** верхом на осле.

б. Туда невозможно добраться, ***разве что*** верхом на осле.

Кроме как, так же как и к *разве что,* может вводить условное придаточное, ср.:

(28) а. Я не пойду на этот концерт, ***кроме как*** *если* ты пойдешь со мной.

б. Я не пойду на этот концерт, ***разве что*** *если* ты пойдешь со мной.

Частичная взаимозаменимость *кроме как* и *разве что* может быть также продемонстрирована следующими примерами:

кроме как:

(29) Мой добрый совет — не веди разговоров, ***кроме как*** о погоде. [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003]; ср. *...разве что* о погоде.

(30) Президенту Ливеру не оставалось ничего ***кроме как*** попросить делегацию МОК покинуть зал. [«Известия», 2002.11.05]; ср. *...разве что* попросить делегацию МОК покинуть зал.

(31) — Нигде особо не больно. Нормально. ***Кроме как*** в сердце. [И. Грекова. Перелом (1987)]; ср. *разве что* в сердце.

(32) И мне, кажется, ничего в жизни не надо, ***кроме как*** *если бы* Максим Федотыч отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякого награждения. [А. Н. Островский. Не в свои сани не садись (1852)]; ср. *разве что* если бы.

[9] Ср. [Апресян В. Ю. 2015: 203] об «уступительно-ограничительном» значении *разве что.*

разве что:

(33) Люди порядочные, но говорить с ними *не о чем*, ***разве что*** о войне в Алжире. [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003]; ср. *кроме как* о войне в Алжире.

(34) И праздным зрителям на ней теперь делать *нечего*, ***разве что*** поучаствовать в конкурсе на лучший рекламный слоган выставки «Дизайн и реклама — 2002». [«Известия», 2002.04.02]; ср. *кроме как* поучаствовать в конкурсе.

(35) <...> не понимая, что сам-то ни для кого *не был* начальником — ***разве что*** для маленького замусоленного своего собрата, державшегося почтительно от него на расстоянии [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]; ср. *кроме как* для маленького собрата.

Синонимия *кроме как* и *разве что* ограничена двумя (связанными между собой) обстоятельствами. Во-первых, *кроме как* выражает утверждение, в то время как *разве что* вводит лишь гипотетическую альтернативу (ср. раздел II.12); во-вторых, для *кроме как* наличие отрицания в предшествующей клаузе является необходимым условием, в то время как *разве что* может появляться в контексте более «слабых» операторов типа *редко*, *мало* (*что*) и т. п., ср.:

(36) Жители города *редко* ходят в Эрмитаж, как впрочем и французы — в Лувр, ***разве что*** сопровождают приехавших родственников и знакомых. [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)]

(37) Школа тут *мало* поможет, ***разве что*** аттестатом. [коллективный. Вот говорят некоторые массы трудящихся (2015)]

(38) Ну да, не сильно Виктор Черкесов укрепил вертикаль власти на северо-западе, *мало что* сделал, ***разве что*** агентство «Росбалт». [Юлия Латынина. Самурайская дружба (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.17]

Единица *кроме как* в таких контекстах недопустима.

В русском языке имеются еще две близкие по значению единицы: несколько устаревшее / разговорное *кроме разве* и более современное / литературное *кроме разве что*; обе совмещают идею исключения из множества, выражаемую *кроме*, и идею гипотетичности, выражаемую *разве*. Ср.:

(39) Он их разбранил, объявив, что <...> вперед, ***кроме разве*** воскресенья, и то не каждого, будет обедать дома. [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]

(40) Впрочем, мне и писать-то вам нечего, ***кроме разве*** одного. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943–1958)]

(41) Без них в наших широтах любое открытое пространство, ***кроме разве что*** речных пойм, неизбежно зарастает лесом. [Борис Жуков. Пределы заповедности // «Знание — сила», 2014]

(42) Я вдруг с изумлением обнаружил, что не испытываю к ней никаких чувств, ***кроме, разве что***, жалости... [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Специально отметим, что единицы *кроме как* и *разве что* (а также *кроме разве* и *кроме разве что*) выражают ***уступку*** — в смысле, соответствующем значению этого слова в русском языке, — в отличие от союзов *хотя* и *несмотря на*, традиционно называемых уступительными, которые выражают существенно иную идею — несоответствие некоторой норме / ожиданию, обусловленное протестной волей субъекта (ср. *Несмотря на дождь, мы пошли гулять*) или стечением обстоятельств (*Хотя зарплату прибавили, денег все равно не хватает*). *Кроме как* и *разве что* выражают уступку в буквальном смысле: говорящий сначала сделал некоторое утверждение вида 'не существует такого X, который P', после чего он *отступил* от него (или *уступил*, сделал *уступку*) — «ослабив» это утверждение указанием на один такой X, который (возможно) не обладает признаком P.

2.3. *Кроме того*

Дискурсивная единица (коннектор) *кроме того* производна от *кроме 2* 'в добавление' и представляет собой «развернутый» вариант *кроме того что 2*. Тот элемент, к которому происходит «добавление», здесь имеет статус полноценного отдельного предложения, предшествующего предложению, вводимому *кроме того*. *Кроме того* входит в синонимический ряд *к тому же*, *сверх того*, *вдобавок*, *в придачу* со значением добавления (см. [Апресян В. Ю. 2004в]). При этом идея границы, заключенная в слове *кроме*, здесь сохраняется и обнаруживает себя в том, что, как справедливо отмечено в статье [Там же: 498], в отличие от *к тому же* и *вдобавок*, употребление *кроме того* невозможно в таких контекстах, где P (= признак, описываемый клаузой, вводимой единицей *кроме того*) представляет собой частный случай Q (= содержание предшествующей клаузы), ср.: *Он поэт, и к тому же* (**кроме того*) *довольно хороший.*

В статье [Рудницкая 1998] предлагается анализ, согласно которому коннектор *кроме того* имеет не два, а три актанта: положение дел, описанное в предшествующей клаузе (q; их может быть даже несколько), положение дел, вводимое при помощи *кроме того* (p), и еще некоторое — возможно,

не эксплицированное в тексте — положение дел, с которым соотносится содержание обеих соединяемых клауз (ситуация Z). Таким образом, *кроме того* выступает в роли оператора включения нового элемента в уже имеющееся множество элементов, обладающих свойством ‘иметь отношение к Z’. Соответственно, у *кроме того* различается два основных типа употребления — в зависимости от того, какое отношение (p — q или p — Z) более существенно для говорящего, т. е. вводит ли предложение с *кроме того* какое-то соображение, связанное непосредственно с предыдущим или опосредованно, через соотнесение с некоторым общим сюжетом.

Глава 14

Анна А. Зализняк

Русское *как бы* в зеркале перевода*

Светлой памяти
Нины Давидовны Арутюновой

Русское слово *как бы*[1] заслуживает внимания сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, оно заключает в себе специфическую концептуальную конфигурацию, которая уже анализировалась исследователями (ср. [Арутюнова 1996; 1997; Разлогова 2004; Летучий 2008; Урысон 2009; Benigni 2014]), однако этот вопрос вряд ли можно считать решенным. Отдельный интерес представляет факт необычайного распространения этого слова в 1990–2000-е гг., которое сопровождалось волной метаязыковой рефлексии, охватившей широкие слои говорящих на русском языке и оценивающих данное явление как свидетельство падения норм культуры речи, ср., в частности, [Васильев 2000; Лаптева 2004; Разлогова 2004: 141–145; Урысон 2009]. Наиболее подробный анализ этого слова предложен в [Летучий 2008]; статья содержит ряд точных наблюдений, однако не со всеми выводами автора можно согласиться.

Среди посвященных данной теме работ Н. Д. Арутюновой я хочу особо выделить статью «Стиль Достоевского в рамке русской картины мира» [Арутюнова 1996]. Эта работа была опубликована в то время, когда понятие «русской языковой картины мира» еще только возникало (обратим внимание на то, что в названии этой статьи фигурирует выражение «русская картина мира», хотя речь идет именно о *языковой* картине — просто термин еще не устоялся). Эта статья замечательна тем, что она восстанавливает логическое звено между

* Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ (грант № 19-012-00505). Раздел 1 представляет собой расширенный вариант статьи [Зализняк 2020а]. Раздел 2 написан по материалам моего доклада на «Арутюновских чтениях» в Институте языкознания РАН 19 апреля 2019 г.

[1] Имеется в виду цельная языковая единица, в отличие от сочетания местоименного наречия *как* с частицей *бы*, ср.: *Интересно, как бы он поступил на моем месте*; *Как бы нам не опоздать*; *Как бы мы ни старались, ничего не получится* и т. п.

представлением (давно ставшим общим местом), что Достоевский является наиболее ярким выразителем так называемой «русской души» — и относительно в тот момент новым понятием «языковой картины мира», формируемой набором лингвоспецифичных слов, исследование которых тогда только начиналось[2]. В этой статье Н. Д. Арутюнова, в частности, показала, что стиль Достоевского характеризуется повышенной частотностью употребления именно тех слов, которые содержат в себе специфическую концептуальную конфигурацию и формируют языковую картину мира (к числу таких слов относится, быть может в первую очередь, слово *как бы*). Сейчас эта идея уже тоже стала общим местом, но в 1996 г. это было открытием.

Настоящая статья объединяет три любимых Ниной Давидовной сюжета: русские неопределенные местоимения и наречия (среди которых слово *как бы* Н. Д. выделяла особо), испанский язык и стиль Достоевского. Перевод — в частности, на испанский язык и, в частности, текстов Достоевского — будет выступать в роли такого особого зеркала, отражающего детали, которые при взгляде на сам объект могут быть и не видны. Дело в том, что слово *как бы* является в высокой степени лингвоспецифичным: в отличие от близкого по значению *как будто*, оно не имеет точного аналога ни в одном из основных европейских языков[3]. Анализ текстов параллельных корпусов НКРЯ показал, что в качестве «стимулов» и «моделей» перевода чаще всего используются выражения

---

[2] В том же году вышла статья А. Д. Шмелева «Лексический состав русского языка как отражение “русской души”» [Шмелев 1996б], в которой были обозначены основные пласты лингвоспецифичной лексики русского языка, а также наша совместная с И. Б. Левонтиной статья в журнале «Russian Linguistics» [Зализняк, Левонтина 1996], заказанная журналом в качестве рецензии на книгу Вежбицкой «Semanitcs, Culture and Cognition», в которой была проанализирована группа русских глаголов, позволяющих представить собственное действие как не полностью контролируемое (*собирался — не собрался*, *удалось*, *успел*, *получилось*, *вышло*, *сложилось* и т. п.). Эти статьи положили начало направлению исследований, результаты которых впоследствии вошли в монографии [Зализняк и др. 2005а; 2012].

[3] Наибольшую близость к русскому *как бы* обнаруживают англ. *kind of* и *sort of*, а также разговорное нем. *quasi*, ср. Um so mehr, wo Sie sich jetzt *quasi* als ein anderer fühlen, müssen Sie alles aufbieten, dem Richterspruch zu entgehen! [Gustav Meyrink. Der Golem (1914)] — Тем более, что вы чувствуете себя *как бы* иным человеком, вы должны все сделать для того, чтобы вас не осудили! [Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922)]. Вопрос о наличии эквивалента русскому *как бы* в других славянских языках требует отдельного исследования. Но, напр. македонское *kako da*, сходное с русским *как бы* по морфологическому составу и, судя по исследованию [Bužarovska 2006], частично также в отношении логики семантической деривации, фактически соответствует не *как бы*, а *как будто*, ср.: *kako da tropna vratata* ‘I think the door slammed’. (пример из [Bužarovska 2006]) — *Как будто* (**как бы*) *хлопнула входная дверь.*

со значением ‘как’, ‘в качестве’, ‘как если бы’, ‘почти’, ‘нечто вроде’, ‘так сказать’, а также глагол ‘казаться’; при этом в значительной части случаев русское *как бы* остается без перевода. Каждая модель перевода на другой язык передает какой-то аспект семантики слова *как бы* — тем самым сравнение с оригиналом позволяет выявить компоненты, в переводе отсутствующие. Еще более показательным является перевод *на* русский язык: анализ контекстов, «стимулирующих» появление этого слова в переводе, позволяет эксплицировать его смысловые составляющие.

В первом разделе мы проанализируем семантику *как бы*, пользуясь материалом Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), в том числе некоторых его параллельных подкорпусов; второй раздел посвящен специально моделям перевода этого слова (в том числе — в текстах Достоевского) на испанский язык, а также условиям его появления в переводах с испанского на русский.

1. *Как бы*: семантика, прагматика, диахрония

Принято считать, что слово *как бы* в своем центральном значении выражает сравнение (образует сравнительную конструкцию), ср. [Пешковский 2001; Черемисина 1976; РГ-80; Летучий 2008; Урысон 2009]. В [МАС] это сравнение названо «условно-предположительным», в [РГ-80, II: 493] — «недостоверным». (При этом в [РГ-80] имеется в виду значение, иллюстрируемое примерами типа *Целую ночь она прострадала и проплакала, и проснувшись была так худа и бледна, как бы* (= ‘как если бы была’) *после тяжкой болезни* (Писем.), справедливо характеризуемыми как «устаревшие».) В статье [Лаптева 2004] различаются два значения — «литературное» *как бы 1*, «регламентированное соотношением его значения ‘как будто’ и семантики высказывания» (*весь день стоит как бы хрустальный*; *вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам*), и «нелитературное», «нерегулируемое» *как бы 2*, парадоксальность которого, по мнению автора, определяется сочетаемостью со словами «четкого конкретного значения, которое нельзя ослабить и представить как приблизительное и которое не подвергается обозначению через сравнение», ср.: *Я сегодня как бы ходила целый день*; *Эта авиация не является как бы военной в прямом смысле, а она предназначена как бы для обороны*; *Он как бы инвалид, шесть лет в коляске* и т. п. В статье [Летучий 2008] *как бы* и *как будто* рассматриваются как образующие две различные сравнительные конструкции; конструкции типа *он как бы спал* рассматривается как сравнительные, поскольку в них усматривается

сравнение реальной ситуации с неким эталоном. Однако, как представляется, сравнение с неким эталоном происходит при любом присваивании имени фрагменту внеязыковой действительности, просто в одних случаях совпадение с эталоном бывает более, а в других — менее полным. *Как бы* маркирует неполноту этого совпадения.

1.1. Аппроксиматор

Н. Д. Арутюнова помещает слово *как бы* в ряд показателей «кажимости»[4] *как будто*, *будто*, *словно*, *точно*, но отмечает, что в этом ряду *как бы* занимает особое место — сближаясь с «показателями неопределенности» *как-то* и *какой-то*: «...*как бы* в приведенных контекстах[5] — знак неполного соответствия предиката обозначаемому им явлению. Такой вид варьирования помещает *как бы* на границе между модальной неопределенностью, предполагающей истинностную (вероятностную) оценку, и семантической (концептуальной) приблизительностью» [Арутюнова 1996: 68].

Так или иначе, значение слова *как бы* не исчерпывается сравнением, включая в свою семантику также идею тождества. Вообще-то тождество и подобие несовместимы: X может быть *похож* на Y, только если X *не является* Y-ом[6]. Однако слово *как бы* именно совмещает эти две идеи (что и обеспечивает его лингвоспецифичность). Так, в примере (1) *как бы* означает не просто, что поведение молодого человека *было похоже* на приглашение, но что оно одновременно *являлось* приглашением[7].

(1) Поймав взгляд Иуды, молодой человек приветливо улыбнулся и призывно замахал руками, ***как бы*** *приглашая* бездомного к очагу. [Давид Маркиш. Стать

[4] Отметим, что глагол со значением ‘казаться’ — один из наиболее частотных переводных эквивалентов для *как бы*, ср.: *Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] — Mais bientôt il **sembla** tomber dans une profonde reverie [Fédor Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik, 1947)]. См. также разделы 2.1.1 и 2.1.2.2 об исп. *parecer.*

[5] Имеются в виду контексты типа *как бы с трудом ворочал языком*; *в лице его выражалось как бы нечто болез*ненное.

[6] Так, один мой знакомый попал в весьма неловкое положение, сказав своим польским друзьям: «Львов — очень красивый город, *похож на Польшу*».

[7] Примеры со ссылкой в квадратных скобках взяты из НКРЯ (www.ruscorpora.ru), дата обращения — апрель 2019.

Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001]

Здесь *как бы* вводит интерпретацию (означаемое) жеста. Ср. также:

(2) Он шёл невероятно важной индюшиной походкой, ***как бы*** *фиксируя каждый свой шаг,* ***как бы*** *приглашая* весь пляж им полюбоваться. [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]

(3) — Мы тебя давно ждали, — сказал Степан Аркадьич, войдя в кабинет и выпустив руку Левина, ***как бы*** *этим показывая,* что тут опасности кончились. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Совмещение в языковом значении логически несовместимых идей тождества и подобия — это свойство метафоры, ср. одно из ее определений, предложенных Н. Д. Арутюновой [1983: 6]: «Метафора создается тем, что подобию придается вид тождества»[8]. Близость семантики *как бы* к когнитивному механизму метафоры обнаруживает себя также в тяготении этого слова к контекстам метафорического описания ситуации: слово *как бы* служит сигналом того, что вводимая им языковая единица употреблена в непрямом, часто метафорическом, значении, ср.:

(4) То ли потому, что у нас было слишком много общего в характерах, и с её уходом я ***как бы*** *потерял часть себя*? [Илья Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... // «Народное творчество», 2003]

(5) Я бы сказал, что экономическая стабильность последних трех лет ***как бы*** *усыпила* нашу экономическую элиту. [Определить присутствие государства в экономике (2003) // «Время МН», 2003.08.07]

(6) Всё же хочу отметить замечательные страницы, ***как бы*** *воскрешающие* Мережковского и Зинаиду Гиппиус, и всю окружающую их навсегда погибшую атмосферу [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003]

(7) — У нас только на валюту, — прохрипел он, раздражённо глядя из-под лохматых, ***как бы*** *молью изъеденных,* сивых бровей. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)]

[8] Отметим, что в русском языке имеется еще одна конструкция, также характеризуемая «гибридизацией тождества и подобия» [Арутюнова 1983: 6], — это творительный сравнения, или «творительный метафорический»: *летел стрелой, упал камнем, скакал козлом* (ср. [Зализняк 2013а: 452]).

Как бы может вводить даже развернутую метафору, ср.:

(8) Он поспешно оделся и, ***как бы*** *неся полную чашу гнева и боясь расплескать ее*, боясь вместе с гневом утратить энергию, нужную ему для объяснения с женою, вошел к ней, как только узнал, что она встала. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Для *как бы*, вводящего метафорическую номинацию, характерен контекст употребления внутри конструкции с творительным предикативным, ср.:

(9) Не потому, наверное, начал я всерьез писать после переезда в эту квартиру, что не мог писать в другом каком-нибудь месте, а потому, еще раз, что этот переезд был ***как бы*** *чертою*, отделившей меня от уже кончавшейся юности [Алексей Макушинский. Город в долине (2012)]

(10) Итак, символ выступает ***как бы*** *конденсатором* всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. [Ю. М. Лотман. Символ в системе культуры (1982–1992)]

Использование предикатного слова в переносном значении часто служит «стимулирующим контекстом»[9] для появления *как бы* при переводе на русский язык. Ср. следующие примеры из параллельных корпусов НКРЯ, где глагол в метафорическом переносном значении (выделено курсивом) передается в русском переводе конструкцией с *как бы*: (англ.) The face staring back at him was thin and *washed out.* — На него смотрело худое лицо с невыразительными, ***как бы*** *стертыми чертами*; (франц.) Mais j'ai voulu qu'un moment encore ma vie *reste en suspens* à la terrasse de ce café. — Но мне хотелось, чтобы моя жизнь еще на минуточку ***как бы*** *остановилась в нерешительности* на террасе этого кафе; (нем.) <...> durch einen Sonnenuntergang *kosmisch beleuchtet* — озаренный ***как бы*** *космическими лучами* заходящего солнца. См. также примеры (58)–(61) в разделе 2.2.1

Помимо метафоры, *как бы* может указывать на приблизительность, неточность названной характеристики или на то, что объект обладает данным признаком (относится к данной категории) не в полной мере; ср. характерное для конструкции с *как бы* последующее уточнение номинации в (11) и (12):

(11) Любовь Пушкина к жене была ***как бы*** *довершением или, точнее, жизненным осуществлением* того взгляда на красоту, который проходит через всю его поэзию. [И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]

[9] О понятии «стимулирующего контекста», или «контекстного стимула», см. [Зализняк, Падучева 2019; Микаэлян, Зализняк 2019].

(12) При чтении читатель становится ***как бы*** *сотрудником*, *соавтором* писателя, они вместе творят книгу за счет воображения писателя и за счет воображения читателя, который в своем сознании разворачивает эту книгу, выстраивает ее. [Владислав Крапивин, Димитрий Струев. Дорога негаснущей надежды (2015)]

(13) Зимой губа Калгалакша и другие губы замерзают, и во время отлива лёд становится ***как бы*** *мостом*, консольно висящим в воздухе над водой. [Николай Иванов. По Белому морю и таёжным озёрам на байдарках // «Наука и жизнь», 2009]

В этом случае *как бы* оказывается близко по значению к слову *своего рода*, ср. (14), (15), где можно было бы также употребить слово *как бы*; и наоборот, в примерах (9), (10), можно было бы употребить выражение *своего рода*.

(14) А раз так, рождение ребёнка для многих *своего рода вопрос престижа* — у нас «всё как у людей», благополучнее некуда. [Мария Давыдова. Кто в доме хозяин? (2003) // «100 % здоровья», 2003.01.15]

(15) Это, правда, создаёт некоторые ограничения свободы исследовательской мысли — оказывается *своего рода «смирительной рубашкой»* для фантазии. [Е. А. Климов. Психология в XXI веке // «Вопросы психологии», 2003]

Заметим, что аналогичная функция имеется у кавычек (см. [Зализняк 2013а: 499]); употребляя слово в неконвенциональном переносном значении, мы можем в речи предварить его словом *как бы*, а на письме с той же целью поставить в кавычки, т. е. в устной речи *как бы* может выступать в качестве эквивалента для знака кавычек (а также сопровождаться жестом, обозначающим кавычки), ср.: *Метафорический контекст как бы стимулирует (или «стимулирует») появление в переводе слова «как бы»*. Эти два средства могут также использоваться одновременно, ср.:

(16) Когда же действие сформировалось, то его тонкая структура сворачивается, ***как бы*** *«прячется»* под внешней оболочкой. [Модификация функциональной структуры действия при нарушении зрительного контроля // «Вопросы психологии», 2003]

Ср. также употребление кавычек в примере (15).

Итак, при употреблении в контексте характеризующих предикатов, иллюстрируемом примерами (1)–(13), (16), *как бы* выступает в роли **аппроксиматора**: говорящий при помощи *как бы* маркирует то обстоятельство, что выбранная

им номинация не совсем точна; в том числе потому, что она использована в переносном смысле. В функции аппроксиматора *как бы* может относиться к слову любого грамматического разряда и семантического класса; особенно характерно употребление *как бы* с глаголами внутреннего состояния (точная идентификация которого в принципе затруднительна), при этом часто — в составе деепричастного оборота, ср.:

(17) Пока я говорил, она подымалась с места и все более и более краснела; но вдруг ***как бы*** *испугалась* чего-то, какой-то черты, которую не надо бы перескакивать, и быстро перебила меня [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

(18) И оба собеседника, ***как бы*** *обрадовавшись* этому открытию, закивали друг другу головами... [Ф. Д. Крюков. К источнику исцелений // «Русское Богатство», 1904]

(19) — Приезжайте обедать ко мне, — решительно сказала Анна, ***как бы*** *рассердившись* на себя за свое смущение [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

Отметим, что конструкция с *как бы*-аппроксиматором появляется не позднее конца XVIII в., ср.:

(20) <...>но положенье сестры моей тягостнее было вдвое, потому что она не имела еще столь обширного круга знакомых и приятелей и оставалась ***как бы*** *брошенной на чужой стороне.* [И. М. Долгоруков. <...> (1788–1822)]

(21) Словом, публика вся ***как бы*** *проснулась*, даже и дамы стали вмешиваться в судебные диспуты, рассуждать о законах, бредить о конституциях. [И. М. Долгоруков. <...> (1788–1822)]

(22) Есть морское небольшое животное, называемое Nautilus, или корабле-образец, который <...> вытягивает из своей спины некоторый род природного паруса и по ветру ***как бы*** *едет на воде.* [С. С. Бобров. Содержание и примечания к «Херсониде» (1798–1804)]

1.2. Показатель эпистемической неопределенности

До сих пор речь шла о контекстах характеризующих предикатов, описывающих признаки, которые допускают градацию (неполноту реализации) или же могут быть поняты в переносном смысле. В контексте предикатов, не допускающих аппроксимацию или метафору, *как бы* выражает эпистемическую

неопределенность: то ли было, то ли не было. Более того, *как бы* может выступать в роли своего рода миропорождающего оператора, создавая особую альтернативную реальность; это значение появляется в контексте упоминания имевших место фактов[10], ср.:

(23) Она раскаивалась утром в том, что она сказала мужу, и желала только одного, чтоб эти слова *были* ***как бы*** *не сказаны.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

(24) Про инфляцию правительство запретило говорить, чтобы *её* ***как бы*** *не было.* [Борис Немцов, Елена Трегубова. «Мы и правда не из разведки!!» // «Коммерсантъ-Власть», 2002]

(25) Знаю такие моменты в своей жизни, *которых* ***как бы*** *не было.* [Светлана Алексиевич. Время секонд-хэнд // «Дружба народов», 2013]

Характерно употребление *как бы* в примере (26), где *как бы договорились* указывает не на неполноту достижения договоренности, а на возникшее у говорящего сомнение в том, что эта договоренность имеет силу; вне цитируемого диалога говорящий трактовал ситуацию, о которой идет речь, как *мы договорились*, без всякого *как бы* (обратим внимание также на то, что последние три вхождения слова *как бы* выделены курсивом в тексте оригинала):

(26) — Да, можно маленькие... и отец доплатит, если нужно. Мы с ним ***как бы*** *договорились*, <...> вы считаете, получится? — Скорее всего, — сказал я, озираясь. Не подарок квартиреха... возни на полгода... ездить неудобно... что ещё за отец там? Знаю я всё это: ***как бы*** *договорились*... ***как бы*** *согласны*... ***как бы*** *хотят*... а потом перед самой сделкой на попятный... [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

Эпистемическая неопределенность может поляризоваться таким образом, что *как бы* становится «оператором фикциональности», указывая на то, что следующий за ним предикат описывает положение вещей, не соответствующее реальности; так, *как бы невзначай*, *как бы случайно* означает ‘намеренно’, ‘не случайно’; ср. также:

(27) — А! — равнодушно сказала Анна, ***как бы*** *мало интересуясь этим,* — и продолжала улыбаясь: — Как может ваше общество компрометировать кого-нибудь? [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]

[10] Заметим, что сходную функцию имеет глагол *считать* (см. [Зализняк 2013а: 177]), ср. пример (23) и *Считай что я это не говорил*; *Это не считается.*

Здесь *как бы* указывает на то, что Анна только *делала вид*, что мало интересуется этим, ср. франц. перевод: Ah! fit Anna ***jouant*** *l'indifférence*[11] — букв. 'изображая равнодушие, притворяясь равнодушной'. Ср. также (28), (29):

(28) За первым же углом Эраст Петрович отпустил извозчика и медленно, ***как бы*** *прогуливаясь*, зашагал в обратном направлении. [Борис Акунин. Азазель (1998)]

(29) Но зачем, скоро понял: потому что возили его ***как бы*** *на расстрел*. «Ну все, тебе конец», — приговаривали охранники, передергивая затворы. [Анна Политковская. Путинская Россия (2004)]

В итал. переводе примера (28) *как бы прогуливаясь* передано как ***facendo vista*** *di fare due passi* [Boris Akunin. La regina d'inverno (Pia Pera)] — т. е. 'делая вид, что прогуливается'. В примере (29): на самом деле расстреливать не собирались.

Напомним, что в русском языке есть имеющее аналогичную внутреннюю форму слово *якобы* (*яко* — ц.-слав. аналог русского *как*), вводящее чужое утверждение, по мнению говорящего ложное — или, по крайней мере, такое, за истинность которого говорящий не готов поручиться (ср. [Апресян В. Ю., Шмелев 2017]). В старорусском языке в этом же значении могло употребляться слово *как бы*, ср.:

(30) Думаша князи, Ольгови внуцы, Игоревича Всеволодовы дѣти, и рекуще: «дяди наши ходили в орду воевати и корысти себѣ добыли, а нас с собою не поимали, *мы* ***как бы*** *не князи*». [Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) (1500–1525)]

Имеется в виду: 'они нас с собой не взяли, потому что *якобы* (= 'говорили / считали, что') мы не князи'. При этом если прочесть это предложение в соответствии с конвенциями современного русского языка, то оно будет понято как содержащее *как бы*-аппроксиматор: 'не в полном смысле князи'.

Значение аппроксиматора раньше было также и у слова *якобы*, ср. 'вода окружает рощу таким образом, что делает ее *как бы* островом' в примере (31):

(31) Еще недалеко тех мест есть дубровка невелика, но велми густа, юже вода окружает и ***яко бы*** *островом учиняет* [А. Лызлов. Скифская история (1692)]

Вплоть до середины XIX в. *как бы* употреблялось также в функции подчинительного союза при глаголе восприятия, вводящем обозначение

[11] Henri Mongault. Anna Karénine. Paris: Gallimard, 1994.

воображаемой ситуации при помощи самостоятельной предикации (т. е. содержащей собственное подлежащее и сказуемое), ср. (32)–(35); в современном языке здесь следовало бы употребить *будто бы* или *как будто*.

(32) А которые люди во дворех слышели, то ино *слышелося* им ***как бы*** *Симановских колоколов звон звучит.* [Вологодско-Пермская летопись (1550–1590)]

(33) На берегу по четырём сторонам озера стояли неописанной величины четыре истукана, которые как будто бы под тяжким бременем нагнулись и имели чрез спины на плечах железные цепи, и, *казалось*, ***как бы*** *они тащили* что-нибудь из воды. [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)]

(34) Ему на время *показалось*, ***как бы*** *он очутился* в какой-то малолетней школе. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

(35) *Казалось*, ***как бы*** вместе с нею *влетел* солнечный *луч* в комнату, озаривши вдруг потолок, карниз и темные углы ее. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

При отсутствии во вводимом *как бы* фрагменте предикативного центра это слово теряет функцию союза, встраиваясь в бывшее главное предложение и превращаясь в аппроксиматор — при глаголах нечеткого восприятия, прежде всего — *казаться*; ср.:

(36) Лицо его было бледно и сухо и при лунном свете *казалось* ***как бы*** *мертвым*; мутные, бродящие глаза его показывали, что голова его не в самом здоровом состоянии. [О. М. Сомов. Юродивый (1827)]

(37) Руки же у него и лицо были все окровавлены, сам же *казался* ***как бы*** *помешанным.* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

Постепенность этого сдвига ясно видна из примера (38), где в одном и том же значении (а именно, для описания результата обработки перцептивных данных) во фрагменте (в) использована конструкция с *как бы* в функции подчинительного союза при глаголе *казаться*, в (а) — бессоюзная подчинительная конструкция с тем же глаголом, а в (б) — конструкция с *как бы* в функции аппроксиматора.

(38) Когда она говорила, у ней, (а) *казалось*, *все стремилось* вослед за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рук, самые складки платья (б) ***как бы*** *стремились* в ту же сторону, и (в) *казалось*, ***как бы*** *она* сама вот *улетит* вослед за собственными ее словами. Ничего не было в ней утаенного. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

1.3. Иллокутивный оператор

Вернемся теперь к тому «нелитературному» (по [Лаптева 2004]) типу употребления *как бы* в контексте сообщения о факте, который был упомянут в начале данной главы; ср. (примеры из статьи [Урысон 2009]):

(39) [Студентка обращается к преподавателю с просьбой перенести защиту курсовой работы. Мотивируя свою просьбу, она произносит]: *Я* ***как бы*** *беременна.*

(40) [аспирант, мнс, обращается к руководителю сектора] Юрий Трофимович, я тут ***как бы*** смету составил по гранту, Вы не посмотрите?

(41) Я тут ***как бы*** на операцию ложусь. Ты не могла бы гулять с моей собакой на следующей неделе?

Ср. также примеры из статьи [Лаптева 2004]:

(42) Я сегодня являюсь ***как бы*** президентом компании [из интервью президента компании Славнефть]

(43) Подлежащее и сказуемое — это ***как бы*** главные члены предложения [из ответа студента на экзамене]

Такое употребление в 90-е гг. XX в. было относительно новым; так, в своей статье 1996 г. Н. Д. Арутюнова пишет (с. 69): «Нельзя *как бы написать письмо, как бы поступить в институт, как бы родить ребенка*». Действительно, в 1996 г. так сказать было еще нельзя (точнее, сама Нина Давидовна так не говорила), сейчас — можно; ср. (44) и (45):

(44) Он ***как бы*** ведущий специалист в данной области.

(45) Он ***как бы*** ведущий научный сотрудник нашего института.

В (44) употреблено «литературное» *как бы* — аппроксиматор, который вводит оценочное суждение; используя слово *как бы*, говорящий вносит некоторую приблизительность (неопределенность, неточность, неуверенность) в используемую характеристику. В (45) речь идет о факте, не подверженном аппроксимации: *ведущий научный сотрудник* — это название должности. *Как бы* здесь является дискурсивным словом, выполняющим чисто прагматическую функцию «hedge» (по [Lakoff 1973]), т. е. иллокутивного оператора, а именно маркера «смягчения» иллокутивной силы утвер-

ждения[12]. Русский эквивалент термина «hedge» — «перегородка» — представляется не совсем удачным, лучше подошло бы слово «смягчитель» или, если воспользоваться уже практикуемой в данной сфере физической метафорой, «амортизатор» иллокутивной силы. Когда я говорю *Я как бы ложусь в больницу, не можешь ли ты погулять с моей собакой*? (ср. пример (41)), дискурсивное слово *как бы* служит средством «не грузить» слушающего всеми обстоятельствами, вытекающими из сообщаемой информации (необходимостью выражать сочувствие, проявлять участие и т. д.), а сигналом, что слушающий должен принять эту информацию только в обозначенном дальше отношении: может ли он во время моего отсутствия погулять с моей собакой? То же самое — в примере (42): студентка не имеет в виду рассказывать преподавателю о своих личных обстоятельствах, ей нужно лишь перенести экзамен. Как справедливо замечено в [Урысон 2009], такое *как бы* сопровождается специфической просодией — говорящий как будто немножко извиняется.

Надо сказать, что сама по себе потребность в таком «иллокутивном амортизаторе» вовсе не нова, вспомним известный эпизод из гоголевского «Ревизора», когда Хлестаков предлагает Анне Андреевне руку и сердце, а она говорит «я *в некотором роде* замужем»: сейчас она могла бы сказать — *как бы*. Комический эффект здесь — ровно той же природы, что в примере с беременной студенткой: городничиха не в некотором роде, а в прямом смысле замужем. И она вовсе не имеет в виду, что ее отношения с городничим — это не в полном смысле брак; *в некотором роде* выполняет здесь исключительно прагматическую функцию — это «амортизатор» иллокутивной силы: он служит тому, чтобы ее ответ не звучал как окончательный отказ.

Функция «амортизации» иллокутивной силы высказывания может совмещаться с функцией аппроксимации. Так, в примерах (46), (47) из устного подкорпуса НКРЯ употребление *как бы* служит своего рода извинением за слишком «пафосное» заявление, одновременно внося приблизительность в используемую номинацию.

(46) И вот эта вот редакторская стезя / она ***как бы*** *через всю жизнь у меня.* [На краю... (Владивосток). Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура». Д/ф из цикла «Письма из провинции», 2009]

[12] Ср. понятие «conversational mitigation» в [Fraser 1980], где оно определяется как «reduction of certain unwelcome effects which a speech acts has on the hearer»; в [Prince et al. 1982] в сходном значении употребляется термин «shields».

(47) Сын / это вот ну ***как бы*** *плоть и кровь* / правая рука моя. [Псковское братство. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т/к «Культура», 2009]

* * *

Итак, было выделено три основных типа употребления *как бы*:

— **показатель аппроксимации**, т. е. приблизительности номинации или употребления слова в каком-то непрямом смысле, в том числе метафорическом, значении (*лес стоит как бы хрустальный*; *как бы резвяся и играя*; *лед на реке служил как бы мостом*; *он как бы ведущий специалист в данной области*);
— **показатель эпистемической неопределенности** (*шел как бы прогуливаясь*; *инфляции как бы не существует*);
— **иллокутивный оператор** («иллокутивный амортизатор»), смягчающий иллокутивную силу речевого акта утверждения (*Он как бы ведущий научный сотрудник нашего института*).

При безусловной близости конструкции с *как бы* к собственно сравнительной конструкции с *как*, между ними имеется тонкое, но при этом весьма существенное различие: семантика *как бы* заключает в себе основанный на сравнении более сложный троп. Высказывание *Он мне* ***как*** *брат* означает, что он не является моим братом, но при этом я отношусь к нему как к брату, а *Он мне* ***как бы*** *брат* имеет иную семантику: либо 'не совсем брат' (например, сводный, т. е. сын моего отчима или моей мачехи от другого брака), либо он действительно является моим братом (что при сравнении невозможно), а *как бы* использовано в функции «иллокутивного амортизатора», ср. высказывания типа *Я как бы исполнительный директор компании*, сделанное исполнительным директором этой компании. Главное отличие *как бы* от *как будто* состоит в том, что *как будто* предполагает (или, по крайней мере, допускает) верификацию (ср. *Он говорил как будто искренне* — похоже, что так, но может быть и не так, и это в принципе можно проверить), а в случае с *как бы* верификация неприменима: *Он говорил как бы искренне* представляет собой хотя и содержащую элемент приблизительности, но при этом вполне законченную квалификацию, не допускающую «проверки».

С точки зрения семантической деривации исходным для *как бы*, по-видимому, является употребление в функции подчинительного союза при глаголах нечеткого восприятия и, далее, в роли самостоятельного показателя

не полностью отчетливого впечатления. Этот тип употребления послужил источником для значения эпистемической неопределенности (в контексте сообщения о факте), а также для значения аппроксимации (в контексте характеризующих предикатов), которое является основным для слова *как бы* в современном русском языке.

Функция «иллокутивного амортизатора» появилась у слова *как бы* в самом конце XX в. — в результате переноса признака неопределенности из дескриптивной области в коммуникативную (что вообще характерно для процессов прагматикализации, ср. раздел II.13 о слове *кроме*); при этом оно подверглось определенному «семантическому выхолащиванию» (semantic bleaching). Традиционно такие единицы называются «словами-паразитами», однако, как показано в [Шмелев 2018], «во всех таких случаях семантическая пустота языкового выражения оказывается в некотором смысле мнимой, поскольку оно наполняется богатым прагматическим содержанием»; такие слова являются неотъемлемой принадлежностью устной речи, обеспечивая успешность коммуникации (ср. также [Levontina, Shmelev 2005]).

2. Русское *как бы* в зеркале испанского языка

В данном разделе семантика русского *как бы* анализируется с применением «монофокусного» метода контрастивного анализа (в [Зализняк 2015] этот метод был назван «унидирекциональным») — путем выявления моделей и стимулов перевода этого слова на испанский язык и появления его в переводах с испанского. В силу ограничения имеющегося в нашем распоряжении материала (письменные, преимущественно литературные, тексты) объектом анализа являются лишь «литературные» значения *как бы* — значение аппроксиматора и показателя эпистемической неопределенности.

2.1. *Как бы* в переводах с русского на испанский

В качестве материала переводов с русского на испанский были использованы: 1) испанский параллельный подкорпус НКРЯ; 2) текст и перевод на испанский язык романа Достоевского «Преступление и наказание».

2.1.1. Русско-испанский параллельный корпус НКРЯ

Испанский параллельный корпус НКРЯ очень мал: в русско-испанской его части нашлось всего 17 примеров употребления *как бы*, поэтому ни о какой статистике здесь говорить нельзя; однако некоторые интересные наблюдения можно сделать. А именно, переводные эквиваленты можно разделить на следующие группы:

1. Показатели восприятия по внешним признакам: глагол ***parecer*** 'казаться'; наречие ***aparentemente*** 'судя по внешним признакам'[13]:

(1) Все служащие были ***как бы*** *несколько взволнованны.* [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Второе нашествие марсиан (1966)]

Todos los empleados ***parecían*** *un tanto agitados.* [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. La segunda invasión marciana (Antonio Bonnana, 1976)]

(2) Молодые люди, ***как бы*** *не видя* никого вокруг, исправно поглощали придвигавшиеся к ним напитки, но продолжали хранить бесстрастное молчание. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Второе нашествие марсиан (1966)]

Los jóvenes ***parecían*** *ignorar* a todos los que los rodeaban, bebieron rápidamente las copas que pusieron frente a ellos. [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. La segunda invasión marciana (Antonio Bonnana, 1976)]

(3) Ахиллес никакой руки не помнил, но зато он помнил длинное, непрерывно пульсирующее щупальце, протянувшееся к нему ***как бы*** *из ничего.* [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Второе нашествие марсиан (1966)]

Aquiles no recordaba ninguna mano, pero en cambio sí recordaba un tentáculo largo y palpitante que se tendía hacia él, ***aparentemente*** *desde ninguna parte.* [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. La segunda invasión marciana (Antonio Bonnana, 1976)]

2. Показатель сравнения ***como***:

(4) Непроглядно черное беззвездное небо сделалось мутно-голубым, знойным, пахнуло жарким, как из пустыни, ветром, и город возник вокруг ***как бы***

[13] Здесь и далее в примерах полужирным курсивом выделено в русском предложении слово *как бы* и его модель или стимул перевода (если он имеется) в испанском; светлым курсивом выделены эквивалентные фрагменты релевантного контекста.

из ничего, — яркий, пестрый, исполосованный синеватыми тенями, огромный, широкий... [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Град обреченный (1972)]

El cielo, totalmente negro y sin estrellas, se volvió de un azul turbio y estival, comenzó a soplar un viento ardiente como el del desierto, y la ciudad surgió ***como*** *de la nada,* brillante, multicolor, cruzada por sombras azuladas, enorme, ancha... [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Ciudad maldita (Justo E. Vasco, 1989)]

(5) Наперсёк через ворота проволочные, и через всю строительную зону, и через дальнюю проволоку, что по тот бок, — солнце *встает* большое, красное, ***как бы*** *во мгле.* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

Como *sumergido en la niebla,* un gran sol rojizo luce a través del portal alambrado, corta todo el terreno de la obra y la alambrada del otro lado, en la lejanía. [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]

3. Конструкция с ***como*** в значении 'в качестве':

(6) Но кто бы мог вообразить, что здесь еще не всё об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после своей смерти, ***как бы*** *в награду* за непримеченную никем жизнь? [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)]

Pero ¿quién iba a imaginarse que con ello termina la historia de Akakiy Akakievich, ya que estaba destinado a vivir ruidosamente aún muchos días después de muerto ***como*** *recompensa* a su vida que pasó inadvertido? [Nikolai Gogol. El Capote (Irene Tchernowa, 1964)]

4. Конструкция с ***como si*** 'как если бы':

(7) И тогда тронул слегка — передвинуть было тесно — две миски из четырех, ***как бы*** тем *отдавая* их Шухову. [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

Luego tocó levemente dos de las escudillas restantes — estaba demasiado estrecho para cogerlas —, ***como si*** *así las adjudicase* a Sujov. [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]

5. Конструкции со значением аппроксимации:
1) ***en cierto modo***

(8) он [...] с некоторых пор посчитал, что мыть полы для простых надзирателей ему приходится ***как бы*** *низко.* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

Desde hacía algún tiempo, el limpiar suelos para simples inspectores le parecía estar *por debajo,* ***en cierto modo****, de su dignidad...* [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]

2) уменьшительный суффикс -***illo***

(9) Пока баптист шептал молитвы, с ветерка вернулся Буйновский и объявил никому, но ***как бы злорадно****...* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

Mientras el anabaptista musitaba sus oraciones, volvió Buinovski de afuera y dijo entre dientes y ***con un tonillo malicioso****...* [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]

3) ***algo así como*** 'нечто вроде'

(10) Посадили они нас в аквариум... или ***как бы*** *в зоосад...* и смотрят, что из этого получается. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Град обреченный (1972)]

Nos han metido en un acuario... o en ***algo así como*** *un parque zoológico...* para ver qué sale de ahí. [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Ciudad maldita (Justo E. Vasco, 1989)]

4) ***por decirlo así*** 'так сказать'

(11) Они уже выстроены были по пять меж двумя долгими бревенчатыми переводинами, похожими на коновязь базарную и образующими ***как бы*** *загон для колонны.* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

Ya estaban en fila de a cinco, entre los dos terrenos de vallas semejantes a las barreras del mercado de caballos, y que venían a formar *el cercado de la columna,* ***por decirlo así****.* [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]

6. Переводной эквивалент отсутствует:

(12) Мимо головы и плеча Павла видно Шухову: две руки повара поставили две миски в окошечке и, держась за них, остановились, ***как бы*** *в раздумье.* [А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]

Por encima de la cabeza y el hombro de Pavlo, Sujov ve las dos manos del cocinero, que coloca dos platos en la ventanilla, sujetándolos y *vacilando.* [Alexandr Solschenizyn. Un día en la vida de Ivan Denisovich (Enrique Fernandez Vernet, 1970)]

2.1.2. Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание[14]

Как справедливо отмечено Н. Д. Арутюновой [1996], у Достоевского *как бы* употребляется преимущественно при описании внутренних состояний, при этом здесь есть полный спектр возможностей — от случая, когда *как бы* вносит элемент неопределенности при идентификации внутреннего состояния, до значения 'по внешним признакам можно сделать вывод, что имеет место P, а имеет ли место P на самом деле, неизвестно — и даже можно предположить, что не имеет' (как в примере (13)). При этом *как бы* практически всегда выполняет одновременно прагматическую функцию — служит средством поддержания атмосферы неопределенности, двусмысленности (наличия скрытого смысла) и порождаемого ею напряжения.

Рассмотрим следующий пример (в квадратных скобках приведен релевантный контекст интересующей нас реплики с *как бы*):

(13) [Я же рад встречать молодежь: по ней узнаешь, что нового. — Петр Петрович с надеждой оглядел всех присутствующих.

— Это в каком отношении? — спросил Разумихин.]

— В самом серьезном, так сказать, в самой сущности дела, — подхватил Петр Петрович, ***как бы*** *обрадовавшись вопросу*. [— Я, видите ли, уже десять лет не посещал Петербурга. Все эти наши новости, реформы, идеи — всё это и до нас прикоснулось в провинции; но чтобы видеть яснее и видеть всё, надобно быть в Петербурге.]

<...> — En el más serio; por así decirlo, en el más esencial — subrayó Piotr Petróvich, que ***parecía*** *contento de la pregunta.* <...>[15]

Вопрос о том, насколько это впечатление верное (обрадовался ли на самом деле Лужин или только сделал вид), остается открытым, но возникает подозрение, что все же это было притворство, и возникает оно именно за счет *как бы*. Это подозрение способствует созданию вышеупомянутой атмосферы. Использованный в переводе глагол *parecer* 'казаться' обозначает просто впечатление, не отмеченное с точки зрения истинности, — и, тем самым, «подозрения» и создаваемого им напряжения не порождает.

[14] Был использован перевод: Fiodor Dostoyevski. Crimen y castigo. Traducción de Juan López-Morillas. Allanza Editorial, S.A. Madrid, 2018.

[15] Здесь и далее мы приводим перевод только наиболее существенного фрагмента русского предложения; опущенная часть отмечена знаком <...>.

Переводные эквиваленты для *как бы* в сплошной выборке по первой половине романа (части 1–3) распределяются следующим образом.

Всего имеется 73 примера, из них в 25 переводной эквивалент отсутствует; в 13 примерах использован глагол ***parecer*** (*parecía, al parecer, algo parecido*), в 13 — сравнительный союз ***como***; в 11 — конструкция ***como si*** (+ preterito imperfecto de subjuntivo). По одному-два раза встречаются также: *un tanto*, *un poco*, *especie de*, *casi*, *evidente.*

2.1.2.1. «Ненулевые» модели перевода

1. Глагол ***parecer*** ‘казаться’

Глагол *parecer* (обозначающий не отмеченное с точки зрения истинности впечатление) в качестве функционального эквивалента для *как бы* появляется:

1) при описании (обычно метафорическом) внутреннего состояния; в этом случае *как бы* имеет значение аппроксиматора, ср.:

(14) Воспоминания о недавнем успехе по службе ***как бы*** *оживили его* и даже отразились на лице его каким-то сиянием.

El recuerdo de su reciente reingreso en la Administración ***parecía*** *animarlo.*

(15) Среди комнаты стояла Лизавета, с большим узлом в руках, и смотрела в оцепенении на убитую сестру, вся белая как полотно и ***как бы*** *не в силах* крикнуть.

<...> Estaba blanca como la cera y, ***al parecer***, *sin fuerzas* para gritar.

(16) — Ну, так что ж этот раздавленный? Я тебя перебил! — крикнул поскорей Разумихин.
— Что? — ***как бы*** *проснулся тот,* — да... ну и запачкался в крови, когда помогал его переносить в квартиру...

<...> — Como? — Raskólnikov ***pareció*** *despertar* —

2) при описании зрительного впечатления, возможно ошибочного (*как бы* выступает в значении эпистемической неопределенности)

(17) Чувства ли его были так изощрены (что вообще трудно предположить), или действительно было очень слышно, но вдруг он различил ***как бы*** *осторожный шорох* рукой у замочной ручки и ***как бы*** *шелест платья* о самую дверь.

<...> oyó de pronto al otro lado ***algo parecido*** *al roce cauteloso de un mano en el cerrojo y al frufru de una falda*

Это впечатление может оказаться ошибочным. Так, относительно примера (18) у читателя есть основания полагать, что Раскольников на самом деле внимательно следил за происходящим и только *делал вид*, что не обращает внимания (ср. примеры (27), (28) в разделе 1.2). То есть для читателя здесь *как бы* имеет фикциональное значение, но для «внутритекстового наблюдателя» — это просто аппроксиматор, вводящий неотмеченное относительно истинности впечатление. Подобная стереоскопичность — характерная черта стиля Достоевского.

(18) При слове «помешанный», неосторожно вырвавшемся у заболтавшегося на любимую тему Зосимова, все поморщились. Раскольников сидел, ***как бы*** *не обращая внимания*, в задумчивости и с странною улыбкой на бледных губах. Он что-то продолжал соображать.

<...> Raskólnikov estaba meditabundo, ***al parecer*** *sin prestart atención* y con una sonrisa extraña en sus labios pálidos.

В примере (19) второе *как бы* имеет значение эпистемической неопределенности: было ли в Лужине «нечто оправдывающее звание жениха», остается неопределенным не только для читателя, но и для самого Раскольникова (ср. также пример (13) выше):

(19) Между тем Раскольников, слегка было оборотившийся к нему при ответе, принялся вдруг его снова рассматривать пристально и с каким-то особенным любопытством, как будто давеча еще не успел его рассмотреть всего или как будто что-то новое в нем его поразило: даже приподнялся для этого нарочно с подушки. Действительно, в общем виде Петра Петровича поражало ***как бы*** *что-то особенное*, а именно, нечто ***как бы*** *оправдывавшее* название «жениха», так бесцеремонно ему сейчас данное.

<...> Efectivamente,e el aspect general de Piotr Petróvich se echaba de ver *algo especial* que ***parecía*** *justificar* el titulo de “novio”

Характерно, что первое вхождение *как бы* (в значении аппроксиматора) в переводе опущено (см. раздел 2.1.2), а второе (в значении эпистемической неопределенности) — передано глаголом *parecer*.

2. Сравнительный союз ***como***

Столь же частотен переводной эквивалент *como* — просто показатель сравнения; появляется преимущественно в контексте описания ментальных

состояний — *как бы в раздумье, соображая, забыв окружающее, отвечая собственным мыслям* и т. п.

(20) Старуха помолчала, ***как бы*** *в раздумье*, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед: — Пройдите, батюшка.

La vieja callaba, ***como*** *rumiando algo...*

(21) И он опустился на лавку, истощенный и обессиленный, ни на кого не смотря, ***как бы*** *забыв окружающее* и глубоко задумавшись.

<...> ***como*** *ajeno a cuanto lo rodeaba* y sumido en reflexion.

(22) Мармеладов, не входя в комнату, стал в самых дверях на коленки, а Раскольникова протолкнул вперед. Женщина, увидев незнакомого, рассеянно остановилась перед ним, на мгновение очнувшись и ***как бы*** *соображая*: зачем это он вошел?

<...> volvió momentáneamente en su acuerdo ***como*** *preguntándose* a qué había venido.

(23) — За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? — продолжал он с неохотой, ***как бы*** *отвечая собственным мыслям.*

<...> ***como*** *respondiendo* a sus propios pensamientos.

(24) Он встал на ноги, в удивлении осмотрелся кругом, ***как бы*** *дивясь* и тому, что зашел сюда, и пошел на Т-в мост.

Se puse de pie y miro perplejo en torno suyo ***como*** *preguntandose por qué* había venido allí, y echó a andar hacia el Puente Tuchkov.

(25) Разумихин отворил дверь и некоторое время стоял на пороге, *как бы раздумывая.*

<...> ***como*** *considerando algo.*

3. ***Como si*** (+preterito imperfecto de subjuntivo) 'как если бы'

Последний частотный эквивалент — условно-сравнительное придаточное, вводимое союзом *como si* 'как если бы' (+ preterito imperfecto de subjuntivo). Этот способ передачи значения русского *как бы* (имеющийся во всех европейских языках: франц. *comme si*, англ. *as if*, нем. *als ob* и т. д.) ближе всего к *как бы*: 'X так похож на Y, как если бы X являлся Y-ом'; при этом условное придаточное сохраняет две возможности (то, что в классической традиции называется *casus realis* и *casus irrealis*): что X является Y-ом и что не является. Однако между этой конструкцией и русским *как бы* есть очень тонкая и одновременно очень существенная разница. Обороты со значением 'как если бы'

допускают оба варианта, но они предстают как отчетливая альтернатива («либо — либо»), в то время как русское *как бы* парадоксальным образом не противопоставляет эти взаимоисключающие возможности, а соединяет их (одновременно X похож на Y и является Y-м). В этом можно убедиться, сравнив перевод с оригиналом:

(26) Кох остался, пошевелил еще раз тихонько звонком, и тот звякнул один удар; потом тихо, ***как бы*** *размышляя и осматривая*, стал шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтоб убедиться еще раз, что она на одном запоре.

<...> Luego, suavamente, ***como si*** *estuviese estudiando y revisando el caso*, empezo a mover el asidero de la puerta.

(27) Он стоял среди комнаты и в мучительном недоумении осматривался кругом; подошел к двери, отворил, прислушался; но это было не то. Вдруг, ***как бы*** *вспомнив*, бросился он к углу, где в обоях была дыра, начал всё осматривать, запустил в дыру руку, пошарил, но и это не то.

<...> De súbito, ***como si*** *se hubiese acordado*, se precipitó al rincón donde estaba el agujero bajo el papel.

(28) Но он с неестественным усилием успел опереться на руке. Он дико и неподвижно смотрел некоторое время на дочь, ***как бы*** *не узнавая ее.* Да и ни разу еще он не видал ее в таком костюме. Вдруг он узнал ее, приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься с умирающим отцом. Бесконечное страдание изобразилось в лице его.

<...> Durante un breve rato estuvo mirando hasca y fijamente a la hija ***como si*** *no la reconociera.*

(29) Сознаётесь теперь, что, может, и сами виноваты были? — прибавил он с осторожною улыбкой, ***как бы*** *всё еще боясь его чем-нибудь раздражить.*

<...> — añadió con sonrisa cautelosa, ***como si*** *aún temiese irritarle.*

(30) Порфирий помолчал, ***как бы*** *соображая.*

<...> Porfiri callo ***como si*** *pesara en algo.*

(31) Раскольников бросился вслед за мещанином и тотчас же увидел его, идущего по другой стороне улицы, прежним ровным и неспешным шагом, уткнув глаза в землю и ***как бы*** *что-то обдумывая.*

<...> ***como si*** *fuera cavilando algo*

В примере (32) имеется эксплицитное указание на то, что вводимый словом *как бы* результат обработки перцептивных данных может быть ошибочным:

(32) — Это ведь на простой бумаге? — поспешил перебить Раскольников, опять интересуясь финансовой частью дела. — О, на самой простейшей-с! — и вдруг Порфирий Петрович как-то явно насмешливо посмотрел на него, прищурившись и ***как бы*** *ему подмигнув.* Впрочем, это, может быть, только так показалось Раскольникову, потому что продолжалось одно мгновение. По крайней мере, что-то такое было. Раскольников побожился бы, что он ему подмигнул, черт знает для чего.

<...> le miró con evidente ironía, entornando los ojos ***como si*** *le hiciese un guiño.* <...>

При этом заметим, что само выражение «это, может быть, только так показалось» указывает на то, что «как бы подмигнул» в предыдущей фразе означает, что Раскольников счел, что этот жест *является* подмигиванием (а не только был *похож* на него).

2.1.2.2. «Нулевые» модели перевода

Особый интерес представляют примеры отсутствия переводного эквивалента (составляющие больше трети случаев — что, в частности, является важным показателем лингвоспецифичности).

В каких случаях появляется «нулевой» перевод?

Во-первых, в контексте, дублирующем какой-то из смысловых компонентов слова *как бы*; таким образом, само слово *как бы* остается без перевода, но, поскольку какой-то из компонентов его семантики уже выражен в контексте и присутствует в переводе, смысл в целом сохраняется. Эти контексты следующие:

1) неопределенное местоимение или наречие (*некий*, *некоторый*, *несколько*), выражающее идею ‘в некоторой степени’, ср. (в оригинале и в переводе оно выделено подчеркиванием):

(33) — Молодой человек, — продолжал он, восклоняясь опять, — в лице вашем я читаю ***как бы*** *некую скорбь.*

<...> en el rostro de usted puedo leer *cierta tribulación.*

(34) И во всём этом деле он всегда потом наклонен был видеть *некоторую* ***как бы*** *странность*, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений.

En este asunto tendía a ver más tarde *algo extraño* y recondite, algo así como influencias y coincidencias singulares.

(35) Многое и еще он говорил, потому что *несколько* ***как бы*** *тщеславен* и очень любит, чтоб его слушали, но ведь это почти не порок.

<...> porque tiene su *poquitin de vanidad.*

(36) Дойдя до своего дома, Соня повернула в ворота, он за ней и ***как бы*** *несколько удивившись.*

Al llegar a su casa, Sonia entró en el portal en pos de ella, ***no sin*** *cierta sorpresa.*

2) слово со значением 'быть похожим': *походить*, *похожий*:

(37) Снаружи он *походил* ***как бы*** *на раненого человека* или вытерпливающего какую-нибудь сильную физическую боль.

<...> *tenía un aspecto de un herido reciente.*

(38) Был тут и еще один человек, с виду *похожий* ***как бы*** на отставного чиновника.

<...> un individuo a quien por la pinta *se podía tomar por* un funcionario público jubilado.

3) глагол (*по*)*казаться*:

(39) сказал он это отнюдь не преднамеренно, а, очевидно, проговорившись, в пылу разговора, так что даже старался потом поправиться и смягчить; но мне все-таки *показалось* это *немного* ***как бы*** *резко*, и я сообщила потом Дуне[16].

<...> a mí *se me antojó un poco áspero.*

(40) его до суеверия поражало всегда одно обстоятельство, хотя в сущности и не очень необычайное, но которое постоянно *казалось* ему потом ***как бы*** *каким-то предопределением* судьбы его.

...una circonstancia que, aunque nada de particular, *le pareció* después *haber determinado su destino.*

4) из смысла предложения или более широкого контекста следует, что идет речь о заключении, сделанном на основе наблюдения (причем этот вывод может подвергаться сомнению, как в (41)), ср.:

(41) Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и ***как бы*** *высокомерный.* Но это, может быть, только так кажется с первого взгляда.

[16] В примерах (39) и (40) в оригинале есть еще и неопределенное местоимение.

<...> hombre apuesto y muy respectable, algo agusto y *arrogante*, aunque quizá sólo al primer golpe de vista.

(42) В ту минуту, когда все трое, Разумихин, Раскольников и она, остановились на два слова на тротуаре, этот прохожий, обходя их, вдруг ***как бы*** *вздрогнул*, нечаянно на лету поймав слова Сони: «и спросила: господин Раскольников где живет?»

<...> al pasar junto a ellos, *hizo un gesto de sorpresa* al oír a Sonia decir...

Во-вторых, нулевой эквивалент в переводе характерен для случаев, когда *как бы* вводит метафорическое обозначение — чаще всего, внутреннего состояния (то же соотношение наблюдается в переводах *на* русский язык — см. раздел 2.2).

(43) Всё тело его было ***как бы*** *разбито*; смутно и темно на душе.

Sentía magullado el cuerpo y ofuscada y aturdida la mente.

(44) Вспоминая об этом после, ярко, ясно, — эта минута отчеканилась в нем навеки, — он понять не мог, откуда он взял столько хитрости, тем более что *ум его* ***как бы*** *померкал* мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе...

<...> que hubo momentos en que *se le ofuscó la mente* y apenas tenia conciencia de su cuerpo.

Во всех этих случаях результирующий смысл передан достаточно полно.

Однако бывает и так, что при отсутствии в переводе эквивалента русскому *как бы* смысловой компонент приблизительности идентификации внутреннего состояния ощутимым образом утрачивается. Это как раз тот случай, когда свидетельством семантики анализируемого русского слова является недостающий семантический компонент в переводе, ср.:

(45) «Да что же это я! — продолжал он, восклоняясь опять и ***как бы*** *в глубоком изумлении*, — ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил?

<...> prosiguó, incorporandose de nuevo *lleno de asombro.*

(46) Руки его были ужасно слабы; самому ему слышалось, как они, с каждым мгновением, всё более немели и деревенели. Он боялся, что выпустит и уронит топор... вдруг *голова его* ***как бы*** *закружилась.*

<...> Temía que el hacha se le escarpara de la mano y cayera... *Sentía vertigo.*

(47) Тихим, ослабевшим шагом, с дрожащими коленами и ***как бы*** *ужасно озябший* воротился Раскольников назад и поднялся в свою каморку.

Con paso lento y vacilante, rodillas temblorosas y *cuerpo aterido.*

(48) Минутами он чувствовал, что ***как бы*** *бредит*: он впадал в лихорадочно-восторженное настроение.

Durante unos minutos creyó que *estaba delirando.*

Особенно характерен в этом отношении следующий пример:

(49) Впрочем, и это бледное и угрюмое лицо a) *озарилось* на мгновение ***как бы*** *светом*, когда вошли мать и сестра, но это прибавило только к выражению его, вместо прежней тоскливой рассеянности, b) ***как бы*** *более сосредоточенной муки.*

Pero cuando entraron su madre y su hermana ese semblate pálido y sombrío a) *se iluminó* momentánemente, lo que le dio una expression b) *de intenso sufrimiento* en vez de la melancólica abstracción anterior.

Здесь *как бы* сигнализирует о наличии следующей двусмысленности, или двуплановости: о противопоставлении позиции «текстового наблюдателя» (мать и сестра Раскольникова, которые ничего не знают — и они видят только «*как бы* свет» и «*как бы* муку») — и читателя, который знает про убийство, и для него за этим *как бы* стоит вполне определенный дополнительный смысл. В переводе это *как бы* никак не передано (и вряд ли это возможно).

2.2. *Как бы* в переводах на русский язык

В переводах *на* русский язык *как бы* обычно появляется в роли маркера того обстоятельства, что следующее за ним слово употреблено в каком-то «не собственном» смысле: это может быть либо метафорическое переносное значение, либо приблизительность номинации. В испанском оригинале этот смысл может быть выражен показателями сравнения, неопределенности или «кажимости» — или содержаться имплицитно.

Исследование проводилось на материале 1) испанского параллельного подкорпуса НКРЯ и 2) текста и перевода романа Vicente Blasco Ibanez. «Sangre y arena».

2.2.1. Испанско-русский параллельный корпус НКРЯ

Испанско-русский параллельный корпус НКРЯ содержит всего 40 примеров, при этом в ряде случаев перевод очень вольный и иногда даже просто

неверный (такие примеры из рассмотрения исключались). Основной набор «стимулов» перевода — практически тот же самый, что и набор «моделей» перевода с русского: сравнительные союзы *como* и *como si*, глагол *parecer* и его производные (*parece*, *parecían*, *en aparencia*), различные средства выражения аппроксимации *algo así como*, *a modo*, *por vía de*, *especie de*, *casi*. Слово *как бы* в переводе может передавать приблизительный характер номинации (примеры (50)–(51)) или интерпретацию перцептивных данных (примеры (52)–(57)).

(50) Dos días hacía, digo, que encerrado lo tentamos, y tales voces daba y tales patadas arreaba sobre la puerta, que hubimos de apuntalar con unos maderos, que no me extraña que Mario, animado también por los gritos de la madre, viniera al mundo asustado y ***como*** *lelo...* [Camilo José Cela. La familia de Pascual Duarte (1942)]

Сидя взаперти, как я сказал, уже два дня, он так вопил и колотил ногами в дверь, которую пришлось подпереть бревнами, что я не удивляюсь, почему Марио, перебудораженный еще и криками матери, родился на свет запуганный и ***как бы*** *идиот...* [Камило Хосе Села. Семья Паскуаля Дуарте (Э. Люберацкая, 1970)]

(51) Yo andaba preocupado y ***como*** *pensativo,* ***como*** *temeroso* del paso que iba a dar — ¡casarse es una cosa muy seria. [Camilo José Cela. La familia de Pascual Duarte (1942)]

Меня томило беспокойство и ***как бы*** *раздумье,* ***как бы*** *страх* перед шагом, который я собирался совершить, — черт возьми, женитьба дело нешуточное! [Камило Хосе Села. Семья Паскуаля Дуарте (Э. Люберацкая, 1970)]

(52) Un reló que obedecía a sus palabras, soltadas poco a poco y ***como*** *con cuidado*, y a sus ojillos húmedos y azules como los de las víboras, que me miraban con todo el intento de simpatizar, cuando el odio más ahogado era lo único que por mi sangre corría para él. [Camilo José Cela. La familia de Pascual Duarte (1942)]

Часы, послушные его речи, цедящейся неспешно, ***как бы*** *бережно*, и его глазкам, влажным и голубым, как у гадюки, глядящим на меня с прилежным сочувствием, когда в крови моей бурлит к нему одна только ярая ненависть... [Камило Хосе Села. Семья Паскуаля Дуарте (Э. Люберацкая, 1970)]

(53) El tío Lucas se rascó la cabeza, ***como si*** *escarbara para sacar* de ella alguna idea muy profunda. [Pedro Antonio de Alarcón. El sombrero de tres picos (1874)]

Дядюшка Лукас поскреб затылок, ***как бы*** *силясь вычесать* оттуда нечто глубокомысленное. [Педро Антонио де Аларкон. Треугольная шляпа (Н. Медведев, 1958)]

(54) En las paredes teníamos varias cosas; un calendario muy bonito que representaba una joven abanicándose sobre una barca y debajo de la cual se leía en letras *que **parecían** de polvillo de plata.* [Camilo José Cela. La familia de Pascual Duarte (1942)]

По стенам висели разные вещи: очень красивый календарь с картинкой — девушка с веером на палубе корабля, а под ней подпись, наведенная ***как бы** серебряным порошком...* [Камило Хосе Села. Семья Паскуаля Дуарте (Э. Люберацкая, 1970)]

(55) Al decir esto, el semblante del buen clérigo se cubría de una sombra de tristeza, que ***en apariencia** le envejecía diez años.* [Benito Pérez Galdós. Doña Perfecta (1876)]

Когда Ремедиос произнесла эти слова, по лицу доброго каноника промелькнула тень печали, отчего он сразу ***как бы** состарился.* [Бенито Перес Гальдос. Донья Перфекта (Скина Ваф, А. Старостин, 1956)]

(56) También es muy interesante la verja de la entrada (*composición **a modo** de lanzas alineadas*). [EDITORIAL FISA ESCUDO DE ORO S.A. Todo Gaudí (2013)]

Интересны также кованые решётки, в особенности решётка ворот, ***как бы** составленная из выстроившихся в ряд копий.* [Издательство «EDITORIAL FISA ESCUDO DE ORO S.A.». Весь Гауди]

(57) Vega sonrió, ***casi** arrepintiéndose* de lo que iba a decir. [Camilo José Cela. La Colmena (1951)

Вега усмехнулся, ***как бы** заранее сожалея* о своих словах... [Камило Хосе Села. Улей (Е. Лысенко, 1970)]

Примерно в четверти случаев *как бы* имеет «нулевой» стимул. В этих случаях появление *как бы* в русском переводе обусловлено наличием определенных «стимулирующих контекстов», или «контекстных стимулов».

Чаще всего слово *как бы* появляется в переводе в тех случаях, когда в испанском предложении употреблено слово в переносном (в том числе метафорическом) значении — что в оригинале не отмечено никак (ср. *remitir* 'посылать' в (58), *prolongarse* 'продолжаться' в (59), *soldadura* 'сварка' в (60), *extraviarse* 'сбиться с пути' в (61)), а в русском тексте переводчик считает нужным маркировать при помощи *как бы* факт употребления слова в переносном значении.

(58) Para comprobarlo basta acercarse cualquier mañana hasta la Plaza del Mercado, centro del barrio, y perderse por las callejuelas aledañas, cuyos evocadores nombres y tiendas *nos remiten* a la vieja Valencia de los mercaderes. [EDITORIAL FISA ESCUDO DE ORO. Todo Valencia (2013)]

Чтобы убедиться в этом, достаточно побывать утром на Рыночной площади — центре квартала — или затеряться в лабиринте улочек, названия которых, наполненные ароматом истории, и уютные магазинчики ***как бы*** *погружают нас* в старинную, купеческую, Валенсию. [EDITORIAL FISA ESCUDO DE ORO. Вся Валенсия]

(59) Detalle de la vidriera sobre la puerta principal desde el interior, formada por una estrella de ocho puntas que *se prolonga hacia el exterior*. [EDITORIAL FISA ESCUDO DE ORO S.A.. Todo Gaudí (2013)]

Деталь витража над главным входом в интерьере здания, с восьмиконечной звездой, лучи которой ***как бы*** *устремляются наружу* [Издательство «EDITORIAL FISA ESCUDO DE ORO S.A.». Весь Гауди]

(60) En aquella tierna edad, en que el grado universitario *sirve de soldadura* entre la puericia y la virilidad... [Benito Pérez Galdós. Doña Perfecta (1876)]

В нежном возрасте, когда университетский диплом *служит* ***как бы*** *связующим звеном* между отрочеством и зрелостью... [Бенито Перес Гальдос. Донья Перфекта (Скина Ваф, А. Старостин, 1956)]

(61) Siempre he relacionado la guerra del Perú con la decadencia de Cataca, pues una vez proclamada la paz mi padre *se extravió en un laberinto* de incertidumbres. [Gabriel García Márquez. Vivir para contarla (2002)]

Я всегда связывал войну с Перу с упадком Катаки, потому что однажды провозглашенный мир вызвал то явление, которое ввергло моего отца в неуверенность, он ***как бы*** *заблудился в лабиринте* общего упадка. [Габриэль Гарсиа Маркес. Жить, чтобы рассказывать о жизни (С. Марков, Е. Маркова, А. Малоземова, В. Федотова, 2012)]

В примере (62) в русском переводе использована метафора, в оригинале вовсе отсутствующая:

(62) — ¡Frasquita!... — murmuró al fin el delegado del Rey, con acento desfallecido, mientras que su marchito rostro, cubierto de sudor, *destacándose sobre su joroba*, expresaba una inmensa angustia. [Pedro Antonio de Alarcón. El sombrero de tres picos (1874)]

— Фраскита!.. — упавшим голосом пробормотал наконец представитель короля, и его увядшее, вспотевшее от волнения лицо, ***как бы*** *приклеенное прямо к горбу*, выразило крайнее замешательство. [Педро Антонио де Аларкон. Треугольная шляпа (Н. Медведев, 1958)]

В примере (63) переводчик пользуется перифразой с *как бы*, чтобы передать смысл субъективности описываемого ощущения, выраженный в испанском оригинале глаголом *sentir*:

(63) Desde el principio de la conversación *me sentí* ante el doctor *con la misma edad* que tenía cuando le hacía burlas por la ventana. [Gabriel García Márquez. Vivir para contarla (2002)]

Слушая доктора, *я* ***как бы*** *возвращался в тот возраст*, в каком был, когда дразнил его через окно. [Габриэль Гарсиа Маркес. Жить, чтобы рассказывать о жизни (С. Марков, Е. Маркова, А. Малоземова, В. Федотова, 2012)]

Как бы может появляться в переводе также в роли маркера интерпретация перцептивных данных, ср.:

(64) Lo más frecuente, sin embargo, es que no diga nunca nada: *un gesto con la mano, al despedirse*, y en paz. [Camilo José Cela. La Colmena (1951)]

Но чаще ничего не говорит, только *махнет рукой,* ***как бы*** *прощаясь*, и точка. [Камило Хосе Села. Улей (Е. Лысенко, 1970)]

В примере (65) «стимулирующим контекстом» появления в русском переводе слова *как бы* оказывается слово *ademán* ('поза'), которому в переводе соответствует слово *вид*. *Как бы* выступает здесь в роли дополнительного маркера интерпретации перцептивных данных.

(65) Hay quien pone al silencio un *ademán soñador, de imprecisa recordación*, y hay también quien hace memoria con la cara absorta... [Camilo José Cela. La Colmena (1951)]

Одни молчат *с мечтательным видом,* ***как бы*** *предаваясь смутным воспоминаниям*; другие сидят с отсутствующим выражением лица... [Камило Хосе Села. Улей (Е. Лысенко, 1970)]

В ряде примеров фрагмент с *как бы* просто целиком добавлен (ср. «как бы со стороны» в (66), «как бы обращаясь» в (67)):

(66) Entonces me vi a mí mismo y *vi a mi madre, tal como vi de niño* a la madre y la hermana del ladrón que María Consuegra había matado de un tiro una semana antes, cuando trataba de forzar la puerta de su casa. [Gabriel García Márquez. Vivir para contarla (2002)]

Я вдруг увидел нас с матерью ***как бы*** *со стороны, как когда-то в детстве увидел мать* и сестру вора, за неделю до того пытавшегося взломать дверь и убитого Марией Консуэгрой. [Габриэль Гарсиа Маркес. Жить, чтобы рассказывать о жизни. (С. Марков, Е. Маркова, А. Малоземова, В. Федотова, 2012)]

(67) ...el cual *exclamó* para su capote, o más bien *para su capa grana*... [Pedro Antonio de Alarcón. El sombrero de tres picos (1874)]

Альгвасил был прав, жалуясь на утрату прежнего нюха: он не почуял человека, который притаился в ивняке, близ овражка, и который при виде Гардуньи *прошептал,* ***как бы*** *обращаясь к своему ярко-красному плащу...* [Педро Антонио де Аларкон. Треугольная шляпа (Н. Медведев, 1958)][17]

2.2.2. Vicente Blasco Ibanez. Sangre y arena

Сравнение перевода романа Vicente Blasco Ibanez «Sangre y arena»[18] с оригиналом обнаруживает тот же набор «стимулов» появления *как бы* в русском переводе: *como*, *como si*, *parecer*, *cierto*, ср.:

(68) Y ***como*** *para devolverle el saludo*, agarró con su mano callosa un brazo del picador, apretándole el bíceps con sonrisa de admiración.

И, ***как бы*** *отвечая на приветствие*, он схватил пикадора своей мозолистой лапой за руку, с улыбкой восхищения ощупывая его бицепсы. Оба принялись одобрительно разглядывать друг друга.

(69) — Ca uno sabe su ofisio, señó Juan — dijo el Plumitas, ***como si*** *adivinase* lo que pensaba —

— Каждый знает свое дело, сеньор Хуан, — сказал Плюмитас, ***как бы*** *почувствовав* его недовольство.

(70) Su voracidad ***pareció*** *avergonzarle* de pronto, y a las pocas cucharadas se detuvo, creyendo necesaria una explicación.

Проглотив несколько ложек, бандит, ***как бы*** *устыдившись* своей жадности, счел нужным объясниться.

(71) Hablaba de la profesión taurina con ***cierto*** *remordimiento*, a pesar de los años transcurridos, y *se excusaba* de pertenecer a ella.

О своей профессии, хотя он занимался ею уже много лет, Насиональ говорил всегда, ***как бы*** *извиняясь и оправдываясь.*

В примере (72) в испанском оригинале использовано выражение *a modo de*, 'типа, подобно'. В переводе неполная правомерность категоризации,

[17] В оригинале имеется игра слов, пропадающая в переводе: *capote* — 'плащ', *para su capote* — фразеологизм, означающий 'по-тихому'.

[18] *Висенте Бласко Ибаньес.* Кровь и песок / Пер. И. Лейтнери и Р. Линцер (https://e-libra.ru/read/372288-krov-i-pesok-lp.html).

выражаемая словом *как бы*, продублирована здесь глаголом *считаться* (ср. выше прим. 10).

(72) En su nueva existencia, Gallardo no sólo frecuentaba el club, sino que algunas tardes se metía en la sociedad de los Cuarenta y cinco. *Era* ***a modo de*** *un Senado de la tauromaquia.*

Вступивший в новую полосу своей жизни Гальярдо был не только вхож в общество сеньоров, но иной раз заглядывал и в клуб Сорока пяти, *считавшийся* ***как бы*** *сенатом тавромахии.*

Пример (73) демонстрирует относительно редкий случай употребления *как бы* в отчетливо «фикциональном» значении:

(73) Poco a poco, como inaudito privilegio, consiguió introducir a Gallardo en la sociedad. Llegaba el torero ***con el pretexto de*** *buscar a su apoderado*, y acababa sentándose entre aquellos señores, muchos de los cuales no eran amigos suyos y habían escogido "su matador" entre los espadas rivales.

Мало-помалу дону Хосе в виде особой милости было разрешено ввести Гальярдо в клуб Сорока пяти. Сперва тореро заглядывал туда на минутку, ***как бы*** *для того, чтобы повидаться со своим доверенным*, а кончал тем, что усаживался подле сеньоров, хотя далеко не все они питали к нему дружеское расположение, успев избрать «своего матадора» из числа соперников Гальярдо.

В случаях «нулевого» стимула в тексте оригинала всегда имеется элемент интерпретации, эксплицируемый в русском переводе словом *как бы*, ср. (74)–(76):

(74) De pronto, el animal se detuvo en su carrera, agitándose *con doloroso movimiento de cortesía.*

Вдруг животное остановилось, передние ноги его подогнулись, ***как бы*** *в неуклюжем поклоне.*

(75) Y la fina sonrisa con que acompañaba estas palabras *establecía una diferencia* entre la familia del torero y aquella señora, dando a entender que no eran un secreto para él las relaciones de Gallardo y doña Sol.

Хитрая усмешка, пробежавшая по лицу бандита при этих словах, ***как бы*** *подчеркнула разницу*, существующую между семьей тореро и этой сеньорой, и показала, что отношения Гальярдо и доньи Соль не были для него тайной.

Пример (76) требует комментария. Речь идет о распространенной в Испании традиции Святой недели (*Semana Santa*; по-русски это *Страстная неделя*): несколько десятков человек несут на своих плечах по улицам города

огромную, пышно украшенную платформу с фигурами, изображающими сцены из Евангелия, которые предшествуют распятию Христа. Шествие сопровождается музыкой, и все население города выходит на улицу, проживая страсти Святой недели. (В Севилье, где происходят описываемые события, как и в других городах Андалусии, это шествие проходит особенно торжественно.) Когда «носильщики» («los pasos») сгибают и разгибают колени, платформа покачивается, и находящиеся на ней фигуры (в данном переводе несколько неточно обозначенные как «статуи») покачиваются тоже. То, что они таким образом *приветствовали* собравшихся по сторонам шествия людей — это индивидуальная интерпретация внутритекстового наблюдателя, что маркировано переводчиком вставкой слова *как бы.*

(76) Avanzaban las pesadas plataformas lentamente, con gran trabajo, por la estrechez de la calle. Cuando salían de esta angostura, llegando a la plaza de San Francisco, frente a los palcos levantados en el palacio del Ayuntamiento, los "pasos" daban media vuelta hasta quedar de frente las imágenes, y *saludaban con una genuflexión de sus portadores* a los extranjeros ilustres y personas reales venidos para presenciar la fiesta.

Медленно продвигались тяжелые носилки по узким улицам. Выбравшись наконец на площадь святого Франсиска и очутившись перед трибунами, построенными у дворца Аюнтамьенто, носильщики делали пол-оборота и *опускались на колени.* Статуи, оказавшись лицом к публике, ***как бы*** *приветствовали* собравшихся на фиесту иностранцев и важных особ.

* * *

Итак, множество моделей и стимулов перевода для русского *как бы* подтверждает наличие следующих основных составляющих семантики этого слова: сравнение; неопределенность; приблизительность номинации; не полностью надежный результат обработки перцептивных данных или их интерпретация. При этом, как было показано, даже в том случае, когда в переводе значение слова *как бы* тем или иным способом передано, каждый из них выбирает только какую-то одну составляющую семантики *как бы*, оставляя остальные невыраженными; в том числе, утрачивается основная особенность этого слова, обеспечивающая его лингвоспецифичность, — эпистемическая неопределенность, задаваемая парадоксальным совмещением идей тождества и подобия.

Вместо заключения

А. Д. Шмелев

Язык и культура: есть ли точки соприкосновения?*

В электронном издании «Антропологического форума» (2012, № 16 Online) была опубликована статья Анны Павловой «Можно ли судить о культуре народа по данным его языка?». Статья нацелена на обоснование отрицательного ответа на поставленный вопрос.

Однако начинается она с сюжета, не имеющего непосредственного отношения к обсуждаемой проблеме и вообще к соотношению языка и культуры. Автор начинает свою статью так: «У немецкого глагола *nippen* есть точный русский эквивалент *пригубить*. Но предложение *Er nippte an seinem Kaffee* с помощью этого эквивалента не перевести, поскольку глагол *пригубить* имеет ущербную грамматическую парадигму: он обозначает только однократное действие» [3] [1]. Не сразу ясно, какую связь видит автор между проблемами соотношения языка и культуры и проблемами перевода. В дальнейшем по ходу статьи автор касается также вопросов лексической семантики, проблемы соотношения языка и мышления, а также некоторых социолингвистических вопросов; при этом далеко не всегда легко определить, чем обусловлен переход от одного сюжета к другому. Поэтому, прежде чем перейти к разбору статьи А. Павловой, полезно провести необходимые разграничения между обсуждаемыми дисциплинами. В частности, будут проведены разграничения между семантикой, «лингвокультурологией» и «переводоведением» и рассмотрены связи между ними. Социолингвистики и вопросов соотношения языка и мышления

---

* Впервые опубликовано: [Шмелев 2014]. Я повторно выражаю благодарность Анне Андреевне Зализняк и Григорию Ефимовичу Крейдлину, которые прочли первоначальный вариант статьи, положенной в основу данной главы, и сделали ряд редакторских замечаний (я постаралася эти замечания отчасти учесть). Уже после того как данная статья была закончена, вышла в свет статья [Зализняк 2013б], и я с удовольствием в очередной раз убедился в сходстве наших позиций по большинству обсуждаемых вопросов.

[1] Здесь и далее в квадратных скобках после цитат из статьи А. Павловой указываются страницы.

(рассматриваемых, в частности, в рамках психолингвистики, общей философии языка и некоторых направлений активно развивающейся в последние годы когнитивной лингвистики) я буду касаться лишь в той степени, в какой они связаны с обсуждаемыми проблемами.

Необходимые разграничения

В последующем изложении речь будет в основном идти о явлениях, специфичных для того или иного языка или той или иной культуры (причем основное внимание будет уделяться русскому языку и культуре). Явление можно считать специфичным для некоторого языка (лингвоспецифичным), если оно присутствует не во всех языках мира; явления, присутствующие во всех языках, являются универсальными. Так, лингвоспецифичным для французского и немецкого языков является наличие артиклей (в русском языке, как известно, артиклей нет); лингвоспецифичным для русского и немецкого языков является склонение существительных (во французском языке существительные не склоняются). Понятно, что установить лингвоспецифичность какого-либо языкового явления существенно проще, нежели установить универсальность: довольно привести пример хотя бы одного языка, в котором данное явление не имеет места (тогда как для доказательства универсальности, вообще говоря, следовало бы осуществить проверку по всем языкам мира). Аналогично понимается специфичность (и, соответственно, универсальность) культурного явления для той или иной культуры.

Универсальные явления в каком-то смысле вытекают из «природы вещей». Напротив того, лингвоспецифичные явления и явления, специфичные для той или иной культуры, являются конвенциональными; иными словами, они определяются языковыми и культурными конвенциями. Изучение соотношения языка и культуры представляет собою изучение соотношения языковых и культурных конвенций.

Поскольку суждения о культуре, сделанные на основе языковых данных, предполагают детальный семантический анализ этих данных, в центр внимания при обсуждении вопроса, поставленного в заглавии статьи А. Павловой, должна попасть лингвистическая семантика. Действительно, А. Павлова касается вопросов семантики и упоминает некоторые понятия и термины, используемые в лингвистической семантике: сема, концепт, полисемия, языковая картина мира. Раскроем содержание некоторых из этих понятий.

Языковые единицы определенным образом концептуализуют внеязыковую действительность. В одной из давних статей Барбары Холл Парти рассматриваются предложения *Поскольку мне об этом сказал врач, я склонна воспринимать это серьезно* и *Поскольку мне об этом сказал сосед сверху, я склонна воспринимать это серьезно*. Отмечается, что причина беспокойства выражена в этих предложениях по-разному, даже если сосед сверху по профессии является врачом: один и тот же человек концептуализуется в этих предложениях различным образом.

Единицей языковой концептуализации действительности является концепт. Можно сказать, что концепт осуществляет связь между смыслом языкового выражения и обозначаемым им фрагментом внеязыковой действительности. Тот или иной концепт скрывается за всякой языковой единицей; часто один концепт выражается рядом языковых единиц (обычно принадлежащих одному фрагменту словообразовательного гнезда): концепт ‘гордость’ в русском языке выражается словами *гордый*, *гордо*, *гордость*, *гордиться*. На практике концепты принято обозначать при помощи существительных (или именных групп): не говорят о «концепте, скрывающемся за предлогом *в*», а говорят о ‘концепте нахождения внутри’.

В некоторых семантических теориях (в первую очередь следует назвать теорию «естественного семантического языка» Анны Вежбицкой и Клиффа Годдарда) постулируется существование небольшого набора (чуть больше 50) элементарных концептов[2], которые предполагаются врожденными и универсальными (т. е. имеющими вербализацию во всех естественных языках). Из элементарных концептов строятся более сложные концептуальные конфигурации, которые, как правило, уже не являются универсальными (т. е. входят в значение языковых выражений не во всех языках).

Некоторые концептуальные конфигурации, входящие в значение языковых единиц, соответствуют определенному представлению об устройстве какого-то фрагмента мира. Так, в русском языке проводится различие между *фруктами* и *ягодами*: слово *фрукт* употребляется по отношению к плоду, который, как правило, слишком велик, чтобы его положить в рот целиком; поэтому фрукты едят, откусывая или отрезая от них кусочки; слово *ягода* используется по отношению к плодам, которые можно положить в рот целиком (часто даже несколько сразу). При этом и фрукты, и ягоды едят преимущественно для удовольствия как десерт, в отличие от *овощей*, которые едят для насыщения или в качестве гарнира, причем часто с солью.

---

[2] Наряду с выражением «элементарные концепты», в близком значении используют выражения «элементарные смыслы», «семантические примитивы» или просто «семы» (впрочем, термин «сема» ощущается несколько устаревшим).

Концептуальные конфигурации, соответствующие представлению об устройстве внеязыковой действительности, как правило, относятся к неассертивной части значения языковых единиц: пресуппозициям, коннотациям, фоновым компонентам значения. Именно поэтому участники коммуникации на данном языке обычно принимают их на веру, не задумываясь. Однако их наличие в семантике языковой единицы становится очевидным, поскольку высказывания, которые в неявном виде противоречат этим представлениям, воспринимаются как аномальные. Так, плоды *малины* и *земляники* для носителей русского языка являются *ягодами*, а *помидор* и *арбуз* — нет, и это видно, в частности, из того, что в нормальной коммуникации об арбузе или помидоре нельзя сказать: *Дай мне эту ягоду*. Напротив того, смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в систему представлений, общую для всех говорящих на данном языке. Но, разумеется, говорящие могут намеренно поместить в фокус внимания неассертивные компоненты значения и сообщить, что помидор с «научной» точки зрения — ягода, а плоды малины и земляники ягодами как раз не являются.

Система концептуальных конфигураций, соответствующих представлениям об устройстве внеязыковой действительности, образует языковую картину мира. Реконструкция языковой картины мира является одной из важнейших задач современной лингвистической семантики. Она требует детального анализа значений всех языковых единиц данного языка и выявления в них неассертивных компонентов. Так, выявив отрицательную оценку, содержащуюся в словах *доносить* <*на кого-либо*>, *донос*, *доносчик*, мы можем сделать вывод, что для русской языковой картины характерно неодобрение поведения того, кто сообщает властям о действиях человека, которые, с точки зрения властей, являются предосудительными и могут повлечь за собою репрессивные меры в отношении этого человека. Установив, что слово *страх* обозначает чувство, которое обычно испытывает человек, полагающий, что может произойти нечто плохое, чего он не может предотвратить, мы можем сделать вывод, что, с точки зрения русской языковой картины мира, чувство страха вполне обычно для людей, попавших в такую ситуацию.

Перейдем к вопросам соотношения языка и культуры. Соответствующие проблемы с давних пор привлекают внимание исследователей (они изучаются в рамках антропологии, лингвистической прагматики, этнолингвистики), однако в России внимание этим проблемам стало уделяться лишь сравнительно недавно. В Советском Союзе они в основном изучались в рамках вспомогательной дисциплины, которая использовалась преимущественно при преподавании

русского языка иностранцам и именовалась «лингвострановедение»[3]. В последние десятилетия группа дисциплин, в рамках которых рассматриваются вопросы соотношения языка и культуры, получила несколько неуклюжее наименование «лингвокультурология».

Взаимодействие языка и культуры имеет два аспекта. Во-первых, составной частью культуры является культура использования языка; во-вторых, особенности культуры, обслуживаемой некоторым языком, обычно тем или иным образом отражаются в этом языке.

Первая сторона взаимодействия языка и культуры может быть иллюстрирована рядом норм, касающихся использования языка таким образом, как это принято в соответствующей культуре. Сюда относятся, напр., такие вопросы: когда и кому допустимо и следует делать комплименты; как отвечать на комплименты; с кем и когда следует здороваться (напр., следует ли здороваться с незнакомыми людьми, следует ли здороваться с человеком при повторной встрече в тот же день).

Во многих языках (в частности, европейских) различаются способы обозначения собеседника и того, что к нему относится, в зависимости от степени формальности общения (в русском языке обычно говорят об обращении «на вы» и «на ты»). Круг ситуаций, когда следует использовать более формальное обращение, различен в разных языках (а точнее, в обслуживаемых этими языками культурах); различается и языковое оформление более формального обращения. При этом есть языки (напр., современный английский, современный шведский, современный иврит), в которых нет непосредственного аналога противопоставления обращений «на вы» и «на ты» (можно сказать, что в этих языках во всех случаях используется обращение, аналогичное обращению «на ты»).

Во многих языках, для того чтобы привлечь внимание собеседника и инициировать общение с ним, используют так называемое обращение (когда называют имя или какую-либо характеристику человека, к которому обращаются: *Маша! Madame! Молодой человек!*). При этом в русском речевом общении обращение часто используется и в середине разговора, напр. в случае, когда собеседника надо в чем-то убедить (*Ну, Маша, ты же сама понимаешь*), а также в тех случаях, когда надо мягко выразить несогласие, смягчить отказ и т. п. — словом, когда надо подчеркнуть установку на контакт и взаимопонимание. Для финского речевого общения подобное использование обращений совершенно не характерно, так что, когда русские в разговоре

[3] См., напр., книгу [Верещагин, Костомаров 1973]. Некоторые вопросы, связанные с культурным аспектом языковой деятельности, рассматривались также при обсуждении культуры речи и речевого этикета.

с финнами (на каком бы языке разговор ни велся) используют обращения таким образом, это иногда приводит к недоразумениям при межкультурной коммуникации. Финский участник коммуникации может воспринять это как панибратское похлопывание по плечу или как скрытое обвинение в том, что он не слушает и надо специально привлекать его внимание [Leinonen 1985]. Во французской деловой и официальной переписке обращение используется не только в начале письма, но и в составе заключительной формулы (*Veuillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués*), а по-английски в заключительную формулу (*Sincerely yours*) обращение не включается.

Другая сторона взаимодействия языка и культуры связана с отражением в языке некоторых особенностей культуры, обслуживаемой данным языком. Объекты, характерные для той или иной материальной культуры, часто получают в языке, обслуживающем эту культуру, специальное наименование. Стандартная структура современного русского обеда обусловливает тот факт, что субстантивированное прилагательное *первое* в русском языке имеет значение 'суп'. Различение *овощей* и *фруктов* в русском языке (как и в большинстве европейских языков) связано с разными модусами использования растительной пищи.

В языке отражается и тот аспект культуры, который связан с использованием языка. Наличие в русском языке глагола *тыкать* ('использовать обращение *ты* в ситуации, когда, по мнению говорящего, следует использовать обращение «на вы»') обусловлено тем, что в русском речевом этикете различаются формальный и неформальный способ именования собеседника. Понятно, что этот глагол трудно перевести на английский язык, в котором соответствующее разграничение не проводится.

Существенно, что для обоих аспектов взаимодействия языка и культуры связь между языковыми и культурными конвенциями оказывается двусторонней. Культурная сторона использования языка должна учитываться в собственно лингвистическом описании соответствующих языковых единиц (напр., русских местоимений *ты* и *вы*). В то же время тот факт, что культура находит отражение в языке, дает возможность на основе наблюдения над поведением языковых единиц делать вывод об особенностях соответствующей культуры. Даже если бы мы не располагали сведениями о структуре русского обеда, знание «гастрономического» значения русских слов *первое* и *второе* позволило бы нам сделать относительно этой структуры достоверные выводы (*второму* у русских предшествует суп) и, в частности, установить, что *закуска*, которая в русском обеде нередко предшествует *первому*, является факультативным элементом. Аналогично, знание того, что в итальянском языке сочетание *primi piatti* 'первые блюда' обыкновенно относится к разным видам «пасты»

(макаронных изделий), позволяет понять, как устроен итальянский обед (можно добавить, что, подобно русским закускам, в итальянском обеде первому блюду могут предшествовать так называемые *antipasti*). Знание того, что в русском языке помидоры концептуализуются как *овощи*, а не *фрукты* и не *ягоды*, позволяет заключить (даже если бы мы этого не знали из собственного опыта), что помидоры у русских подаются чаще всего с солью в составе закусок или вместе со вторым блюдом, а не с сахаром в качестве десерта.

Выявление особенностей культуры «через язык» особенно важно, когда мы имеем дело с древними культурами, о которых у нас нет достаточно полных и надежных сведений. Если мы обнаружим, что в памятниках на некотором языке различаются слова со значением 'наследство по закону' и 'наследство по завещанию', это даст базу для установления важных фактов касательно наследственного права в соответствующем обществе. Исследование металлургической терминологии какого-либо из древних языков дает представление о том, какие приемы обработки металла были в то время известны данному народу.

Анализ значения языковых единиц позволяет делать и менее тривиальные выводы об особенностях соответствующей культуры, в частности о ее ценностных установках. Так, компонент отрицательной оценки в семантике русского слова *мелочность* дает основания для заключения, что русская культура не одобряет погони за небольшой выгодой, желания «не упустить своего» даже в мелочах.

Разумеется, семантика одного слова не дает возможности определить, насколько соответствующая ценностная установка важна для культуры. Культурную значимость имеют сквозные мотивы языковой картины мира, т. е. представления, повторяющиеся в семантике целого ряда языковых выражений. Так, в семантике русских слов *высокомерие / высокомерный*, *надменность / надменный*, *спесь / спесивый*, *кичливость / кичливый / кичиться*, *самонадеянность / самонадеянный*, *самомнение*, *гонор*, *гордыня* можно выявить компонент 'плохо быть слишком высокого мнения о себе самом и свысока относиться к другим'. Эту ценностную установку вполне можно считать сквозным мотивом русской языковой картины мира, имеющей культурную значимость (сходная установка присутствует во многих других культурах).

Здесь опять-таки лингвистический анализ особенно важен применительно к ушедшим культурам, к которым у нас нет непосредственного доступа, так что мы вынуждены судить об их ценностных установках на основании косвенных данных. Сказанное можно иллюстрировать на примере слова *греховодник*, проанализированного в статье [Живов 2009]. Это слово активно использовалось в русском языке (часто — в рамках изображения «народной» речи) начиная с конца XVIII и особенно часто в XIX в., обозначая людей, совершающих

действия, предосудительные с религиозной точки зрения, но при этом выражая снисходительно-ироническое отношение к данному лицу. В XX в. это слово продолжало употребляться по инерции, хотя связь с собственно религиозными предписаниями стала ощущаться в меньшей мере; в словарях советского времени оно снабжалось пометой «устарелое». В двуязычных словарях оно обычно переводится словами со значением ‘грешник’; очевидно, что при этом теряется ряд неявных смыслов. Слово *греховодник* не может обозначать человека, совершившего действительно серьезный грех, напр. убившего многих людей, или отрекшегося от веры, или ограбившего церковь, или изнасиловавшего несовершеннолетнюю, а также повинного в грехе гордости или предавшегося ереси. Не случайно можно сказать *великий грешник* ‘человек, который совершил много тяжких грехов’, но странно *?великий греховодник*. На грехи, которые совершает *греховодник*, говорящий обычно считает возможным смотреть как бы сквозь пальцы; чаще всего это грехи, связанные с сексуальной стороной жизни. Чрезвычайно частотно сочетание *старый греховодник*, обозначающее человека в летах, не оставляющего любовных домогательств. Анализ употребления этого слова позволяет заключить, что «житейская» народная мораль того времени относилась к сексуальным прегрешениям снисходительно и отчасти иронически, хотя осознание греховности сохранялось[4].

Представления, характерные для соответствующей культуры, обычно не нуждаются в том, чтобы их специально подчеркивать в процессе коммуникации между представителями данной культуры. Они, как правило, кроются в неассертивных компонентах значения языковых единиц и тем самым являются частью языковой картины мира. Поэтому реконструкция языковой картины мира имеет первостепенное значение для описания взаимодействия культуры и языка, в частности для выявления особенностей культуры на основе детального семантического анализа языковых единиц, выявляющего в них неассертивные компоненты значения.

Итак, различия культур часто коррелируют с различиями языков (или разновидностей одного языка), обслуживающих эти культуры, и соответствующих языковых картин мира. При межкультурной коммуникации (общении между представителями разных культур) представления, специфичные для одной из этих культур и не попадающие в фокус внимания при коммуникации внутри этой культуры, могут стать камнем преткновения. Так, в секулярной

[4] Известная эпиграмма Александра Пушкина про «капитана Борозду», содержащая слово *греховодник*, показывает снисходительное отношение к гомосексуальным наклонностям; не вполне ясно, было ли это индивидуальным отношением Пушкина или было вообще свойственно «житейской» морали того времени.

европейской культуре с некоторого момента гордость перестала восприниматься как один из самых гнусных пороков, первый из смертных грехов; соответственно и слова, обозначающие 'гордость', во многих европейских языках, в том числе в русском языке, утратили отрицательные коннотации и стали употребляться скорее с положительной оценкой. Однако культура, исходящая из традиционной системы ценностей и соответствующего словоупотребления, не исчезла полностью. Когда одна из корреспонденток Антона Чехова, ориентируясь на новое словоупотребление, назвала его «гордым мастером», он написал ей, что «горды только индюки».

Еще больше препятствий для взаимопонимания может возникнуть, когда при межкультурной коммуникации хотя бы одному из участников приходится говорить на неродном языке[5]. Здесь мы подошли к проблеме переводимости языковых выражений. Заметим, что следует различать переводимость выражения в конкретном тексте (она в значительной мере определяется целями перевода) и наличие у него точного словарного эквивалента. Понятно, что для вопросов, связанных с возможностью использовать семантический анализ для выявления особенностей культуры, существенно именно наличие и отсутствие словарного эквивалента, а вопросы практического перевода отходят на задний план.

Тем не менее стоит остановиться на некоторых моментах, связанных с практическим переводом. Во-первых, это касается случаев, когда высказывание вполне переводимо, но в культуре языка перевода в соответствующей ситуации обычно используется другой способ выражения. Так, русский вполне может сказать официанту в ресторане *Принесите, пожалуйста, меню.* Фраза может быть легко переведена на английский язык (*Please bring me the menu*), но по-английски перевод звучит несколько невежливо, лучше сказать: *Could I see the menu?* [Ларина 2009: 272]. Точно так же русское высказывание *Вы не правы* значительно вежливее, нежели английское *You are wrong*. Можно ли считать буквальные переводы на английский язык адекватными? Ясно, что это зависит от того, как мы понимаем адекватность перевода[6]. Во-вторых, у культурно нагруженных слов плотность ассоциативного поля может теряться

[5] Разнообразные примеры того, как неудачный выбор английского выражения носителями русского языка ведет к коммуникативному провалу, приведены в книге [Виссон 2007].

[6] В какой-то момент мне понадобилось перевести на английский язык высказывание русского врача, обращенное к ребенку: *Сейчас может быть немножко больно, но ты потерпи.* Все мои американские информанты сказали, что американский врач не скажет ничего подобного; скорее он скажет *It won't hurt* 'Больно не будет'. Русское высказывание не является непереводимым в собственном смысле слова, но его американский аналог

при переводе. Так, французское слово *flâner* в большинстве контекстов хорошо переводится русским словом *прогуливаться*; но слово *прогуливаться*, в отличие от *flâner*, в русском языке не обладает высоким культурным статусом [Левонтина, Шмелев 1999: 284]. Не случайно для передачи культурного ореола французского глагола иногда используют заимствованный глагол *фланировать*.

Существенно, что в повседневной коммуникации обычные, неискушенные носители языка при необходимости передать специфичный иноязычный концепт, отсутствующий в языке общения, часто не морочат себе голову поисками подходящего переводного эквивалента, а используют заимствование. Собственно, глагол *фланировать* стал использоваться в русских текстах именно потому, что глагол *прогуливаться* не передает всех нужных культурных ассоциаций «фланирования» и удобнее не пытаться задать эти ассоциации посредством переводческих ухищрений, а просто заимствовать исходный глагол. По той же причине многие русские евреи хорошо знают и даже используют слова *шлимазл* или *халоймес*; русские, знакомые с американской бытовой культурой и ориентирующиеся на представленную в ней систему ценностей, могут в своей речи оставлять без перевода слова *challenge* или *fun*.

Многое из сказанного может касаться межкультурной коммуникации и вне непосредственных рамок перевода, напр. когда человек воспринимает текст на чужом языке через призму родного языка (и вычитывает из текста вовсе не те «скрытые» смыслы, которые автор имел в виду вложить в него). Схожая ситуация имеет место и в случаях, когда некто воспринимает текст, который как будто принадлежит его родному языку, но в действительности составлен на иной его разновидности, напр. на языке предшествующей эпохи. Отличие от ситуации перевода состоит здесь в том, что несовпадение используемых разновидностей языка и тем самым возможность неверного понимания может не осознаваться: современные читатели могут пребывать в заблуждении, что пушкинский текст понятен им уже в силу их знания русского языка.

Возвращаясь к статье Анны Павловой

В статье А. Павловой с самого начала удивляет то, что вполне правильные утверждения иллюстрируются сомнительными примерами; кроме того, автор делает из этих утверждений выводы, прямо противоречащие логике и здравому смыслу.

(нечто вроде *It may be a little painful*; *you'll have to grin and bear the pain*) неупотребителен и вызывает у носителей языка совсем иные ассоциации, нежели исходное высказывание.

Как уже говорилось, статья начинается с обсуждения «переводческих лакун». Автор справедливо отмечает, что наличие той или иной лакуны (переводческой или внутриязыковой) может быть обусловлено самыми разными причинами, так что затруднительно предсказать ее на основе общих соображений. Факт бесспорный и едва ли нуждается в особом подтверждении. Но примеры, посредством которых А. Павлова «подкрепляет» констатацию этого факта, далеко не столь бесспорны. Так, она пишет: «Можно сказать по-русски *удешевлять* (делать дешевле), но нельзя **удорожать* (делать дороже). Тем не менее есть экономические факторы, способствующие дороговизне, они вызывают рост цен. Более того, рост цен для современной России — явление более распространенное, чем их падение» [6]. Однако, обратившись к Национальному корпусу русского языка (http://www.ruscorpora.ru, далее — НКРЯ), мы легко обнаружим, что глагол *удорожать* встречается в современной русской речи не так уж редко и, по данным НКРЯ, даже чаще, чем глагол *удешевлять*. В статье А. Павловой утверждается, что «не удается с легкостью перевести короткое предложение *Wie ein Wurm nagte das Elend in meinem Herzen* (H. Heine)», потому что «у глагола *глодать* в этом значении формы прошедшего времени нет» [4]. Достаточно обратиться к «Малому академическому словарю» [МАС, 1], чтобы обнаружить пример, в котором глагол *глодать* в рассматриваемом значении употреблен в прошедшем времени: *Чиновничье честолюбие, должно быть, сильно его глодало* (Писемский). В текстах на русском языке, в том числе современных, нетрудно обнаружить и другие аналогичные примеры: *Досадное, тревожное чувство зависти глодало душу* (Федор Шаляпин); *Неясная тоска глодала всех без исключения граждан СССР* (Евгений Попов); *...глодало ощущение какого-то несчастья, которое постигло меня в те часы, пока я спал* (Елена Хаецкая); *...любопытство глодало меня изнутри, как червь* (Андрей Халов). Далее, А. Павлова утверждает, что человеку, который «нам надоел своим занудством», мы «из фонетических соображений» [5] не можем сказать: *Ну что ты за зануда!* (она даже снабжает это предложение звездочкой). Несложный поиск в электрическом Интернете дает сотни примеров употребления этой фразы. Наконец, А. Павлова пишет: «...пока не заходит речь о сравнении с другим языком, никто и не заметит пробела в собственном» [6]. Разумеется, это не так: множеству носителей русского языка (даже детям) прекрасно известна дефектность парадигм глаголов *убедить* и *победить* (нет форм первого лица единственного числа простого будущего времени) или существительного *мечта* (нет формы родительного падежа множественного числа).

«Лакунам» посвящен почти весь первый раздел статьи А. Павловой (его заголовок «Мысль и язык: свобода или детерминизм?» не дает адекватного представления о его содержании). Однако на протяжении всего раздела автор

не поясняет, какое отношение «лакуны» имеют к возможности понимания культуры через язык (проблеме, которой, казалось бы, посвящена статья). Можно пытаться понять культуру на основании того, что есть в обслуживающем ее языке, но едва ли разумной была бы попытка понять культуру на основании «лакун».

Пожалуй, лишь одно из замечаний в этом разделе имеет хотя бы косвенное отношение к проблемам взаимосвязи языка и культуры: А. Павлова отмечает, что многие явления, вполне распространенные в культуре, не имеют в соответствующем языке однословного обозначения, и упоминает в связи с этим такие действия, как *кататься на велосипеде*, *ходить пешком*, *разговаривать по телефону*, *отдыхать с палаткой*, *плавать на байдарке*. Само по себе это наблюдение тоже не содержит ничего нового (в предисловии к английскому переводу «Приглашения на казнь» (*Invitation to a Beheading*) Владимир Набоков даже писал о проекте словаря толкований, которым недостает слов, выражающих соответствующий смысл[7]). Кроме того, А. Павлова не объясняет, почему для нее важны именно однословные наименования и чем ее не устраивают приведенные ею словосочетания[8]. Некоторый резон в этом можно усмотреть в связи с понятием «языковая картина мира» (которое, как мы помним, может играть важную роль в попытках понять культуру на основе языковых данных). Дело в том, что разного рода неассертивными смыслами, шлейфом ассоциаций чаще обрастают лексические единицы, а не свободные или относительно свободные словосочетания. Поскольку именно неассертивные компоненты значения являются конституирующими для языковой картины мира, а на ее основе и осуществляется соотнесение языка с культурой, понятно, что для темы статьи наличие однословного наименования (но не его отсутствие) может играть определенную роль. Однако в статье А. Павловой об этом эксплицитно ничего не говорится.

В следующем разделе, озаглавленном «Языковая картина мира и речевая деятельность», автор, действительно, обращается к понятию языковой картины мира и сообщает, что «рассуждения о статичной, данной человеку

---

[7] Он предлагал статью «сокращать, расширять или иным образом изменять или заставлять изменять с целью запоздалого совершенствования свои собственные произведения при переводе» (этот факт упоминает Ю. Д. Апресян в предисловии ко второму тому своих избранных трудов [Апресян 1995б: 6]).

[8] Замечу, что сочетание *отдыхать с палаткой* мне показалось странным и я даже готов был утверждать, что по-русски так сказать нельзя; но вездесущий Интернет показал, что носители русского языка его используют (хотя, признаться, лишь из статьи А. Павловой я как-то понял, что это сочетание обозначает).

при рождении “языковой картине мира”» являются «умозрительно-идеологическими построениями» [8]. Точнее было бы сказать, что они являются полнейшим абсурдом. Как известно, язык (а значит, и языковая картина мира) вовсе не даются человеку «при рождении»; ребенок овладевает языком (и соответствующей языковой картиной мира) постепенно. Возможно, А. Павлова имела в виду «семантические примитивы» (элементарные концепты), которые А. Вежбицка и К. Годдард считают врожденными и тем самым универсальными (являющимися принадлежностью всех языков и культур). Но они-то как раз и не относятся к языковой картине мира! В радикальной форме тезис о врожденности большинства концептов (включая, напр., такие, как ‘охота’, ‘убеждать’, ‘убить’, ‘стол’ и даже ‘бюрократ’ и ‘карбюратор’) отстаивается Н. Хомским и Джерри Фодором. В соответствии с их теорией, концепты во всей (или почти всей) их сложности принципиально доступны еще до опыта. «Дети в основном усваивают ярлыки для концептов, которые они уже имеют», — писал Хомский [Chomsky 1991: 29][9]; но в теории Хомского и Фодора вообще нет места понятию «языковая картина мира».

Я не знаю, является ли представление о языковой картине мира, «данной человеку при рождении», собственным изобретением А. Павловой или она где-то столкнулась с таким представлением. В любом случае это представление никак нельзя признать удачным изобретением.

В целом рассуждения А. Павловой о «языковой картине мира» изложены запутанно и неясно. Так, упоминая выражения, связанные с частями тела (напр., те, в которых сердце предстает как вместилище чувств), она говорит, что они «настолько же свидетельствуют о различии в мышлении целых народов, насколько и не свидетельствуют» [8]; что означает этот оборот, понять не так просто (как и не вполне ясно, что она понимает под «мышлением целых народов»). Как можно заключить из дальнейшего, здесь выражается сомнение в том, что понятие «языковая картина мира» имеет научную ценность. Но и это сомнение выражено в туманных выражениях. А. Павлова пишет: «Система метафор позволяет заключить, что в языке есть система метафор» [8–9] (замечание, безусловно, справедливое и глубокомысленное). И далее: «“Убежденность” носителей русского языка в том, что любовь живет в сердце, потому что такова их “наивная картина мира”, не более чем фикция» [9]. Некоторая синтаксическая неоднозначность приводит к тому, что остается неясным, что именно А. Павлова называет «фикцией» и в каком смысле она употребляет это слово. Как можно понять, она подвергает сомнению две идеи: о том, что конвенциональные метафоры могут свидетельствовать о некоторых

[9] Ср. обсуждение теории Хомского и Фодора в книге [Wierzbicka 1996: 18–19, 211–214].

особенностях языковой картины мира, и о том, что особенности языковой картины мира могут оказывать влияние на какие-то представления носителей соответствующего языка. По поводу первой из этих идей можно заметить, что метафоры, как и устойчивые сравнения и производные слова, бывают основаны на коннотациях (т. е. как раз на тех смысловых компонентах, которые являются конституирующими для языковой картины мира) и могут свидетельствовать о наличии таких коннотаций. О том, что слово *свинья* в русском языке вызывает представление о нечистоплотности, свидетельствуют оборот *грязный как свинья* и глагол *свинячить*; о наличии у слова *лиса* коннотации хитрости свидетельствует переносное (метафорическое) значение этого слова 'хитрый человек' (и оборот *хитрый как лиса*). Кроме того, следует учитывать возможность совмещения значений, как в строке Михаила Лермонтова *Пустое сердце бьется ровно*: в ней *сердце* выступает и в своем основном значении (поэтому оно *бьется*), и как вместилище чувств (поэтому оно названо *пустым*, что свидетельствует о неспособности чувствовать). Переходя к вопросу о соотношении языковой картины мира и представлений носителей языка, можно заметить, что наличие у носителей русского языка представления, согласно которому люди думают головой, а чувствуют сердцем, подтверждается целым рядом фактов, причем не только языковых. Вспомнив нечто, мы можем хлопнуть себя по лбу (а не по груди); задумавшись, чешем в затылке (а не в районе сердца); напротив того, переволновавшись, человек хватается за сердце (и мы понимаем, что от волнения может стать *плохо с сердцем*). Таким образом, сомнения А. Павловой по поводу означенных двух идей представляются безосновательными.

Дальнейшие рассуждения А. Павловой, направленные на то, чтобы поставить под сомнение понятие языковой картины мира, тоже не достигают своей цели. Она зачем-то приводит примеры не отмеченных в словарях окказионализмов и окказиональных метафор (то, что они встречаются в речи, — факт общеизвестный), и остается непонятно, хочет ли она этим сказать, что их следовало бы включить в словари или что словари вообще не нужны. Далее она отмечает: «Русский язык, каким он был двадцать лет тому назад, — это не нынешний русский язык. Изменились значения множества слов... Возникла масса новых слов и исчезла масса прежних» [10]. Можно согласиться с тем, что «лексическая система подвижна и переменчива» и никакой словарь не может отразить все появляющиеся новые слова и значения, которые появляются в языке. Однако, несмотря на это, лексикографическая работа не становится бессмысленной, и словари остаются самым востребованным лингвистическим продуктом. Из того, что язык изменяется, никак не следует формулируемое А. Павловой недоумение: «Какой смысл говорить о языковой картине мира,

если вчера она была одна, а завтра другая и если она не совпадает у различных социальных групп?» [10]. Это рассуждение можно было бы отнести к любому синхронному лингвистическому описанию: если следовать такой логике, можно сказать, что не имеет смысла заниматься фонетикой, морфологией, синтаксисом, поскольку в истории языка изменяются и произносительные нормы, и морфология, и правила построения синтаксических конструкций. Вопрос о соотношении синхронии и диахронии в лингвистическом описании довольно сложен, но странно на основании того, что язык непрерывно изменяется, делать вывод, что синхронное описание языка вообще не имеет смысла. Напротив того, корректно описать изменения можно как раз на основе сравнения двух синхронных состояний языка: более старого и более нового (понимая, что в «старом» уже содержались зародыши «нового», а в «новом» сохраняются следы «старого»).

Дальнейшие рассуждения А. Павловой о соотношении языка и мышления можно пропустить, поскольку они не имеют непосредственного отношения к теме статьи — проблеме соотношения языка и культуры. Но в конце концов она переходит к указанной теме, и следующий раздел так и называется: «Соотношение языка и культуры».

В этом разделе А. Павлова замечает, что «в рамках русской культуры в составе СССР существовало несколько культурных сообществ, члены которых были объединены относительной общностью взглядов, привычек, традиций, стереотипных представлений, образа жизни: номенклатура, КГБ (тесно связанный с номенклатурой), госслужащие, военные, рабочие, колхозники, интеллигенция» [11]. (Можно согласиться с А. Павловой, когда она пишет: «Языки (идиолекты) у перечисленных социальных групп были в чем-то схожи, а в чем-то различны, и вопрос о том, чего в них было больше — сходства или различий — однозначного ответа не имеет» [11]. Необходимо только сделать поправку, состоящую в том, что термин «идиолект» принято использовать по отношению к индивидуальным особенностям языка одного лица; если же речь идет о социальной группе, уместнее использовать термин «социолект».) Далее она перечисляет некоторые речевые штампы, использовавшиеся в языке советской пропаганды, и сообщает, что «ни в одной из групп — внутри группы — этими штампами в обиходной речи никто не пользовался» [11]. Я не знаю, откуда у А. Павловой сведения о том, какими языковыми средствами пользовались в бытовой речи представители номенклатуры и сотрудники КГБ; но весьма вероятно, что рисуемая пропагандистскими штампами картина не была характерна для их бытовой культуры, так что отсутствие этих выражений в их бытовой речи не должно вызывать удивления. Однако умозаключение, которое делает А. Павлова, оказывается весьма неожиданным:

«Если же рассматривать язык как источник культуры, то можно прийти к прямо противоположным выводам: раз в советское время говорили о трудовой вахте и о соцобязательствах по перевыполнению пятилетнего плана — значит, так думали (считали) — значит, такова и была тогда русская культура» [11]. По этому поводу она пишет: «Это неверная последовательность выводов, и она не имеет отношения к реальности» [11]. С тем, что приведенное умозаключение «не имеет отношения к реальности», пожалуй, можно согласиться; однако дело здесь не в «неверной последовательности выводов», а в том, что это умозаключение исходит из ложных посылок. Во-первых, странно рассматривать язык как «источник культуры»: язык является необходимым условием существования культуры и отражает ее, но никак не является ее «источником». Во-вторых, А. Павлова только что сообщила нам, что в быту эти штампы как раз не употребляли, так что неопределенно-личная конструкция «в советское время говорили» может ввести в заблуждение. В то же время с полным основанием можно говорить, что они заключали в себе элементы картины мира, которая навязывалась советской пропагандой.

При этом следует заметить, что некоторые советизмы проникали в бытовую речь, и это можно рассматривать как свидетельство того, что соответствующие представления стали частью бытовой картины мира. Так, слово *жилплощадь* предполагало, что в СССР жилье не является собственностью живущих в нем людей, а принадлежит государству, которое распределяет его по своему усмотрению, и это представление вошло в сознание множества советских людей. Поэтому слово *жилплощадь* активно использовалось применительно к советской жизни, но странно было бы сказать (кроме как в шутку) **жилплощадь в Париже* [Левонтина 1995: 96].

Далее в рассматриваемом разделе А. Павлова обращает внимание на гетерогенность культуры и на то, что границы между культурами не обязательно совпадают с границами между языками. В самом деле, признание гетерогенности культуры является необходимой предпосылкой изучения соотношения культуры и языка. Здесь я позволю себе процитировать заключительные фразы моей статьи [Шмелев 2000г] (вошедшей в книгу [Зализняк и др. 2005а]): «Границы между системами этики находят отражение в языке, но не совпадают с границами между языками. И поэтому мы можем (разумеется, с некоторой долей условности) говорить о традиционных христианских этических представлениях, современных секулярных представлениях и т. п.; но едва ли есть основания выделять особую “русскую этику”, “англосаксонскую этику”, “французскую этику” без дальнейших уточнений». Впрочем, мне представляются допустимыми и такие абстракции, как «европейская культура» (обслуживаемая разными языками) или «русская культура». Любопытно, что и А. Павлова

как будто признает, что можно обнаружить некоторые черты, характерные для русской культуры в целом, но в качестве примеров приводит довольно маргинальные характеристики: «...не принято дарить на праздники четное количество цветов. День во многих семьях принято завершать чаепитием. Не принято здороваться за руку или целовать друг друга “через порог”. На пожелание “Ни пуха ни пера!” полагается ответить “К черту!”» [13]. По большей части речь в этом отрывке идет о распространенных суевериях (вовсе не разделяемых всеми русскими). Ясно, что можно было бы найти более убедительные примеры: так, на обед в качестве *первого* блюда у русских принято есть суп, в качестве *второго* — твердое блюдо, а завершается обед «сладким». Не принято здороваться с человеком, если вы уже ранее виделись в этот же день. Вежливое обращение к знакомому, но не близкому человеку предполагает именование его по имени-отчеству.

Впрочем, допустив, что русская культура — «это не миф, она реально существует, даже будучи выражена очень небольшим набором общих для всех групп населения ценностных доминант, стереотипных представлений, привычек и традиций», А. Павлова настаивает на том, что уж заведомо «единого русского языка не существует» [14]. В подтверждение этого она ссылается на исследование [Черняк 2009], в котором отмечается различие лексиконов разных поколений современного российского общества. То, что язык, и в частности его лексический состав, подвержен временному, региональному и социальному варьированию, — вещь общеизвестная. Но это никому не мешает составлять словари и грамматические описания языков, абстрагируясь от указанного варьирования. Кроме того, сам факт наличия культурного и языкового варьирования позволяет поставить вопрос о том, как эти два типа варьирования коррелируют друг с другом (в цитированной статье В. Д. Черняк как раз и делает выводы о различии лексиконов и, как следствие, взаимном непонимании поколений как результате разных культурных кодов). Варьирование культуры и языка никоим образом не указывает на отсутствие связи между ними.

Вопросы «лингвокультурологии» в статье А. Павловой

В нескольких последующих разделах А. Павлова обращается к вопросам «лингвокультурологии», и выясняется, что ее представления о соответствующем круге лингвистических дисциплин довольно фантастичны. В разделе, который называется «Причины появления лингвокультурологии», она обсуждает вопрос о причинах «появления лингвокультурологии именно в России и именно

в конце XX в.» [15], и не вполне ясно, действительно ли А. Павлова считает, что «именно в России и именно в конце XX в.» соотношение языка и культуры было впервые подвергнуто научному изучению. Название «лингвокультурология» (повторю, не слишком удачное) действительно появилось в России в конце XX в., но сама проблематика давно известна в мировой науке и изучается в рамках таких дисциплин, как этнолингвистика, антропология, лингвистическая прагматика, социолингвистика. Приписывать России приоритет создания новой научной дисциплины на основании того, что для нее было изобретено название, все равно что утверждать, будто паровоз изобрели русские, на том основании, что слово «паровоз» возникло на русской почве (и, кстати, в отличие от «лингвокультурологии», составлено из русских по происхождению корней).

Понятно, что вопрос о «причинах» придуманного явления (появления лингвокультурологии именно в России в конце XX в.) не имеет смысла; но все же упомяну, что в качестве одной из таких причин А. Павлова видит «отказ от марксизма как теоретической базы всех наук при советской власти» [16]. Интересно, действительно ли она считает, что все советские лингвисты были марксистами (не спорю, такие были, и даже среди весьма крупных лингвистов, а некоторые остаются марксистами и поныне, но все же, по моей субъективной оценке, для большинства лингвистов было характерно резко отрицательное отношение к марксизму, тем более что он был официальной идеологией господствующего тоталитарного режима).

Надобно признать, что с основными подходами, лежащими в основе изучения соотношения языка и культуры, А. Павлова знакома не очень хорошо. Поэтому многие высказывания (подчас неудачно сформулированные) она интерпретирует совершенно неверно. Характерным примером может служить ее комментарий к некоторым высказываниям, касающимся названий чувств в разных языках. Она удивленно замечает, что некоторые исследователи (в сноске она упоминает книгу [Шаховский 2009]) «пишут: человек испытывает те эмоции, которые ему подсказывает его родной язык», и комментирует: «Свободы нет, следовательно, не только в мыслях, но и в чувствах. Всем управляет язык-демиург» [15]. Но дело в том, что культурной значимостью обладает не то, что чувствует человек «на самом деле»[10], а то, о чем он способен поведать другим, а это как раз определяется свойствами языка, которым он пользуется (не обязательно родного).

[10] Тем более что непонятно, как это установить; некоторое приближение к ответу на подобный вопрос может дать изучение того, в каких случаях какие участки мозга активны, но сведение эмоций к мозговой деятельности может рассматриваться и как неоправданный редукционизм. В любом случае такое изучение лежит за пределами лингвистики.

В следующем разделе, озаглавленном «Цель и методы лингвокультурологии»[11], А. Павлова пишет: «...лингвокультурология исходит из того, что эпоха универсализма миновала и что в языках пора, наконец, отыскать и описать их специфические черты» [16]. По этому поводу она замечает, что сама по себе «задача описания специфических черт языков не вызывает возражений», и даже признает, что некоторые «специфические признаки языков действительно можно связать с культурными традициями, историей, стереотипами» [16]. Однако она указывает, что «методологически обнаружение абсолютно всех специфических характеристик того или иного языка представляется недостижимой целью», поскольку «для ее осуществления требовалось бы сравнить не только все языки, но и все диалекты мира друг с другом» [17]. Замечание справедливое, но ведь никто и не ставит перед собою недостижимой цели обнаружения «абсолютно всех специфических характеристик того или иного языка»; как правило, лингвисты удовлетворяются тем, что обнаружили хотя бы некоторые такие характеристики и продемонстрировали их лингвоспецифичность, а для достижения этой последней цели часто достаточно сравнения с каким-то одним языком или даже внутриязыкового сравнения (с более ранним состоянием того же языка или сравнением разных его региональных вариантов). Но в связи с этими замечаниями А. Павловой любопытно отметить, что в предыдущем разделе в качестве источников «появления лингвокультурологии» в России она упомянула (вредное, с ее точки зрения) влияние работ А. Вежбицкой и даже не заметила, что это противоречит тезису, согласно которому «лингвокультурология исходит из того, что эпоха универсализма миновала». Дело в том, что А. Вежбицка является одним их самых бескомпромиссных сторонников универсализма в семантике, и вся ее лингвистическая деятельность последних десятилетий базируется на представлении, согласно которому значения всех без исключения выражений всех языков могут быть описаны при помощи ограниченного набора врожденных и уже потому универсальных концептов (семантических примитивов).

---

[11] В нем А. Павлова сообщает: «Здесь и далее в основном будут обсуждаться теоретические положения, изложенные в книгах [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Языковая картина мира 2006]» [17]. Однако читатель с удивлением обнаруживает, что ни «здесь», ни «далее» не обсуждается ни одно теоретическое положение, изложенное или хотя бы подразумеваемое в этих книгах. Не рассматриваются ни положения, на которые опирается наш подход, реализованный в изысканиях, вошедших в книгу [Зализняк и др. 2005а], ни теоретические положения Московской семантической школы, разработанные Ю. Д. Апресяном и изложенные, в частности, в книге «Языковая картина мира и системаня лексикография» [Апресян (ред.) 2006].

Далее А. Павлова переходит от задачи обнаружения всех лингвоспецифичных явлений к более узкой задаче обнаружения слов с лингвоспецифичной семантикой и задается вопросом: «Как же находить эти специфические элементы?» [17]. Вообще-то ответ на этот вопрос представляется очевидным: необходимо подвергать лексические единицы детальному семантическому анализу, включающему семантический эксперимент, сопровождая такой анализ межъязыковым или внутриязыковым сопоставлением с предполагаемыми аналогами анализируемого слова. Если окажется, что слово не имеет точного семантического соответствия в языках (или разновидностях языка), с которыми проводится сопоставление, то его следует признать лингвоспецифичным. Но почему-то эта процедура, вытекающая из здравого смысла, А. Павлову не устраивает (возможно, потому, что семантический анализ — вещь трудоемкая, он предполагает исследование большого числа контекстов, в которых может употребляться анализируемая единица). Она пишет: «Приходится искать другой выход из положения: лингвоспецифическими и непереводимыми объявляются так называемые “ключевые слова” культуры» [17]. Несколько загадочным оказывается пассивный залог «объявляются»: кем объявляется, в тексте статьи не говорится, и ссылки нет. Остается допустить, что это предложение самой А. Павловой, и приходится признать, что предложение крайне неудачное. Не касаясь вопроса о «непереводимости» (само понятие без дополнительных пояснений является довольно неопределенным), замечу, что, во-первых, лингвоспецифичное слово вовсе не обязательно дает ключ к пониманию культуры[12], а во-вторых, избежать трудоемкого семантического анализа таким образом все равно не удастся. Определить, есть ли основания относить лексическую единицу к «ключевым словам культуры», можно только на основе предварительного детального семантического анализа, который позволит установить, содержатся ли в семантике слова компоненты, в той или иной степени соотносимые с существенными особенностями соответствующей культуры.

Следующий раздел А. Павлова называет «Некоторые вопросы к лингвокультурологии», однако начинает его вовсе не с вопроса, а с чрезвычайно странного утверждения: «Итак, “концепты” — это то же, что “ключевые идеи” или “ключевые слова” культуры» [19]. Слово «итак», по-видимому, призвано создать иллюзию, будто это утверждение следует из чего-то ранее сказанного. Между тем утверждение представляется очевидной нелепостью. Как известно,

[12] Так, артикли являются ярким примером лингвоспецифичных слов ряда западноевропейских языков, но остается неясным, какую культурно значимую информацию может из них извлечь А. Павлова.

слово является двусторонней единицей, имеющей как план содержания, так и план выражения, тогда как концепты и идеи относятся исключительно к плану содержания. Различия между концептами и «ключевыми идеями» культуры также вполне очевидны: как мы знаем, тот или иной концепт стоит за каждой языковой единицей, в частности — за каждым словом[13], но едва ли кто-то решится без оговорок утверждать, что концепты 'поверхность' или 'карбюратор' скрывают за собою какие-либо «ключевые идеи культуры».

Сделав это странное утверждение, А. Павлова переходит к «вопросам к лингвокультурологии». Представляется, что для ответа на них не обязательно быть специалистом в области лингвокультурологии; достаточно простого здравого смысла. Поскольку А. Павлова занумеровала свои вопросы, удобно следовать за ее нумерацией.

1. А. Павлова пишет: «Вежливость — это концепт. А болезнь — концепт? А сон — концепт? А прогулка — концепт? А одежда?» Сказанное напоминает софизмы, которые на языке средневековой логики можно было бы назвать «неразличением суппозиций». Ясно, что можно говорить о концепте 'вежливости' и концепте 'одежды', но нельзя говорить, что некто в своем поведении проявляет концепт вежливости или закутался в концепт одежды (это столь же нелепо, как говорить, что концепт *вежливость* состоит из девяти звуков, а концепт *одежда* — из шести).

2. Я приведу вопрос А. Павловой полностью: «Предположим, мы с моим другом носители русского языка, причем лексиконы наши весьма схожи: мы в основном пользуемся одинаковыми лексемами и синтаксическими конструкциями. Если у нас при этом разные взгляды на вежливость, на дружбу или на свободу, то у нас с ним одна и та же языковая картина мира или разные? А культуры у нас с ним идентичны или различны?» [19]. Из синтаксического строения первой фразы можно было бы сделать вывод, что А. Павлова

[13] В последние два десятилетия в российской лингвистике неоднократно делались попытки придать слову «концепт» статус едва ли не термина; однако удачные попытки в этом направлении мне неизвестны, и представляется, что мы можем с полным основанием от них отвлечься. На базе терминологизации слова «концепт» даже возникали такие причудливые образования, как, напр., слово «концептосфера», введенное в обиход, насколько я знаю, Д. С. Лихачевым и в дальнейшем (вероятно, отчасти под влиянием его авторитета) используемое в рамках некоторых направлений отечественной когнитивной лингвистики; однако польза его для изучения семантики или соотношения языка и культуры остается сомнительной.

почему-то считает синтаксические конструкции частью лексикона, но можно надеяться, что это просто неуклюжее выражение. Впрочем, дальше выражения тоже довольно неуклюжи. Вопрос, одинакова ли языковая картина мира у двух носителей языка, не имеет смысла: языковая картина мира является принадлежностью языка, а не его носителя. Бывают люди, которые владеют несколькими языками и тем самым несколькими языковыми картинами мира; специалист в области какой-либо науки одновременно владеет «наивной» картиной мира повседневного языка и «научной» картиной мира, отраженной в языке соответствующей науки. Можно формулировать этот вопрос по-другому: если идиолекты двух носителей языка совпадают, то можно ли говорить, что они пользуются одной и той же языковой картиной мира, несмотря на различие взглядов? Ответ, разумеется, утвердительный: «взгляды» здесь вообще не имеют отношения к делу, поскольку речь идет об используемых языковых средствах, а они, как утверждается, одинаковы. Вопрос, принадлежат ли два человека одной культуре (сформулированный столь же неуклюже), не имеет однозначного ответа. Культурная ориентация отдельного человека определяется не его «взглядами» или вкусами, а установкой на следование определенным культурным конвенциям; кроме того, культурная ориентация человека вовсе не обязана быть ориентирована только на одну какую-то культуру. Более того, несколько выше А. Павлова сама, как кажется, признавала, что при идентификации культур возможны разные уровни абстракции: можно говорить о финской или итальянской культуре, можно — о европейской культуре в целом, можно — о христианской культуре, можно — о городской культуре, можно — о средневековой культуре. Формулируя свой вопрос, она как будто об этом забыла.

3. Далее А. Павлова предлагает рассмотреть ситуацию, когда «два человека — носители русского языка — по-разному обозначают один и тот же цвет: то, что для одного салатное, для другого бирюзовое или то, что одному кажется бордовым, другой назовет вишневым». Она спрашивает: «Языковые картины мира этих людей совпадают или различаются?» [19]. Отвлечемся от неуклюжей формулировки, уже ставшей привычной, и вспомним, что языковая картина мира характеризует не человека, а язык (в данном случае, очевидно, — идиолект). Итак, спрашивается, совпадают ли языковые картины мира рассматриваемых идиолектов. Понятно, что вопрос касается не языковой картины мира в ее целостности, а лишь восприятия цвета; столь же понятно, что ответ на него зависит от ряда неоговоренных деталей. Рассматривают ли эти носители языка *салатное* и *бирюзовое* как разновидность *зеленого*? Связаны ли с указанными словами дополнительные ассоциации (напр., у прилагательного

салатный — со словом *салат*)? Чтобы ответить на вопрос о «языковой картине мира», необходим подробный семантический анализ, без которого ответ будет столь же легкомысленным, как и постановка вопроса. Впрочем, стоит повторить, что люди, пользующиеся одним языком, по определению пользуются одной и той же языковой картиной мира. Говорить, что языковая картина мира идиолектов двух носителей языка различается, можно только в том случае, если мы обнаружили существенные семантические различия языковых единиц этих идиолектов.

4. А. Павлова спрашивает: «Кем и как определяется "усредненность" "русского" человека?» [20]. Поскольку А. Павлова не прояснила, в каких целях ей понадобилось понятие «усредненности» человека, ответить на ее вопрос затруднительно; но, вообще говоря, понятие должен определять тот, кто намерен его использовать в своих рассуждениях (т. е. в данном случае — А. Павлова). Далее она сообщает: «...в мой концепт *вежливость* составляющая *искренность* не входит» [20]. Это сообщение может поставить в тупик, потому что искренность вообще не является составляющей вежливости у носителей русского языка, так что остается неясным, в чем же здесь проявляется индивидуальность А. Павловой. Лишь обратившись к предыдущему разделу, можно понять, что имеется в виду цитируемое там высказывание В. А. Масловой: «Вежливость в русской культуре нужно исследовать только вместе с искренностью, ибо русские излишнюю, с их точки зрения, вежливость связывают с проявлением неискренности». Иными словами, В. А. Маслова говорит, что в русской культуре излишняя вежливость ассоциируется с о т с у т с т в и е м искренности. Здесь, я думаю, с В. А. Масловой согласится большинство носителей русского языка: фраза *Он из вежливости улыбнулся* едва ли кем-либо будет понята как указание на искреннюю улыбку. Если А. Павлова этого не чувствует, то, скорее всего, это говорит о том, что она слишком долго жила в отрыве от родной речи. Впрочем, к замечанию В. А. Масловой следовало бы добавить, что в определенных случаях вежливость требует как раз декларирования собственной искренности — напр., в таких формулах, как *я вам искренне сочувствую*, *я вам искренне благодарен*[14].

5. «...В "языковую картину мира" входят самые частотные, типовые для социума суждения?» [20] — спрашивает А. Павлова. Отвечаю: частотность

[14] В еще большей степени это характерно для английского речевого этикета — вспомним такие формулы, как концовка официального письма *Sincerely* (*yours*). Разумеется, *sincerely* — это не в точности русское *искренне*, но вполне подходит в качестве аналога.

суждений и их типичность для социума не имеет прямого отношения к делу (тем более что непонятно, как ее считать). В языковую картину мира входят те представления о мире, которые содержатся в неявном виде (т. е. в качестве неассертивных компонентов) в значении языковых единиц (при условии, что эти единицы употребительны).

6. А. Павлова пишет: «...представим себе, что для немцев понятие *kiebitzen* (тайком заглядывать в карты другого игрока или просто подглядывать за кем-либо) более актуальное явление, чем для русских (в русском языке здесь лакуна)» — и задается вопросом: «А являются ли лакуны в языке (вне сравнения с другими языками) показательными для культуры?» [21]. Каким образом лакуна (т. е. отсутствие чего-либо) может быть «показательной», она не поясняет; сама идея о показательности лакун[15] напоминает анекдот о том, как, не обнаружив в раскопках шестого века проволоки, археологи сделали вывод, что уже в то время существовало радио (беспроволочный телеграф). Мы помним, что в самом начале своей статьи А. Павлова признала, что далеко не все значимые для культуры явления получают в соответствующем языке однословные обозначения, а теперь почему-то об этом забыла. Кроме того, необходимо учитывать, что иногда некоторое явление получает в языке специальное обозначение именно потому, что является редким и в силу этого обращающим на себя внимание. Так, в русском языке (и, по-видимому, во многих других языках) есть слово *горбун*, но нет существительного, обозначающего человека с прямою спиною. Если рассуждать, как А. Павлова, можно было бы предположить, что горбатые люди встречаются среди русских чаще, чем люди с прямою спиною; понятно, что дело обстоит противоположным образом.

7. Следующий вопрос А. Павловой: «Носителем какой национальной культуры является говорящий по-французски швейцарец: он представитель французской культуры или швейцарской?» [21]. Понятно, что приведенных данных явно недостаточно для того, чтобы судить о культурной ориентации названного швейцарца. Различия между французской и швейцарской культурой вообще не так велики, и более релевантным может оказаться различие между жителем Лозанны и обитателем альпийской деревни.

---

[15] В некоторых случаях лакуны в тех участках словаря, в которых ожидалось бы наличие лексической единицы, могут свидетельствовать об особенностях культуры, обслуживаемой данным языком, напр. о наличии в ней табу на обозначение некоторого явления. Однако примитивное представление этой связи по схеме «нет слова — значит нет явления» является нелепостью.

8. Следующий вопрос А. Павлова предваряет таким высказыванием: «Если извлекать сведения о культуре из языка, то, обнаружив в русском языке обилие уменьшительных суффиксов, можно было бы утверждать, что русские привыкли более экспрессивно выражать свои эмоции, чем те народы, в языках которых не наблюдается такого обилия уменьшительных суффиксов» [21]. Если и согласиться, что это «можно было бы утверждать», то следует заметить, что такое утверждение чрезвычайно примитивно представляло бы связь языка и культуры. Вообще на основании частного языкового факта странно делать общий вывод о культуре общения, а такие ярлыки, как «степень экспрессивности выражения эмоций», не основаны на семантическом анализе и не могут служить базой для «лингвокультурологических» выводов. Далее А. Павлова сообщает, «что в баварском и австрийском диалектах немецкого языка значительно больше уменьшительных суффиксов, активно употребляемых в речи, чем в диалектах других регионов Германии» [21]. Она спрашивает, можно ли «утверждать, что баварская культура сходна с российской по степени экспрессивности выражения эмоций». Ясно, что вопрос основан на неверной предпосылке, включает не вполне ясное выражение «степень экспрессивности выражения эмоций» и потому не имеет ответа.

Задав свои вопросы, А. Павлова пишет: «...лингвокультурология не только не отвечает на эти вопросы — она и не собирается на них отвечать. Она и не может на них ответить...» [21]. Мы видели, что ответить на эти и подобные вопросы довольно просто, для этого не надо быть специалистом в лингвокультурологии. Но А. Павлова права в том, что лингвокультурология «не собирается на них отвечать». Иного было бы странно ожидать, поскольку эти вопросы для лингвокультурологических исследований никак не релевантны.

Гипотеза Сепира — Уорфа, лингвистическая семантика и лингвокультурология

Следующий раздел статьи А. Павловой озаглавлен «Неогумбольдтианство и лингвокультурология». Начинается он с обсуждения неогумбольдтианства в собственном смысле слова (упоминаются работы Л. Вайсгербера) и гипотезы Сепира — Уорфа, известной также как «теория лингвистической относительности» (напомним, что Э. Сепир и позднее Б. Уорф разрабатывали свои теории, не опираясь на работы Вильгельма Гумбольдта)[16].

[16] По-видимому, А. Павлова считает несущественными различия между собственно неогумбольдтианством, основоположниками которого являются Й. Трир и Л. Вайсгербер,

Впрочем, неогумбольдтианство в собственном смысле слова только упоминается, но подробно не рассматривается в статье А. Павловой (а центральное в этой теории понятие «поля» даже не упоминается). Она сосредоточивается на гипотезе Сепира — Уорфа, что совершенно понятно, поскольку именно эта гипотеза сейчас заново обретает популярность в мировой лингвистике.

Рассказав об экспериментах, направленных на то, чтобы установить корреляцию между языковым строем и поведением носителей языка, А. Павлова высказывает мнение, что «доказать гипотезу лингвистической относительности так же невозможно, как и опровергнуть» [22]. Однако дальше она пускается в рассуждения, выражающие ее скепсис по поводу гипотезы Сепира — Уорфа, и приходится признать, что эти рассуждения базируются на столь же примитивных, сколь и абсурдных примерах; кажется, до такой степени примитивности не доходили даже самые отчаянные вульгаризаторы рассматриваемой гипотезы. Так, она сообщает, что немцы[17] «иначе “выстраивают” двузначные числительные, чем другие европейские народы: сначала называют единицы, потом десятки», и отмечает: «...никто не сумел заметить особенностей поведения немцев при оперировании числительными по сравнению с носителями других языков» [23]. Можно напомнить, что при обозначении чисел от 21 до 99 немецкий язык вовсе не уникален среди европейских языков[18]. Но важнее здесь то, что А. Павлова совершенно не объясняет, почему порядок упоминания единиц и десятков при обозначении чисел от 21 до 99 должен как-то влиять на «поведение при оперировании числительными». Далее А. Павлова утверждает, что на основании наличия в немецком языке рамочных конструкций (с постановкой отделяемой приставки в конец предложения) можно было бы «предположить, что привыкшие к такой грамматике немцы по сравнению с другими европейцами обладают особо цепкой памятью или повышенным вниманием» [23]. Но такие свойства индивида, как цепкость памяти

и гипотезой Сепира — Уорфа; она прямо отождествляет их и пишет: «гипотеза лингвистической относительности, или неогумбольдтианство, или гипотеза Сепира — Уорфа».

[17] Под «немцами» она, очевидно, имеет в виду носителей немецкого языка, в том числе австрийцев и немецкоязычных швейцарцев.

[18] Порядок «сначала единицы, потом десятки» используется в идиш, в нидерландском, датском языках. В чешском языке возможны оба порядка: «сначала десятки, потом единицы» и «сначала единицы, потом десятки». Странно, что А. Павлова не упомянула яркие и по-своему уникальные особенности французского языка при обозначении чисел от 70 до 79 и от 90 до 99 и не обсудила возможные особенности поведения его носителей «при оперировании числительными».

и повышенное внимание, не зависят от используемого языка и не имеют отношения к гипотезе Сепира — Уорфа.

Если уж использовать примитивные, но хотя бы корректные примеры, можно упомянуть грамматический род существительных в тех языках, в которых он есть. Наблюдается следующая закономерность, отчасти подтверждающая гипотезу Сепира — Уорфа: при олицетворении пол, как правило, соответствует роду. В русском языке *заяц* мужского рода, а *белка* — женского, и мы можем представить себе маскарад, на котором мальчики наряжаются зайчиками, а девочки — белочками (если бы было наоборот, это воспринималось бы как своего рода травестия). Русскую сказку о царевне-лягушке может быть трудно перевести на немецкий язык, поскольку по-немецки *Frosch* — слово мужского рода (заметим, что лягушка олицетворяется как мужчина не только в немецком, но и в английском языке, в котором, как известно, существительные не имеют грамматического рода). Сходные трудности возникают при переводе сказки Корнея Чуковского «Муха-цокотуха», в которой *комар* освобождает *муху* от злодея старика *паука* и говорит ей: «...теперь душа-девица / На тебе хочу жениться».

Однако ни Э. Сепир, ни Б. Уорф вообще не использовали понятие языковой картины мира, поэтому обсуждение гипотезы Сепира — Уорфа увело нас далеко в сторону (заметим, что в работах Л. Вайсгербера понятие «языковой картины мира», напротив, активно используется, однако не в том значении, которое принято в современной семантике). И далее А. Павлова переходит к общефилософскому вопросу о возможности использовать недоказанные гипотезы в качестве основы научных построений, а затем без всякого перехода сообщает: «...уже пресуппозиция существования единой вневременной и внеисторической национальной культуры представляется сомнительной» [23]. Слово «пресуппозиция» здесь весьма неуместно, и никакой «сомнительности» я здесь не вижу: кажется очевидным, что никакой «единой вневременной и внеисторической национальной культуры» существовать не может. К сожалению, не удается установить, сама А. Павлова придумала такую «пресуппозицию» или где-то ее обнаружила: ссылок она не дала.

Дальше она без всякого перехода сообщает, что ей кажется «несостоятельной» «идея жесткой и нерасторжимой связи между языком и культурой», и приводит следующую цитату, которую почему-то называет «плодом одного из лингвокультурологических исследований»: «Англичанин — практик, он всегда руководствуется разумом, а не чувствами. <...> Характер англичанина тесно переплетается с характером моря <...>. Истоки превосходства английской нации над другими, как представляется, следует искать не только в имперском величии царицы колоний (как это принято делать), <...> а в островном

положении Великобритании» [24]. Какое отношение эта цитата имеет к наличию или отсутствию связи между языком и культурой, она не поясняет; между тем в ней ничего не говорится ни о языке, ни о культуре. Почему она названа «плодом лингвокультурологического исследования» и в чем состояло само исследование, тоже остается неясным: в цитате речь идет о «характере англичанина», «островном положении Великобритании» и тому подобных вещах, которыми лингвокультурология не занимается. Добавим, что по поводу приведенной цитаты А. Павлова пишет: «Над подобными текстами смеются даже студенты-первокурсники» [24]. Независимо от качеств цитируемого текста, замечу: забавно, что суд «студентов-первокурсников» оказывается едва ли не главным критерием при оценке научного сочинения.

Дальше А. Павлова упоминает «список ключевых слов» из книги «Лингвокультурология» В. В. Воробьева и комментирует его: «Каких только необыкновенных качеств некоего усредненного русского человека мы не находим!» [24]. Выражение «ключевые слова» употреблено несколько загадочно, поскольку не сказано, для чего эти слова являются «ключевыми». Бывают слова, ключевые для понимания какого-то текста (причем понятно, что для разных текстов такие «ключевые слова» разные); бывают слова, ключевые для языковой картины мира или каких-то ее фрагментов (напр., русские пространственные предлоги для концептуализации пространства в русском языке), бывают слова, ключевые для культуры (напр., для русской культуры последних двух столетий «ключевым» можно считать слово *интеллигенция*). Кроме того, как бы ни понимать выражение «ключевые слова», совсем непонятно, какое отношение они имеют к качествам «усредненного русского человека». Казалось бы, сама А. Павлова чуть выше задавалась вопросом, «кем и как определяется “усредненность” “русского” человека», а теперь, не сформулировав никакого определения, оперирует этим понятием как ни в чем не бывало.

После этого она переходит к нашей книге [Зализняк и др. 2005а], хотя ни здесь, ни далее так и не упоминает ни одного из теоретических положений, на которых основываются наши исследования. Она утверждает, что в нашей книге «можно обнаружить» «подробный список “ключей” русской культуры», и называет их: «...тут и щепетильность, и любовь к справедливости, и жалостливость, и надежда на “авось”, и тоска с удалью и широкими / бескрайними просторами, и правда / истина, и свобода / воля, и душа» [24]. Однако она не объясняет, что она понимает под «ключами русской культуры», а на страницах, на которые она ссылается, никаких списков вообще нет. Правда, во введении к нашей книге содержится список ключевых идей русской культуры [Зализняк и др. 2005а: 11], и, вероятно, уместно привести этот список (сохраняя нумерацию), чтобы легко можно было убедиться, как он непохож на список,

приводимый А. Павловой (в оригинале при каждой из идей приводится ряд слов, в которых эта идея выражена):

1. Идея непредсказуемости мира.
2. Чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно.
3. Чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи; однако если это пространство необжитое, то это создает внутренний дискомфорт.
4. Внимание к нюансам человеческих отношений.
5. Идея справедливости.
6. Оппозиция «высокого» и «низкого».
7. Хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует.
8. Плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды.

Можно было бы предположить, что под «ключами» А. Павлова понимает не ключевые идеи, а ключевые слова. Однако список слов, проанализированных в нашей книге, приведен в ней в «Указателе лексем» (с. 511–524) и включает более 200 единиц; понятно, что коротенький список А. Павловой не может дать о нем сколько-нибудь адекватного представления (тем более что, скажем, слова *щепетильность* в «Указателе» вообще нет, поскольку в книге оно не анализируется).

Далее в статье А. Павловой приводится ряд цитат из нашей книги; вне контекста цитаты часто непонятны, и тем более непонятно, почему А. Павлова усматривает в этих цитатах «идею национальной исключительности». Никаких комментариев к этим цитатам в статье А. Павловой нет, за исключением последней цитаты из статьи И. Б. Левонтиной «Милый, дорогой, любимый...», посвященной ласковым обращением в русском языке. В своей статье И. Б. Левонтина рассматривает типологические параллели к русским ласковым обращениям (таким, как *любимый*, *дорогой*, *зайка* и т. д.) и отмечает, что особняком стоит обращение *родной*[19]. В связи с этим она пишет: «Родственная теплота служит образцом доброго отношения к людям вообще. Здесь русский язык... подсказывает человеку готовность обнять родственной любовью весь мир». В своем комментарии в сноске А. Павлова отвечает: «Если “русский человек” склонен к “доброму отношению к людям” и готов “обнять родственной любовью

[19] Она также упоминает обращения к незнакомым людям при помощи таких слов, как *отец*, *папаша*, *мать*, *мамаша*, *сынок*, *дочка*, *сестренка*, *браток*, *брат*, *братцы*, *тетка*, *дядя*, *дед*, *бабушка*, *бабуля*, *внучка* и т. д.

весь мир", ...то почему в этом языке нет эквивалентов для элементарных слов, обозначающих доброе отношение к людям и даже просто самих людей как объектов этого отношения: *hilfreich*, *hilfsbereit*, *Mitmensch*? Прилагательные приходится переводить словосочетаниями: кто-либо *всегда готов прийти на помощь*, *всегда выручит*. А слово *Mitmensch* и вовсе не переводится» [25]. Легко видеть, что реплика А. Павловой не имеет отношения к существу дела. Во-первых, странно приписывать, как это делает А. Павлова, «русскому человеку» особую склонность к «доброму отношению к людям» (понятно, что сделать такой вывод из приведенного высказывания И. Б. Левонтиной можно только при крайней недобросовестности или невнимательности); во-вторых, в приведенных немецких выражениях нет ни намека на родственные чувства[20].

В следующем абзаце А. Павлова делает еще более удивительные открытия, касающиеся нашей книги. Она пишет: «Около сорока раз в кавычках и без кавычек в книге встречаются мифологемы *национальный характер*, *национальная ментальность*, *русское видение мира*, *русское мироощущение* и даже *русская душа* — как синонимы словосочетания *русская языковая картина мира*» [25]. Здесь совсем трудно понять, зачем А. Павловой понадобилось прибегать к столь незатейливой выдумке: всякий может убедиться, что в нашей книге ни единого разу не употреблено ни одно из приведенных сочетаний в качестве синонимов термина *русская языковая картина мира*[21].

Вывод, который А. Павлова делает в этом абзаце, столь же странен: она почему-то называет ключевые идеи русской языковой картины мира, рассмотренные в нашей книге, «этностереотипами» и пишет, что эти «этностереотипы» в нашей книге «предстают... выразителями и репрезентантами общенациональной культуры, якобы единой, вневременной, внеисторической, вечной, неизменной и неизбывной» [25]. На самом деле в нашей книге мы не только

[20] Если же говорить просто о «добром отношении» безотносительно к родственным чувствам, то удивительно, что А. Павлова не упомянула чрезвычайно трудно поддающийся переводу немецкий глагол *gönnen* (примерное значение: 'охотно и без зависти видеть счастье и успех другого, исходя из того, что данный человек в этом нуждается или это заслужил'). Добавим, что в немецком языке есть и «противоположное» слово *Schadenfreude*, которое в большинстве контекстов без труда переводится на русский язык (как *злорадство*), но не имеет соответствия в английском языке (в котором при необходимости используется немецкое слово). Трудно даже представить себе, какие «лингвокультурологические» выводы могла бы из всего этого сделать А. Павлова.

[21] Более того, иногда мы специально подчеркиваем, что ходячие представления о «национальном характере» скрывают за собою особенности того или иного фрагмента языковой картины мира.

неоднократно подчеркиваем неоднородность и историческую изменчивость русской культуры (никакая «общенациональная» культура в ней вообще не рассматривается), но и приводим множество данных, свидетельствующих об этой неоднородности и исторической изменчивости. Мы анализируем культурные и связанные с ними языковые изменения, происходившие на протяжении XIX–XX вв.; но даже в отвлечении от представленного и проанализированного нами материала довольно одного здравого смысла, чтобы понять абсурдность представления о «вневременной, внеисторической, вечной и неизменной» русской культуре. В частности, трудно себе представить, чтобы коммунизм, захвативший нашу страну на 70 с лишним лет (сначала в ленинско-сталинском, а затем в чуть более мягком хрущевско-брежневском исполнении), никак не повлиял ни на культуру, ни на язык. О «вечности» русской культуры говорить еще более странно: всем понятно, что, скажем, в античные времена никакой русской культуры не существовало.

Кроме того, в связи с цитированным высказыванием возникает сомнение, понимает ли А. Павлова значение слова «этностереотипы». Под «этностереотипом» принято понимать «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» [Крысин 2005: 450]. Существуют лингвистические методы обнаружения этностереотипов. Ряд из них описан в цитированной статье Л. П. Крысина; кроме того, весьма эффективный метод был изложен в известной статье [Плунгян, Рахилина 1996]: если сочетание прилагательного, обозначающего национальную принадлежность, и существительного, обозначающего некое человеческое качество, является лингвистически отмеченным (т. е. регулярно встречается в речевой практике носителей языка), то данное качество соответствует этностереотипу. При помощи этого теста удается установить составляющие этностереотипа немца (*организованность*, *размеренность*, *серьезность*, *основательность*, *аккуратность*, *тщательность*, *дотошность*, *добротность*, *честность*, *бережливость*, *экономность*, *хозяйственность*, *деловитость*, *практичность*, а также *педантичность*, *рассудочность*, *расчетливость*, *ограниченность*) и француза (*тонкость*, *утонченность*, *граациозность*, *изящество*, *изысканность*, *любезность*, *галантность*, а также *жеманность*, *кокетливость*, *легковесность*, *ветреность*). Более бедны стереотипные представления об американцах (*деловитость*) и англичанах (*чопорность*). Особо интересен набор существительных, которые выявляет этот тест для автостереотипа русских (стереотипного представления о самих себе): *удаль*, *широта*, *прямота*; *сметка*, *смекалка*; *гостеприимство* (*хлебосольство*), (*за*)*душевность*, *щедрость*; *беспечность*, *бесхозяйственность*, *расхлябанность*, *лень*, *барство*; *хамство*, *свинство*, *дикость*, *варварство*. Авторы отмечают, что большинство этих качеств «эндемично»,

выражающие их слова «крайне трудно поддаются переводу на иностранные языки» [Плунгян, Рахилина 1996: 344–345].

Поскольку этностереотипы являются частью бытовой культуры носителей стереотипных представлений, возможность использовать для их исследования лингвистические методы представляет собою еще одно свидетельство связи языка и культуры[22]. Особенно интересны с этой точки зрения слова, входящие в автостереотип русских. В отличие от многих европейских языков, интенсивное формирование русского литературного языка хронологически совпало с формированием национального самосознания: язык в этот период был пластичен и готов к закреплению новых смыслов, а обсуждение черт русского «национального характера» сопровождалось рефлексией по поводу слов, обозначающих эти черты [Левонтина 2012: 320–321]. В силу этого многие из таких слов обогатились нетривиальными дополнительными ассоциациями и представляют особый интерес для семантического анализа. Сказанное касается не только существительных, обнаруживаемых при помощи теста Плунгяна — Рахилиной, но и ряда других слов, часто выступающих в текстах как условный маркер «русскости» и потому охотно сочетающихся с эпитетом *русский* (*размах*, *авось*, *душа* и т. д.). Поэтому в нашей книге [Зализняк и др. 2005а] мы уделяем определенное внимание словам, соотносимым с автостереотипом русских, хотя эти слова составляют лишь незначительную часть всех проанализированных слов. Что касается до прочих этностереотипов, слова, соотнесенные с ними, вообще не рассматриваются, хотя некоторые из них лингвоспецифичны и представляют лингвистический интерес (напр., слово *деловитость*, соотнесенное сразу с двумя этностереотипами: немцев и американцев). Тем самым утверждение А. Павловой, будто слова, анализируемые в нашей книге, сосредоточены «вокруг этностереотипов», оказывается вводящим в заблуждение[23].

Дальнейшие рассуждения А. Павловой становятся еще более путаными. Она пишет: «В книгах “Ключевые идеи русской языковой картины мира” и “Языковая картина мира и системная лексикография” научное направление,

---

[22] Разумеется, характеристиками, выявляемыми на основе обсуждаемого теста, этностереотипы не исчерпываются. Так, набор стереотипных характеристик, на которых базируется поведение персонажей мультиэтнических анекдотов (распространенных в самых разных культурах), оказывается несколько иным.

[23] Следует добавить, что детальное описание методики выявления этностереотипов на основе языковых данных можно найти в книге [Березович 2007: 112–137]; там же в качестве иллюстрации приводится фрагмент сопоставительного анализа портрета «цыгана» в русском и английском языках.

нацеленное на изучение ЯКМ, не именуется лингвокультурологией» [25]. Насколько я помню, в книге «Языковая картина мира и системная лексикография» (в которой реализованы теоретические установки Московской семантической школы, т. е. представлен несколько иной подход, нежели в нашей книге) слово *лингвокультурология* действительно не употребляется. Что же касается до нашей книги, то в ней еще в предисловии говорится о лингвокультурологии, хотя, разумеется, не по отношению к «научному направлению, нацеленному на изучение ЯКМ» (языковая картина мира изучается в рамках лингвистической семантики, а лингвокультурология исследует функционирование языка в контексте той или иной культуры). Мы пишем: «...восстановление русской языковой картины мира вошло в широкий круг современных исследований в области лингвокультурологии и межкультурной коммуникации» [Зализняк и др. 2005а: 12–13]. Это соответствует нашим представлениям о соотношении указанных дисциплин: тщательный семантический анализ, направленный в том числе на реконструкцию языковой картины мира, является предпосылкой понимания соотношения языка и культуры и выявления целого ряда проблем, возникающих при межкультурной коммуникации, и наоборот — путь к решению многих уже выявленных проблем межкультурной коммуникации лежит через семантический анализ языковых единиц.

Завершается рассматриваемый абзац статьи А. Павловой следующим странным высказыванием: «“Лингвокультуремы”, “концепты”, “культурные концепты” — это те же “ключевые слова языковой картины мира” или “ключевые идеи культуры”» [25]. Что А. Павлова понимает под «лингвокультуремами», она не поясняет; между тем этот термин разными авторами употребляется в разных значениях, причем его необходимость представляется довольно сомнительной (мы его вообще не употребляем). Как бы то ни было, не может быть, чтобы «лингвокультурема» одновременно являлась концептом, словом и идеей, поскольку все это разноплановые сущности. Скажем, *самомнение* — это русское слово, ‘мнение о себе самом’ — концепт, ‘необоснованно высокое мнение о себе самом’ — «культурный» (т. е. культурно значимый) концепт; наконец, ‘плохо иметь необоснованно высокое мнение о себе самом’ — одна из идей русской языковой картины мира (присутствующая и во многих других языковых картинах мира). Что из этого является «лингвокультуремой», из текста А. Павловой ни в коей мере не ясно.

Далее А. Павлова высказывает предположение, что исследования языковой картины мира[24] позволили, как она выражается, «наводнить российский

[24] При этом, судя по всему, она не решила, лежит ли главная ответственность на наших исследованиях или на исследованиях, выполненных в рамках Московской семантической

лингвистический мир» [26] произведениями, посвященными «национальному менталитету» и его отражению в языке. Она приводит ряд цитат из авторефератов таких диссертаций, но, к сожалению, не показательных: из них остается неясным, в чем состоял лингвистический анализ, приведший к соответствующим выводам. Не удовлетворяясь отсылками к лингвистическим диссертациям, она ссылается и на диссертацию по педагогике [Чоудхури 2011], в которой описываются трудности, возникающие у финских студентов при изучении русской лексики, тематически связанной с понятием ‘зима’, и даются рекомендации по их преодолению. Ссылка дана в таком контексте, из которого следует, что А. Павловой эти трудности представляются несуществующими. Между тем, не оценивая рекомендации, данные в работе О. Л. Чоудхури, замечу, что такие трудности вовсе не являются мнимыми — достаточно упомянуть лексику, тематически связанную с зимними праздниками. Носители русского языка обычно с детства знают, кто такая *Снегурочка* (заглавный персонаж пьесы Александра Островского, который в современной мифологии сопровождает рождественского деда, сейчас чаще называемого *Дедом Морозом*), что такое *елка* как коллективное мероприятие, во многих семьях отмечают *старый Новый год* (т. е. Новый год по старому стилю). Финским студентам эти выражения без комментария могут быть непонятны[25]. В равной степени для них может оказаться открытием, что на русский язык трудно перевести слово *olkipukki* (соломенный козлик, финское традиционное рождественское украшение на елку[26]), поскольку в России такое украшение на елку обычно не вешается. Требует фоновых комментариев ряд выражений, связанных с событиями истории России (отчасти мифологизированными), происходившими зимой: *Ледовое побоище, замерз как француз под Москвой, Февральская революция.* В общем, остается загадкой, что может показаться сомнительным в наблюдении, что финские студенты «не владеют в достаточной мере семантическим объемом культуромаркированных лексических единиц, репрезентирующих концепт “зима”» [Там же: 20].

Завершает раздел характеристика исследований, посвященных культурной составляющей языковых выражений, как «углубляющих недоверие,

школы, и построение абзаца отражает ее колебания. В первом предложении она ссылается на нашу книгу и «другие работы тех же авторов», а во втором — уже на Московскую семантическую школу.

[25] А, скажем, для австралийских студентов, привыкших к тому, что Рождество — летний праздник, необходимо усилие, чтобы воспринять зимний антураж Рождества.

[26] Напомним, что рождественский *дед* по-фински называется *Joulupukki* (т. е. буквально ‘рождественский козел’).

настороженность, взаимонепонимание, взаимную изоляцию». Эта характеристика никак не вытекает из того, что было ранее сказано. Каким образом осознание носителями языка того факта, что их языковая концептуализация мира не является единственно возможной, а их культура — единственно «правильной», может углубить «недоверие, настороженность, взаимонепонимание, взаимную изоляцию» [28], А. Павлова не поясняет.

Вопросы перевода в статье А. Павловой

Следующий раздел статьи А. Павловой называется «Имеет ли смысл полемизировать с лингвокультурологией?». Начинается он, впрочем, с сообщения, что «лингвокультурология» представляет собою «эвфемистическое обозначение лингвонационализма» и что «лингвонационализм является основным направлением российской лексикологии и семантики» [28] [27]. Поскольку слово «лингвонационализм» не является общеупотребительным и даже общеизвестным, сразу возникает вопрос, что под ним понимает А. Павлова. Оно могло бы обозначать хвастливые утверждения вроде следующих: «наш народ более всех прочих способен к овладению иностранными языками»; «наш язык самый лучший (самый древний, самый красивый, самый развитой)». Можно было бы отнести его к весьма распространенному явлению языковой политики, состоящему в борьбе за повышение статуса родного языка: стремлению сделать его языком обучения или государственным языком, а если он является таковым, лишить такого статуса «конкурирующие» языки. Однако все это трудно как-либо связать с лингвокультурологией, российской лексикологией или семантикой. Дальше А. Павлова называет работы, которые, как она пишет, освещают природу и сущность лингвонационализма «на обобщающе-историческом уровне», и мы понимаем, что «лингвонационализм» — это просто перевод немецкого выражения «Sprachnationalismus», которое обычно используется по отношению к другому историческому периоду и никак не связано с ситуацией в современной России и тем более с течениями в современной российской лингвистике. После этого она называет публикации, в которых, по ее словам, сущность лингвонационализма вскрывается «на уровне лингвистического анализа», и этот список снова меняет перспективу. Достаточно сказать, что

[27] Эти высказывания плохо согласуются друг с другом, поскольку лингвокультурология — это самостоятельная научная дисциплина (или даже совокупность дисциплин), и потому она не может быть «направлением» лексикологии и семантики.

среди этих работ она упоминает статьи [Sériot 2005] и [Weiss 2006], в которых критически рассматриваются работы Анны Вежбицкой — замечательного австралийского лингвиста польского происхождения. Каким образом к работам А. Вежбицкой можно приклеить ярлык «лингвонационализма» (в каком бы то ни было понимании этого слова), остается совершенно непонятным; думаю, нет необходимости говорить, что в упомянутых публикациях П. Серио и Д. Вайса ни о каком «лингвонационализме» речь не идет.

Сама А. Павлова пытается встать на путь критики лингвокультурологии «изнутри», и для этого она предлагает «принять — чисто гипотетически — за истинные утверждения о том, что 1) существует единая национальная культура; 2) существует единый национальный язык; 3) национальная культура так тесно связана с национальным языком, что на основании языкового анализа можно судить о своеобразии национальной культуры; 4) важные черты национальной культуры зафиксированы и отражены в лингвоспецифических чертах национального языка; 5) описание лингвоспецифических черт национального языка является одновременно описанием важных черт национальной культуры» [28]. В этой цитате сразу обращает на себя внимание назойливое повторение прилагательного «национальный» — девять раз (!) при формулировке всего лишь пяти пунктов. Если попытаться оценить содержательную сторону этих постулатов, то легко видеть, что они являются совершенно посторонними по отношению к методологии подавляющего большинства серьезных исследований, направленных на изучение языка в качестве источника информации о культуре, которую этот язык обслуживает. В таких работах речь, как правило, идет о различных культурных общностях, которые могут выделяться на основе самых разных признаков (соответственно выбирается разновидность языка), напр. могут исследоваться особенности той или иной конфессиональной культуры (С. Е. Никитина) или традиционной народной культуры (Е. Л. Березович). Большинство работ А. Вежбицкой об английском языке и обслуживаемой им англосаксонской культуре не замыкается на отдельных национальных разновидностях английского языка; исследования в области славянской народной традиции (С. М. Толстая) опираются на материал множества славянских языков и не ограничиваются какой-либо одной национальной традицией. Работы, посвященные современному русскому литературному языку, в частности наша книга [Зализняк и др. 2005а][28], ориентированы на культуру образованного городского населения России

[28] Мы почти не касаемся регионального варьирования литературного языка (напр., различия московских и петербургских норм), хотя отмечаем наличие стереотипных представлений о Москве и Петербурге, отражаемых в языке (напр., странность сочетания

(и, в меньшей степени, сельской интеллигенции). Кроме того, выражения «национальный язык» и «национальная культура» едва ли применимы, скажем, к древнегреческому или латинскому языку и античной культуре или же к языкам и культурам аборигенов Океании. Тем самым они неоправданно сужают область рассмотрения. Впрочем, надобно признать, что в дальнейшем изложении А. Павлова практически не опирается на указанные постулаты; поэтому мы можем оценивать ее рассуждения независимо от этих постулатов, лишь на основе здравого смысла.

Далее А. Павлова сообщает, что она не принимает «положение о том, что ключевые слова культуры извлекаются из наших сведений о ней до всякого языкового анализа» [29]. Хотя остается неясным, где она обнаружила такое нелепое «положение», сформулированный принцип вполне разумен: в самом деле, как можно, не прибегая к лингвистическому анализу, узнать, дает ли то или иное слово или совокупность слов ключ к каким-то важным особенностям культуры? Однако почти сразу же она, в противоречии с только что сделанным утверждением, начинает обсуждать критерии, по которым можно было бы выделить «ключевые слова культуры» до их семантического анализа[29].

К числу таких критериев А. Павлова относит непереводимость, частотность, «разветвленность... семантического объема значения лексемы», длину синонимического ряда и «соотношение между объемом полисемии у слов, которые считаются переводными эквивалентами» [29–30] (при этом она отмечает, что список критериев можно было бы продолжить). Сразу бросается в глаза примитивность представлений А. Павловой о семантической структуре языковой единицы. Говоря о разветвленности, или глубине, семантического объема значения лексемы, она поясняет в скобках, что речь идет о «количестве сем». Ясно, что дело не в «количестве», а в наличии в семантической структуре слова имплицитных компонентов (пресуппозиций, коннотаций, фоновых компонентов значения). Именно эти компоненты представляют трудность при переводе: ассертивные компоненты при необходимости можно передать описательно, а попытка описательно передать набор ассоциаций, связанных

?*петербургское хлебосольство*). В то же время мы уделяем определенное внимание изменениям в языке, связанным с культурными изменениями, т. е. диахроническому аспекту проблемы.

[29] Сама по себе идея выделения какого-то закрытого списка «ключевых слов культуры» также не кажется оправданной. Слово может быть «ключевым» для какого-то фрагмента культуры, но не для культуры в целом. Так, уже упоминавшиеся слова *первое* и *второе* можно считать «ключевыми» для понимания структуры обеда в русской бытовой культуре, но едва ли кто-то сочтет их «ключевыми» для русской культуры в целом.

с переводимой языковой единицей, приведет к тому, что они приобретут ассертивный статус (т. е. исходная семантика будет искажена). Иными словами, трудности перевода являются следствием «семантической глубины» и могут о ней свидетельствовать; однако сама по себе «непереводимость» не должна считаться надежным критерием для отнесения языковой единицы к числу «ключевых слов культуры», поскольку «непереводимость», как это признавала сама А. Павлова в начале своей статьи, может быть связана с самыми разными факторами. В качестве мелкого замечания можно указать, что вернее было бы говорить не о «длине синонимического ряда», а о количестве слов, выражающих некоторую идею. Собственно, А. Павлова из этого и исходит, когда пишет: «...чем популярнее какая-либо ключевая идея для носителей данного языка, тем больше существует синонимов для ее выражения — и наоборот: чем больше бытует в языке синонимов для выражения какой-либо идеи, тем более "культурно нагруженной" является данная идея» [29–30]. Следует только учитывать, что слова, выражающие одну и ту же идею, вовсе не обязаны быть синонимами: так, идея 'чтобы чувствовать себя свободно и хорошо, человеку нужно много места' выражена в словах *воля*, *простор*, *гулять*, *приволье*, *раздолье*, *притеснять*, *томиться* (и некоторых других). Дело в том, что синонимия возникает при совпадении ассертивных компонентов значения слова, а идеи, составляющие языковую картину мира, содержатся в имплицитных компонентах.

Впрочем, далее А. Павлова рассматривает только признак «непереводимости» и излагает свою классификацию «переводческих лакун». Собственно, возникает впечатление, что все рассуждения автора о необходимости поиска критериев выделения «ключевых слов культуры» были предназначены для того, чтобы послужить введением к этой классификации. Действительно, она представляет собою самую интересную часть рассматриваемой статьи; хотя ее нельзя назвать непротиворечивой, поскольку классы оказываются пересекающимися, а признаки, положенные в основу классификации, слишком разнородны, она полезна как некоторая систематизация переводческих трудностей и дополнительное свидетельство того, сколь разнообразны причины, которые могут приводить к ощущению «непереводимости».

Все же полезно сделать ряд замечаний по поводу этой классификации.

Во-первых, представляется, что лучше было бы говорить не о «непереводимости» и «переводческих лакунах», а о трудностях при переводе. Если иметь в виду реальную переводческую практику, то любой текст оказывается «переводимым» с той степенью точности и адекватности, которая диктуется целями перевода. Кроме того, трудности при переводе возникают не только из-за «лакун» в языке перевода, но и в тех случаях, когда язык перевода дает несколько возможностей и переводчик становится перед проблемой выбора.

Немецкое слово *Wahrheit* переводится на русский как *правда* и *истина*; английскому слову *sad* соответствуют два русских перевода: *грустный* и *печальный*. Выбор перевода в таких случаях трудно описать алгоритмически. Едва ли разумно говорить, что на месте английского слова *kingdom* в русском языке имеется лакуна; однако выбор между переводами *царство* и *королевство* не всегда оказывается тривиальной задачей. Понятно, что сочетание *Kingdom of God* следует перевести как *Царство Божие*, а *United Kingdom* — как *Соединенное Королевство*, но если речь идет, напр., о сказочной стране, то выбор между *царством* и *королевством* может составить некоторую проблему. (Более того, некоторые такие случаи А. Павлова в дальнейшем упоминает, как-то обходя вопрос о «лакунарности».)

Во-вторых, значительная часть релевантного материала не попадает в поле зрения автора, поскольку А. Павлова, начиная изложение своей классификации, пишет: «Грамматику оставляем в стороне» [30]. Между тем мы уже видели, что, скажем, различия в грамматическом роде существительных, являющихся словарными эквивалентами друг друга, могут создавать трудности при переводе отрывка, в котором имеет место олицетворение. Вообще игнорировать грамматику при обсуждении семантических проблем в высшей степени странно, поскольку грамматические особенности поведения лексической единицы часто непосредственно зависят от особенностей концептуализации действительности этой единицей (и тем самым могут свидетельствовать об этих особенностях). Скажем, по-русски названия ягод употребляются при обозначении совокупности этих ягод при их употреблении в пищу в единственном числе, а названия фруктов — во множественном: *варенье из земляники*, *малины*, *крыжовника*, но *из яблок*, *груш*, *абрикосов*. Вишни могут концептуализоваться двояко: как ягоды и как фрукты; соответственно говорят и *варенье из вишни*, и *варенье из вишен*. Слова *грусть* и *печаль*, которые конкурируют в качестве переводов английского слова *sadness*, различаются по смыслу, и это различие проявляется, в частности, в том, что *грусть* не употребляется во множественном числе, а *печаль* употребляется.

В-третьих, поскольку А. Павлова отказывается от детального семантического анализа, ряд примеров получает неверную квалификацию. Так, она пишет: «...словосочетание *j-d bekam rote Wangen* переводится по-разному в зависимости от причины покраснения щек: кто-либо *покраснел от стыда* или *раскраснелся на морозе*», — и утверждает: «Необходимость выбора разных глаголов продиктована не семантикой (она одинакова), а стилистической нормой» [35]. Но как раз стилистически глаголы *покраснеть* и *раскраснеться* не различаются: оба являются стилистически нейтральными. Можно было бы полагать, что А. Павлова просто таким образом неправильно обозначает сочетаемость, тем более что

в начале абзаца она так и пишет: «Стилистическая норма ПЯ (сочетаемость)...». Но на самом деле причина покраснения щек вовсе не обязательно эксплицитно указывается в контексте, так что дело здесь не в сочетаемости, а именно в семантике: в значение русских глаголов *раскраснеться* и *покраснеть* «встроено» представление о вероятной причине покраснения. Рассуждение А. Павловой о немецких прилагательных *warm* и *heiß* свидетельствует о ее незнакомстве с работами, в которых температурные прилагательные в разных языках описываются с точки зрения лексической типологии (одной из первых публикаций на эту тему была статья [Копчевская-Тамм, Рахилина 1999], в которой были описаны русские прилагательные *теплый* и *горячий* и шведские *warm* и *het*). А. Павлова пишет: «...прилагательные *warm* / *heiß* распределяются при переводе по-разному в зависимости от сочетания и контекста: если в доме нет *warmes Wasser*, то по-русски скажут, что в доме нет *горячей воды* (а не *теплой*), а если мы умываемся под краном, то из крана течет *теплая вода* (а не *горячая*). Если же вода из-под крана для умывания слишком горячая, то и по-немецки она будет обозначена как *heiß*, а не *warm*. Так что распределение *горячий* / *теплый* ориентировано не на температуру воды и ее восприятие в той или иной культуре и не на привычки того или иного народа, а исключительно на стилистическую норму» [35]. Комментарий А. Павловой невнятен, но при любом понимании лингвистически неграмотен: стилистически все четыре прилагательных (два немецких и два русских) не различаются, сочетаемость в рассмотренных примерах тоже одинакова (со словами *Wasser* и *вода* соответственно). Ясно, что дело здесь именно в семантике, которая разная для всех четырех слов. Интересно в связи с этим рассуждением А. Павловой вспомнить известную цитату из Апокалипсиса, которая в синодальном переводе читается: «ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих», — а в немецком переводе Мартина Лютера: «du weder kalt noch warm bist. Ach, daß du kalt oder warm wärest! Weil du aber lau bist und weder kalt noch warm, werde ich dich ausspeien aus meinem Munde». Мы видим, что *горячему* соответствует *warm*, а *теплому* — *lau*. Отдельную проблему составляет описание метафор (таких, как *горячо любимый*), большая часть которых семантически мотивирована.

Представляется, что А. Павлова не вполне уверена, обсуждает ли она трудности практического перевода или наличие / отсутствие однословного эквивалента в языке перевода. Из ее общих рассуждений как будто следует, что в центре внимания именно практический перевод; однако некоторые приводимые ею примеры «переводческих лакун» никакой реальной трудности для перевода не представляют. Так, она приводит примеры слов, «эквиваленты которых отсутствуют по необъяснимым причинам: *zelten* — *ходить в поход с палаткой*,

отдыхать с палаткой[30]; *paddeln — кататься на байдарках*; *radeln — кататься / ехать на велосипеде*; *rodeln — кататься на санках*; *telefonieren — разговаривать по телефону*; *ausladen — отменять приглашение*» [34–35]. Но ведь перевод этих глаголов обычно не составляет проблемы: можно использовать словосочетания, которые А. Павлова как раз и привела! (Правда, для глагола *telefonieren* во многих случаях лучше использовать не перевод *говорить по телефону*, а перевод *звонить по телефону* или просто *звонить*.)

Напрасно А. Павлова не проверяет достоверность своих высказываний. Так, она пишет: «Немецкое шутливое обращение *Mädels* в постсоветский период стало невозможно перевести как *девчата*, поскольку слово *девчата* ассоциативно столь тесно оказалось связано с советской пропагандой, что сейчас из русского языка практически исчезло» [34]. Верно здесь только то, что слово *девчата* имеет определенную стилистическую окраску и многими воспринимается как советизм. Как раз это и препятствовало его употреблению в советское время (я, напр., не представляю себе, чтобы я мог его употребить вне цитации). Но люди, у которых нет стойкого отталкивания от советизмов, вполне могут использовать его, и мы находим в современных текстах (как художественных, так и публицистических) огромное количество примеров. Когда А. Павлова говорит, что такие выражения, как *калека*, *убогий*, *старая дева*, *синий чулок*, *засидеться в девках*, *девица на выданье*, вытеснены из языка политкорректностью, имело бы смысл проверить и это утверждение, обратившись к данным современной речевой практики, и убедиться, что все эти выражения нередко употребляются в современных текстах. Опровергается речевой практикой и следующее утверждение А. Павловой относительно слова *прилежный*: «Это довольно редкое слово в русском дискурсе, по крайней мере в относительно современном его состоянии» [35]. Примеров употребления этого слова в современных текстах тоже очень много.

Создается впечатление, что А. Павлова больше полагается на искусство и интуицию переводчика, нежели на научный анализ. Вот она рассуждает о словах «с емкой семантикой»[31], приводит в качестве примера русское слово *пошлый*

---

[30] Здесь вновь появляется загадочное выражение *отдыхать с палаткой* и становится ясно, что А. Павлова просто использует его как русское соответствие глаголу *zelten*. Поначалу это кажется странным: неужели *zelten* непременно предполагает, что субъект устал и нуждается в отдыхе. Но спустя несколько мгновений становится понятно, что А. Павлова просто использовала русский глагол *отдыхать* в просторечном значении (описанном, в частности, в статье [Зализняк 2009]).

[31] Она также называет их словами, «для которых характерна большая глубина семантического описания (набор сем)», сообщает, что эти слова «семантически многогранны и несколько

и ряд немецких предложений, в которых встречаются немецкие аналоги этого слова. Ее вывод: «В этих отрывках слова *kitschig, ordinär, anzüglich, schlüpfrig, vulgär* иначе как *пошлый* не перевести» [40]. Предположим, что так (хотя в предложении *Dieses Gefühl schien mir niedrig und vulgär* последнее слово можно было бы перевести и словом *вульгарный*). Но дальше она сообщает: «То же касается и перевода с русского на немецкий: подобрать эквивалент в рамках текста переводчику несложно» [40]. Никаких алгоритмов, позволяющих выбрать подходящий перевод в каждом конкретном случае, она не дает. Лейтмотив ее рассуждений: «...переводчикам приходится призывать на помощь творческую изобретательность» [38]. То же самое она говорит и в заключение своего обзора «переводческих лакун»: «Обычно факторы, заставляющие переводчика проявлять изобретательность из-за отсутствия простых соответствий, накладываются друг на друга, так что переводческие решения приходится принимать в условиях множественных, сочетающихся друг с другом трудностей» [42]. Мысль о необходимости проявления творческой изобретательности, которая позволит найти переводческое решение в трудных случаях, утешительна, хотя и не нуждается в особом подтверждении; однако ее научная ценность равна нулю. Польза научного исследования для перевода может состоять как раз в том, чтобы дать необходимые инструкции переводчику, не обладающему «изобретательностью»; пределом могут считаться алгоритмы, пригодные для машинного перевода[32].

Общая нечеткость логических построений А. Павловой приводит к тому, что даже верные наблюдения она часто завершает декларативными и ни на чем не основанными пассажами. Так, она отмечает отсутствие в русском языке однословного эквивалента немецкого глагола *sich aussperren* ‘остаться без ключа перед захлопнувшейся дверью’, обсуждает возможные причины этого, но далее почему-то заявляет: «...рассуждения о том, что для немецкой культуры это понятие “важнее”, представляются ничем не оправданными» [41]. Мысль сама по себе бесспорная; однако ссылок, из которых можно было бы понять, где она обнаружила указанные «рассуждения», А. Павлова не приводит. А в отсутствие таких ссылок сама ее декларация представляется ничем не оправданной.

аморфны» [39]. Мы снова видим, что А. Павлова представляет себе значение слова как «набор сем». Понятно, что при таком подходе нет шансов на основе языкового анализа понять что-то в культуре: в самом деле, как узнать, что именно из этого «набора сем» культурно значимо? Однако следует иметь в виду, что современная семантика давно отказалась от такого примитивного взгляда на языковое значение.

[32] Речь идет даже не столько о реальном машинном переводе, сколько о том, что необходимо эксплицитно формулировать все обнаруженные закономерности, так что применение правил, построенных на основе этих закономерностей, могло быть почти автоматическим.

Следующий раздел статьи А. Павловой озаглавлен «Выводы из сравнения непереводимых лексем». В целом ее рассуждения строятся по следующей схеме: если лингвистический анализ сообщает нам о культуре то, что мы можем почерпнуть и из других источников, то он не нужен, а если у нас нет подтверждения из других, независимых источников, то выводы объявляются недостоверными. Схема в некотором смысле беспроигрышная и напоминающая известное рассуждение халифа Омара об Александрийской библиотеке; однако даже ее реализация в статье А. Павловой сопряжена с отказом от семантического анализа, фактическими неточностями и логическими неувязками.

Она пишет: «...реалии, несомненно, часть культуры. Но это было известно заранее, поскольку тривиально. Знание, что самовар или сталинизм являются реалиями, предшествует языковому анализу» [42]. Понятно, что концепты 'самовар' и 'сталинизм' имеют различный культурный статус; отнести сталинизм к «реалиям» можно лишь при очень широком понимании понятия «реалия». Но более интересным является вопрос, дает ли семантический анализ слов *самовар* и *сталинизм* что-то для понимания соответствующих явлений и их роли для культуры. Ответ на этот вопрос, несомненно, положительный. Для таких объектов материальной культуры, как самовар, знание значения слова по существу и есть знание устройства этого объекта и его места в культуре. Большинство современных носителей языка впервые узнают слово *самовар* в детстве, еще не будучи знакомыми с самим объектом; источником сведений служат детские стихотворения Корнея Чуковского и особенно Даниила Хармса. Из этих стихотворений становится ясным назначение самовара — приготовление кипятка для заваривания чая и последующего чаепития; кроме того, из них понятны некоторые детали устройства самовара (напр., наличие крана, через который льется вода), а также его относительно большие размеры. Поскольку детские книги обычно снабжаются иллюстрациями, дети получают также некоторую информацию о внешнем виде самовара. По существу это и есть овладение значением слова, пусть и предварительное. В дальнейшем чаще всего происходит знакомство с самим объектом и его устройством, и тем самым носитель языка овладевает значением слова, хотя и не всегда способен эксплицировать его. Сходным образом лингвист, анализируя употребление слова *самовар* в реальных текстах (но уже сознательно и пользуясь релевантной методологией), может извлечь из них всю необходимую семантическую информацию и описать значение слова в эксплицитной форме. Именно из текстов извлекаются многие сведения о реалиях исчезнувших культур. Что касается до слова *сталинизм*, то даже поверхностный лингвистический анализ покажет ограниченность сферы его употребления. В целом слово *сталинизм* было более всего характерно для самиздатских авторов 1960-х гг., которые не хотели

выражать неприятие коммунистического учения как такового. Оно не могло быть использовано в советской подцензурной печати (в ней мог использоваться эвфемизм «культ личности»). С другой стороны, оно почти не использовалось и в антикоммунистическом дискурсе. Характерно рассуждение Александра Солженицына, который писал в 1969 г.: «Справедливо усумниться: а есть ли такой отдельный “сталинизм”? Существовал ли он когда? Сам Сталин никогда не утверждал ни своего отдельного учения (по низкому умственному уровню он и не мог бы построить такого), ни своей отдельной политической системы. <...> “Сталинизм” — это очень удобное понятие для тех наших “очищенных” марксистских кругов, которые силятся отличаться от официальной линии, на самом деле отличаясь от нее ничтожно. <...> Но пристальное изучение нашей новейшей истории показывает, что *никакого сталинизма* (ни — учения, ни — направления жизни, ни — государственной системы) не было, как справедливо утверждают официальные круги нашей страны, да и руководители Китая. Сталин был хотя и бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель *духа* ленинского учения». Впрочем, надо учесть, что слово *сталинизм* использовалось людьми, ни в коей мере не разделявшими коммунистической идеологии (особенно в эмиграции)[33], однако значение его было несколько размыто и различно у разных авторов. Сейчас некоторые обертоны в семантике этого слова, влиявшие на его употребление, начинают забываться, но лингвистический анализ позволяет их выявить и тем самым воссоздать культурный ореол этого слова в разные эпохи и в разных типах дискурса.

В этом разделе еще чаще, чем раньше, мы сталкиваемся с тем, что из верно отмеченных фактов А. Павлова делает никак не следующие из них выводы или даже противоположные тем, которые диктовались бы здравым смыслом. Кроме того, она по-прежнему упорно уклоняется от семантического анализа.

Так, она отмечает, что «в русском языке отсутствует эквивалент устойчивого выражения *faule Kompromisse*», и задает вопрос: «Можно ли на основании этой лакуны делать вывод, что для русских любые компромиссы хороши?» [43]. Казалось бы, наоборот: эту «лакуну» можно объяснить тем, что для советской идеологии любой компромисс был под подозрением (а *бескомпромиссность*, напротив того, ценилась), так что не было необходимости отделять от группы хороших, подлинных компромиссов скверные, «гнилые» компромиссы[34].

---

[33] Использовали его и коммунистические авторы в эмиграции, напр. Л. Д. Троцкий, подчеркивавший этим, что Сталин «изменил ленинизму», напр.: «Куйбышев, Ярославский, Бубнов и многие другие нынешние столпы сталинизма».

[34] Здесь, впрочем, следовало бы отметить, что сочетание *гнилой компромисс* иногда использовалось русскими (в том числе советскими) авторами (возможно, как калька с немецкого

Напомнив, что «у немцев есть глагол *zelten*, а у русских нет его эквивалента», А. Павлова спрашивает: «Означает ли это, что русские не ходят в палаточные походы? Или что для русских этот вид отдыха менее значим?» [44]. Непонятно, что может подвигнуть к такому выводу. Поскольку в русском языке эквивалента нет, анализировать в нем вообще нечего; а в семантике немецкого слова как будто ничто не указывает на степень значимости этого «вида отдыха» для русских. Отметив, что в русском языке «нет глагола, который бы обозначал действие *разговаривать по телефону*», она задает вопрос: «...означает ли это, что они реже разговаривают по телефону, чем немцы, или что их телефонные разговоры короче, или что для них телефонные контакты менее важны?» [44]. И опять остается неясным, какого рода семантический анализ мог бы склонить к таким выводам. Подавляющее большинство попыток А. Павловой формулировать «выводы» о культуре также повисают в воздухе, поскольку не базируются на каком-либо лингвистическом анализе. Иными словами, речь идет не о попытке судить о культуре на основании языковых данных, а о попытках судить о культуре, вовсе не прибегая к анализу языковых данных, и следует признать, что в исполнении А. Павловой эти попытки оказываются бесплодными.

Возможно, А. Павлова полагает, что судить о культуре на основе языковых данных можно на основе постулата, согласно которому если в некотором языке есть слово, не имеющее эквивалента в другом языке, то соответствующее явление более характерно для культуры, обслуживаемой первым языком. Разумеется, это ложный постулат: наличие в языке слова, вообще говоря, свидетельствует о том, что соответствующее явление известно в данной культуре (понятно, что в русском языке XIX в. не было слова *компьютер*), но ничего не сообщает о его распространенности[35]. Другое дело, если семантический анализ обнаружит неассертивный компонент, указывающий на распространенность явления и его освоенность культурой. Так, если мы дадим слову *страх* приблизительное толкование ‘то, что обычно чувствует человек, который думает, что может произойти нечто плохое для него и он не может это предотвратить’, то, как уже говорилось, мы можем заключить, что понятие страха

выражения) и дважды приводится в качестве иллюстрации в [Толковом словаре русского языка 1935]. Добавлю, что история представлений о компромиссе в зеркале русского словоупотребления рассмотрена в статье [Шмелева 2012].

[35] Столь прямолинейное усмотрение связи языка и культуры напоминает истолкования, которые когда-то давались в рамках «лингвистического анализа художественного текста» (напр., интерпретацию безличных предложений в романах Федора Достоевского как выражение фатальности «некоей непостижимой силы» [Симина 1957: 146]).

освоено русской культурой (поскольку толкование включает слово *обычно*). Напротив того, чувство, которое в немецком языке обозначается словом *Angst* (нечто среднее между страхом и тревогой [Wierzbicka 1998], приблизительное толкование может включать компонент ‘то, что обычно чувствует человек, который думает, что может произойти много плохих вещей, и не знает какие именно...’), русской культурой не освоено[36].

Могло бы показаться, что я представляю воззрения А. Павловой на возможные способы судить о культуре на основе языковых данных излишне примитивными и даже фантастическими. Но вот типичный пример ее рассуждения: «В немецком языке есть существительное *Abkürzung*, обозначающее более короткий путь. В русском эквивалентного существительного нет. Можно сказать только *сократить дорогу* (глагольная группа). Какой культурологический вывод напрашивается из этого наблюдения? Стоит ли утверждать, что русским не свойственно сокращать путь или что для русской культуры длина пути не слишком важна, раз представление о его сокращении не закрепилось в языке в виде существительного?» [46]. Кажется, что никакой «культурологический вывод» здесь не «напрашивается»; впрочем, и «наблюдение» весьма примитивное и не сопровождается семантическим анализом приведенных выражений. В семантике русского выражения *сократить дорогу* нет никакого указание на «неважность» длины пути для культуры, а попытки говорить о «важности» или «неважности» некоторого явления для культуры лишь на основе частеречной принадлежности связанных с ним выражений могут базироваться только на беспочвенных фантазиях.

Но даже рассуждения по данной схеме А. Павлова иногда проводит с нарушениями правил логики. Так, она пишет: «Известно также, что в современной России распространена практика переноса праздничных дней: например, если праздник выпадает на четверг, то пятницу тоже делают праздничным (нерабочим) днем за счет, например, субботы следующей недели. При этом пятница между официальным праздничным днем и выходными никак не именуется. В немецком же для такого дня есть специальное название — *Brückentag* (“день-мостик”). При этом перенос выходных на *Brückentag* не принят. Можно с достаточным основанием утверждать, что для россиян понятие “день между праздником и выходными” значительно актуальнее (важнее), однако на лексиконе это не отразилось» [45]. Но именно в силу практики переноса выходных дней, восходящей к советскому времени, для России понятие такого «мостика»

[36] Сказанное, разумеется, не означает, что русские не могут ощущать нечто вроде *Angst*; но, для того чтобы поведать об этом, по-русски приходится прибегать к сложным описаниям, тогда как смысл ‘страх’ передается одним общепонятным словом.

вовсе не актуально, в отличие от ряда западноевропейских стран. Во французском языке есть характерное выражение *faire le pont* 'не пойти на работу в день между двумя выходными' (*букв.* 'сделать мостик'), а в русском языке нет его аналога, поскольку день между двумя выходными обычно и так бывает выходным.

Иногда рассуждения А. Павловой оказываются попросту анекдотичными. Так, она сообщает, что «русские говорят: *У кошки век короткий — всего пятнадцать лет*, или: *На мой век чего-либо хватит*», и спрашивает: «Означает ли это, что русские исчисляют век иначе, чем немцы, которые про продолжительность жизни человека или животного никогда не скажут ничего, что бы напоминало *Jahrhundert*?» [43]. Трудно поверить, чтобы профессиональный лингвист не понимал, что слово *век* многозначно, причем значение 'столетие', которое в некоторых словарях дается первым, по-видимому не является основным даже для современного русского языка. Интересно, что А. Павлова сказала бы про выражения *каменный век*, *атомный век*, *на моем веку* или как бы она перевела выражение *во веки веков*[37].

Когда А. Павлова переходит к обозначениям цвета, ее рассуждения становятся совсем сумбурными. Она упоминает тот факт, что в немецком языке «цвет лисьей шкуры или цвет волос человека обозначается словом *rot*» и что, кроме того, в нем «активно используется прилагательное *orange* — оранжевый». В связи с этим она задает странный вопрос: «Кто может с точностью отделить рыжий от оранжевого?» [46]. Понятно, что лингвиста здесь может интересовать не объективное различие цветов, а лишь правила употребления соответствующих прилагательных, и, сформулировав такие правила, мы можем «с точностью» сказать, что различили эти цвета. Известно также, что некоторой особенностью русского языка по сравнению с рядом западноевропейских языков является отсутствие прилагательного, соответствующего английскому прилагательному *blue*, французскому *bleu*, немецкому *blau* (при желании можно назвать это «лакуной»). Иногда вследствие этого могут возникать трудности перевода (упомянем название знаменитой пьесы Мориса Метерлинка *L'oiseau bleu*). В связи с этим общеизвестным фактом А. Павлова сообщает, что «голубой и синий цвета радуги именуются *hellblau* и *indigo*» и что «синий и голубой в немецком имеют такое количество специальных оттенков (*tiefblau*, *kobaltblau*, *veilchenblau*, *türkisblau*, *himmelblau*, *fahlblau*, *blassblau*), что в освоении этих цветов... носителями немецкого языка сомневаться не приходится» [46] (факты тоже общеизвестные). В «освоении этих цветов» носителями немецкого языка как будто никто и не сомневался; однако остается неясным, как эта информация

[37] Замечу, что в тексте Символа веры выражению *прежде всех век* соответствует немецкое сочетание *vor allen Äonen*, а выражению *жизни будущаго века* — *des Lebens des kommenden Äons*.

отменяет тот факт, что в немецком языке есть слово *blau*, и как она помогает в переводе этого слова на русский язык.

Удивительно, что даже факты, очевидным образом свидетельствующие о наличии связи языка и культуры, А. Павлова пытается интерпретировать так, чтобы ни в коем случае не допустить возможность опоры на языковые данные при анализе этой связи. Вспомнив, что «немецкий глагол *wandern* культурно нагружен: он ассоциируется с эпохой немецкого романтизма и может рассматриваться как "ключевое слово" этого художественного направления в истории немецкой культуры», она справедливо указывает: «Эта же эпоха отмечена борьбой писателей-романтиков против *Philister*, *Spießbürger*. Филистерам противостоит *Genie*, а *Weltflucht* — способ от них спастись». Однако дальше она рассуждает следующим образом: «...такие "ключевые слова" — всегда конкретной и ограниченной во времени и пространстве группы — можно обнаружить, только если знать культуру этой группы, ее историю и ее идеи. Языковой анализ таких знаний не предоставляет. Наоборот, мы отыскиваем в языке те или иные слова и выражения, потому что мы их знаем заранее благодаря знанию эпохи» [48]. Любопытно, каков, по мнению А. Павловой, источник наших знаний о культуре рассматриваемой эпохи. Конечно, кто-то может получать такие знания из учебных пособий, но откуда они у авторов пособий? На самом деле, по большей части основной источник сведений — тексты, написанные в изучаемую эпоху представителями рассматриваемой культурной общности. Знание культуры, от которой сохранились какие-то тексты, — это в значительной мере знание языка, на котором написаны эти тексты. Возможно интуитивное овладение этим языком, без посредства детального лингвистического анализа, — подобно тому, как мы овладеваем родным языком (а многие и иностранными языками). Но лингвистический анализ, базирующийся на строгой методологии, дает возможность получить значительно более надежные сведения о культуре ушедших эпох.

Беззаботности А. Павловой по части логики соответствует ее беззаботность по части фактов. Так, она пишет: «В последнее время стало уже общим местом утверждение, что кладезем народной культуры является фразеология» [49]. Между тем именно в последнее время против идеи об особой культурной значимости фразеологии все чаще высказываются серьезные возражения. Сошлюсь на книгу авторитетных специалистов по фразеологии, в которой есть специальная глава, посвященная вопросу о национально-культурном аспекте фразеологии[38] [Баранов, Добровольский 2008: 251–287]. Авторы начинают

[38] В ней используются материалы ряда статей Д. О. Добровольского, опубликованных в 1990-е гг.

с критического рассмотрения утверждения А. М. Бабкина, сделанного в 1979 г., согласно которому идиоматика — это «святая святых национального языка», «в которой неповторимым образом манифестируются дух и своеобразие нации». Они пишут: «Априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным. Против него могут быть выдвинуты возражения как интуитивного, так и теоретического характера». Они приводят ряд примеров фразеологизмов (*лезть на стену*, *качать права*, *не моргнув глазом*), по поводу которых пишут: «...не вполне ясно, почему мы должны усматривать национальную или культурную специфичность в таких идиомах». Вообще говоря, во фразеологизме *качать права* можно было бы усмотреть характерный для русской культуры скепсис по отношению к юридическим методам решения проблем (фразеологизм содержит легкую иронию по адресу того, кто *качает права*), но в целом позиция авторов представляется вполне обоснованной. Далее они отмечают, что «наличие противоположных ценностных установок реально представлено в идиоматике очень многих языков» и поэтому неправомерно «выделять одну из этих установок в качестве главной для данного народа и приписывать ей статус культурно-специфической». Очевидно, что приведенные цитаты свидетельствуют: представление о фразеологии как о «кладезе народной культуры» отнюдь не стало общим местом в последнее время — скорее наоборот.

Однако А. Павлова продолжает ломиться в открытую дверь и переходит к пословицам. Она сообщает, что «назидательные пословицы типа *Сам погибай, а товарища выручай*; *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* или *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* известны из школьной программы, но в живой диалогической речи практически не употребляются» [50]. Не очень понятно, почему так уж важна степень употребительности приведенных пословиц: кажется, что они лингвистически не очень интересны; в частности, посредством лингвистического анализа из них едва ли можно извлечь культурно значимые сведения.

Здесь А. Павлова почему-то переходит к частотности, приводит пять самых частотных существительных и пять самых частотных глаголов по данным электронной версии известного словаря О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (http://dict.ruslang.ru/freq.php) и задает вопрос: «Какие культурологические выводы допустимо делать на основании этих списков?» [50]. Кажется очевидным, что никаких разумных выводов «на основании этих списков» сделать нельзя; но остается непонятным, на какие выводы могла рассчитывать А. Павлова и почему она выбрала именно существительные и глаголы: очевидно, что самые частотные русские слова — это предлоги, союзы, частицы (*и*, *в*, *не*).

Впрочем, показательно высказывание, посредством которого А. Павлова заводит речь о частотности: «Интересующихся частотностью отошлю к “Новому частотному словарю русской лексики”...» [50]. Словарь О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова является ценным лингвистическим ресурсом; однако «интересующихся частотностью» (в том числе самое А. Павлову) лучше бы отослать к надежным пособиям, в которых говорится о применении количественных методов в гуманитарных науках.

Далее А. Павлова заявляет: «Ничего вневременного, “чисто” национального, вечного, неизбывного, глубинного, исконного и неизменного при непредвзятом анализе в языке не обнаружить» [51]. Приятно, что здесь можно полностью согласиться с ней; но непонятно, в чем необходимость столь торжественно декларировать эту вполне самоочевидную мысль и какое это имеет отношение к проблеме соотношения языка и культуры. Ведь в культуре, как всем известно, тоже «ничего вневременного, чисто национального, вечного, неизбывного, глубинного, исконного и неизменного» при непредвзятом анализе не обнаружить.

После этого А. Павлова переходит к разбору некоторых языковых выражений из нашей книги [Зализняк и др. 2005а] и возможности их перевода на немецкий язык. Обещанного разбора содержащихся в книге или подразумеваемых в ней теоретических положений мы так и не дождались, но разбор примеров в чем-то еще интереснее и показательнее.

Предваряется этот разбор цитатой из нашей книги с комментарием А. Павловой в квадратных скобках: «Заметим, что их [ключевых идей культуры, например, *собираться*, *добираться*, *постараться*, *сложилось*, *довелось*, *обида* и др. — *А. П.*] переводные аналоги не являются подлинными эквивалентами именно ввиду отсутствия в их значениях этих специфичных для данного языка идей» [51]. Цитата приведена без искажений, но комментарий представляется совершенно абсурдным: во-первых, мы никогда не высказывали нелепую мысль, что слова *собираться*, *добираться*, *постараться*, *сложилось*, *довелось*, *обида* и др. являются «ключевыми идеями культуры», а во-вторых, нелепостью является само обсуждение вопроса о «переводных аналогах» «ключевых идей культуры». В приведенной цитате, как легко убедиться, обратившись к нашей книге, речь идет не о «переводе идей», а о лингвоспецифичных русских словах, содержащих в своем значении ключевые идеи языковой картины мира (но, конечно, не сводимых к ним), и их переводных аналогах (о культуре в ней речь вообще не идет).

Как можно судить на основе разбора, проведенного А. Павловой, она стремится опровергнуть нашу мысль об отсутствии точных переводных эквивалентов анализируемых нами слов. Впрочем, в большинстве случаев она избирает методику, которая заведомо не позволяет достичь желаемого результата, поскольку в качестве «опровержения» она приводит переводы предложений,

содержащих рассматриваемые слова. Вообще говоря, возможность более или менее адекватно перевести отдельно взятое предложение с некоторым словом ни в коей мере не доказывает наличие у слова точного семантического эквивалента (более того, сама А. Павлова здесь же признает, что в контексте перевод «поддерживается семантикой окружающих слов и конструкций»). В самом деле, русские предложения с частицей *же* обычно не составляют большой проблемы для перевода, но странно было бы на этом основании делать вывод о наличии у частицы *же* точного эквивалента в немецком или каком-либо другом языке. Кроме того, у многих слов есть аналоги, позволяющие осуществить перевод в тексте (в некоторых случаях с небольшим семантическим сдвигом). В таких случаях обнаружение семантических отличий исходного слова и его аналога требует тщательного семантического анализа, которого А. Павлова последовательно избегает. Так, в статье [Зализняк, Шмелев 1997а] (вошедшей в книгу [Зализняк и др. 2005а]) мы среди прочего разбираем отличия русского слова *утро* и немецкого *Morgen*. Тот вполне очевидный факт, что *Morgen* в подавляющем большинстве предложений может служить вполне адекватным переводом слова *утро* (а *утро* успешно переводит *Morgen*), не противоречит отсутствию точной эквивалентности между ними.

Следует заметить, что А. Павлова не рассматривает ни примеры, когда аналог очевиден (как для слова *утро* — *Morgen*), ни примеры русских слов, для которых аналога заведомо нет (как для частицы *же*). Она сосредоточивается на словах, для которых перевод не вполне очевиден и которые поэтому, как нам кажется, могут вызвать затруднения у переводчика. Тезис А. Павловой, если я правильно его понимаю, заключается в том, что такие затруднения являются мнимыми, перевод найти совсем несложно, поскольку имеет место точная семантическая эквивалентность русского выражения и его немецкого аналога.

Разбор, проведенный А. Павловой, содержит такое количество фактических, логических и лингвистических ошибок, что я вынужден постоянно прибегать к цитированию: иначе будет трудно поверить, что она действительно написала то, что написала.

А. Павлова начинает свой разбор со следующего утверждения: «Пресловутый "русский авось" переводится самыми разными способами: *auf gut Glück, wenn was ist, für den Fall der Fälle, aufs Geratewohl, ins Blaue hinein, planlos, ohne Plan, auf Gutdünken*» [51]. Здесь не вполне понятно, о чем говорит А. Павлова. Дело в том, что слово *авось* в современной русской речи различает два режима употребления: с одной стороны, оно нередко выступает как условный символ «русскости»[39];

[39] Часто в этом случае оно сочетается со словом *русский* или *российский*, как в примере из романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», приведенном мною в книге [Шмелев

с другой — оно по-прежнему может функционировать в прямом режиме как дискурсивное слово. Когда А. Павлова использует сочетание *пресловутый «русский авось»*, кажется, что она имеет в виду символическое употребление слова, однако предлагаемые ею переводы больше подходят для дискурсивного употребления. Впрочем, приведенные ею восемь немецких выражений явно не синонимичны между собою, поэтому ясно, что речь не идет о точной семантической эквивалентности: одно слово не может в точности совпадать по смыслу с восемью семантически различными словами. Для практического перевода указание А. Павловой бесполезно: никаких правил, которые позволили бы начинающему переводчику осуществить выбор между восемью выражениями, она не сформулировала (так что опять пришлось бы полагаться на «творческую изобретательность» переводчика). Кстати, любопытно проверить, как переводится слово *авось* в реальной переводческой практике. Это слово довольно часто (восемь раз) используется в повести Александра Пушкина «Капитанская дочка», перевод которой на немецкий язык доступен в рамках НКРЯ. Легко убедиться, что ни один из предложенных А. Павловой мнимых эквивалентов не использован в переводе ни разу, а выбранный переводчиком вариант каждый раз сопровождается очевидным семантическим сдвигом. Так, напр., слова Пугачева *Авось увидимся когда-нибудь* переведены: *Mag sein, daß wir uns noch einmal wiedersehen.* Выражение *mag sein* является семантически элементарным и соответствует русскому *может быть*; ясно, что оно не способно в точности передать сложную семантику слова *авось*.

Далее А. Павлова пишет, что у нее «вызывают удивление» утверждения, что некоторые приводимые ею «идеи» являются «уникальными, присущими исключительно русским». При этом она ссылается на страницы нашей книги, так что у читателя можно создаться впечатление, что утверждения об «уникальности» там и содержатся. Однако если он обратится к соответствующим страницам нашей книги, то увидит, что ничего подобного там не утверждается: это очередная выдумка А. Павловой[40].

Среди этих «идей» А. Павлова упоминает «склонность к лени», ссылаясь при этом на статью И. Б. Левонтиной «Homo piger». Здесь речь идет уже не только

2002б: 136]: «...слово “русский” вновь обрело живое содержание. Сперва, в пору отступления, это слово связывалось большей частью с отрицательными определениями: российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русского “авось”...»

[40] Вообще утверждение, что какая-то идея является «уникальной», «присущей исключительно русским», представляется неуместным в лингвистическом сочинении; не слишком оно уместно и в статье, рассматривающей возможность понимания культуры на основе языковых данных, поскольку не имеет отношения ни к языку, ни к культуре.

о фактической неточности, но и о полной невнятности. Выражение «склонность к лени» является обозначением некоторого свойства; какую же «идею» видит за этим свойством А. Павлова? То, что некоторым людям присуща склонность к лени? Или что всем людям присуща склонность к лени? Или что лень — это хорошо? Думаю, понятно, что статья И. Б. Левонтиной посвящена совсем другим проблемам, и даже название статьи ('человек ленивый' на латыни) показывает, что ни о какой русской «уникальности» идей, связанных с человеческой ленью, в ней речи не идет. В статье рассматриваются разные виды лени: лень как состояние тела (физическая расслабленность, истома или оцепенение), лень как душевное состояние (паралич воли, когда человек не может приступить к действию), лень как состояние ума (рациональная установка, нежелание совершать бессмысленные действия и тратить силы впустую). Анализируются русские языковые средства, соотносимые с разными видами лени: *лень* (существительное и предикативное наречие), *ленца*, *лоботряс*, *ленивый*, *лениво*, *ленивец*, *лениться*, *лентяй*, *лодырь*, *неохота*. Описываются различия между сходными на первый взгляд ответами *Лень*, *Неохота* и *Да ну* в ответ на предложение нечто сделать. В связи с аксиологией лени отмечаются различия между такими словами, как *лодырь* и *лоботряс*, выражающими отчетливо отрицательную оценку лени, и словом *ленивец*, которое может выражать симпатию к поэтической натуре, отвергнувшей соблазны карьеры ради мирных утех любви и дружбы. При этом указывается, что комплекс идей, связанных с таким употреблением слова *ленивец*, привит русской культуре золотого века Константином Батюшковым и Александром Пушкиным и был заимствован из французской анакреонтики XVIII в., в которой даже использовалось выражение *la sainte paresse* (И. Б. Левонтина упоминает в связи с этим также итальянское выражение *dolce far niente*). И лишь на последней странице статьи в сноске упоминается (со ссылкой на статью [Плунгян, Рахилина 1996]) выражение *русская лень* и в связи с этим кратко обсуждается «обломовский комплекс».

В дальнейшем А. Павлова еще вернется к данной статье И. Б. Левонтиной, но здесь она переходит к *попрекам* и сообщает: «*Попрекать* по-немецки — *Vorhaltungen machen*, *j-m etwas vorhalten*» [51]. Для подтверждения этого она приводит один-единственный пример из немецкого перевода «Преступления и наказания» Федора Достоевского, добавляя, что этот перевод «предельно точен» (слово *попрекать* переведено в нем как *vorhalten*). Но единственный пример, независимо от того, насколько точен перевод, не доказывает смысловой эквивалентности. Я могу привести пример использования выражения *Vorhaltungen machen* для перевода слова *пенять* — из уже цитированного мною немецкого перевода «Капитанской дочки»: фраза *Василиса Егоровна сначала*

за то мне пеняла (имеется в виду — за то, что Гринев приучился сидеть один у себя дома) переведена как *machte mir Wassilissa Jegorowna anfangs deswegen Vorhaltungen.* Нелепо было бы на этом основании утверждать семантическое тождество *Vorhaltungen machen* и глагола *пенять*, тем более что глаголы *попрекать* и *пенять* очевидным образом не синонимичны. Мне кажется, что оборот *Vorhaltungen machen* гораздо ближе русскому выражению *поставить на вид*; но, разумеется, без тщательного семантического анализа того и другого оборота я не могу утверждать это с уверенностью. Важно, что, по общему мнению, *попрекать* всегда дурно (так что фраза *Ты меня попрекаешь* — сильнейшее обвинение в ответ на высказывание, которое могло быть воспринято как *попрек*), тогда как упреки и обличения, описываемые оборотом *Vorhaltungen machen*, могут представляться оправданными. Сошлюсь на изложение евангельского эпизода, когда Иоанн обличал Ирода Антипу за то, что тот взял жену брата своего (Лк. 3:19), на странице, посвященной празднику Богоявления (http://orthpedia.de/index.php/Taufe_des_Herrn): *Herodes hatte seinem Bruder die Frau weggenommen, und Johannes machte ihm deshalb Vorhaltungen.* Впрочем, спор по этому поводу постепенно становится беспредметным, поскольку рассуждения А. Павловой к концу абзаца снова предельно невнятны. Она пишет буквально следующее: «“Идея” попреков отличается от “идеи” упреков (*Vorwürfe*, *vorwerfen*), являясь в то же время синонимом последней» [52]. Трудно даже понять, что здесь имеет в виду А. Павлова: «синонимами» могут быть языковые выражения (напр., слова), а «идеи» могут быть тождественными или различными, но никак не «синонимичными».

Далее А. Павлова переходит к обсуждению статьи Анны А. Зализняк и И. Б. Левонтиной о русских словах *разлука* и *соскучиться.* Она сообщает: «Слово *Trennung* имеет как значение *расставание*, так и значение *разлука* (причем эквивалентность в обоих случаях абсолютно точная)» [52]. Можно только догадываться, в чем состоит здесь мысль А. Павловой, поскольку в любом случае выражена она лингвистически неграмотно. В каком-то смысле слово *разлука* тоже имеет значение ‘расставание’ (напр., в пушкинских строках *Томленье страшное разлуки / Мой стон молил не прерывать*). Однако в обоих приведенных А. Павловой примерах употребления слова *Trennung*, как она сама справедливо замечает, его нельзя перевести посредством слова *расставание*, так что осталось неясным, к чему было заводить речь об этом слове. Что же касается до ситуации, когда речь идет не о моменте или процессе расставания, а о уже имеющем место пространственном разделении, то при обозначении такой ситуации между словами *Trennung* и *разлука* имеется важное различие. Оно заключается в том, что в смысл слова *Trennung* не встроено указание на любовь и страдания, вызванные пространственным разделением

с объектом любви (соответствующие значения могут индуцироваться контекстом, но не являются ингерентной принадлежностью слова), тогда как для слова *разлука* это неотъемлемая часть семантики. Именно поэтому слово *Trennung* может обозначать особый вид семейного положения, когда бывшие супруги формально не развелись, но не живут вместе. Переводить слово *Trennung* в этом употреблении как *разлука* совершенно неправильно, и указание А. Павловой, что эквивалентность этих слов «абсолютно точная», может ввести в заблуждение неопытного переводчика. Если же человек, уехавший в длительную командировку и страдающий от разлуки с женой, напишет в анкете на вопрос о семейном положении *getrennt*, он даже может быть обвинен в намеренном искажении фактов.

Не лучше обстоит дело и с рассуждениями А. Павловой о переводе слова *соскучиться*. Вот цитата: «*Скучать*, *соскучиться* — также вряд ли можно рассматривать как специфические ключевые идеи русской языковой картины мира. *Как же я соскучился!* — *Ich habe dich vermisst*; *du hast mir gefehlt* — эквивалентность соблюдена по всем семантическим составляющим» [52]. Во-первых, слова странно называть «идеями», да еще «ключевыми». Во-вторых, А. Павлова предлагает переводы для слова *соскучиться*, а в приведенном сразу же после этого примере переводит глагол *vermisst* как *скучает*. Но *скучать* и *соскучиться* не совпадают по смыслу (слово *скучать* статично, в нем нет динамики развития чувства, присутствующей в слове *соскучиться*), так что предлагаемые переводы не могут быть эквивалентами «по всем семантическим составляющим» сразу для обоих русских глаголов. Наконец, предложенные переводы вовсе не совпадают по смыслу с русскими словами, скорее немецкие конструкции означают нечто вроде *Мне тебя не хватало*. Они могут быть сказаны после званого вечера, на котором не было адресата речи, и вовсе не обязательно имплицируют, что говорящий *скучал* или *соскучился*.

Переходя к статье Анны А. Зализняк о глаголе *добираться*, А. Павлова сообщает, что этот глагол «переводится на немецкий обычно двумя способами: *добираться долго* — *j-d braucht lange bis nach...*; *кто-либо наконец добрался* — *j-d hat es bis nach... endlich geschafft*». Она добавляет: «В обоих случаях эквивалентность не страдает» [53]. Вообще говоря, перевод в случаях, когда какие-то семантические компоненты поддерживаются контекстом — относительно легкая задача. Значительно труднее перевести вопрос о маршруте *Как до вас добраться?* или фразу *легко и быстро добрался*, сохранив при этом представление, что путь мог или может быть долгим и трудным, но не помещая это представление в фокус внимания.

Далее А. Павлова пишет: «Идея *собираться, чтобы что-либо совершить*, в немецком передается таким количеством синонимичных выражений, что

нужно быть очень наивным человеком, чтобы выдвигать тезис об уникальности подобной идеи для русской языковой картины мира (сиречь русской культуры): *Anstalten machen, drauf und dran sein, sich anschicken, sich ein Herz fassen, gerade dabei sein*». Тут можно заметить, что по-русски обычно говорят не *собираться, чтобы что-либо совершить*, а просто добавляют к слову *собираться* инфинитив, но это не так существенно. Более всего поражает, что А. Павлова, чуть выше решительно возражавшая против того, чтобы «замкнуть культуру на язык и объявить их идентичность» [50], здесь не просто «замыкает» культуру на язык, а прямо отождествляет русскую языковую картину мира и русскую культуру. При этом она и в этом случае не производит семантического анализа ни русского глагола, ни немецких выражений, предлагаемых в качестве его эквивалентов.

После этого А. Павлова вновь возвращается к теме лени и говорит, что «вести дискуссию о том, является ли лень ключевой идеей русской культуры или все-таки это явление не сугубо специфичное, кажется занятием бессмысленным» [53]. С этим, безусловно, всякий должен согласиться. Более того, лишенной смысла представляется и сама формулировка темы для «дискуссии». Называть лень «идеей», не конкретизируя, в чем состоит эта идея, вообще несколько странно; что же касается до того факта, что явление лени известно многим народам и имеет обозначение во многих языках, то его, насколько я знаю, никто не подвергал сомнению. Когда А. Павлова говорит, что в немецком языке есть «точные эквиваленты русского *неохота*: *Er war zu unlustig, hinzufahren*; *Er hatte keine Lust hinzufahren.* — *Ему было неохота туда ехать*», то очевидно, что имеет место нечто вроде недоразумения: одиночное *неохота* (в ответ на предложение нечто сделать) означает не ‘ему неохота’, а ‘мне неохота’. Столь же очевидно, что поиски немецких соответствий, претендующих на то, чтобы быть «точными эквивалентами», должны учитывать различия между русскими выражениями (*мне*) *не хочется*, (*мне*) *неохота*, (*мне*) *лень*, экспрессивно-ироническим выражением *охота была* и т. п.[41]

Особенно показательно высказывание А. Павловой, завершающее обсуждение темы лени: «...никому не приходит в голову говорить о “типично немецкой лени”, но говорить о “типично русской лени” тоже приходит в голову людям, далеким от лингвистики» [53–54]. Казалось бы, всем известно, что лингвистика как раз и изучает речь самых обыкновенных носителей языка, в том числе

[41] Отметим, что в третьем лице экспрессивно-иронические выражения *и не лень ему* <нечто делать>, *охота ему* <нечто делать> обычно указывают не на лень третьего лица, а, наоборот, на некоторое недоумение говорящего по поводу того, что человек развил бурную деятельность.

(и в первую очередь) «людей, далеких от лингвистики». В текстах на русском языке сочетание *русская лень* довольно частотно, и этот факт нуждается в фиксации и объяснении.

Следующий абзац А. Павлова начинает утверждением: «“В высшей степени специфично для русского языка”, по мнению авторов книги “Ключевые идеи...”, слово *заодно* в значении ‘кстати, попутно, одновременно с чем-либо другим’» [54]. Это утверждение в очередной раз вводит читателя в заблуждение, поскольку в статье, на которую ссылается А. Павлова, мы как раз обосновываем отличие слова *заодно* от слов *кстати* и *попутно* (слово *одновременно* еще дальше отстоит по значению от слова *заодно*). По мнению А. Павловой, мнение «о специфичности этого значения для русского языка опровергается массой примеров из немецкого, а именно глаголами с приставкой *mit-*». Однако значение данной приставки значительно шире, нежели значение слова *заодно* (которое мы описываем следующим образом: «*Делая Q, X заодно делает P* ‘принимая во внимание, что бóльшая или по крайней мере значительная часть действий, которые необходимо выполнить, чтобы сделать P, будет или уже была выполнена для осуществления Q, X принимает решение сделать также и P, которое при иных обстоятельствах, возможно, не стал бы делать или отложил бы’»). Вследствие этого, как признает сама А. Павлова, частотность немецких глаголов с приставкой *mit-* существенно выше, нежели частотность слова *заодно* в русских текстах[42].

После этого А. Павлова переходит к обсуждению статьи Анны А. Зализняк «О семантике щепетильности». Следует заметить, что в статье Анны А. Зализняк «щепетильность» выступает как условный ярлык для некоторого семантического компонента. Основное внимание в ней уделяется слову *обида* (а также *обидно*, *обидеть* и *обидеться*) и, в меньшей степени, словам *неловко*, *неудобно* и *совестно* (русское слово *щепетильность* в ней вовсе не анализируется). Никаких переводов указанных русских слов А. Павлова не предлагает; вместо того она приводит примеры лингвоспецифичных немецких слов, которые, по ее мнению, выражают семантику щепетильности. Семантическим анализом она это, как и в прочих случаях, не сопровождает. Можно видеть, что приводимые ею немецкие слова и выражения содержат несколько иные семантические компоненты, нежели тот, который Анна А. Зализняк обозначила словом «щепетильность». Так, глагол *beschämen* и прилагательное *peinlich* скорее выражают значение чего-то постыдного, когда с человеком связано нечто такое, из-за чего другие люди могут думать о нем хуже.

[42] В книге [Зализняк и др. 2005а] немецкие глаголы с приставкой *mit-* не рассматриваются; см. [Zalizniak, Shmelev 2007], а также раздел I.3 данной книги.

Между тем русское слово *щепетильность*, несомненно, заслуживает специального анализа. Его можно сопоставить со словом *мелочность* и в первом приближении описать следующим образом: оба слова указывают на пристальное внимание к «мелочам», но с противоположных точек зрения. В финансовом плане *мелочный* человек будет требовать от другого человека вернуть деньги, сколь бы незначительным ни был долг, а *щепетильный* человек сам будет стремиться вернуть даже небольшие деньги. В плане нюансов отношений между людьми *мелочность* и *обидчивость* противостоят *щепетильности* и *деликатности*: а именно, *мелочные* и *обидчивые* люди обращают внимание на неудобства, которые им причинили другие люди, тогда как *щепетильные* и *деликатные* люди стремятся не причинять неудобств другим. Интересна также история слова *щепетильность*, его культурный ореол в разных типах дискурса. Отдельную проблему может составить перевод слов *щепетильный* и *щепетильность* в разных типах контекстов; однако на этот счет А. Павлова не высказала никаких предложений.

Завершая свой разбор примеров из нашей книги, А. Павлова приводит наше высказывание, в котором мы отмечаем, что успехи современной семантики позволяют «говорить о реконструкции русской языковой картины мира в целостности», и комментирует его следующим образом: «Иными словами, “ключевые идеи” русской культуры обнаружены и описаны полностью» [55]. Отвлечемся от того, что она опять не различает языковую картину мира и культуру, и заметим, что ее интерпретация нашего высказывания явно неверна. Действительно, формально оборот «можно говорить о...» неоднозначен, но кажется очевидным, что в контексте нашего высказывания он означает ‘поставить вопрос о...’. У А. Павловой же получается, что *говорить о реконструкции* — это значит уже *осуществить реконструкцию*[43].

Увлекшись своей интерпретацией, А. Павлова в качестве возражения нам сообщила, что «книга содержит далеко не полную “русскую языковую картину мира”» [55]. Разумеется, сказанное совершенно справедливо; однако пожелания А. Павловой, указывающей, как нам следовало бы дополнить наше описание, могут служить наглядным свидетельством того, к каким несуразностям можно прийти, если последовательно избегать семантического анализа. Приведу обширную цитату: «Можно было бы рассмотреть особое, интимное

[43] Это позволяет вспомнить обсуждение реформы немецкого правописания в 1990-е гг. Как известно, во фразе *Он решил ее соблазнить* в русском языке не нужна запятая после *решил*, а по старым немецким правилам в этом случае полагалась запятая. Традиционалисты, доказывая, что запятая здесь необходима, замечали: запятая напоминает, сколь велика пропасть, пролегающая между решением и его исполнением.

отношение русского человека к Богу, греху (на этих “концептах” покоятся столь многочисленные идиомы, что нет возможности открывать здесь их список), бережное отношение к юродивым и нищим духом (*юродивый*, *божий человек*, *кликушествовать*), интерес к волшебникам и волхвам (*знамение*, *знак свыше*, *откровение*, *старец*), а также искренность русского человека (*как на духу*, *правду-матку резать*, *говорить правду в глаза*, *правда глаза колет*, *рубить с плеча*), неспособность приноравливаться к порядку и регламентациям (*лихач*, *семь бед — один ответ*, *где наша не пропадала*, *эх, была — не была*), особое отношение к красоте (*пригожий*, *ладный*, *справный*) и интенсивность переживания прекрасного (*благодать*, *благолепие*), необыкновенную русскую *смекалку*, а также *сноровку* и множество других “сквозных мотивов русской языковой картины мира”» [56].

В чем заключается «особое, интимное отношение русского человека к Богу, греху», А. Павлова не пояснила; какие русские выражения о нем свидетельствуют, тоже осталось неясным. Касательно «особого отношения к греху» еще можно предположить, что имеются в виду такие языковые единицы, как уже упоминавшееся слово *греховодник*, устойчивое выражение *грех жаловаться*, *грешно*, идиомы *не грех* и *не грешно*, а также характерный оборот *грешить на* <кого-либо>. Этот последний оборот заслуживает отдельного обсуждения, поскольку он в самом деле в высокой степени лингвоспецифичен. В нем представление о том, что ‘грешно обвинять другого человека без достаточных оснований’, соединено с мнением, что вероятность истинности такого обвинения довольно высока. Именно поэтому оборот *грешить на* <кого-либо> может употребляться в первом лице (*Не знаю, кто это сделал, но грешу на Ваню*)[44], в отличие, скажем, от английского глагола *to allege* ‘безосновательно утверждать’ (для которого употребление в первом лице ведет к «иллокутивному самоубийству» [Vendler 1976]). Что касается до «особого, интимного отношения русского человека к Богу», то здесь у меня нет даже самых приблизительных гипотез относительно того, что может иметь в виду А. Павлова.

То, что в качестве иллюстрации «бережного отношения к юродивым и нищим духом» А. Павлова приводит глагол *кликушествовать*, весьма показательно и свидетельствует о ее крайней небрежности. Глагол *кликушествовать*, как и существительное *кликуша*, выражает резко отрицательную оценку *кликушества*, т. е. беснования (подлинного или симулированного). В современном языке слова *кликушествовать*, *кликуша* и *кликушество* употребляются

[44] Подробнее оборот *грешить на* <*кого-либо*> рассматривается в статье [Булыгина, Шмелев 1994: 50].

преимущественно в переносном смысле, но сохраняют компонент отрицательной оценки[45].

Каким образом А. Павлова усмотрела в семантике слов *знамение, знак свыше, откровение, старец* «интерес к волшебникам и волхвам», остается очередной загадкой; мне, напр., кажется очевидным, что в их значении отсутствуют семантические компоненты, которые могли бы свидетельствовать о таком интересе. Какое отношение «волшебники и волхвы» имеют, скажем, к строчке Бориса Пастернака *Осень, чистая, как знаменье?*

Слово *искренность* и ряд связанных с ним выражений (*правда-матка, резать правду* и др.) рассмотрены в статье А. Вежбицкой «Русские культурные скрипты», включенной в нашу книгу в качестве приложения [Зализняк и др. 2005а: 467–499]. В этой статье А. Вежбицка формулирует, в частности, такие русские культурные скрипты: *хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает*; *хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он чувствует.* То, что А. Павлова не заметила этого анализа, говорит о ее невнимательности[46].

«Особое отношение к красоте», по мнению А. Павловой, отражено в русском языке в таких словах, как *пригожий, ладный*[47], *справный.* В чем заключается это «особое отношение» и какой тип красоты имеется в виду, А. Павлова, как всегда, не говорит. Остается неясным, почему она выбрала прилагательные, относительно редкие в современной городской разговорной речи, и при этом даже не упомянула лингвоспецифичное прилагательное *красивый* (рассмотренное, кстати, в статье [Шмелев 2004а]). Столь же неясно, почему слово *благодать*, по ее мнению, иллюстрирует «интенсивность переживания прекрасного».

Наконец, вызывает удивление отнесение *смекалки* и *сноровки* к «сквозным мотивам русской языковой картины мира». Во-первых, непонятно, в чем состоят эти «мотивы»; во-вторых, мотив может считаться сквозным, если он представлен в самых разных языковых единицах, а каждый из «мотивов», которые А. Павлова обнаружила в словах *смекалка* и *сноровка*, представлен всего лишь одним словом.

---

[45] История слова и понятия *кликуша* подробно рассмотрена в статье [Кравецкий 2012].

[46] А то, что в связи с искренностью упоминает выражение *как на духу*, в очередной раз свидетельствует о небрежности. То, что человек не лжет на исповеди, обусловлено не его «искренностью», а религиозными представлениями, которые ни в коей мере не являются специфичными для русских.

[47] Слово *ладный* (а также его синонимы *стройный, изящный, статный*) рассмотрено в статье [Урысон 2004].

В следующем абзаце статьи А. Павловой несуразностей не меньше. Он начинается странным заявлением: «Для полноты “русской языковой картины мира” можно было бы присовокупить и некоторые отрицательные характеристики среднестатистического “русского человека”». Мы видим, что опять появился излюбленный А. Павловой «среднестатистический русский человек», но так и не сообщается, что понимается под выражением «среднестатистический русский человек» и как определяются указанные «характеристики». Кроме того, совершенно непонятно, какое отношение имеют «характеристики среднестатистического русского человека» к русской языковой картине мира. Наконец, вызывает вопросы и слово «отрицательные». Под этим может иметься в виду взгляд «изнутри» (свойства, оцениваемые отрицательно в русском языке и в русской культуре) и взгляд, предполагающий внешнюю оценку (нечто принимается как должное или даже оценивается положительно в русском языке и в русской культуре, но с «общечеловеческой» точки зрения должно быть признано дурным).

Далее выясняется, что А. Павлова имеет в виду этностереотипы. Здесь надобно согласиться, что этностереотипы имеют отношение к языковой картине мира (в ней отражаются некоторые представления о русских и о других народах), но ведь они составляют лишь ее небольшой фрагмент. В нашей книге, о которой пишет А. Павлова, с этностереотипами можно каким-то образом связать лишь незначительное число проанализированных нами языковых выражений (не более двух-трех десятков). Тем самым включение в рассмотрение еще некоторых этностереотипов не привело бы к полноте описания языковой картины мира.

Возможно, А. Павлова так и не разобралась, как соотносятся этностереотипы и элементы языковой картины мира. Этностереотипы — это ходячие представления о своем и некоторых других народах. Некоторые этностереотипы отражаются в языке и в этом случае входят в языковую картину мира; это проявляется, напр., в сочетаемости языковых единиц (в русском языке лингвистически отмеченными оказываются сочетания *русский авось* или *галантный француз*). Однако основная часть составляющих языковой картины мира с этностереотипами никак не связана (в самом деле, с какими этностереотипами можно связать тот факт, что помидоры в русской языковой картине мира относятся к овощам, а малина — к ягодам?). Бывает, что одна и та же языковая единица в некоторых употреблениях связывается с этностереотипом, а в других — нет (напр., сочетание *русский авось* связано с этностереотипом ‘русские часто без достаточных оснований надеются на счастливый исход дела и не принимают во внимание возможный риск’, а фраза *авось, еще увидимся* — едва ли).

Какие же «этностереотипы», отражающие «отрицательные характеристики среднестатистического русского человека», имеет в виду А. Павлова? Она перечисляет их, сопровождая примерами слов, в которых, по ее мнению, эти этностереотипы проявляются. Вот что она пишет: «...пьянство и особое к нему отношение (обилие слов и выражений на тему пьянства вынуждает не приводить здесь отдельных примеров), взяточничество (*нагреть руки*, *брать борзыми щенками*, *подмазать*) и вороватость (*стибрить*, *стянуть*, *слямзить*, *тянуть что плохо лежит*), а также завистливость (*черная зависть*, *глаза завидущие*, *наговаривать*, *оговаривать*, *хула*, *наветы*)» [56].

Нелегко понять, в чем А. Павлова видит «пьянство и особое к нему отношение» как характеристику «среднестатистического русского человека» (ее нежелание привести хоть один вразумительный пример весьма показательно). Несомненно, этностереотип русских включает склонность к пьянству и способность много выпить. В целом в текстах русской культуры это не всегда оценивается отрицательно — скажем, многие русские анекдоты, в которых обыгрывается это свойство, могут быть отнесены к разряду *self-glorifying* (в смысле [Raskin 1985])[48]. Но вот в языке следов снисходительного или даже восторженного отношения к выпивке и пьянству не так много. Слова и фразеологизмы, описывающие состояние опьянения и пьяных людей, как правило, в русском языке окрашены отрицательно (как и во многих других языках). Слова, связанные с выпивкой и имеющие положительную окраску (напр., диминутивы *водочка*, *закусочка*, *селедочка*, *грибочки*, *огурчики*), обычно относятся не к пьянству как таковому, а к сопровождающему совместную выпивку задушевному общению (об этом идет речь в статье «Хорошо сидим! (Лексика начала и конца трапезы в русском языке)», написанной мною совместно с И. Б. Левонтиной и включенной в книгу [Зализняк и др. 2005а]).

Понятно, что взяточничество, вороватость и завистливость в русской культуре оцениваются отрицательно (об этом же свидетельствует отрицательная

[48] Напомним один из таких анекдотов: «Идет олимпиада. И решили алкоголики всего мира устроить свою олимпиаду — кто больше выпьет. Соревнования решили проводить ковшиками. Комментатор: “На помост выходит американский спортсмен”. Первый, второй, третий, четвертый, пятый — сломался. Пока с помоста выносят американского спортсмена, на трибунах русский спортсмен разминается красненьким. На помост выходит французский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый — сломался. Французского спортсмена выносят с помоста, а в это время русский спортсмен на трибунах разминается красненьким. На помост выходит русский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый — сломался. Пока чинят ковшик, русский спортсмен разминается красненьким».

оценка, встроенная в значение большинства выражений, приводимых А. Павловой). Тщательный лингвистический анализ мог бы внести коррективы в эту картину и обнаружить ситуации, в которых отрицательная оценка почти исчезает. Так, слова *стибрить* и *слямзить* могут не включать решительного осуждения соответствующего действия, которое не рассматривается как настоящая «кража»[49]. То, что благополучие может вызывать зависть, иногда воспринимается как норма — это видно из того, что декларируемое отсутствие зависти может свидетельствовать о неблагополучии (*не завидую* <такому-то>; *незавидное положение*). Тем не менее сами слова *вороватость* и *завистливость* никогда не лишаются отрицательного оценочного компонента. При этом никакого указания на «русского человека» в семантике слов, связанных с взяточничеством, вороватостью и завистливостью, нет.

Таким образом, мы видим, что отказ от семантического анализа и замена его общими словами и туманными декларациями не способствует ясности понимания. Проникнуть в проблему соотношения языка и культуры, ограничиваясь такими декларациями и не анализируя языковой материал, как и следовало ожидать, оказалось невозможно.

Один из разделов своей статьи А. Павлова назвала «Имеет ли смысл полемизировать с лингвокультурологией?». В связи со статьей самой А. Павловой встает аналогичный вопрос: имело ли смысл заниматься ее подробным разбором? Мне кажется, что на этот вопрос можно дать положительный ответ.

Дело в том, что характерные особенности статьи А. Павловой обнаруживаются, хотя и в несколько менее концентрированном виде, во множестве отечественных работ (особенно диссертационных), посвященных соотношению языка и культуры. Это, прежде всего, отсутствие семантического анализа языковых единиц и потому чрезвычайно прямолинейный взгляд на возможность судить о культуре на основе языковых данных. К числу других характерных черт, объединяющих статью А. Павловой и многие отечественные работы по «лингвокультурологии», относятся: отсутствие строгой методологии; декларативность без опоры на языковые факты; оперирование отдельными специально подобранными примерами вместо проверки делаемых утверждений на всем массиве языковых данных; отсутствие исторической перспективы (представление о культуре как о чем-то неизменном, неспособном к развитию); отсутствие внимания к жанрам, стилю и назначению текстов.

---

[49] Это, впрочем, не является исключительной особенностью русского языка. В «Приключениях Тома Сойера» Марка Твена говорится: «...taking sweetmeats was only “hooking,” while taking bacon and hams and such valuables was plain simple stealing — and there was a command against it in the Bible».

Однако крайне низкий уровень многих отечественных диссертаций хорошо известен. А вот зачем лингвисту, который когда-то писал вполне осмысленные работы, посвященные соотношению просодической структуры высказывания и семантики используемых лексических единиц [Павлова 1987], было поддаваться общему поветрию, осталось совершенно неясно. Как бы то ни было, можно надеяться, что предпринятая мною попытка педантичного описания на материале статьи А. Павловой разнообразных ошибок и нелепостей в области «лингвокультурологии» позволит добросовестным лингвистам в дальнейшем хотя бы отчасти избегать таких ошибок и нелепостей.

Литература

Алексеева 2007 — *Алексеева М. Л.* Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского. Словарь-справочник. Екатеринбург, 2007.

Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.

Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.

Апресян 1980 — *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «смысл ↔ текст» // Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980.

Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990. С. 91–108.

Апресян 1992/1995 — *Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3. (Цит. по кн.: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М., 1995. Т. 2. С. 503–537.)

Апресян 1994 — *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1994. № 4.

Апресян 1995а — *Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов: Проспект. М., 1995.

Апресян 1995б — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Апресян 1997 — *Апресян Ю. Д. Радоваться, ликовать, торжествовать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997.

Апресян 2000 — *Апресян Ю. Д. Любоваться, заглядеться* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.

Апресян (ред.) 2006 — Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.

Апресян 2010 — *Апресян Ю. Д.* Вступительная статья // Активный словарь русского языка. Т. 1. М., 2010.

Апресян и др. 1979 — *Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.* Новый Большой англо-русский словарь. Т. 1. М.: Русский язык, 1979.

Апресян и др. 1997 — *Апресян Ю. Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 1997.

Апресян и др. 1999 — *Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.* Новый Большой англо-русский словарь. Т. 1. М.: Русский язык, 1999.

Апресян В. Ю. 2000 — *Апресян В. Ю. Неправда, ложь, вранье* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.

Апресян В. Ю. 2004а — *Апресян В. Ю.* КРОМЕ 1, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ, ЗА ВЫЧЕТОМ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ, НЕ СЧИТАЯ 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., доп. и испр. М., 2004. С. 484–490.

Апресян В. Ю. 2004б — *Апресян В. Ю.* КРОМЕ 2, ПОМИМО 1, НЕ СЧИТАЯ 1, НЕ ГОВОРЯ (УЖЕ <УЖ>) О // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., доп. и испр. М., 2004. С. 490–496.

Апресян В. Ю. 2004в — *Апресян В. Ю.* КРОМЕ ТОГО, К ТОМУ ЖЕ, СВЕРХ ТОГО, ВДОБАВОК, В ПРИДАЧУ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., доп. и испр. М., 2004. С. 496–501.

Апресян В. Ю. 2011 — *Апресян В. Ю.* Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты (II) // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 63–88.

Апресян В. Ю. 2015 — *Апресян В. Ю.* Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М., 2015.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993 — *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.

Апресян В. Ю., Шмелев 2017 — *Апресян В. Ю., Шмелев А. Д.* «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское *якобы* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2019. М., 2017.

Апресян В. Ю. и др. 2019 — *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В., Иомдин Б. Л., Лауринавичюте А. К., Левонтина И. Б., Лопухин К. А., Лопухина А. А., Урысон Е. В.* О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь. 2019. № 1. С. 8–17.

Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова 1983 — *Арутюнова Н. Д.* Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983.

Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика и стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 61–89.

Арутюнова 1997 — *Арутюнова Н. Д.* Модальные и семантические операторы // Облик слова. Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 22–40.

Ахманова 2010 — *Ахманова О. С.* Англо-русский и русско-английский словарь. М., 2010.

Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.

Балли 2001 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001.

Баранов 1986 — *Баранов А. Н.* 'Предположение' *vs.* 'факт': «неужели» *vs.* «разве» // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Nr. 1.

Баранов 1998 — *Баранов А. Н.* Внутренняя форма как фактор организации значения дискурсивных слов // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 150–158.

Баранов, Добровольский 2008 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Баранов, Добровольский (ред.) 2015 — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд. М., 2015.

Баранов, Пайар 1998 — *Баранов А. Н., Пайар Д. РАЗВЕ*, или Готов спорить, что не так // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайар. М., 1998.

Барроу 1976 — *Барроу Т.* Санскрит. М.: Прогресс, 1976.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., 1950–1965.

Бенвенист 1974а — *Бенвенист Э.* Заметки о роли языка в учении Фрейда // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974. С. 115–126.

Бенвенист 1974б — *Бенвенист Э.* Семантические проблемы реконструкции // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 331–349.

Бергельсон, Кибрик 1981 — *Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 343–355.

Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007.

Берн 1988 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М.: Прогресс, 1988.

Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.

Бойм 2002 — *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Булыгина, Шмелев 1982 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 4. С. 314–326.

Булыгина, Шмелев 1987 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* О семантике частиц *разве* и *неужели* // НТИ. 1987. № 10. С. 21–25.

Булыгина, Шмелев 1988 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

Булыгина, Шмелев 1989а — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Вопросы языкознания. 1989. № 3.

Булыгина, Шмелев 1989б — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Булыгина, Шмелев 1993 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 78–82.

Булыгина, Шмелев 1994 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 49–58.

Булыгина, Шмелев 1997а — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Булыгина, Шмелев 1997б — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Референция и смысл выражений *мясопуст* (*мясопустная неделя*) и *сыропуст* (*сыропустная неделя*) // Вопросы языкознания. 1997. № 3.

Булыгина, Шмелев 1998 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Неожиданности* в русской языковой картине мира // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 306–324.

Булыгина, Шмелев 2000 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.

Бунтман и др. 2014 — *Бунтман Н. В., Зализняк Анна А., Зацман И. М., Кружков М. Г., Лощилова Е. Ю., Сичинава Д. В.* Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросс-лингвистических баз данных // Информатика и ее применения. 2014. Т. 8. Вып. 2. С. 98–110.

Вайль, Генис 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 2001.

Вайс 1999 — *Вайс Д. Человек, лицо, личность* и *особа*: четыре неравных соперника // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1997.

Васильев 2000 — *Васильев А. Д.* Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевещании. Красноярск, 2000.

Вежбицка 1983 — *Вежбицка А.* Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика. М., 1983.

Вежбицка 2002 — *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).

Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.

Вейсман 1991 — *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.

Веренк 1985 — *Веренк Ж.* Диатеза и конструкции с глаголами на *-ся* // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XV. С. 286–302.

Верещагин, Костомаров 1973 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М.: Изд-во МГУ, 1973.

Виноградов 1975 — *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Виноградов В. В.* Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975.

Виноградов 1980 — *Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.

Виноградов 1994а — *Виноградов В. В. Быт* // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 63–65.

Виноградов 1994б — *Виноградов В. В. Пошлый* // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 531–533.

Виноградов 1994в — *Виноградов В. В. Вздор* // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 85–87.

Виноградов 1994г — *Виноградов В. В. Задор* // *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 183–186.

Виссон 2007 — *Виссон Л.* Русские проблемы в американской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2007.

Воробьева 2006 — *Воробьева И. А.* Психосемантический анализ переживания тоски: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск: ДВГУПС, 2006.

Вяземский 1963 — *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1963.

Гак, Триомф 1991 — Французско-русский словарь / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. М.: Русский язык, 1991.

Гаспаров Б. М. 1994 — *Гаспаров Б. М.* Быт как категория поэтики Пастернака // Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. С. 56–69.

Гаспаров М. Л. 2001 — *Гаспаров М. Л.* Марина Цветаева. От поэтики быта к поэтике слова // *Гаспаров М.* О русской поэзии. М., 2001.

Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Даль 1957 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

Даль 1978–1980 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 1; Т. 2. 1979; Т. 3, 4. 1980.

Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1994.

Дворецкий 1958 — *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М., 1958.

Дворецкий 1976 — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.

Добровольский 2009 — *Добровольский Д. О.* Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383–401.

Добровольский 2013 — *Добровольский Д. О.* Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Добровольский 2015 — *Добровольский Д. О.* Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015. Вып. 6. С. 411–446

Добровольский и др. 2005 — *Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А.* Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный копус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 263–296.

Добровольский, Падучева 2008 — *Добровольский Д. О., Падучева Е. В.* Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2008. М., 2008. С. 140–146.

Добровольский, Шмелев 2018 — *Добровольский Д. О., Шмелев А. Д.* Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *что ни говори* // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 34–48.

Дьяченко 1993 — *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. [Репринтное воспр. издания 1900 г.]

Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Словарь московского арго: материалы 1980–1994 гг. М.: Русские словари, 1994.

Елистратов 1997 — *Елистратов В. С.* Евразийский Рим, или Апология московского мещанства // *Елистратов В. С.* Язык старой Москвы. М., 1997.

Ермакова 2000 — *Ермакова О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка. М., 2000.

Ермакова 2002 — *Ермакова О. П.* Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию *начала* и *конца* // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 61–68.

Еськова 1999 — *Еськова Н. А.* Хорошо ли мы знаем Пушкина? М.: Русские словари, 1999.

Женетт 1972 — *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. М., 1972.

Живов 2009 — *Живов В. М.* Грѣховодник. К истории слова и понятия // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 405–430.

Жолковский 1996 — *Жолковский А. К.* Окно у Пастернака // *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Работы по поэтике выразительности. М., 1996.

Зализняк 1983 — *Зализняк Анна А.* Семантика глагола *бояться* в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1. С. 59–66.

Зализняк 1990/2006 — *Зализняк Анна А.* Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990. (См. также: *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 116–130.)

Зализняк 1991 — *Зализняк Анна А. Считать* и *думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Зализняк 1992 — *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beitrage. Munchen: Otto Sagner Verlag, 1992. Bd 298.

Зализняк 1994 — *Зализняк Анна А.* Праздник жизни проходит мимо (Заметки о неоднозначности некоторых русских слов) // Wiener Slawistischer Almanach. 1994. Bd 34.

Зализняк 1995 — *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // Russian Linguistics. 1995. Vol. 19. P. 143–185.

Зализняк 1999 — *Зализняк Анна А.* Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен (в связи с романом М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия») // Festschrift Anna Wierzbicka / Ed. by J. L. Mey. RASK № 9/10. Odense University Press, March 1999.

Зализняк 2000а — *Зализняк Анна А.* О семантике щепетильности (*обидно*, *совестно* и *неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 101–118.

Зализняк 2000б — *Зализняк Анна А.* Заметки о метафоре // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.

Зализняк 2001 — *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

Зализняк 2003 — *Зализняк Анна А. Счастье* и *наслаждение* в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 5. С. 85–105.

Зализняк 2004 — *Зализняк Анна А.* Реконструкция «истинного смысла» реплик в конфликтном диалоге: постановка проблемы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международного семинара Диалог'2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2004.

Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Зализняк 2007 — *Зализняк Анна А. Юмор* и *остроумие* в европейской культурной перспективе // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма М., 2007. С. 550–559.

Зализняк 2009 — *Зализняк Анна А.* Об эволюции концепта *отдыхать* в русском языке // «Слово — чистое веселье»: Сб. статей в честь Александра Борисовича

Пеньковского / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 63–76.

Зализняк 2012а — *Зализняк Анна А.* Об эффекте ближней семантической эволюции // PHILOLOGICA. Двуязычный журнал по русской и теоретической филологии / Под ред. И. А. Пильщикова, М. И. Шапира. 2012. Т. 9. № 21/23.

Зализняк 2012б — *Зализняк Анна А.* Заметки об аспектуальной семантике русских диспозициональных глаголов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2012. № 6. С. 213–220.

Зализняк 2013а — *Зализняк Анна А.* Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2013.

Зализняк 2013б — *Зализняк Анна А.* Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине «языковая картина мира» // Russian Linguistics. 2013. Vol. 37. Issue 1. P. 5–20.

Зализняк 2014 — *Зализняк Анна А.* Языковая картина мира: между Сциллой и Харибдой // V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 18–21 марта 2014. С. 108–109.

Зализняк 2015 — *Зализняк Анна А.* Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2015. М., 2015. С. 651–662.

Зализняк 2016а — *Зализняк Анна А.* База данных межъязыковых эквиваленций как инструмент лингвистического анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2016. М., 2016. С. 763–775.

Зализняк 2016б — *Зализняк Анна А.* Заметки к лингвистической теории нарратива // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров. М.: Гнозис, 2016. С. 8–24.

Зализняк 2018 — *Зализняк Анна А.* О семантической эволюции дискурсивных слов: русское *как раз* // Die Welt der Slaven. 2018. 63/1. S. 74–84.

Зализняк 2019 — *Зализняк Анна А.* Загадка полисемии слова *кроме* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. XXII. Материалы междунар. науч. конф. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (памяти Андрея Анатольевича Зализняка)». СПб.: Нестор-История, 2019. С. 79–90.

Зализняк 2020а — *Зализняк Анна А.* Русское *как бы*: семантика, прагматика, диахрония // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2020. М., 2020.

Зализняк 2020б — *Зализняк Анна А.* Русское *разве*: от предлога к вопросительной частице // Известия ОЛЯ. 2020. Т. 79 (4). С. 5–11.

Зализняк, Левонтина 1996 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б.* Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: *Anna Wierzbicka.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. 1996. Vol. 20. P. 237–264.

Зализняк, Левонтина 1999 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б.* С любимыми не расставайтесь // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Зализняк, Падучева 2018 — *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: *пожалуй, никак, все-таки* // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2018. 22 (3). С. 628–652.

Зализняк, Падучева 2019 — *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* Русское *что-то* как дискурсивное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2019. М., 2019. С. 755–770.

Зализняк, Шмелев 1997а — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 229–240.

Зализняк, Шмелев 1997б — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Лекции по русской аспектологии // Slavistische Beiträge. B. 353. München: Otto Sagner Verlag, 1997.

Зализняк, Шмелев 1999 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* О том, чего нельзя сделать вместе // Типология и история языка. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 450–457.

Зализняк, Шмелев 2000 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Зализняк, Шмелев 2001 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Conveni, convici, convixi // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. 2001. № 5. С. 233–252.

Зализняк, Шмелев 2002 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Семантика начала с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 212–224.

Зализняк, Шмелев 2003а — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Homo jubilans // Rusistika. Slavistika. Lingvistika. Festschrift fur Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag / Hrsg. von S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger. München: Otto Sagner Verlag, 2003. S. 310–319. (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 19.)

Зализняк, Шмелев 2003б — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Компактность *vs.* рассеяние в метафорическом пространстве русского языка // Логический анализ языка. М., 2003. С. 345–355.

Зализняк, Шмелев 2004 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: быт, пошлость, вранье // Логический анализ языка. Языки эстетики. М., 2004. С. 209–230.

Зализняк, Шмелев 2006 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Конфликтный диалог и межкультурная коммуникация // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Коллективная монография / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2006. С. 68–75.

Зализняк, Шмелев 2008 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Льстить*: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 660–667.

Зализняк, Шмелев 2010 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Вздор*: слово и дело // Логический анализ языка. Монолог, диалог, полилог. М.: Индрик, 2010. С. 141–151.

Зализняк, Шмелев 2011 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Как мы проводим дни и ночи // Слово и язык. Сб. статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 228–236.

Зализняк, Шмелев 2012 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Русское *разочарование* в европейском контексте: история и современность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2012. Бекасово, 30 июня — 3 июля 2012. М., 2012. С. 684–695.

Зализняк, Шмелев 2014 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* О двух лингвоспецифичных единицах русского числового кода // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2014. С. 105–120.

Зализняк и др. 2005а — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Зализняк и др. 2005б — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* О пошлости и прозе жизни // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 175–204.

Зализняк и др. 2012 — *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры. М., 2012.

Зализняк и др. 2015 — *Зализняк Анна А., Зацман И. М., Инькова О. Ю., Кружков М. Г.* Надкорпусные базы данных как лингвистический ресурс // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2015». 22–26 июня 2015, Санкт-Петербург. СПб., 2015. С. 211–218.

Зализняк и др. 2018 — *Зализняк Анна А., Денисова Г. В., Микаэлян И. Л.* Русское *как-нибудь* по данным параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2018. М., 2018. С. 803–817

Иванов, Топоров 1960 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Санскрит. М.: Издательство восточной литературы, 1960.

Инькова, Кобозева 2018 — *Инькова О. Ю., Кобозева И. М. Как* и его двухместные варианты // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под ред. О. Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 168–239.

Инькова, Манзотти 2019 — *Инькова О., Манзотти Э.* Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: Языки славянских культур, 2019.

Иоанесян 1993 — *Иоанесян Е. Р.* Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 89–95.

Иомдин 1981 — *Иомдин Л. Л.* Симметричные предикаты в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1979. М., 1981. С. 89–105.

Иомдин Б. Л. 2005 — *Иомдин Б. Л.* С чего начинается текст? Опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. Диалог-2005. М., 2005.

Иорданская 1970 — *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970.

Капанадзе 1973 — *Капанадзе Л. А.* Номинация // Русская разговорная речь. М., 1973.

Карабчиевский 1985 — *Карабчиевский Ю.* Воскресение Маяковского. München: Страна и мир, 1985.

Кибрик 1992 — *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Киселева, Пайар 2003 — *Киселева К., Пайар Д.* Механизмы семантического варьирования на примере группы единиц с корнем *вид-*: ВИДИМО, ПО-ВИДИМОМУ, ВИДНО // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Под ред. Д. Пайар. М., 2003. С. 50–79.

Копчевская-Тамм, Рахилина 1999 — *Копчевская-Тамм М., Рахилина Е. В.* С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка: от описания к объяснению. Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика / Под ред. Е. В. Рахилиной, Я. Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 462–487.

Кочергина 1978 — *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1978.

Кравецкий 2012 — *Кравецкий А. Г. Кликуши*: к истории слова и понятия // История понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 109–128.

Крейдлин 1993 — *Крейдлин Г. Е.* Таксономия и аксиология в языке и в тексте // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 30–40.

Кружков 2015 — *Кружков М. Г.* Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: электронные корпуса текстов // Системы и средства информатики. 2015. Т. 25. № 2. С. 140–159.

Крысин 2005 — *Крысин Л. П.* Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 450–455.

Курицын 2001 — *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2001.

Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Лаптева 2004 — *Лаптева О. А.* Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья вторая) // Вопросы языкознания. 2004. № 5.

Ларина 2003 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Издательство РУДН, 2003.

Ларина 2009 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских культурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Леви 1989 — *Леви В.* Нестандартный ребенок. М., 1989.

Левин 1998 — *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.

Левонтина 1995 — *Левонтина И. Б.* Слова-свидетели // Мова тоталітарного суспільства. Київ, 1995. С. 93–99.

Левонтина 1997 — *Левонтина И. Б.* ЖАЛОСТЬ // Новый объяснительный словарь русского языка. Вып. 1. М., 1997.

Левонтина 2012 — *Левонтина И. Б.* Откуда есть пошла русская душа? // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 313–322.

Левонтина, Шмелев 1999 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. На своих двоих*: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 269–285.

Левонтина, Шмелев 2000 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.

Летучий 2008 — *Летучий А. Б.* Конструкции сравнения ситуаций с показателями *как бы* и *как будто* // НТИ. Сер. 2. 2008. № 2. С. 19–27.

Лихачев 1979 — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979.

Лихачев 1989 — *Лихачев Д. С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989.

Лотман, Успенский 1994 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 219–253.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.

Матвеева 2003 — *Матвеева И.* Энантиосемия как феномен смыслового сдвига лексических единиц (на примере произведений С. Довлатова) // Text processing and cognitive technologies. 8. Varna; Moscow, 2003.

Мельчук 1985 — *Мельчук И. А.* Семантические этюды. I. «Сейчас» и «теперь» в русском языке // Russian linguistics. 1985. Vol. 9. No. 2–3.

Мельчук, Жолковский 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка // Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 14. Wien, 1984.

Микаэлян, Зализняк 2019 — *Микаэлян И. Л., Зализняк Анна А.* Производные значения русского неопределенного наречия *как-то*: опыт корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2019. М., 2019. С. 448–461.

Михайлов 2005 — *Михайлов М. Н.* Частица и целое: к вопросу о поиске соответствий служебных слов в параллельном корпусе переводных текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. Диалог'2005 (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.). М., 2005. С. 377–381.

Мюллер 2012 — *Мюллер В. К.* Большой англо-русский словарь: 200 000 слов и выражений. М., 2012.

Николаева 1988 — *Николаева Т. М.* «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988. С. 154–165.

Николина 1993 — *Николина Н. А.* Семантика и функции слова «АВОСЬ» в современном русском языке // Многоаспектность синтаксических единиц. М., 1993. С. 157–168.

Ожегов 1981 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981.

Ожегов, Шведова 1998 — *Ожегов С. И, Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1998.

Оскольская 2011 — *Оскольская С. А.* Прагматические свойства конструкций с *кроме* // Русская филология. 2011. № 22. С. 178–182

Оскольская 2014 — *Оскольская С. А.* Конструкции с союзом *кроме как* и с предлогом *кроме* в русском языке // Труды Института лингвистических исследований РАН. Acta Linguistica Petropolitana. СПб., 2014. С. 363–398.

Оскольская, Холодилова 2009 — *Оскольская С. А., Холодилова М. А.* Некоторые особенности употребления предлога *кроме* // Русская филология. 2009. № 20. С. 192–196.

Павлова 1987 — *Павлова А. В.* Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

Павлова 2012 — *Павлова А.* Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? // Антропологический форум. 2012. № 16. Online, 3–60 (URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf).

Павлова, Безродный 2013 — *Павлова А. В., Безродный М. В.* Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности». СПб., 2013. С. 138–159.

Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.

Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1995 — *Падучева Е. В.* В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 54. 1995. № 3.

Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.

Падучева 1997 — *Падучева Е. В.* Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // Известия РАН. 1997. № 2.

Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Падучева 2006 — *Падучева Е. В.* Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: ЯСК, 2006.

Пайар 1998 — *Пайар Д. КАК РАЗ*, или МИРОМ ПРАВИТ СЛУЧАЙ // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайар. М., 1998. С. 278–274.

Пеньковский 1991 — *Пеньковский А. Б. Радость* и *удовольствие* в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Пеньковский 2003 — *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: «...В хронологической пыли / Бытописания земли» // Сокровенные смыслы. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2003.

Пеньковский 2004а — *Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004.

Пеньковский 2004б — *Пеньковский А. Б.* Тезисы о тимиологии и тимиологических оценках // *Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 50–60.

Пеньковский 2005 — *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики. М., 2005.

Перцов 2000 — *Перцов Н. В.* О последнем сонете Пушкина // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

Перцов 2009 — *Перцов Н. В.* Размышления о лексической семантике пушкинской поры и об одном ее «культурном мифе» (над книгой А. Б. Пеньковского

«Нина...») // «Слово — чистое веселье...»: Сб. статей в честь А. Б. Пеньковского. М.: Языки славянской культуры, 2009.

Пешковский 2001 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1: Тематический выпуск «Глагольные префиксы и префиксальные глаголы». С. 95–124.

Плунгян, Рахилина 1996 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 340–351.

Протасова 2006 — *Протасова Е.* Какого вкуса *обида*? // Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Под ред. Г. Нечипорец-Такигава. М.: Летний сад, 2006. С. 270–288.

Разлогова 1996 — *Разлогова Е. Э.* Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания // Русистика сегодня. 1996. 3. С. 21–47.

Разлогова 1998а — *Разлогова Е. Э.* АВОСЬ, или на Бога надейся... и можешь плошать // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 319–325.

Разлогова 1998б — *Разлогова Е. Э.* НЕБОСЬ, или вторжение // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 326–331.

Разлогова 2004 — *Разлогова Е. Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. М., 2004.

Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.

Рахилина, Резникова 2013 — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

РГ-80 — Русская грамматика. В 2-х тт. (ред. Н. Ю. Шведова). М.: Наука, 1980.

Рудницкая 1998 — *Рудницкая Е. Л.* КРОМЕ ТОГО // Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайар. М., 1998. С. 262–266.

Саакянц 2002 — *Саакянц А.* Жизнь Цветаевой. М.: Центрполиграф, 2002.

Санников 2003 — *Санников А. В.* Достоинство 2, гордость 1, самолюбие // Новый объяснительный словарь русского языка. Вып. 3. М., 2003.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). (Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, РАН). М., 1988–.

Симина 1957 — *Симина Г. Я.* Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Изучение языка писателя. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 148–160.

Сичинава 2014 — *Сичинава Д. В.* Использование параллельного корпуса для количественного изучения лингвоспецифичной лексики // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 10. М.: МАКС ПРЕСС, 2014. С. 37–44.

Скальковский 1905 — *Скальковский К. А.* Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых. СПб., 1905.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982.

Соколова 2013 — *Соколова Л. В.* Способы передачи безэквивалентной лексики в переводах А. Чехова на испанский язык (на материале концепта «тоска») // Tipología léxica / Ed. by Rafael Guzmán Tirado, Irina A. Votyakova. Granada, 2013. P. 191–196.

Соловьев 1912 — *Соловьев В. С.* Собрание сочинений. Т. 3 (1877–1884). СПб: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912.

Срезневский 1989 — *Срезневский И. И.* Материалы к словарю древнерусского языка: в 3 т. М., 1989.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Т. 3. Л.: Наука, 1987.

Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

СЯП — Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 1956–1961.

Тарасевич 2014 — *Тарасевич Л. А.* Интерпретация пространственных выражений: к проблеме неоднозначности (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А: Гуманитарные науки. 2014. № 10. С. 102–107.

Толковый словарь русского языка 1935 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935.

Топоров 1973 — *Топоров В. Н.* Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1973. С. 91–109.

Урысон 2003 — *Урысон Е. В.* Проблема исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Урысон 2004 — *Урысон Е. В.* Эстетическая оценка тела человека в русском языке // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 471–486.

Урысон 2009 — *Урысон Е. В.* Разговорные частицы *как бы* и *конкретно* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междун. конф. Диалог'2009. Бекасово, 27–31 мая 2009. М., 2009.

Успенский 1970/95 —*Успенский Б. А.* Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970 (также в книге: *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995).

Успенский 1979 — *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.

Успенский 2011 — *Успенский Б. А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.

Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996.

Фролова 2003 — *Фролова О. Е.* Вульгарный или пошлый // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5).

Черемисина 1976 — *Черемисина М. В.* Сравнительные конструкции в русском языке. Новосибирск, 1976.

Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1994.

Черняк 2009 — *Черняк В. Д.* Лакуны в тезаурусе и культурная грамотность // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2009. С. 92–101.

Чоудхури 2011 — *Чоудхури О. Л.* Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011.

Шаховский 2009 — *Шаховский В. И.* Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология. М.: Либроком, 2009.

Ширяев 2001 — *Ширяев Е. Н.* Что такое разговорный диалог? // Русский язык: исторические судьбы и современность. Сб. тезисов междунар. конф. М., 2001.

Шмелев Д. Н. 1964 — *Шмелев Д. Н.* Несколько случаев лексико-семантической контаминации // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 3. М., 1964.

Шмелев 1984 — *Шмелев А. Д.* Определенность — неопределенность в названиях лиц в русском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Шмелев 1996а — *Шмелев А. Д.* Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.

Шмелев 1996б — *Шмелев А. Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Русский язык в школе. 1996. № 4.

Шмелев 1996в — *Шмелев А. Д.* Жизненные установки и дискурсные слова // Aspekteja. [= Slavica Tamperensia, V.] Tampere, 1996. P. 311–322.

Шмелев 1997 — *Шмелев А. Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Шмелев 2000а — *Шмелев А. Д.* «Широта русской души» // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.

Шмелев 2000б — *Шмелев А. Д.* «Общие» слова // Слово в тексте и слово в словаре: Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000.

Шмелев 2000в — *Шмелев А. Д.* Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Мир русского слова. 2000. № 4.

Шмелев 2000г — *Шмелев А. Д.* Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–389.

Шмелев 2001 — *Шмелев А. Д.* Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (*на всякий случай, если что, вдруг*) // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 266–279.

Шмелев 2002а — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки русской культуры, 2002.

Шмелев 2002б — *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Шмелев 2004а — *Шмелев А. Д.* Виды эстетической оценки в представлении русского языка // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 303–311.

Шмелев 2004б — *Шмелев А. Д.* Энантиосемия как системное явление // Лингвистика и поэтика. М.: ЦГЛ, 2004.

Шмелев 2005а — *Шмелев А. Д.* Источники энантиосемии // Русский язык и его функционирование. Глазов: ГГПИ, 2005.

Шмелев 2005б — *Шмелев А. Д.* Комментарий к статье А. Вежбицкой // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Шмелев 2007 — *Шмелев А. Д.* Смех и улыбки в русской языковой картине мира // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 603–613.

Шмелев 2009 — *Шмелев А. Д.* «Незначащее» и «невыраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 173–202.

Шмелев 2012а — *Шмелев А. Д.* Языковая картина мира и «картина мира текста»: точки взаимодействия // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

Шмелев 2012б — *Шмелев А. ХОХМА*: Еврейская мудрость и русская шутка // Die Welt der Slaven. 2012. Nr. 57. S. 306–321.

Шмелев 2012в — *Шмелев А. Д.* Перевод «непереводимого». Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. М.: Индрик, 2012. С. 44–54.

Шмелев 2014 — *Шмелев А. Д.* Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. I. М., 2014. С. 36–116.

Шмелев 2015 — *Шмелев А. Д.* 2015. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные

камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2015. С. 561–570.

Шмелев 2017 — *Шмелев А. Д.* Русские *авось* и *небось* revisited // Die Welt der Slaven. 2017. 62 (2). S. 276–303.

Шмелев 2018 — *Шмелев А. Д.* Вехи прагматикализации // URL: https://www.slavistik.uni-muenchen.de/forschung/tagungen/tagungsarchiv/konferenz-pragmatik/abstract_aleksej-shmelev.pdf (2018).

Шмелев 2019а — *Шмелев А. Д.* От (пре)мудрого до смешного, или еще раз о хохме и остроумии // Но мы сохраним тебя, русский язык! М.: Флинта, 2019. С. 270–282.

Шмелев 2019б — *Шмелев А. Д.* Языковое мастерство Солженицына как вызов переводчику // Александр Солженицын: взгляд из XXI века. М.: Русский путь, 2019. С. 576–596.

Шмелев 2020 — *Шмелев А. Д.* Лингвоспецифичные слова в зеркале перевода: *тоска* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2020. Вып. 19 (26). М., 2020. Т. 2. С. 658–669.

Шмелев, Зализняк 2017 — *Шмелев А. Д., Зализняк Анна А.* Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам междунар. конф. Диалог'2017. М., 2017. Т. 2. С. 370–380.

Шмелева 2012 — *Шмелева Е. Я.* О словах *компромисс* и *бескомпромиссный* // История понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 196–203.

Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Шмид 2003 — *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.

Якобсон 1979 — *Якобсон Р.* О поколении, утратившем своих поэтов // *Jakobson R.* Selected Writings. V. 5. The Hague; Paris; New York, 1979.

Яковлева 1988 — *Яковлева Е. С.* Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988. С. 278–302.

Яковлева 1994 — *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М.: Гнозис, 1994.

Янко-Триницкая 1962 — *Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

Aijmer 2008 — *Aijmer K.* Translating Discourse Particles: A Case of Complex Translation // Incorporating Corpora: The Linguist and the Translator / Ed. by G. Anderman, M. Rogers. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters LTD, 2008.

Akhmanova 1981 — *Ahmanova O.* (ed.) Russian-English dictionary. New York: Dutton, 1981.

Anderman, Rogers 2008 – Incorporating Corpora: The Linguist and the Translator / Ed. by G. Anderman, M. Rogers. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters LTD, 2008.

Arakin et al. 1996 – *Arakin V. D. et al.* New college Russian and English dictionary. Lincolnwood, Illinois: NTC's, 1996.

Benigni 2014 – *Benigni V.* Strategie di approssimazione lessicale in russo e in italiano // L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni Orso, 2014. P. 203–224.

Blank 1997 – *Blank A.* Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen. Beihefte fur Zeitschrift für romanische Philologie. Bd 285. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997.

Bonnola 2017 – *Bonola A.* Il corpus parallelo italiano-russo-italiano come strumento per l'indagine contrastiva delle marche discorsive e testuali: il caso di *comunque* e i suoi traduttivi russi // Тематический номер журнала «Сопоставительное языкознание», посвященный контрастивным корпусным методам анализа коннекторов / Под ред. О. Иньковой, Д. Манчевой. София, 2017. С. 99–116.

Boym 1994 – *Boym S.* Common Places. Mythologies of everyday life in Russia. Cambridge, MA; London (England): Harvard Univ. Press, 1994.

Bužarovska 2006 – *Bužarovska E.* Pathways of Semantic Change from Similarity Marker to Sensory Evidential // Slavia Meridionalis. Studia Linguistica et Balcanistica 6. Warszawa: Institut slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2006. S. 185–311.

Caffi 2010 – *Caffi C.* Weakening or Strenthening? A Case of Enantiosemy in Plato's *Gorgias* // New Approaches to Hedging / Hrsg. von G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider. Emerald Group Publishing Ltd., 2010.

Charlton, Short 1879 – *Charlton T. Lewis, Short Ch.* A Latin Dictionary. N. Y.: Harper and Brothers, 1879.

Chomsky 1991 – *Chomsky N.* Linguistics and Cognitive Science // The Chomskyan Turn. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1991. P. 3–25.

Dahl 1979 – *Dahl Ö.* Typology of sentence negation // Linguistics. 1979. 17. 1-2. P. 79–106.

DFC – Dictionnaire du français contemporain / Ed. par J. Dubois. Paris: Librairie Larousse, 1971.

Dirven 1985 – *Dirven R.* Metaphor and polysemy // La polysemie: lexicogaphie et cognition. Cabay. Louvain-la-Neuve, 1985.

Dobrovol'skij 2006 – *Dobrovol'skij D.* Zur kontrastiven Analyse kulturspezifischer Konzepte // Wörter-Verbindungen. Festschrift Jarmo Korhonen zum 60. Geburtstag / Hrsg. von U. Breuer, I. Hyvärinen. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2006. S. 31–45.

François 2008 – *François A.* Semantic maps and the typology of colexification // From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations / Ed.

by M. Vanhove. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163–216. [Studies in Language Companion series. 106.]

Fraser 1980 — *Fraser B.* Conversational mitigation // Journal of pragmatics. 1980. 4. P. 341–350.

Gallant 1979 — *Gallant J.* Russian Verbal Prefixation and Semantic Features: An Analysis of the Prefix VZ- // Slavistische Beitrage. Bd 135. München: Otto Sagner Verlag, 1979.

Goddard 1998 — *Goddard C.* Semantic Analysis. New York: Oxford Univ. Press, 1998.

Gogolitsyna 1998 — *Gogolitsyna N. Byt.* A Russian word study // Rusistica. No. 17. March, 1998. P. 3–6.

Hasselgård, Oksefjell (eds) 1999 — Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson / Ed. by H. Hasselgård, S. Oksefjell. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1999.

Hénault 2008 — *Hénault Ch.* Eating beyond certainities. // From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations / Ed. by M. Vanhove. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 291–301.

Iordanskaja, Mel'čuk 1990 — *Iordanskaja L., Mel'čuk I.* Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat'sja* 'to be afraid' and *nadejat'sja* 'to hope' // Australian Journal of Linguistics. 1990. Vol. 10. No. 2.

Janda 1986 — *Janda L.* A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-* // Slawistische Beiträge. München, 1986. Bd. 192.

Juvonen, Koptjevskaja-Tamm (eds) 2016 — The lexical typology of sematic shifts / Ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. (Cognitive Linguistics Research. 58.)

Katzner 1994 — *Katzner K.* English-Russian, Russian-English dictionary. New York, 1994.

Koch 2001 — *Koch P.* Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // Language typology and language universals: An international handbook / Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 1143–1175.

Kruzhkov et al. 2014 — *Kruzhkov M., Buntman N. V., Loshchilova E. J. Sitchinava D. V., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M.* The database of Russian verbal forms and their French translation equivalents // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2014. М., 2014. С. 275–287.

Lakoff 1973 — *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. No. 4. P. 458–508.

Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980.

Lasersohn 1990 — *Lasersohn P.* Group action and spatio-temporal proximity // Linguistics and philosophy. 1990. 13. No. 2. P. 119–206.

Leinonen 1985 – *Leinonen M.* Finnish and Russian as They Are Spoken: from Linguistic to Cultural Typology // Scando-Slavica. 1985. T. 31. P. 118–144.

Lepschy 1981 – *Lepschy G.* Mutamenti di prospettiva nelle linguistica // Studi linguistici y semiologici. Vol. 14. Il Mulino, 1981.

Levontina, Shmelev 2005 – *Levontina I., Shmelev A.* The particles one cannot do without // East–West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow, 2005. P. 258–267.

Levontina, Zalizniak 2001 – *Levontina I. B., Zalizniak Anna A.* Human emotions viewed through the Russian language // Emotions in Crosslinguistic perspective / Ed. by J. Harkins, A. Wierzbicka. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 291–336.

Loiseau et al. 2103 – *Loiseau S., Sitchinava D. V., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M.* Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus // Информатика и ее применения. 2013. Т. 7. Вып. 2. С. 100–109.

Meľčuk 1988 – *Meľčuk I.* Semantic description of lexical units in an Explanatory Combinatorial Dictionary: Basic principles and heuristic criteria // International Journal of Lexicography. 1988. Vol. 1. No. 3. P. 165–188.

Nida, Taber 1969 – *Nida E. A., Taber Ch. R.* The Theory and Practice of Translation, With Special Reference to Bible Translating. Leiden: Brill, 1969.

Noël 2003 – *Noël D.* Translations as evidence for semantics: An illustration // Linguistics. 2003. 41 (4). P. 757–785.

Nunberg, Zaenen 1992 – *Nunberg G., Zaenen A.* Systematic polysemy in lexicology and lexicography // Eurolex'92. 1992. Pt. II. P. 387–396.

Prince et al. 1982 – *Prince E., Bosk C., Frader J.* On hedging in Physician-Physician Discourse // Linguistics and the Professions / Ed. by Di Pietro. Norwood, NJ: Ablex, 1982. P. 83–97.

Pustejovski 1995 – *Pustejovsky J.* The generative lexicon. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Raskin 1985 – *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: Reidel, 1985.

Searle 1983 – *Searle J. R.* Intentionality. An essay in the philosophy of mind. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 1983.

Sériot 2005 – *Sériot P.* Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2005. No. 57. P. 23–43.

Shmelev 2016 – *Shmelev A.* Semantic shifts as sources of enantiosemy // The Lexical Typology of Semantic Shifts / Ed. by P. Juvonen, M. Koptievskaja-Tamm. Cognitive Linguistic Research. Mouton de Gruyter, 2016. Vol. 58. P. 67–93.

Shmelev 2020 – *Shmelev A.* Russian Language-Specific Words in the Light of Parallel Corpora // Meaning, Life and Culture: In Conversation with Anna Wierzbicka / Ed. by H. Bromhead, Zhengdao Ye. Canberra: ANU Press. In press (2020).

SOED — Short Oxford English Dictionary. Fifth edition. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.

Sweetser 1990 — *Sweetser E. E.* From etymology to pragmatics // Cambridge studies in linguistics. 54. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

Tannen 1986 — *Tannen D.* That's Not What I Meant! New York; Toronto: Ballantines Publ. Group : Random House, 1986.

Tannen 1989 — *Tannen D.* Talking Voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.

Tannen 1990 — *Tannen D.* You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation. N. Y.: Harper Collins Pub Inc., 1990.

Tannen 2002 — *Tannen D.* I Only Say This Because I Love You. New York; Toronto: Ballantines Publ. Group : Random House, 2002.

TLFi — Le Trésor de la Langue Française informatisé // URL: https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/

Traugott, Dasher 2002 — *Traugott E., Dasher R.* Regularities in semantic change. Cambridge: CUP, 2002.

Traugott, König 1991 — *Traugott E. C., König E.* The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // Approaches to grammaticalization / Ed. by E. C. Traugott, B. Heine. Amsterdam, 1991. Vol. 1. P. 189–218.

Vendler 1976 — *Vendler Z.* Illocutionary Suicide // Issues in the Philosophy of Language / Ed. by A. F. MacKay, D. D. Merrill. New Haven: Yale Univ. Press, 1976. P. 135–145.

Weiss 2006 — *Weiss D.* Zur linguistischer Analyse polnischer, russischer und deutscher 'key words' bei Anna Wierzbicka: Kulturvergleich als Sprachvergleich? // Berührungslinien. Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs / Hrsg. von M. Marzałek, A. Nagórko. Hildesheim, New York: Olms-Weidmann, 2006. S. 233–256.

Wheeler, Unbegaun 1984 — *Wheeler M., Unbegaun B.* (eds). The Oxford Russian-English dictionary. 2nd ed. Oxford; New York, 1984.

White, Riddle (eds) 1876 — A Latin-English Dictionary / Ed. by J. T. White, J. E. Riddle. London: Longmans, Green, and Co., 1876.

Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Negacja — jej miejsce w strukturze głębokiej // *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław: Ossolineum, 1969.

Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A.* Semantic primitives // Linguistische Forschungen. Bd 22. Frankfurt/M., 1972.

Wierzbicka 1988 — *Wierzbicka A.* The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.

Wierzbicka 1992 — *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.

Wierzbicka 1996 — *Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

Wierzbicka 1997 — *Wierzbicka A.* Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.

Wierzbicka 1998 — *Wierzbicka A.* Angst // Culture & Psychology. 1998. 4 (2). P. 161–188.

Wierzbicka 1999 — *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures. Diversity and Universals. Cambridge Univ. Press; Paris: Edition de la Maison des Sciences de l'homme, 1999.

Zalizniak 2018 — *Zalizniak Anna A.* The Catalogue of Semantic Shifts: 20 years later // Russian Journal of Linguistics. 2018. V. 22 (4). P. 770–786.

Zalizniak et al. 2012 — *Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The Catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic Typology // Linguistics. 2012. Vol. 50. No. 3.

Zaliznjak, Shmelev 2007 — *Zaliznjak Anna A., Shmelev A. D.* Sociativity, conjoining, reciprocity, and the Latin prefix *com-* // Reciprocal constructions / Ed. by V. P. Nedjalkov. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. I. P. 209–229.

Указатель лексем *

А
а 285, 286, 377–379
а вдруг 249
А как же! 306
а разве 375, 377–379
а так 312
авось 97, 218–221, 241– 257, 260, 263, 265, 269–272, 460, 479, 480, 489
авось-либо 250
аггел, *ц.-сл.* 308
азарт 198
аккуратность 459
ангел 308
арбуз 432

Б
баба 199
бабка 199
бабуля 457
бабушка 199, 457
байроновская тоска 349
барство 459
беда 210, 213, 214
без единого <Gen> 175
без толку 253
без труда 477
без цели 253
безвкусный 200
бездумно 253
безобразие 110
безусловно 235
белка 455
бередить 326
бережливость 459
беречь 146, 148
бескомпромиссность 472
бескорыстие 113
беспечность 459
беспокоиться 161
бесполезный 148
бессмысленный 148
бесспорно 235
бесхозяйственность 459
бесцельно 253
бесценный 312
бирюзовый 450
благодать 487, 488
благолепие 487
блюдо 10
бодрствовать 38
боевые заслуги 308
божий человек 487
болеть 276
болото мещанства 112
болтун 70
больно жирно 78

* В Указатель включены упоминаемые в книге языковые единицы различных типов, в том числе: служебные морфемы, характерные словосочетания, дискурсивные слова, речевые формулы.

больно надо / нужно 306
бояться 153, 161
брак 11
брат 224, 225, 408, 457
братец 224, 225
браток 225, 457
братцы 224, 225, 457
брать борзыми щенками 490
братья 225
бредить 421
будто 398
будто бы 405
буквально 302, 303
быт 102–107, 114
бытие 104, 105
бытовка 103
бытовой 102, 103

В

в 431, 477
в быту 103–107
в быту скромна 103
в гости 25
в награду 411
в некотором роде 407
в придачу 393
в самом деле 182
в субботу вечером 28
в то же время 282
вагон 16
вал 11
валять 60
варварство 459
вдобавок 393
вдруг 134, 249, 250
ведать 18
вежливость 449, 451
век 475
веред 326
вередить 326
верный друг 70
вероятно 235, 265, 267
весна 23
ветреность 459
вечер 22, 23, 29, 145
вечернее заседание 29
вечером 22, 29
вечером в пятницу 28
вещь 72, 73
вз- 134, 139
взаимно 171
взбаламутиться 134
взбалмошный 134
взбелениться 134
взбеситься 134
взбодриться 134
взбрело в голову 134
взбудоражиться 134
взбунтоваться 134
взбушеваться 134
взвизгнуть 134
взвиться 134
взволнован 93
вздор 132–141
вздор — правда 137
вздорливость 133
вздорливый 133
вздорный 141
вздохнуть 271, 272
вздуматься 134
вздуриться 134
взмолиться 134
взорваться 134
взреветь 134
взыграть 134
взять на хохму 365, 367
вид 425
видеть 18, 190

видимо 235–240
видно 236–240
видно, не судьба 237
включить — выключить 315
вместе 36–40, 164, 167
внучка 457
внушать оптимизм 161
во веки веков 475
вовремя 274, 279
водочка 490
возможно 244
возмущен 93
вознамериться 202
возьми да и помри 276
войти в чей-то быт 104
волна 11
волноваться 161
воля 76, 211, 466
вонь 307, 310
воня 307, 310
вообразить 189
вороватость 491
восхититься 90
Вот так штука! 66
вперед 321, 342, 343, 345
впереди 339, 341
впечатлять 161
впредь 339
впустую 147, 148
вранье 98, 100–102, 122
врать 98, 99, 101, 102
врать красиво 101
вредан, *сербск.* 326
вредно 326
вредно, *сербск.* 326
время 73, 145–149, 152, 320, 322
время идет 320
время течет 320
Врешь! 99
Ври больше! 99
вроде 235
все 164, 384–388
всё 38, 385–388
все до единого 175
всё едино 175
все кроме 382, 386
всё-таки 284–289
всегда 458
всерьез 366
вскинуться 134
вскипеть 134
вскрикнуть 134
вскружить 134
всполошиться 134
вспомниться 134
вспылить 134
вспыльчивый 134
вспыхнуть 134
вставать вместе с петухами 39
встревожен 128
встревожиться 134
встрепенуться 134
встретить 34
встретиться 37, 163, 164, 167
встречаться 167
вступить в брак 166
второе (блюдо) 434, 445, 465
вульгарный 200, 470
вы (вежл.) 434
вы- 317, 434
вывести 317, 338
вывести <породу кроликов> 317, 338
вывести <тараканов> 317, 338
выделывать 65
выйти 334
выйти замуж 35
выйти из состояния 338
выкинуть штуку 65

выпивать на троих 163
вырваться 211
высокое наслаждение 96
высокомерие 435
высокомерный 419
выставить за дверь 336
выходной день 149
вышло 396
выявление 145

Г

галантность 459
галантный француз 489
где наша не пропадала 487
гедонизм 98
глаза завидущие 490
глодать 439
глубокий 23
глядишь 282
глядь 282
гнев 153
гнилой компромисс 472
говорить по телефону 469
говорить пошлости 108
говорить правду в глаза 487
голова (= ед. счета скота) 62
гонор 198, 435
горбун 452
гордиться 431
гордо 431
гордость 308, 431
гордый 307, 308, 431
гордыня 435
горячий 468
горячо любимый 468
гостеприимство 459
гость 292
грациозность 459
грех жаловаться 487
греховодник 435, 436, 487
грешить <на кого-л.> 487
грешник 436
грешно 487
грибочки 490
грозный 213, 214
грубая лесть 126
грустный 467
грусть 467
грядущее 340
грязный как свинья 442
гуляка 70
гулять 38, 167, 466

Д

да ну 481
даром 147
два удовольствия в одном 96
два часа ночи 21
два часа утра 21
дворник 11
девица на выданье 469
девчата 469
дед 457, 462
деликатность 486
деликатный 486
делить хлеб и соль 38, 39
дело 137
дело говоришь 137
деловитость 459, 460
дельная вещь 137
день 23, 29
дерево 9
детство 23
деятель 59, 69, 70
дикость 459
днем 22
до самого вечера 24
до самого утра 24

добираться 478, 483
добраться 334, 483
добротность 459
довелось 478
долг 12, 15
долго 483
долго не решаться 290, 305
долго решаться 290, 305
должник 293
должно быть 235, 257, 265, 267
дом быта 102
донос 432
доносить 432
доносчик 432
дорогой 457
дотошность 459
дочка 457
драка 134
драть 60, 133, 134
драться 34, 134
друг 9, 59, 69
друг друга 171, 172
друг с другом 40, 169
дружба 9
дружок 9
друзья 36
(я) думаю 265, 267
дурак 70
дуть 60, 315, 316, 337
духовник 293
духовность 113
душа 62, 208, 214, 460
душевность 459
дядя 457

Е

Единая Россия 177
единый 163, 174–177
единым духом 175
единым махом 175
единым фронтом 177
елка 462
если что 232
есть 387
ехать на велосипеде 469
еще 225, 226, 231–233, 240, 322, 334, 335
еще засветло 335
еще затемно 334

Ж

жалеть 161, 314
жалкий 314
жалко 146, 149
жалко потраченного времени 149
жалко тратить 146
жалость 314
жарить 60
ждать 153, 161, 210, 232, 290
же 222, 226, 479
желать 58
желтые жилеты 16
жеманность 459
женить 168
жениться 35, 169, 201
жизнь 61, 67
жидовские штучки 68
жилплощадь 444
жуирование 98

З

за 17, 322, 336, 345, 459
за дверью 336
за городом 336
за окном 336
за- 9, 49, 315, 316, 322, 334–338, 345
забарабанить 338
заблудиться 424

заварить кашу 338
завести любовника 316
завести мотор 338
завести часы 316
завистливость 491
завтра 336
завтракать 37, 38, 167
завязать — развязать 315
завязать бой 316
завязать знакомство 316
завязать отношения 316
завязать разговор 316
завязать с воровской жизнью 316
завязка 316
загустеть 338
зад 322, 345
задеть 336, 338
задирать 133
задираться 133
задиристый 133
заднее, *др.-рус.* 344
задний 344, 345
задним числом 322
задняя (ср. р. мн. ч.), *др.-рус.* 321, 344
задор 133
задуть домну 315, 316, 337, 338
задуть свечу 315, 316, 337, 338
задушевность 349
задьнии, *др.-рус.* 344, 345
задьница, *др.-рус.* 345
заедать (кого-л.) 105
зажечь огонь 316
заживо 331
зайка 457
зайти за дом 336
закадычный 9
заклеить окно 316
закоснеть в мещанстве 112
закуска 434
закусочка 490
залечить рану 339
залечить человека 339
замазать трещину 316
замертво 331
замолить грех 337
замолчать факт 337
заморозить 299
замочить 336, 338
заниматься <чем-то> 149
заниматься развратом 77
занятие 149
заодно 485
запастись 146
запилить 336, 338
запить горе 337
запустить мотор 316
заржаветь 338
засасывать 105
засветло 330, 333–338
засидеться в девках 469
заслуга 308
заслуженный 308
заслуживать 310
заслужить 308
застирать пятно 337
засуетиться 338
затем 320
затемно 322, 330–338
заутреня 336
заутро, *др.-рус.* 336
захлопать в ладоши 339
захлопать выступающего 337, 339
заходить по комнате 338
зачервиветь 338
зачеркнуть слово 316
зашить рубашку 316
заштопать дыру 316
заштопать носки 316

заяц 455
звонить 469
звонить по телефону 469
здесь 66
здор 134, 135
Здоро́во! 222
здо́рово 222
зеленая тоска 360
зеленый 450
злорадство 458
знак свыше 487, 488
знамение 487, 488
знать 213
зрелость 23
зря 147
зря радуешься 93

И

и 283, 289, 477
и все-таки 283
играть в теннис 37
играть в шахматы 34, 35, 167
играть на интерес 326
идти 316, 340
идти в ногу со временем 323
идти навстречу своей судьбе 341
из вежливости 451
изволить 310
изможденный 326
изнеможденный 326
изнеможенный 326
изучение 145
изысканность 459
изящество 459
изящный 488
иллюзия 155
иметь намерение 201
имидж 198
интеллигенция 456
интерес 325
интересно 128
интересный 325
интересоваться 325
искренне 408, 451
искренность 100, 352, 451, 488
исповедник 293
исповедовать 293
истина 99, 467
исход 318
исход дела 291
исходная точка 291
исходный 318

К

к первому сентября 26
к пяти часам 26
к тому же 393
к утру 24–26
каждый 173
кажется 185, 235, 244
казалось 183, 186, 189, 405
казаться 15, 183, 405, 419
как 253, 395, 404, 408
как будто 235, 396–398, 405, 408
как бы 134, 395–410, 413–418, 420–428
Как же! 306, 315
как на духу 487, 488
как попало 253
как раз 273–281
как-нибудь 218, 241, 248
какой-то 398
как-то 398
калека 469
каникулы 149
картридж 61
катать 60
кататься 469

кафолическая <церковь> 77
качать права 477
кекс 69
кимоно 198
китч 200
кичиться 435
кичливость 435
кичливый 435
класс 36, 42
кликуша 487, 488
кликушество 487
кликушествовать 487
кокетливость 459
конец 318
копить 146
королевство 467
короткий 15
корысть 96, 99
красан, *сербск.* 17
красен, *болг.* 17
красиво врать 98, 101
красивый 59, 488
красный 17
крикун 70
кромѣ, *др.-рус.* 380, 381
крома, *др.-рус.* 380
кроме 372–393, 409
кроме как 372, 390–393
кроме как если 391
кроме разве 373, 392, 393
кроме разве что 392, 393
кроме того 393, 394
кроме того что 389, 390, 393
кроме шуток 380
крыша 309
куда попало 253
купец 293
купиться 364
кураж 198

Л

лагерь 16
ладный 487, 488
лгать 98, 101
легковесность 459
лезть на стену 477
ленивец 481
ленивый 481
лениться 481
лентяй 481
ленца 481
лень 459, 481, 484
лестно 126, 128–130
лестный 128, 130
лесть 124–126
лето 23
ликовать 85
лист 15
лихач 487
лицо 73, 74
лишний 148
лоботряс 481
лодырь 481
ложь 98
лучити, *сербск.* 317
лучыць, *белорус.* 317
лъча, *болг.* 317
льстец 124, 125
льстити, *др.-рус.* 124
льстить 124–131
льстить <чьему-либо> самолюбию 127
льсть, *др.-рус.* 124
любезность 459
любимый 457
любить 143
любование 97
любоваться 96
любовь 217
лютость 315

М
мало 392
мало что 392
мамаша 457
мать 14, 457
махнуть рукой 227, 228
между 173
между тем 282
мелочи быта 106
мелочность 435, 486
мелочный 486
меня прикалывает 162
меня улыбает 162
мерзавец 313
мечта 439
мечтатель 70
мещанские предрассудки 112
мещанский 110, 112
мещанство 98, 102, 110–115
мимо 303, 304, 340
миновать 304
мир 12
мне плевать 227
мне приятно 128
мне тебя не хватало 483
множество 42
может быть 235, 244, 480
можно 277, 376
молодость 23
моральное разложение 82
мудрец 363
мудрость 362
мучительная тревога 360
мясопуст 323, 324
мясопустная неделя 323, 324

Н
на 17, 145, 209, 210, 244, 245, 275, 397, 420, 421
на авось 243–245, 247, 250, 253
на едином вдохе 175
на моем веку 475
на неделе 324
на неделю вперед 342, 343
наблюдатель 182, 188–191
наверно 235, 244, 257, 265–267
наветы 490
наврать 102
наврать с три короба 102
навстречу 341
наговаривать 490
нагреть руки 490
надеяться 153, 161
надеяться на авось 244
надменность 435
надменный 435
наконец 202
намереваться 201
намерение 202
наобум 253
наобум Лазаря 253
напоследок 320
напрасно 93, 139, 147–149
напрасная трата времени 148
напрасно тратить 147, 148
напрасно ты так думаешь 139
напрасный 148
напрасный труд 139
нарушать 295
наслаждение 79, 96
наследство 345
настоящий 303
наугад 253
наудачу 244, 253
наутро 24, 26, 27
находиться в состоянии 338
начало 318
не 294, 324, 391, 477

не бойся 256
не в силах 414
не грех 487
не грешно 487
не завидую 491
Не может быть! 99
не моргнув глазом 477
не напрасно 148
не нравится 92
не подумай, что 125
не порадовать 92
не радуйся 93
не собрался 203, 204
не судьба 238, 239
не считая 381
не хватить 146
не хочется 484
не штука 65
небо 174, 260
нёбо 174
небось 241–243, 245, 248, 256–272
небось не 261, 267
небось бы 259
негодяй 70
неділя, *укр.* 18, 324
неделя 18, 324, 342
недолюбливать 172
незавидное положение 491
незамутненная радость 85
некий 418
некоторый 418
некрасивый 92
некто 71, 73, 74
нелепица 132
нелестно 130
нелестный 130
неловко 485
нельзя 295
ненавидеть 271, 272
ненавидеть друг друга 172
неожиданно 94
неохота 481, 484
непогода 290
неправда 132
неприкасаемый 305
неприкосновенный 305
нервы 146
несколько 418
несмотря на 284, 286, 287, 393
несомненно 235, 257
нести вздор 139
несчастье 213
нет 389
неудобно 485
неужели 226, 227, 371
нехороший 92
некрасивый 92
нечто 71–73
ни единого <Gen> 174, 175
ни свет ни заря 322
ни хрена 302
низко 411
низкопробный 200
никто 386–389
никто кроме 386–389
ничего 16, 241, 312, 389
ничего себе 312
ничто 386, 388, 389
но 226, 232, 286, 333
норка 16
ночь 21, 23, 145
ночью 22
ну 69, 70, 122, 433, 439
Ну ты молодец! 329
нужно <мне + инф.>! 306
Ну-ка 66
нядзеля, *белорус.* 324

О
об- 304
оба 163–174
обида 153, 217, 478, 485
обидеть 485
обидеться 217, 485
обидно 128, 214, 217, 485
обидчивость 486
обидчивый 486
обижаться 217
обижен 93
обламываться 325
обломаться 325
обломиться 325
облом 325
обман 124
обманщик 124
обнести 304, 338
обойдется 245, 246
обойти 303
обойти <лужу> 303
обойти <сад> 303
обольстить — обольщать 130
обрадован 93
обрадованный 93
обрадовать 85–87, 91–95
обрадоваться 85–87, 89–94
объединенный 177
объект 72
объехать 304
обычно 474
овощи 431, 434
оговаривать 490
огорчен 93, 128, 160
огорчиться — огорчаться 201
ограниченность 459
огурчики 490
одежда 449
один 174, 386
один только 386
одновременно 39, 172, 282, 485
одолжить 292
опередить свое время 323
опережать события 342
определенно 235
организованность 459
оригинальный 325
осел 16
осень 23
основательность 459
остановка 15
острота ума 363
остроумие 363
остроумный 363
острый 15
отдохнуть 272
отдыхать 469
отдыхать с палаткой 440, 469
отец 457
отказник 293
отколоть штуку 65
откровение 487, 488
откровенно говоря 182
открыть 15
отличаться 167
отменять приглашение 469
отмочить штуку 65
отмочить хохму 364
отнюдь 290, 300
отнюдь не 300
отнюдь нет 290, 300
оторопеть 291
отпуск 149
охота была 484
очарован 159
очарование 159
очаровать 154
очевидно 185

очень 158
очень нужно 306

П
папаша 457
пахнет 182
педантичность 459
печь 10
пенять 481, 482
первоапрельская хохма 365
первое <блюдо> 434, 445, 465
пере- 303
перед (предлог) 15, 341, 342
перед тем 320
переднии, *др.-рус.* 343–345
передняя (ср. р. мн. ч.), *др.-рус.* 321, 344
переизбрать 303, 338
перемерзнуть 33
перенести 343
переписать 304
переполнять 85
пересекаться 164, 167
перл 310
перлы остроумия 310
песец 16
печаль 467
печальный 467
печь (глагол) 10
печь (сущ.) 10
пиар 198
плавать 13
плавать на байдарке 440
планировать 201
плевать 227, 228, 302
плевать я хотел 302
плоть и кровь 408
плохо 312
плохо с сердцем 442
по 145, 146, 149–151, 235, 419
по вкусу 274
по заслугам 308
по интересам 325
по мне 274
по ноге 274
по силам 274
по- 93
победить 439
побраниться 164
поверить — верить 201
поверхностный наблюдатель 190
по-видимому 185, 235–240
повстречать 35
погода 290, 307, 310
поголовье 62
под вечер 22
под утро 24–26, 233
подлинный 303
подлость 110
подмазать 490
поднять — опустить 315
подождать 324
подозревать 161
подозрение 153
подозрительный 70
подружка 9
подходит 274
подшутить 364
поездка 16
пожалеть 90
поженить 168
пожениться 35, 168, 168
позавтракать 167, 168
позади 320, 339, 431
позволить себе 80
поздний 22, 23
поздно 22, 23, 333
показаться — казаться 201
покраснеть 467, 468

покупка 364
(я) полагаю 267
получение 145
получить по заслугам 308
польстить 125–129
польщен 128, 129
польщенный 126, 128
помидор 432
помимо 382, 385
помимо воли 382
по-моему 266
понапрасну 147
понять 18
понять — понимать 201
поочередно 40
попрек 481, 482
попрекать 481, 482
попусту 145, 147
попутно 485
порадовать 85–95, 161, 162
порадоваться 85–92, 94
порадоваться вместе 94
порадуй 86, 95
порадуйся 90, 92, 93
по-разному 173, 174
порядка 84
после 320
после полудня 29
последующий 340
послеполуденный 29
поссориться 164, 166, 172
поставить на вид 482
постараться 478
посторонний наблюдатель 190, 191
потакать <чьим-то слабостям> 80
потеря времени 148
потратить 143–146, 149, 150
поумирать 33
поутру 24, 27, 28, 223
походить 419
похож 398, 418
похожий 419
поцеловаться 164, 167
почему-то 94, 182
почти 157
почувствовать — чувствовать 201
пошлость 102, 107–112, 221
пошлый 107, 109, 110, 200, 201, 469, 470
поштучно 61
пошутить 364
пояти, *др.-рус.* 18
правда 99, 137, 467, 487
правда — истина 213
правда-матка 487, 488
практичность 459
пред- 321, 340, 345
преданный без лести 126
предок, предки 320, 342
предмет 72, 73
предполагать 180
представляется 189
предстоять 341
предстоящий 181, 321, 340
предшествовать 339
предшествующий 321, 340
предыдущий 320, 321, 323, 339, 340
прежде 320, 342
прежде всех век 475
прежние князья 344
прежний 320, 342
прелесть 130, 131
прельстить — прельщать 130
премудрость 362
пресловутый 309, 310
при этом 282
приволье 466
пригожий 487, 488
пригубить 429

придираться 133
приемная мать 14
приехать — уехать 315
прийти в состояние 338
прикол 369
прилежный 469
пример 13
примитивный 200
притеснять 466
пришло время 320
приятель 9
про- 304
провести <время> 144, 145, 148–152
провести ночь 143
провести ночь с кем-то 29
проводить время 149–152
прогуливаться 404, 438
пройти 340
пройти мимо 303
пройти насквозь 303
пронесет 245
прослушать доклад 304, 308, 338
просмотреть 304
простор 466
прошедший 320
прошедшее 340
прошлое 320, 344
прямота 459
пустая трата времени 148
пустить 324
пустой 324, 442
путь 81

Р

равняться 164
рад 85
ради хохмы 366
радовать 85, 86, 91, 161
радоваться 85, 86, 90, 91, 94
радостный 85
радость 85, 86, 153
раз- 77, 80–84, 299
разбираться 84
разболтанность 83
разборка 84
разве 226, 227, 371–379, 392
разве только 372
разве что 372–375, 391–393
развестись 166, 169
развеять по ветру 82
разврат 77–83
развратить 83
развратиться 77
развратник 78
развратный 78
развращать 77, 83
развращающий 83
развращенный 77
развязность 83
развѣ, *др.-рус.* 372
разговаривать по телефону 440, 469, 473
разгул 76
разгуливать 81
разделить 94
разделить чью-то радость 94
раздолье 466
раздор 133
разлагать 83
разлагающий 83
разлеживать 81
различаться 167, 168
различный 174
разложение 82, 83
разложить 83
разложить все по полочкам 84
разложиться 83
разлука 197, 200, 204, 205, 213, 219, 482, 483
размах 76, 460

размеренность 459
размораживание 299
размороженный 299
разморозить 299
разморозить систему отопления 299
разнузданность 98
разный 169, 174
разобрать 84
разобраться 84
разочарован 154, 156–162
разочарование 153–162
разочарованный 154, 159
разочаровать 153, 154, 156, 159, 162
разочароваться 153, 156, 159, 162
разочаровывать 158, 159, 161
разум 84
разъедать 81
ранний 23
рано 22, 23
рано радуешься 93
раньше 321
раскаиваться 161
раскраснеться 467, 468
раскупить 33
распад личности 82
распевать 81
распивать чаи 81
распоясаться 83
распустить <вязание, собрание> 81, 82
распуститься 83
распутица 81
распутный 81
распутство 80, 81
распущенность 77, 81–83
распылять <себя> 82
рассеяться 82
рассиживать 81
расслабленность 80
рассредоточенность 80
расставание 213, 482
расставить вещи в комнате 73
расстроен 160
рассудок 84
рассудочность 459
растленное влияние Запада 83
расхаживать 81
расхватать 33
расхлябанность 459
расходовать 146
расчет 84
расчет на авось 244
расчетливость 459
редко 392
резать 60
резать правду 488
решаться 305
решение 145
родной 214, 215, 457
рожа 307
российский 479
рубить <избу, мебель> 317
рубить с плеча 487
ругать 43
ругаться 43
рука 13
русская душа 458
русская лень 481, 485
русский 241, 242, 247, 460, 479
русский авось 241, 489
рядом 171, 172

С

с 25, 52, 135, 209
с вечера 29, 30
с пользой 149
с пяти часов, с понедельника 25
с самого начала 24
с самого утра 24

с толком 149
с утра 22, 24, 25, 29, 223
с утра ничего не ел 25
с утреца 24
с утречка 24
с утра до вечера 25
с- 49, 50, 52, 134, 139
садить 60
салат 451
салатный 450, 451
самовар 471
самомнение 435, 461
самонадеянность 435
самонадеянный 435
сборы 77
свалить все в одну кучу 84
свекровь 13
сверх того 393
светит <что-л. кому-л.> 309
светиться радостью 85
свинство 110, 459
свинья 10, 16, 442
свинячить 442
свобода 81
своего рода 401
связать 49
священная корова 305
сгореть 50
сделаться 26
сделать 50
сдерживать 53
сдор 134
сдорливый 134
сдорный 134
сейчас 104, 185
селедочка 490
семь бед — один ответ 487
семья 36, 42
сердце 442
серьезность 459
сестренка 457
сжечь 50
силы 146
синий чулок 469
скованность 83
скука 352
скучать 483
сладкий 80
сладостный 79
сладострастие 79
сластолюбие 79
следовать за 339
следующий 320, 339, 340, 345
словно 398
сложилось 396, 478
служба быта 102
слямзить 490, 491
смекалка 459, 487, 488
сметка 459
смешные цены 313
смиренiе, *ц.-сл.* 11, 12
смотреть 17
смотреть вперед 341
сноровка 487, 488
со- 42, 52
собираться 76, 77, 286, 201–203, 478, 484
собираться, но так и не собраться 76, 202, 203, 396
соболь 16
собор 77
соборная <церковь> 77
собранность 77, 82
собрать вещи в дорогу 73
собрать вещи с вечера 30
собраться 76, 77, 202
собраться с силами 76
собраться — собираться 201
совестно 128, 219, 485

совместно 40
соврать 102
соединять 166
сожалеть 160, 161
сожаление 153
сократить дорогу 474
сомнение 153
сообща 40
соскучиться 482, 483
сосредоточенность 77, 82
состояние 338
София 362
спать 36, 38
спать <с кем-л.> 36
спесивый 435
спесь 435
спор, *сербск.* 318
спорый 318, 319
справный 487, 488
сразу 282
ссориться 34
ставить телегу впереди лошади 342
сталинизм 471, 472
старая дева 469
старец 487, 488
старость 23
старый Новый год 462
статный 488
стать (глагол) 26
стибрить 490, 491
столичная штучка 68
столкновение 134
сторонний наблюдатель 182, 190, 191
страда 326
страдание 360
странный 70
страх 153, 422, 432, 473
страшно 182
строгать в задор 133
стройный 488
строить дом 33
стянуть 490
субъект 59, 60, 69, 70
судя по всему 235
сумасшедшие цены 312, 313
супруги 36
суррогатная мать 14
схватка 134
схватывать 18
счастье 153
считать 403
считаться 427
сшибка 134
съесть 50
сыграть в шахматы 164
сыграть шутку 364
сынок 457
-ся 34, 85, 91, 94, 95

Т

так 312, 366
так и 30, 76, 202, 203
так и быть 272
так, пустяки 312
тамада 198
текущая неделя 342
тем временем 282
температура 16
теперь 185
теплый 468
терпение 146
терпимый 292
терять 152
терять время 150
тетка 457
течь (о времени) 320
теща 13
тип 59, 60–70

тлетворный 83
товарищ 59, 69, 70
того и гляди 277, 279, 282
только 386
томиться 466
тонкая лесть 126
тонкость 459
торговать 292, 293
торжествовать 85
торопиться 291
тоска 76, 153, 198, 200, 213, 215–219, 347, 349–361
тоска по родине 352
тоскливая тревога 217
тоскливо 217
тосковать 217, 351, 356, 358
тот еще 311
тотчас 282
точно 398
трата времени 146, 148
тратить 143, 145–149, 152
тратить время 147, 148, 150, 151
тратить напрасно 147
тратить нервы 146
тревога 213, 217, 360
тривиальный 108
туша 62
тщательность 459
ты 434
тыкать 434
тянуть что плохо лежит 490

У

у- 307
убедить 439
убогий 469
угораздить 329
угрожающий 213
удалой 97
удалось 396
удаль 76, 97, 98, 102, 200, 459
удалец 97
ударить по рукам 35
удешевлять 439
удивиться 90
удивлен 128
удивлять 161, 162
удовольствие 79, 80, 85, 96
удорожать 439
удрать штуку 65
уже 322, 333, 334
уловить 18, 187
умник 363
умудрить 329
умудриться 329
упасть замертво 331
урод 307
услышал 284
успеть 199, 202, 210, 396
успокаивать 162
утонченность 459
утреннее заседание 29
утречком 24, 223
утро 21–23, 145, 334, 336, 479
утром 22, 24, 27, 29
учудить штуку 65
уют 76, 106

Ф

факт 137
фиговина 68
фланировать 438
фрукт 431, 435

Х

халоймес 438
хамство 459
хаос 82, 83

хапать 18
хахам, *др.-евр.* 363
хватить 60
хлебосольство 459, 465
ходить в кино 38
ходить в школу 37
ходить в поход с палаткой 468
ходить пешком 440
хозяин 292
хозяйственность 459
хороший 306
хотеть 58
хотя 284, 286–288, 393
хохма 362–369
хохмач 363
хохмить 363, 364
хохмочка 363, 366, 368
хохот 363
хохотать 363
хрен 301, 302
хреновина 68, 69, 72
художественный 101
художественный свист 101
худой 17
хула 490

Ц
царство 467
Царство Божие 467
целовать 34
целоваться 34, 36, 37, 43
цорес 368

Ч
чай 13
час ночи 21
час утра 21
часы врут 98
человек 73, 74
черная зависть 490
чесать 60
чест, *болг.* 11
честить 306
честность 459
чопорность 459
что 157, 158, 250
что-то 71, 72
чувствовать 201
чушь 132

Ш
шельма 313
шельмец 314
широта 76, 459
шлимазл 438
штука 59–72
штука не в том, чтобы 65
штукенция 59, 68
штуковина 59–61, 67–69, 71, 72
штучка 59, 68
штучная работа 63
штучный 63
шутка 364, 366

Щ
щедрость 459
щепетильность 457, 485, 486
щепетильный 486

Э
экземпляр 62
экономить 146, 148
экономность 459
эстетическое наслаждение 96
это радует 162
это разврат 78, 79, 80, 83
это разочаровывает 161, 162
эх, была — не была 487

Ю
юродивый 487

Я
я 233, 267, 406, 425
я еще вернусь 226, 231
я думаю 267
я льщу 125
я полагаю 267
я смотрю на это просто 17
явно 235
ягода 431, 432, 435
яко, *ц.-сл.* 404
якобы 404
ярый 12

A
à jamais, *фр.* 301
a modo de, *исп.* 422, 423, 426, 427
à part, *фр.* 382
abandonment, *англ.* 200
Abkürzung, *нем.* 474
absence <from smb.>, *англ.* 204
Absicht haben, *нем.* 201
accablement, *фр.* 216
ache to see, *англ.* 205
ad-, *лат.* 51
ademán, *исп.* 425
adolesco, *лат.* 45
aduno, *лат.* 51
afferare, *ит.* 18
afternoon, *англ.* 29
agony, *англ.* 349, 352, 357
Aha!, *англ.* 226
al parecer, *исп.* 414, 415
algo así como, *исп.* 412, 422
algo parecido, *исп.* 414
aller, *фр.* 201, 203
als ob, *нем.* 416
altercor, *лат.* 45
amour, *фр.* 217
angel, *англ.* 309
angoisse, *фр.* 213, 216, 217, 360
angoisser, *фр.* 216
Angst, *нем.* 474
anguish, *англ.* 349–357
Anstalten machen, *нем.* 484
antipasti, *ит.* 435
anyway, *англ.* 261
anzüglich, *нем.* 470
apology, *англ.* 318
apparent, *англ.* 304, 305
apprehension, *англ.* 351
après-midi, *фр.* 29
arguable, *англ.* 293
ari, *санскр.* 326
arm, *англ.* 13, 198
as if, *англ.* 237, 416
as though, *англ.* 236, 237
assurance, *англ.* 200
au fond de l'âme, *фр.* 214
au fond du coeur, *фр.* 211
au petit bonheur, *фр.* 218
auf gut Glück, *нем.* 479
auf gut Glück, *нем.* 242, 253, 254
auf Gutdünken, *нем.* 242, 253, 254, 479
aufs Geratewohl, *нем.* 242, 253, 254, 479
ausladen, *нем.* 469
außer, *нем.* 383
avec un peu de chance, *фр.* 218, 254
avoir intention, *фр.* 201
awesome, *англ.* 314
awful, *англ.* 314

B
bastard, *англ.* 313
before, *англ.* 321
behind, *англ.* 339

beide, *нем.* 173, 174
being away <from smb.>, *англ.* 204
<j-d> bekam rote Wangen, *нем.* 467
bending, *англ.* 317
beschämen, *нем.* 485
beschränkt, *нем.* 200
besides, *англ.* 382
blassblau, *нем.* 475
blau, *нем.* 475, 476
bleu, *фр.* 475
blues, *англ.* 360
boredom, *англ.* 352, 357
both, *англ.* 173
<j-d> braucht lange bis nach..., *нем.* 483
bravado, *англ.* 200
brethren, *англ.* 224, 225
bro, *англ.* 224
broken heart, *англ.* 358, 359
brother, *англ.* 224, 225
Brückentag, *нем.* 474
bugger, *англ.* 313, 314
but, *англ.* 233
By heavens! *англ.* 260
Byronic spleen, *англ.* 350

C

caedo, *лат.* 50
calco, *лат.* 50
cano, *лат.* 45
capio, *лат.* 48, 49
casi, *исп.* 414, 422, 423
čerstvy chleb, *чеш.* 291
certo, *лат.* 46
challenge, *англ.* 438
chápat, *чеш.* 18
charmant, *фр.* 154
charme, *фр.* 154
chose, *фр.* 72
ciao, *ит.* 318
cierto, *исп.* 426
claudo, *лат.* 51
coacesco, *лат.* 51
coaddo, *лат.* 51
coadjicio, *лат.* 51
coadjuvo, *лат.* 51
coadolesco, *лат.* 45
coaduno, *лат.* 51
coaedifico, *лат.* 49
coaegresco, *лат.* 45
coaestimo, *лат.* 46
coaggero, *лат.* 49
coagmento, *лат.* 47
coalesco, *лат.* 47, 48
coaltercor, *лат.* 45, 53
coassumo, *лат.* 46
coeo, *лат.* 42, 48, 49
coepulor, *лат.* 45
coeur, *фр.* 211
cogo, *лат.* 49
cohonesto, *лат.* 45
collaboro, *лат.* 45
collacrimo, *лат.* 45, 50
collido, *лат.* 47
colligo, collegare, *лат.* 48
colligo, collegere, *лат.* 48
collino, *лат.* 50
colloco, *лат.* 51
collocupleto, *лат.* 50
colloquor, *лат.* 43, 46
colluceo, *лат.* 50
colluctor, *лат.* 47
colludo, *лат.* 45
collugeo, *лат.* 45
collumino, *лат.* 50
colluo, *лат.* 50
collustro, *лат.* 50
collutulento, *лат.* 50
com-, *лат.* 32, 41–49, 52, 54–56

combibo, *лат.* 41, 42, 45, 49
comedo, *лат.* 50
comes, -itis, *лат.* 45
comitor, *лат.* 45
commadeo, *лат.* 50
commalaxo, *лат.* 51
commanduco, *лат.* 50
commaneo, *лат.* 51
commarceo, *лат.* 50
commarcesco, *лат.* 51
commaturesco, *лат.* 50
comme par hasard, *фр.* 275
comme si, *фр.* 416
commemini, *лат.* 51
commemoro, *лат.* 42, 51
commeo, *лат.* 51
commetior, *лат.* 50
commilito, *лат.* 45
commino, *лат.* 48
comminuo, *лат.* 51
commisceo, *лат.* 42, 49
commitigo, *лат.* 51
committo, *лат.* 42, 48
commolior, *лат.* 51
commoneo, *лат.* 51
commonstro, *лат.* 51
commordeo, *лат.* 50
commorior, *лат.* 45, 47
commoveo, *лат.* 51
commulceo, *лат.* 51
commulco, *лат.* 50
commultiplico, *лат.* 47
commundo, *лат.* 50
communio, *лат.* 50
commuto, *лат.* 51
como, *исп.* 415, 422, 426
como si, *исп.* 416–418, 422, 426
compaciscor, *лат.* 51
compalpo, *лат.* 51
comparco, *лат.* 51
compareo, *лат.* 51
comparo, *лат.* 51
compasco, *лат.* 42, 45
compassio, *лат.* 42
compatior, *лат.* 45
compavesco, *лат.* 51
compecco, *лат.* 45
compello, *лат.* 48
compendo, *лат.* 46
compenso, *лат.* 46
competo, *лат.* 44, 45
compingo, *лат.* 48
complaceo, *лат.* 51
complector, *лат.* 49
compleo, *лат.* 42
complico, *лат.* 51
comploro, *лат.* 45
compono, *лат.* 48
comporto, *лат.* 48
comprehendo, *лат.* 18, 48, 49, 53
comprendre, *фр.* 18
comprimo, *лат.* 48, 49, 51
comprimo, *лат.* 49, 51
compugno, *лат.* 44, 47, 50
compurgo, *лат.* 50
computresco, *лат.* 51
comunque, *ит.* 284
concaco, *лат.* 50
concado, *лат.* 45
concalefacio, *лат.* 51
concaleo, *лат.* 50
concelebro, *лат.* 50
concelo, *лат.* 50
concerto, *лат.* 46
concido, *лат.* 50
concino, *лат.* 45
concipio, *лат.* 48, 49
conclamo, *лат.* 45, 50

concludo, *лат.* 51
concoquo, *лат.* 46, 51
concredo, *лат.* 50
concremo, *лат.* 50
concrepo, *лат.* 50
concresco, *лат.* 49
conculco, *лат.* 50
concumbo, *лат.* 43
concupisco, *лат.* 51
concurro, *лат.* 42, 47, 48
concutio, *лат.* 50
condecet, *лат.* 51
condecoro, *лат.* 50
condelector, *лат.* 51
condeliquesco, *лат.* 50
condisco, *лат.* 45, 50
condo, *лат.* 48
condoléance, *фр.* 42
condolesco, *лат.* 42, 45, 50
conduco, *лат.* 48
confero, *лат.* 48
confessor, *англ.* 293
conficio, *лат.* 50
confidence, *англ.* 200
configo, *лат.* 48
conflagro, *лат.* 50
confligo, *лат.* 43, 48
confloreo, *лат.* 46
confluo, *лат.* 48
confound it, *англ.* 262
confutuo, *лат.* 43
conhibeo, *лат.* 53
conmastico, *лат.* 50
conmoror, *лат.* 51
connaître, *фр.* 213
connecto, *лат.* 42, 49
connecto, *лат.* 49
conspiro, *лат.* 45
consto, *лат.* 47
convivo, *лат.* 57
couldn't care less, *англ.* 298
craving, *англ.* 351
crazy, *англ.* 313
credo, *лат.* 50
crepo, *лат.* 50
cubo, *лат.* 43
cum, *лат.* 44, 46–48, 50

D

das kannst du glauben, *нем.* 264
déception, *фр.* 154, 157
décevoir, *фр.* 154, 155
decipio, *лат.* 155
déçu, *фр.* 154
dejectedly, *англ.* 352
dejection, *англ.* 349, 352
depressed, *англ.* 351, 352
depression, *англ.* 349– 352, 357
déprime, *фр.* 216
déprimé, *фр.* 216
désenchantement, *фр.* 154, 155
désenchanter, *фр.* 154
desengaño, *исп.* 155, 157
desilusión, *исп.* 155
désolé, *фр.* 216
despair, *англ.* 350, 356, 357
despondency, *англ.* 349, 352
después, *исп.* 181
détresse, *фр.* 360
devoir, *фр.* 264
disappointed, *англ.* 155, 157, 160
disappointed that, *англ.* 158
disappointment, *англ.* 155–157, 160, 162
disillusion, *фр.* 155
disillusione, *ит.* 155
disillusionment, *англ.* 155
disinganno, *ит.* 155, 157
dismay, *англ.* 349, 352

distress, *англ.* 349, 350, 352, 357
dolce far niente, *ит.* 481
doubtless, *англ.* 265
douleur, *фр.* 216
drauf und dran sein, *нем.* 484
Drohrede, *нем.* 121
du hast mir gefehlt, *нем.* 483

E
effrontery, *англ.* 200
einig, *нем.* 177
Einiges Russland, *нем.* 177
éloignement, *фр.* 204
en avoir gros sur le coeur, *фр.* 214
en aparencia, *исп.* 422, 423
en dehors de, *фр.* 382
en même temps, *фр.* 282
endlich geschafft, *нем.* 483
ennui, *фр.* 360
ennuyer, *фр.* 216
ensemble, *фр.* 39
enthusiasm, *англ.* 352
Enttäuschung, *нем.* 155, 157
epulor, *лат.* 45
especie de, *исп.* 414, 422
espérer, *фр.* 218, 252, 254
être séparé, *фр.* 204
évidemment, *фр.* 264
evidente, *исп.* 414
except perhaps, *англ.* 373
excruciating feelings, *англ.* 359
extraviarse, *исп.* 423

F
Fahlblau, *нем.* 475
faire le pont, *фр.* 475
fast, *англ.* 319
fatalism, *англ.* 247
faule Kompromisse, *нем.* 472
fearless, *англ.* 200
feats, *англ.* 200
feria, *ит.* 324
feriale, *ит.* 324
ferie, *ит.* 324
fiction, *англ.* 178
flâner, *франц.* 438
fligo, *лат.* 43, 47
for sure, *англ.* 262
forerunner, *англ.* 321
forward, *англ.* 321
fou, *фр.* 313
friend, *англ.* 225
fun, *англ.* 438
für den Fall, *нем.* 242, 253, 254
für den Fall der Fälle, *нем.* 479

G
Geeintes Russland, *нем.* 177
gegen-, *нем.* 54
Gegenkraft, *нем.* 54
Gegenleistung, *нем.* 54
Gegenmaßnahme, *нем.* 54
gelingt es, *нем.* 251
gelt, *нем.* 264
Genie, *нем.* 476
gerade dabei sein, *нем.* 484
geschmacklos, *нем.* 200
getrennt, *нем.* 483
gewiss, *нем.* 251
gewöhnlich, *нем.* 200
giorno feriale, *ит.* 324
gloom, *англ.* 355, 359
gloom and despondency, *англ.* 356
gloom and pain, *англ.* 359
Glück, *нем.* 251
gönnen, *нем.* 197, 458
good-bye, *англ.* 205
gran, *англ.* 199

grand-mère, *фр.* 199
grand-mother, *англ.* 199
granny, *англ.* 199
grief, *англ.* 349, 350, 357
grief of losing, *англ.* 205
Großmutter, *нем.* 199

H

had never done so, *англ.* 203
had never quite got to the point of doing it, *англ.* 203, 204
hand, *англ.* 13, 198
<j-d> hat es bis nach... endlich geschafft, *нем.* 483
Have a good night, *англ.* 143
heart, *англ.* 358, 359
heiß, *нем.* 468
hellblau, *нем.* 475
her, *нем.* 336
het, *шведск.* 468
hilfreich, *нем.* 458
hilfsbereit, *нем.* 458
himmelblau, *нем.* 475
hin, *нем.* 336
hoffen, *нем.* 252
home-sickness, *англ.* 352
honesto, *лат.* 45
hopefully, *англ.* 252
hôte, *фр.* 292
hvatati, *хорв.* 18
hypocondrie, *фр.* 216

I

I am sure, *англ.* 261
I bet, *англ.* 261, 265
I bet you, *англ.* 265, 266
I can't believe, *англ.* 227
I dare say, *англ.* 261, 262, 265, 266
I don't care , *англ.* 227
I don't doubt, *англ.* 265
I don't suppose, *англ.* 261
I expect, *англ.* 261, 262
I feel sick with depression, *англ.* 351
I hope, *англ.* 252
I reckon, *англ.* 265
I suppose, *англ.* 261, 262, 265
I warrant, *англ.* 262
Ich habe dich vermisst, *нем.* 483
idées noires, *фр.* 216
if it must be so, it must, *англ.* 238
I'll be back, *англ.* 226
I'll be bound, *англ.* 261, 262
I'll be seeing you, *англ.* 234
I'll bet, *англ.* 261
I'll come back, *англ.* 234
illudo, *лат.* 155
im Dunkel, *нем.* 332
in a way, *англ.* 143
in the dark, *англ.* 331
in the following weeks, *англ.* 339
in the hope, *англ.* 252
in the morning, *англ.* 223
in the preceeding weeks, *англ.* 339
in the weeks ahead of us, *англ.* 339
indifférence, *фр.* 404
indigo, *нем.* 475
inquétude, *фр.* 216
ins Blaue hinein, *нем.* 242, 253, 254, 479
interesse, *лат.* 325
it disappoints, *англ.* 158
it is disappointing, *англ.* 158, 162
It may be a little painful, *англ.* 438
It won't hurt, *англ.* 437

J

Jahrhundert, *нем.* 475
jamais, *фр.* 301
Joulupukki, *финск.* 462

K
kako da, *македон.* 396
keine Angst, *нем.* 264
keine Bange, *нем.* 264
keine Lust, *нем.* 484
keine Sorge, *нем.* 264
kiebitzen, *нем.* 452
kind of, *англ.* 396
kingdom, *англ.* 467
Kingdom of God, *англ.* 467
kitschig, *нем.* 200, 470
kobaltblau, *нем.* 475
krasny, *в.-луж.* 17
krasny, *польск.* 17
krasny, *словац.* 17
krásný, *словен.* 17
kšasny, *н.-луж.* 17

L
lacrimo, *лат.* 50
łączyć, *польск.* 317
languor, *англ.* 358
later, *англ.* 233
lau, *нем.* 468
leaving, *англ.* 204
let's hope, *англ.* 252
liberté, *фр.* 211
lido, *лат.* 47
likely, *англ.* 265
lino, *лат.* 50
list, *др.-герм.* 124
litość, *польск.* 315
lítost, *чеш.* 198, 315
locuples, *лат.* 50
loneliness, *англ.* 358
lonely, *англ.* 358
lonesome, *англ.* 358
longing, *англ.* 357
loquor, *лат.* 43, 46
loučiti, *чеш.* 317
louer, *фр.* 292
luctor, *лат.* 47
lutulentus, *лат.* 50

M
Madame! *фр.* 433
Mädels, *нем.* 469
mag sein, *нем.* 251, 480
malheur, *фр.* 213
manduco, *лат.* 50
mastico, *лат.* 50
matin, *фр.* 21, 29
maybe, *англ.* 244
melancholy, *англ.* 355, 357
mélancolique, *фр.* 216
menaçant, *фр.* 213
metior, *лат.* 50
miserable, *англ.* 352, 353
misery, *англ.* 349, 352, 353, 355
misgivings, *англ.* 349
mit-, *нем.* 32, 39, 42, 52, 54–56, 485
Mitangeklagte, *нем.* 55
mitarbeiten, *нем.* 54, 55
Mitautor, *нем.* 55
Mitbegründer, *нем.* 55
mitbekommen, *нем.* 55
mitbenutzen, *нем.* 55
Mitbesitz, *нем.* 55
Mitbestimmung, *нем.* 55
mitbringen, *нем.* 55
Mitbürger, *нем.* 55
mitdenken, *нем.* 54, 55
mitempfinden, *нем.* 55
mitentscheiden, *нем.* 55
miterleben, *нем.* 55
Mitesser, *нем.* 55
mitfahren, *нем.* 55
mitfliegen, *нем.* 55

mitfühlen, *нем.* 55
mitführen, *нем.* 55
mitgeben, *нем.* 56
Mitgefangene, *нем.* 55
mitgehen, *нем.* 55
mithalten, *нем.* 55
mithelfen, *нем.* 55
Mitherausgeber, *нем.* 55
Mithilfe, *нем.* 55
mithören, *нем.* 55
mitkämpfen, *нем.* 55
mitklingen, *нем.* 55
mitkommen, *нем.* 55
mitlachen, *нем.* 55
mitlaufen, *нем.* 55
Mitleid, *нем.* 42
mitleiden, *нем.* 55
mitlesen, *нем.* 55
mitmachen, *нем.* 55
Mitmensch, *нем.* 458
mitmischen, *нем.* 55
mitnehmen, *нем.* 56
mitrechnen, *нем.* 55
mitreden, *нем.* 55
mitschicken, *нем.* 55
mitschreiben, *нем.* 55
Mitschuld, *нем.* 55
Mitschüler, *нем.* 55
mitsingen, *нем.* 55
mitspielen, *нем.* 54
mitsprechen, *нем.* 54, 55
mitstenografieren, *нем.* 55
mittun, *нем.* 55
mitübernehmen, *нем.* 55
mitwählen, *нем.* 55
mitwirken, *нем.* 55
mitzählen, *нем.* 55
mitziehen, *нем.* 55, 56
möglicherweise, *нем.* 251
mope, *англ.* 359
Morgen, *нем.* 31, 479
morior, *лат.* 47
morning, *англ.* 21
mosceo, *лат.* 49
mother-in-law, *англ.* 13
multiplico, *лат.* 47
must, *англ.* 261, 262

N

Nachmittag, *нем.* 29, 31
natürlich, *нем.* 264
necto, *лат.* 49
nefandum, *лат.* 135
never fear, *англ.* 261, 262
next time, *англ.* 233
niedzela, *польск.* 324
nippen, *нем.* 429
niveaulos, *нем.* 200
no doubt, *англ.* 261, 262, 265
no fear, *англ.* 261, 262
noch nicht dazu gekommen, *нем.* 203, 294
not seeing him soon again, *англ.* 205
not unpacked, *англ.* 298

O

odor, *англ.* 307
of course, *англ.* 265
offense, *англ.* 217
Oh, *англ.* 230
ohne Plan, *нем.* 242, 253, 254, 479
olkipukki, *финск.* 462
Oma, *нем.* 199
on (ne) sait jamais, *фр.* 210, 218, 254
one in the morning, *англ.* 21
orange, *нем.* 475
ordinär, *нем.* 200, 470
original, *англ.* 325
out, *англ.* 317

overlook, *англ.* 304
oversight, *англ.* 304

P
pack — unpack, *англ.* 317
packed, *англ.* 296, 317
paddeln, *нем.* 469
pango, *лат.* 48
parecer, *исп.* 398, 413–415, 419, 422, 426
paresse, *фр.* 481
pasco, *лат.* 45
patior, *лат.* 45
peinlich, *нем.* 485
perhaps, *англ.* 244, 245, 252, 265
person, *англ.* 71–74
personne, *фр.* 301
peut-être, *фр.* 218, 254, 255
Philister, *нем.* 476
pièce de résistance, *фр.* 65
planlos, *нем.* 242, 253, 254, 479
ploro, *лат.* 45
plus, *фр.* 301
pojmować, *польск.* 18
pomeriggio, *ит.* 29
poor bugger, *англ.* 314
por vía de, *исп.* 422
pouvoir, *фр.* 254
premo, *лат.* 51
priceless, *англ.* 312
pride, *англ.* 308
primi piatti, *ит.* 434
primitiv, *нем.* 200
privation, *фр.* 204
prix fous, *фр.* 313
probably, *англ.* 265
prolongarse, *исп.* 423
proud, *англ.* 308
prowess, *англ.* 200
pugno, *лат.* 47, 50

Q
quasi, *нем.* 396
quatio, *лат.* 50

R
radeln, *нем.* 469
rage, *англ.* 352
re-, *лат.* 54
recklessness, *англ.* 200
recordar, *исп.* 181
remitir, *исп.* 423
restlessness, *англ.* 349, 352
rien, *фр.* 301
rodeln, *нем.* 469
roman de moeurs, *фр.* 102
rot, *нем.* 475

S
s'apprêter à, *фр.* 201
s'ennuyer, *фр.* 216
sacré, *фр.* 314
sacré menteur, *фр.* 314
sad, *англ.* 467
sadly, *англ.* 352
sadness, *англ.* 350, 352, 357, 467
saisir, *фр.* 18
sans <+ inf.>, *фр.* 211
sans doute, *фр.* 264
sans toi, *фр.* 204
saudade, *порт.* 198
savoir, *фр.* 213
Schadenfreude, *нем.* 198
schlüpfrig, *нем.* 470
schon, *нем.* 251, 264
se préparer à, *фр.* 201
se proposer, *фр.* 201
se quitter, *фр.* 204
se séparer, *фр.* 204
séance de l'après-midi, *фр.* 29

séance du matin, *фр.* 29
Sehnsucht, *нем.* 360
self-glorifying, *англ.* 490
sentir, *исп.* 420, 424
separation, *англ.* 204
séparation, *фр.* 204, 213
severance, *англ.* 204
shelled, *англ.* 317
sich anschicken, *нем.* 484
sich aussperren, *нем.* 470
sich ein Herz fassen, *нем.* 484
sich melden, *нем.* 197
sicher, *нем.* 264, 269
sincerely, *англ.* 451
sincerely yours, *англ.* 434
sincerity, *англ.* 352
sinking, *англ.* 359
sinking heart, *англ.* 358
so geschäh' es niemals, *нем.* 204
so Gott will, *нем.* 251
soldadura, *исп.* 423
someone, *англ.* 71, 74
something, *англ.* 71, 74
sorrow, *англ.* 350
sort of, *англ.* 396
soul, *англ.* 208
Spießbürger, *англ.* 476
squat, *англ.* 301
still, *англ.* 297
sto, *лат.* 47
suffering, *англ.* 350, 352
sûr que, *фр.* 264
sûrement, *фр.* 264
swear words, *англ.* 313
sweet, *англ.* 80

T

taille unique, *фр.* 176
telefonieren, *нем.* 469
terrific spectacle, *англ.* 314
terrific, *англ.* 314
thing, *англ.* 71–74
this something, *англ.* 71, 72
tiefblau, *нем.* 475
time, *англ.* 151, 152
to allege, *англ.* 487
to be absent <from smb.>, *англ.* 204
to be disappointed, *англ.* 155
to be going to, *англ.* 201
to be parted <from smb.>, *англ.* 204
to be planning to, *англ.* 201
to be separated <from smb.>, *англ.* 204
to bore, *англ.* 352
to catch, *англ.* 18
to confess, *англ.* 293
to disappoint, *англ.* 155
to do a good thing, *англ.* 72
to fail, *англ.* 296
to float, *англ.* 13
to grasp, *англ.* 18
to have a good time, *англ.* 151
to hope, *англ.* 252
to intend to, *англ.* 201
to long, *англ.* 357, 358
to look forward, *англ.* 341
to love, *англ.* 143
to neglect, *англ.* 296
to pack, *англ.* 296, 298
to pass, *англ.* 151, 152
to pass a day / a night, *англ.* 151
to pass time, *англ.* 150
to plan to, *англ.* 201
to sail, *англ.* 13
to shell, *англ.* 317
to skin, *англ.* 317
to spend, *англ.* 143, 144, 151, 152
to spend the night, *англ.* 143
to spend night with somebody, *англ.* 143

to spend time, *англ.* 150, 151
to suffer, *англ.* 349, 352
to swim, *англ.* 13
to unpack, *англ.* 296, 317
to unshell, *англ.* 317
to wait, *англ.* 233
to want, *англ.* 58
to warn, *англ.* 233, 234
to waste, *англ.* 152
to waste time, *англ.* 150, 151
to wish, *англ.* 58
to yearn, *англ.* 205
together, *англ.* 39
tomorrow, *англ.* 233
toujours, *фр.* 203
tourment, *фр.* 216
Trennung, *нем.* 204, 482, 483
tristesse, *фр.* 360
trivium, *лат.* 108
trouble, *англ.* 349
trouver le temps, *фр.* 199
truth, *англ.* 198
türkisblau, *нем.* 475

U

un poco, *исп.* 414
un tanto, *исп.* 410, 414
un-, *англ.* 296, 298, 317
unbending, *англ.* 317
undefined longing, *англ.* 358
une heure du matin, *фр.* 21
unhappiness, *англ.* 350
unlustig, *нем.* 484
United Kingdom, *англ.* 467
United Russia, *англ.* 177
unpacked, *англ.* 296, 297, 298, 317
unshell, *англ.* 317
unshelled, *англ.* 317
uroda, *польск.* 307

V

varj, *санскр.* 316
veilchenblau, *нем.* 475
Vereinigtes Russland, *нем.* 177
Vereintes Russland, *нем.* 177
verité, *фр.* 213
vermisst, *нем.* 483
vielleicht, *нем.* 251, 252, 264
violence, *англ.* 200, 205
vor, *нем.* 336
vorhaben, *нем.* 201
vorhalten, *нем.* 481
Vorhaltung, *нем.* 481, 482
Vormittag, *нем.* 31
vorwerfen, *нем.* 482
Vorwurf, *нем.* 482
vouloir, *фр.* 201, 203
vulgär, *нем.* 200, 470

W

Wahrheit, *нем.* 467
wahrscheinlich, *нем.* 269
Wall, *нем.* 11
wander, *нем.* 476
warm, *нем.* 468
warm, *шведск.* 468
was kann man wissen, *нем.* 251
washed out, *англ.* 400
Wasser, *нем.* 468
week, *англ.* 324
weekday, *англ.* 324
Weltflucht, *нем.* 476
wenn was ist, *нем.* 242, 253, 254, 479
wer weiß, *нем.* 251, 252
wise, *англ.* 363
wissen, *нем.* 363
wit, *англ.* 363
Witz, *нем.* 363
woe, *англ.* 349

wohl, *нем.* 251, 264
wollen, *нем.* 201
worried, *англ.* 352
wretchedness, *англ.* 349, 352

Y
yearning, *англ.* 349, 350, 351, 352, 357, 358
you bet, *англ.* 262

Z
zelten, *нем.* 468, 469, 473
zukommen, *нем.* 340
Zukunft, *нем.* 340
zusammen-, *нем.* 39, 52, 54, 56
zusammenarbeiten, *нем.* 56
zusammenbacken, *нем.* 56
zusammenballen, *нем.* 56
zusammenbeißen, *нем.* 56
zusammenbleiben, *нем.* 56
zusammenbrechen, *нем.* 56
zusammendrehen, *нем.* 56
zusammenfallen, *нем.* 56
zusammenfegen, *нем.* 56
zusammengehören, *нем.* 56
zusammenhängen, *нем.* 56
zusammenlassen, *нем.* 56
zusammenmischen, *нем.* 56
zusammenpacken, *нем.* 56
zusammenpassen, *нем.* 56
zusammenschießen, *нем.* 56
zusammenschlagen, *нем.* 56
zusammenstoßen, *нем.* 56
zusammenstürzen, *нем.* 56
zusammentragen, *нем.* 56
zusammenwirken, *нем.* 56
zusammmenleben, *нем.* 56

ἀγορέυω 53
ἀγωνίζομαι 53
ἀνταγωνίζομαι 53
ἀνταδικέω 54
ἀνταναιρέω 54
ἀνταποκτείνω 54
ἀντεθνοέω 54
ἀντεπιθυμέω 54
ἀντεράω 54
ἀντευκαλέω 54
ἀντι- 44, 53, 54
ἀντιαιδέομαι 53
ἀντιβάλλω 54
ἀντιδεξιόομαι 53
ἀντιδημαγωγέω 54
ἀντιδιαβάλλω 54
ἀντικακοθργέω 54
ἀντικαταθνήσκω 54
ἀντικαταλαμβάνω 54
ἀταμείβομαι 53
εἰρήνη 12
καταλαμβάνω 18
μεταφορά 15
ὀπίσω 344
σοφία 362
συν- 52, 53
συγγελάω 52
συγγεωργέω 52
συγγιγνώσκω 52
συγγνορίζω 53
συγκαθαγίζω 53
συγκαθείργω 53
συγκαθεύδω 53
συγκαθίστημι 53
συγκαταγηράσκω 53
συναγορέυω 53
συναιρέω 53
συναλγέω 53
συναναπλέσκω 53
συναποτελέω 53
συνάπτω 53

συναριθμέω 53
συναρμόζω 53
συναρπάζω 53
συναρχαιρεσιάζω 53
συνάρχω 52
συνασπιδόω 53
συνάχθομαι 53
συνδακρύω 52
συνδεκάζω 53
συνδέω 53
συνειμί 52
συνεκθνήσκω 52
συνελαύνω 53
συνεξομοιόω 53
συνέρχομαι 53
συνέχο 53
συνίστημι 53
συντρέχω 53
συρράπτω 53
συρράσσω 53
συρρέω 53
συσπάω 53
ταπεινὸς 11, 12
ταπείνωσις 11, 12

Научное издание

Анна Андреевна Зализняк
Алексей Дмитриевич Шмелев

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ И КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ

Подписано в печать 16.04.2021 Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная Гарнитура Maecentas
Усл. печ. л. 44,5 Тираж 300 Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: +7 495 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru